ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КАРЛА МАРКСА

Государственное издательство политической литературы
Москва · 1963

3К14
И32

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание является продолжением ранее выпущенных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сборников статей «Из истории формирования и развития марксизма» (1959 г.) и «Из истории марксизма» (1961 г.). Институт и впредь предполагает выпускать аналогичные издания по мере накопления исследовательского материала и его научной обработки. Данная книга является третьей в этой серии.

Всестороннее изучение истории марксизма и его великой исторической роли в международном рабочем движении приобретает особую актуальность в наши дни — в эпоху развернутого строительства коммунизма в Советском Союзе и превращения социалистической системы в решающий фактор развития всего человечества. Исторические решения XXII съезда КПСС, принятая на съезде величественная Программа построения коммунистического общества в еще более ярком свете раскрывают огромное значение бессмертных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, их борьбы за торжество коммунистических идей.

Особые обязанности на историков марксизма налагает необходимость преодоления вредных последствий разоблаченного Коммунистической партией Советского Союза культа личности Сталина. Принижение и неверная оценка Сталиным отдельных трудов и ряда сторон деятельности Маркса, Энгельса, Ленина неблагоприятно сказались также и на развитии научных исследований в области истории марксизма. Необходимо углубить

и расширить фронт исследований в этой области, критически пересмотреть бытовавшие в период культа личности Сталина догматические и субъективистские положения, освободить от них историю марксистского учения и международного рабочего движения.

История марксизма является объектом постоянных фальсификаторских поползновений со стороны представителей реакционной буржуазной идеологии, апологетов империализма. В этой области с особой остротой стоит задача разоблачения современных антимарксистов, реформистов и ревизионистов, пытающихся исказить историю и существо марксистского учения и использовать свои фальсификаторские измышления в целях антикоммунистической и, в частности, антисоветской пропаганды. Чрезвычайно важное значение имеет также борьба против догматически-сектантского истолкования истории и теории марксизма-ленинизма.

Решение этих задач требует значительных творческих усилий от работников, занимающихся исследованием истории марксизма и международного рабочего движения, координации их труда, сотрудничества с зарубежными исследователями-марксистами. Составители и авторы данного сборника ставят своей целью внести некоторый вклад в разработку указанных проблем, в первую очередь осветить на новых материалах сравнительно малоизученные стороны теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса.

Публикуемые в настоящем издании статьи, как и работы, вошедшие в упомянутые предыдущие сборники, основаны на исследовании трудов основоположников марксизма, их рукописного наследства, документов международного рабочего движения, материалов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), современной Марксу и Энгельсу рабочей и демократической печати. В ряде статей дается анализ использованных источников и содержится краткий историографический обзор литературы по изучаемой проблеме, включающий критику антимарксистских и реформистских работ.

Общей задачей сборника является раскрытие некоторых важных сторон развития составных частей маркси-

стского учения, освещение на отдельных конкретных примерах истории распространения идей научного коммунизма в международном рабочем движении XIX века и борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию.

Обзорная статья, которой открывается сборник, характеризует современное состояние научного исследования ряда проблем истории формирования марксистской философии. Статья опровергает измышления буржуазных «марксологов», стремящихся исказить генезис и сущность марксизма, в частности путем недобросовестного и искусственного противопоставления ранних произведений Маркса его вполне зрелым работам, и пытающихся представить дело так, будто марксистские исследователи не проявляют интереса к молодому Марксу. В то же время в статье показано, что плодотворное изучение этих проблем исследователями-марксистами как в СССР, так и за рубежом ведется на основе серьезных творческих дискуссий. При этом выводы самого автора статьи отнюдь не рассматриваются редакцией как окончательное решение спорных вопросов, подлежащих еще углубленному исследованию.

Специальная статья посвящена экономическим рукописям Маркса 1857—1858 годов. Эти богатейшие по своему содержанию рукописи еще недостаточно изучены и на русском языке пока еще целиком не изданы. В статье показано их место в формировании марксистской политической экономии, в разработке Марксом его экономического учения. Особый интерес представляет анализ тех положений рукописи, которые позднее по тем или иным причинам не получили своего развития в томах «Капитала».

Материал, проливающий дополнительный свет на роль Маркса и Энгельса как основоположников марксистской исторической науки, содержит статья, посвященная их взглядам на историю Ирландии в XVIII веке. Этот материал показывает также, с какой страстностью Маркс и Энгельс, изучая историю «первой английской колонии», обличали колониальную систему капитализма.

Ряд статей освещает деятельность Маркса и Энгельса как вождей международного пролетарского движения, тесно связанных с передовыми представителями рабочего

класса в разных странах. В сборнике показана, в частности, та энергичная поддержка, которую Маркс и Энгельс оказали революционным чартистам в их борьбе за созыв Рабочего парламента в Англии в 1854 году. На примере биографии активного деятеля Союза коммунистов, видного врача А. Якоби показано влияние учения Маркса на представителей передовой революционной интеллигенции. В этом биографическом очерке приводятся новые данные о пропаганде марксизма в 40-е и 50-е годы XIX века в Германии и США.

В сборнике получила отражение история Первого Интернационала — первой международной массовой пролетарской организации, созданной и руководимой Марксом и Энгельсом. В статьях, вошедших в сборник, раскрыта история создания Марксом ряда программных документов Международного Товарищества Рабочих, освещены важные страницы в истории борьбы Маркса и Энгельса против реформистских и сектантских элементов в Интернационале, в том числе против героев левой фразы — анархистов. На основе откликов на первый том «Капитала» в рабочей и демократической печати показано распространение экономического учения Маркса среди рабочего класса и передовой интеллигенции в годы Интернационала. Специальное внимание уделено деятельности Маркса и Энгельса в Генеральном Совете Интернационала в 1871—1872 гг., обобщению и пропаганде основоположниками марксизма в этот период всемирно-исторического опыта Парижской Коммуны, разработке и защите ими важнейших программных и организационных принципов рабочего движения. Благодаря этим усилиям Маркса, Энгельса и их соратников международное рабочее движение достигло более высокой ступени идейной и организационной зрелости, была закреплена победа марксизма над сектантскими течениями, созданы предпосылки для основания марксистских пролетарских партий в отдельных странах.

В свете новой Программы КПСС значительный интерес представляет история борьбы Маркса и Энгельса за разработку программных документов не только международного рабочего движения, но и пролетарских партий отдельных стран. Роль Маркса и Энгельса в создании

марксистской программы Рабочей партии Франции, основанной в 1879 г., освещена в специальной статье на эту тему. В сборнике уделено внимание борьбе Энгельса за интернациональное сплочение социалистических партий на программных и тактических основах марксизма в начальный период деятельности Второго Интернационала. Статья, посвященная истории распространения марксизма в Ирландии и деятельности в конце XIX в. выдающегося ирландского пролетарского революционера Дж. Конноли, иллюстрирует мысль о важности творческого применения марксистского учения к конкретным условиям каждой страны, о плодотворной роли этого учения при решении задач не только пролетарского, но и национально-освободительного движения.

Настоящий коллективный труд выпускается в связи с исполнившейся 5 мая 1963 года 145 годовщиной со дня рождения Карла Маркса.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Е. П. КАНДЕЛЬ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В любой отрасли человеческих знаний время от времени возникает потребность обозреть ее прошлое историческое развитие, осмыслить существующее различие мнений, состояние разработки данной отрасли науки. Это в полной мере относится и к такой области науки, как история марксизма, ее философии.

Хотя исследования по истории возникновения марксизма были начаты около столетия тому назад, многие проблемы этой истории продолжают оставаться и в настоящее время предметом острых споров и самых разноречивых суждений.

История марксизма — это не сфера академических изысканий, а поле острой идеологической борьбы между сторонниками и противниками социализма. Извращение генезиса марксизма является в настоящее время одним из существенных выражений антикоммунизма. При всем разнообразии буржуазных и реформистских точек зрения по отдельным вопросам истории формирования марксизма общим является стремление извратить последовательно-революционный характер мировоззрения Маркса, представив его как идеалистическо-этическое учение, смазать его принципиальное отличие от системы взглядов идейных предшественников Маркса — Гегеля, Фейербаха и др.

Яростные атаки на марксистское учение буржуазных и реформистских критиков марксизма вызывают отпор всех прогрессивных ученых, работающих в области истории марксистской мысли. Однако до недавнего времени

исследования советских ученых в области генезиса марксизма носили печать вредного влияния культа личности И. В. Сталина на развитие общественных наук. Связанные ошибочными высказываниями Сталина, многие советские исследователи невольно становились на путь упрощенчества и подмены самостоятельных выводов подбором цитат. Во многих книгах, статьях, диссертациях по истории формирования марксизма воспроизводились неправильные указания Сталина об идейных предшественниках марксизма (Гегеле, Фейербахе, социалистах-утопистах и т. д.), превратно трактовалось содержание и значение отдельных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, неверно определялись этапы формирования их взглядов. Решения XX и XXII съездов КПСС, создавшие благоприятные условия для развития всех общественных наук, открыли широкие горизонты и для разработки вопросов истории формирования марксистской мысли. Советские исследователи, вооруженные этими историческими решениями, отбросили антинаучные догмы, сковывавшие их творческие усилия.

За последние годы в Советском Союзе и в других социалистических странах (в Болгарии, ГДР, Польше и др.) были опубликованы многочисленные статьи и исследования, посвященные формированию и развитию марксизма, а также критике его буржуазных и реформистских фальсификаторов, разоблачению буржуазных и реформистских фальсификаций истории марксизма. В разработку отдельных проблем генезиса марксизма, формирования взглядов молодого Маркса немалый вклад внесли итальянские и французские марксисты.

Необычайно расширился фронт исследователей, круг изучаемых проблем. Вместе с тем и среди исследователей-марксистов, являющихся единомышленниками по своему мировоззрению и пользующихся единой подлинно научной методологией, обнаруживается известное расхождение в оценке отдельных моментов в истории формирования марксизма. Причиной этого является отнюдь не отступление того или иного исследователя от марксистской методологии. Различие в мнениях в данной области объясняется сложностью самого предмета исследования, неразработанностью отдельных проблем

истории марксизма, недостаточностью материалов, характеризующих ранний период становления взглядов Маркса и Энгельса. Некоторые вопросы прямо нуждаются во всестороннем обсуждении, в выявлении и сопоставлении научных мнений, высказанных в связи с уже достигнутыми в их изучении результатами.

В силу этого заслуживает самого горячего одобрения инициатива, проявленная французским марксистским журналом «Recherches Internationales à la lumière du marxisme», организовавшим на своих страницах своеобразный международный коллоквиум по проблемам генезиса марксизма. Девятнадцатый номер этого журнала, специально посвященный молодому Марксу[1], и отклики, появившиеся в связи с выходом его в свет, позволяют довольно широко обозреть спорные проблемы истории формирования марксизма, дают правильную ориентацию в той борьбе, которая происходит между врагами марксизма и марксистскими исследователями, а также в тех научных спорах, которые ведутся по некоторым вопросам в кругу самих марксистских ученых.

Темой девятнадцатого номера «Recherches Internationales» является ряд проблем генезиса марксизма, а именно вопросы об отношении Маркса к Гегелю, материализма к идеализму, об интерпретации «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и ее важнейшей категории — отчуждения труда. Все эти вопросы получили всестороннее освещение в опубликованных в журнале материалах. Во введении редакция справедливо указывает, что за последние годы эти темы стали предметом

---

[1] В состав данного 19 номера «Recherches Internationales à la lumière du marxisme» (1962) вошли следующие статьи: *О. Бакурадзе.* «Формирование философских идей Карла Маркса»; *П. Тольятти.* «От Гегеля к марксизму»; *Н. Лапин.* «Первая развернутая критика Марксом философии Гегеля»; *В. Брушлинский.* «К истории редактирования и публикации «Экономическо-философских рукописей» Карла Маркса»; *Л. Пажитнов.* «Экономическо-философские рукописи 1844 года»; *А. Уйбо.* «Разработка проблем исторического материализма Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии»»; *В. Ян.* «Экономическое содержание концепции отчуждения труда в работах молодого Маркса»; *И. Гепнер.* «По поводу некоторых ошибочных концепций перехода от Гегеля к Марксу»; *А. Шафф.* «Истинные взгляды молодого Маркса»; *Р. Гропп.* «Система философии и история философии».

особенно пристального внимания со стороны противников научного коммунизма и что некоторые вопросы служат объектом товарищеских дискуссий между самими марксистскими авторами, в том числе участниками данного выпуска. Связанные прочным единством в принципиальных вопросах борьбы против буржуазных фальсификаций истории марксизма, выступая как тесно сплоченная когорта защитников и пропагандистов наиболее передового мировоззрения, эти авторы вместе с тем исходят из того, что в отдельных малоисследованных вопросах возможны расхождения во мнениях. Материалы рассматриваемого выпуска лишний раз подтверждают тот факт, что единство взглядов по некоторым вопросам марксистских исследований достигается на основе свободной дискуссии и совместной творческой разработки дискуссионных вопросов.

Указанные обстоятельства побуждают нас положить в основу нашего обзора в первую очередь анализ работ, опубликованных в номере 19 «Recherches Internationales». Вместе с тем мы попытаемся проанализировать наиболее крупные труды марксистских исследователей, вышедшие в свет за последние годы. К числу этих работ относятся: книга немецкого марксиста Г. Менде о молодом Марксе, труд французского марксиста, работающего в настоящее время в Германской Демократической Республике, профессора О. Корню «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность», сборник полемических статей Р. Гароди «Марксистский гуманизм», книга Л. Пажитнова «У истоков революционного переворота в философии», монография Т. Ойзермана «Формирование философии марксизма»[1]. Ряд вопросов генезиса мар-

---

[1] *Г. Менде.* «Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту». М., 1957; *О. Корню.* «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность». Том первый, М., 1959; том второй, 1962; *Р. Гароди.* «Марксистский гуманизм». М., 1959; *Л. Пажитнов.* «У истоков революционного переворота в философии». М., 1960; *Т. Ойзерман.* «Формирование философии марксизма». М., 1962. Последняя работа охватывает весь период формирования философских взглядов Маркса и Энгельса, начиная со второй половины 30-х годов XIX века и кончая датой выхода «Манифеста Коммунистической партии» — февралем 1848 года. В ней даны научный анализ и марксистская оценка идейного богатства, заключенного

ксизма освещен в некоторых коллективных трудах (например, многотомной «Истории философии»), а также во многих работах, статьях, напечатанных в ученых записках различных институтов, в журнале «Вопросы философии» и других. Некоторые из этих работ также затрагиваются в нашем обзоре[1].

* * *

Одной из основных проблем генезиса марксистской философии является вопрос об отношении молодого Маркса к Гегелю. Однако до того, как Маркс стал сторонником взглядов Гегеля, он находился под влиянием каких-то предшествующих гегелевской философии идейных течений. Проблема исходных философских и политических воззрений Маркса уже давно стала объектом различных суждений. Некоторые исследователи предполагают существование даже нескольких этапов в идейном развитии Маркса на пути к гегелевской философии. Так как литературных памятников, отражающих его духовное развитие до 1837 г., до момента его перехода к младогегельянству, сохранилось очень мало, то эти утверждения основываются подчас на том или ином мимолетном замечании Маркса, которое можно толковать различно. Источниками, на основании которых можно су-

---

в ранних произведениях основоположников марксизма, и вместе с тем подвергнуты убедительной критике наиболее модные на Западе буржуазные и реформистские фальсификации истории формирования марксизма.

[1] *З. Оруджев.* «Начальный этап формирования взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и их отношение к Гегелю» («Известия Академии наук Азерб. ССР» № 1. Серия общественных наук. 1958, стр. 91—104); *О. Леонов.* «Разработка К. Марксом вопросов историко-философской науки в 1839—1844 гг.» («Вестник Ленинградского университета» № 11. Серия экономики, философии и права. Выпуск 2, 1957, стр. 57—69); *К. Кузнецов.* «Докторская диссертация Карла Маркса» («Вопросы философии» № 5, 1958, стр. 41—59); *Г. Гумницкий.* «Роль экономических исследований Маркса в возникновении диалектического материализма» («Труды Омского сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова», т. XXXIII, 1958, стр. 3—93); *К. Кузнецов.* «Развитие философских и общественно-политических взглядов Фридриха Энгельса до 1843 г.» («Научные труды Московского государственного экономического института». Вып. I, 1957, стр. 87—124).

дить о духовном развитии Маркса этого периода, являются его гимназические сочинения, написанные в 1835 г., выписки из книг, прочитанных им в период занятий в Боннском университете (1835—1836 гг.), тетради стихов (1836 г.) и, наконец, его известное письмо к отцу от 10 ноября 1837 года.

Гимназические работы Маркса неоднократно привлекали и поныне привлекают внимание биографов Маркса. Одним из первых обратился к ним Франц Меринг[1]. Он совершенно справедливо исключил из своего анализа сочинения Маркса по религии — «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна...», равно как и его латинское сочинение — «Следует ли причислять принципат Августа к счастливейшим эпохам римской истории?». По-видимому, Меринг рассматривал их, как произведения чисто формальные, написанные на заранее заданную официальную тему и не выражающие подлинных взглядов Маркса. Внимание Меринга привлекло лишь сочинение Маркса «Размышления юноши при выборе профессии». Как справедливо указывает Меринг, в этом юношеском сочинении зарницей мелькнула мысль Маркса об объективном характере закономерностей общественного развития, всесторонняя разработка которой составляет бессмертную заслугу его зрелых лет. «...Наши отношения в обществе,— писал Маркс в этом сочинении,— до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие»[2].

Однако при всех своих достоинствах это гимназическое сочинение Маркса еще носит на себе печать юности автора. Т. Ойзерман вполне справедливо подвергает критике утверждения некоторых буржуазных и ревизионистских фальсификаторов марксизма, будто здесь Маркс уже закладывает основы своего коммунистического мировоззрения[3]. Основная тенденция подобных утверждений состоит в стремлении придать марксизму идеалистически-этический характер, как это особенно явствует

[1] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни». М., 1957, стр. 33.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956, стр. 3.

[3] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 29—32.

в работах М. Рюбеля, который утверждает, будто в гимназическом сочинении был уже сформулирован основной постулат, ставший «принципом и ведущей темой всего жизненного пути Маркса»[1]. Т. Ойзерман, отмечая возвышенную цель юноши Маркса посвятить себя борьбе за счастье народа, высказывает, на наш взгляд, вполне резонное предположение, что в указанном сочинении в целом еще не содержится принципиально новых идей и что в нем можно заметить, с одной стороны, влияние учения французских просветителей о зависимости человека от окружающей среды, а с другой — критическое отношение Маркса к существовавшим в Пруссии порядкам. Некоторые мысли указанного сочинения напоминают нам Гегеля, их можно также найти у Гёте, Шиллера и других немецких просветителей. Т. Ойзерман прав, когда утверждает, что между взглядами Маркса, высказанными в этом сочинении, и последующими революционно-демократическими, коммунистическими воззрениями его нет еще прямой, непосредственной связи. Однако Т. Ойзерман ошибается, когда пытается приписать критикуемый им ложный взгляд на юношескую работу Маркса Ф. Мерингу.

Вызывает также сомнение попытка Т. Ойзермана подойти к гимназическим сочинениям Маркса по религии и римской истории как к работам, выражающим подлинные взгляды юного Маркса. Нужно сказать, что подобной точки зрения придерживаются также О. Корню и Г. Менде[2]. На основании сочинения на религиозную тему 17-летнему Марксу указанные авторы приписывают убеждение в том, что христианское вероучение является необходимой основой нравственности, что единение с Христом дает людям радость и т. п.

В этих положениях Корню и Менде усматривают отступление от ортодоксального христианства и деистическую трактовку вопросов религии. Рассматривая эту работу на религиозную тему, в которой выражена симпатия

---

[1] *M. Rubel.* «Karl Marx, essai de biographie intellectuelle». Paris, 1957, p. 438.

[2] См. *О. Корню.* «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность», т. 1, стр. 83—84; *Г. Менде.* «Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту». М., 1957, стр. 26—27.

к идеалисту Платону и неприязнь к материалисту и атеисту Эпикуру, Т. Ойзерман пишет: «нет оснований полагать, что в своем сочинении гимназист Маркс просто излагает чуждые ему воззрения, нисколько не разделяя их» [1].

Нам думается, что есть серьезные основания предполагать противоположное, а именно, что гимназист Маркс излагает в двух указанных сочинениях взгляды, навязанные ему гимназической обстановкой. В этом нас убеждают сведения о юношеских взглядах Маркса, которые дают в своих биографических очерках дочь Маркса — Элеонора Маркс-Эвелинг и Вильгельм Либкнехт [2]. Оба они отмечают дух просвещения, который господствовал в семье Маркса. Нам известно, что произведения Вольтера и других просветителей были любимыми книгами отца Маркса и самого молодого Маркса. Известно также, что отец Маркса принял христианство только лишь для того, чтобы иметь возможность заниматься адвокатурой и дать детям образование. Естественно, что подобное свободомыслие в еще большей степени было характерно и для молодого Маркса. Поэтому мы проявили бы крайнее легковерие, если бы считали, что гимназическая работа по религии, написанная на официальную тему с целью получения аттестата зрелости, является литературным памятником, раскрывающим собственные воззрения юного Маркса.

То же самое следует сказать и о латинском сочинении, в котором прославляется император Август и защищается принцип единоличного правления государством. Когда Маркс писал это сочинение, он должен был, по-видимому, считаться с тем реакционным духом, который установился в гимназии в то время, после оппозиционного выступления либералов Трира в Казино. Два учителя гимназии получили строгий выговор за присутствие на собрании в Казино, директор Виттенбах был взят под подозрение и к нему был приставлен реакционный преподаватель Лёрс, которому был поручен полити-

---

[1] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 28.

[2] *E. Marx.* «K. Marx» («Progress» № 5, 1883, S. 288); *W. Liebknecht.* «K. Marx. Zum Gedächtnis». 1896, S. 91.

ческий надзор над гимназией. Свое истинное отношение к Лёрсу юный Маркс выразил позднее тем, что при отъезде из Трира осенью 1835 г. демонстративно отказался его посетить[1]. Но во время выпускных экзаменов на суд именно Лёрсу Маркс должен был представить свое латинское сочинение для получения аттестата зрелости. Наивно предполагать, что при этих условиях Маркс стал бы перед Лёрсом раскрывать свои подлинные убеждения.

Важным литературным памятником тех лет, и притом отражающим воззрения молодого Маркса, является его письмо к отцу от 10 ноября 1837 года. Это письмо — яркое свидетельство растущей духовной зрелости Маркса, значительная веха, отмечающая его поворот от еще довольно расплывчатых просветительских и рационалистских воззрений, унаследованных от отца, от Людвига фон Вестфалена и частично от некоторых гимназических учителей (Виттенбах и др.), к первому сознательному восприятию философии Гегеля. Как уже говорилось, некоторые исследователи (например, О. Корню, К. Беккер[2] и др.) пытаются доказать, что на пути к гегелевской философии Маркс прошел несколько ступеней в своем идейном развитии. Одни (К. Беккер) утверждают, что на первом этапе молодой Маркс был по своим философским убеждениям романтиком, другие (О. Корню) предполагают, что Маркс, начав с просветительных идей, перешел затем к романтике, а уже от нее — к гегельянству. Существует мнение, будто Маркс, прежде чем стать гегельянцем, был приверженцем взглядов Канта и Фихте. Все эти утверждения недостаточно обоснованы. На наш взгляд, более правомерна точка зрения Т. Ойзермана, подчеркивающего, что до 1837 г. преждевременно говорить о каких-то определенных философских взглядах Маркса. В этот период он не выработал еще самостоятельного взгляда на какую-либо одну из философских систем, а придерживался воззрений близкой ему духов-

[1] Письмо Г. Маркса К. Марксу, ноябрь 1835. См. Marx — Engels Gesamtausgabe, erste Abt., Bd. I, Halbband 2, S. 186, а также *О. Корню.* «К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность», т. 1, стр. 82.

[2] *K. Bekker.* «Marx' philosophische Entwicklung, sein Verhältnis zu Hegel». Zürich, 1940.

ной среды (семья, дом Вестфаленов, гимназия), в основе которых лежали идеи французского Просвещения, отдельные положения немецкого рационализма Канта и других предшественников Гегеля. Идеалистическая диалектика Гегеля была первой философской концепцией, к которой юноша Маркс самостоятельно и сознательно пришел лишь в конце первого года своей учебы в Берлинском университете[1].

Письмо Маркса к отцу от 10 ноября 1837 г. отражает тот период в развитии Маркса, когда он сблизился с младогегельянцами и воспринял основные положения гегелевской философии. Этот переход Маркса на позиции гегельянства, как свидетельствует письмо, происходил далеко не безболезненно; он был результатом большой внутренней борьбы. При этом ясно видно, какие идеи Гегеля всего больше привлекают Маркса. Маркса интересует не вся система взглядов Гегеля, а преимущественно его положения о диалектике. Эти идеи Маркс заимствовал не только из книг Гегеля, но также из непосредственного общения с учениками Гегеля — младогегельянцами. «Здесь,— пишет Маркс о воздействии на него тех диспутов, которые велись в кругу младогегельянцев,— обнаружились в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать...»[2].

Буржуазные авторы давно уже пытаются изобразить философские взгляды Маркса как разновидность гегелевской идеалистической философии, подвергнуть сомнению последовательно-материалистический характер философских воззрений Маркса в 1844—1845 гг., давно уже стремятся доказать, будто все, что содержалось в системе взглядов Маркса этих лет, в том числе критика буржуазной политической экономии, и даже идеал будущего бесклассового общества, в зародыше уже имелось в философской системе Гегеля. При такой постановке вопроса смазывается принципиальное различие между формирующимся материалистическим воззрением Маркса

---

[1] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 25—26.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 14.

и идеалистическими взглядами Гегеля и искажается сама история формирования марксизма. Марксистское учение выступает не как результат творческой, критической переработки предшествующей прогрессивной мысли, как обобщение революционного опыта борьбы народных масс, а лишь как совокупность идей, почерпнутых из различных философских и социальных учений. Такое изображение генезиса марксизма противоречит самому духу марксизма, возникновение которого неразрывно связано с революционной борьбой рабочего класса.

Естественно, что в работах этих буржуазных авторов не могла получить правильного освещения и проблема взаимоотношений Маркса и Гегеля в период, когда Маркс еще находился под преобладающим влиянием гегелевской философии (1837—1842), проблема постепенного освобождения Маркса от этого влияния и выработки принципиально нового мировоззрения (1842—1845), знаменовавшего коренной переворот в истории человеческой мысли.

В течение ряда лет серьезным препятствием в правильном освещении советскими исследователями проблемы «Маркс и Гегель» явилось утверждение И. В. Сталина, будто философия Гегеля была аристократической реакцией на французскую буржуазную революцию конца XVIII века. В результате многими авторами Гегель стал ошибочно рассматриваться не как философ немецкой буржуазии, хотя и крайне робкой и проникнутой консервативными настроениями, а как идеолог реакционного дворянства. Консервативные политические убеждения Гегеля непомерно выпячивались, а революционная сторона его философии — диалектика, составляющая самое существенное в его учении, по существу игнорировалась. Такое же нигилистическое отношение проявлялось и к младогегельянцам, в противовес мнению В. И. Ленина, который отмечал, что младогегельянцы стремились сделать из философии Гегеля революционные выводы. После XX съезда КПСС в Советском Союзе был опубликован ряд статей и монографий, в которых были подвергнуты глубокой критике упомянутые выше антинаучные, догматические положения и было освещено историко-прогрессивное значение гегелевской философии. К числу этих

работ следует отнести работу К. Бакрадзе «Система и метод философии Гегеля» (1958), изданную в 1959 г. книгу М. Овсянникова «Философия Гегеля», статьи П. Федосеева, Б. Быховского и др. советских философов. Эта правильная точка зрения получила отражение в таких изданиях как «Философская энциклопедия», «Основы марксизма-ленинизма», «История философии».

Много было сделано в новейшей марксистской литературе в СССР и за рубежом для правильного освещения проблемы «Маркс и Гегель». Этому вопросу уделено значительное внимание и в материалах рассматриваемого 19 номера «Recherches Internationales». Фактически этого вопроса касаются все статьи, в первую очередь он освещается в статье П. Тольятти «От Гегеля к Марксу».

Особый интерес представляет статья П. Тольятти, представляющая собой образец глубокого исследования проблем генезиса философии марксизма и в то же время анализа одного из важнейших идейных источников происхождения философских взглядов Маркса. Тольятти подчеркивает, что гегелевская философия именно потому стала исходным моментом философской эволюции Маркса, что она явилась обобщением идей французской буржуазной революции и дала толчок той идеологической революции в Германии, которая предшествовала революционным политическим событиям в этой стране в 1848—1849 годы. В статье вместе с тем отстаивается тезис о том, что возникновение марксизма означает коренной переворот в истории человеческой мысли, что марксистская философия качественно отличается от философии Гегеля. Это положение Тольятти последовательно проводит и при анализе эволюции философских взглядов молодого Маркса. Говоря о гегелевской философии как об исходном пункте эволюции, автор в то же время показывает, что различие между взглядами Гегеля и воззрениями Маркса нашло свое выражение, хотя еще и в неразвитой, зародышевой форме, уже на самых ранних стадиях формирования мировоззрения Маркса. Маркс, как указывает Тольятти, никогда не был последовательным гегельянцем, даже в тот период, когда влияние философской системы Гегеля на него было преобладающим. Эту мысль автор убедительно обосновывает на

примере докторской диссертации Маркса. Как выбор самой темы диссертации, так и отличная от Гегеля оценка некоторых древнегреческих философов (Демокрита, Эпикура, стоиков), равно как и общая атеистическая направленность всей работы молодого Маркса — все это свидетельствует, что он никогда не был ортодоксальным гегельянцем.

Было бы, однако, неправильным, как отмечает Тольятти, на основании анализа докторской диссертации делать вывод о наличии уже в то время коренной противоположности между взглядами Маркса и Гегеля. Между тем такая переоценка степени зрелости взглядов Маркса имела известное хождение среди части советских философов в тот период, когда философия Гегеля рассматривалась как аристократическая реакция на французскую буржуазную революцию. Некоторые из этих философов утверждали даже, будто в диссертации Маркс выступает против идеалистических взглядов Гегеля, начиная переходить на материалистические позиции, и что уже в 1836—1837 гг. взгляды Маркса якобы принципиально отличались от воззрений младогегельянцев. Не приходится доказывать, что эти утверждения построены на прямых натяжках, на игнорировании фактической стороны дела и противоречат собственным высказываниям Маркса и Энгельса об их взаимоотношениях с Гегелем и младогегельянцами. Подобные утверждения находятся и в резком противоречии с положением В. И. Ленина, писавшего, что в «диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения» [1].

В литературе встречались также утверждения, будто уже самим выбором темы докторской диссертации Маркс как бы вступил в прямое противоречие со взглядами младогегельянцев. Однако еще Ф. Меринг, а вслед за ним и О. Корню, а теперь Т. Ойзерман доказали, что для всех представителей младогегельянства был харак-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 63; Г. В. Плеханов также считал диссертацию Маркса еще гегельянской работой; в то же время он ударялся в другую крайность, необоснованно отрицая какую-либо научную ценность ее (*Г. В. Плеханов.* Соч., т. IX, стр. 366).

терен интерес к истории стоической, скептической и эпикурейской философии[1]. В этих направлениях послеаристотелевской греческой философии младогегельянцы видели предшественников просветительной философии XVIII века, а самих себя рассматривали как ее продолжателей[2]. Не случайно Маркс в предисловии к своей диссертации прямо ссылается на сочинение младогегельянца Кеппена, в котором дано «более глубокое указание на их [учение Демокрита и Эпикура.— *Е. К.*] связь с греческой жизнью»[3].

В настоящее время никто из советских исследователей не делает уже попыток представить Маркса в период написания докторской диссертации как философа, порывавшего с Гегелем и младогегельянцами и переходившего непосредственно, помимо влияния Фейербаха, на материалистические позиции. Эта точка зрения ныне в основном преодолена как явно неправильная.

В советской литературе наиболее полное освещение места докторской диссертации в формировании философ-

[1] Известной натяжкой мы считаем также предположение, что Эпикур привлекал внимание Маркса не только как диалектик, но и как материалист, что Маркса уже в то время интересовала сама проблема отношений диалектики и материализма, вопрос об их совместимости или несовместимости, как это, например, утверждает З. Оруджев в своей статье «Начальный этап формирования взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и их отношение к Гегелю» («Известия Академии наук Азерб. ССР» № 1. Серия общественных наук. 1958, стр. 91—103). В диссертации Маркса не содержится прямых высказываний, которые свидетельствовали бы, что проблемы материализма уже тогда являлись предметом сознательного анализа со стороны Маркса. Большие преувеличения в освещении содержания докторской диссертации Маркса, свидетельствующие об известном влиянии на автора указанных выше ошибочных представлений, допущены и в статье О. Леонова «Разработка К. Марксом вопросов историко-философской науки в 1839—1844 гг.». Автор данной статьи утверждает, будто в диссертации уже имеются указания, хотя еще и в идеалистически-абстрактной форме, на социальную роль философии, будто в ней Марксом создана «революционная концепция обмирщения философии» и уже здесь «историко-философская наука была связана с революционным делом создания нового мира» («Вестник Ленинградского университета» № 11. Серия экономики, философии и права. Выпуск 2, 1957, стр. 57—69).

[2] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни», стр. 195; *О. Корню.* «К. Маркс и Ф. Энгельс», т. 1, стр. 179—180; *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 39.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 24.

ских воззрений Маркса дано в упомянутой выше монографии Т. Ойзермана [1]. Показывая отличие в отношении Маркса и Гегеля к древнегреческой атомистической философии, Т. Ойзерман вполне обоснованно отмечает, что Маркс отнюдь не разделял в этом отношении крайних выводов Гегеля, однако в целом принимал гегелевскую концепцию относительно исторического места атомистики в древнегреческой философии [2]. Т. Ойзерман подчеркивает, что основу положений, выдвинутых Марксом в его диссертации, составляет еще весьма далекая от материализма объективно идеалистическая интерпретация мира. В 1841—1842 гг. Маркс еще не порывает с младогегельянцами, несмотря на то, что в его работах уже содержатся отдельные критические замечания по их адресу [3]. Автор также прав, когда доказывает, что побудительными мотивами для Маркса при написании диссертации являлись борьба против религии и ее философских оруженосцев, а также стремление философски обосновать свои радикальные политические идеалы. В то же время Т. Ойзерман, вполне убедительно, на наш взгляд, показывает, как в ряде вопросов (о взаимоотношении философии и практической жизни, разума и действительности, о корнях религии) уже намечается отход Маркса от понимания этих вопросов младогегельянцами, которые в это время все больше сползали к фихтеанскому субъективизму.

Однако попытки Т. Ойзермана в ряде случаев указать на прямую критику младогегельянцев в докторской диссертации Маркса кажутся нам недостаточно убедительными. Маркс в одном месте своей диссертации высмеивает некоторых гегельянцев, которые превозносят категорию меры, идею постепенного перехода и т. д., и подчеркивает, что последние страшатся революционной

---

[1] В этой связи следует также упомянуть статью И. Прейса «Начало философской деятельности Маркса», напечатанную в «Философских записках», т. IV, 1950; диссертацию А. Петрашик «Философское развитие молодого Маркса» и статью К. Кузнецова «Докторская диссертация Карла Маркса» («Вопросы философии» № 5, 1958, стр. 41).

[2] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 46—47.

[3] Там же, стр. 58—59.

бури. Т. Ойзерман делает на этом основании поспешный, по нашему мнению, вывод, будто Маркс имеет в виду здесь младогегельянцев. Между тем, более вероятно предположить, что Маркс подразумевал тех учеников Гегеля, которые примыкали к их правому крылу, или во всяком случае, к центру, таких как Маргейнике, Штраус и другие. В таком же духе толкуется другое место из диссертации Маркса, в котором говорится, что ученики проявляют по отношению к Гегелю невежество, когда то или иное определение его системы объясняют приспособлением и другими моральными аргументами. Однако вряд ли можно предположить, что Маркс и этот упрек в невежестве направлял в адрес Бруно Бауэра, с которым он в то время находился в дружеских отношениях и которого рассматривал тогда как своего союзника в борьбе против реакционных философов.

Эти частные замечания не изменяют, однако, высокой оценки проведенного Т. Ойзерманом анализа докторской диссертации Маркса. Не вызывает сомнения и правильность общих выводов автора.

Отмечая процесс постепенного освобождения Маркса от влияния идеалистической философии Гегеля, процесс, который в докторской диссертации лишь только намечается, все марксистские исследователи в отличие от буржуазных авторов особое внимание уделяют тем потребностям политической борьбы, которые побуждали Маркса идти все дальше вперед в своей критике философских взглядов Гегеля. Сюда относится и борьба Маркса совместно с другими младогегельянцами против религии, санкционирующей господствующие в Германии реакционные порядки, его борьба за политические свободы, его активная политическая деятельность в качестве редактора оппозиционной «Rheinische Zeitung», ставшей под его руководством органом революционной демократии.

Следует заметить, что почти все авторы работ, опубликованных в специальном выпуске «Recherches Internationales», в той или другой степени подчеркивают решающую роль практики в формировании революционного учения пролетариата. Эта черта характеризует всю марксистскую литературу по генезису научного коммунизма,

составляя одно из главных принципиальных отличий ее от буржуазной историографии. Буржуазные «исследователи» марксизма, как известно, рассматривают научный коммунизм как механический синтез его теоретических источников, совершенно игнорируя такой решающий фактор в формировании марксизма, как обобщение практического опыта социальной и политической борьбы и личное участие в этой борьбе основоположников марксизма. Говоря о революционной марксистской теории, В. И. Ленин писал: «Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» [1].

Против буржуазной и ревизионистской литературы, стремящейся отождествить или, по меньшей мере, сблизить взгляды молодого Маркса с воззрениями Гегеля, направлены входящие в настоящий номер работы двух немецких марксистов — философа Р. Гроппа «Система философии и история философии Гегеля и Маркса» и историка Гепнера «По поводу некоторых ошибочных концепций перехода от Гегеля к Марксу». В отличие от буржуазных и ревизионистских авторов, пытающихся изобразить процесс формирования марксизма, отправляясь только от идейных источников, сводя марксизм по существу к филиации идей, в указанных статьях Гепнера и Гроппа особенно выразительно подчеркивается роль социально-экономического развития, а главное практики классовой борьбы в возникновении научного коммунизма.

Однако в статье Гепнера, на наш взгляд, подчас недостаточно учитывается связь, которая существовала между марксизмом и предшествующей прогрессивной мыслью. В частности, в этой в общем весьма интересной и полезной статье несколько недооценивается роль идейного наследия Гегеля в формировании марксизма. Гегель ошибочно рассматривается автором как философ, который в своих политических и социальных взглядах не смог подняться даже до либерализма и защищал отсталые феодальные учреждения. Вполне справедливо критикуя буржуазных авторов, которые рассматривают марксову

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 321.

диалектику как продолжение диалектики Гегеля, не являющейся чем-то качественно новым, Гепнер в этой полемике несколько перегибает палку и в известной мере упускает из виду то подлинно прогрессивное и революционное, что было в учении Гегеля. Он не учитывает в должной степени положения, высказанного Энгельсом в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой философия Гегеля рассматривается как неразрывная часть философской революции в Германии, являвшейся преддверием к политической революции, и подчеркивается значение революционной стороны гегелевской философии[1]. Вопреки консервативным политическим убеждениям самого Гегеля, его философское учение явилось обобщением идей французской революции и именно поэтому, как справедливо указывает П. Тольятти, она могла явиться исходным моментом философской эволюции Маркса.

Другим недостатком статьи Гепнера является несколько одностороннее подчеркивание непосредственного влияния самой практики на формирование философских взглядов Маркса. При этом автор оставляет в тени указания Энгельса в его письмах об историческом материализме о том, что теоретики неизбежно должны отталкиваться от предшествующего мыслительного материала, что экономические факты, политические и правовые явления обобщаются не прямо и непосредственно, а в преломленном в уже имеющихся налицо теориях виде[2]. Это важное методологическое положение Энгельс сформулировал также в своем труде «Развитие социализма от утопии к науке». «Современный социализм,— пишет Энгельс,— по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как более последовательное развитие принципов, выдвинутых

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 273—275.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, стр. 475—476, 477—478.

великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»[1].

Этот-то накопленный до появления марксизма идейный материал и недооценивает Гепнер, когда он пишет: «Изучение конкретных вещей, а не имманентное дальнейшее критическое развитие идеалистической диалектики Гегеля ведет к выработке марксизма»[2]. Здесь по существу необоснованно противопоставляются две тесно между собой связанные стороны процесса формирования марксизма: изучение Марксом конкретной действительности (опыта революций, особенно французской буржуазной революции XVIII века, экономических фактов, социалистического движения и т. д.) и дальнейшее критическое развитие им диалектики Гегеля.

* * *

Серьезное место в работах марксистских исследователей занимает конкретизация единодушно признаваемого ими положения, что научный коммунизм появился на свет не только как обобщение предшествующих философских, экономических и социологических идей, но и как обобщение непосредственной революционной практики. Это положение наглядно и убедительно раскрывается, в частности, в работе О. Бакурадзе «Формирование философских идей Карла Маркса», включенной в рассматриваемый номер «Recherches Internationales». В указанной работе конкретно прослеживается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму в процессе его непосредственной практической деятельности в качестве редактора «Rheinische Zeitung».

О. Бакурадзе приводит большой материал, подтверждающий ленинское положение о том, что в период издания «Rheinische Zeitung» наметился переход Маркса от идеализма к материализму. Автор показывает, что уже

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 189.
[2] «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» № 3, 1957, S. 338.

в этот период, когда Маркс в целом стоял еще на идеалистических позициях, он критически относился к философско-правовым воззрениям Гегеля, к его апологии монархического строя, прусского государства. В процессе конкретной критики Марксом социальных и политических порядков в Германии в его взглядах постепенно созревали элементы материализма. Автор доказывает это на основании анализа статей Маркса, посвященных дебатам рейнского ландтага о свободе печати и по поводу законов о краже леса, а также статьи Маркса о мозельских виноделах.

Приходится сожалеть, что О. Бакурадзе не распространил свой анализ на статью Маркса «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», напечатанную в 1842 г. в «Rheinische Zeitung». В этой работе Маркс отмечает несостоятельность праздных разговоров о коммунизме как об отвлеченной системе идей (этим занимались некоторые младогегельянцы, например, Э. Бауэр) и требует, чтобы коммунистические учения рассматривались в связи с положением того класса, который является их носителем. Он указывает, что «сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов,— это факт, который... бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона» [1]. Таким образом, Маркс уже подмечал связь между социальными движениями тех или иных классов и соответствующими идеями.

Вопрос об отношении Маркса к коммунизму в период редактирования «Rheinische Zeitung» получил обстоятельное освещение в книге Т. Ойзермана [2]. В книге правильно подчеркивается, что познания Маркса в то время в этом вопросе были недостаточно глубоки. Маркс был решительным врагом всякого дилетантства и не считал себя вправе высказывать по данной проблеме исчерпывающие суждения. Вместе с тем, диалектик Маркс не мог не заметить коренного порока всех систем утопического социализма и коммунизма, а именно присущий им антиисторизм и догматизм, их абстрактное противопо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 115.
[2] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 107—110.

ставление должного существующему, против чего Маркс выступил еще в 1837 году. Этим и было, по-видимому, продиктовано замечание Маркса в статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», что редактируемая им газета «не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным...» [1]. Другой причиной этого отмежевания Маркса от идей утопического коммунизма были цензурные условия. Ему как редактору газеты приходилось опровергать доносы реакционной прессы, в частности «Allgemeine Zeitung», которая пыталась внушить прусскому правительству, будто «Rheinische Zeitung» является коммунистическим органом.

Достоинством раздела книги Т. Ойзермана, посвященного «Rheinische Zeitung», является анализ не только политических, но и собственно философских взглядов Маркса, развиваемых им на страницах этой газеты.

В этой связи большой интерес представляет освещение Т. Ойзерманом вопроса о причинах разрыва Маркса со «Свободными», как называла себя берлинская группа младогегельянцев, возглавляемая Эдгаром Бауэром, Э. Мейеном и другими. Принципиальная основа разногласий Маркса с этой группой, как отмечает Т. Ойзерман, заключалась в том, что Маркс выступил на страницах своей газеты как революционный демократ, «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы...», в то время как псевдореволюционная фразеология «Свободных» выражала лишь крайне неустойчивые радикальные воззрения небольшой группки интеллигентов, настроения интеллигентской богемы. «Свободные» требовали от Маркса, чтобы он безоговорочно печатал присылаемые ими материалы. Они стремились превратить боевой демократический орган в сектантский листок для пропаганды своих путаных атеистических идей, приправленных крупицами коммунизма, не считаясь при этом с существующими условиями для оппозиционной печати. Маркс написал Мейену и другим «Свободным» резкое письмо:

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 117.

«Я призвал их к тому,— писал Маркс по этому поводу А. Руге 30 ноября 1842 г.,— чтобы было поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела. Я заявил, что считаю неуместным, даже безнравственным вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идет об его обсуждении» [1]. Таким образом, выступая против «Свободных», Маркс последовательно отстаивал свои революционно-демократические позиции, которые и позволили ему уже в ближайшие годы осуществить переход от революционного демократизма к коммунизму.

Весьма важной проблемой в истории формирования марксистской философии является вопрос об отношении молодого Маркса к материализму Фейербаха. В упомянутой статье О. Бакурадзе сделана попытка выяснить, какими произведениями и какой стороной своих взглядов оказал Фейербах влияние на Маркса в 1842—1843 годах. Этот вопрос имеет немаловажное значение для установления этапов перехода Маркса от идеализма к материализму, характера этого перехода. В согласии со многими другими советскими исследователями О. Бакурадзе доказывает, что Фейербах оказал в 1842 г. влияние на Маркса главным образом своей критикой религии в работе «Сущность христианства», а позднее также своей критикой идеализма, которая содержалась в его «Предварительных тезисах о реформе философии», вышедших в свет в марте 1843 года [2].

Из приведенного материала Бакурадзе делает два важнейших вывода, которые на наш взгляд вполне обоснованы, а именно: 1) переход Маркса от идеализма к материализму нельзя рассматривать лишь как переход

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 27, стр. 369.

[2] Едва ли можно согласиться с А. Шаффом, который в статье, помещенной в этом же 19 номере «Recherches Internationales», утверждает, будто Маркс уже с 1841 г. стал под влиянием Фейербаха переходить к материализму.

к материализму Фейербаха; 2) неправомерно изображать переход Маркса к материализму как результат одного лишь влияния Фейербаха и, следовательно, нельзя преувеличивать степень этого влияния.

Элементы материалистического мировоззрения, которое созревало у Маркса в 1842—1843 гг., отличались от материалистически-антропологических воззрений Фейербаха тем, что они с самого начала были обращены на познание закономерностей общественного развития. Материализм Маркса складывался как исторический материализм, хотя он еще носил на себе родимые пятна своих идейных предшественников: гегельянства и фейербахианства. Философия Фейербаха бесспорно оказала сильное влияние на Маркса, способствуя переходу его к материализму. Однако сама революционно-практическая деятельность Маркса привела к тому, что его материализм с самого начала отличался от материализма Фейербаха.

К сожалению, некоторые существенные недостатки работы О. Бакурадзе ослабляют сделанные в ней выводы: недостаточно раскрыта в ней историческая обстановка, оказавшая непосредственное влияние на духовное развитие Маркса, не определено, в чем конкретно заключался революционный демократизм Маркса и к какой исходной дате следует отнести отчетливое проявление его революционно-демократических взглядов.

Т. Ойзерман справедливо критикует О. Бакурадзе за то, что он бездоказательно относит становление революционно-демократических воззрений Маркса непосредственно ко времени окончания им гимназии в 1835 году. О. Бакурадзе не учитывает того, что революционно-демократические воззрения Маркса и Энгельса представляли собой не исходный пункт их духовной жизни, а определенный этап их последующего идейного развития [1].

Вопрос о революционно-демократических воззрениях Маркса и Энгельса является в настоящее время предметом серьезного обсуждения среди марксистских исследователей. В содержательной, богатой фактическим материалом биографии О. Корню «К. Маркс и Ф. Энгельс»

[1] См. *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 26.

мы обнаруживаем известную нечеткость в характеристике их политических взглядов на ранней стадии. Так, освещая политические позиции Маркса и Энгельса в 1840—1842 гг., О. Корню называет эти позиции либеральными. Он часто говорит об участии Маркса и Энгельса в «либерально-демократическом» движении[1], не замечая противоречия в употребляемом им термине, в котором демократизм неправомерно объединен с буржуазным либерализмом. Далее он утверждает, что «либерально-демократический период» заканчивается у Маркса к началу 1843 г., а у Энгельса ко времени его отъезда в Англию в конце 1842 года. Подобная терминология, с одной стороны, стирает грань между буржуазным либерализмом и революционным демократизмом, а с другой стороны, неточно выражает политические воззрения Маркса и Энгельса в 1841—1843 годах. Правда, Корню в отдельных случаях характеризует Маркса как радикального демократа и говорит о «демократически-социальном радикализме» или о «социальном демократизме» Маркса и Энгельса. Однако четкого определения политических взглядов Маркса и Энгельса в 1841—1843 гг. он не дает. Ленинская постановка вопроса о революционно-демократическом характере воззрения Маркса и Энгельса в этот период, к сожалению, не находит своего отражения в этой ценной по своему фактическому материалу работе[2].

Некоторые авторы (О. Бакурадзе, З. Оруджев и др.) характеризуют политические воззрения Маркса уже в период написания им докторской диссертации (начало 1839 — март 1841 гг.) как революционно-демократические, однако не приводят никаких доказательств в пользу этой характеристики.

Такая же нечеткость существует и в определении политических взглядов Энгельса в 1839—1842 годах. Называя

---

[1] *О. Корню.* «Карл Маркс и Фридрих Энгельс», т. 1, 1949, стр. 70, 362, 408.

[2] Указанная нечеткость в книге О. Корню уже была отмечена в советской печати: в рецензии К. Л. Селезнева на книгу О. Корню. «Карл Маркс и Фридрих Энгельс» («Вопросы истории» № 4, 1956, стр. 173—180) и в книге Т. Ойзермана «Формирование философии марксизма», 1962, стр. 163.

его революционным демократом, некоторые авторы не указывают, какие именно стороны в политической деятельности Энгельса позволяют его так характеризовать.

Исторический опыт демократических движений XIX и XX веков, труды Маркса и Энгельса и в особенности произведения В. И. Ленина позволяют со всей научной четкостью определить существо понятия «революционный демократ» и установить хронологические рамки формирования и развития революционно-демократических взглядов у Маркса и у Энгельса. Противопоставляя либералам революционных демократов, Ленин показывает, что последние являются сторонниками самой решительной борьбы против устаревших социально-политических учреждений, против феодально-абсолютистского строя, не останавливаясь перед крайними, плебейскими методами их ликвидации. Революционные демократы считают основной силой в этой борьбе народные массы, представителями которых они и выступают, добиваются широкого участия народа в управлении государством, установления демократической республики. Они не удовлетворяются узкими политическими реформами и социальными паллиативами, а стремятся к коренному улучшению материальных условий жизни эксплуатируемых масс[1]. Революционный демократ не только противостоит либералу, ограничивающему свои задачи конституционными реформами, но и существенно отличается от буржуазных радикалов, весьма далеких от интересов народных масс, и мелкобуржуазных демократов, чьи взгляды носят печать мелкобуржуазной ограниченности и никогда не бывают последовательно революционными. Бруно Бауэр, Арнольд Руге и другие младогегельянцы выступали как радикалы, а подчас как мелкобуржуазные демократы. Однако никто из них не был революционным демократом. Между тем деятельность Маркса в «Rheinische Zeitung», а именно его борьба за демократические формы политической жизни, его защита наиболее обездоленных и эксплуатируемых слоев населения и наконец его непоколебимая уверенность в неизбежности демократической

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 17, стр. 510—514; т. 18, стр. 34—35, 254—255.

революции, вершителем которой должен стать сам народ, ярко раскрывает черты Маркса как революционного демократа. Можно ли, однако, утверждать, что все эти черты обнаружились уже в период написания докторской диссертации Марксом? Достаточно ознакомиться с диссертацией, чтобы увидеть явную натяжку в подобном утверждении. Революционно-демократические воззрения Маркса вполне сложились, несомненно, после написания диссертации, в период, последовавший за временем работы над ней.

Еще сложнее определить хронологические вехи формирования революционно-демократических убеждений Энгельса. Подобная тенденция проявляется в статьях Энгельса уже в 1840 году, однако не так резко, как впоследствии у Маркса. Более четко обнаруживаются революционно-демократические взгляды Энгельса в его статье «Эрнст Мориц Арндт», напечатанной в январе 1841 года. Здесь Энгельс фактически набрасывает программу революционно-демократических преобразований в Германии, включающую требования уничтожения феодальных отношений, ликвидации сословно-абсолютистского строя, объединения Германии в единое демократическое государство, улучшения положения народных масс. В своих статьях и письмах за этот период Энгельс бичует реакционную политику прусских королей, ведет борьбу как с немецким шовинизмом, так и с абстрактным либеральным космополитизмом, игнорировавшим национальные интересы. С конца 1842 г. начинается уже переход Энгельса от революционного демократизма к коммунизму, о чем свидетельствуют его корреспонденции из Англии, напечатанные в это время в «Rheinische Zeitung».

Работу О. Бакурадзе дополняет и в известной мере уточняет помещенная в том же номере «Recherches Internationales» статья Н. Лапина «Первая развернутая критика Марксом философии Гегеля», посвященная анализу рукописи Маркса 1843 г. «К критике гегелевской философии права». Развитие воззрений Маркса, справедливо указывает автор статьи, как бы проходит три этапа. В докторской диссертации Маркс стоит еще в основном на гегельянско-идеалистических позициях, но уже в ряде

существенных пунктов отстаивает иные взгляды, чем Гегель. В период «Rheinische Zeitung» расхождения между Марксом и Гегелем углубляются. В процессе анализа конкретных социально-политических явлений, предпринимаемого с революционно-демократических позиций, в мировоззрении Маркса постепенно нарастают материалистические элементы. Нарастание материалистической тенденции в мировоззрении Маркса происходит стихийно, он сам еще не осознает этой новой тенденции в своем мировоззрении. Этого обстоятельства не учел в своем исследовании О. Бакурадзе, как справедливо заметил Т. Ойзерман[1]. «Революционно-практическая деятельность в «Rheinische Zeitung»,— отмечает Н. Лапин,— подвела Маркса в начале 1843 г. к мысли о неспособности идеализма объяснить реальные социально-политические условия жизни общества и дать ответы на актуальные проблемы общественного развития. Работа Маркса «К критике гегелевской философии права» явилась первым ответом на обуревавшие его сомнения. Она и стала выражением *сознательного* перехода Маркса к материализму». Обоснование этого тезиса является несомненной удачей Н. Лапина.

Рукопись 1843 г., указывает Н. Лапин, явилась, таким образом, обобщением выводов, сделанных Марксом в ходе его редакторской деятельности в «Rheinische Zeitung» и в то же время свидетельствовала о благотворном влиянии на Маркса материалистических воззрений Фейербаха. «Предварительные тезисы к реформе философии» Фейербаха позволили Марксу в полной мере осознать порочность идеалистических взглядов Гегеля и приступить к материалистической переработке гегелевской идеалистической диалектики.

Н. Лапин рассматривает указанную рукопись 1843 г. как яркий пример материалистического «переворачивания» идеалистической концепции Гегеля. Маркс уже приступает здесь к систематической критике идеалистической философии Гегеля, его правовых идей, углубляя

[1] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 26. Жаль только, что при этом Т. Ойзерман не сослался на работу Н. Лапина, в которой указанная точка зрения наиболее четко сформулирована

в ходе этой критики свои исходные материалистические положения. Автор статьи отмечает здесь одну из ранних попыток Маркса раскрыть зависимость идеологических явлений от социально-политической действительности и его первые шаги в сторону материалистического истолкования процессов, происходящих в самой экономической жизни.

Говоря о сознательном переходе Маркса к материализму, мы не склонны преувеличивать степень завершенности этого перехода в 1843 году. Мы согласны с Т. Ойзерманом, что в рукописи 1843 г. наряду с материалистическими положениями встречаются и многочисленные идеалистические утверждения, как-то: мысль о постоянной и неразрывной связи духовного и материального начал, образующей единство мира, идеалистическая характеристика семьи и гражданского общества, определяемых как «действительные духовные реальности воли», полуидеалистическое понимание демократии и государства и т. п. Однако бесспорно и то, что по сравнению со статьями Маркса в «Rheinische Zeitung» его рукопись «К критике гегелевской философии права» знаменует собой значительный шаг вперед, свидетельствует, что Маркс уже близко подходил к открытию диалектического и исторического материализма [1].

Обосновывая свои выводы, Н. Лапин убедительно опровергает антинаучные концепции современных противников марксизма (Макмерри, Лёвит, Вейль, Биго и др.), утверждающих будто Маркс остался впоследствии «убежденным гегельянцем в теории», будто он оспаривал в своей критике гегелевской философии права не принцип Гегеля, а только его конкретное осуществление.

В качестве упрека Н. Лапину следует указать, что он рассматривает незавершенную рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права» как нечто самостоятельное, законченное, составляющее особый этап в формировании взглядов Маркса. К ней одной Лапин относит слова Маркса из его знаменитого предисловия к работе «К критике политической экономии» (1859),

---

[1] *Т. Ойзерман.* Цит. соч., стр. 180, 182—183, 189, 195.

в котором Маркс пишет, что первой работой, предпринятой им для разрешения осаждавших его сомнений, «был критический разбор гегелевской философии права». Маркс указывал, что в результате этой критики, он пришел тогда к выводу, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты из самих себя и не могут быть выведены из всеобщего развития человеческого духа, что они коренятся в материальных отношениях жизни, что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии[1].

Следует также обратить внимание и на то, что в 1859 г. Маркс совершенно не упоминает о рукописи 1843 г., а говорит вообще о своей теоретической деятельности по критическому пересмотру гегелевской философии права. В дошедшей до нас рукописи 1843 г. указанные выводы намечены вчерне. Но ограничился ли этим Маркс? Конечно, нет. Сам Н. Лапин сообщает, что во время пребывания в Крёйцнахе Маркс заполнил пять тетрадей обстоятельными выписками по социально-политической истории Англии, Франции, по истории французской буржуазной революции 1789 года. «Крёйцнахские тетради» неразрывно связаны с работой Маркса над критикой гегелевской философии права. На это прямо указывает группировка материалов в тематическом указателе к тетрадям, составленном самим Марксом.

Незаконченная черновая рукопись 1843 г. и «Крёйцнахские тетради» составляют, по существу, два параллельных и неразрывно связанных между собой материала к общей задуманной Марксом работе, посвященной критике гегелевской философии права. Поэтому, если рассматривать рукопись 1843 г. независимо от «Крёйцнахских тетрадей», то представление о философских и политических воззрениях Маркса в 1843 г. будет неполным.

Кроме того, Маркс в упомянутом предисловии 1859 г. прямо ссылается на свое «Введение», опубликованное в начале 1844 г. в «Deutsch-Französische Jahrbücher», как на органически составную часть своего критического раз-

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 6.

бора гегелевской философии права[1]. Это «Введение» было написано Марксом в конце 1843 — начале 1844 года. Оно является непосредственным продолжением рукописи 1843 года. Если в указанной рукописи выводы, о которых говорил Маркс в 1859 г., сделаны лишь вчерне, то в «Введении», а также в статье «К еврейскому вопросу» (опубликованной в том же издании), они сформулированы с гораздо большей полнотой.

Следовательно, когда речь идет о выводах, которые Маркс сделал из критического разбора гегелевской философии права, нельзя ограничиваться анализом одной лишь рукописи 1843 года. Ее нельзя противопоставлять работам Маркса, напечатанным в «Deutsch-Französische Jahrbücher». Эта рукопись не отражает самостоятельного этапа в формировании философских взглядов Маркса, а составляет лишь одну из ступеней в этом этапе, один из предварительных вариантов написанных с конца 1843 до начала 1844 г. работ, в которых получил свое завершение переход от демократизма к коммунизму и от идеализма к материализму, начавшийся еще в период сотрудничества Маркса в «Rheinische Zeitung».

Таким образом, в своем критическом разборе гегелевской философии права, осуществленном в период с лета 1843 по январь 1844 г., Маркс опирался не только на фейербаховскую критику идеализма, не только на свой опыт редактора «Rheinische Zeitung», но и на критическое рассмотрение социально-политической истории европейских стран, на исторический опыт французской буржуазной революции 1789 г., а также на знакомство с французским рабочим и социалистическим движением, в живое соприкосновение с которым он вступил уже с конца 1843 года. Такой подход к освещению марксовой критики гегелевской философии права должен убедительно показать несостоятельность утверждений буржуазных «критиков» марксизма, рассматривающих взгляды Маркса в этот период как разновидность гегельянства или фейербахианства.

В рядах марксистских исследователей иногда раздаются голоса, подвергающие сомнению необходимость

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 6.

обстоятельного теоретического анализа философских воззрений молодого Маркса и генезиса его идей. Подобную точку зрения, в частности, отстаивает французский марксист Луи Альтюсер в рецензии на разбираемый нами номер «Recherches Internationales», напечатанной в журнале «La Pensée»[1]. Нецелесообразно, доказывает Альтюсер, делать взгляды юного Маркса, представляющие «свободную ассоциацию идей», объектом анализа, разлагать их на составные теоретические элементы, искать их идейные источники. Дальнейшее развитие этих взглядов, заявляет рецензент, одобрительно ссылаясь на упомянутую статью Гепнера, определяется не влиянием тех или иных теоретических источников, а непосредственным влиянием самой общественной практики. Не следует поэтому сопоставлять диссертацию Маркса со взглядами Гегеля, марксову критику гегелевской философии права в рукописи 1843 г. с принципами Фейербаха, «Экономическо-философские рукописи» с «Капиталом». Такое сопоставление, утверждает Альтюсер, является поверхностным и ведет к ошибкам[2].

Подобные взгляды, по нашему мнению, ошибочны. Они противоречат собственным высказываниям Маркса и Энгельса, неоднократно отмечавших влияние на их ранние произведения воззрений тех или иных предшественников марксизма: Гегеля, Фейербаха и др. Подобные указания мы находим, например, в таких классических произведениях марксизма, как работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Указанная концепция явно расходится и с ленинской постановкой вопроса о постепенном переходе Маркса от идеализма к материализму. В работах «Карл Маркс», «Философские тетради» и других произведениях

[1] «La Pensée» № 96, mars — avril 1961, p. 3—26.

[2] Ряд положений статьи Л. Альтюсера, как, например, его утверждение, будто Маркс в те годы питал мифическую надежду на заключение союза между Францией и Германией и что взгляды молодого Маркса вообще следует рассматривать вне проблем марксизма, были подвергнуты критике в статье Жака Мильо «Молодой Маркс и его проблемы» («Nouvelle critique» № 129, сентябрь — октябрь 1961, p. 65—85). Вместе с тем Мильо справедливо считает, что в статье Альтюсера имеются и ценные высказывания.

В. И. Ленина мы встречаем многочисленные замечания о влиянии на произведения молодого Маркса отдельных представителей предшествующей философской мысли, о постепенном вызревании у Маркса новых взглядов. Яркий пример подобного анализа дает В. И. Ленин в своем конспекте первого совместного труда Маркса и Энгельса «Святое семейство, или критика критической критики». Излагая содержание соответствующих разделов этой книги, В. И. Ленин, в частности, писал: «Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей»[1]. Отказываться от анализа формирования элементов нового мировоззрения у молодого Маркса, которое происходило еще в рамках старой системы идей, значит по существу отступать перед «критиками» марксизма, фактически отрицающими эволюцию философских взглядов Маркса и отождествляющими их с воззрениями предшественников научного социализма.

Альтюсер и некоторые другие рецензенты разбираемого сборника критикуют Н. Лапина за признание наличия противоречий у молодого Маркса между субъективным сознанием и объективной тенденцией, между формой и содержанием, между подлинным смыслом и терминологией ранних произведений. Однако эти рецензенты не замечают, что, отрицая правомерность такой постановки вопроса, они тем самым отказываются рассматривать взгляды молодого Маркса в развитии, искусственно возводят стену между ранними произведениями Маркса и его зрелыми работами, по существу отказываются от объяснения происхождения научного коммунизма.

Сам Маркс при анализе философских учений постоянно различал объективное содержание и субъективную форму выражения той или иной философской системы. Пример подобного анализа он дал уже в своей докторской диссертации[2]. Этого метода Маркс придерживался и в последующие годы, как это видно из его письма к

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 38, стр. 6.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 211—212.

Ф. Лассалю от 31 мая 1858 г., в котором он указывал: «Даже у философов, которые придали своим работам систематическую форму, как, например, у Спинозы, действительное внутреннее строение его системы совершенно отлично ведь от формы, в которой он ее сознательно представил»[1]. Спрашивается, почему нельзя этот же метод анализа применить к ранним работам самого Маркса, к его произведениям, где он еще ищет дорогу к материализму и коммунизму, где еще не установилась ни терминология, ни адекватная форма выражения его взглядов.

Основоположники марксизма в «Немецкой идеологии» сами отмечали наличие в некоторых их ранних работах противоречия между новым содержанием и старой, унаследованной от предшественников, терминологией. Так, говоря о разработке им в «Deutsch-Französische Jahrbücher» основ материалистического мировоззрения, Маркс, в частности, пишет: «Но так как это было облечено тогда еще в философскую фразеологию, то попадающиеся там по традиции философские выражения — как «человеческая сущность», «род» и т. п.— дали немецким теоретикам желательный повод к тому, чтобы неверно понять действительный ход мыслей и вообразить, будто и здесь опять все дело только в новой перелицовке их истасканных теоретических сюртуков»[2]. Таким образом, приведенные выше критические замечания Альтюсера в адрес статьи Н. Лапина сами не выдерживают серьезной критики.

* * *

В тесной связи с рассмотренными выше проблемами развития философских взглядов Маркса в 1842—1844 гг. находится научная дискуссия, которую ведут между собой марксистские исследователи по вопросу о хронологических рамках возникновения диалектического материализма. Такой спор, в частности, имеет место между советскими философами Г. Гумницким, с одной стороны, и А. Петрашик, К. Фроловым — с другой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 457.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 224—225.

Г. Гумницкий выступил в 1958 г. с интересной работой «Роль экономических исследований Маркса в возникновении диалектического материализма»[1]. В этом исследовании автор вполне обоснованно выступает против представления о «чисто философском» процессе возникновения диалектического материализма, изолированном от формирования социально-политических, экономических и социологических идей марксизма. Он, в частности, критикует бытовавшую одно время в нашей литературе схоластическую точку зрения, согласно которой Маркс сначала создал диалектический материализм, а затем распространил его положения на область общественной жизни и проложил таким образом путь к разработке материалистического понимания истории и марксистской политической экономии. По этой схеме получается, что Маркс создавал диалектический материализм независимо от своих экономических и социологических исследований. Эта точка зрения, как показывает Г. Гумницкий, была проведена в ряде статей советских авторов, а также в таких широко распространенных изданиях, как «Краткий философский словарь», учебник «Исторический материализм» и т. д.

Г. Гумницкий доказывает, что процесс создания диалектического материализма был неразрывно связан не только с коренной переработкой Марксом учений его философских предшественников — Гегеля и Фейербаха, но и с критическим анализом классической английской политической экономии и французского утопического социализма. Следовательно, нельзя рассматривать создание Марксом диалектического материализма как предварительный этап к разработке им материалистического понимания истории и марксистской политической экономии. Автор вполне резонно доказывает, что формирование диалектического материализма началось у Маркса как раз с разработки новых историко-материалистических взглядов.

Однако наряду с этими правильными положениями в статье Г. Гумницкого содержатся, на наш взгляд, и

---

[1] «Труды Омского сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова», т. XXXIII, стр. 3—92.

спорные положения. В частности, Г. Гумницкий относит хронологические рамки начала зарождения исторического и диалектического материализма к апрелю — августу 1844 г., то есть к моменту написания Марксом «Экономическо-философских рукописей». Он полемизирует с К. Фроловым и А. Петрашик, утверждавшими, что Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» (1843) в ходе критики гегелевского метода дал новое решение диалектических проблем и тем самым положил начало созданию материалистической диалектики. В противовес им Г. Гумницкий утверждает, что едва ли можно отнести начало создания диалектико-материалистического метода к 1843 г., так как Маркс тогда еще был революционным демократом и критиковал Гегеля с революционно-демократических позиций. Создать диалектико-материалистический метод Маркс мог, по мнению Г. Гумницкого, лишь тогда, когда он постиг в ходе изучения экономики капиталистического общества его глубочайшие противоречия, то есть изучил диалектику самой жизни. Таким образом, необходимой предпосылкой этого, пишет Г. Гумницкий, было изучение Марксом объективных экономических отношений, начало разработки им своей экономической теории [1].

В чем, на наш взгляд, существенный недостаток указанной точки зрения? Г. Гумницкий рассматривает критику Марксом гегелевской философии права лишь в рамках рукописи 1843 года. Между тем, как мы уже указывали выше, эту рукопись следует брать в тесном единстве с «Крёйцнахскими тетрадями» и статьями Маркса, напечатанными в «Deutsch-Französische Jahrbücher»: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение».

Указанные материалы, в частности «Крёйцнахские тетради», показывают, что уже в 1843 г. в центре внимания Маркса были вопросы о взаимоотношении между государством и гражданским обществом, между собственностью и политическими институтами. В тематиче-

---

[1] См. «Труды Омского сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова», т. XXXIII, стр. 19, 61, 79, 80.

ском указателе, который Маркс составил к своим тетрадям, он выделил особую рубрику: «Собственность и ее последствия». Большое место в этих тетрадях уделяется истории французской революции конца XVIII века. При этом Маркс подчеркивает огромное значение столкновения материальных сословных и классовых интересов при решении кардинальных задач французской революции. Особое внимание он обращает на борьбу различных классов и политических партий в ходе революции[1]. Все это свидетельствует о том, что уже в 1843 г. Маркс критиковал Гегеля и его диалектику, вопреки утверждениям Г. Гумницкого, не только как революционный демократ, но и как философ, который под влиянием материалиста Фейербаха, с одной стороны, и глубокого усвоения уроков французской революции — с другой, становился на позиции материализма и коммунизма.

Таким образом, начало формирования материалистической диалектики следует связывать не столько с началом экономических исследований Маркса, сколько с глубоким изучением им социальной истории Англии и Франции, опыта французской буржуазной революции конца XVIII века. Что касается политической экономии, то и ее Маркс начал изучать также не во время работы над «Экономическо-философскими рукописями», а несколькими месяцами раньше, после переезда в Париж в конце октября 1843 г., как это констатирует и сам Г. Гумницкий. Бесспорно, всесторонняя разработка Марксом материалистической диалектики предполагала глубокое изучение им экономических противоречий капиталистического общества, как и самой экономической теории. Однако здесь идет речь об исходной, начальной стадии разработки законов материалистической диалектики. Фактический материал биографии Маркса показывает, что при этом решающую роль сыграла критика им гегелевской философии права, опиравшаяся на глубокое понимание уроков буржуазных революций в Англии, Америке и Франции, на критику реакционных политических порядков, господствовавших в Германии.

---

[1] См. Marx — Engels Gesamtausgabe, erster Abt., B. I, Halbband 2, S. 118—136.

Мы также не можем согласиться с мнением Г. Гумницкого, что «создание «Экономическо-философских рукописей 1844 года» явилось *началом* [курсив наш.— *Е. К.*] революционного переворота в философии, осуществленного Марксом и Энгельсом»[1]. В действительности, как нам кажется, началом революционного переворота в философии явился переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Этот переход, как отмечает В. И. Ленин, окончательно завершился в статьях Маркса, напечатанных в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (журнал вышел в феврале 1844 г.). Указанные статьи, в которых Маркс выступает как материалист и коммунист, провозглашающий всемирно-историческую роль пролетариата как создателя нового, бесклассового общества, и являются исходными, начальными рубежами революционного переворота в философии. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Святое семейство» составляют дальнейший этап в формировании философии марксизма, и притом не последний. Затем следуют «Тезисы о Фейербахе» (1845 г.), которые Энгельс охарактеризовал как «гениальный зародыш нового мировоззрения», и «Немецкая идеология» (1845—1846 г.), дающая стройное изложение материалистического понимания истории. И, наконец, завершающим этапом формирования марксистской философии являются первые зрелые произведения научного коммунизма — «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии», написанные в 1847 — начале 1848 годов.

Известным схематизмом страдает также приводимая Г. Гумницким периодизация формирования взглядов Маркса. Период от 1842 до середины 1843 г. являлся, как утверждает он, периодом развития прежде всего политических воззрений Маркса. С осени 1843 г. развитие его политических взглядов происходило в связи с экономическими исследованиями, в результате чего Маркс пришел к открытию всемирно-исторической роли пролетариата. Период от конца 1843 до середины 1844 г.

[1] «Труды Омского сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова», т. XXXIII, стр. 84.

явился временем, когда Маркс преимущественно занимался изучением экономических проблем и в связи с этим совершалось формирование исторического материализма и научного коммунизма[1].

Эта схема не вполне соответствует фактам биографии Маркса. Из нее совершенно выпали занятия Маркса социальной историей Англии, Франции и США, изучение им истории французской революции, результаты которого он изложил в своих статьях «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение». Схема Г. Гумницкого не учитывает также серьезного изучения Марксом в 1843—1845 гг. французского и английского утопического социализма и коммунизма. Между тем критическое использование этого источника имело значение для разработки не только социализма, но и всех трех составных частей марксизма, в том числе марксистской политической экономии и марксистской философии. Таким образом, Г. Гумницкий, отдав дань экономическим исследованиям Маркса, в то же время недооценил значения для формирования марксизма гигантской работы, которую проделал Маркс по критическому усвоению того, что дала предшествующая человеческая мысль в области философии, исторической науки и социалистических учений.

* * *

Обширный раздел в рассматриваемом номере «Recherches Internationales» занимают материалы, посвященные критике буржуазной и реформистской фальсификации категории отчуждения, разбираемой Марксом в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Этому вопросу посвящены работы советского исследователя Л. Пажитнова «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и немецкого экономиста В. Яна «Экономическое содержание понятия отчуждения труда в произведениях молодого Маркса», а также весьма содержательная справка-статья В. Брушлинского «К истории редактирования и публикации «Экономическо-философ-

---

[1] «Труды Омского сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова», т. XXXIII, стр. 27.

ских рукописей» Карла Маркса». В. Брушлинский является подготовителем издания этих рукописей на русском языке.

Большинство современных «критиков» марксизма пытаются представить марксову категорию отчужденного труда, характерную для его ранних работ, центральным понятием всего учения Маркса. Основная их тенденция сводится к тому, чтобы отождествить марксовскую концепцию отчуждения с гегелевской или фейербаховской, вытравить из нее ее антикапиталистическое, антибуржуазное направление, исказить ее материалистическое содержание, придав ей идеалистически-этический характер. Искажая взгляды Маркса, упомянутые критики обвиняют марксистов, а подчас и самого Маркса, в последующем отступлении от «первоначально гуманистического направления в его учении». Цель всех этих ухищрений заключается в том, чтобы использовать фальсифицированные подобным образом взгляды молодого Маркса против марксизма-ленинизма.

Вполне понятно, что появление марксистских работ, дающих позитивную разработку марксовой категории отчужденного труда и в то же время разоблачающих лживые теории буржуазных и реформистских критиков марксизма, более чем своевременно. Статьи Л. Пажитного и В. Яна, помещенные в упомянутом журнале, довольно удачно, на наш взгляд, решают указанные задачи. В первой части работы Л. Пажитнова, представляющей собой вводную главу из его книги «У истоков революционного переворота в философии», дается обстоятельная критика социал-демократических и буржуазных интерпретаций «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса. Весьма существенные критические замечания, направленные в адрес буржуазных «критиков» марксизма, содержатся и в статье В. Яна. Оба автора вполне резонно указывают, что одной из причин особой склонности противников марксизма к фальсификации ранних работ Маркса явилось то обстоятельство, что эти произведения в течение долгого времени не были в поле зрения марксистских исследователей.

Вторая часть работы Л. Пажитнова представляет собой перепечатку его статьи на эту тему, опубликованной

в журнале «Коммунист» № 2 за 1958 год. В ней автор в противовес буржуазным и реформистским критикам доказывает, что «Экономическо-философские рукописи» еще не являются произведением зрелого марксизма. Наряду с чрезвычайно важными зародышами будущего мировоззрения в этой работе подчас можно встретить и нечеткую терминологию, и незрелые мысли, несущие на себе печать влияния тех теоретических источников, которые служили Марксу первоначальным мыслительным материалом. В этой рукописи, в частности, не преодолено еще до конца влияние отдельных положений антропологического гуманизма Фейербаха и часто применяется его терминология, хотя по содержанию основных своих понятий Маркс уже далеко выходит за пределы идей этого великого немецкого материалиста [1]. В то же время Л. Пажитнов показывает, что «Экономическо-философские рукописи» дают обильный фактический материал, опровергающий реформистских фальсификаторов, противопоставляющих «молодого Маркса» Марксу последующих лет.

В противоположность буржуазным «марксологам», пытающимся изобразить марксову категорию отчуждения как чисто этическое вечное понятие, близкое по своему содержанию к концепциям Гегеля и Фейербаха,

[1] Содержащиеся в работе Л. Пажитнова указания на присущие этой ранней работе Маркса отдельные недостатки безусловно справедливы. Именно эти незрелые положения «Экономическо-философских рукописей» используются буржуазными и реформистскими критиками марксизма для систематического искажения и фальсификации научного коммунизма. Указанное обстоятельство, естественно, настораживает марксистских исследователей, побуждая их к всестороннему анализу «Экономическо-философских рукописей», анализу, который был бы свободен как от принижения значения этого труда, так и от игнорирования присущих рукописям недостатков. Между тем в работах некоторых марксистских исследователей имеет место одностороннее, подчас даже преувеличенное, подчеркивание одних лишь достоинств рукописей 1844 года. Примером этого является упомянутая выше работа Г. Гумницкого. Глубоко прав О. Корню, когда он характеризует эти рукописи как «первое суммарное изложение нового мировоззрения Маркса» и в то же время отмечает переходный характер данной работы, предостерегая против всякой абсолютизации развитых в ней взглядов (*О. Корню.* «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность», т. 2, 1961, стр. 113, 247—248).

Л. Пажитнов показывает, что марксово понятие отчуждения в указанных рукописях принципиально отличалось от интерпретации категории отчуждения, в том числе отчуждения труда, у Гегеля и Фейербаха, что оно было неразрывно связано с критикой Марксом капиталистической частной собственности и буржуазной политической экономии. Стремясь преодолеть ограниченность буржуазной экономической науки, рассматривающей систему частной собственности как коренное и вечное свойство, присущее всякому обществу, Маркс характеризует категорией отчуждения положение рабочего в условиях господства частной собственности, подразумевая при этом ее капиталистическую форму. Отчуждение у Маркса, следовательно,— это конкретно-историческое явление, свойственное буржуазному обществу. Маркс прежде всего подчеркивал тот факт, что в капиталистическом обществе условия и продукты труда выступают по отношению к непосредственному производителю как враждебно противостоящая ему сила. Марксова категория отчужденного труда, как справедливо отмечает Л. Пажитнов, фиксирует также и то обстоятельство, что сам рабочий при капитализме оказывается на всю жизнь прикованным к одному определенному виду труда. Разработка категории отчужденного труда, указывает Л. Пажитнов, позволяет Марксу дать материалистическое истолкование противоположности между умственным и физическим трудом в классовом обществе и показать, как в результате общественного разделения труда при капитализме и эксплуатации происходит обезличение трудящегося человека, подавление многих заложенных в нем способностей к разностороннему умственному и физическому развитию, принижение его достоинства, его «обесчеловечение». Попутно Л. Пажитнов критикует и тех авторов, которые сводят марксову категорию отчужденного труда к отношению рабочего к крупному машинному производству вообще, независимо от того, при каком общественном строе это проявляется.

Большой интерес представляет упомянутая статья В. Яна. В ней прослеживается постановка вопроса об отчуждении труда у молодого Маркса, начиная с его докторской диссертации и кончая «Экономическо-философ-

скими рукописями». Раскрывая содержание марксовой категории отчужденного труда, В. Ян справедливо пишет, что она «в первую очередь отражает экономические отношения. Но было бы ошибкой видеть в ней,— пишет он,— только ее экономическое содержание. В теории отчужденного труда объединены все составные части марксизма, хотя они до конца и не были еще разработаны» [1]. Такой постановкой вопроса В. Ян делает беспочвенным всякий упрек, будто он толкует марксову категорию отчуждения лишь как экономическую, не видя других форм отчуждения: политического, религиозного и т. п. Наоборот, автор статьи подчеркивает, что у Маркса экономическое отчуждение является основой всех других форм отчуждения. И в этом вопросе В. Ян, Л. Пажитнов, а также другие марксистские исследователи, например Р. Гароди, придерживаются общей точки зрения [2]. Они опираются при этом на положения самого Маркса. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д.,— пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях»,— суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности,* как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому,* т. е. *общественному* бытию» [3]. Таким образом, марксову категорию отчуждения нельзя рассматривать только как экономическое понятие; она является более широким философским понятием, включающим различные формы отчуждения, в основе которых лежит отчуждение труда.

Заранее сделав эту оговорку, В. Ян сознательно ограничил свое исследование экономическим содержанием категории отчужденного труда. В противовес буржуазным и реформистским авторам, делающим, как уже было

---

[1] «Recherches Internationales» № 19, 1960, p. 161.

[2] *Л. Пажитнов.* «У истоков революционного переворота в философии». М., 1960, стр. 63; *Р. Гароди.* «Марксистский гуманизм». М., 1959, стр. 70—71. См. также *Р. Гароди.* «Борьба за коммунизм — путь к преодолению «отчуждения» человека» («Проблемы мира и социализма» № 10 (26), 1960, стр. 19—26).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 589.

сказано, упор на политическом, идеологическом и этическом аспектах категории отчуждения у Маркса с целью затушевывания ее материалистического и антикапиталистического характера, марксистские исследователи (Корню, Гароди, Пажитнов, Ян, Гепнер и др.) стремятся в первую очередь показать социальное содержание этой категории, подчеркнуть ее материалистическую разработку у Маркса.

В своей статье В. Ян всесторонне освещает экономическое содержание понятия «отчуждение труда», выражающее отдельные существенные элементы формирующегося учения Маркса об эксплуатации человека человеком, показывает диалектическую взаимосвязь между отчуждением труда и частной собственностью, критикуя взгляды на этот счет буржуазных «марксологов» Маркузе и Попица. В статье прослежено, в какой мере категория отчужденного труда подводит к пониманию законов общественного развития. Объяснив, почему Маркс в то время пытался применить к объяснению экономических явлений философское понятие «отчуждение», В. Ян в то же время показывает несовершенство и известные недостатки, присущие этой центральной категории философской и экономической мысли молодого Маркса. Он убедительно показывает, что категория отчужденного труда способна раскрыть лишь некоторые стороны эксплуатации человека человеком, но не может объяснить специфическую природу и методы эксплуатации, характерные для определенных общественно-экономических формаций.

Наибольший интерес представляет тот раздел статьи В. Яна, в котором показано, что по мере того, как Маркс разрабатывал дальше свое философское и экономическое учение, категория отчуждения труда все больше отодвигалась на задний план. Уже в «Святом семействе», отмечает В. Ян, эта категория не играет той роли, которая отводилась ей в «Экономическо-философских рукописях». В «Немецкой идеологии», отражающей более высокую ступень формирования марксизма, термин «отчуждение» встречается гораздо реже, и он выполняет уже иные функции, чем в предшествующих работах. Маркс употребляет здесь это понятие лишь для того, как

он сам заявляет, чтобы выразить свои новые идеи в понятной и привычной для философов форме. Это понятие должно было по замыслу авторов «Немецкой идеологии» выразить, в частности, противоречие между производительными силами и производственными отношениями и порожденную этими противоречиями классовую борьбу.

Отмечая достоинства интересной и полезной статьи В. Яна, мы в одном вопросе не можем полностью согласиться с ней. В. Ян пишет, что ко времени написания «Манифеста Коммунистической партии» категория отчуждения труда была для Маркса уже полностью «преодоленным» понятием [1]. Примерно такую же позицию в этом вопросе занимает также и И. Гепнер, утверждающий в упомянутой выше статье, что уже ко времени создания «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подчеркивали бессодержательность термина «отчуждение» и в дальнейшем им не пользовались [2].

Внимательное ознакомление с такими работами Маркса, как «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» («Основные черты критики политической экономии») — под таким названием были опубликованы на языке оригинала экономические рукописи Маркса 1857—1858 гг.,— «Теории прибавочной стоимости» и «Капитал» приводит к выводу, что Маркс продолжал пользоваться этим термином не только в 40-х, но и в 50-х, 60-х и 70-х годах. Правда, содержание этого понятия в этих работах значительно сужено по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», и оно играет здесь подчиненную роль. Анализ использования этого термина в указанных экономических трудах Маркса подтверждает основной вывод марксистских исследователей, что под понятием отчуждения Маркс всегда имел в виду в первую очередь отчуждение труда, то есть важнейшие моменты своего учения об эксплуатации рабочего в условиях буржуазного производства, отчуждении от рабочего условий и продукта труда в связи с господством частной собственности. Существенные элементы этого понимания отчуждения труда мы находим и в работе

---

[1] См. «Recherches Internationales» № 19, 1960, p. 173.
[2] Там же, стр. 188.

Маркса «Теории прибавочной стоимости». Всюду, где Маркс говорит здесь об отчуждении, он понимает под этим термином отделение средств производства от рабочих, отчуждение от них условий производства, отчуждение от труда, то есть от рабочих, вещественной силы и господства ее над ними[1]. В некоторых случаях Маркс пользуется термином «отчужденный труд» как синонимом наемного труда или же подчеркивает тот факт, что капитал выступает как отчужденная, враждебная самому труду независимая форма, как чужая собственность[2]. В некоторых случаях Маркс связывает термин «отчуждение» с понятием товарного фетишизма[3].

Примерно то же самое употребление этого термина мы встречаем и в «Капитале». В первом томе «Капитала» Маркс отмечает, что господствующая в буржуазном обществе взаимная *отчужденность* предполагает, что люди относятся друг к другу как частные собственники *отчуждаемых* вещей, что в этом обществе средства производства превращаются в средства высасывания *чужого* труда, что капиталистический способ производства придает условиям производства и продукту труда по отношению к рабочему характер самостоятельности и *отчужденности* и что с появлением машин эта отчужденность развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, и условиями труда, продуктами труда,— с другой. Рабочий постоянно производит объективное богатство как капитал, т. е. «как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу»[4].

На протяжении первого, а также третьего томов «Капитала» Маркс неоднократно характеризует капитал как воплощение отчужденного прошлого и неоплаченного труда рабочих, материализовавшегося в средствах производства, как отчужденную, обособленную обществен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. I, стр. 22—23, 69, 347—348.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. II, стр. 269, 275, 283, 306, 329, 498—499.

[3] Там же, стр. 306, 310, 488, 498.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 97, 320, 442, 583—584.

ную силу, которая противостоит обществу, как отчужденную от труда и вследствие этого превращенную форму условий труда[1]. «При капиталистической системе,— пишет Маркс,— все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизнь превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу капитала»[2].

Таким образом, понятие отчуждения используется в основном труде Маркса «Капитал». Однако в отличие от «Экономическо-философских рукописей», в которых категория отчуждения труда отражает лишь первый, ранний этап разработки Марксом экономической теории и исторического материализма, в «Капитале» это понятие истолковано на основе зрелой и разработанной теории, на базе научно раскрытого Марксом основного ядра его экономического учения — теории прибавочной стоимости. Бесспорно, что важнейшие положения об отчуждении, четко сформулированные в «Капитале», вчерне были изложены уже в «Экономическо-философских рукописях». Однако в этой ранней работе Маркса понимание категории отчуждения еще опутано фейербаховскими антропологическими понятиями: о взаимоотношении родовой и индивидуальной жизни человека, о родовой сущности человека и ее отчуждении, о взаимоотношении человека и природы. Так, характеризуя коммунизм, Маркс, например, пишет: «Такой коммунизм, как завершенный

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 622; т. 25, ч. I, стр. 290, 421, 480; т. 25, ч. II, стр. 391, 398.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 660.

натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[1]. Приведенное место красноречиво свидетельствует, что Маркс еще не до конца преодолел здесь влияние антропологизма Фейербаха.

Категория отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» является центральным понятием. Между тем в последующих работах Маркса она уже не играет такой роли. Более того, она утрачивает у Маркса значение самостоятельной научной категории, как мы это видели на примере «Теорий прибавочной стоимости» и «Капитала». Маркс чаще всего употребляет теперь это понятие лишь для разъяснения или для подчеркивания своей мысли. Следовательно, если мы продолжаем встречать в экономических произведениях Маркса более позднего времени термин «отчуждение», то он уже здесь играет подчиненную, служебную роль. Любопытно отметить, что в произведениях Энгельса или в совместных произведениях Маркса и Энгельса мы, как правило, не встречаем этого понятия. Указанное обстоятельство свидетельствует, что оно не стало строго научной категорией зрелой марксистской мысли[2]. Прав О. Корню, посвятивший в своей биографии Маркса и Энгельса «Экономическо-философским рукописям» большой и обстоятельный раздел,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 588.

[2] Пользуюсь здесь случаем, чтобы внести уточнение в толкование вопроса об отчуждении труда, которое я дал в статье «Некоторые вопросы истории формирования научного коммунизма в освещении современной буржуазной и реформистской литературы» («История социалистических учений. Сборник статей». М., 1962, стр. 376—417). В полном согласии с В. Яном я писал в этой статье: «Ко времени написания «Манифеста Коммунистической партии» категория отчужденного труда являлась для Маркса уже вполне преодоленной» (стр. 391). Безусловно, это понятие в последующих трудах Маркса перестает играть самостоятельную роль, а лишь используется для разъяснения и подчеркивания других экономических, научно более точных категорий. Однако само понятие отчуждения труда продолжает жить в таких экономических трудах Маркса, как «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости».

когда отмечает, что по мере разработки Марксом исторического и диалектического материализма концепция отчуждения все больше отступала у него на задний план [1].

Тем не менее понятие отчуждение в марксистском понимании сохраняет и в наши дни свое важное позитивное значение. Понятие отчуждения дает общую характеристику положения трудящегося человека при капитализме. Марксова концепция отчуждения служит призывом к борьбе против всех форм эксплуатации, присущих капиталистическому строю, против господства капитала и товарного фетишизма в экономике, против всесилия буржуазного государства и политического бесправия трудящихся, против бесчеловечных законов морали эксплуататорского мира [2]. Марксово понятие отчужденного труда содержит важные этические, гуманистические критерии и оценки общественных отношений, которые, несомненно, и в наши дни имеют большое значение в острой идеологической борьбе сил демократии, мира и социализма против реакционных сил империализма и войны.

В связи с анализом «Экономическо-философских рукописей 1844 года» серьезные методологические вопросы подняты также и в опубликованной в разбираемом

---

[1] В то же время вызывает сомнение утверждение О. Корню, будто Маркс в последующих своих трудах стал заменять понятие *«отчуждение»* понятием *«практика»* (см. *О. Корню*. Цит. соч., т. 2, стр. 248, 369). Вопрос о значении революционной практики для общественного развития безусловно занимал в последующих работах Маркса («Тезисы о Фейербахе», «Немецкая идеология» и др.) все большее место. Но в какой мере понятие практики может заменить категорию отчуждения? Ведь эти понятия находятся в разных теоретических плоскостях. Теория отчуждения труда являлась в ранних работах Маркса научной, рабочей гипотезой, объясняющей причины эксплуатации рабочих, их социального, политического и духовного порабощения. Проблема практики освещает совершенно иные вопросы, а именно: вопрос о взаимоотношении теории и жизни, о практике как критерии истины, об условиях претворения философии в жизнь. Вполне права А. Петрашик, которая в своей рецензии на второй том книги О. Корню пишет, что понятие практики не поглощает и не заменяет этических, гуманистических критериев оценки общественных отношений, которые заключены в марксовой теории отчуждения труда (см. «Вопросы философии» № 11, 1962, стр. 176).

[2] См. *Р. Гароди*. «Борьба за коммунизм — путь к преодолению «отчуждения» человека» («Проблемы мира и социализма» № 10 (26), 1960, стр. 19—25).

номере «Recherches Internationales» статье польского марксиста А. Шаффа «Истинный облик молодого Маркса». В этой работе Шафф опровергает утверждения польского философа Колаковского, будто теория познания, разработанная в «Экономическо-философских рукописях», составляет теорию познания и зрелого Маркса. Шафф вскрывает несостоятельность попытки Колаковского противопоставить эту теорию концепции Энгельса и Ленина. Показывая, что Колаковский фактически следует за многочисленными буржуазными и ревизионистскими «критиками» марксизма, искажающими подлинные воззрения молодого Маркса, Шафф отстаивает, на наш взгляд, весьма существенный методологический принцип, позволяющий прослеживать в ранних работах зародыши идей, получивших окончательную формулировку в более поздних произведениях марксизма. В то время как многочисленные буржуазные «марксологи», гипертрофируя отдельные незрелые положения в ранних работах Маркса, пытаются представить его гегельянцем, фейербахианцем, экзистенциалистом и т. п., Шафф требует, чтобы к ранним работам Маркса были применены те же методы научного анализа, которым пользовался сам Маркс. Один из этих методологических принципов был сформулирован Марксом в его «Введении» (к экономическим рукописям 1857—1858 гг.) следующим образом: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»[1]. Иначе говоря, более высокий этап развития позволяет нам понять его предшествующий этап. Следовательно, для того чтобы понять, что составляет подлинное содержание «Экономическо-философских рукописей», их следует сопоставить не только с домарксовскими воззрениями, но главным образом с последующими произведениями самого Маркса — «Немецкой идеологией», «Манифестом Коммунистической партии», «Капиталом» и другими трудами. Как указывает сам Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», этот метод используется им

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 12, стр. 731.

при анализе товарного хозяйства. Ничто не препятствует нам использовать этот метод и при анализе идеологических явлений.

Мы не можем согласиться с мнением И. Гепнера и Л. Альтюсера, будто применяя такой метод, сопоставляя ранние работы Маркса с его позднейшими произведениями, мы тем самым «растворяем» молодого Маркса в Марксе более позднего периода. Главный упрек, бросаемый А. Шаффу Л. Альтюсером в упомянутой выше рецензии, заключается в том, что-де сторонники указанного метода фактически следуют за Гегелем, который таким способом навязывал свою надуманную логическую конструкцию предшествующему историческому развитию[1].

Этот упрек, на наш взгляд, не обоснован. Маркс, выдвигая в 1857 г. указанный методологический принцип, отнюдь не уподоблял свой метод методу Гегеля, а наоборот, именно в этой работе подчеркивал коренное различие между материалистической диалектикой и диалектикой Гегеля. Следовательно, говорить о каком-то гегельянском подходе, связанном якобы с применением этого методологического принципа, было бы неверно. Отказываться сопоставлять ранние произведения Маркса и Энгельса с их последующими трудами, рассматривать этот ранний период творчества основоположников научного коммунизма вне истории марксизма, как это делает Л. Альтюсер, значит фактически отрицать эволюцию философских взглядов Маркса и Энгельса, на которые неоднократно указывал В. И. Ленин.

Сами Маркс и Энгельс, неоднократно сопоставляя в своих работах ранние свои произведения с последующими трудами, отмечали отдельные слабости в их книгах и статьях юношеских лет, но в то же время указывали на зародыши тех идей, которые получили зрелую и законченную форму в их позднейших сочинениях. Примером этому являются многочисленные предисловия Энгельса к «Положению рабочего класса в Англии», к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал» и к другим его произведениям, а также первый том «Капитала», где Маркс систематически отмечает в ранних работах Энгельса

[1] «La Pensée» № 96, 1961, p. 5—6.

(«Наброски к критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии») первые формулировки тех экономических идей, которые были затем развиты им в «Капитале». Таков же был подход Ленина к изучению формирования марксистской мысли. Его статья «Карл Маркс» красноречиво свидетельствует об этом.

Бесспорно, не следует искусственно подгонять работы молодого Маркса под его произведения зрелого периода. Против такой подгонки предупреждал и сам Маркс в упомянутом выше «Введении». Критикуя буржуазную историографию, он писал, что «новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике...»[1]. Однако действительно существующая опасность проявления подобной односторонности, известных натяжек не может служить аргументом в пользу того, чтобы вообще отказаться от сопоставления ранних произведений с позднейшими трудами Маркса и Энгельса, от раскрытия теоретических источников марксизма и процесса его становления. Такое сопоставление является необходимым элементом научного анализа.

* * *

В процессе формирования марксистской философии чрезвычайно важное место занимают первые совместные труды основоположников научного коммунизма: «Святое семейство, или Критика критической критики» и «Немецкая идеология». Хотя эти работы и были предметом многих исследований, значение их с точки зрения генезиса марксизма, круг идей, составляющих их содержание, выяснены пока лишь в общих чертах. Для детального анализа в разных аспектах здесь еще имеется широкое поле деятельности, как это показали новейшие работы на данную тему.

Содержание «Святого семейства» весьма обстоятельно освещается в упомянутой книге О. Корню. Автор совершенно правильно указывает на то, что «Святое семейство» составляет значительный шаг вперед в идейном

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 732.

развитии Маркса и Энгельса, важную ступень в разработке исторического материализма[1]. Однако при всей основательности разбора «Святого семейства» некоторые важные стороны содержания этого труда не получили отражения в его анализе. Автор, в частности, не прослеживает в достаточной мере влияния идей французского утопического социализма на Маркса и Энгельса при написании ими «Святого семейства». Из всех французских и английских социалистов-утопистов Корню выделяет главным образом Прудона, не раскрывая влияния на Маркса и Энгельса таких социалистов и коммунистов, как бабувисты, Фурье, Дезами, Оуэн и др. Между тем ряд пространных разделов «Святого семейства», в которых Маркс подвергает критике буржуазную цивилизацию, буржуазную семью, свидетельствует о критическом использовании им той критики, которую дали этим институтам Фурье и другие французские социалисты. Вне поля зрения О. Корню остался также вопрос о разработке проблем материалистической диалектики в «Святом семействе».

Несомненный интерес представляет опубликованная в 19-м номере «Recherches Internationales» статья покойного советского исследователя А. Уйбо «Разработка Марксом и Энгельсом вопросов исторического материализма в произведении «Немецкая идеология»»[2]. Как известно, этот труд Маркса и Энгельса также стал предметом усиленных спекуляций со стороны ряда буржуазных и реформистских критиков марксизма — Тира, Попица, Маркузе, Рюбеля и т. п. Основная тенденция в работах указанных авторов — рассматривать совместную работу основоположников марксизма, «Немецкую идеологию», как произведение преимущественно одного Маркса и затушевывать различие в степени зрелости между этим трудом и «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Буржуазные «марксологи» всячески игнорируют тот факт, что «Немецкая идеология» знаменует собой новый этап в формировании философских идей

---

[1] См. *О. Корню.* Цит. соч., т. 2, стр. 369.

[2] Эта статья перепечатана из сборника «Из истории формирования и развития марксизма», изданного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1959 году.

основоположников научного коммунизма, что некоторые недостатки «Экономическо-философских рукописей», проистекающих, в частности, от непреодоленного влияния слабых сторон в философских системах Гегеля и Фейербаха, в этом совместном произведении Маркса и Энгельса преодолены. Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», а также и в «Святом семействе» содержатся лишь *отдельные,* исходные положения материалистического понимания истории, то в «Немецкой идеологии» исторический материализм выступает уже как стройное мировоззрение.

Буржуазные и реформистские «марксологи», как известно, силятся доказать, что встречающиеся в «Немецкой идеологии» выражения «уничтожение труда», «уничтожение разделения труда» являются якобы лишь конкретизацией требования Маркса в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» об уничтожении отчуждения. При помощи подобных фальсификаций «критики» марксизма, как например Г. Маркузе, пытаются клеветать на Советский Союз и другие социалистические страны, утверждая, будто в них не устранено отчуждение человека, будто эти государства, не устраняя труд и разделение труда, тем самым, дескать, развиваются не по тому пути, который указал Маркс в «Немецкой идеологии». Эти клеветнические и научно несостоятельные утверждения, естественно, вызывают резкую критику со стороны марксистских авторов.

Хотя в своей статье А. Уйбо не вел прямой полемики против упомянутых взглядов, содержащийся в ней разбор некоторых важнейших положений «Немецкой идеологии» дает богатый материал для критики буржуазных и реформистских авторов. В статье дан тонкий анализ развиваемых в «Немецкой идеологии» категорий труда и разделения труда, наглядно вскрывающий несостоятельность утверждений буржуазных «критиков» марксизма. А. Уйбо показывает, что в «Немецкой идеологии» наряду с общеупотребимым понятием труда как деятельности, направленной на производство материальных благ, эта же категория употребляется в особом смысле, в специфическом понимании, в качестве противоположности к «самодеятельности» («Selbstbetätigung»). Термином

«самодеятельность» Маркс и Энгельс обозначали свободную, не навязанную внешними силами или материальными условиями деятельность в области материального и духовного творчества, дающую возможность людям развернуть все заложенные в них задатки. Именно такая деятельность, писали Маркс и Энгельс, полностью развернется лишь при коммунизме.

«Трудом» же Маркс и Энгельс обозначают в «Немецкой идеологии» деятельность производителей, *навязанную* экономическими или политическими условиями, подневольную работу раба или крепостного, труд пролетария, вынужденного работать из-за куска хлеба. Таким образом, как справедливо отмечает А. Уйбо, «уничтожение труда» выражало в «Немецкой идеологии» требование уничтожения эксплуатации и подневольного характера труда, присущих антагонистическим формациям, в частности капиталистическому обществу.

Но почему Маркс и Энгельс не использовали в противовес термину «труд», означающему «подневольный труд», понятие «свободный труд»? И на этот вопрос мы находим в статье А. Уйбо убедительный ответ. Он показал, что это было не случайно. Фритредерская буржуазия, прикрывавшая различными идеологическими одеяниями свою заинтересованность в установлении свободной торговли, всячески спекулировала тогда на лозунге «свободного труда». Буржуазный, эксплуататорский характер этой «свободы» Маркс и Энгельс очень метко вскрыли в «Немецкой идеологии». «*Современное* государство, господство буржуазии,— писали они,— основано на *свободе труда*... вместе со свободой религии, государства... освобождаюсь не *Я*, а лишь кто-то из моих поработителей. Свобода труда есть свободная конкуренция рабочих между собой... Труд *уже* стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [1]. Указанное место, весьма удачно приведенное в статье А. Уйбо, вполне объясняет, почему Маркс и Энгельс не пользовались в «Немецкой идеологии» понятием свободного труда.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 192.

Важные разъяснения содержатся в статье А. Уйбо и по вопросу о сформулированном Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» требовании «ликвидации разделения труда». Маркс и Энгельс показали, отмечает автор, что во всех антагонистических обществах разделение труда порождает прикованность людей к одной определенной и зачастую весьма узкой профессии, которая уродует работника, препятствует всестороннему развитию его физических и умственных способностей. Разделение труда, обусловленное существованием частной собственности на средства производства и антагонистическими производственными отношениями, неизбежно порождает и углубляет противоречия между физическим и умственным трудом, между городом и деревней. Вскрывая тесную связь между частной собственностью и разделением труда, свойственным классовому обществу, Маркс и Энгельс подчеркивали, что «разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» [1]. Из всего этого явствует, что, выдвигая требование «уничтожения разделения труда», Маркс и Энгельс имели в виду лишь тот тип разделения труда, который существует в антагонистическом обществе, в частности, при капитализме, а не всякое разделение труда вообще.

Бесспорно, что в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс еще пользуются отдельными терминами, не вполне адекватно выражающими их взгляды, как например, «уничтожение труда» или «уничтожение разделения труда». Процесс формирования марксистской научной терминологии, полностью соответствующей тем идеям, которые разрабатывались тогда основоположниками марксизма, был в то время отнюдь еще не закончен. Новые понятия Маркс и Энгельс нередко еще облекали в старую терминологическую форму. Однако в «Немецкой идеологии» материалистическое понимание истории выступает уже как вполне сложившаяся составная часть пролетарского мировоззрения. Такие понятия «Экономическо-философских рукописей 1844 года», как «самоот-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 31.

чуждение» и др., отражавшие еще непреодоленное влияние антропологизма Фейербаха, отступают здесь на задний план. Не случайно А. Уйбо в своей обстоятельной статье совершенно не коснулся категории отчужденного труда. Это свидетельствует о происходившем одновременно с выработкой основ исторического материализма и марксистской политической экономии процессе создания новой терминологии, новых понятий и терминов, лучше выражавших существо нового революционного учения.

* * *

Из приведенного обзора видно, сколь многообразны и плодотворны усилия исследователей-марксистов в области разработки генезиса марксистской философии. В то же время существует еще много невыясненных или не изученных до конца вопросов, а также дискуссионных проблем, над которыми надлежит еще много потрудиться. Во всяком случае уже достигнутые результаты позволяют противопоставить измышлениям буржуазных интерпретаторов ранних произведений Маркса и Энгельса серьезную научную постановку вопроса и выводы марксистских авторов. Эти результаты дают вместе с тем исходные пункты для дальнейших исследований.

В настоящее время благодаря историческим решениям XX и XXII съездов КПСС, разоблачению культа личности И. В. Сталина, большой работе по устранению последствий этого культа, проделанной нашей партией, создана исключительно благотворная творческая обстановка для развития всех общественных наук и, в частности, для развертывания научных исследований по истории марксизма и международного рабочего движения.

Одной из почетных обязанностей советских исследователей — философов, историков, экономистов — является создание глубоких научных трудов по истории возникновения марксизма, формирования его философии и других его составных частей, по истории распространения и утверждения марксизма в международном рабочем движении.

А. И. МАЛЫШ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ МАРКСА 1857—1858 ГОДОВ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В современной идеологической борьбе между двумя противоположными мирами, между двумя непримиримыми и взаимоисключающими друг друга идеологиями обращает на себя внимание попытка монополистической буржуазии нейтрализовать или заполучить на свою сторону, так сказать, обратить в свою веру не кого-либо, а самих классиков марксизма-ленинизма. Делается это обычно путем грубых фальсификаций, рассчитанных на недостаточно искушенную или совершенно несведущую публику, с помощью в сущности не новых методов препарирования отдельных трудов великих учителей пролетариата, противопоставления их взглядов на различных этапах развития. Вот примерная схема, которой руководствуется, пожалуй, большинство западных «исследователей» жизни и деятельности Маркса, Энгельса и Ленина.

Маркс — это не революционер, а проповедник некиих этических принципов, имеющих универсальное значение в совершенствовании человеческой природы. К середине и особенно к концу своей жизни он несколько сбился с истинного пути. Самим собой, в своем лучшем виде Маркс выступал, конечно, в своих ранних произведениях, написанных до «Немецкой идеологии» и «Нищеты философии».

Энгельса вообще не следует брать в расчет,— это упрощенец и вульгаризатор Маркса. С его именем связана только деградация марксизма.

Ленин — фигура противоречивая. У него было много учителей. В отличие от Маркса, для которого самыми характерными являются его ранние труды, Ленин претерпел хронологически закономерную эволюцию, и вся его сущность раскрылась с момента Октябрьской революции, когда он, фактически отрекшись от марксизма, становится откровенным или, в лучшем случае, слегка замаскированным последователем анархиста Бакунина, народника Ткачева и сторонника заговорщической тактики Нечаева. Такую картину рисует, например, Бенедикт Каутский в своем уже посмертно публикуемом Социалистической партией Австрии «литературном наследии»[1].

История формирования и развития марксизма-ленинизма стала теперь одной из главных сфер приложения сил теоретических и идеологических оруженосцев современной буржуазии, которая чувствует и видит, что из-под ее ног уходит почва, что в мирном соревновании двух социально-экономических систем перевес оказывается все больше на стороне социалистического лагеря.

«Исследованиями» по истории учения Маркса занимается, среди прочих учреждений, французский Институт прикладной экономической науки, издающий под редакцией М. Рюбеля «Etudes de Marxologie». Лицо этого редактора, как и в целом Института, пригревшего его в своих стенах, выступает вполне отчетливо уже в первых публикациях, посвященных «критическому анализу» экономических выписок Маркса за 40-е годы. В предисловии ко второму выпуску указанных «этюдов» Рюбель протаскивает по сути ту мысль, что Маркс не более, чем добросовестный ученик и верный последователь своих многочисленных и даровитых предшественников, и что он ни в своих ранних, ни в своих поздних сочинениях никакого переворота в науке не совершил. «Облегчил ли Маркс,— пишет Рюбель,— появление течений и школ, которые ссылаются скорее на его имя, чем на его труды? Мы не думаем, что он хотел создавать школу и систему: он слишком обязан своим предшественникам и он это знал»[2]. В других местах Рюбель утверждает, что

[1] См. «Die Zukunft» № 2, 1962.

[2] «Etudes de Marxologie» № 2, Paris, 1959, p. 3.

«у Маркса этическая мотивировка довольно постоянно предшествует научному анализу и изложению»[1]. Марксу приписывается, далее, теория автодеструкции, саморазрушения капитализма, то есть процесса мирной трансформации, мирного врастания капитализма в социализм, исключающего необходимость революционной ломки изживших себя производственных отношений[2]. При всем этом Рюбель уверяет, что им движет горячее желание «внести определенную ясность в вопрос о происхождении марксизма»[3]. Между прочим, этот автор подчеркивает, что он в первую очередь делает ставку на «малоизвестные тексты» Маркса, которые хорошо «помогают понять проблемы нашего мира и нашего времени»[4]. Отсюда вполне ясно, что изучение истории марксизма, а особенно экономической теории Маркса, которая является сердцевиной и фундаментом научного коммунизма, глубокое изучение всех этапов развития этой теории — проблема отнюдь не чисто академическая, она имеет огромную политическую важность, ибо речь идет о защите научной основы коммунистической идеологии, о защите и сохранении в чистоте марксизма-ленинизма перед лицом порой коварных и довольно изощренных планов и приемов, которыми оперируют ставленники реакции, враги социального и научного прогресса. Это — одна из важнейших задач в области общественных наук, определяемых принятой на XXII съезде партии новой Программой КПСС.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ 1857—1858 ГОДОВ

Экономические рукописи Маркса 1857—1858 годов изданы полностью только на языке оригинала под заглавием, которое дал им Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,— «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». По имеющимся сведениям завершается их издание в Японии, предпринятое по частям на японском

---

[1] «Etudes de Marxologie» № 2, Paris, 1959, p. 58.
[2] Там же, стр. 70.
[3] Там же, стр. 3.
[4] Там же.

языке. Ожидается, что последняя книга выйдет в свет в 1963 или 1964 году. В русском переводе они опубликованы пока, к сожалению, только частично. Частью рукописей является знаменитое «Введение», помещенное в разделе «Из рукописного наследства» в томе 12 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Одна из глав их составила содержание IV тома «Архива Маркса и Энгельса». Ряд отрывков был помещен в разное время в советской периодической печати. Чрезвычайно бедна и литература об этих рукописях. Если не считать по необходимости кратких оценок в научно-справочном аппарате соответствующих томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вся библиография работ, посвященных рукописям, исчерпывается буквально двумя-тремя наименованиями. А между тем значение их трудно переоценить. Они составляют важнейший этап в разработке экономической теории Маркса, являют собой образец мастерского применения диалектического материализма к анализу основных категорий буржуазного общества, к объяснению человеческой истории, начиная с древнейших времен и вплоть до середины XIX века. В общем и целом экономические рукописи 1857—1858 гг. составляют одну из самых последних и самых решающих ступеней «духовного развития» [1] Маркса как раз перед тем, как он уже, говоря словами Энгельса, завершил свою критику политической экономии [2], т. е. незадолго до появления первого выпуска «К критике политической экономии», подготовленного на основе части рукописей 1857—1858 годов. Эти рукописи убедительно показывают, благодаря какому исполинскому труду, в каких невероятно трудных условиях, в каких муках и радостях творчества Маркс становился Марксом.

Экономические рукописи 1857—1858 гг., которые Маркс создавал «не для печати, а для уяснения вопросов самому себе» [3], были написаны в период с августа 1857 по июнь 1858 года. Они занимают 8 тетрадей, составляющих в общей сложности свыше 50 печатных листов. Структура основного текста рукописей такова: 1) Введение

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 205.
[2] Там же, стр. 204.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 5.

(уже упоминавшееся выше) — в особой тетради под индексом М; 2) Глава о деньгах — в тетрадях I и II; 3) Глава о капитале — в тетрадях II, III, IV, V, VI и VII. Небольшое по объему начало данной главы озаглавлено: «Глава о деньгах как капитале». В дальнейшем она, вплоть до самого конца ее, идет под основным названием: «Глава о капитале». В этой главе впервые намечены, хотя и не выделены в особые разделы, три основные темы: а) Процесс производства капитала; б) Процесс обращения капитала и в) Капитал как приносящий плоды. Превращение прибавочной стоимости в прибыль.

В рукописях Маркс впервые обобщил свои почти 15-летние исследования в плане обширного политико-экономического труда из шести книг: о капитале, о земельной собственности, о наемном труде, о государстве, о внешней торговле и о мировом рынке. Причем три последних книги предусматривались как имеющие подчиненный характер, в них Маркс намеревался «дать лишь основные штрихи»[1]. В период написания рукописей Маркс еще не имел в виду создавать то, что в последующее время было оформлено как «Капитал», хотя в них поставлены и в большей или меньшей степени освещены проблемы всех томов «Капитала», кроме, пожалуй, проблем воспроизводства, земельной ренты и превращения стоимостей в цены производства. Сами по себе рукописи — это даже не вариант чего-то определенного, а скорее результат «лабораторной» обработки огромного количества материалов, первая попытка привести в известную форму, сконцентрировать все те взгляды, которые годами автор вынашивал, обдумывал, проверял и т. д. Взявшись за перо, Маркс как бы рассуждает с самим собой, спорит или соглашается с авторами многочисленных трудов, каждый раз докапываясь до сути интересующих вопросов. В процессе мышления и поисков он шлифует собственные точки зрения, в исследуемом предмете ищет новые грани и стороны, еще остававшиеся в силу тех или иных причин неоткрытыми.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 452.

Эти рукописи можно было назвать первой прикидкой первой части шестикнижного труда, прикидкой, предпринятой в порядке исследования, но не изложения. Отсюда текстовые особенности их: отсутствие какого-либо членения, кроме как на главы, кажущаяся и действительная диспропорциональность, бесчисленные экскурсы, белые пятна там, где недоставало научного сырья и не сложились еще определенные выводы, известная неровность решений. В связи с этим следует вспомнить то, что говорил Маркс значительно позже, в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала». «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [1]. Рукописи 1857—1858 годов от начала до конца несут на себе указанные здесь черты способа исследования, однако это ничуть не умаляет нашего интереса к ним. Более того, они тем интереснее, что приоткрывают завесу и дверь в лабораторию великого ученого, представляют возможность узнать его мысли, когда он еще не считает себя готовым обращаться к публике, в них сохраняются те ценнейшие куски, которые гениальный ваятель отсек при последующей отделке своего творения, в них есть все то, что «при окончательной компановке» [2] должно было исчезнуть, ибо обилие мыслей не вкладывалось в строгие рамки одного определенного труда, и, кроме того, мастер был исключительно требователен к самому себе.

Ввиду указанных особенностей и значительности объема рукописей ориентироваться в них было не просто даже самому автору. В процессе дальнейшей работы, готовя свой труд к печати, Маркс нашел нужным составить к собственным рукописям предметный указатель, известный как «Указатель к 7 тетрадям». Маркс писал Энгельсу 31 мая 1858 года: «...в этой рукописи (которая

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 21.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 452.

составила бы в печати толстый том) все перемешано в беспорядке, многое предназначено лишь для дальнейших частей. Поэтому мне придется составить указатель, в какой тетради и на какой странице быстро найти ту дрянь, которая в первую очередь нужна мне для работы»[1]. А когда переработка «Главы о деньгах» увенчалась готовой для издания рукописью книги «К критике политической экономии», Маркс в феврале 1859 г. написал «рефераты к моим собственным тетрадям», охватывающие весь тот материал, который оказался за рамками первого выпуска «К критике политической экономии», т. е. «Главу о капитале». С этого началась его кропотливая, упорная работа над данной главой, работа, которой он фактически не прекращал до конца своей жизни и которая была увенчана бессмертным «Капиталом».

Следует коснуться также условий, в которых работал Маркс над своими рукописями. В то время ему пришлось вести напряженную борьбу с собственной болезнью, с отчаянной материальной нуждой, в которой жили он и его семья, и при этом необходимо было обрабатывать огромный научный материал, исследовать предмет чрезвычайной сложности.

Непрерывный и многолетний труд без достаточного сна и отдыха, продиктованный стремлением как можно скорее дать в руки рабочего класса теоретическое оружие, постоянные заботы о хлебе насущном и крове надломили к 40-летнему возрасту организм Маркса. В письме Лассалю от 22 февраля 1858 г. он писал: «К тому же, я не господин, а скорее раб своего времени. Для себя самого мне остается только ночь, да и этой ночной работе мешают весьма часто повторяющиеся приступы и рецидивы болезни печени»[2]. Физический недуг чрезвычайно затруднял всю работу Маркса, неумолимо вносил свои коррективы в творческие планы, в сроки их исполнения.

А что говорить о лишениях в условиях эмиграции: безденежье буквально преследовало по пятам и терзало

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 269—270.
[2] Там же, стр. 448.

Маркса. Чтобы как-нибудь просуществовать, он брался за работу, отвлекавшую его от научных занятий, и тем не менее не вылезал из долгов. Дошедшие до нас письма Маркса и его близких воссоздают весь ужас той материальной нищеты, которую испытывал величайший из людей.

«Итак,— говорится в письме Маркса Энгельсу от 20 января 1857 г.,— я совсем на мели; живу в квартире, в которую вложил свою небольшую наличность... Абсолютно не знаю, что предпринять, и положение мое, поистине, более отчаянное, чем было пять лет тому назад. Я думал, что я испил до дна горькую чашу. Но нет. При этом хуже всего то, что кризис этот не временный. Я не вижу, как мне из этого выкарабкаться»[1]. В другом письме Энгельсу (от 18 декабря 1857 года) он пишет: «Денежных затруднений у меня теперь еще больше, чем обычно, потому что вот уже около трех недель, как я должен за все платить *наличными,* и всякое подобие кредита прекратилось, а в то же время из денег, которые я получаю, всегда две трети улетучиваются сейчас же на покрытие старых долгов»[2]. Позже, 15 июля 1858 г., опять в письме Энгельсу, Маркс сообщает: «...жена моя не тратит ни фартинга на самое себя, на платья и т. д., а летняя одежда детей — ниже пролетарского уровня... Моему злейшему врагу не пожелал бы я пробираться через трясину, в которой я барахтаюсь уже восемь недель, с величайшим бешенством к тому же, ибо из-за гнуснейших мелочей гибнет мой интеллект и утрачивается моя работоспособность»[3].

Третьим, но уже весьма своеобразным «врагом» Маркса в этот период был огромный материал, который он извлек и извлекал из богатейших хранилищ библиотеки Британского музея, из текущей прессы по различным вопросам экономики и политики. В шутку Маркс говорил, что ему приходится вести «борьбу с материалом» («Ringen mit dem Stoff»). Будь он менее щепетильным, менее добросовестным, менее скрупулезным, как ученый, и ему бы наверняка надо было гораздо меньше работать, его

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 76.
[2] Там же, стр. 191.
[3] Там же, стр. 278, 280—281.

книги ему давались бы гораздо легче. Помимо исключительной природной одаренности, Маркс был сказочно трудолюбив. Он проштудировал горы источников, пропустил через тончайший фильтр своего мозга «Монблан фактов». История и все содержание рукописей 1857—1858 годов замечательно свидетельствуют, каким Маркс был бескорыстным, твердым и самоотверженным искателем научной истины. Каменистая тропа к сияющим вершинам знания потребовала от него величайших жертв.

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Экономические рукописи 1857—1858 гг. открываются знаменитым «Введением», которое по ошибке иногда считают относящимся только к книге «К критике политической экономии», выпущенной Марксом в 1859 году. Дело в том, что эта книга оказалась не только первым, но и единственным выпуском более обширного труда, задуманного согласно плану, который сложился у Маркса в 50-е годы и о котором он говорит в общих чертах в предисловии к «К критике политической экономии» [1]. К этому именно *более обширному труду* из нескольких выпусков и было набросано Марксом «общее введение» — первая часть экономических рукописей 1857—1858 гг., представляющих собой, в свою очередь, набросок, первый черновой вариант этого труда. «Введение» Маркс оставил в том виде, в каком оно получилось в процессе работы над ним с конца августа до середины сентября 1857 года. Маркс не стал его готовить для печати вместе с первым выпуском своего труда — книгой «К критике политической экономии», так как решил, по более основательном размышлении, «что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать...» [2].

«Введение» было обнаружено в бумагах Маркса в 1902 году и впервые опубликовано в штутгартском журнале «Neue Zeit» в 1903 году. Первый русский перевод «Введения» появился в 1922 году в изданной в Петрограде книге: К. Маркс. «К критике политической эконо-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 5.

[2] Там же.

мии». Вместе с этой книгой «Введение» публиковалось много раз и впоследствии.

«Введение», несмотря на то, что оно носит характер наброска — и к тому же отрывочного и незавершенного,— один из интереснейших и наиболее богатых в теоретическом отношении документов зрелого марксизма. Его неоценимое научное значение определяется прежде всего тем, что Маркс здесь полнее, чем где-либо, высказался относительно предмета и метода политической экономии, как науки. Предмет, очерченный во «Введении», Маркс всесторонне исследовал в своем «Капитале» на основе метода, важнейшие стороны которого получили во «Введении» глубокое обоснование и убедительную характеристику. Содержащиеся во «Введении» методологические положения Маркса важны не только для исследователей в области политической экономии, но и для работников других общественных наук. С такой обстоятельностью, как в «Введении», предмет и метод политической экономии освещаются, может быть, лишь Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и им же в ряде рецензий на книгу «К критике политической экономии» и первый том «Капитала» Маркса.

Предметом экономических исследований Маркса, которыми он занялся с начала 40-х годов, как он сам говорит, «нашей подлинной темой»[1] является современное буржуазное производство, «которое подготовлялось с XVI века, а в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»[2]. Политическая экономия — не технология, подчеркивает Маркс. В поле ее зрения должны находиться не технические моменты и факторы производства, как таковые, а общественно-производственные отношения между людьми в процессе производства материальных благ, объективные экономические законы, управляющие его движением.

Разумеется, Маркса интересовали различные общественно-экономические формации, и в своих трудах, в том числе и прежде всего в «Капитале», он дал изумительно стройную картину общественного процесса в различные

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 711.
[2] Там же, стр. 709.

исторические эпохи. Однако главное его внимание привлекала современная ему капиталистическая эпоха, и свои основные усилия он посвятил выяснению условий, приведших к появлению капитализма, выяснению преимуществ капитализма по сравнению с предшествующими формами общественной жизни, его исторически относительно прогрессивной роли, выяснению его движущих сил, его развития, его противоречий, раскрытию природы капитализма и неизбежной его гибели, революционной смены его более высоким и прогрессивным общественным строем.

Таким образом, Маркс посвятил себя тому, что, по определению Энгельса, составляет политическую экономию в узком смысле [1], т. е. политической экономии капитализма. Однако он не прошел мимо и проблем политической экономии в широком смысле, как науки «об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах» [2], ибо понимание этих проблем является обязательной предпосылкой правильного, научно достоверного анализа производства «на определенной ступени общественного развития» [3], без этого немыслимо постижение специфических особенностей какого-либо одного способа производства. В недрах одного способа производства подготавливается другой. «*Производство вообще,* — пишет Маркс в «Введении»,— это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его... Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи» [4]. Так, например, общим для всех эпох является открытое Марксом положение об определяющей роли производительных сил в развитии общества, о том, что данному характеру производительных сил должна соответствовать известная общественная форма их движения — производственные отношения. В той мере, в какой производственные отношения соот-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 20, стр. 155.
[2] Там же, стр. 153—154.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 710—711.
[4] Там же, стр. 711.

ветствуют характеру производительных сил, они способствуют развитию последних, и, наоборот, они становятся тормозом, если такого соответствия больше нет. Общественное богатство, собственность на средства производства — категории, свойственные всем формациям, однако в каждой формации эти категории наделены особыми чертами, имеют свое содержание, обладают каким-то особым своим качеством. При способах производства, основанных на эксплуатации труда, общественное богатство, в его подавляющей части, является достоянием эксплуатирующего чужой труд меньшинства, а собственность на средства производства выступает в форме частной собственности. В коммунистическом обществе общественное богатство является подлинно общественным достоянием, оно умножается не разобщенным трудом частных производителей, а непосредственно общественным трудом равноправных и свободных тружеников коммунистического общества; господствующим производственным отношением является не частная собственность на средства производства, а всенародная коммунистическая собственность. Именно то частное, особое, чем отличаются отдельные эпохи от всеобщего, одна от другой, и составляет суть развития. В круг интересов политической экономии входит изучение этих частных отличий, но вместе с тем также и общих законов производства, диалектической взаимозависимости отдельных моментов его.

Политическая экономия изучает законы общественного производства, поскольку производство всегда носит общественный характер. «Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы,— такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»[1]. Отметив это обстоятельство, Маркс по существу подвергает критике своих предшественников, которые увлекались «робинзонадами». Такого рода ошибочные увлечения, порожденные непониманием общественной природы производства, в известной мере присущи были даже лучшему

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 710.

из представителей классической школы буржуазной политической экономии — Д. Рикардо, который, как указывал Маркс в «К критике политической экономии», а позднее и в первом томе «Капитала», создает надуманные, ненаучные конструкции с участием первобытного рыбака и первобытного охотника, к тому же заставляет их вопреки элементарной логике исторической правды действовать по правилам лондонской биржи 1817 года и для которого единственной реальной формой общества, кроме буржуазной, были «параллелограммы» Р. Оуэна[1].

В связи с постановкой вопроса о предмете науки Маркс разрабатывает в «Введении» важнейший вопрос о диалектике отдельных моментов производства. Он не спорит, а солидаризируется с Рикардо и другими экономистами, которые считали распределение единственным предметом политической экономии. Но ведь политическая экономия, по Марксу, исследует законы общественного производства. Не противоречат ли друг другу эти два тезиса? Нисколько! Только при самом поверхностном рассмотрении распределение представляется как распределение продуктов и самостоятельным по отношению к производству. Прежде чем дело дойдет до распределения продуктов, имеет место: «1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства»[2]. В соответствующих формах распределения точнее всего выражаются или фиксируются факторы производства данного общества. Следовательно, при рассмотрении этих форм так или иначе в фокусе внимания оказываются процессы, развертывающиеся в сфере и недрах производства.

В капиталистическом обществе производство ведется ради наживы, но в конечном счете оно должно обслужи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 46—47; т. 23, стр. 86.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 722.

вать потребление. Без потребления нет производства, как и наоборот. Потребление создает внутренний предмет, цель производства, тогда как производство создает для потребления материал, внешний предмет. «Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью»[1].

Между производством, как исходным пунктом, и потреблением, как конечным пунктом, находятся распределение и обмен. Распределением определяется то количество продуктов, которое достается индивидуумам, а обмен определяет самые продукты, из которых слагается указанное количество. Но главная роль в этой цепи единого процесса принадлежит производству. «Структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства — не только по содержанию, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, форму, в которой принимают участие в распределении»[2]. Наглядным подтверждением правильности этих положений может служить опыт распределения в двух сосуществующих с начала Великой Октябрьской социалистической революции общественно-экономических системах. В мире капитализма характер распределения определен частной собственностью на средства производства: важнейшими его чертами является вопиющее неравенство; меньше всего получают производители всех материальных благ, рабочие и трудовое крестьянство, основной долей общественных богатств владеют капиталисты, безвозмездно присваивающие прибавочный, а частично и необходимый продукт работников. В мире социализма законы распределения определяются общественной собственностью на средства производства. На первой ступени коммунизма распределение осуществляется в соответствии с принципом: от каждого по способности, каждому по труду. Прибавочный продукт, создаваемый в сфере производства, не носит характера прибавочной стоимости, а поступает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 12, стр. 717.
[2] Там же, стр. 721.

в распоряжение всего общества, за его счет, в частности, происходит неуклонное расширение общественных фондов потребления.

Марксистское толкование проблемы «производство — потребление» ничего общего не имеет с вульгарными теориями тождества между производством и потреблением. При всей взаимосвязи производства и потребления между ними нет и не может быть равенства в том смысле, что распределение заменяет собой производство. Еще в «Немецкой идеологии» Маркс показал несостоятельность «теоретических» упражнений «истинного социалиста» К. Грюна, который исходил по существу из потребления, превращал его в некое воспроизводительное чудо, вовсе не интересуясь в то же время производством. Он до такой степени возвеличивал творческую, созидательную роль потребления, что считал, например, достаточно в одном месте кому-нибудь читать книгу, как в другом месте сами собой заработают бумажная фабрика, словолитня, типография и т. д. Экономистов, исходивших из потребления и игнорировавших производство, Маркс расценивал как реакционеров[1].

В «Введении» из экономических рукописей 1857—1858 гг. кроме вопроса о том, *что исследовать,* поставлен был и получил разрешение также и вопрос о том, *как исследовать.*

Маркс не поддался соблазну начинать свое исследование с того, что лежит на поверхности, представляется обыденным и реальным, например, с населения, хотя оно и составляет основу и субъект всего общественного производства. Роль, которая в естествознании выпадает на долю эксперимента, микроскопа, реактивов и т. д., в политической экономии играет абстракция. Будучи сама продуктом мысли, научная абстракция служит как бы орудием осмысливания материала, оказывающегося под рукой исследователя. Один из источников слабости и недостатков анализа в предшествующей политической экономии, не исключая также Смита и Рикардо, состоял в недооценке силы абстракции, в больше или меньше выраженной тенденции экономистов ограничивать себя

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 519—523.

регистрацией внешних, поверхностных форм и проявлений общественных процессов жизни. Абстракция представляет собой переработанную в голове сумму фактов, относящихся к тому или иному элементу действительности, очищенному исследовательской мыслью от второстепенных, неважных сторон и характеристик, затемняющих сущность и потому затрудняющих постижение действительности. Но абстракции бывают разные: слишком общие, а потому и пустые, как, например, население вообще, и более частные, а потому и содержательные. Применительно к населению такими более частными абстракциями могли быть классы, экономический базис существования их и др.

По Марксу, единственно правильный и плодотворный путь исследования должен идти от поверхности, от того, что дано в представлении, в самую глубь явлений, «ко все более и более тощим абстракциям», пока, наконец, не удастся достичь простейших определений. Потом уже исследователь может отправиться в «обратный путь» — от частных абстракций и определений «к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» [1]. Если категория населения вообще, сама по себе, пустой звук, то в совокупности частных ее определений, предварительно исследованных, она становится осязаемо ясной, конкретной, она не выступает больше как некое хаотическое целое.

Маркс подчеркивает в «Введении», что восхождение от простейшего (например, от труда, разделения труда, потребности, меновой стоимости и т. д.) к более сложному (например, к государству, международному обмену, мировому рынку и т. д.) — это и есть метод «правильный в научном отношении» [2]. Однако такой метод восхождения от абстрактного к конкретному, под которым понимается «синтез многих определений», «единство многообразного», есть лишь способ усвоения мышлением конкретного, воспроизводства им этого конкретного как духовно конкретного, и отнюдь не является процессом возникновения самого конкретного. Мыслительные научные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 726.
[2] Там же, стр. 727.

категории всего лишь отражают действительность, но не создают ее.

Истина всегда конкретна. Так же обстоит дело и с абстракциями: только те из них имеют значение научных категорий, которые не носят характер застывших формул, а способны выражать меняющуюся жизнь. Потому, говорит Маркс, «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» [1]. Товар — категория, свойственная нескольким общественно-экономическим формациям, но на одном этом основании было бы сущей нелепостью к характеристике товара в каждой из них подходить с одной и той же неизменной меркой. Категория совокупного общественного продукта занимает свое место как в политической экономии капитализма, так и в политической экономии социализма. Однако совокупный общественный продукт при капитализме и совокупный общественный продукт в социалистическом обществе весьма существенно различаются как по способу производства, так и по способу распределения, хотя между ними и есть нечто общее. Национальный доход, вновь созданная стоимость — это чистый доход общества. Но если при социализме общественная собственность на средства производства для всех тружеников общества реализуется в национальном доходе и поэтому здесь он — важная реальность, то в условиях капитализма национальный доход имеет более абстрактное значение, ибо экономические отношения частной собственности на средства производства реализуются не в национальном доходе, а в прибавочном продукте, и все общество, становясь на капиталистическую точку зрения, «считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту» [2].

Особый методологический интерес представляет данное в «Введении» решение вопроса о соотношении исто-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 731.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. II, стр. 410.

рического и логического в процессе познания. Маркс говорит, что «было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития»[1].

Следовательно, Маркс определенно высказывается в пользу логического способа исследования, направленного на познание внутренней логики исследуемого явления. Но это вовсе не значит, что он против исторического способа, воспроизводящего явления в соответствии с их действительной исторической последовательностью. Дело в том, что историческое, как правило, имеет свою логику, совпадает с логическим. Например, деньги возникли раньше, чем капитал, и для раскрытия природы капитала чрезвычайно важно было прежде всего изложить историю возникновения и сущность денег. В этом случае мы имеем налицо совпадение требований логического способа в исследовании (и изложении) с требованиями исторического способа. Маркс прослеживает путь денег исторически и в то же время логически. Функции денег развертывались исторически. Исторический показ их, завершающийся характеристикой денег как платежного средства и мировых денег, точно так же ни в малейшей степени не противоречит логике экономического учения Маркса, поскольку высшие, новейшие виды и функции денег — это вместе с тем и главные, самые важные для характеристики, для понимания буржуазного строя.

Однако так бывает все же не всегда. Маркс сознательно отступил от исторического способа, т. е. не стал следовать за ходом истории, когда он сначала анализирует капитал, а потом уже земельную собственность, хотя земельная собственность возникла еще до капитала. «Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 734.

исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности» [1].

Маркс, таким образом, в «Введении» сформулировал принцип единства исторического и логического метода в исследовательской работе. Уже в дальнейших разделах (главах) экономических рукописей 1857—1858 гг. мы находим блестящую реализацию и яркое подтверждение плодотворности этого принципа.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ И СТОИМОСТИ

В экономических рукописях 1857—1858 гг., прежде всего в «Главе о деньгах», превратившейся впоследствии в печатную работу «К критике политической экономии», многие вопросы общей теории денег и стоимости разработаны довольно подробно, хотя и не с такой обстоятельностью, как в «К критике политической экономии».

Первоначальное изложение своей теории денег Маркс предпринял в «Нищете философии» в 1847 году. Уже здесь деньги рассматриваются не в качестве вещи, а как определенное производственное отношение. Маркс прямо утверждал, что отношение, выраженное деньгами, подобно всякому другому экономическому отношению, есть производственное отношение [2]. Полемизируя с Прудоном, Маркс в «Нищете философии» показывает, почему специфическая функция средства обмена досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Причина этого факта не экономическая, а кроется в особых естественных, физических и химических свойствах металлов, как природных тел. Маркс убедительнейшим образом вскрывает несостоятельность теории, будто деньги были порождены «монаршей санкцией». При этом высказывается очень глубокое замечание против волюнтаристских концепций в политической экономии, имеющее большой методологический смысл. «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 733—734.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 110.

не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений» [1]. Тем не менее в этой работе Маркс пока еще в целом не преодолел ошибочную теорию денег Рикардо и в ряде существенных вопросов стоял на его позиции. Об этом он говорит и в своем письме к Энгельсу от 25 февраля 1859 года [2].

Маркс вслед за Рикардо относил золото и серебро в качестве денег к той исключительной категории товаров, стоимость которых якобы не определяется издержками производства, что находит свое подтверждение в функционировании бумажных заместителей золота и серебра. Самое главное и решающее — соблюдать надлежащую пропорцию между потребностями обращения и количеством выпущенных денег — все равно каких: бумажных, золотых, платиновых или медных. Иначе говоря, Маркс, как и Рикардо, полагал, что «стоимость *денег* определяется не рабочим временем, воплощенным в их веществе, а лишь законом предложения и спроса» [3]. Следовательно, стоимость денег тем выше, чем больше спрос на них, чем меньше их в каналах обращения, и наоборот.

В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс решительно пересматривает свою прежнюю точку зрения на деньги, подвергает критике взгляды Рикардо, обосновывает единственно верную теорию, которая является одной из составных частей и сторон революционного переворота в экономической науке. В этих рукописях Маркс уже говорит о ложных предпосылках учения Рикардо о деньгах, имея в виду то положение Рикардо, что банк по своему усмотрению и произволу контролирует и регулирует количество обращающихся банкнот, что цены товаров определяются количеством средств обращения, а не наоборот, цены товаров, выброшенных на рынок, определяют собой количество средств обращения [4].

Отказавшись от ложной теории спроса и предложения, как фактора, определяющего собой стоимость денег,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 112.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 327.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 116.
[4] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 25—27.

Маркс рассматривает деньги наравне со всеми другими товарами, поскольку речь идет о их стоимости в научном понимании этой категории. В одном месте он критикует Джемса Милля, который упускал «из виду, что издержки производства благородных металлов, а не их количество, определяют их стоимость и товарные цены, измеренные в стоимости металла». И, уточняя свою мысль, замечает далее: «при повышении издержек производства благородных металлов падают все товарные цены; при падении издержек производства благородных металлов повышаются все товарные цены. Это всеобщий закон»[1]. Этот всеобщий закон вытекает из условий товарно-денежного обращения и всецело подтверждается практикой.

Занимаясь историей денег, Маркс привлек произведения древних авторов — Гесиода, Лукреция, Геродота, Гомера, Ксенофонта,— труды Гумбольдта, специальные экономические работы многих других писателей. Он прослеживает шаг за шагом весь долгий путь денег, начиная еще с античной эпохи.

Деньги не возникают путем договора, как не возникает таким путем и государство. Они продукт обмена, который, в свою очередь, является продуктом и результатом разделения труда. «Товарное обращение,— указывает Маркс,— первоначальная предпосылка денежного обращения»[2]. Первоначально в роли денег выступал товар, чаще всего принимавшийся в обмен, будучи предметом потребления всего общества или известной его части. На ранней стадии обмена в качестве денег функционировали соль, кожи, скот, рабы. И лишь много времени спустя нужды обмена как такового начинает обслуживать тот товар, который менее всего используется для целей индивидуального или производительного потребления. «В первом случае товар становится деньгами в силу своей особенной потребительной стоимости, во втором случае он получает свою особенную потребительную стоимость от того, что он служит деньгами»[3].

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 107.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 151.
[3] Там же, стр. 105.

Также постепенно развиваются и функции денег. На низших ступенях обмена и меновой торговли деньги в основном выполняют свое назначение меры, причем эта последняя может быть только воображаемой. Как орудие или средство обмена, они или не выступают, или выступают лишь в исключительных случаях. Маркс замечает, что у Гомера волы служили в первую очередь мерой, коль скоро шла речь о них как деньгах [1]. Само собой разумеется, что такие функции денег как платежное средство или деньги как мировые деньги получили свое развитие вместе с кредитными отношениями и образованием мирового рынка.

В связи с рассмотрением денег Маркс ставит вопрос о деньгах как двигателе и стимуляторе производительных сил. Деньги не возникают по воле правителей и также декретом не могут быть отменены, пока необходимость их вызывается характером объективно складывающихся производственных отношений. Маркс указывает, что «если бы деньги были устранены, то мы либо были бы отброшены к более низкой ступени производства (которой соответствует меновая торговля, играющая второстепенную роль), или же перешли бы к высшей ступени, на которой меновая стоимость не являлась бы первым определением товара, так как всеобщий труд, чьим представителем она является, не выступал бы уже как частный труд, лишь опосредствованным образом получающий общественный характер» [2].

Таким образом, преждевременная и искусственная попытка отменить деньги — в лучшем случае забавное донкихотство. Товар и стоимость — категории объективные и исторические. Возникнув однажды, они при известных обстоятельствах должны исчезнуть. Тогда и надобность в деньгах тоже отпадет сама собой. Положение Маркса о характере денег и их роли в процессе общественного обмена и производства бьют не в бровь, а в глаз тех слишком нетерпеливых экономистов, которые ратуют за налаживание уже сейчас прямого продуктообмена, стараются доказать, что в СССР мерой

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 121.
[2] Там же, стр. 207.

труда и потребления уже сейчас может или должно стать непосредственно рабочее время, которые тем самым отрицают значение денег как важнейшего орудия в строительстве экономики нашего общества.

Деньги появляются в процессе и по мере разложения тех устаревших производственных отношений, где была исключительной или занимала господствующее положение натуральная форма хозяйства. В своем развитом виде деньги предполагают в обязательном порядке наемный труд. «Уже в простом определении денег заложено, что они в качестве развитого момента производства могут существовать лишь там, где существует *наемный труд,* а также, что деньги там, отнюдь не разлагая общественной формы, являются напротив условием ее развития и движущей силой развития всех производительных сил, материальных и духовных. Отдельный индивид может и теперь случайно овладеть деньгами, и обладание ими может действовать на него столь же разлагающе, как они влияли на общество древних. Однако разложение этого индивида в современном обществе есть лишь обогащение производительной части последнего» [1].

Каким образом и в каком смысле деньги способствуют прогрессу общественного производства? Они воздействуют на производство, определяют его объем и направление с помощью рыночного механизма, через рынок внутренний, а потом и мировой, через рынок товарный и рынок труда. Являясь всеобще признанной материализацией богатства, деньги становятся предметом вожделения, конечной целью приобретательства в обществе, покоящемся на принципе частной собственности. Деньги, говорит Маркс, «бог среди товаров», могучий властелин [2]. «Обладание деньгами ставит меня в отношении богатства (общественного) в совершенно то же отношение, в какое меня поставило бы обладание философским камнем в отношении наук. Поэтому деньги — не только *один* из объектов страсти к обогащению, но *самый* объект последней» [3]. Жадность к деньгам проявляется в форме

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 221.
[2] Там же, стр. 217.
[3] Там же, стр. 219.

необузданной страсти к всяческим земным наслаждениям и как скупость. Безудержный мот и пушкинский скупой рыцарь, который, имея сундуки, наполненные золотом, отказывал себе почти во всем, одинаково жадны к деньгам и с точки зрения общественных интересов почти одинаково вредны. Но накопление денег имеет и другую сторону. Говоря об их положительной роли, Маркс, между прочим, подчеркивает, что богаты не те страны и народы, которые добывают золото на месте и этим довольствуются, а те, которые развивают у себя производство других товаров и в обмен на них выручают деньги. «Там,— говорит Маркс,— где деньги появляются не из обращения, а их находят в их телесном образе, как в Испании, там нация беднеет, в то время как те, которым приходится работать для того, чтобы достать деньги у испанцев, развивают источники богатства и действительно обогащаются»[1]. Погоня за золотом приводит к созданию мирового рынка, становится «мощным орудием в действительном развитии общественных производительных сил»[2]. В «Главе о деньгах» содержится, таким образом, основательная, хотя и не названная своим именем, критика исходных посылок меркантилистской и монетарной систем экономической политики и науки.

В отличие от «К критике политической экономии» и I тома «Капитала» в экономических рукописях 1857—1858 гг. развитию теории денег не предшествует анализ товара как элементарной клеточки буржуазного общества. Мы встречаем здесь постановку проблемы о двойственном характере труда, анализ которого составляет одну из величайших научных заслуг Маркса, но эта проблема остается по существу пока еще не раскрытой. Вопросы стоимости и цены товара при рассмотрении денег излагаются между прочим и, естественно, без должной полноты и той логической последовательности, которая поражает нас в «К критике» и в «Капитале». Тем не менее совершенно бесспорно, что к моменту создания рукописей 1857—1858 гг. Маркс уже достиг правильного понимания общей природы товара и стоимости. Свой

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 225.
[2] Там же.

анализ денег и капитала он осуществляет на основе продуманной вполне и всесторонне своей концепции товара и стоимости, принципиально отличной от трактовки этих категорий в буржуазной политической экономии. Вполне зрелым и в научном смысле безупречным является, в частности, такое, хотя и попутно высказанное, положение, как положение о том, что «товар не есть рабочее время как таковое, а есть материализованное рабочее время; рабочее время не в форме движения, а [в форме] покоя; не как процесс, а как результат»[1]. В одном месте, тоже между прочим, но тоже очень глубоко, Маркс раскрывает механизм действия закона стоимости, соотношение реальной и относительной стоимости, стоимости и цены товара, чем он особенно подробно занимается, главным образом, в III томе «Капитала». Маркс говорит в этом месте, употребляя выражения Гегеля, что стоимость пробивает себе дорогу «не через абстрактное тождество, а через постоянное отрицание отрицания»[2].

«Перескочив» в силу неясных для нас причин через тот раздел, который в «К критике политической экономии» образует первую главу, всю дальнейшую конструкцию рукописей 1857—1858 гг., Маркс все же выполнил так, как если бы этот раздел был разработан или, по крайней мере, как если бы он имелся в голове. Отсутствие его в рукописях на трактовке более высоких, чем просто товар, категорий буржуазной экономики, более высоких в логическом и историческом отношении, в общем и целом не отразилось.

Это отнюдь не значит, что рукописи свободны от известной незавершенности и несовершенства ряда важных терминов, формулировок, понятий.

К тому времени Маркс еще не закончил своих исследований, касающихся формы стоимости. Встречается, например, выражение, из которого следует, что формой стоимости, и к тому же первой, является потребительная стоимость. Между тем, как это хорошо показано в I томе «Капитала» и даже в «К критике политической экономии», она — вовсе не экономическая категория, а природ-

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 61.

[2] Там же, стр. 47.

ное свойство вещи и в поле зрения политико-экономов ей надлежит быть лишь как простому носителю стоимости. В рукописях наблюдаем еще не вполне выдержанное толкование категории меновая стоимость. Обычно о ней говорится как о синониме стоимости вообще, что с точки зрения более поздних и более точных взглядов Маркса неверно. Меновая стоимость представляет собой одну из форм стоимости и выражает пропорцию, в которой обмениваются между собой два товара. Иногда термин меновая стоимость Маркс употребляет, подразумевая деньги. Так, он говорит: «Товар превращается в меновую стоимость» [1], имея в виду превращение товара в деньги, выделение из мира товаров особого товара, играющего роль эквивалента.

В одном месте редкость товара и денег объявлена элементом меновой стоимости, т. е. стоимости [2]. Правда, при этом делается оговорка, что это имеет место постольку, поскольку золото и вообще средства обмена недоступны всякому, не являются общим достоянием. Но такая оговорка мало помогает. Смешение терминов стоимость и меновая стоимость приводит в ряде случаев к неясностям, например, там, где говорится, что стоимость товара есть «отношение, в котором этот товар обменивается на другие товары» [3].

Известное несовершенство терминологии, отставание ее от фактического понимания предмета, которого уже достиг Маркс в период своей работы непосредственно над рукописями 1857—1858 гг., объясняется во многом тогдашней общей отсталостью экономической науки в Германии. Маркс писал по-немецки, а пользовался литературой по преимуществу на французском (сначала), а позднее на английском языках. Из этих языков он заимствовал термины — иногда без перевода, иногда с переводом, а иногда преобразовывая их на немецкий лад.

Нередко Маркс вводил в оборот свои собственные термины, ранее не употреблявшиеся в мировой научной литературе. Создание новой экономической терминологии

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 63.
[2] Там же, стр. 129.
[3] Там же, стр. 53.

оказалось процессом исключительной трудности: оно происходило, можно сказать, на целине, будучи одной из сторон великого творчества.

КРИТИКА «РАБОЧИХ ДЕНЕГ»

«Глава о деньгах» в рукописях 1857—1858 гг. открывается критикой книги прудониста Альфреда Даримона «О реформе банков». Подобно своему идейному вдохновителю Прудону, Даримон в этой книге, изданной в Париже в 1856 году, утверждал, что все зло капитализма происходит от господствующей роли благородных металлов, которую, вопреки экономической целесообразности и рассудку, власти упорно сохраняют за ними в обращении и в обмене.

По мнению Даримона, стоит только сбросить золото и серебро с искусственного пьедестала, стоит только не дать им возвышаться над другими товарами, лишить их привилегированного положения, как все социальные пороки буржуазной системы исчезнут и на земле восторжествует божеская справедливость.

Прудонисты предлагали ввести взамен «обычных» денег «рабочие деньги», «часовые боны», в которых бы непосредственно фиксировались фактические затраты рабочего времени в каждом данном товаре. Им мерещилась особая преобразующая роль банков, способных рядом мирных реформ изменить всю природу общественной системы, оставляя нетронутой ее экономическую основу, т. е. частную собственность на средства производства, которая необходимым образом обусловливает существование товара и товарно-денежных отношений.

Предлагая в своей книге «разжаловать» золото и серебро или же, наоборот, предоставить всем остальным товарам монополию, которой обладают благородные металлы в качестве денег, Даримон обнаруживал полное непонимание того факта, что своим положением золото и серебро обязаны не воле правительств, а действию внутренних, от людей не зависящих экономических законов буржуазной системы. Его проект подтягивания «товарной черни» до уровня золота и серебра — этих идолов товарного мира — был подстать, как указывал с иронией

Маркс, нелепому требованию: «Сохраните папу, но сделайте каждого человека папой» [1].

В своей работе по политической экономии Маркс справедливо видел научное обоснование коммунизма. Но его распространению в немалой степени мешали модные тогда различные «новейшие» формы утопического социализма, отражавшие идеологию мелкой буржуазии и по своему существу реакционные.

Основоположником теории «рабочих денег» был англичанин Джон Грей, который еще лет за 15 до появления прудоновской «Системы экономических противоречий, или Философии нищеты» уверял, что общество нуждается не в «организации труда», а в «организации обмена». Грей предлагал, чтобы Центральный банк удостоверял, сколько рабочего времени было затрачено на производство каждого продукта, и чтобы обмен производился с помощью такого рода банковских удостоверений или «рабочих квитанций». Грей руководствовался благим желанием уничтожить господство буржуазии, но путь к этому указывал неразумный, намереваясь представлять без посредства денег частный труд разобщенных товаропроизводителей как непосредственно общественный труд.

Утопию Грея разделял в Германии Вейтлинг. Ее практическим проводником, конечно, не имевшим ни малейшего успеха, в начале 30-х годов в Англии было возглавленное Р. Оуэном движение кооперативных обществ рабочих, стремившихся учредить так называемые рабочие базары, или, точнее, базары для обмена продуктов труда.

Но особенно шумливым пропагандистом безденежного обмена, а заодно и «дарового кредита» и тому подобных реформ оказался Прудон.

Маркс и Энгельс с самого начала отдавали себе отчет, какое вредное воздействие могли иметь на сознание рабочих планы Прудона, и по поводу этих планов они обменивались между собой мнениями до и после написания «Нищеты философии», в которой Маркс нанес прудонизму сокрушительный удар. Вожди и учители пролетариата свою резко отрицательную оценку Прудона доводили

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 27.

до сведения рабочих организаций. Так, Энгельс еще 16 сентября 1846 г. писал, обращаясь к Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету, что «Прудон придумал великолепный способ делать деньги из ничего и приблизить для всех рабочих наступление царства божьего на земле»[1]. По словам Энгельса, поклонники Прудона и сам Прудон хвастались, что с появлением работы «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» найден «новый философский камень», открыто некое «мирное средство спасения», снимающее с повестки дня необходимость революции, делающее ее беспредметной и ненужной[2].

В «Нищете философии» прудонизм был теоретически разгромлен, однако его идеолог и вообще прудонисты не сложили оружия, продолжали сбивать рабочих с толку. В особенности прудоновский «социализм» распространялся во Франции. Книга Даримона явилась лишним тому подтверждением. Вот почему в письме Вейдемейеру 1 февраля 1859 г. Маркс писал, имея в виду прудонизм: «Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого «лжебрата»... Я надеюсь добиться для нашей партии научной победы»[3].

В рукописях 1857—1858 гг.— и в «Главе о деньгах» и в «Главе о капитале» — Маркс посвятил многие страницы разбору прудоновских теорий, показывая их несостоятельность на широком и гораздо более зрелом, чем в «Нищете философии», фоне своей собственной теории стоимости и денег. Поэтому в целом критика прудонизма в этих рукописях является более убедительной, чем она же в «Нищете философии». Нам думается, что эта часть рукописей определяет собой особую их теоретическую ценность, поскольку она в последующих работах Маркса воспроизведена далеко не полностью. Между прочим, в книге «К критике политической экономии» Маркс упоминает Даримона всего один раз, характеризуя книгу «О реформе банков» как старое мелодраматическое изложение теории денег[4]. Этот факт также представляет

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 40.
[2] Там же, стр. 40, 41.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 469.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 70.

собой лишнюю иллюстрацию того, какое количество всевозможного литературного хлама, наряду с безусловно ценными источниками, вносящими известный вклад в науку, приходилось «переваривать» Марксу, когда он возводил стройное здание своего экономического учения. В I томе «Капитала» к проблеме «рабочих денег» Маркс возвращается только в одном из своих примечаний, где он говорит, что ««рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов» [1].

В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс обстоятельно и по существу исчерпывающе показал оторванность прудонизма от экономической действительности, вскрыл самый корень его теоретического грехопадения, все равно какого — сознательного и преднамеренного или покоящегося на простом недомыслии.

Грей, Вейтлинг, Оуэн, а вслед за ними Прудон — этот претенциозный открыватель «философского камня» — отличались поверхностью суждений, не уяснили самой основы трудовой теории стоимости, а такое естественно-историческое образование, каким являются деньги, истолковывали как чисто искусственный инструмент, который допускает произвольные с ним манипуляции, не видели различия между стоимостью и ценой.

Как бы подводя итог своей критике, Маркс указывал, что в том-то и состоит глупость социалистов, в частности французских, которые старались представить социализм как реализацию идей французской революции в буржуазном обществе, что обмен, стоимость и т. д. первоначально (во времени) или по своему понятию (в их

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 104.

адекватной форме) они принимали как систему «свободы и равенства всех», только искаженную деньгами, капиталом, которые при желании можно устранить, не устраняя базиса этих и подобных категорий и отношений [1].

Марксова критика прудонизма и родственных, примыкающих теорий представляет не только исторический интерес. Она изобличает и всю никчемность, лживую, демагогическую, фарисейскую суть многих фокусов современной буржуазии. Общеизвестно, что гитлеровцы в Германии в своей болтовне против так называемого «процентного рабства» повторяли зады прудонизма относительно «дарового кредита», т. е. о том, что денежный капитал должен не отдаваться взаймы под определенный процент, «а продаваться на эквивалент, как и любой другой товар», о том, что рабочим незачем отбирать капитал у его владельцев, так как последние сами его рано или поздно уступят рабочим. Циркулирующие за рубежом, особенно в США, концепции «компенсированной», или «гибкой», денежно-кредитной политики, «дешевых денег», перманентной кредитной экспансии и т. п., являясь прежде всего средством накачивания конъюнктуры, в то же время в новых условиях возрождают старые, раскритикованные Марксом посулы «путем изменения в орудии обращения — в организации обращения — революционировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения» [2]. Авторам и разносчикам подобных теорий, новых только по виду, нелишне напомнить слова Маркса, что

---

[1] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 160. К этой мысли Маркс возвращался и впоследствии. В третьем томе «Капитала» он писал, например, что «иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела... вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства... как одной из его форм... С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги, был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита», эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. II, стр. 157).

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 19.

«никакие формы, пока они остаются формами денег и пока деньги остаются существенным отношением производства, не могут уничтожить внутренне присущих отношению денег противоречий...»[1]. Было и остается незыблемым указание Маркса о том, что «недуг буржуазного общества нельзя излечить «преобразованием» банков или основанием рациональной «денежной системы»»[2].

ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Преобладающую часть экономических рукописей 1857—1858 гг. составляет «Глава о капитале». И по существу это основная часть труда Маркса. Излагая план первого печатного выпуска своего сочинения «К критике политической экономии», он в письме Лассалю от 2 февраля 1859 года указывал, что «первый раздел еще не содержит основной главы, а именно третьей главы — о *капитале*. Я считал это целесообразным по *политическим* соображениям, ибо как раз с третьей главы начинается настоящая битва, и мне казалось неблагоразумным нагонять страх с самого начала»[3].

Над этой главой Маркс работал с ноября 1857 по май 1858 года. Он напрягал все свои силы. «Я работаю,— писал он в декабре 1857 г.,— как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»[4]. Под потопом подразумевался ожидаемый в связи с мировым экономическим кризисом 1857—1858 гг. новый революционный подъем.

«Глава о капитале» содержит первые контуры теории прибавочной стоимости — этого краеугольного камня экономического учения Маркса — и является логическим продолжением предшествующей «Главы о деньгах», продолжением, которое в то же время отражало историческую последовательность развития товарного производства от низшей формы к самой развернутой его форме, когда процесс купли и продажи приобретает всеобъем-

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 21.
[2] Там же, стр. 41.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 29, стр. 479.
[4] Там же, стр. 185.

лющий характер, подчиняя своим законам весь образ жизни и деятельности общества. Наряду с собственно теорией прибавочной стоимости в этой главе получили освещение и многие другие важные разделы политической экономии капитализма и предшествующих ему общественно-экономических формаций.

Маркс исходит из понимания денег как первой формы проявления капитала[1]. «Капитал,— указывает Маркс,— попеременно становится товаром и деньгами; но 1) он сам является сменой обоих этих определений; 2) он становится товаром, не тем или иным товаром, а всеобщностью товаров»[2]. То есть капиталистическое производство есть товарное производство, при котором все превращается в товар, все становится предметом купли и продажи. «В простом накоплении денег,—говорит Маркс,— ...еще нет отношения капитализации»[3]. «Деньги как капитал есть такое определение денег, которое выходит за рамки простого их определения. Они могут рассматриваться как более высокая реализация; как говорят, обезьяна развита в человеке... Во всяком случае, деньги как капитал отличаются от денег, как денег»[4]. Таким образом, между деньгами в собственном смысле и деньгами как капиталом, по Марксу, такое же соотношение как между далеким предком человека — обезьяной и самим человеком, который развился благодаря труду. В дальнейшем Маркс занимается детальным исследованием существенного различия между деньгами, как таковыми, как одним из товаров, хотя и привилегированным, и между деньгами, поскольку они порождают большую сумму денег, чем пущенная в первоначальный оборот.

Маркс прежде всего отмежевывается от вульгарных представлений о капитале как вещи и с самого начала рассматривает капитал, как определенное общественное отношение, которое появляется при известных условиях и которое также, но уже при других условиях, должно погибнуть. Капитал отнюдь не вечен. «Если говорится,—

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 171.

[2] Там же, стр. 173.

[3] Там же, стр. 164.

[4] Там же, стр. 162.

замечает Маркс,— что капитал представляет собой «накопленный (реализованный) труд (собственно овеществленный труд), который служит средством для нового труда (для производства)», то тем самым рассматривают только материю капитала, оставляя в стороне определение формы, без которого нет капитала»[1]. Если стоять на этой точке зрения, то следовало бы признать, что «капитал существовал во всех формах общества»[2]. Капитал, подчеркивает Маркс, *«может быть только производственным отношением»,* причем «понятием капитала охватывается и капиталист»[3].

В экономических рукописях 1857—1858 гг. впервые широко ставится и в основных своих чертах правильно решена кардинальная проблема обмена между трудом и капиталом, дающая ключ к пониманию более мелких, сравнительно второстепенных аспектов и сторон производственных отношений капитализма.

Здесь заранее следует оговориться, что, рассматривая капиталистическое производство, как товарное производство, достигшее ступени своей всеобщности, Маркс в рукописях 1857—1858 гг. вплотную приблизился к классическому пониманию рабочей силы как товара, однако он оперирует пока еще термином «труд». Много лет спустя, в введении к отдельному изданию 1891 г. брошюры Маркса «Наемный труд и капитал», Энгельс специально указывал, насколько важно разъяснить рабочим, что они продают капиталистам не свой труд, а свою рабочую силу: это — «не пустое буквоедство, а, напротив, один из важнейших пунктов всей политической экономии»[4]. С этой очень существенной точки зрения рукописи 1857—1858 гг. представляют еще не совсем завершенный этап разработки Марксом своего экономического учения, хотя, если брать всю совокупность рассуждений, доказательств и выводов Маркса, он в этих рукописях стоял буквально на пороге и даже достиг во всех отношениях

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 168—169.

[2] Там же, стр. 169.

[3] *К. Маркс.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству». М., 1940, стр. 51, 52.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 205.

правильного решения проблемы рабочей силы как товара и во многих местах применяет формулировки, которые мы уже знаем теперь из I тома «Капитала». Все основное и принципиальное из своего понимания рабочей силы как товара Маркс по существу высказывает с достаточной ясностью. Там, где речь не идет непосредственно о торговой сделке между капиталистом и рабочим, он говорит нередко о «способности к труду» («Arbeitsvermögen» или «Arbeitsfähigkeit»), а иногда даже (таких случаев несколько) употребляет и более четкий термин «рабочая сила». Впрочем, в «Капитале» Маркс рядом своих высказываний дает понять, что не видит особого различия между двумя этими терминами. В одном-двух местах он говорит здесь: «Способность к труду, или рабочая сила» [1].

В обмене между капиталом и трудом Маркс устанавливает «два не формально, а качественно различных и даже противоположных процесса» [2]. С одной стороны, рабочий предлагает к продаже «свой товар, труд, потребительную стоимость», рассчитывая получить взамен от капитала «определенную сумму меновых стоимостей, определенную сумму денег» [3]. С другой стороны, на свои деньги капиталист «выменивает труд, труд как деятельность, как созидающую стоимость, как производительный труд» [4]. Завладев производительной силой рабочего, капитал затем умножает ее, делая ее таким образом своей собственной и производительной, и воспроизводительной силой. Второй процесс, однако, лишь по форме является обменом, а по сути это уже не обмен в строгом смысле, в силу его качественной особенности этот процесс уже неправильно называть обменом. «Он непосредственно противостоит обмену; это существенно другая категория» [5]. Существенно другая, потому что истинный обмен совершается на эквивалентных началах.

---

[1] См., например, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 178.

[2] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 185.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 186.

Разрабатывая свою теорию прибавочной стоимости, Маркс — как и в исследованиях по другим разделам политической экономии — опирался на достижения предшествующей науки. Однако даже классическая школа в этой части оставила такое наследие, которое может быть охарактеризовано, как сумма правильных догадок и зародыш научной теории происхождения и сущности прибавочной стоимости. Классики буржуазной политической экономии, включая Рикардо, никогда не исследовали неоплаченную часть продукта, которую рабочий вынужден отдавать своему предпринимателю «в ее совокупности, как целое» [1], хотя и знали, что прибыль и рента являются лишь долями, частями этой неоплаченной части. В экономических рукописях Маркс отмечает, что «в сущности прибавочная стоимость — поскольку она является именно основой прибыли, отличаясь, однако, от того, что обычно называют прибылью,— никогда не была развита» [2].

Маркс поэтому, использовав все ценное, что оставили после себя физиократы, Смит, Рикардо и другие лучшие представители буржуазной политической экономии, а вместе с тем сознавая не только ограниченность их буржуазного горизонта, но и порочность их методологии, не продолжил их линию исследования, не просто достроил намеченную ими систему взглядов, а пошел своим принципиально отличным путем. Что касается, в частности, теории прибавочной стоимости, то он, как это сказано в одном из его писем, «опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде» [3].

По признанию Маркса, в этой поистине революционной ломке большую услугу ему оказала «Логика» Гегеля, которую он «перелистывал» во время своей работы над «Главой о капитале». В связи с этим уместно напомнить важное предостережение Гегеля против такого искажающего идею метода, когда «выхватывают только один момент и (как по отношению к тождеству) выдают его за целое и... совершенно не задумываясь, применяют

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 32.

[2] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 288.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 212.

категории как попало, применяют их в том виде, какой они имеют в повседневном сознании, в их односторонности и неистинности»[1].

Так поступали, как правило, даже лучшие среди экономистов в домарксовский период. Они исследовали не прибавочную стоимость вообще, а только частные формы ее проявления, брали во внимание не то, что скрыто, а только то, что лежит на поверхности. Отсюда неполнота этих исследований. Отсюда их ошибки. Надо было обладать гениальностью Маркса, мужеством и беспристрастием ученого-революционера, чтобы заглянуть в глубь вещей и показать те именно недра, где рождается прибавочная стоимость, а затем уже перейти к производному вопросу о распределении ее между различными категориями собственников средств производства. В исследовании прибавочной стоимости Маркс наилучшим образом применил все рациональное, что заключено в методе Гегеля.

Исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм — прибыли, процента, земельной ренты — составляет великую научную заслугу Маркса. Это — одна из главнейших линий того водораздела, который отделяет экономическое учение марксизма от классической буржуазной политической экономии, постоянно смешивавшей особые формы с общей формой, в силу чего теория прибыли у буржуазных классиков носит характер «чистейшей окрошки»[2].

В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс детально выясняет условия и методы производства прибавочной стоимости и во вторую очередь занимается анализом условий ее распределения, вплоть до условий, обеспечивающих образование средней прибыли, т. е. равной прибыли на равновеликие капиталы с различным органическим строением. Прибавочная стоимость, которую капитал имеет в конце процесса производства, подчеркивает Маркс, означает, если выражаться, следуя общему понятию трудовой стоимости, что овеществленное в продукте рабочее время больше, чем рабочее время, заклю-

[1] *Гегель.* Сочинения, т. I. М.—Л., 1930, стр. 353.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале». М., 1948, стр. 122.

ченное в составных частях производительного капитала, с помощью которого осуществляется данный процесс производства. «А это,— говорит Маркс,— возможно только в том случае, если в цене труда овеществленное рабочее время меньше живого рабочего времени, которое покупается на эту цену труда» [1]. По существу здесь речь идет о том, что «цена труда», т. е. по установившейся позднее терминологии цена рабочей силы, заработная плата, ниже общей стоимости продукта труда рабочего. Прибавочную стоимость создает своим трудом наемный рабочий — и никто иной больше.

Маркс дает, далее, довольно четкую, хотя пока еще не вполне развернутую, формулу стоимости рабочей силы, определяя эту стоимость «количеством труда, которого стоит производство самого рабочего» [2].

В следующих словах можно видеть постепенный подход к понятию постоянного и переменного капитала. «Овеществленное в капитале рабочее время выступает... как сумма, состоящая из трех частей: а) рабочее время, овеществленное в сырье; б) рабочее время, овеществленное в инструментах; в) рабочее время, овеществленное в цене труда. Части а) и б) остаются неизменными, как части капитала; если даже в процессе они меняют свой вид, свою материальную форму бытия, то как стоимость они остаются неизмененными. А изменяется только в), часть, которую капитал обменивал на качественно другую — данное количество овеществленного труда на количество живого труда». Обмен между капиталом и трудом — только по видимости обмен эквивалентов, и эту видимость используют вульгарные экономисты для того, чтобы «оправдывать, апологизировать капитал» [3]. Здесь, пожалуй, впервые раскрыт тезис об апологетической сущности вульгарной политической экономии. Несколько ниже Маркс уже прямо употребляет термины постоянный капитал и переменный капитал. Постоянная часть капитала, говорит он,— это та часть капитала, которая состоит из материала и машин, а та часть, на которую

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 227.

[2] Там же, стр. 193.

[3] Там же, стр. 228.

выменивается живой труд, которая образует фонд заработной платы, есть переменный капитал[1]. Причем, указывает Маркс, рост производительной силы, или производительности труда, предполагает, при неизменной величине стоимости совокупного капитала, возрастание постоянной части по сравнению с переменной, т. е., иными словами, предполагает рост органического строения капитала.

В экономических рукописях 1857—1858 гг. проводится различение абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Правда, иногда Маркс как бы отождествляет абсолютную прибавочную стоимость с прибавочной стоимостью вообще. Но зато он весьма определенен, когда говорит, что производство относительной стоимости — это «производство прибавочной стоимости, основанное на увеличении и развитии производительных сил»[2]. Очень интересно, как в связи с этим решается вопрос об условиях, которые обеспечивают рост производительности труда. Главное здесь состоит в «производстве нового потребления» за счет количественного расширения существующего, создания новых потребностей, открытия и создания новых потребительных стоимостей. Своим гениальным взором Маркс заглядывает вперед на целые десятилетия, предвосхищает общее направление развития производительных сил, свидетелями которого стали последующие поколения. Маркс говорит об исследовании «всей природы с целью открытия новых полезных свойств вещей»[3], о всеобщем взаимном обмене продуктов всех климатических зон и стран, о разработке новых искусственных методов приготовления «естественных предметов», предметов личного и производительного потребления, о всестороннем исследовании земли как с целью открытия новых пригодных для употребления предметов, так и для открытия новых потребительных свойств старых предметов. Обязательной предпосылкой ко всему этому должен быть весьма высокий уровень естествознания. Капитал способствует развитию производительных

[1] *K. Marx*. «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 292—293.
[2] Там же, стр. 312.
[3] Там же.

сил, и в этом его «великая цивилизаторская роль»[1]. Однако рано или поздно он наталкивается на внутренние границы своего развития, «его производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно и полагаются»[2]. Тенденцию к безграничному и всеобщему развитию производительных сил на известной ступени капитализма начинает все больше и больше тормозить собственная природа этого общественного строя.

Эти глубокие мысли Маркса особенно наглядно подтверждаются современной практикой капиталистических монополий, которые из своих чисто эгоистических интересов сплошь и рядом препятствуют научно-техническому прогрессу, новейшие достижения науки и техники обращают во вред человечеству, ставят их на службу милитаризму и войне.

В экономических рукописях 1857—1858 гг. отсутствуют конкретные материалы о положении рабочего класса при капитализме, которые занимают значительное место в I томе «Капитала». Однако общие оценки, выводы и формулировки Маркса подводят вплотную к предпринятому позже, в 60-е годы, широкому исследованию действия абсолютного закона всеобщего капиталистического накопления.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Заметное место в экономических рукописях 1857—1858 гг., по преимуществу в «Главе о капитале», уделяется проблеме так называемого первоначального накопления капитала, выяснению тех исторических и социально-экономических условий, которые шаг за шагом вели к созданию готовой предпосылки, послужившей исходным пунктом капиталистического способа производства.

Правда, процесс первоначального накопления капитала в рукописях рассматривается не с такой подробностью, как в специальной главе первого тома «Капитала»,

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie», Berlin, 1953, S. 313.

[2] Там же.

и до некоторой степени даже односторонне. Отделение работника, непосредственного производителя, от объективных условий его труда берется в общем аспекте. Здесь Маркс еще не исследует в деталях того, как и при каких обстоятельствах могли появиться люди, не нуждавшиеся в том, чтобы в поте лица своего добывать хлеб свой [1]. Из рукописей еще не совсем ясно, или не настолько ясно, как из первого тома «Капитала», благодаря чему эти люди сумели накопить достаточное богатство, обеспечившее им «право» эксплуатации чужого труда. Иначе говоря, Маркс пока еще не анализирует *конкретные* способы и методы первоначального накопления, он пока еще не рассматривает с необходимой полнотой и тщательностью вопрос, «откуда же возникли первоначально капиталисты» [2]. В то же время здесь есть немало такого материала, который впоследствии не уложился целиком в строгие рамки 24 главы первого тома «Капитала». Прежде всего таковы многочисленные и весьма интересные экскурсы о подвергшихся разложению формах собственности, предшествовавших капиталистическому производству. Для историков древнего мира и средних веков эти экскурсы имеют неоценимое значение.

Для Маркса не подлежит сомнению, что «обмен, как он происходит между стоимостью и живым трудом, предполагает *исторический процесс...*» [3]. Он подчеркивает, что буржуазная экономика, выраженные в политической экономии теоретически и идеально формы производства имеют историческое происхождение, т. е. первоначально капиталистическая собственность возникла *внеэкономическим* путем. Для становления капитала требуется известное накопление, которое бы с самого начала выражало собой противоположность овеществленного труда живому труду. И это накопление, накопление, как предпосылку капитала, как входящий в его понятие момент, «следует отличать по существу от накопления капитала,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 725.
[2] Там же, стр. 752.
[3] *К. Маркс.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству». М., 1940, стр. 21.

ставшего капиталом, когда уже должны быть налицо капиталы»[1].

В докапиталистический период основную массу непосредственных производителей повсюду составляло крестьянство. Ограбление любыми средствами и разложение крестьянских масс явилось первой и главнейшей страницей кровавой истории первоначального накопления. Поэтому Маркс говорит: «Формула капитала... прежде всего *включает не-собственность на землю*»[2]. Прежние собственники земли — целая масса индивидуумов — в результате особых исторических процессов стали несобственниками ее, оказались в положении, если не действительно, то потенциально свободных рабочих, «у которых единственная собственность — их способность к труду и возможность обменивать ее на имеющиеся стоимости»[3].

Маркс определяет, далее, общую суть этих процессов. Они свелись к разложению отношений крепостной зависимости, к разложению тех отношений, которые делали работника мелким собственником земли, арендатором (колоном), йоменом, свободным крестьянином, к разложению корпоративных отношений в ремесленном производстве, т. е. к экспроприации массы ремесленников. Одной из сторон процессов первоначального накопления, образования свободных рабочих, вынужденных идти на рынок труда, было разложение системы многочисленных для своего времени феодальных «клиентур», при которых несобственники (прислуга, армия и т. д.) кормились прибавочным продуктом в свите своих господ.

Экономическая почва для первоначального накопления капитала была расчищена развитием денежного богатства. Между тем и другим Маркс устанавливает диалектическую зависимость. Денежное богатство, будучи одним из агентов, факторов разложения «прежних способов производства и способов отношения работника к объективным условиям труда»[4], ускоряется в своем

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 226.

[2] *К. Маркс.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству». М., 1940, стр. 33.

[3] Там же, стр. 37.

[4] Там же, стр. 42.

развитии этим разложением, благодаря ему оно превращается в новое качество — в капитал. Без него такое превращение немыслимо. «Денежному богатству способствует стать капиталом, во-первых, то обстоятельство, что оно находит свободных рабочих, и, во-вторых, средства к жизни и материалы и т. д., которые тоже стали *свободными*, которые продаются и которые в той или иной форме прежде обычно были *собственностью* масс» [1].

Как видим, в рукописях 1857—1858 гг. Маркс четко наметил и превосходно решил все принципиальные проблемы одной из сложных и ранее неразработанных тем своего экономического исследования — темы так называемого первоначального накопления. Раскрывающие эту тему положения лишний раз убеждают в научной зрелости и исключительной глубине содержания экономических рукописей 1857—1858 годов.

---

[1] *К. Маркс.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству». М., 1940, стр. 41.

С. Р. КИРИЛЛОВ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ВУЛЬГАРНУЮ БУРЖУАЗНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ В 40—50-х ГОДАХ XIX ВЕКА

К. Маркс разработал с социально-исторической и методологической стороны вопрос о закономерностях развития буржуазной политической экономии. Он впервые ввел понятие классической и вульгарной буржуазной политической экономии, что явилось серьезным вкладом в создание научно обоснованной периодизации истории буржуазной политической экономии.

Термина «классическая политическая экономия» в научном обиходе не было до появления работ Маркса. Буржуазные экономисты заимствовали его из произведений Маркса. Заимствование этого термина у Маркса буржуазной политической экономией, конечно, не сделало ее более научной, а только еще раз показало, что экономическая теория Маркса уже в XIX веке настолько распространилась и приобрела такую большую популярность, что буржуазным экономистам, несмотря на всю их враждебность к Марксу и его учению, пришлось использовать некоторые термины марксистской политической экономии.

Заимствовав у Маркса лишь самый термин, буржуазная политическая экономия не признала и по сей день созданного Марксом и научно глубоко обоснованного выделения в буржуазной политической экономии классической и вульгарной политической экономии.

Маркс показал, что рост классовой борьбы пролетариата и превращение буржуазии из исторически прогрессивного класса в класс реакционный привело к вырождению научной буржуазной политической экономии

и появлению вульгарной политической экономии, у которой «дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет»[1]. В условиях обострившейся классовой борьбы главной заботой политической экономии капиталистов становится защита всеми возможными способами существующего строя. Буржуазная политическая экономия становится ненаучной и апологетической.

Маркс рассматривает причины разложения буржуазной политической экономии также и с гносеологической точки зрения. Он показывает, что самый подход буржуазных экономистов к изучаемым явлениям обрекает их на ошибки, а потом и научную бесплодность. Вульгарные буржуазные экономисты анализируют то или иное явление, скользя по поверхности, не касаясь действительных противоречий. В своих исследованиях они касаются лишь внешней видимости явлений, ограничиваясь переложением на научный язык ординарных представлений агентов капиталистического общества. Вульгарная политическая экономия ухватилась обеими руками за те недостатки в методе, которые были у классиков,— антиисторизм, метафизичность, применение так называемых робинзонад, уступки субъективизму,— и усугубила их. Познание экономических явлений у вульгарной политической экономии в результате использования порочной методологии не идет дальше первоначальной ступени систематизации и обработки внешних зависимостей.

Определяемое классовой позицией вульгарного экономиста отрицание коренных противоречий буржуазного общества делает невозможным анализ сущности явлений.

Лишь Маркс в процессе разработки политической экономии пролетариата мог дать правильную глубокую оценку буржуазной политической экономии, заложить основы научной классификации истории буржуазной политической экономии. Поэтому формирование взглядов Маркса по интересующему нас вопросу можно понять лишь на фоне общего развития взглядов Маркса на буржуазное общество.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 17.

В 40-е годы прошлого столетия совершается переход Маркса и Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В этот период были заложены основы марксистского мировоззрения. Проблема развития общества путем смены общественно-экономических формаций была разработана, хотя и не до конца, однако уже настолько, что можно говорить о создании в этот период материалистического понимания истории общества. В это время были обоснованы также важнейшие положения научного социализма: об исторической роли пролетариата, о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму, о необходимости диктатуры пролетариата.

К этому времени относится также подготовка революционного переворота в политической экономии. Первоначальная разработка в «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», в «Набросках к критике политической экономии» учения об объективном характере экономических законов и об исторически преходящем характере производственных отношений капитализма имела большое значение для развития метода марксистской политической экономии. В этот период были заложены основы для анализа таких важнейших категорий политической экономии, как стоимость и прибавочная стоимость, сформулирован ряд положений будущей теории обнищания рабочего класса при капитализме, начата разработка вопроса о кризисах и др.

Маркс и Энгельс в 40-е годы не могли еще дать всестороннего исследования метода и особенностей классовой позиции различных представителей буржуазной политической экономии, хотя уже тогда они во многом подготовили и наметили решение проблемы.

Первым произведением, которым собственно и началась критика буржуазной политической экономии великими основоположниками марксизма, явилась опубликованная в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике» работа Энгельса «Наброски к критике политической экономии». Он клеймит в ней буржуазную политическую экономию, развенчивает частную собственность, рассматривая ее как первопричину всех зол в классовом обществе. При этом Энгельс в основном еще руководствуется нрав-

ственными мотивами, соображениями общечеловеческой гуманности, в чем сказывалось не до конца преодоленное влияние утопического социализма и философии Фейербаха. В этой своей первой экономической работе Энгельс оригинально подошел к вопросу о развитии буржуазной политической экономии и его тенденциях. Все развитие политической экономии происходит, согласно Энгельсу, в связи с развитием промышленного производства и торговли. Политическая экономия возникла как следствие распространения торговли, являющейся по своему характеру безнравственной и алчной, и потому носит на себе следы последней. Политическая экономия, как «наука обогащения», отражает все характерные черты торговли: жадность к деньгам, корыстолюбие, господство грубого эгоизма. По мере развития торговли «гуманный дух века» заставлял политическую экономию маскировать эти предпосылки с помощью софистики и лицемерия. В результате «политическая экономия приняла филантропический характер»[1]; ее предпосылки маскируются «лицемерной филантропией». Политическая экономия является поэтому непоследовательной и противоречивой. Однако ее собственные предпосылки, ее истинное лицо нет-нет да проглянут сквозь туман этой «лицемерной филантропии». Политическая экономия Адама Смита, провозгласившая свободу торговли, «оказалась тем же лицемерием, непоследовательностью и безнравственностью»[2]. Если более старые экономисты могли еще видеть причину социальных бедствий в существовании торговых ограничений, торговых монополий и т. д., то после устранения меркантилистской системы и с осуществлением свободы торговли все более явственно обнаруживалось, что причиной этих бедствий являлась вся система частной собственности. Отсюда Энгельс делает вывод: «Наш приговор должен быть тем суровее, чем ближе к нашему времени те экономисты, о которых нам предстоит высказать свое суждение. Ибо в то время как Смит и Мальтус застали в готовом виде лишь отдельные элементы, новейшие экономисты уже имели перед

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 546.
[2] Там же.

собой целую законченную систему; были сделаны все выводы, достаточно четко выявились противоречия...»[1]. Поэтому требования к более поздним экономистам должны быть строже. Далее Энгельс высказывается еще более резко о буржуазных политэкономах: «Чем ближе экономисты к нашему времени, тем дальше они от честности. С каждым прогрессом времени необходимо усиливается софистическое мудрствование, чтобы удержать политическую экономию на уровне века. Поэтому, например, *Рикардо* более виновен, чем *Адам Смит,* а *Мак-Куллох* и *Милль* более виновны, чем Рикардо»[2]. Вынося этот беспощадный приговор всей буржуазной политической экономии за ее защиту частной собственности, Энгельс тем не менее правильно видит заслугу «либеральной политической экономии» (так он называет политическую экономию А. Смита и его последователей) в том, что она разработала законы частной собственности.

Таким образом, Энгельс в этой гениальной работе делает огромный шаг вперед к правильной оценке развития буржуазной политической экономии. Впервые Энгельс здесь высказывает мысль о присущем буржуазной политической экономии лицемерии и лживости, которые растут с каждым поколением экономистов. Правильно отмечая процесс прогрессирующего лицемерия буржуазной политической экономии, Энгельс еще не проводит линии разграничения между классической буржуазной политической экономией, у которой вульгарные моменты сосуществовали с научными открытиями, и вульгарной политической экономией, у которой ничего нет научного. Он еще не делает коренного различия между работами Смита и Рикардо и работами Мак-Куллоха и Милля, но сама тенденция развития буржуазной политической экономии была для него ясна. Несомненно, эта мысль Энгельса о постоянном возрастании лицемерия буржуазной политической экономии является первым зародышем развитого впоследствии учения о характерных чертах и признаках вульгарной политической экономии.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 546—547.
[2] Там же, стр. 547.

Особо следует поставить в заслугу Энгельсу его материалистическую методологию, которую он применяет при рассмотрении развития буржуазной политической экономии. Развитие политической экономии у него не определяется, как у буржуазных историков экономической мысли, включая современных, прежде всего ее «самостоятельными» законами, а ставится в зависимость от развития торговли, а последняя в свою очередь объявляется «ближайшим следствием частной собственности».

Нельзя сказать, чтобы буржуазные экономисты совсем не учитывали влияния социально-исторических факторов на развитие экономической мысли. Например, один из современных американских историков экономической мысли Хэни, рассматривая причины, вызвавшие появление работ Дж. Ст. Милля, говорит: «Необходимо было произвести ревизию классической экономии [к классикам Хэни причисляет также Мальтуса и Бентама.— *С. К.*], ревизию, которая учитывала бы как критику старой системы экономической мысли, так и изменения в промышленных и социальных условиях»[1]. Как видим, влияние социально-экономических факторов на развитие экономической мысли здесь полностью Хэни не исключается. Однако этим факторам не отводится решающей роли в развитии политической экономии. Кроме того, в системе социально-экономических факторов не выделяется главный элемент, влияние которого было бы определяющим. Таким элементом являются производственные отношения.

Энгельс уже в «Набросках к критике политической экономии» стоит на голову выше всех современных буржуазных социологов, когда он выделяет такой определяющий фактор. Развитие политической экономии, по существу, Энгельс ставит в зависимость от развития производственных отношений. Конечно, Энгельс еще не поднялся до понимания того, что лишь обострение классовой борьбы между рабочими и капиталистами по мере роста капиталистической промышленности и превращения буржуазии из класса прогрессивного в класс реакционный,

[1] *L. H. Haney.* «History of Economic Thought». 1955, p. 441.

тормозящий развитие производительных сил, привело к упадку экономической мысли буржуазии. Однако величайшей заслугой Энгельса в этой работе является то, что он методологически правильно стал рассматривать развитие политической экономии в диалектическом единстве с развитием производственных отношений, а именно с развитием торговли и частной собственности, причем последней отводилась главная роль.

«Наброски к критике политической экономии» оказали большое влияние на формирование взгляда Маркса. Он неоднократно цитирует их в своих работах. В связи с опубликованием этого труда между Марксом и Энгельсом завязывается переписка. В тетрадях с выписками из работ экономистов,— относящихся к 1844 и 1845 годам,— Маркс конспектирует эту работу Энгельса[1] и в своей критике буржуазных экономистов исходит из основных положений этой работы. Маркс так же, как и Энгельс, обрушивает огонь своей критики на защитников частной собственности. Маркс видит «гнусность политической экономии»[2] в том, что защитники частной собственности, с одной стороны, исходят из признания необходимости частной собственности, а с другой стороны, рассуждают так, как будто нет враждебной противоположности интересов, созданной этой частной собственностью.

Как указывалось выше, Маркс в это время еще не делает различия между вульгарной и классической буржуазной политической экономией. Однако в его работах 1844 и 1845 годов уже есть некоторые штрихи будущего учения о таком разделении. Защищая Рикардо от обвинений Сэя и Сисмонди в искажении истинных целей политической экономии, Маркс показывает, что циничность Рикардо есть лишь выражение циничности капиталистической действительности и что «с точки зрения политической экономии положение Рикардо правильно и последовательно»[3]. Маркс критикует Сэя и Сисмонди за то, что они, выступая против этих циничных положений Рикардо, не понимают, что в данном случае «человечность

---

[1] Marx — Engels Gesamtausgabe, erste Abt., Bd. 3.
[2] Там же, стр. 558.
[3] Там же, стр. 515.

находится за пределами политической экономии, а бесчеловечность заложена в ней»[1]. Маркс, следовательно, здесь противопоставляет Сэю и Сисмонди научную последовательность Рикардо, который не боится взглянуть правде в глаза и видит всю бесчеловечность капитализма. В другой работе этого времени, в «Экономическо-философских рукописях» Маркс защищает Рикардо от обвинений Мишеля Шевалье в том, что «тот абстрагируется от морали»[2]. Маркс говорит, что мораль и политическая экономия являются особыми, самостоятельными «отчуждениями» человека и имеют совершенно различные масштабы. Рикардо формулирует законы капиталистической действительности и, если эти законы не моральны, то вина лежит не на Рикардо, а на этой капиталистической действительности. Маркс говорит об этом следующим образом: «оно [отнесение политической экономии к морали.— *С. К.*] может означать только причастность политико-экономических законов к области морали, а если в действительности это не имеет место или, вернее, имеет место прямо противоположное, то разве в этом повинен Рикардо». «У Рикардо,— пишет он,— политическая экономия говорит на своем собственном языке. Если этот язык не морален, то это не вина Рикардо»[3]. По существу, Маркс проводит здесь важное разграничение: с одной стороны, Рикардо, у которого «политическая экономия говорит на своем собственном языке», т. е. у которого действительно исследуются законы капитализма; с другой стороны, ему противопоставляется М. Шевалье, который занимается моралью — областью совершенно иной, чем политико-экономические законы. Проведя такое разграничение, Маркс сделал шаг к открытию присущих всей вульгарной политической экономии гносеологических корней. Ведь когда Маркс говорит о том, что Рикардо исследует законы капитализма, а Шевалье, Сэй и др. в противоположность ему занимаются областью морали, с которой политическая экономия непосредственно не имеет ничего общего, тем самым он во многом предвосхищает будущее разделение экономистов на тех,

[1] Marx — Engels Gesamtausgabe, erste Abt., Bd. 3, S. 515.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, 1956, стр. 604.
[3] Там же.

кто исследует сущность явлений, и тех, кто уходит далеко от самого предмета политической экономии, кто рассматривает лишь внешние зависимости, сплошь и рядом подменяя научный анализ проповедью пустой морали. Следовательно, Маркс и Энгельс уже в самых первых своих работах по политической экономии, применяя материалистический метод, еще не полностью разработанный, продвинулись существенно вперед в вопросе о разделении буржуазной политической экономии и в выяснении глубоких корней ее упадка и разложения. Слова Маркса о необходимости разграничения политической экономии и морали звучат сегодня очень актуально. Как когда-то М. Шевалье, так теперь Хэни обвиняет классическую школу в безнравственности. Он с сожалением замечает: «Она (политическая экономия А. Смита и его последователей) стремится исключить этические факторы из своего рассмотрения и избегнуть этической ответственности» [1]. Видный буржуазный историк экономической мысли Жамс видит заслугу буржуазного экономиста Гобсона в том, что последний восстановил порванную «чистой» политэкономией связь между этикой и экономикой [2]. Рассмотрение вульгарной буржуазной политической экономией явлений капиталистической действительности с точки зрения морали, как и прежде, помогает ей запутывать исследуемый вопрос, скрывать сущность экономических явлений капиталистической действительности. Указание Маркса о неправомерности разрешать экономические проблемы, исходя из требований морали, целиком может быть отнесено также в адрес современного этического социализма правых социал-демократов.

Развитие Марксом и Энгельсом в «Святом семействе» (1844) и особенно в «Немецкой идеологии» (1844—1845) важнейших положений исторического материализма позволило им подойти к решению вопроса о социально-исторических корнях вульгарной политической экономии. Разрабатывая учение о соответствии формы общения (так Маркс и Энгельс называли тогда производственные

[1] *L. H. Haney*. «History of Economic Thought», 1955, p. 377.
[2] *Э. Жамс*. «История экономической мысли XX века». М., 1959, стр. 134.

отношения) характеру производительных сил, Маркс и Энгельс показывают, какой лживой и лицемерной становится идеология господствующего класса в условиях, когда старая форма общения больше не соответствует ушедшим вперед производительным силам, а господствующий класс всячески стремится сохранить эту старую, изжившую себя форму общения. «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса,— говорится в «Немецкой идеологии»,— развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам... тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее... этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. и т. д. формулированы в виде всеобщих интересов, опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью, чем больше они теряют свое значение для самого сознания,— тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества» [1]. Маркс и Энгельс показывают здесь, как по мере роста несоответствия формы общения характеру производительных сил сознание перестает соответствовать форме общения. Они показывают, как «прежние традиционные представления этой формы общения», т. е. старая идеология, становятся все более лживыми и лицемерными. По существу, Маркс и Энгельс обосновали здесь общую для эксплуататорского общества закономерность, в силу которой в период отживания старых производственных отношений идеология господствующего класса неизбежно принимает лживый и лицемерный характер. Рассмотрение действия этой общей закономерности в области политической экономии, т. е. в одной из важнейших сфер буржуазной идеологии, в конкретный исторический период, когда начинало развиваться рабочее движение, привело Маркса в скором времени к новым открытиям.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 283—284.

В «Нищете философии», вышедшей в свет в 1847 г., мы видим новый этап в понимании Марксом истории буржуазной политической экономии. Развитие политической экономии здесь впервые ставится в зависимость от углубления противоречий капиталистического строя и, прежде всего, в зависимость от роста антагонизма между буржуазией и рабочим классом. Маркс говорит: «Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией, и среди них образуются различные школы»[1]. Из этой цитаты видно, что рост противоречий капиталистического строя рассматривается как решающий фактор при возникновении новых школ в политической экономии. В «Нищете философии» Маркс подошел к пониманию того, что буржуазных экономистов нужно делить на тех, которые являются представителями прогрессивной буржуазии, борющейся с феодализмом, и тех, которые представляют интересы реакционной буржуазии в эпоху классовых боев пролетариата. Он различает в буржуазной политической экономии несколько школ: экономистов-фаталистов, гуманистическую школу, филантропическую школу. Экономисты-фаталисты равнодушны к отрицательным сторонам буржуазного производства. Гуманистическая школа принимает близко к сердцу отрицательные стороны капиталистических производственных отношений, старается сгладить контрасты. Филантропическая школа является усовершенствованной гуманистической школой, отрицает необходимость антагонизма и хочет всех людей превратить в капиталистов. Экономистов-фаталистов Маркс делит на классиков и романтиков. «Классики, как, например, Адам Смит и Рикардо, являются представителями той буржуазии, которая, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, увеличить производительные силы и придать новый размах промышленности и торговле». «Романтики принадлежат нашей эпохе — эпохе, когда буржуазия находится в прямой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 144.

противоположности к пролетариату, когда нищета порождается в таком огромном изобилии, как и богатство»[1]. Впоследствии эту классовую характеристику, которую Маркс здесь дает классикам и романтикам как двум направлениям «фаталистической школы», он применит к двум лагерям буржуазной политической экономии: классической и вульгарной.

В этой работе Маркс впервые показал, каким образом классовая позиция буржуазных экономистов приводит к возникновению у них таких серьезных пороков в самом подходе к изучаемым явлениям, которые делали невозможным подлинно научное исследование сущности явлений капиталистической действительности. Рассматривая так называемую филантропическую школу в буржуазной политической экономии, Маркс замечает: «Она отрицает необходимость антагонизма; она хочет всех людей превратить в буржуа; она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собой разумеется, что в области теории нетрудно отвлекаться от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу... филантропы хотят сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, но без того антагонизма, который составляет сущность этих категорий и от них неотделим»[2]. Как видно, Маркс заметил ту основную причину, благодаря которой происходит неизбежное искажение сущности явлений. Буржуазные экономисты стремятся отделаться от противоречий, что вытекает из их классового положения в этот период. Категории, абстрагированные от противоречий, не могут правильно отразить противоречивую действительность. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит: «вульгарная политическая экономия... всячески старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия»[3]. Мы имеем здесь прямое развитие Марксом того, что он высказал в «Нищете философии» в 1847 году.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 145.
[2] Там же, стр. 145—146.
[3] *К. Маркс*. «Теории прибавочной стоимости», ч. III. М., 1961, стр. 478.

В «Нищете философии» Маркс также показывает, что в отличие от филантропической школы вульгарный социализм шел по другому пути при искажении действительности. Прудон признавал противоречивость категорий, однако не видел того, что последние являются отражением объективно существующей действительности. Руководствуясь мечтаниями и пожеланиями мелкого буржуа, он произвольно отбрасывал «плохие» стороны каждой противоположности. Вульгарный социализм, хотя и признает противоречия, присущие действительности, но трактует их идеалистически, так как они в конечном счете для него — продукт деятельности человеческой головы и не существуют объективно.

В 50-е годы Маркс приходит к разделению всех буржуазных экономистов на две группы: классиков и вульгарных экономистов. В письме к Энгельсу от 2 апреля 1851 года он пишет: «Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять покончу со всей экономической дрянью... В сущности эта наука со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало» [1]. Маркс здесь впервые сформулировал вывод о научной несостоятельности всей буржуазной политической экономии после Адама Смита и Давида Рикардо. В работах конца 1850-х годов Маркс развивает эту мысль подробнее. В «К критике политической экономии» он более точно устанавливает границу, где кончается научная буржуазная политэкономия: «Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сомнения» [2]. Этот же вывод Маркс делает и в рукописи 1857—1858 годов: «История современной политической экономии оканчивается на Рикардо и Сисмонди» [3]. В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (1873) Маркс повторил этот вывод и сделал под строкой ссылку

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 207.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 47.

[3] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 843.

на страницу «К критике политической экономии» с вышеприведенной цитатой [1].

Показывая в работах этого периода картину глубокого упадка позднейшей буржуазной политической экономии, Маркс, однако, не становится на путь огульного отрицания научного значения всех без исключения работ буржуазных экономистов. Как мы видели выше, еще в письме к Энгельсу от 2 апреля 1851 г. Маркс, говоря о вырождении буржуазной экономической науки, отметил и достоинства отдельных исследований. В рукописи 1857—1858 гг. он дает глубокую конкретную характеристику разложения буржуазной экономической науки. Маркс отмечает многие черты «пришедшей в упадок новейшей политической экономии», такие, как пошлость, чванство, самодовольное повторение общих мест, применение «детской абстракции» [2]. Давая глубокую конкретную характеристику разложения буржуазной экономической науки, Маркс указывает на те весьма ограниченные области, в которых были сделаны «действительно новые открытия», на общем фоне упадка выделяет все ценное, что могла дать буржуазная мысль в некоторых конкретных вопросах в результате систематизации и обработки внешних, поверхностных явлений капиталистического мира. Характерно в этом отношении следующее высказывание: «Позднейшая политико-экономическая литература либо катится вниз по пути эклектических, синкретических компиляций, вроде работы Дж. Ст. Милля, либо идет по пути более глубокой разработки отдельных отраслей, примером чего являются работа Тука «История цен» и вообще новые английские сочинения об обращении,— единственной отрасли, в которой были сделаны действительно новые открытия, так как труды о колонизации, земельной собственности (в ее различных формах), народонаселении и т. д. отличаются от старых работ собственно только большим обилием материала,— либо занимается воспроизведением старых экономических спорных вопросов для широкой публики и для

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 14.
[2] *K. Marx*. «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 160.

практического решения вопросов дня,— таковы работы о свободе торговли и протекционизме...» [1].

Маркс вскрывает характерную черту буржуазной политической экономии в период ее разложения — боязнь касаться общественных противоречий. «Что отличает этих социалистов от буржуазных апологетов,— говорит Маркс,— так это, с одной стороны, чувство противоречий, которые содержит система, с другой стороны — утопизм, который не может понять необходимого различия между реальным и идеальным образом буржуазного общества и поэтому хочет провести излишнюю операцию: само идеальное выражение снова воплотить в действительность, в то время как оно есть лишь отображение этого действительного» [2]. Выясняя отличие буржуазных апологетов от мелкобуржуазных социалистов, Маркс говорит здесь о том, что буржуазные апологеты (этот термин впервые появляется у него в этот период) не обладают «чувством противоречий», т. е. не видят противоречий капиталистического строя в отличие от социалистов, которые чувствуют существование этих противоречий. В то же время сами мелкобуржуазные социалисты (например, Прудон) далеки от правильного понимания действительности, и поэтому их планы преобразования общества утопичны.

В настоящее время буржуазные экономисты вынуждены признавать наличие некоторых противоречий в капиталистическом обществе. В частности, они отказались от теории, что сама капиталистическая система автоматически обеспечивает равенство спроса и предложения и беспрерывный рост производства. Такая их эволюция является результатом общего кризиса капитализма. Противоречия капитализма в современную эпоху обострились до крайности, и замалчивать проявления хотя бы некоторых противоречий стало невозможно. Буржуазные апологеты теперь озабочены тем, как продлить жизнь капитализму. Вульгарная политическая экономия широко использует частичное признание противоречий

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 843—844.

[2] Там же, стр. 160, 916.

для апологии государственно-монополистического капитализма.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс подверг анализу противоречия капитализма и показал, что основой этого анализа должно быть изучение капитала. «Точное развитие понятия капитала необходимо, так как оно является основным понятием современной политической экономии, так же как сам капитал, абстрактная копия которого и есть понятие капитала, является основой буржуазного общества. Из глубокого понимания основной предпосылки отношения должны получаться все противоречия буржуазного общества» [1]. В результате анализа основного классового противоречия между пролетариатом и буржуазией, фиксированного в капитале, Маркс формулирует важнейшие положения своей теории прибавочной стоимости. Одновременно Маркс подвергает глубокой критике вульгарных экономистов, которые трактовали капитализм как общество, лишенное всяких противоречий, где господствует полная гармония. Сторонники этой теории пытались свести такие капиталистические категории, как капитал, заработная плата, прибыль, процент и т. д., к категориям простого товарного хозяйства. Кэри и Бастиа старались объяснить явления более развитой ступени товарного производства — капитализма, исходя из закономерностей, присущих простому товарному хозяйству.

Таким образом, к 50-м годам Маркс по существу создал научное понятие вульгарной политической экономии. Он показал упадок позднейшей буржуазной экономической мысли и истоки его увидел в обострившейся классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. Уже в 50-х годах Маркс раскрыл неспособность буржуазной политической экономии в период ее разложения к познанию сущности явлений и тем самым пришел к пониманию всех важнейших особенностей вульгарной политической экономии.

Рукопись 1857—1858 гг. содержит развернутую критику отдельных представителей вульгарной политиче-

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 228.

ской экономии. В специальном очерке, написанном в июле 1857 г., Маркс подробно разобрал теорию гармонии Кэри и Бастиа. Ни в одном другом произведении Маркса не дается более полного и подробного разбора их теории.

Появление теории Кэри — Бастиа Маркс связывает с определенными историческими условиями, сложившимися в США и Франции. Он объясняет, почему в условиях быстрого капиталистического развития США стали страной, где впервые была развита теория Кэри о гармонии классов. Бастиа лишь заимствовал у последнего его теорию и приспособил ее к условиям Франции. «Он,— говорит Маркс о Кэри,— принадлежит стране, где буржуазное общество развивается не на основе феодализма, а начинается само по себе, где оно проявляется не как сохранившийся результат столетнего движения, а как исходный пункт нового движения; где государство, в отличие от всех более ранних национальных учреждений, с самого начала подчинено буржуазному обществу, его производству и где государство никогда не могло претендовать на самоцель; где, наконец, само буржуазное общество, соединяя производительные силы Старого света с громадной природной территорией Нового света, развивается в дотоле невиданных размерах, с небывалой свободой движения, далеко превосходит всю прошлую работу по подчинению сил природы и где, наконец, противоположности буржуазного общества проявляются сами только как ничтожные моменты» [1]. Маркс дает здесь классическую формулировку особенностей развития США, которая помогает нам не только уяснить условия рождения теории Кэри, но и в настоящее время выбивает почву из-под ног у апологетов капитализма, доказывающих какую-то исключительность капитализма в США. Как видно из вышеприведенной цитаты, отсутствие феодальных пережитков, громадная территория и природные ресурсы — вот те моменты, которые и обеспечили чрезвычайно быстрое развитие капитализма в США. Маркс говорит далее, что в этих условиях «противоположности буржуазного общества», т. е. борьба между

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 844.

пролетариатом и буржуазией еще не проявилась достаточно сильно и резко. В то же время в Западной Европе, начиная с 30-х годов, противоречия достигли гораздо более высокой степени зрелости, и Кэри пытался как-то объяснять их с точки зрения условий, сложившихся в США. Защитнику интересов американской промышленной буржуазии казалось, что в Европе в результате вредного вмешательства государства и под влиянием ложных теорий складываются ненормальные, неестественные отношения. «Разве не естественно,— спрашивает Маркс,— что производственные отношения, в которых этот огромный новый мир развивается так быстро, так поразительно и счастливо, рассматриваются Кэри как вечные нормальные отношения общественного производства и обращения, а производственные отношения в Европе, особенно в Англии, которая для него является собственно Европой, тормозятся и ущемляются от значительных ограничений феодального периода, разве не естественно, что ему кажется, будто английские экономисты превратно и ложно рассматривали эти отношения и, смешав случайные искажения производственных отношений с их имманентным характером, вновь возродили и обобщили эти искажения? Американские отношения против английских: к этому сводится его критика английской теории земельной собственности, заработной платы, населения, классовых противоположностей и т. д.»[1]. Маркс здесь прямо указывает, каким образом специфическая обстановка в США сделала возможным в то время появление на свет вульгарной теории Кэри, которая была немедленно подхвачена в Европе вульгарными экономистами. Представитель промышленной буржуазии Нового света не мог рассматривать обострение капиталистических отношений в Европе, иначе как через призму отношений в собственной стране, где имелись особо благоприятные условия для развития экономики и противоречия капитализма еще не созрели в достаточной мере, где классовая борьба рабочих и капиталистов еще не приобрела форм, угрожающих существованию капитала.

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Berlin, 1953, S. 844.

Американский промышленник был настолько уверен в преимуществах капиталистических отношений, в лоне которых так успешно развивались производительные силы, что обострение противоречий капитализма в Англии (кризисы, чартизм и т. д.) ему казалось чем-то внешним, случайным, чуждым самим капиталистическим отношениям. Кэри казалось, что противоречия в Англии являются не результатом развития самого капитализма, а чем-то посторонним. Маркс дал в этом случае блестящий пример глубокой, конкретной критики вульгарной политической экономии. Он показал полную несостоятельность и ошибочность положений Кэри, а также обнажил почву, на которой они выросли. Тем самым Маркс еще больше раскрыл нищету буржуазной политической экономии и углубил свое понимание причин ее вырождения. Однако окончательное формирование взглядов Маркса на социально-исторические и методологические корни вульгарной политической экономии произошло лишь в 60-е годы, когда были написаны «Теории прибавочной стоимости» (1862—1863) и вышел в свет первый том «Капитала» (1867).

* * *

Современные вульгарные экономисты тщетно стараются доказать, что классификация, данная Марксом буржуазной политической экономии, неверна и нуждается в исправлениях.

Так, при рассмотрении периодизации политической экономии Вюрглер самоуверенно заявляет, что «он модифицировал Маркса применительно к современности»[1]. Эта «модификация» заключается в том, что, по его утверждению, «между Рикардо и «вульгарными экономистами» различие не столь большое, чтобы их вместе нельзя было рассматривать как классиков»[2]. Он полностью отвергает положения Маркса о существовании вульгарной политической экономии. Вюрглер откровенно говорит о том, что не следует и пытаться проникать в сущность явлений. По его словам, «вопросы о сущности

[1] *H. Würgler.* «Maltus als Kritiker der Klassik». Winterthur, 1957, S. 39.
[2] Там же.

и природе экономических категорий пахнут метафизикой...»; «всякое философствование о сущности заработной платы, ренты и процента становится излишним, раз удалось объяснить высоту этих проявлений цен»[1]. Заниматься рассмотрением лишь количественной определенности и не анализировать сущность экономических явлений значит заранее лишить смысла всякое их исследование и довольствоваться тем, что дает нам обыденная буржуазная практика, т. е. внешней видимостью явлений.

В настоящее время, как указывается в Программе КПСС, «буржуазная идеология переживает глубокий кризис». Одной из сторон этого кризиса является кризис современной буржуазной политической экономии, который признают даже отдельные ее представители. Так, основатель так называемого неолиберализма в буржуазной политической экономии В. Ойкен говорит, что буржуазная экономическая наука потеряла твердый фундамент. Для нее характерны, по его словам, отрыв от жизни, неуверенность и разброд. «История политической экономии именно в последние десятилетия характеризуется появлением и исчезновением сект. Все снова и снова появляются новые пророки... Они мнят себя новаторами и не замечают, что они, как эпигоны, тянут за собой груз старых заблуждений. Если их положения соответствуют течениям времени, то они временно имеют успех. Но вскоре они снова вытесняются новыми вождями сект и при этом тем же самым способом, каким они сами вытеснили старых. Слова и определения употребляются для борьбы, атмосфера науки становится отравленной, и неполитикоэконом с полным основанием неодобрительно качает головой по поводу неприятной сумятицы лиц и «систем». На все это уже часто раздавались жалобы»[2].

Ойкен здесь, в общем правильно нарисовав общую картину кризиса буржуазной политической экономии, в то же время отразил тревогу буржуазных экономистов в связи с катастрофическим падением престижа буржуазной политэкономии. Однако он не понял причин, вы-

---

[1] *H. Würgler*. «Maltus als Kritiker der Klassik». Winterthur, 1957, S. 47.

[2] *W. Eucken*. «Grundlagen der Nationalökonomie», 7. Aufl., 1959, S. 30.

звавших этот процесс. По его мнению, причиной такого положения является непонимание большинством буржуазных экономистов так называемой «большой антиномии», того факта, что в каждом явлении есть индивидуальное и общее, а исследователь якобы или видит лишь индивидуальное, отдельные, несвязанные явления, но не видит общего, проблему, или же он рассматривает общее, проблему, но не замечает индивидуального, самих явлений. Отсюда дуализм в науке. «Теоретик предоставляет исторически-индивидуальное исторической национальной экономии, а историческая национальная экономия отдает общее теоретику. И каждый пытается прийти своим путем к своей собственной цели познания»[1]. Якобы лишь в результате такого «разлада» все исследования буржуазных экономистов терпят неудачу. Буржуазная политэкономия, полагает Ойкен, должна на практике преодолеть «большую антиномию», для чего необходимо как более полное непосредственное наблюдение фактов и явлений, так и, с другой стороны, необходимо шире применять анализ, метод моделей и т. д. Только тогда политическая экономия обретет «твердый фундамент».

В этих рассуждениях отчасти отразилось наблюдающееся даже в кругу самих буржуазных ученых понимание отрыва экономической теории от реальной действительности. Однако Ойкен не понимает неотвратимости разброда в современной буржуазной политической экономии, не понимает, что неуклонный процесс деградации буржуазной экономической науки выражает собой рост противоречий капитализма, который все больше и больше демонстрирует свою гнилость, проигрывая мирное соревнование с социалистической системой. В этих условиях тем явственнее становятся вскрытые еще Марксом органические пороки буржуазной политической экономии.

---

[1] *W. Eucken.* «Grundlagen der Nationalökonomie», 7. Aufl., 1959, S. 31.

Л. И. ГОЛЬМАН

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ВАЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В XVIII ВЕКЕ

Изучение истории Ирландии в XVIII столетии занимает заметное место в исследованиях исторического прошлого этой страны, предпринятого основоположниками научного коммунизма. Ирландия интересовала Маркса и Энгельса прежде всего как «первая английская колония» [1], как страна, явившаяся одним из самых ранних объектов колониальной эксплуатации и национального порабощения господствующими классами Англии. Если изучение истории Ирландии в XII—XVII веках, когда совершался процесс ее завоевания, дало возможность основоположникам марксизма раскрыть существенные моменты *возникновения* колониализма, то история Ирландии в XVIII и XIX веках помогла им восстановить картину его *в действии*. Она позволила им установить, в каком направлении происходило «усовершенствование» форм и методов колониального грабежа порабощенных стран по мере развития капитализма в метрополии, конкретно уяснить роль ограбления трудящихся масс колонии в промышленном прогрессе угнетающих стран, в частности, в осуществлении промышленного переворота — перехода от мануфактурной стадии капитализма к крупному машинному капиталистическому производству.

Таким образом, исследование истории колониальной Ирландии XVIII века позволило Марксу и Энгельсу внести весьма существенный вклад в разработку истории

[1] См. Энгельс — Марксу, 23 мая 1856 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 43).

развития капитализма в Англии, и тем самым и в изучение особенностей развития капиталистического общества в целом.

В XVIII столетии, когда Англия в результате многочисленных колониальных захватов и торговых войн стала первой колониальной державой мира, все отвратительные черты колониальной системы пышным цветом расцвели и на ирландской почве. На примере Ирландии XVIII века Маркс и Энгельс могли наглядно убедиться, в какое состояние глубокой отсталости ввергает эта система порабощенный народ, как сковывает она социально-экономическое развитие его страны, на какие муки нищеты, деградации, вымирания она его обрекает. «Англия процветала,— писал В. И. Ленин,— Ирландия вымирала и оставалась неразвитой, полудикой, чисто земледельческой страной, страной нищих крестьян-арендаторов»[1]. Недаром, говоря о судьбах своей страны в этот и последующие периоды, выдающийся ирландский пролетарский революционер Джемс Конноли писал: «В течение последних лет XVII, всего XVIII и большей части XIX веков ирландский народ в социальном и политическом отношении был последним из илотов Европы»[2].

Однако имелась и другая сторона в истории Ирландии XVIII века, привлекавшая к себе внимание вождей пролетариата. Ирландия не только издавна являлась объектом и жертвой колониального грабежа, но и служила очагом упорного сопротивления колонизаторам. В XVIII веке национально-освободительная борьба ирландского народа вступила в новую фазу, завершившись в 1798 г. мощным восстанием, которое оставило глубокий след в сознании целых поколений борцов за независимость Ирландии.

Революционные традиции ирландского народа высоко ценились основоположниками марксизма и явились предметом их самого тщательного изучения. Целью этого изучения было не только теоретическое обобщение опыта освободительного движения угнетенных народов, но и практическое использование этого опыта в интересах

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 20, стр. 130.

[2] *J. Connolly.* «Labour in Ireland». Dublin and London, 1917, p. XXIX.

революционного пролетариата и трудящихся масс. По отношению к Ирландии и другим угнетенным странам Маркс и Энгельс выступали не только в качестве пролетарских теоретиков национально-колониального вопроса, но и как организаторы активной поддержки со стороны рабочего класса непосредственной борьбы народов против колониального порабощения. В современном им ирландском национально-освободительном движении они видели революционную силу, подрывающую основы английского колониального господства, союзника английского рабочего класса, больше того, фактор, способный активизировать его борьбу против капиталистического строя. «Чтобы ускорить социальное развитие Европы, нам необходимо форсировать крушение официальной Англии,— писал Маркс П. и Л. Лафаргам 5 марта 1870 г.,— а для этого следует атаковать ее в Ирландии, которая является ее самым уязвимым местом. В случае потери Ирландии начнется развал Британской империи и война классов в Англии, до сих пор ведущаяся в привычно-дремотных формах, примет обостренный характер. А ведь Англия — метрополия лендлордизма и капитализма всего мира» [1].

Такой революционный подход к ирландскому вопросу определял тот большой интерес, который всегда проявляли Маркс и Энгельс как к современной им борьбе ирландских народных масс, так и к историческим предшественникам этой борьбы. Революционные события конца XVIII века в Ирландии Маркс и Энгельс считали в этом смысле весьма поучительными. В письме к Энгельсу от 10 декабря 1869 г. Маркс отмечал, что последние десятилетия XVIII в. в Ирландии являются периодом, представляющим собой,— как с точки зрения уяснения политики английских колонизаторов, так и с точки зрения учета уроков ирландского национально-освободительного движения,— «величайший интерес — и научный и драматический» [2]. В более раннем письме своему другу, от 30 ноября 1867 г., он указывал, что Генеральному Совету Интернационала, вырабатывая свою платформу по

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, ед. хр. 6122.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 231.

ирландскому вопросу, следует использовать требование, которое было выдвинуто самим ирландским движением еще в 1783 г., «только демократизированное и приноровленное к современным условиям»[1].

Изучение Марксом и Энгельсом истории Ирландии XVIII века дает, таким образом, наглядный пример умения великих корифеев исторической науки находить в событиях прошлого нити, связывающие их с современной им действительностью. Являясь образцом подлинно научного анализа истории, оно в то же время дает яркое представление о понимании Марксом и Энгельсом партийности исторической науки, об использовании ими ее выводов для постановки и разрешения актуальных задач рабочего и национально-освободительного движения.

Работы Маркса и Энгельса по истории Ирландии, включая ее историю в XVIII веке, особенно злободневны в научном и политическом отношении в наше время, когда под ударами национально-освободительного движения происходит развал колониальной системы капитализма. Эти работы, вскрывающие на конкретном примере исторические корни процесса нарастания народного сопротивления колониализму, содержат глубокое обоснование неизбежности его позорного краха. Они дают яркое представление о великих учителях пролетариата не только как о проницательнейших историках, но и как о благородных и смелых борцах против всякого проявления национального и колониального рабства.

ИЗУЧЕНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ XVIII ВЕКА. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИМИ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Исследованием истории Ирландии XVIII века Маркс и Энгельс занимались в разное время, преимущественно в годы I Интернационала в связи с выработкой его платформы по ирландскому вопросу. В наброске доклада по этому вопросу, прочитанному Марксом 16 декабря 1867 г. в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, два раздела посвящены ирландской истории XVIII столетия[2]. Энгельс в 1869—1870 гг. намеревался

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 195.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468—470.

осветить ее в двух параграфах четвертого раздела своего труда «История Ирландии», оставшегося незаконченным. В его «Выписках по истории Ирландии XVII и XVIII веков» и других подготовительных работах был собран значительный материал, особенно по первой половине XVIII века[1]. Проблемам истории Ирландии этого времени посвящены многие выписки Маркса, а также ряд книг с его пометками.

В последнее время обнаружен еще один важный источник, отражающий разработку Марксом ирландской истории XVIII века. Речь идет о его «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века»[2]. Эта работа, ранее неизвестная, в декабре 1952 г. была передана Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Центральным комитетом Коммунистической партии Франции вместе с рядом других документов, хранившихся у детей и внуков дочери Маркса Женни Лонге. Над рукописью надпись, сделанная рукой Энгельса: «Hibernica» («Относящееся к Ирландии»), проставленная им же дата: «1869». Составление рукописи скорее всего относится к октябрю — ноябрю 1869 г., как это явствует из присоединенных к ней материалов, написанных в это время (выписки из газеты «Irishman» как раз за эти месяцы, проект резолюции Генерального Совета Интернационала по ирландскому вопросу, составленный 16 ноября 1869 г.). Кроме того, ряд книг («Речи Кэррана», памфлет Энсора), послуживших источником при написании этой работы, Маркс упоминает в своих письмах Энгельсу этого времени[3].

---

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 157—248 (план работы Энгельса по истории Ирландии см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 719).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597. Название рукописи дано условно, в соответствии с основным содержанием работы. Подробную характеристику структуры и содержания этой работы см. в нашей статье «Новые данные о разработке Марксом истории Ирландии» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 9, 1962).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 244—245, 270 (последнее письмо написано позднее, 10 декабря 1869 г., но из него видно, что «Речи Кэррана» были в руках Маркса раньше, скорее всего в ноябре 1869 г.).

Для каких целей была составлена эта рукопись Марксом? Скорее всего для уяснения вопроса самому себе в связи с обсуждением ирландских дел в Интернационале. Не исключено, однако, что работа была предназначена в качестве подготовительного материала для книги Энгельса по истории Ирландии, ибо среди выписок и конспектов последнего как раз отсутствует систематическое изложение истории именно этого периода.

Выписки Маркса, объемом свыше 5 печатных листов (1 страница рукописи из заключительной части утеряна), охватывают историю Ирландии с 1776 до 1800 г., с некоторыми экскурсами в более ранние или более поздние периоды. Как и «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» Энгельса (в них история страны доведена до 1767 г.), эта работа составлена на основе не одного, а нескольких источников. Некоторые из основных источников удалось установить (комментарии Дэвиса к «Речам Кэррана», сами речи этого деятеля, работа Митчела «История Ирландии»). Однако источники ряда мест работы пока еще не разысканы[1]. В выписках имеются ссылки на сочинения более раннего периода (Петти, Молинью, Льюкаса, Свифта), приведены выдержки из статей радикального писателя начала XIX века Коббета об Ирландии, из газеты «Morning Chronicl» за 1828 г. и другие материалы.

Работа Маркса, так же как и упомянутые «Выписки» Энгельса, не является обычным конспектом, а носит печать его самостоятельного творчества. В отборе фактов, в порядке их расположения Маркс отнюдь не идет вслед за авторами используемых книг, а следует собственному плану, выработанному на основании глубокого осмысливания сущности исторических событий. Внутренняя периодизация рассматриваемых десятилетий ирландской истории не совпадает с той, которая имеется у Дэвиса

[1] Это тем более трудно, что в самой рукописи источники указаны далеко не всюду. Так ссылок на комментарии Дэвиса и на книгу Митчела в ней вообще нет. Имя Энсора упомянуто без указаний названия цитируемой работы этого автора. Материалы разных авторов Маркс воспроизводит не подряд, а перемежает их в соответствии с собственным планом. Характеристика использованных в этих «Выписках», как и в других материалах Маркса и Энгельса, источников будет дана ниже.

и у Митчела. Заглавия разделов и подразделов принадлежат Марксу. Как и Энгельс в своей подготовительной работе по истории Ирландии XVIII века, Маркс в ряде случаев делает собственные замечания, носящие характер глубоких обобщений, проводит исторические аналогии, дает характеристику историческим деятелям. В заключении он подводит итог всему исследованию в виде систематизированной хронологической сводки событий, в которой четко выявлены главные линии развития истории Ирландии этого времени.

Таким образом, многие подготовительные материалы Маркса и Энгельса, особенно недавно обнаруженная рукопись Маркса по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века, хотя они и представляют собой черновые работы, по своему содержанию носят характер хорошо продуманного, законченного предварительного исследования интересующих основоположников марксизма проблем.

На основании указанных материалов и переписки Маркса и Энгельса можно в общих чертах установить тот круг источников, который был привлечен ими для изучения истории Ирландии в XVIII столетии. Их прежде всего интересовало социально-экономическое развитие страны в это время. Ряд ценных сведений в этом отношении они почерпнули из современных им работ Мак-Карти «Ирландский земельный вопрос в его исчерпывающей постановке и разрешении», Мэрфи «Ирландия, ее промышленность, политический строй и социальные отношения», Годкина «Война за землю в Ирландии» [1]. Однако цельной картины экономического развития Ирландии в XVIII в. эти работы, посвященные в основном XIX веку, не давали. Для того чтобы ее восстановить, основоположникам марксизма пришлось обратиться к довольно ред-

---

[1] *J. Mac-Carty.* «Irish Land Question Plainly Stated and Answerd». London, 1870; *J. Murphy.* «Ireland, Industrial, Political and Social». London, 1870; *J. Godkin.* «The Land-War in Ireland». London, 1870. Краткая характеристика этих работ и использования их Энгельсом дана в нашей статье «Разоблачение Ф. Энгельсом буржуазных фальсификаторов истории Ирландии» («Новая и новейшая история» № 3, 1960). Книгу Мэрфи упоминает и Маркс в «Капитале» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 716).

ким первоисточникам — к произведениям непосредственных свидетелей, авторов XVIII и начала XIX веков.

Одним из сочинений этого рода является работа Артура Доббса «Опыт о торговле и импорте Ирландии». Книга эта была издана в Дублине в двух частях: в 1729 и 1731 году. В 1744 г. она вышла в Лондоне в новом варианте под названием «О торговле Великобритании и Ирландии» [1]. Из этого издания Энгельс приводит обширную цитату в своих «Выписках по истории Ирландии XVII и XVIII веков» [2]. В специально составленном им в 1869 или 1870 году библиографическом списке работ по истории Ирландии имеется пометка: «Доббс (около 1728) о фермерах» [3].

Автор этой книги известен как один из организаторов исследования Гудсонова залива. В 1754 г. он был назначен губернатором Северной Каролины. До этого Доббс занимал крупные посты в ирландской администрации. В противоположность большинству своих коллег Доббс был противником запретительных мер против ирландской промышленности. Свою книгу он написал, главным образом, с целью опровергнуть ходячее среди англичан мнение, будто бы «развитие торговли и процветание Ирландии нанесет непоправимый ущерб их богатству и коммерческой деятельности» [4]. Хорошо был осведомлен Доббс и о земельных отношениях в Ирландии. Он был сторонником перестройки ирландского земледелия на буржуазных началах, отдав предпочтение фермерскому хозяйству перед существовавшей в Ирландии системой кабальной аренды. В то время немного можно было найти англичан, да еще среди колониальных администраторов, разделявших такие убеждения.

Обстоятельная работа об Ирландии принадлежала известному английскому путешественнику XVIII века, агроному и экономисту Артуру Юнгу — «точному наблюдателю, но поверхностному мыслителю», как отзывался

[1] *A. Dobbs.* «On the Trade of Great Britain and Ireland». London, 1744.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 223.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556.

[4] Цитируется по биографическому очерку о Доббсе в «Dictionary of National Biography», vol. V. Oxford, 1917, p. 1036.

о нем Маркс в первом томе «Капитала»[1]. Юнг посетил Ирландию в 70-х годах XVIII столетия и оставил подробное трехтомное описание «Зеленого острова», которое было издано в 1780 г. под заглавием «Путешествие по Ирландии, с общими замечаниями о современном положении этого королевства, сделанными в 1776, 1777 и 1778 гг. и завершенными в конце 1779 года»[2].

Книга Юнга, помимо географического описания Ирландии, содержит богатый историко-этнографический материал, рисует быт и условия жизни ирландского населения в конце XVIII века, а также социальные отношения в ирландской деревне. Прогрессивно настроенный для своего времени Юнг в сочувственных тонах описывает положение ирландского крестьянства, придавленного гнетом лендлордов. «Путешествие по Ирландии» Юнга напоминает в этом отношении его знаменитое описание французской деревни накануне французской буржуазной революции конца XVIII века.

Специальных выписок из книги Юнга Энгельс не сделал. Однако он использовал ее материал в написанной им главе о природных условиях своей «Истории Ирландии»[3]. Нет никакого сомнения, что книга Юнга должна была послужить Энгельсу источником и для соответствующих исторических разделов задуманной им работы. «Путешествие по Ирландии» Юнга цитировал и Маркс, правда, в другой связи, в «Капитале»[4].

Еще более ценным источником по истории Ирландии XVIII века является двухтомное «Статистическое и политическое описание Ирландии» Эдуарда Уэйкфилда, вышедшее в свет в 1812 году[5]. Автор — английский статистик и агроном — провел два года в Ирландии

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 686.

[2] *A. Joung*. «A Tour in Ireland; with General Observation on the Present State of that Kingdom, made in the Years 1776, 1777 and 1778 and brought down to the End of 1779», vol. I—III. London, 1880.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 489—493, 497—498.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 693.

[5] *Ed. Wakefield*. «An Account of Ireland, Statistical and Political», v. I—II. London, 1812.

(1808—1810). В своем объемистом труде он собрал большое количество фактов, относящихся к природным условиям страны, к ее народонаселению, ко всем отраслям ее народного хозяйства, политическому строю, религии и т. д. Представляя собой уникальное собрание статистического материала, книга Уэйкфилда содержала много весьма важных данных чисто исторического характера, включая описание некоторых событий конца XVIII века. «Такую полноту сведений о какой-либо стране я еще нигде не видел. Притом этот молодец весьма наблюдателен и сравнительно честен»,— отзывался Энгельс в письме к Марксу от 13 апреля 1870 г. об этой работе и ее авторе, не упуская в то же время случая отметить и слабые стороны Уэйкфилда: забавную претензию на ученость, выражающуюся в усердном цитировании «немецкой, голландской, датской и другой чепухи», неудобочитаемый стиль и т. д.[1]. Энгельс составил подробный конспект этой книги, занявшей часть 7-й и целиком 12-ю тетрадь из его 15 тетрадей с ирландскими материалами[2].

Уэйкфилд, как и Юнг, отнюдь не был сторонником ликвидации английского колониального господства в Ирландии. В своей книге он стремился скорее к прямо противоположной цели: к изысканию возможностей для более эффективной, с точки зрения интересов английского буржуа, эксплуатации природных ресурсов и экономики Ирландии. Он, в частности, ревностно доказывал пригодность «Зеленого острова» для земледелия, ибо Англия в то время воевала с Наполеоном и в условиях континентальной блокады весьма нуждалась в ирландском хлебе. Однако, будучи довольно объективным буржуазным писателем, критически относящимся к земельной аристократии и заинтересованным в устранении препон, которые задерживали развитие сельского хозяйства Ирландии, Уэйкфилд весьма правдиво описывал ирландскую действительность.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 299, 314.

[2] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598. Упомянутого Эдуарда Уэйкфилда не следует смешивать с его однофамильцем и младшим современником Эдуардом Гиббоном Уэйкфилдом, теория колонизации которого была подвергнута критике в главе XXV первого тома «Капитала» Маркса.

Данные Уэйкфилда Энгельс широко использовал в упомянутой первой главе своей книги об Ирландии. Но в этом разделе им приводится лишь небольшая часть того огромного и разностороннего материала, который он почерпнул из труда Уэйкфилда в своем подробном конспекте. Выписки Энгельса из книги Уэйкфилда представляют собой большую научную ценность. В них наряду с географическими сведениями Энгельсом были собраны воедино фактические данные об экономическом и социальном положении Ирландии конца XVIII и отчасти начала XIX века, о ее политическом строе и судебных порядках, налогово-финансовой системе, церковной организации и т. д. Особенно много внимания уделяет Энгельс аграрным отношениям. Соответствующие факты, которые у Уэйкфилда даны в весьма хаотическом виде, подобраны Энгельсом таким образом, что в совокупности они дают потрясающую картину беспощадной эксплуатации ирландского крестьянина лендлордами. При этом все эти факты совершенно конкретны. В выписках фигурируют живые люди, подробно указаны — по графствам и отдельным местностям — размеры арендованных владений и характер крестьянских повинностей, приведены конкретные примеры взаимоотношений между лендлордами и арендаторами, а также между последними и всякого рода посредниками, участвовавшими в эксплуатации ирландского крестьянства. Сам Уэйкфилд, разделявший точку зрения буржуазных экономистов-классиков, определенно высказывается против многочисленных феодальных пережитков в ирландской деревне. Он подчеркивает крайне низкую производительность труда ирландского арендатора. В Англии один сельскохозяйственный рабочий, указывает он, получает ту же плату, какую получают пять ирландских поденщиков, но он один выполняет за день бо̀льшую работу, чем все эти пятеро[1]. Этот пример приводится им в доказательство преимущества капиталистической эксплуатации над феодальной.

Из поля зрения Маркса и Энгельса не ускользнули и работы других английских экономистов начала XIX века,

[1] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

представляющие собой ценный источник для изучения экономической истории Ирландии предшествующего столетия. Одна из таких работ, написанная почти на рубеже этих двух веков, принадлежала перу прогрессивного английского буржуазного экономиста Джона Лесли Фостера. Речь идет о его книге «Опыт о принципах торгового обмена, в особенности между Англией и Ирландией» [1]. В архивных документах Энгельса это произведение не упоминается, но из переписки видно, что у него в руках был экземпляр книги Фостера, который он в феврале 1869 г. послал на время Марксу [2]. В ответном письме от 1 марта 1869 г. Маркс дает оценку сочинению Фостера как работе, в которой теория денег Рикардо развита «лучше, чем у Рикардо», а также как ценному собранию фактических данных, характеризующих финансовую эксплуатацию Ирландии Англией. Фостер, говорит Маркс, показал, что «вексельный курс всегда против Ирландии, и деньги вывозятся из Ирландии в Англию» [3]. Сохранились обширные выписки Маркса из книги Фостера. Однако характеристика, данная в них автору, звучит гораздо менее лестно, чем в упомянутом письме. Маркс указывает, что фактические сведения, собранные Фостером об Ирландии, «не имеют ничего общего» с его теоретическими домыслами. Он подвергает критике типичные для английских буржуазных экономистов и историков попытки Фостера представить Ирландию и Англию как двух равных контрагентов и даже изобразить последнюю как «должника» первой. «Осел знает,— негодующе замечает Маркс,— что благодаря *унии* [1801.— *Л. Г.*] англичане открыли для себя ирландские рынки и наводняли их — существовал долг или нет — своими товарами» [4]. В другом месте, по поводу фостеровских проектов реформы, регулирующей финансовые отношения Англии и Ирландии, Маркс замечает: «Ну и ну. Прежде всего он устанавливает, чтобы ирландцы оплачивали из собственного

---

[1] *J. L. Foster.* «An Essay on the Principle of Commercial Exchanges, particularly between England and Ireland». London, 1804.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 163.
[3] Там же, стр. 164.
[4] *К. Маркс.* Выписки из книги Фостера «Опыт о принципах торгового обмена» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2400).

кармана свинское английское правительство в Ирландии»[1].

Тем не менее Маркс ставит Фостера значительно выше представителей английской вульгарной политической экономии Сениора, Мак-Куллоха и других откровенных и циничных апологетов английского колониального господства в Ирландии. Различие в оценке особенно сказывается в том месте его выписок, где он разоблачает фальсификацию Мак-Куллохом выводов Фостера относительно экономических последствий выплаты ирландскими крестьянами ренты лордам-абсентеистам (проживавшим в Англии владельцам ирландских поместий), что служило значительным источником для накопления капиталов в Англии. «Nota bene,— замечает Маркс.— Здесь снова обнаруживается добросовестность господина Мак-Куллоха! Он копирует фостеровский стимул для промышленности благодаря абсентеистам, но забывает скопировать недвусмысленные замечания Фостера об ущербе, который этот стимул наносит Ирландии. Прохвост!»[2].

Картину экономического и социального состояния Ирландии в XVIII веке раскрывали также труды другого видного английского экономиста первой половины XIX века — Майкла Садлера. Книги этого оригинального писателя, сочетавшего консервативные взгляды — он примыкал по своему мировоззрению к группе тори-филантропов — с известным радикализмом, горячего противника Мальтуса, служили, разумеется, и источником для изучения ирландской истории того периода, когда они писались. Так, основной труд Садлера «Закон народонаселения»[3], согласно замечанию Энгельса, сделанному им в его библиографическом списке, содержал много данных «для доказательства того, что Ирландия и в 1846 г. не была перенаселена»[4]. Маркс также давал высокую оценку сочинениям Садлера, ссылаясь в «Капитале» и на другую его работу, специально относящуюся

[1] *К. Маркс.* Выписки из книги Фостера «Опыт о принципах торгового обмена» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2400).

[2] Там же.

[3] *M. Sadler.* «Law of Population». London, 1830.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556.

к Ирландии,— «Ирландия, ее бедствия и средства к их устранению»[1]. В этой «знаменитой книге», отмечал Маркс, Садлер, на основании статистических данных по отдельным провинциям и графствам Ирландии, «показывает, что нищета там не прямо пропорциональна, как того хотелось Мальтусу, а обратно пропорциональна численности населения»[2]. О несомненном знакомстве с этой книгой Энгельса говорит его письмо Марксу от 24 октября 1869 года[3].

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся выписки Маркса из книги Садлера об Ирландии. Возможно, что ими пользовался и Энгельс. В этих выписках собраны данные по истории Ирландии XVIII века, в том числе и факты, характеризующие крестьянское движение 60—80-х годов этого столетия (действия «Белых ребят» и т. д.). Ярко выявлены в выписках антимальтузианские установки автора. Садлер убедительно доказывал, что социальные бедствия особенно тяжело поражали Ирландию не в те периоды, когда ее население росло, а как раз, когда она страдала недостатком в нем. «В XVII и XVIII веках бедствия Ирландии,— говорит он в приводимой Марксом выдержке,— связывали с редкостью ее населения»[4]. Сам Садлер считал причиной этих социальных зол отнюдь не «избыток населения», а архаический аграрный строй, колоссальные ренты, выплачиваемые лордам-абсентеистам, непрочность аренды и произвольный сгон арендаторов, «очистку имений», которую он называл «бесчеловечным и противоестественным обычаем». Он выступал против кабальной посреднической аренды, против превращения ирландской земли в пастбища, сравнивая этот процесс с подобным же вытеснением овцами людей в Англии во времена Томаса Мора, высказывался за систему мелких ферм и крестьянской земельной собственности. Одновременно Маркс показывает, что при всех этих прогрессивных

---

[1] *M. Sadler.* «Ireland, its Evils and their Remedies». London, 1829.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 715.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 240.

[4] *К. Маркс.* Выписки из книги Садлера «Ирландия, ее бедствия и средства к их устранению» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2400).

высказываниях и Садлеру не были чужды колониальные устремления своего класса. В его рассуждениях об ирландской почве,— по его словам, чуть ли не самой плодородной в мире,— отразилось желание тогдашнего английского буржуа превратить Ирландию в житницу Британии, в аграрный придаток Англии. Маркс, в частности, отмечал, что Садлер был противником развития промышленности в Ирландии [1].

XVIII век — время широкого распространения памфлетной литературы, зарождения и развития буржуазной периодической печати. В своих «Выписках по истории Ирландии XVII и XVIII веков» Энгельс очень часто отмечает факты памфлетной и газетной полемики между представителями различных политических группировок. Он цитирует анонимный памфлет «Стоны Ирландии», который был выпущен в 1741 г. в Дублине и воспроизводил трагические картины постигшего страну в этот год страшного голода. Упоминаются и другие ирландские памфлеты [2].

Многие образцы публицистической литературы XVIII в., относящейся к Ирландии, Маркс и Энгельс изучили по оригинальным изданиям или по позднейшим перепечаткам.

В 1698 г. вышел в свет памфлет Уильяма Молинью «Положение дел в Ирландии, ущемляемой актами английского парламента» [3]. Автор его, ирландский протестант, англичанин по происхождению, крупный ученый (математик и философ), друг Локка, доказывал права дублинского парламента на независимость от английского и незаконность актов, запрещавших экспорт ирландских шерстяных изделий за границу. Маркс и Энгельс рассматривали памфлет Молинью как образец литературы, оппозиционной тогдашней английской колониальной политике в Ирландии. В то же время они не считали автора памфлета «потрясателем основ» английского господства. В выписках Энгельса Молинью рисуется довольно типич-

[1] *К. Маркс.* Выписки из книги Садлера «Ирландия, ее бедствия и средства к их устранению» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2400).

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 228, 231, 232, 236, 246.

[3] *W. Molyneux.* «The Case of Ireland Being Bound by Acts of Parliament in England Stated». Dublin, 1698.

ным выразителем настроений англо-ирландских протестантских колонистов в Ирландии, чьи интересы, поскольку среди них было много владельцев шерстяных мануфактур, ущемлялись упомянутыми актами[1]. *«1698 год: памфлет Молинью* в защиту независимости ирландского парламента (то есть *английской колонии в Ирландии*) от англичан»,— пишет, в свою очередь, Маркс в наброске доклада по ирландскому вопросу[2]. Таким образом, Маркс и Энгельс не отождествляли оппозиционных выступлений тогдашних англо-ирландских либеральных протестантских кругов, к которым принадлежал Молинью, с ирландским национальным движением, хотя подобные выступления несомненно косвенно влияли на рост антиколониальных настроений и среди коренных ирландцев.

В работах Энгельса отмечены также и «Письма цирюльника» англо-ирландского патриота Чарлза Льюкаса, выступавшего в 40-х годах против злоупотреблений английского правительства[3]. Аптекарь по профессии, Льюкас приобрел широкую известность и как издатель оппозиционного «Freeman's Journal». Имя Льюкаса, как уже указывалось, упоминает и Маркс в своих «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века», отметив, что он, наряду с Молинью и Свифтом, был одним из первых деятелей, протестовавших против узурпации прав дублинского парламента[4].

Неизмеримо, однако, большую роль в пробуждении ирландского населения к борьбе против колониального порабощения сыграли памфлеты на ирландские темы Джонатана Свифта. Из всей публицистики XVIII века они имели для Маркса и Энгельса наибольшую ценность.

---

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 202. Имя Молинью отмечено и в библиографическом списке Энгельса в связи с упоминанием книги Петри «Национальная история Ирландии» (*Petrie.* «National History of Ireland»). Тут же в скобках Энгельс указывает, что Молинью был «современником Локка» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468.

[3] *Ch. Lucas.* «Barber's Letters». Dublin, 1747. См. также *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 232).

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597.

В библиографическом списке Энгельса приводятся названия целой группы этих памфлетов: «Доктрины, оказавшиеся опровергнутыми в Ирландии» (1824 г.), «Современное бедственное положение Ирландии» (1826 г.), «Скромное предложение» (1829 г.), «Беглый взгляд на положение Ирландии» (1828 г.), а также знаменитые «Письма суконщика» (1824—1825 гг.)[1]. Два последних сочинения Энгельс упоминал и цитировал в своих «Выписках по истории Ирландии XVII и XVIII веков»[2]. Ссылка на Свифта приводится им и в конспектах из других книг.

В момент, когда работа над «Историей Ирландии» у Энгельса была в самом разгаре, Маркс сообщил ему в письме от 10 мая 1870 года: «Кстати. Недавно я купил за целых $4^1/_2$ шиллинга четырнадцатитомное издание *Свифта* (1760 г.). А потому, как только тебе понадобится заглянуть в свифтовские писания на ирландские темы, соответствующие тома будут тебе посланы»[3]. Упомянутое издание сохранилось среди книг библиотеки Маркса, причем в двенадцати томах имеются подчеркивания[4] — яркое свидетельство того, что автор «Путешествия Гулливера» и «Сказок бочки» был одним из его любимых писателей.

Анализ пометок Маркса показывает, что значительный интерес был им проявлен как раз к произведениям

---

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556. Упомянутые памфлеты Свифта («Maxims Controlled in Ireland». «The Present Miserable State of Ireland», «A Modest Proposal», «A Short View of the State of Ireland») см. *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VII. London, 1905. «Письма суконщика» («The Drapier's Letters») см. *J. Swift.* «The Works», vol. VII. New York, 1869. Часть этих произведений опубликована в русском переводе в книге: *Дж. Свифт.* «Памфлеты». М., 1955. Свифт был уроженцем Ирландии и провел там значительную часть своей жизни.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 218, 219.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 337. Энгельс ответил 11 мая 1870 г., что до намечавшегося переезда в Лондон ему это издание не понадобится (там же, стр. 338).

[4] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6365—6376. Не имеет пометок лишь VI том; том XII не сохранился. Это старинное издание было выпущено в Лондоне в 1760—1762 гг. (точнее первые двенадцать томов вышли в 1760, два дополнительных тома — XIII и XIV — в 1762 г.), см. *D-r. Jonatan Swift.* «The Works», vol. I—XIV. London, 1760—1762.

Свифта, посвященным ирландским проблемам (в издании эти произведения разбросаны по разным томам). Так в IV томе Маркс выделил упомянутый памфлет «Скромное предложение», сделав множество подчеркиваний на полях и в тексте[1]. В X томе содержались знаменитые «Письма суконщика», также носящие следы работы над ними Маркса, и известный памфлет «Предложение о всеобщем употреблении ирландских мануфактурных изделий» с многочисленными подчеркиваниями[2]. В этом же томе напечатана также упомянутая работа Свифта «Беглый взгляд на положение Ирландии», в которой, однако, нет подчеркиваний. Зато много их сделано Марксом на полях свифтовской «Проповеди о причинах бедственного положения Ирландии», вошедшей в XIII том[3]. В XIV томе Маркс подчеркнул в предметном указателе отсылку на нее в рубрике «Лендлорды», имеющей характерное пояснение: «их жестокости и вымогательства в Ирландии»[4].

В произведениях Свифта Маркс и Энгельс видели не только высокохудожественные образцы мировой сатирической литературы, но и важный источник для изучения истории угнетения Ирландии. Ювеналов бич, которым с таким мастерством пользовался великий сатирик и гуманист для обличения господствующих классов Англии, возвышаясь подчас до критики социальных и моральных устоев буржуазно-аристократического строя, превращался в его произведениях на ирландские сюжеты в орудие развенчания колониального господства английской правящей клики в Ирландии.

В опубликованном в 1720 г. памфлете «Предложение о всеобщем употреблении ирландских мануфактурных изделий» Свифт выступил против мероприятий английского правительства, направленных к разорению ирландской шерстяной и льняной промышленности. Он напоминает своим читателям древнюю легенду о соперничестве

---

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6368 (подчеркивания Маркса см. на стр. 66—77 этого тома).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6373.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6375.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6376 (подчеркнутую Марксом рубрику см. на стр. 242).

в искусстве прядения и тканья между Афиной и Арахной, которую побежденная богиня превратила в отместку в паука, заставив ткать ткань из собственных внутренностей. Англия, пишет Свифт, поступает с ирландцами еще более сурово и несправедливо. «Большая часть внутренностей и жизненно важных органов из нас уже вырвана и нам не разрешается даже свободно прясть из них нить и ткать сукно» [1]. Нелишне отметить, что в издании сочинений Свифта, которыми пользовались Маркс, а возможно и Энгельс, это место из указанного памфлета было специально подчеркнуто [2].

Причины бедственного состояния Ирландии Свифт видел в неравноправии Ирландии, в зависимости ее от Англии, в том экономическом, налоговом и политическом гнете, который над ней тяготел, в постоянной узурпации англичанами прав ирландского народа. Обстоятельнее всего Свифт развивает эти мысли в памфлете «Беглый взгляд на положение Ирландии». «Я был бы рад узнать,— писал в нем Свифт,— существует ли какое-нибудь секретное средство, с помощью которого можно было бы сделать богатым и процветающим народ, лишенный свободы, торговли, промышленности... когда больше половины рент и доходов всего королевства ежегодно выкачиваются из страны, а мы при этом не получаем ни единого фартинга» [3]. В другом своем памфлете — «Доктрины, оказавшиеся опровергнутыми в Ирландии»— Свифт показывает противоречие между ирландской действительностью и принципами, провозглашенными в то время буржуазными философами и экономистами в качестве основ всякого торгового и промышленного процветания [4]. Энгельс в комментариях к одной современной ему работе об Ирландии специально отмечает эти меткие наблюдения Свифта [5].

---

[1] *Дж. Свифт.* «Памфлеты». М., 1955, стр. 95. См. также «A Proposal for the Universal Use of Irish Manufacturs» (in: *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VII. London, 1905, p. 11—31.

[2] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6373 (подчеркивание Маркса на стр. 5 тома X сочинений Свифта).

[3] *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VII, p. 88.

[4] Там же, стр. 65—71.

[5] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Г. Смита «История Ирландии и характерные черты ирландцев» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2213).

Свифт в своей публицистике нередко пользовался эзоповым языком, вводя сатирическую фабулу, гротескные ситуации, аллегории и т. д. Так, в «Рассказе оскорбленной леди»[1] он изображает Англию в виде джентльмена, который завел любовную интрижку одновременно с двумя дамами — шотландкой и ирландкой. Рассказ ведется от имени последней, горько жалующейся на своего вероломного любовника, который, воспользовавшись ее женской слабостью, прибрал к рукам ее имущество, выгнал ее домочадцев из ее же собственного дома, поставил в него своего управляющего и поселил в качестве жадных и буйных постояльцев своих друзей и слуг. Таким путем он довел ее до разорения. Нечего и говорить, насколько метко отображала эта картина взаимоотношения между Англией и Ирландией. В «Серьезном и полезном проекте устройства приюта для неизлечимых»[2] Свифт предлагает устроить огромную больницу, куда бы можно было поместить всех неисправимых мошенников, дураков, скряг, сутяг, завистников, продажных писак и т. д. Англии. Намекая на полное политическое бесправие ирландцев, он с ядовитым сарказмом ходатайствует перед английским правительством, чтобы оно уравняло их с англичанами хотя бы в праве на доступ в эту больницу.

В памфлете Свифта «Исследование о некоторых злоупотреблениях, извращениях и непорядках в городе Дублине»[3] дано сатирическое изображение атмосферы религиозной нетерпимости, созданной в Ирландии англий-

---

[1] «The Story of the Insured Lady» (in: *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VII, p. 97—103). В издании, которым пользовался Маркс, эта сатира вошла в XII том; однако подчеркиваний здесь нет.

Бедственное положение Ирландии Свифт рисует в иносказательной форме и в своем знаменитом сатирическом произведении «Путешествия Гулливера». В третьей части этих путешествий — «Путешествие в Лапуту» — он изображает Ирландию под именем вымышленной страны Бальнибарби, подчиненной лапутянам. В заключительной главе романа он вообще осуждает колониальную политику.

[2] «A. Serious and Useful Scheme to make an Hospital for Incurables» (in: *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VII, p. 283—305 — в русском издании «Памфлетов» см. стр. 178—196).

[3] «An Examination of Certain Abuses, Corruptions and Enormities in the City of Dublin» (там же, стр. 261—283). Этот памфлет также, по-видимому, был знаком Марксу, так как он входил в X том имевшихся в его библиотеке сочинений Свифта.

скими властями и англиканским духовенством, которые распускали слухи о якобитских и «папистских» заговорах для оправдания полицейских и религиозных преследований ирландцев. В качестве мнимого автора «Исследования» Свифт выводит некоего усердствующего англиканского пастора, который изображает все происходящее на улицах Дублина как проявление козней «папистов» и якобитов. Он истолковывает как якобитские интриги выкрики дублинских разносчиков, объявления на торговых лавках и лотках, погоню за собаками уличных мальчишек, причем готов обвинить в участии в папистском заговоре самих преследуемых собак! Так зло высмеивал Свифт поборников карательных законов против ирландцев.

Особенно интенсивной была публицистическая деятельность Свифта во время так называемого дела Вуда. Владелец медеплавильных заводов в западной Англии Уильям Вуд получил в 1724 г. через фаворитку короля герцогиню Кендал патент на чеканку неполноценной монеты в Ирландии. Однако под давлением широких общественных слоев правительство вынуждено было в конце концов аннулировать патент. В связи с аферой Вуда Свифт предпринимает разоблачение всей системы финансовых вымогательств и коррупции, характерных для английского управления Ирландией. Написанные им по этому поводу сатиры, эпиграммы, баллады были полны едких намеков на высокопоставленных покровителей Вуда. Наибольшую остроту приняли эти разоблачения в серии памфлетов Свифта, вышедших под названием «Письма суконщика». Свифт сравнивает в них предприятие Вуда с разбойничьим нападением на чей-либо дом [1]. С негодованием отвергает он претензию английского парламента распоряжаться судьбой ирландского народа, оспаривая присвоенное им право выдавать патенты, подобные тем, которые получил этот низкий авантюрист. «Разве народ Ирландии не родился таким же свободным, как и народ Англии? — восклицает его «суконщик».— Разве ирландцы не являются подданными того же короля? Разве не то же солнце светит над ними? Разве не

[1] *J. Swift.* «The Works», vol. VII. New York, 1869, p. 460.

тот же бог владычествует над ними? Если я считаюсь свободным человеком в Англии, то разве я становлюсь рабом через шесть часов, за которые я переплыл пролив?»[1]. Свифт прямо призывал бойкотировать меры правительства. Брошенный им клич: «Остерегайтесь полупенсов Вуда!» («Beware of Wood's Halfpence!») — сделался настоящим девизом противодействия произволу английских властей. Недаром это зажигательное произведение вызвало столь большой интерес у Маркса и Энгельса.

Свифт выделялся среди публицистов того времени и как писатель, нарисовавший правдивую картину бедствий трудящихся масс Ирландии. В «Проповеди о причинах бедственного положения Ирландии» Маркс отметил подчеркиванием те слова великого просветителя, в которых он указывал, что почти вся ирландская нация «доведена до состояния нищенства»[2]. Как в этой «Проповеди», так и в упомянутом памфлете «Современное бедственное положение Ирландии» Свифт указывает на непомерно высокие ренты, жадность и вымогательства английских и ирландских землевладельцев. сгонявших арендаторов с земли, превращаемой в пастбища, как на главную причину нищеты ирландских крестьян. Гнет лендлордов в Ирландии Свифт называл «египетскими цепями»[3].

Потрясающая картина социальных зол, под бременем которых находилась Ирландия, нарисована в знаменитой сатире Свифта «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков были в тягость своим родителям или своей родине»[4]. В ней Свифт прежде всего констатировал, что в Ирландии все коттеры, поденщики, 4/5 фермеров и масса другого люда являются нищими. В выписках из книги Г. Смита «История

---

[1] *J. Swift.* «The Works», vol. VII. New York, 1869, стр. 445.

[2] «A Sermon on the Causes of the Wretched Conditions of Ireland» (in: *D-r. J. Swift.* «Works», vol. XIII. London, 1762, p. 36; подчеркивания Маркса см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6375).

[3] Там же.

[4] «A Modest Proposal for Preventing the Children of Poor people from being a Burthen to their Parents or Country» (in: *J. Swift.* «The Prose Works», vol. VIII, p. 201—217).

Ирландии и характерные черты ирландцев» Энгельс специально отмечает: «Свифт в своем «Скромном предложении» говорит о растущем количестве лишенных хлеба ирландцев (1729 год)» [1]. Большинство ирландских детей, указывал Свифт, обречено на вымирание от голода и лишений. Для общества, саркастически заключает он, было бы целесообразнее найти для этих гибнущих детей более полезное применение, употребляя, например, их мясо для стола дворян и других представителей зажиточных классов. В нарочито бесстрастном, деловом тоне, достигая этим исключительного сатирического эффекта, Свифт перечисляет количество блюд, которые можно было бы приготовить из детского мяса, дает всевозможные кулинарные советы, приводит политические и коммерческие соображения в пользу своего проекта, вроде сокращения числа подозрительных папистов, увеличения экспорта солонины и т. д. В этой гениальной сатире Свифт в иносказательной форме по существу бросает в лицо господствующим классам Англии — подлиным виновникам гибели ирландских детей — клеймящее обвинение в детоубийстве.

Мировоззрение Свифта носило отпечаток влияния той классовой среды, которая окружала великого сатирика, и не лишено было противоречий. В его ирландских памфлетах чувствуются, например, иной раз торийские симпатии. Призывая ирландцев сопротивляться отдельным проявлениям колониального произвола, Свифт был далек от мысли о последовательной революционной борьбе народных масс против английского господства. Тем не менее обличение английского колониального режима в Ирландии этим представителем радикального крыла буржуазного просвещения имело крупнейшее общественно-политическое значение, как и его мужественная защита угнетенных ирландских масс.

Маркс и Энгельс знакомились также с мемуарами и перепиской государственных деятелей того времени. Известный интерес как исторический источник, в частности, представляют собой цитировавшиеся в «Выписках» Энгельса «Письма» архиепископа англиканской церкви в

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2213.

Ирландии Хью Боултера[1]. Боултер с 1724 по 1742 г. 13 раз назначался верховным судьей (Lord Justice) Ирландии. В то время этот пост был фактически равносилен положению правителя Ирландии ввиду обычного отсутствия лорда-наместника в стране. В материалах Энгельса этот колониальный администратор в поповской рясе охарактеризован как «решительный сторонник прямого господства Англии»[2]. Он приложил руку к изданию многих карательных законов, был вдохновителем суровых религиозных преследований ирландцев. Каким бы, однако, ретроградом в политике ни был Боултер, он не мог не отразить в своих письмах, которые к тому же часто носили характер конфиденциальных отчетов английским министрам, глубоких социальных противоречий в стране.

В библиографическом списке Энгельса упоминается также имя лорда Честерфилда, а в его «Выписках» приводится несколько выдержек из писем этого писателя и политического деятеля XVIII века[3]. В 1745 г. Честерфилд был назначен лордом-наместником Ирландии, сменив через год свою должность на другой высокий пост в Англии. В Ирландии «свободомыслящий» Честерфилд был в сущности таким же проводником колонизаторской политики, как и Боултер, хотя и действовал несколько более гибко.

Близкий к литературным кругам и заразившийся от них духом критики — весьма, впрочем, умеренной — Честерфилд выступал в своих письмах и публицистических произведениях в роли моралиста, сетующего на административные злоупотребления, коррупцию и порчу нравов среди его современников. Таков и тон его отдельных писем на ирландские темы, которые содержат довольно едкие замечания по адресу английских колониальных

---

[1] *Hugh Boulter.* «Letters». Oxford, 1769—1770. Упоминание этих писем имеется и в библиографическом списке Энгельса (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556).

[2] См. *Ф. Энгельс.* «Выписки из истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 216).

[3] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 246, 248. Произведения и письма Честерфилда опубликованы в издании: *Ph. Chesterfield.* «Mescellaneous Works». London, 1779.

властей, ирландских джентри и т. д. Эти письма Честерфилда и привлекли внимание Энгельса.

Своеобразным историческим свидетельством бедствий ирландского народа являются некоторые трактаты английского философа XVIII века Джорджа Беркли. Реакционность философских воззрений Беркли — воинствующего противника материализма, провозвестника субъективного идеализма, фидеизма, поповщины — хорошо известна. Но в области политической экономии Беркли высказывал и рациональные взгляды. Он предвосхитил некоторые элементы теории трудовой стоимости Адама Смита, выступил с критикой меркантилизма и т. д. Эти стороны его мировоззрения были отмечены Марксом в «Капитале» и в «Теориях прибавочной стоимости» [1]. Будучи ревностным деятелем англиканской церкви, Беркли в то же время высказывался за терпимое отношение к ирландским католикам. С 1734 по 1752 г. Беркли почти безвыездно жил в Ирландии в качестве епископа города Клойна. За это время он выпустил ряд трактатов на ирландские темы: «Письмо католикам» (1745), «Слово к мудрому» (1749) и др. Хотя основной мотив этих произведений — призыв к католикам соблюдать лояльность по отношению к английскому правительству, Беркли все же вынужден был осудить ряд злоупотреблений колонизаторов, а главное — констатировать нищенское и бесправное положение ирландского народа. Маркс писал в замечании к выпискам из сочинений Беркли по поводу трактата «Слово к мудрому» [2]: «Это сочиненьице важно, поскольку содержит его описание Ирландии» [3].

Еще большее значение имел с этой точки зрения трактат Беркли «Вопрошатель. Вопросы, предлагаемые на рассмотрение публики» [4], из которого Марксом и были сделаны упомянутые выписки, касающиеся преимущест-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 347, 366; т. 26, ч. I. стр. 377.

[2] *G. Berkley.* «A Word to Wise». Dublin, 1749.

[3] *К. Маркс.* Выписки из книги Беркли «Вопрошатель» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1691).

[4] *G. Berkley.* «The Querist, containing Several Queries proposed to the Consideration of the Public». London, 1750 (второе, измененное автором издание, первое вышло в 1735—1737 гг.).

венно экономических взглядов автора. На эту работу ссылается и Энгельс в своем библиографическом списке [1]. Часть своих вопросов Беркли специально посвятил ирландским делам. В них отмечается крайне убогое состояние ирландской промышленности, торговли, доведенных до разорения запретительными мерами англичан, нищета населения, добрая половина которого, по словам Беркли, буквально умирала от голода, находясь в стране, богатой, по его мнению, сельскохозяйственными ресурсами. «Есть ли на свете какой-либо христианский или цивилизованный народ,— писал Беркли,— столь же нищенский, несчастный и бедствующий, как простой народ Ирландии» [2].

Для работы над своей «Историей Ирландии» Энгельс привлек и сочинения ирландских деятелей XVIII века, возглавлявших так называемый Католический комитет: врача и историка Джона Керри и археографа Чарльза О'Конора. Упоминаемые в материалах Энгельса «Беспристрастное исследование по поводу причин последних беспорядков в Манстере» Керри и «Замечания по поводу ирландских дел», написанные О'Конором, но вышедшие под именем покровителя Католического комитета австрийского генерала Тааффе, ирландца по происхождению [3], были написаны в связи с крупными крестьянскими волнениями в Южной Ирландии (Манстере) в 60-е годы XVIII столетия. Однако оба памфлета проникнуты духом примиренчества. Их авторы, либералы, выразители интересов верхушки коренного католического населения Ирландии, не оправдывали освободительного движения крестьян; целью их было доказать непричастность к этому движению буржуазных католических кругов и приостановить начавшиеся в связи с манстерскими событиями религиозные преследования. Тем не менее Керри

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556.

[2] Цитируется по сборнику исторических документов: «Ireland from the Flight of the Earls to Grattan's Parliament». Edited by J. Carty. Dublin, 1951, p. 109.

[3] *J. Curry.* «Candid Inquiry into the Causes of the Late Riots in Munster». Dublin, 1766; *N. Taaff.* «Observations on Affaires in Ireland». Dublin, 1766. См. также *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 246).

и О'Конор вынуждены были коснуться и подлинных причин крестьянских восстаний и показать бедственное положение крестьянства.

Керри и О'Конор внесли в свое время значительный вклад в развитие ирландской национальной историографии. Керри принадлежит очерк ирландского восстания 1641—1652 гг., дополненный О'Конором[1]. Последний являлся к тому же страстным коллекционером исторических рукописей и документов. Собранная им коллекция попала в руки его внука Мэтью О'Конора, также историка. Результатом ее обработки явилась вышедшая в 1813 г. книга этого ученого — «История ирландских католиков от умиротворения в 1691 году»[2].

Во времена Маркса и Энгельса это сочинение являлось едва ли не лучшим из всего, что можно было найти по истории Ирландии первой половины XVIII века. Построенное целиком на источниках, оно содержит подробное изложение событий, происходивших в Ирландии с 1691 по 1767 год. Многие разделы книги сами приобретают характер первоисточника, так как в них часто полностью воспроизводятся неопубликованные документы. Хотя О'Конор (по своим политическим убеждениям — либерал) нередко сбивается на поверхностно-одностороннюю интерпретацию взаимоотношений колонизаторов-англичан и покоренных ирландцев под углом зрения исключительно религиозных противоречий, собранный им фактический материал в самых ярких красках характеризует английское господство в Ирландии в XVIII веке. Свирепый колониальный гнет, опорой которого служил карательный кодекс и система полицейской травли, отчетливо вырисовываются в изложении О'Конора и подобранных им документах.

Книгу О'Конора Энгельс положил в основу своих подробных «Выписок по истории Ирландии XVII и XVIII веков», о которых говорилось выше. Эти выписки, дополненные им параллельными выдержками из других

---

[1] *J. Curry.* «On Historical and Critical Review of the Civil War in Ireland». Dublin, 1775.

[2] *M. O'Conor.* «The History of the Irish Catholics from the Settlement in 1691». Dublin, 1813.

работ (упомянутых уже выше книг Мерфи. Уэйкфилда, Г. Смита, а также некоторых других авторов[1]), должны были послужить ему основной канвой для соответствующих разделов его «Истории Ирландии».

Среди рукописей Энгельса, к сожалению, сохранилось не очень много материалов, относящихся к событиям ирландской истории 80—90-х годов XVIII века. Зато этот пробел восполняется «Выписками по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» Маркса.

Упоминания о многих источниках по истории этого времени имеются также в переписке между Марксом и Энгельсом и в библиографическом списке Энгельса.

В письме от 10 декабря 1869 г. Маркс, например, рекомендует Энгельсу книгу речей Джона Кэррана[2]. «В ней,— пишет он,— ты найдешь *все источники* относительно «объединенных ирландцев»»[3]. Издание речей Кэррана, которое имел в виду Маркс, было подготовлено к печати видным ирландским поэтом, публицистом и историком Томасом Дэвисом, одним из лидеров общества «Молодая Ирландия», объединявшего левые, демократические элементы Ассоциации рипилеров. Дэвис снабдил это издание, которое он выпустил в 1844 г., за год до своей смерти (впоследствии оно несколько раз переиздавалось), обширным предисловием и комментариями, в которые он включил ряд исторических документов, в том числе письма, прокламации, записки и другие материалы деятелей общества «Объединенные ирландцы». Именно об этих документах писал Маркс Энгельсу.

Большую ценность, как источник, представляли для Маркса и Энгельса и сами речи Кэррана, горячего ирландского патриота, разоблачавшего в ирландском парламенте (он был его членом с 1783 по 1797 г.) произвол

---

[1] Среди них книги, относящиеся к более раннему или к более позднему периоду, но содержащие материал и по истории Ирландии XVIII века, в частности, работа: *G. Fitzgibbon.* «Ireland in 1865, the Battle-Field for English Party strife». London, 1868.

[2] «The Speeches of the Right Honorable John Philipot Curran», edited with Memoire and Historical Notices by Thomas Davies, 2 edit, Dublin, 1855.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 231.

и деспотизм английских властей. Примыкая к возглавляемой Граттаном и Флудом ирландской либеральной оппозиции, Кэрран выступал гораздо радикальнее ее лидеров и проявлял симпатии к более революционным элементам ирландского движения. Особенно важны были судебные речи Кэррана, так как он выступал в качестве защитника на процессах многих деятелей общества «Объединенные ирландцы». «Я считаю *Кэррана единственным крупным адвокатом* (народным адвокатом) XVIII века,— отзывался о нем Маркс,— это *благороднейшая личность»* [1]. Маркс приводит многие выдержки из речей Кэррана в своих упомянутых «Выписках». Из письма Энгельса Марксу от 13 декабря видно, что у Энгельса под рукой также были речи Кэррана, хотя и в другом издании [2].

Нет сомнения, что Маркс и Энгельс знали и речи ирландских либеральных парламентариев того времени — Граттана, Флуда и др., хотя упоминаний об изданиях этих речей в их материалах нет. Речи и мемуары этих деятелей были широко известны.

В отличие от этих изданий дневники выдающегося ирландского революционера XVIII века, руководителя левого крыла общества «Объединенные ирландцы» Тиобалда Уолфа Тона, изданные в 1826 г. его сыном в Вашингтоне вместе с его письмами и некоторыми политическими сочинениями, были подлинной библиографической редкостью. Энгельсу удалось напасть на их след в каталоге одной из манчестерских библиотек, но на месте их не оказалось [3]. Можно предположить, что впоследствии он все же сумел их разыскать.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 231.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 272.

[3] См. Энгельс — Марксу, 18 ноября 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV). В библиотеке ИМЛ дневники Уолфа Тона имеются в издании 1893 года (см. *Th. Wolf Tone.* «The Autobiography», vol. I—II. London, 1893). Часть этих дневников приведена во 2 томе известного четырехтомного труда об «Объединенных ирландцах» Ричарда Мэддена (*R. Madden.* «The United Irishmen, their Lives and Times», vol. II. Dublin, 1858). Возможно, что Энгельс имел в виду извлечения из «Мемуаров» Тона в этом издании. Дневники Тона пространно цитирует в своей «Истории Ирландии» Митчел, книга которого была в библиотеке Маркса.

Памфлет другого видного деятеля общества «Объединенные ирландцы» Артура О'Коннора упоминает Маркс в письме Энгельсу от 6 ноября 1869 года. Тут же Маркс ссылается на статьи последнего о периоде ирландского восстания 1798 и англо-ирландской унии 1801 г., напечатанные в первые десятилетия XX века в журнале английского радикала У. Коббета «Political Register»[1].

Энгельс в своем библиографическом списке упоминает воспоминания еще одного участника ирландского национально-освободительного движения — «Рассказ очевидца о восстании 1798 г.» Чарлза Тилинга[2]. Автор был близок к организаторам восстания. Его старший брат Бартоломей, один из лидеров общества «Объединенные ирландцы», был повешен англичанами. Младший Тилинг также подвергся аресту. Его «Рассказ» отражает точку зрения ирландских патриотов на происходившие события.

Совершенно иной характер носит упомянутая Энгельсом там же «Переписка» генерала Корнуоллиса[3], назначенного на пост главнокомандующего английской армией в Ирландии и лорда-наместника в 1798 г., в год ирландского восстания, и сыгравшего роль одного из палачей национально-освободительного движения. До этого он приобрел известность своим участием в колониальных войнах в Индии и в войне против восставших североамериканских колоний. Однако при всей своей классовой и национальной ненависти к «ирландским мятежникам» даже Корнуоллис не мог скрыть чудовищных зверств английской военщины, подавлявшей восстание 1798 года.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 245. Речь, по-видимому, в этом письме шла о работе: *A. O'Connor.* «State of Ireland», 1798. В «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» Маркс приводит цитаты из выступлений и самого Коббета против англо-ирландской унии 1801 г., опубликованные в «Political Register» 9 декабря 1809 г. и 20 февраля 1811 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5591).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556. Речь идет о книге: *Ch. Teeling.* «Personal Narrative of the Rebellion of 1798».

[3] См. *Ф. Энгельс.* Библиографический список по истории Ирландии (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556). По-видимому, Энгельс имеет в виду следующее издание: «The Correspondence of Charles I-st Marquis of Cornwallis», edited by Ch. Ross, vol. I—III. London, 1859.

Некоторые важные подробности о периоде 1780—1801 гг. Энгельс почерпнул из книги Дж. Баррингтона «Очерки о моем времени по личным наблюдениям»[1]. Сохранились выписки Энгельса из этой книги. Автор был потомком английских колонистов Ирландии, адвокатом, выдвинувшимся на судейском поприще и избранным в ирландский парламент. Он был посвящен в подноготную той грандиозной аферы, с помощью которой проводилась англо-ирландская уния 1801 г., и сам пользовался подкупом для привлечения на сторону правительства различных лиц. Это не помешало ему официально выступать против унии. Ему не простили этого жеста, и как отмечает Энгельс, он был «лишен жирной синекуры и не продвигался по должности»[2]. Впоследствии Баррингтон был обвинен в растрате и бежал во Францию, где написал книгу «Подъем и упадок ирландской нации»[3], в которой приоткрыл завесу — возможно в отместку за судебные преследования — над темными махинациями английского правительства при проведении унии. Энгельс упоминает эту книгу в своем библиографическом списке[4].

«Очерки о моем времени» Баррингтона были написаны им также во Франции в 1827 году. Они содержат литературные портреты современников и довольно колоритное описание быта различных слоев тогдашнего общества, в первую очередь помещиков. Энгельс отобрал также зафиксированные Баррингтоном сведения о восстании 1798 г., судебных процессах ирландских революционеров, а также экзекуциях и карательных экспедициях, которые последовали после разгрома повстанцев.

Итак, для изучения истории Ирландии XVIII века Марксом и Энгельсом были привлечены разнообразные источники: экономические и статистические труды современников и писателей более позднего времени, памфлет-

---

[1] *J. Barrington.* «Personal Sketches of his Own Times», vol. I—II. London, 1869.

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Баррингтона «Очерки о моем времени» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, сп. 1, ед. хр. 2524).

[3] *J. Barrington.* «Rise and Full of Irish Nation». Paris, 1833 (напечатана после смерти автора).

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556.

ная литература, мемуары, речи, письма политических деятелей, приводимые в литературе документы. При этом основоположники марксизма, как это видно из их конспектов и выписок, сугубо критически пользовались содержащимся в этих источниках материалом, тщательно выясняли классовые позиции автора того или иного произведения. Это позволяло им освобождать исследуемый материал от тенденциозных наслоений, восстанавливать подлинную историческую картину и использовать с этой целью даже свидетельства самих английских колонизаторов.

Пользовались Маркс и Энгельс также и историческими сочинениями более позднего времени, посвященными интересующему их периоду. Так, в библиотеке Маркса находилась книга английского колониального чиновника и историка Роберта Мартина «Ирландия до и после унии с Великобританией»[1]. Это сочинение, автор которого, насилуя историческую правду, стремился доказать благотворные влияния колонизаторской англо-ирландской унии 1801 г. на экономическое и социальное развитие Ирландии, возможно привлекло внимание Маркса как образчик буржуазной фальсификаторской литературы. Судя по подчеркиваниям в этой книге, его заинтересовали также некоторые имеющиеся в ней статистические данные. В библиографическом списке Энгельса указан третий том четырехтомной работы другого английского буржуазного историка, вига Уильяма Масси, посвященной царствованию Георга III. К этому упоминанию Энгельс сделал пометку: «о периоде 1780—1800»[2]. Однако в какой мере была использована им эта книга, написанная, как и работа Мартина, с апологетических позиций, сказать трудно.

В противоположность работам апологетов английского господства сочинения, вышедшие из-под пера

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6339. Работа была выпущена в 1844 году. Маркс пользовался изданием 1848 г., а именно: *R. Martin*. «Ireland befor and after the Union with Great Britain». London, 1848.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556. Первое издание упомянутой работы Масси вышло в Лондоне в 1855—1863 гг., второе — в 1865 году.

участников ирландского национально-освободительного движения, давали правдивую картину истории Ирландии. Эти сочинения служили Марксу и Энгельсу главным подспорьем. Выше уже были названы комментарии одного из лидеров «Молодой Ирландии» Томаса Дэвиса к речам Кэррана. При составлении «Выписок по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» многие извлечения были сделаны Марксом из этих комментариев. В них Дэвис ярко обрисовал обстановку, сложившуюся в Ирландии в 80—90-е годы XVIII столетия. Все симпатии автора были при этом на стороне «Объединенных ирландцев», провозгласивших лозунг вооруженной борьбы за независимую Ирландскую республику, что было созвучно революционным настроениям левого крыла «Молодой Ирландии» в 40-е годы XIX века. Вождя ирландских революционеров Уолфа Тона Дэвис называет «величайшим из великих людей того времени»[1]. Он осуждает ирландских либералов и даже радикала Кэррана за то, что они не примкнули во время восстания 1798 г. к ирландским патриотам[2]. С убежденностью в большие силы, таящиеся в народном сопротивлении, отзывается он об ирландском восстании 1798 года, особенно о действиях повстанцев в графстве Уэксфорд. О коварной и жестокой политике английского правительства в Ирландии, о террористических действиях усмирителей восстания 1798 г. Дэвис писал с глубоким негодованием.

Однако комментарии Дэвиса имели и свои минусы. Сама форма комментариев не давала возможности автору представить ход событий в связном виде. Не вскрывает он и социальной подоплеки движения 80—90-х годов, ограничиваясь несколькими фразами об эксплуатации ирландских крестьян[3]. Не до конца разоблачил Дэвис соглашательскую тактику ирландских либеральных парламентариев.

Гораздо более полно, чем в работе Дэвиса, были изложены факты в двухтомной «Истории Ирландии»

---

[1] *T. Daviers*. «Memoir on John Philipot Curran» (in: «The Speeches of Curran». Dublin, 1855, p. XX).

[2] «The Speeches of Curran», p. 270.

[3] Там же, стр. 91.

Джона Митчела. Автор книги — крупнейший деятель ирландского национально-освободительного движения, выдающийся ирландский революционный демократ, лидер левого крыла «Молодой Ирландии» и Ирландской конфедерации (основана в январе 1847 г.), главный редактор революционного органа «United Irishman» (издавался в феврале — мае 1848 г.). На страницах этого органа Митчел пропагандировал идеи народного восстания против английского господства, осуществления демократических преобразований, союза с английскими чартистами. В мае 1848 г. Митчел был арестован английскими властями, приговорен к 14 годам ссылки в каторжные колонии и отправлен на Вандименову землю (Тасмания) [1]. В 1853 г. он бежал в Америку. Здесь ирландским революционером был допущен серьезный политический срыв. Митчел поддался демагогии южных плантаторов, изображавших себя «демократами», а деятелей Севера — узурпаторами их национальных прав на автономию и отделение (Митчел считал северные и южные штаты двумя особыми нациями). Испытывая неприязнь к господствовавшим на Севере капиталистическим порядкам, сходным с ненавистными ему английскими,— Митчел находился под известным влиянием утопического социализма и горячо ненавидел капиталистическую Англию,— предпочитая патриархальное, как оно ему казалось, рабство негров рабству, основанному на свободной конкуренции и неприкрытом эгоизме эксплуататоров, он не разобрался в существе конфликта между Севером и Югом. Во время Гражданской войны в США Митчел принял сторону южан, став невольным орудием реакции [2].

[1] О взглядах и деятельности Митчела в тот период см. *П. Керженцев.* «Ирландия в борьбе за независимость». М., 1936; *В. Э. Кунина.* «Национально-освободительная борьба ирландского народа в 1848 г.» (в книге: «Революции 1848 года», т. II. М., 1952); фактический материал см. также в книге: *D. Gwynn.* «Young Ireland and 1848». Cork — Oxford, 1949.

[2] Об этом см. *W. Dillon.* «Life of John Mitchel», vol. II. London, 1888, p. 107—114, 165—212. Следует сказать, что значительная часть ирландских эмигрантов в противовес Митчелу поддерживала Север в Гражданской войне. В армии северян имелись целые ирландские полки и бригады. Видный участник движения 1848 г. Мигер был генералом в этой армии (см. об этом: *Ш. А. Богина.* «Ирландцы в США» («Новая и новейшая история» № 6, 1962).

Однако до конца своих дней (Митчел умер в 1875 г.) он по-прежнему отстаивал дело угнетенной Ирландии, как это особенно видно из выпущенных им в эти годы книг: «Последнее завоевание Ирландии (быть может)» — об ирландских событиях 40-х годов[1] и «История Ирландии от Лимерикского договора до нашего времени». Первое издание этого труда вышло в 1867 г. в Нью-Йорке[2]. Маркс пользовался вторым изданием, выпущенным в Дублине в 1869 году[3].

Книгу Митчела Маркс проштудировал весьма основательно. Почти на каждой странице обоих томов (всего свыше 1000 страниц) экземпляра, хранящегося в его библиотеке, имеются сделанные им подчеркивания. Материалом книги он воспользовался также при составлении «Выписок по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века». По книге Митчела, так же как по комментариям Дэвиса, Маркс познакомился со многими первоисточниками и важными историческими работами по Ирландии XVIII века: книгой Френсиса Плоудена «Исторический обзор Ирландии (до принятия унии 1801)», четырехтомником Мэддена «Объединенные ирландцы», «Историей ирландских волонтеров» участника событий конца XVIII века Томаса Макневина и др.

Митчел интерпретирует историю Ирландии с позиций борца за ее независимость. Главный смысл этой истории Митчел видит в попытках ирландского народа свергнуть гнет англичан и добиться самостоятельности для ирландской нации. Не случайно в центре внимания автора оказались два таких события, как подготовка и ход ирландского восстания 1798 г. и революционное движение в 1848 году. Митчел отвергает либеральные паллиативы в решении национального вопроса. Он подчеркивает половинчатый, непрочный характер таких временных уступок

---

[1] *J. Mitchel.* «The Last Conquest of Ireland (Perhaps)». Dublin, 1861 (первая публикация в США в 1859 г.).

[2] См. *W. Dillon.* Op. cit., p. 253.

[3] *J. Mitchel.* «The History of Ireland from the Treaty of Limeric to the Present Time», vol. I—II. Dublin, 1869 (экземпляр с подчеркиваниями Маркса см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340, 6341. На стр. 256 второго тома замечание Маркса в адрес Даниела О'Коннела — «паршивый адвокат»).

английских властей, как введение в 1782—1783 гг. парламентской автономии[1]. Целью его книги является не только заклеймить английское господство, но и выяснить источники развития в Ирландии сил, способных на бескомпромиссную борьбу против этого господства. Основной заслугой деятелей общества «Объединенные ирландцы» — главных героев его книги — Митчел считает то, что они подняли знамя такой борьбы. Причину их поражения он видит в недостаточной консолидации ирландской нации в решающий момент, в непреодоленном еще до конца расколе между ее протестантской и католической частью, чем и воспользовалось английское правительство.

В оценке исторической ситуации Митчел проявляет во многих случаях большую проницательность. Он раскрывает подлинные цели английской политики, считая, что с приходом к власти Питта-младшего в 1783 г. английское правительство вынашивало план осуществления нового акта — посредством ликвидации ирландского парламента и проведения унии — национального порабощения страны[2]. Восстание 1798 г. было, по мнению Митчела, спровоцировано правительством Питта, настойчиво стремившегося довести дело до кризиса, для того чтобы организовать кровавое побоище ирландских патриотов, запугать призраком революции имущие слои и провести в жизнь свои замыслы относительно унии[3]. Эта точка зрения разделялась, как мы увидим ниже, Марксом и Энгельсом. Трезво оценивал Митчел и «французскую помощь» ирландским повстанцам, подчеркивая, что тогдашнее французское правительство по существу покинуло своих ирландских союзников на произвол судьбы, ограничившись запоздалой посылкой слабых военных экспедиций.

Книга Митчела не лишена и ряда недостатков. Проблемы социальной истории Ирландии в ней освещаются

---

[1] См. *J. Mitchel.* «History of Ireland», vol. I, p. 251 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

[2] *J. Mitchel.* Op. cit., vol. I, p. 265 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

[3] *J. Mitchel.* Op. cit., vol. I, p. 387; vol. II, p. 65 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340, 6341).

довольно поверхностно. Касаясь их, автор пишет, что «в Ирландии друг другу противостоят не два класса, а две нации, из которых одна по существу обладает властью над жизнью и смертью другой»[1]. Эта фраза у Митчела не означает отрицания наличия классовых противоречий, а скорей в довольно нечеткой форме воспроизводит его мысль о переплетении классового антагонизма с национальным в Ирландии, поскольку, как это видно из многих мест его книги, он возлагает ответственность за угнетение своей родины на господствующую верхушку английской нации и среди самих ирландцев постоянно отмечает рознь и столкновения между неимущими и имущими[2]. Однако то, что Митчел во главу угла ставит национальные, а не классовые противоречия, свидетельствует об известной ограниченности и незрелости его исторических взглядов. Тем не менее книга Митчела была лучшей из всех работ по истории Ирландии, которыми могли в то время воспользоваться Маркс и Энгельс.

В своих письмах и выписках Маркс упоминает также имя Джорджа Энсора — английского радикала первой половины XIX века. В письме Энгельсу от 6 ноября 1869 г. Маркс сообщал о своем намерении послать ему книгу памфлетов на ирландские темы разных авторов, в том числе и Энсора, которого Маркс тут же характеризует как решительного сторонника разрыва унии между Англией и Ирландией[3]. Энсор — разносторонний писатель: экономист, историк, публицист. В своих экономических произведениях, особенно в работе «Исследование народонаселения различных стран, содержащее опровержение «Опыта о народонаселении» г-на Мальтуса» (цитируется Марксом в первом томе «Капитала»), он вы-

---

[1] *J. Mitchel.* Op. cit., vol. I, p. 144 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

[2] *J. Mitchel.* Op. cit., vol. I, p. 145—146; vol. II, p. 263 (эти места также подчеркнуты Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340, 6341).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 245. В этой же книге, которую, к сожалению, до сих пор не удалось разыскать, был помещен упомянутый выше памфлет участника движения 1798 г. Артура О'Коннора.

ступил с критикой мальтузианства[1]. В этом отношении он примыкает к упомянутым уже экономистам Фостеру и Садлеру. В ирландском вопросе Энсор стоял на весьма прогрессивных позициях, решительно осуждая колонизаторские меры англичан. Унию 1801 г. он прямо называл «завоевательным актом»[2]. Свои взгляды на Ирландию он изложил в работе «Защита ирландцев и средства к их избавлению»[3] и ряде других памфлетов и брошюр. Подбирая материал по истории Ирландии конца XVIII века, Маркс в своих выписках привел много высказываний Энсора[4]. Из этой подборки видно, что Маркса интересовало мнение этого писателя не только о плачевных последствиях колонизаторской унии 1801 г. для Ирландии, но и об отрицательном влиянии ее на общественное и политическое развитие самой Англии. Вопрос об обратном воздействии угнетения колоний на метрополию всегда рассматривался основоположниками марксизма как одна из стержневых проблем.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ КАРАТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ (1691—1776)

Историю Ирландии XVIII века Маркс и Энгельс делили, как это видно из сохранившихся материалов, на

---

[1] *G. Ensor.* «An Inquiry concerning the Population of Nation, containing a Refutation of Mr. Maltus's Essay on Population». London, 1818. Сохранились выписки Маркса из этой книги (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1696). Цитируемое место в «Капитале» см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 741.

[2] Это высказывание приводит Маркс в «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[3] *G. Ensor.* «A Defence of the Irish and the Means of their Redemption». Dublin, 1825. К сожалению, другие работы Энгельса по ирландскому вопросу («Anti Union», «The State of Ireland») в библиотеках Москвы и Ленинграда отсутствуют.

[4] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597). Пока еще не удалось установить, из какой работы Энсора сделаны Марксом выписки ввиду отсутствия ряда его произведений в библиотеках. Скорей всего эти извлечения были взяты из упомянутой в письме Маркса Энгельсу 6 ноября 1869 г. книги с памфлетами об Ирландии.

два периода. Первый из них продолжался с момента подавления ирландского восстания 1689—1691 гг. до второй половины 70-х годов XVIII века. Маркс датирует этот период 1692—1776 годами, Энгельс обозначает его как время карательных законов, считая их символом владычества Англии над Ирландией в этот период, и приводит для него несколько более округленные даты: 1691—1780 годы [1]. Завершением второго периода, охватывающего время национального подъема в Ирландии, явилось, согласно мнению Маркса и Энгельса, принятие англо-ирландской унии, вступившей в силу с 1 января 1801 года. Таким образом, второй период, кульминационным пунктом которого было национально-освободительное восстание 1798 г. (Энгельс в плане своей книги связывает главное содержание этого периода с двумя его важнейшими событиями: восстанием и унией), продолжался со второй половины 70-х годов до конца XVIII столетия.

Первый из указанных периодов открывает собой полосу беззастенчивого хозяйничанья английских колонизаторов в Ирландии. Если предыдущая история страны, начиная с конца XII века, была по существу историей длительного процесса установления английского владычества в Ирландии, сопровождавшегося многократными попытками ирландского народа сбросить иго завоевателей, то с конца XVII столетия «Зеленый остров» прочно попадает в руки господствующих классов Англии. Английское завоевание сменяется английским господством в форме грубого колониального порабощения. «Ирландия обманута и доведена до крайнего унижения»,— та-

---

[1] См. *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года»; *Ф. Энгельс.* План работы «История Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468—469, 719). Небольшое различие в датировке носит несущественный характер. Маркс датирует наступление следующего периода началом американской буржуазной революции конца XVIII века и провозглашением независимости североамериканских колоний, оказавшими большое влияние на Ирландию. Энгельс, по-видимому, избирает дату, когда последствия этого влияния стали особенно сказываться на внутренней жизни Ирландии.

кими словами определяет Маркс состояние страны, попавшей в тяжелейшую колониальную зависимость[1].

Государственный переворот 1688 г. в Англии, приведший к свержению династии Стюартов и установлению в Англии буржуазно-аристократической конституционной монархии во главе с Вильгельмом III Оранским, послужил сигналом для крупнейшего национального восстания в Ирландии — второго по своим масштабам после восстания 1641—1652 гг. времен великой английской буржуазной революции. Официальной целью восставших было восстановление на престоле Якова II Стюарта, слывшего покровителем ирландских католиков, но за якобитскими лозунгами скрывалось стремление экспроприированного ирландского дворянства и городского населения отвоевать утраченные владения и права и ликвидировать власть английских завоевателей. Восставшие встречали поддержку среди ирландского крестьянства. Однако восстание, длившееся с 1789 по 1791 г., потерпело неудачу. Силы были неравны, а, кроме того, цели ирландских повстанцев и английских якобитов, стремившихся использовать своих ирландских союзников для восстановления в Англии реакционного полуабсолютистского режима и отнюдь не помышлявших предоставлять независимость «Зеленому острову», расходились. Это порождало много противоречий внутри неустойчивой коалиции. Тем не менее борьба закончилась не безоговорочной сдачей врагу, а Лимерикским договором, подписанным 3 октября 1691 г. на льготных для ирландцев условиях.

Однако господствующие классы Англии не думали соблюдать Лимерикский договор. Важнейшая статья договора, касающаяся амнистии и гарантии гражданских и имущественных прав побежденных и т. д., была, как отмечает Энгельс, «тотчас же нарушена армией»[2]. Вслед за тем стали, сначала неофициально, а потом и открыто, отменяться и другие статьи, и спустя некоторое время от «Лимерикской капитуляции» не осталось и следа.

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468).

[2] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 188).

«Позорное нарушение договора уже при Вильгельме III, и в гораздо большей степени при Анне», — констатирует Маркс эту плачевную судьбу важнейшего для ирландцев документа [1].

Монархия Вильгельма III и его преемников (королевы Анны, царствовавшей с 1702 по 1714 г., королей Ганноверской династии) была выразительницей интересов английских обуржуазившихся землевладельцев и верхушки буржуазии — крупных финансовых воротил, государственных кредиторов, акционеров торговых и колониальных компаний и т. д. Эти слои были охвачены жаждой колониальных захватов и эксплуатации уже завоеванных колоний, в том числе ближайшей из них — Ирландии. Правительство Вильгельма III, вопреки взятым на себя обязательствам по Лимерикскому договору, произвело широкую конфискацию владений участников восстания и раздачу их своим фаворитам, сопроводив этот акт и другими полицейско-колонизаторскими мерами.

В результате этого земельного грабежа, явившегося завершением аналогичной политики предшественников Вильгельма, доля земельных владений английских лендлордов в Ирландии была доведена до 85% всей обрабатываемой площади страны. В дальнейшем английские колонизаторы могли осуществить сокращение сохранившегося в весьма ничтожных размерах ирландского землевладения в пользу английского уже другими методами, не прибегая к прямым конфискациям земель ирландских джентри.

В течение почти столетия, с 90-х годов XVII до конца 70-х годов XVIII века, в Ирландии прочно укрепились заложенные еще в предшествующую эпоху основы режима колониального рабства. Следствием этого было окончательное превращение ирландских народных масс в колониальных париев, а самой Ирландии — в одну из самых нищенских и бесправных стран тогдашнего мира. На Ирландию обрушиваются беспощадные репрессии и

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468).

гонения, осуществляемые под флагом борьбы с иноверцами-католиками. Один за другим принимаются так называемые карательные законы против католиков (Penal Laws).

Карательный кодекс, подчеркивали Маркс и Энгельс, представлял собой законодательное оформление самых крайних проявлений деспотизма завоевателей, гнуснейшую форму поддерживания колониального режима методами прямого насилия и репрессий.

Карательные законы проводились обычно под ширмой борьбы с религиозной оппозицией и сопровождались искусственно раздуваемой шумихой по поводу мнимых католических заговоров и внешней опасности со стороны католических держав. Разоблачая господствующие классы Англии, Маркс и Энгельс доказали, что религиозные мотивы служили им лишь прикрытием колонизаторских и эксплуататорских целей. Анализ этого свирепого законодательства убедил основоположников марксизма в том, что оно явилось средством насаждения режима колониального гнета и было продиктовано весьма далекими от религии социальными и политическими побуждениями эксплуататорских классов, заинтересованных в порабощении Ирландии. Недаром, отмечал Энгельс, этот кодекс сплошь и рядом применяли не только против ирландских католиков, но и против лиц ирландского происхождения, принявших англиканство. «То, что законы против папизма имели целью *не обращение* в протестантизм, а угнетение ирландцев,— подводит Энгельс итог высказываниям ирландского историка Мэтью О'Конора на этот счет,— ясно видно из предпринятого наступления против обращенных, которых теперь стало слишком много» [1].

Энгельс доказывает полную несостоятельность и ссылок на то, что ирландские католики постоянно были орудием опасных антианглийских международных интриг. Английские репрессалии, отмечает он, обрушивались на Ирландию и в такие годы, когда международное положение Англии было абсолютно прочным и ей не угрожало

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 220).

никакое вторжение. Так было, например, в годы правления Анны, когда враждебная франко-испанская коалиция несла тяжелые поражения в войне за Испанское наследство и внешняя политика, по словам Энгельса, «как раз меньше, чем когда-либо, могла служить английскому правительству поводом свирепствовать в Ирландии»[1].

Карательные законы создали в Ирландии обстановку невыносимого национального гнета и полицейской травли. Они лишили ирландское население всяких политических и гражданских прав и посягали на его человеческие права. Они на каждом шагу подчеркивали невольничье положение ирландцев, закрыли для них доступ к большинству видов общественной деятельности, не говоря уже о политической. Этот позорный кодекс был поистине чудовищным сочетанием грубой расовой и религиозной дискриминации и полицейского деспотизма.

Уже при Вильгельме III было положено начало возрождению старинных антикатолических актов Тюдоров, причем в новой редакции делалась характерная оговорка, что они имеют силу только в отношении *ирландских* католиков. Вильгельм ввел правило о религиозной присяге для всех высших и многих низших должностных лиц, которое фактически лишило католиков, то есть большинство ирландцев, права занимать эти должности. В Ирландии была введена система строжайшего полицейского надзора. Целая серия законов запрещала ирландцам служить в армии, даже рядовыми, изготовлять и хранить оружие. Им не разрешалось заниматься и гражданскими профессиями, связанными с его ношением, например служить егерями. В специальном «акте о разоружении папистов», изданном Вильгельмом III, предписывалось отбирать у них — в пользу первого протестанта, обнаружившего это,— всякого коня, стоившего свыше 5 ф. ст. 5 шилл. и пригодного для военных целей.

При Анне карательные законы посыпались на голову ирландцев, как из рога изобилия. Принятые в ее царствование акты запрещали ирландцам заниматься адвокатурой, избирать профессии нотариусов и стряпчих, за-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 208, 210).

мещать какие-либо должности в городской магистратуре, вплоть до должности младшего констебля. Законодательство Анны, наложившее запрет на все коммерческие и торговые сделки между ирландцами и неирландцами, закрывало таким образом первым доступ к торговой деятельности. Оно запрещало им выступать в роли заимодавцев и торговых посредников, давать ссуды под ипотеки и т. д. К моменту восшествия на престол первого короля Ганноверской династии Георга I (1714), по замечанию Энгельса, у колонизаторов уже иссякла выдумка в изобретении новых репрессивных законов. «Карательные акты, которые были теперь проведены,— констатирует он,— показывают, как мало здесь уже оставалось сделать» [1]. Однако эти законы продолжали издаваться и при Георге I (умер в 1727 г.) и при Георге II (1727—1760).

Уже при Вильгельме поднимался вопрос о лишении активного избирательного права католических избирателей, удовлетворявших цензу в 40 шиллингов дохода. Право избираться в парламент было давно отобрано даже у лояльных ирландцев специальным парламентским актом Карла II Стюарта, а также подтвержденным в 1692 г. правилом, предписывавшим членам парламента под угрозой лишения их депутатских полномочий приносить антикатолическую присягу (отречение от католических догматов). Но в допущении более состоятельных ирландских арендаторов к избирательным урнам оказались заинтересованными сами же англопротестантские лендлорды, чтобы, как говорил Энгельс, «использовать их на выборах в качестве своих «голосующих рабов»» [2]. Однако при Георге II одержали верх интересы национальной дискриминации ирландцев и был проведен закон о лишении католических избирателей избирательного права.

Национальный гнет проявлялся также в форме религиозных преследований. Все католические епископы, монахи, члены духовных орденов были еще в 1698 г. под страхом мучительной казни изгнаны из страны. «Пропо-

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 216).

[2] Там же, стр. 218, 220.

ведовать католическую религию было уголовным преступлением, наказуемым каторгой, обращение протестанта в католичество — актом государственной измены»,— указывал Маркс[1]. Приходские католические священники должны были пройти специальную регистрацию и оставаться в пределах своих приходов. Нарушителей этих правил травили самым варварским способом. Появилась даже специальная профессия «охотников за попами» (priest's catchers). Незарегистрированных священников карательный кодекс предписывал предавать смертной казни «путем повешения, утопления и четвертования», как говорилось в одном из биллей Вильгельма. Последний заменил все же эту кару ссылкой при первой поимке, но оставил в силе при вторичной. При Георге I был даже внесен законопроект о кастрации всех пойманных незарегистрированных священников, которому, правда, опасаясь международного скандала, не дали хода. За укрывательство священников взыскивались крупные штрафы, вплоть до конфискации имущества. Религиозные чувства ирландцев попирались. Им, например, запретили совершать обряд похорон в немногих оставленных им католических церквах и часовнях. Все эти меры, как отмечали Маркс и Энгельс, в конечном счете только укрепили позиции католической церкви в Ирландии. Преследуемые английскими властями католические священники становились героями и подвижниками в глазах народа, который страстно ненавидел иноземных поработителей. «Англичане создают для ирландцев мучеников»,— замечает Энгельс, перелистывая сочинение о завоевании Ирландии средневекового английского хрониста Гиральда Камбрийского[2]. К XVIII веку это замечание относилось в еще большей степени. Маркс подчеркивал, что «карательный кодекс усилил власть католического духовенства над ирландским народом»[3].

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 469).

[2] *Ф. Энгельс.* «Тематический указатель к сочинениям Гиральда Камбрийского» («Paginarium Giraldi») (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2559).

[3] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., стр. 469).

Под религиозным предлогом колонизаторы вмешивались в семейные отношения ирландцев. Над обнаружившими «склонность к англиканству» несовершеннолетними детьми католиков было предписано устанавливать опеку. Вдова протестанта лишалась имущества при выходе замуж за католика, сына-протестанта объявляли собственником имущества католика-отца еще при жизни последнего. В середине XVIII века (1745 г.) «просвещенный» лорд Честерфилд, чьи письма были использованы Энгельсом как исторический источник, провел билль, объявлявший недействительными все браки, заключенные между католиками и протестантами.

Карательный кодекс уничтожил ирландскую национальную школу. Вильгельм еще разрешал ирландцам держать частных учителей, но при Анне последние уже преследовались наравне с незарегистрированными католическими священниками. Так же как и в священниках, правительство видело в них хранителей опасных национальных традиций. Выезд католиков за границу для получения там образования карался конфискацией имущества.

Английские буржуазные историки Ирландии в апологетических целях пытались изобразить карательные законы как акты, существовавшие якобы только на бумаге. В таком духе писал о них современник Энгельса либерал Голдуин Смит [1]. Современный идеолог британского колониализма Н. Мансерг, вынужденный заявить о суровости и несправедливости этих законов, спешит уверить читателей, что они «никогда не применялись в полную силу» и что «многие из них с течением времени вышли из употребления» [2].

Однако даже такой апологет английского господства, как английский историк Р. Данлоп, должен был признать, что карательные законы применялись «так же строго, как и всякие другие законы» [3]. Однако он умолчал при

---

[1] О критике его взглядов Энгельсом см. нашу статью «Разоблачение Ф. Энгельсом буржуазных фальсификаторов истории Ирландии» («Новая и новейшая история» № 3, 1960, стр. 159—161).

[2] *N. Monsergh.* «Britain and Ireland». 3 edit., London, 1943, p. 20.

[3] *R. Dunlop.* «Ireland from the Earliest Times to the Present Day». Oxford, 1922, p. 131.

этом, что их проведение в жизнь осуществлялось с помощью средств, которые противоречили даже обычному буржуазному правопорядку и во многом оставляли позади себя судебно-административную практику феодально-абсолютистских государств. Карательный кодекс, например, как вынужден признать и сам Данлоп, предполагал широкое использование доносчиков-«обнаружителей» (discoverers) и шпионов. Провокация и лжесвидетельство были не только морально санкционированы, но и поощрялись материально. Ирландская палата общин, указывает Энгельс вслед за М. О'Конором, постановила, что *«доносы* на папистов считаются *благородным служебным долгом»* [1]. Был установлен тариф для доносчиков: оплата повышалась в зависимости от важности выслеженного «преступника». «Обнаружитель» приобретал право на часть или даже на все имущество своей жертвы. К подобным мерам прибегало только правительство изувера Филиппа II в Нидерландах. Недаром Энгельс считал, что все самые гнусные стороны английского правосудия, например подкуп свидетелей (вознаграждение за свидетельские показания — Rewards for Evidence) — низость, которую, по его словам, «не знает не только кодекс Наполеона, но даже и прусское земское право, предоставляя ее английскому праву»,— первоначально получили «свое *распространение* на ирландской почве во времена тóри и карательных законов» [2].

Опровергая утверждения буржуазных историков о том, что карательный кодекс на практике ограничивался будто бы только штрафами и конфискациями, Энгельс ссылается на ряд примеров использования его английскими властями для прямого судебного убийства. Он упоминает, в частности, дело ирландского священника Никласа Шиги, повешенного в 1764 г. по ложному обви-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 212. Подчеркнуто Энгельсом).

[2] *Ф. Энгельс.* Фрагменты к работе «История Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 105). Тори (первоначальное значение слова — «разбойник», «преступник») — кличка, которую во второй половине XVII века английские колонизаторы дали ирландским повстанцам; в это же время она была перенесена на английских роялистов их противниками вигами.

нению в убийстве доносчика. Английские судьи выставили против него в качестве свидетелей уличного мальчишку, проститутку и вора![1] Истинная «вина» Шиги заключалась в том, что он ревностно защищал интересы ирландцев. Карательные законы, таким образом, служили средством кровавой расправы с «неблагонадежными» ирландскими элементами.

Классовую подоплеку английского законодательства для Ирландии Маркс и Энгельс особенно четко вскрыли на примере тех правил, которые оно устанавливало для ирландцев в отношении распоряжения их недвижимостью и условий аренды.

Акты, принятые в первые же годы царствования Анны, запрещали ирландским католикам покупать какие-либо конфискованные ранее у католических держателей земли и аннулировали все заключенные на них арендные договоры, за исключением аренды на клочок земли в 2 акра, которым наделялись ирландские поденщики или коттеры. Для католиков была вообще запрещена аренда свыше 31 года и арендная плата должна была — как гласило законодательство — равняться по крайней мере двум третям годового дохода. Ирландцы вскоре были лишены возможности покупать, получать в дар, по завещанию или приобретать каким-либо путем всякие земли, принадлежащие протестанту. Была сделана даже попытка установить для оставшейся в руках ирландцев собственности наследование по гавелкинду (то есть по правилам, действовавшим в период расцвета кланово-родовых обычаев), что подразумевало раздел ее между всеми ближайшими родственниками. «Это после того, как земля была превращена в современную частную собственность»,— восклицает Энгельс[2]. Таким путем английские господствующие классы рассчитывали не только предотвратить концентрацию земельной собственности в руках ирландских владельцев, но и, наоборот, раздробить еще остававшиеся у них земельные владения, окончательно их обезземелить и низвести до положения кабальных арендаторов. «Цель кодекса,— подчеркивал Маркс,—

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 244—245).

[2] Там же, стр. 206.

перемещение «собственности» из рук католиков в руки протестантов, или превращение *«англиканства»* в *юридическое основание права собственности»*[1]. Это было продолжением экспроприаторской политики Тюдоров, Стюартов, Кромвеля, только в другой форме. «Католикам,— констатирует Энгельс,— оставалось только превратиться в рабов, возделывающих землю протестантских джентри»[2].

Карательные законы были направлены также на то, чтобы навязать ирландскому крестьянину наихудшие условия аренды. В руках лендлордов, показывают Маркс и Энгельс, они превращались в орудие выжимания из крестьян прибавочного и даже части необходимого продукта методами внеэкономического принуждения. Если в первые годы царствования Вильгельма III нуждавшиеся в деньгах протестантские помещики сдавали земли ирландским крестьянам на длительный срок и за сравнительно небольшую ренту, то после издания актов Анны об аренде положение резко изменилось. Используя те неограниченные средства давления на крестьян-католиков, которые предоставляли им эти акты, лендлорды расторгали прежние арендные договоры, пересматривали условия аренды, взвинчивали и без того высокую арендную плату. Малейшие признаки повышения доходности арендных участков увеличивали вымогательства лендлордов. За 35 лет со времени изданий упомянутых актов Анны (1704 г.), отмечал Энгельс, арендная плата удвоилась при общем снижении жизненного уровня в стране[3]. Таким образом, основоположники марксизма рассматривали карательный кодекс в первую очередь как средство закабаления ирландских крестьян и подчинение их власти английских лендлордов.

Другой мерой английского правительства в XVIII веке, усилившей колониальную зависимость Ирландии от

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468—469).

[2] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 206).

[3] Там же, стр. 230.

Англии, было почти полное уничтожение ирландской промышленности. Промышленное развитие Ирландии тормозилось системой феодальной эксплуатации крестьянства. Ее внутренний рынок был крайне узок, а внешний для нее был наполовину закрыт навигационным актом Карла II и серией законов Вильгельма III (акты 1-го, 4-го, 7-го и 8-го годов его царствования), ограничивавших ввоз в Англию ирландских шерстяных товаров. Тем не менее, по данным Мэтью О'Конора, обработкой шерсти еще занималось 12 000 семейств в Дублине и 30 000 в провинции. Это были, главным образом, семьи английских колонистов-протестантов. В 1698 г. под давлением из Англии и под влиянием подкупа и угроз протестантский парламент в Дублине провел меру, наносившую окончательный удар ирландской шерстяной мануфактуре. Он вотировал 20% пошлину на вывоз тонких и 10% пошлину на экспорт грубых шерстяных тканей. «Так англо-ирландский парламент,— писал Энгельс,— пресмыкаясь перед английским, разорил промышленность, находившуюся в руках самих же ирландских протестантов» [1]. Одновременно последовал акт английского парламента, облагающий огромной пошлиной ввоз ирландских тканей в Англию и Уэльс. «В результате этого,— отмечает Энгельс,— торговля шерстяными тканями подверглась, по-видимому, разорению» [2]. Маркс также указывал на принятые англичанами в конце XVII и в XVIII веке «меры для уничтожения ирландской шерстяной промышленности» [3].

Другие отрасли ирландской промышленности и торговли также подвергались ограничениям. В 1740 г. английский парламент запретил вывоз из Ирландии говядины и других продуктов питания. «Подобные вмешательства постоянно повторяются»,— указывает

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 202).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (цитируется по «Архиву Маркса и Энгельса», т. X, стр. 202).

[3] Маркс — Энгельсу, 30 ноября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 195—196).

Энгельс [1]. Специальными актами ирландцам в XVIII веке было запрещено вывозить стекло из Ирландии, а ввоз его туда разрешался только из Англии. Ирландцам «были запрещены всякие непосредственные торговые сношения с Азией и средиземноморскими странами, а американские колонии должны были сноситься с Ирландией только через Англию» [2]. Эти меры против ирландской промышленности и торговли носили ярко выраженный колонизаторский характер, были типичным средством насильственного подчинения экономики колонии экономическим потребностям метрополии. «Англия,— подчеркивал Маркс,— нанесла смертельный удар ирландской промышленности, обрекла ирландские города на обезлюдение и заставила население возвратиться к земле» [3]. Такие же меры, подчеркивал Энгельс, принимали англичане в своих североамериканских колониях до их отделения. «Как по отношению к {ирландскому} землевладению при Елизавете, Якове, Карле и Кромвеле,— отмечал Энгельс,— так и теперь по отношению к промышленности, с Ирландией обращались точно так же, как с американскими колониями» [4].

Картину британского колониального господства в Ирландии дополняет та яркая характеристика финансового закабаления страны, а также разложения и коррупции среди колониальной администрации, которую дают материалы, собранные Марксом и Энгельсом.

Ирландия в XVIII веке деспотически управлялась посредством указов из Лондона и постановлений английского парламента. В роли непосредственных правителей выступила кучка олигархов, представителей нескольких аристократических семейств, которые извлекали средства из самых бессовестных афер в Ирландии для парламентского и правительственного подкупа в самой Анг-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 230).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Мэрфи «Ирландия, ее промышленность, политический строй и социальные отношения» (ЦПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2629).

[3] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468).

[4] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 204).

лии, обеспечивая таким путем себе там политическое влияние.

«Правление английских чиновников было гнусным [schusslich]», — отмечает Энгельс[1]. «Продажность и аферизм — повсеместные явления», — указывает он на основании фактов, которых не мог скрыть даже такой рьяный апологет английского владычества, как Маколей[2]. Последний, в частности, засвидетельствовал, что все без исключения мелкие и крупные ирландские административные посты были предметом купли-продажи, в том числе и должность лорда-наместника, которая стоила 40 000 фунтов. Занимавшие эти посты лица, разумеется, всеми средствами старались возместить расходы за счет вверенного их «попечению» народа. Энгельс поэтому считал ирландскую колонию «главным рассадником» хищнических вымогательств, взяточничества, использования административных постов в корыстных целях[3]. «Еще Артур Юнг говорил, — указывал он, в частности, — что *история публичных работ в Ирландии могла бы называться историей афер*»[4]. Энгельс приводит также мнение Уэйкфилда, который писал, что английское управление в Ирландии представляет собой «превосходную арену для интриг, коррупции и кумовства»[5].

Коррумпированной системой управления Ирландией часто пользовались темные английские дельцы в интересах хищнической наживы. Классическим примером является упомянутая уже затея Вуда с чеканкой неполноценной монеты для Ирландии (1724 г.), разоблаченная еще Свифтом. Свифт выступал также против других форм финансовых вымогательств, в частности, против судебных взысканий и особенно против налогов. Другие прогрессивные писатели XVIII — начала XIX века (Доббс,

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 208).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Маколея «История Англии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2524).

[3] См. *Ф. Энгельс.* «История Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 507).

[4] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

[5] Там же.

Юнг, Уэйкфилд) также засвидетельствовали необычайную тяжесть налогового гнета в Ирландии, перекладываемого лендлордами на плечи своих ирландских подданных. «Уэйкфилд,— отмечает Энгельс,— отлично видел, что в Ирландии налоги падают не на ренты, а на крестьян. Они представляют собой подать, налагаемую «на труд арендатора»»[1].

Хозяйничание английских колонизаторов в Ирландии, отмечают Маркс и Энгельс, наложило глубокий след на общее состояние «Зеленого острова» и положение его жителей, особенно трудящихся классов. Зачатки промышленности почти целиком погибли под влиянием запретительных мер. Промышленный переворот, происходивший под боком у Ирландии, на соседнем острове, ее не затронул. Машинное прядение, констатирует Энгельс со слов Уэйкфилда, появляется в Ирландии только в начале XIX века (спустя 35—40 лет после «Дженни» и машины Аркрайта!) и то в крайне ограниченном размере[2]. В рутинной сельскохозяйственной технике не вводилось никаких улучшений. В земледелии наблюдались деградация и регресс.

Опорой английского правительства в Ирландии были крупные английские лендлорды, английская торговая и финансовая буржуазия, пользовавшаяся монопольным торговым положением в Ирландии, колониальные чиновники. К клике эксплуататоров принадлежала и верхушка англиканской церкви. Неудивительно, что хозяйничание этой олигархической шайки порождало оппозицию со стороны части протестантских буржуазно-помещичьих кругов из среды бывших английских колонистов, недовольных разорением ирландской промышленности и хищнической политикой английских властей. С другой стороны, недовольство уцелевших еще местных ирландских джентри и торговой буржуазии, особенно ущемляемых антикатолическим законодательством, стало также выливаться в оформленную оппозиционную деятельность. «Так началась *борьба между английской колонией в Ир-*

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

[2] Там же.

ландии и английской нацией. Одновременно — борьба между англо-ирландской колонией и ирландской нацией»,— отмечает Маркс этот процесс формирования англо-ирландской оппозиции при сохранении еще в полной силе антагонизма между привилегированными английскими колонистами и коренным населением Ирландии [1].

Материалы Маркса и Энгельса вскрывают весьма умеренный характер англо-ирландской либеральной оппозиции XVIII века, наличие у нее весьма ощутимых колонизаторских и эксплуататорских побуждений, которые заглушали в решающий момент оппозиционные тенденции. Центром этой оппозиции становится дублинский парламент. Недаром в первом же ее кредо — упомянутом памфлете Молинью (1698 г.) — требовалось установление независимости ирландского парламента от английского. Но, когда речь шла об угнетении коренного ирландского населения, англо-ирландский парламент, включая сюда и представителей оппозиции, становился раболепным орудием английских колонизаторов. По указке из Лондона, а часто и по своей собственной инициативе он проводил самые суровые из карательных законов. Энгельс с полным правом называл ирландскую палату общин «послушным парламентом» [2]. В работе Маркса «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» дублинский парламент, состоящий только из англичан и англо-ирландцев, характеризуется как «по существу парламент завоевателей», играющий роль «простого слуги британского правительства» и компенсирующий себя за это «деспотизмом по отношению к католической массе ирландского народа» [3].

Корыстные классовые инстинкты и ненависть к коренным ирландцам часто настолько ослепляли ирландских парламентариев, что они, как отмечает Энгельс, не замечали последствий санкционируемых ими мер для самих же англо-ирландцев. «Вся предыдущая и последующая

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 468).

[2] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 218).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597.

история англо-ирландских протестантов,— говорит, например, Энгельс по поводу принятого ими упомянутого акта, разрушившего ирландскую шерстяную промышленность,— свидетельствует о том, что эта гнусность не про шла для них даром»[1]. Полицейский режим, который они сами же помогали насаждать английским властям, стал со временем оборачиваться также против англо-ирландского протестантского населения Ирландии.

Программа ирландской католической либеральной оппозиции была также весьма умеренного свойства. Она, как показывает Энгельс, сводилась к требованию отмены антикатолических законов и была весьма далека от идеи борьбы за независимость Ирландии, не говоря уже о том, что совершенно не отражала интересы ирландских крестьян. Формой своих выступлений эта оппозиция избрала главным образом печатную пропаганду и составление всеподданнейших адресов и петиций наместникам, министрам и самому королю. Свои главные надежды, как отмечает Энгельс, ее лидеры — руководители основанного к 1760 г. Католического комитета (Чарлз О'Конор, Керри и др.) — возлагали на то, что им удастся уверить высокопоставленных особ в лояльности ирландских католиков и посредством этого добиться изменения отношения к ним.

Первоначально между протестантской и католической оппозициями царила вражда, отражавшая ту борьбу между англо-ирландской колонией и ирландской нацией, о которой писал Маркс. Однако с 70—80-х годов XVIII столетия наметилось некоторое сближение по мере роста недовольства колониальной системой среди бывших английских колонистов, а также прогресса, который сделал среди них процесс ирландизации. Именно к этому периоду относится замечание Маркса о том, что *«английские пришельцы растворены в ирландском народе и обращены в католичество»*[2].

Процесс частичной ирландизации английских поселенцев являлся вообще характерной особенностью фор-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 202, 204).

[2] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 469).

мирования ирландской нации, которая, как и все другие нации, складывалась из различных этнических групп. Маркс и Энгельс очень часто отмечали эту черту [1]. Этому процессу способствовали особые исторические условия Ирландии, ее положение колониальной страны. Английские колонисты в Ирландии в силу этого очень скоро становились мишенью тех же финансовых, налоговых, таможенных притеснений со стороны правящей олигархии Англии, как и их бывшие соотечественники, переселившиеся за океан, в Америку. И хотя положение коренных ирландцев было значительно хуже, хотя, по меткому сравнению Уэйкфилда, английские колонисты напоминали белых жителей Вест-Индии, притесняемых колониальной администрацией, а ирландцы — в десяток раз более бесправных цветных рабов [2], этот раскол с Англией без сомнения содействовал слиянию части английских буржуазных и мелкобуржуазных элементов с соответствующими ирландскими слоями. Религиозные противоречия, сильные еще в ирландской деревне, где они были переплетены с классовыми, отступают на задний план в городах, среди буржуазии и буржуазно-дворянской интеллигенции.

На почве этого процесса постепенной консолидации ирландской нации, вбиравшей в себя также бывших английских колонистов-протестантов, происходило и слияние двух упомянутых элементов *«либерально-национальной* оппозиции *городской буржуазии»*, окончательно сформировавшейся как правое крыло национального движения в начале XIX века [3]. Вскрывая классово-ограниченный характер обеих составных частей ирландского либерализма, Маркс и Энгельс показали, что, хотя на первых порах он и сыграл известную прогрессивно-просветительскую роль, уже в период его зарождения в XVIII веке ему были свойственны примиренческие тенденции и боязнь народных масс. В то же время

---

[1] См., например, *Ф. Энгельс.* Из фрагментов к работе «История Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 523).

[2] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

[3] См. *Ф. Энгельс.* «К ирландскому вопросу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 619).

в Ирландии формировались и радикальные элементы оппозиции, отражавшие чаяния революционной части ирландской, как протестантской, так и католической, буржуазии и мелкой буржуазии, а также в известной степени ирландского крестьянства. Именно они прежде всего придали оппозиционному движению характер национально-освободительной борьбы, встав в конечном счете на путь революционных действий и провозгласив целью движения завоевание национальной независимости. Однако эти элементы выступили как политически оформившаяся, самостоятельная сила лишь в конце XVIII столетия. С тех пор в ирландском движении в основном действуют уже не две группы либеральных оппозиционеров, избравших своим знаменем одна протестантизм, другая католицизм, а два различных крыла: правое, либеральное, выражавшее интересы верхушки ирландской буржуазии и помещиков, и радикальное, революционно-демократическое, стремившееся найти опору в широких массах ирландского народа.

Революционная освободительная борьба ирландских народных масс, прежде всего крестьянства, против колониального режима и эксплуатации явилась главной формой сопротивления гнету английских колонизаторов. Крупнейшая заслуга Маркса и Энгельса как историков этой страны состояла в раскрытии социальных корней, характера и исторического значения борьбы ирландских крестьян, ее места в общенациональном движении. Материалы, собранные Марксом и Энгельсом, показывают, как глубоко интересовало их положение народных масс Ирландии, условия жизни ирландского крестьянства, его стихийные революционные выступления против эксплуататоров.

Нищета ирландских крестьян и городских низов в XVIII веке, по словам Уэйкфилда, приводимым Энгельсом, была «настолько велика, что ничего подобного нельзя обнаружить даже у самых варварских народов»[1]. Их пища свелась почти к одному картофелю, малейший неурожай которого вызывал голод. Только за период с 1720

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

по 1741 г. Ирландия, как отмечал Энгельс, испытала пять или шесть голодовок. Особенно страшным был голод 1740—1741 гг., унесший 400 000 жизней. Современники обозначали это время как «кровавый год»[1]. Причинами этих голодовок, как указывал Энгельс, были отнюдь не стихийные бедствия, а низкий уровень ирландского сельского хозяйства и варварская эксплуатация крестьян лендлордами.

Бедственное положение ирландских крестьян, жестокий гнет, которому они подвергались со стороны лендлордов, земельных посредников, сборщиков десятины, были зафиксированы также Марксом, отметившим, как уже говорилось, соответствующие факты своими подчеркиваниями в произведениях Свифта, в книге Митчела, а также зафиксировавшим их в выписках из работ Беркли и других авторов. Так Маркс приводит следующую выдержку из «Слова к мудрому» Беркли: «Жилище ирландского крестьянина — это логовище нищеты; внутри вы не увидите ничего, кроме котла и немного соломы, снаружи — толпы детей, которые возятся в куче навоза... Негры на наших плантациях могут воскликнуть: если бы негры не были неграми, то ими могли бы быть ирландцы»[2].

В XVIII веке окончательно оформляется система кабальной крестьянской аренды, которая в основном сохраняется в силе в течение значительной части XIX века. Характеризуя эту систему, Энгельс писал, что «в 60-е годы XVII века лендлорд был патриархальным деспотом, властвующим над зависимыми от него арендаторами»[3]. Он приводит выдержки из книги Уэйкфилда, из которых ясно видно, что ирландские крестьяне находились по существу в феодальной зависимости от лендлорда. Уэйкфилд сравнивал их положение с положением русских крепостных, ссылаясь при этом на книгу Шторха «Историко-статистические обзоры Российской империи». По словам Уэйкфилда, выписанным Энгельсом, русский крестьянин-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 229, 231).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2691.

[3] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Баррингтона «Очерки о моем времени» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2524).

земледелец «находится в точности на таком же уровне, что и ирландский *раб*, которого условия его аренды принуждают обрабатывать на тех же основаниях землю его господина». Этот наблюдательный автор указывал, что называть ирландского крестьянина арендатором в обычном (то есть в буржуазном) понимании значило бы допустить *«извращение смысла этого слова»*[1].

Характерной чертой аграрного строя была непрочность аренды и необычайно высокие ренты. Арендный договор, срок действия которого и самим законом ограничивался 31 годом, мог быть и в течение этого времени в любой момент расторгнут лендлордом. Уже в XVIII веке многие помещики пользовались этим для превращения своих имений в пастбища. «Плодородные земли отводились под пастбища,— приводил Энгельс свидетельство Мэтью О'Конора,— а крестьянам сдавали теперь за непомерно высокую арендную плату участки только в горах и болотах»[2].

Крупную роль в эксплуатации ирландского крестьянина начинает играть ростовщический капитал. Все более заметной фигурой становится земельный посредник — «мидлмен»,— в роли которого выступает управляющий или земельный агент лендлорда-абсентеиста (проживавшего в Англии), часто его кредитор, или же городской и сельский ростовщик-спекулянт. Снимая у помещика часть его земель, посредник арендовал ее мелкими участками субарендаторам, из которых некоторые, более состоятельные, в свою очередь, сдавали мелкие клочки батракам-коттерам. Между землевладельцем и производителем, как отмечал Маркс, иногда возникало четыре или пять инстанций посредничающих эксплуататоров. «Прежде чем земля оказывалась у крестьянина, она проходила через четыре — пять ступеней арендных договоров»[3]. Создавалась целая иерархия угнетателей, напоми-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598. Подчеркнуто Энгельсом).

[2] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 218).

[3] Запись доклада К. Маркса по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 580).

нающая описанную Марксом систему заминдаров, патнидаров, субпатнидаров и т. д. в Бенгалии[1]. Положение коттера было, разумеется, наиболее тяжелым. Он владел участком от 1/2 до 2 акров,— так называемым корн-эйкром (corn-acre),— почти весь продукт с которого уходил на уплату ренты и других поборов. Главным источником его существования служил огород, на котором возделывался картофель.

Гнет посредника-ростовщика и земельного агента был еще тяжелее, чем притеснения лендлорда. Выплатив помещику арендную плату, они выжимали потом из крестьян двойную и тройную сумму. «Что это были за негодяи,— писал Энгельс, приводя характеристику, которую давал им Уэйкфилд,— видно из того, что, по его [Уэйкфилда.— *Л. Г.*] словам, живущие на месте агенты были гораздо хуже тех, которые посещали поместья только от случая к случаю, ради собирания ренты»[2]. Мидлмены и агенты, как и лендлорды, были чаще всего англичанами или англо-ирландцами, протестантами. Подобно лендлордам они не производили никаких мелиоративных работ на арендуемых землях. Уэйкфилд в 1812 г. смог привести лишь два примера «хозяйственных посредников» для целого графства. «Остальные были мошенниками чистейшей воды»,— отзывался о них Энгельс[3]. Ростовщический капитал играл, таким образом, в тех условиях роль сообщника лендлордов в феодальной эксплуатации арендатора, не создавая еще предпосылок для развития капиталистических отношений в деревне, и, наоборот, консервируя феодальные.

Произволу и насилиям, чинимым всеми этими эксплуататорами, не было конца. Энгельс приводит в разных местах своих выписок из книги Уэйкфилда случаи одновременного взыскания ренты лендлордом и мидлменом у одних и тех же арендаторов, злоупотреблений дорожной повинностью (крестьян заставляли под этим

---

[1] См. *К. Маркс.* «Военный вопрос.— Парламентские дела.— Индия» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 221—222).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

[3] Там же.

предлогом прокладывать частные помещичьи дороги и аллеи), физической расправы с крестьянами и т. д. «Это племя агентов,— писал он в другом месте,— а также многие лендлорды не успокаивались до тех пор, пока крестьянин не был окончательно согнут и превращен в раба» [1].

Огромным бременем для ирландских крестьян была уплата десятины в пользу протестантской церкви, которая к тому же для него была чужеземной. Десятину взимали только с пахотных земель, и помещики-скотоводы были свободны от этой средневековой подати, взваливая ее целиком на плечи земледельца-крестьянина. «Иными словами,— писал Энгельс,— после того как ирландца лишили его земли, после того как за каждый жалкий клочок ее его заставили платить ренту иностранному поработителю, его теперь принудили также платить ренту в виде десятины еще чужеземцу-попу. И это *за его собственный труд,* за дозволение обрабатывать свою собственную землю. И еще 10% *всего* продукта!» [2]. Проктор (proctor) — сборщик десятины был едва ли не самой ненавистной фигурой в ирландской деревне.

Известная часть ирландского населения уже тогда искала выход из этого невыносимого положения в эмиграции. Другая, однако, открыто вступала на путь борьбы, примыкая к «Белым ребятам», «Дубовым ребятам», «Стальным сердцам» и другим тайным крестьянским организациям. Крестьянские волнения особенно усилились в конце 50-х и в начале 60-х годов. «Ломали ограды на общинных землях, убивали пасшийся там скот, убивали сборщиков десятины и т. д., так что пришлось прибегать к вмешательству войск»,— характеризует Энгельс положение во многих местностях Ирландии в 1762 году [3]. В 1762—1763 гг. аграрными волнениями были охвачены почти целиком две провинции Ирландии

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Годкина «Борьба за землю в Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2629).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Мэрфи «Ирландия, ее промышленность, политический строй и социальные отношения» (отрывок, опубликованный в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, стр. 229).

[3] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 240).

из четырех. В Манстере и Ольстере происходили крупнейшие восстания, шла настоящая гражданская война, вызванная гнетом лендлордов и их агентов, в частности, требованием высоких авансов при заключении арендных договоров, захватом скота за невнесенную арендную плату, злоупотреблениями дорожной повинностью и т. д. Такие вспышки крестьянского возмущения повторялись из года в год.

Вопреки мнению современников и последующих буржуазных авторов Маркс и Энгельс отнюдь не склонны были видеть в повстанческих действиях ирландских крестьян лишь бесплодный акт отчаяния доведенных до крайности гнетом помещиков людей. А между тем, по словам Энгельса, именно «так истолковывались тогда, как и теперь, убеждения «белых ребят»»[1]. Маркс и Энгельс рассматривали борьбу ирландских крестьян как довольно эффективную меру против крайних эксплуататорских поползновений лендлордов и проявлений колониального гнета. Крестьянские восстания обычно жестоко усмирялись. Победоносного исхода от распыленных, плохо организованных, стихийных действий крестьянских повстанцев нельзя было и ожидать. Но они нагоняли страх на господствующие классы и заставляли их идти на известные уступки. Так, расправившись в 1763 г. с крестьянами в Ольстере, английские власти все же вынуждены были возложить ненавистную дорожную повинность не только, как прежде, на одних крестьян, но и на помещиков. Даже единичные акты народного правосудия служили известным способом обуздания жадности помещиков и их агентов. «Убийства на почве аграрных волнений в Ирландии,— писал Энгельс,— не могут быть прекращены *по той причине* и *до тех пор,* пока они

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 244). С таких именно позиций, например, освещает аграрное движение в Ирландии современный историк Эдмунд Кертис. Борьбу крестьян-католиков против протестантских лендлордов и их наймитов в XVIII в. он называет «несчастной аграрно-религиозной распрей». Он склонен даже объяснить ее возникновение не только «суровостью системы лендлордизма», но якобы консерватизмом ирландского крестьянства, «целиком погруженного в прошлое», его реакцией на «цивилизацию» (*Ed. Curtis.* «A History of Ireland». London, 1937, pp. 324, 333).

являются единственным действенным средством против истребления народа лендлордами. Это *помогает,* и потому они продолжаются и будут продолжаться вопреки всем репрессивным законам» [1].

Крестьянское движение создавало и поддерживало традиции сопротивления колонизаторам. Своими пометками на книге Митчела «История Ирландии» Маркс прослеживает преемственность между крестьянскими повстанческими тайными обществами 60—80-х годов XVIII века и последующими крестьянскими организациями («дефендерами» 90-х годов XVIII века и т. д.) — преемственность, идущая, по мнению Митчела, вплоть до фениев XIX века [2]. Аграрное движение в значительной мере подготовило кадры для восстания 1798 г., участники которого предварительно прошли школу борьбы с английскими лендлордами и властями в рядах «Белых ребят», «дефендеров» и т. д. Вскрыв тесную связь между освободительной борьбой ирландского крестьянства и движением за независимость Ирландии, Маркс и Энгельс подчеркнули тем самым, что крестьянские массы составляли главную опору и базу революционно-демократического направления в ирландском национальном движении.

Крестьянское движение в Ирландии Маркс и Энгельс рассматривали, таким образом, как глубоко прогрессивный фактор, как революционную силу, которая расшатывала господство английских лендлордов и тем самым колебала фундамент английской колониальной системы. При этом основоположники марксизма не идеализировали борьбы крестьян, ясно отдавая себе отчет в слабых сторонах стихийного, распыленного крестьянского движения. Они не считали это движение в его традиционных формах способным покончить с режимом национального гнета, хотя оно и подтачивало основы этого режима. Крестьянские массы нуждались в руководстве, сплочении и политическом воспитании со стороны идейно более

---

[1] *Ф. Энгельс.* Из фрагментов к работе «История Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 524).

[2] См. пометки Маркса на книге: *J. Mitchel.* «History of Ireland», vol. I, pp. 144, 146, 182, 297 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

зрелого класса. Выработанная самим ирландским крестьянством форма сопротивления «отличается *местным, разрозненным* характером,— указывал Энгельс,— никогда не может она стать общей формой *политической* борьбы»[1]. Тем не менее, исследуя историю ирландского крестьянства и его героической борьбы с угнетателями, основоположники марксизма нашли в ней подтверждение выдвинутого ими положения о широких революционных возможностях, заложенных в крестьянстве как союзнике пролетариата. Эти исторические исследования дали материал для развиваемой Марксом и Энгельсом мысли о созревании на «Зеленом острове» в течение десятков лет предпосылок для аграрной демократической революции, которая, по их мнению, только и могла при активной поддержке английского пролетариата уничтожить до конца систему господства английских лендлордов и буржуазии в Ирландии и облегчить английским рабочим завоевание власти в Англии.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ПОДЪЕМА КОНЦА XVIII ВЕКА (1776—1801)

Следующий период ирландской истории (согласно периодизации Маркса: 1776—1801) связан с двумя мощными революционными взрывами в Америке и Европе: войной за независимость североамериканских колоний Англии (1775—1783) и французской буржуазной революцией конца XVIII века (1789—1794). Оба эти события оказали самое непосредственное влияние на Ирландию. Маркс обозначает этот период как «переходное время»[2]. Вследствие напряжения сил, которого потребовала от нее американская война, а затем и война с революционной Францией, и из опасения, что ирландцы последуют американскому или, еще хуже, французскому примеру, Англия вынуждена была обновить методы колониального господства в Ирландии, переживавшей в эти годы

---

[1] *Ф. Энгельс.* «К ирландскому вопросу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 619).

[2] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 469).

сильнейший национальный подъем. Под давлением неудач в Америке и роста национального движения в Ирландии английское правительство идет на некоторые реформы. Отменяются карательные законы, в 1882—1883 гг. англо-ирландский парламент получает автономию и становится формально независимым от английского. Ирландия ограждается рядом таможенных пошлин от английской конкуренции. Появляются ирландские промышленные предприятия.

В противовес попыткам английских буржуазных историков (Г. Смита и др.) приписать отмену части карательного кодекса и известное ослабление политических, торговых и промышленных ограничений для Ирландии «гуманности» английского правительства, пошедшего якобы навстречу либеральному духу времени [1], Маркс и Энгельс рассматривали эти акты как вынужденные меры. Они были обусловлены глубоким кризисом, в котором оказались правящие классы Англии в результате поражений в американской войне и бурного национального подъема в Ирландии. Маркс указывал, что для понимания характера событий того времени необходимо уяснить себе «то положение, в котором оказалась Англия» [2]. Помимо поражений британских войск на американских фронтах, он отмечает крайне неблагоприятную для Англии международную ситуацию, дипломатическую и военную изоляцию англичан (вступление в войну на стороне бывших американских колоний Франции, Испании, Голландии, помощь, которую оказала им декларация России о вооруженном нейтралитете, сорвавшая попытку Англии организовать блокаду США).

На Ирландию война американцев за независимость, давшая, по словам Маркса, «первый толчок европейской

---

[1] Более поздний английский историк Ирландии Р. Данлоп также изображал английских министров, даже реакционера лорда Норта, и наместников Ирландии в эти годы (Тауншенда, Харкура, Бэкингемшира и др.) людьми якобы чрезвычайно лояльными по отношению к ирландцам и с готовностью откликавшимися на их нужды (*R. Dunlop.* «Ireland from the Earliest Time». Oxford, 1922, p. 137—142).

[2] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

революции XVIII века»[1] и показавшая пример победоносной борьбы колоний за свое освобождение, оказала огромное воздействие. Маркс отмечал, что она *«составляет первый поворотный пункт в ирландской истории»*[2]. В стране возникает настоящая революционная ситуация. Из недовольных английским правительством протестантских элементов вербуются отряды ирландских волонтеров (официально с целью отражения возможного нападения со стороны Франции, поскольку англичане должны были перебросить большую часть своих расквартированных в Ирландии войск в Америку). Широкие слои ирландского населения, в том числе и часть протестантов, не скрывали своего сочувствия американским колонистам, многие ирландские эмигранты вступали в ряды их армии. Все решительней и настойчивей раздаются требования отмены карательного кодекса и проведения реформ.

Каждый удар, наносимый Англии в Америке, отмечал Маркс, усиливал сопротивление колонизаторам в Ирландии и побуждал их прибегать к одному маневру за другим. *«4 июля 1776 г. американцы* провозгласили свою *«Декларацию независимости»,*— указывается в выписках Маркса.— В этом же году ирландские католики... *потребовали* (до того они вымаливали это) отмены карательного кодекса в качестве удовлетворения»[3].

Принятие в апреле 1777 г. конституции американской республики, отмечается далее у Маркса, заставило прийти в движение и протестантов, прежде игравших роль опоры английских колонизаторов. *«В 1777 г.* британская армия сдалась при Саратога-Спрингсе американским «мятежникам»,— пишет Маркс в другом месте.— *Британский кабинет вынужден сделать уступки партии националистов (английской) в Ирландии»*[4]. В следующем году английские правящие классы вынуждены были

---

[1] *К. Маркс.* «Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 17).

[2] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 469).

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5593).

[4] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 469).

пойти на отмену ряда карательных законов. Постановлением англо-ирландского парламента были отменены акты, лишавшие ирландцев права наследования, отчуждения и приобретения собственности. В 1779 г. дела англичан в Северной Америке пошли еще хуже, и в Ирландии пали ограничения, накладываемые на промышленность и торговлю. Билли о разрешении католикам открывать свои школы и другие аналогичные акты проходят через год-полтора после капитуляции генерала Корнуоллиса при Йорктауне (октябрь 1781 г.). В этот момент, отмечает Энгельс, Англия имела возможность держать в Ирландии «только 5—6 тысяч солдат» [1]. В 1782 г., когда англичане вынуждены были фактически признать свое поражение (в ноябре 1782 г. был подписан Парижский мир), вводится парламентская автономия для Ирландии (отмена акта Пойнингса 1494 г. об обязательном санкционировании решений англо-ирландского парламента английским Тайным советом и акта 1719 г., 6 года царствования Георга I, предоставившего английскому парламенту право издавать законы для Ирландии). В 1783 г. эта автономия подтверждается специальным «актом об отречении», принятым английским парламентом.

Еще более накаленная атмосфера в стране и неуверенность в своих позициях в Ирландии заставили английское правительство пойти на некоторые новые уступки, когда начались события французской революции и особенно война с революционной Францией. «Во время американской войны за независимость гнет в Ирландии был несколько ослаблен,— говорил Маркс в своем докладе по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года.— Дальнейшие уступки оказались необходимыми в период французской революции» [2]. В предварительном наброске этого доклада он писал: «Зима 1792—1793 года. После того, как французское правительство аннексировало Бельгию и Англия решилась на войну с Францией, было прекра-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Баррингтона «Очерки о моем времени» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2524).

[2] Запись доклада К. Маркса по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 580).

щено действие еще одной части карательного кодекса»[1]. В 1793 г. проходит акт, разрешающий католикам занимать должности адвокатов, нотариусов и даже офицеров в армии, отменяются законы против смешанных браков, католикам предоставляется активное избирательное право. Подлинные мотивы, толкавшие английское правительство на подобную «либеральную» политику, явствуют из приведенных Энгельсом слов лорда Бентинка, произнесенных в 1801 году. Даже в это время, когда революционная буря уже отшумела, среди английских правящих кругов царило, как ясно выразил Бентинк, убеждение, что «случись какие-либо перемены, и Ирландия будет потеряна для Англии»[2].

Таким образом, всеми достигнутыми завоеваниями Ирландия была обязана национальному подъему и влиянию международной революционной обстановки. Английское правительство пошло на известное временное ослабление национального гнета под давлением острой нужды, страшась революции и опасаясь худшего для него оборота событий. При этом оно делало уступки не сразу, тянуло с ними, стараясь урезать, что возможно. Даже предоставление католикам пассивного избирательного права удалось задержать еще на 40 лет, и оно было санкционировано только в 1829 году.

Перечисленные реформы отнюдь не сделали Ирландию независимой или самоуправляющейся страной. Никаких существенных изменений не внесли они и во взаимоотношения между ирландскими арендаторами и английскими лендлордами — опорой колониального режима. Колониальная администрация, всесильный хозяин страны, по-прежнему назначалась английским королем, независимо от дублинского парламента. Автономный ирландский парламент был учреждением в высшей степени антидемократическим. Он избирался на основании чрезвычайно высокого избирательного ценза и системы «гнилых местечек» и потому открывал свои двери лишь зажиточным английским колонистам и протестантским

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 470.

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Уэйкфилда «Статистическое и политическое описание Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598).

лендлордам. Попытки осуществить умеренную парламентскую реформу встречались в штыки английскими властями и большинством членов парламента, цеплявшихся за свои привилегии. Последние меньше всего стремились к разрыву с Англией. Наоборот, подавив восстание 1798 г., английское правительство руками этого большинства, состоявшего из лендлордов, чиновников и адвокатов (как правило помещичьих сынков), перепуганных восстанием и соблазненных подкупом, пенсиями и синекурами, уничтожило самый ирландский парламент и провело англо-ирландскую унию, фактически реставрировав прежнюю систему колониального произвола. Типичным для большинства ирландских парламентариев Энгельс считал поведение одного из депутатов дублинского парламента, получившего изрядный куш от властей за голосование в пользу унии и цинично выразившего при этом радость по поводу того, что у него «нашлось отечество для продажи» [1].

Либеральная буржуазная историография как английская, так и ирландская, всячески превозносила заслуги ирландской парламентской оппозиции и ее лидеров Граттана и Флуда в деле «эмансипации» Ирландии в 80-х годах XVIII века. Этих представителей Вигского клуба обычно противопоставляли революционному крылу общества «Объединенные ирландцы» (основано в 1791 г.), которое якобы своим бесплодным «мятежом» лишь навлекло на Ирландию репрессии и лишило ее части тех либеральных благодеяний, которых добились для нее Граттан и Флуд. «Эти два человека,— уверял современный Марксу и Энгельсу английский буржуазный историк Лекки,— сделали для своей страны больше, чем кто-либо из живущих». Он объявлял их властителями дум ирландского народа, «вождями общественного мнения Ирландии» [2]. Ирландский историк Даниел Оуэн Мэдуен в предисловии к собранию речей Граттана называет их автора «первым ирландцем, который духовно управлял нацио-

[1] *Ф. Энгельс.* «К ирландскому вопросу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 622).

[2] *W. Lecky.* «Leaders of Public Opinion in Ireland». London, 1912, p. 72 (первое издание этой книги вышло в 1860 г.).

нальным характером своей страны»[1]. Современный ирландский историк-экономист Джордж О'Брайен утверждает, что известным промышленным подъемом конца XVIII века Ирландия целиком обязана «граттановскому парламенту», и вступает по этому поводу в полемику с Джемсом Конноли, который оспаривал этот тезис[2].

Совершенно иначе оценивали англо-ирландских либералов конца XVIII века Маркс и Энгельс. Аннулирование карательного кодекса и другие реформы, проведенные в 1782—1783 гг., они отнюдь не были склонны приписывать красноречию кучки оппозиционных парламентских лидеров, которые были вознесены на гребне мощного народного движения, заставившего английское правительство пойти на уступки. В «Выписках» Маркса подчеркивается, что парламентская автономия была завоевана в 1782—1783 гг. благодаря «единодушной *стойкости народа,* а не благодаря абстрактным добродетелям его делегатов»[3]. Роль лидеров парламентской оппозиции в событиях этого времени была весьма двойственной. Момент, когда они действительно являлись рупорами национального движения и выразителями его требований (отмена карательных законов, торговых и промышленных ограничений, автономия и реформа парламента), быстро миновал, и движение переросло рамки умеренной программы либералов. Маркс отмечал, что со второй половины 80-х годов влияние либеральной партии падает. Он приводит передаваемое Митчелом в его «Истории Ирландии» мнение ирландского революционера Уолфа Тона о том, что к началу французской революции оба крыла либералов — католическое («партия эмансипации католиков», группировавшаяся вокруг Католического комитета)

---

[1] «The Speeches of the Grattan». Dublin, 1868, Preface, p. XXXIV.

[2] *G. O'Brien.* «The Economic History of Ireland in the 18-th Century». Dublin — London, 1918, p. 397—398. В ирландской историографии марксист Конноли первый разобрался в антидемократическом и крайне умеренно-оппозиционном характере ирландского либерализма (см. *J. Connolly.* «The Labour in Ireland». Dublin — London, 1917, p. 40—41). Даже историки-демократы (Митчел, Дэвис и др.) отдавали дань преувеличенной оценке роли Граттана и др. либералов, хотя и отмечали узость их программы.

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

и протестантское («партия реформ», представителем которой был Вигский клуб) — были «слабы и деморализованы». «Вигские ораторы,— отмечал он ниже,— теряют почву и влияние»[1].

Делая ставку на мирный компромисс с английской правящей кликой, Граттан, Флуд и другие либералы, а также либеральные лидеры Католического комитета отвлекали народные массы от настоящей борьбы.

Даже в своих либеральных требованиях лидеры оппозиции были крайне непоследовательны. Граттан в 1782—1783 гг. всячески противился приданию требованию парламентской автономии, как этого добивался Флуд, более радикальной и определенной формы (Маркс называет выдвигаемые им контрпредложения «глупыми», «вигской полбой»[2]). Флуд, лорд Чарлемонт (верховный командующий волонтеров) и другие, со своей стороны, яростно сопротивлялись — в противоположность Граттану — требованию предоставления католикам избирательных прав, чем оттолкнули католические массы от поддержки волонтерского движения. Особенно отчетливо проявилась эксплуататорская и антиреволюционная природа либералов в их отношении к крестьянскому движению. Они поддерживали все кровавые репрессивные меры англо-ирландского парламента и английской администрации против его участников. Флуд считал даже политику последней чересчур мягкой! Маркс подчеркнул замечание Митчела, что «ни один из общественных деятелей Ирландии не был так неистов, понося несчастных «Белых ребят» и требуя их крови, как прославленный патриот Генри Флуд»[3].

Готовность либеральных деятелей к сделкам с английскими властями, их ненависть к народным методам и формам протеста вызывали резкие высказывания Маркса и Энгельса в их адрес. Маркс, например, называл Граттана «парламентским прохвостом»[4]. Энгельс также

[1] *К. Маркс*. «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

[3] *J. Mitchel*. «The History of Ireland», vol. I, p. 165 (экземпляр с пометками Маркса см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

[4] Маркс — Энгельсу, 10 декабря 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные письма, 1953, стр. 231).

чрезвычайно презрительно отзывался об ирландских либеральных политиках XVIII века и их преемниках, отмечая, в частности, их неустойчивость, корыстные устремления, склонность к эксплуатации крестьян. «Ведь только ею и живут в Ирландии все «образованные» сословия, а в особенности адвокаты»[1]. Для английского господства выступления Граттана, Флуда и других либеральных парламентариев не представляли особой угрозы. В наиболее острый момент борьбы между английским правительством и революционными патриотическими силами, программу и образ действий которых либералы глубоко осуждали, последние вообще отошли в сторону, предоставив властям беспрепятственно, не встречая даже слабого противодействия в дублинском парламенте, проводить самые свирепые репрессивные меры. Последующее принятие унии (к чести Граттана следует сказать, что он выступил против нее) показывает, что английские власти довольно легко справлялись с оппозицией либеральных лидеров.

Гораздо более опасным для английского владычества в Ирландии явилось массовое движение ирландского народа в эти годы. Оно было в центре внимания Маркса и Энгельса при изучении этого периода. В своих материалах они прежде всего отмечают усиление революционной активности крестьянства. Все события 80-х и 90-х годов сопровождались непрерывными аграрными выступлениями. Маркс указывал, что в ирландском национальном движении того времени «легко можно обнаружить классовое движение»[2]. Он отмечает в своих выписках аграрные волнения в 1787 г. на юге, «вызванные нищетой народных масс, сбором *десятины, высокими рентами, лордами-абсентеистами, непрочной арендой, суровым обращением*»[3]. Указывает Маркс и на действия крестьянских тайных организаций «Справедливые ребята» в Килкенни, «Капитан Райт» (то есть «Капитан

---

[1] *Ф. Энгельс.* «К ирландскому вопросу» (*К. Маркс* и *Ф Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 622).

[2] Маркс — Энгельсу, 10 декабря 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 231).

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

Справедливость») в графстве Керри, отрядов «дефендеров» и «риббонитов» на севере страны и на другие факты классовой борьбы в Ирландии в это время [1]. В движении против английского господства активно участвовали также городские низы, ремесленники, мелкая буржуазия, в него втягивались радикальные слои буржуазии и буржуазной интеллигенции как протестантской, так и католической. По мере углубления движения происходило размежевание сил, отстранялись попутчики, укреплялось влияние революционных элементов.

В работе Маркса «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» раскрыты различные фазы, через которые прошла национально-освободительная борьба ирландского народа в этот период, и дана характеристика каждого из этих этапов.

Первый этап продолжался с 1778—1779 по 1783 год. Проявлением национального подъема было на этом этапе, как указывал Маркс, прежде всего движение волонтеров. В их лице национальный лагерь приобрел внушительную военную силу. Маркс отмечал, что по своей численности волонтеры «превзошли все регулярные вооруженные силы Британской империи» (выше уже было сказано, что значительная их часть была переброшена в то время в Северную Америку) [2]. При этом волонтерские части были не только военной, но и политической организацией; они созывали свои собрания, провинциальные и общенациональные конвенты, принимали петиции, выбирали исполнительные органы и офицерский состав. «Самопополняемая, самоуправляемая, сама поддерживающая внутреннюю дисциплину ассоциация»,— так характеризует Маркс эту волонтерскую организацию [3]. Волонтерские отряды первоначально состояли только из протестантов (карательный кодекс запрещал католикам носить оружие), но постепенно в них стали проникать и лица католического вероисповедания. Католические массы поддерживали движение волонтеров. По словам Дэвиса, приводимым Марксом, оно охватывало «все жиз-

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

[3] Там же.

неспособные элементы всех классов», начиная от дворян и купцов, кончая крестьянами-арендаторами и рабочими [1].

Политическую программу волонтеров определяла либеральная верхушка, но выдвинутые требования, несмотря на ту умеренную форму, которую она им придала, отвечали на том этапе общенациональным стремлениям: Однако в таком объединении разнородных классовых элементов таилась и слабость движения. Как только были завоеваны первые уступки, либеральные лидеры стали на путь свертывания борьбы, испугавшись того размаха, который она приобрела. Не преодолены были и национально-религиозные противоречия. Главным завоеванием этого этапа было достижение парламентской автономии. Однако это был еще только первый шаг к независимости.

Второй этап охватывает время с 1783 по 1791 год. Политика либеральных лидеров, стремившихся направить движение на путь «умеренного парламентаризма» [2], вызывает кризис в волонтерской организации. Движение волонтеров парализуется внутренним расколом между привилегированными верхами и низшими слоями. Оно, однако, оказывается некоторое время еще достаточно эффективной формой народного давления извне на англо-ирландский парламент и английские власти, дав возможность парламентскому оппозиционно-либеральному меньшинству добиться еще нескольких уступок от правительства. Однако с 1790—1791 гг. попытки оппозиции наталкиваются на все большее противодействие властей и парламентского большинства, превратившегося в «простое орудие в руках правительства» [3]. Все больше обнаруживается, как указывает Маркс,— «бесплодность всех парламентских действий» [4].

В то же время этот этап имел весьма большое значение в деле дальнейшего формирования национально-освободительного движения. С 1789 г. начинает оказывать

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

свое действие влияние французской буржуазной революции, которая находит свой отклик как в Ирландии, так и в самой Англии (усиление движения радикалов, создание Корреспондентских обществ). В Ирландии это влияние ускоряет процесс размежевания сил. Аристократическая верхушка и контрреволюционные слои буржуазии отходят от движения. Все более видную роль начинают играть радикальные слои городской буржуазии и буржуазной интеллигенции, из среды которой выходят глашатаи идей французской революции в Ирландии, ее горячие сторонники и ревностные провозвестники. Они постепенно оттесняют либералов на задний план. В движении наступает, как отмечает Маркс, «преобладание народного элемента» [1]. Средоточием и политическим центром этих радикальных, связанных с народными массами сил становится основанное в октябре 1791 г. в Белфасте Тиобольдом Уолфом Тоном общество «Объединенные ирландцы». Внутри этого общества, имевшего и умеренное, правое крыло, складывается ядро республиканцев-демократов, которое в своих требованиях пошло гораздо дальше лидеров волонтеров. Лучшие элементы волонтеров вступают в ряды «Объединенных ирландцев».

Представители радикального крыла общества «Объединенные ирландцы», стремясь расширить массовую базу своего движения, вносят более широкое толкование в требование эмансипации католиков, трактуя его в духе идей французской буржуазной революции. В их понимании это требование отнюдь не сводилось к представлению доступа в парламент католическим лендлордам и верхушке буржуазии. Оно толковалось ими как лозунг борьбы за полное политическое равноправие всех слоев ирландского народа, в том числе его католического крестьянского большинства, за освобождение последнего от феодально-сословных и национальных ограничений. Таким образом это требование приобретало социальный оттенок, оказывалось в известной степени (в политическом отношении) направленным против феодального угнетения ирландской деревни, переплетавшегося с на-

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

циональным гнетом. «Католический вопрос,— резюмирует Маркс сущность данного этапа в развитии национальной борьбы в Ирландии,— становится вопросом, касающимся ирландского народа. Дело идет уже больше не об устранении неправоспособности католической *аристократии* и *буржуазии,* а об эмансипации *ирландского крестьянства,* в большинстве своем католического. Вопрос по существу приобретает *социальный характер,* по форме он принимает *французские политические принципы,* оставаясь национальным» [1].

Рубежом между вторым и третьим этапом Маркс считал основание в октябре 1791 г. общества «Объединенные ирландцы». «С этого момента,— отмечал он, характеризуя еще предыдущий этап,— движение волонтеров переходит в движение «Объединенных ирландцев»» [2]. По мнению Маркса, характерной чертой наступившей стадии развития является усиливающееся влияние ирландских радикалов. Растет их активность, формируются и уточняются их демократические взгляды и требования, все определеннее становится тенденция к решительной борьбе против Англии, за полную независимость страны. Под воздействием революционного крыла «Объединенных ирландцев» оживляется волонтерское движение, что — наряду с неудачами в войне с Францией — побуждает английское правительство пойти на отмену в 1793 г. еще одной части карательных законов. Однако одновременно происходит и консолидация сил контрреволюции. Обеспокоенное распространением «якобинской заразы», правительство проводит серию полицейских законов, запрещает волонтерские организации, разоружает волонтеров, заставляет общество «Объединенные ирландцы» с 1794 г. уйти в подполье. Общество становится тайной революционной организацией. Лендлорды и верхушка буржуазии, в том числе католической, поощряемые правительством, создают под видом местной милиции контрреволюционные банды йоменов. Неспособным провести какие-либо меры оказывается парламентское

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

оппозиционное меньшинство, чья беспомощность особенно обнаруживается в момент перехода контрреволюции в наступление. Единственной силой, способной оказать противодействие колонизаторам, являются «Объединенные ирландцы», опирающиеся на массовое движение ирландского крестьянства и городских низов.

С 1795 г. начинается четвертый, заключительный этап национального подъема в Ирландии. «Объединенные ирландцы» оказываются лицом к лицу с английским правительством, стремившимся посредством провокаций и террора, используя контрреволюционные настроения помещиков и части буржуазии, навсегда покончить с революционно-патриотическими элементами в стране и укрепить пошатнувшиеся в последние десятилетия XVIII века основы английского колониального господства. Благоприятным для английской реакции обстоятельством явился контрреволюционный переворот 9 термидора во Франции (июль 1794), хотя она и продолжала оставаться торговым и военным соперником Англии.

Ирландские революционеры приступают к подготовке вооруженного восстания. *«Волонтерское движение переходит в 1795 г. в революционное движение»,*— замечает Маркс, имея в виду окончательное решение «Объединенных ирландцев» избрать повстанческие средства в качестве орудия борьбы за независимость[1]. Он указывает при этом, что политика английского правительства не оставляла «другого выхода, кроме как обратиться к силе»[2]. В другом месте своих «Выписок по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» он отмечает перестройку в 1796 г. общества «Объединенные ирландцы» на военный лад в Ольстере, а позднее создание такой же военной организации в Ленстере. С деятельностью представителей общества за границей, в частности его лидера Уолфа Тона, связаны французские десантные экспедиции к берегам Ирландии (Гоша и Груши в декабре 1796 — январе 1797 г., Де Винтера в июле 1797 г. и Эмбера в августе — сентябре 1798 г.), которые потерпели неудачу прежде всего по вине французского прави-

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

тельства, уделившего их организации заведомо недостаточно внимания и средств. Вершиной борьбы было восстание 1798 г., окончившееся поражением повстанцев и проведением колонизаторской англо-ирландской унии 1801 года.

Из приведенного явствует, что подлинными руководителями массового движения в Ирландии Маркс считал радикальное крыло общества «Объединенные ирландцы». Именно оно, как подчеркивал он, явилось выразителем истинных революционных целей национальной борьбы. Выдвинутый им лозунг ирландской республики означал призыв к борьбе за полную независимость Ирландии в противовес компромиссному решению национального вопроса (автономия при сохранении власти английской короны над Ирландией), за которое ратовали либералы. Маркс и Энгельс недаром считали многие требования, сформулированные «Объединенными ирландцами», пригодными и для современной им борьбы за революционное освобождение этой страны от английского гнета. Подчеркивая республиканизм «Объединенных ирландцев», Маркс постоянно называет их *«республиканцами Севера»* [1] (имеется в виду основание этого общества в северной провинции Ольстер), «белфастскими республиканцами» [2]. С середины 90-х годов, указывает он, *«ирландская республика* уже стала целью *«Объединенных ирландцев»»* [3].

Показатель значительной идейной зрелости тогдашнего ирландского движения Маркс видел в том, что его лидеры — ирландские радикалы — сумели воспринять и другие демократические идеи французской буржуазной революции и сочетать их с задачами борьбы за национальное освобождение. Вожди «Объединенных ирландцев» Уолф Тон, Фицджералд (аристократ, отказавшийся от дворянского титула) и другие стремились к ирландской революции по французскому образцу, мечтали

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 470).

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

о созыве ирландского конвента, о демократических преобразованиях в духе якобинской конституции 1793 года. В то же время они подражали и борцам за независимость других стран. Уолф Тон говорил на суде, что он страстно желал сделаться ирландским Вашингтоном или Костюшкой. В программу «Объединенных ирландцев» входило установление политического равноправия всех граждан, ликвидация всех сословных, расовых, национальных и религиозных привилегий, введение всеобщего избирательного права, буржуазных свобод. Своими демократическими требованиями «Объединенные ирландцы» в известной мере отразили стремление ирландских крестьян избавиться от феодальных пут и национального гнета — в этом и состояла главная задача буржуазной революции,— хотя ирландские республиканцы первоначально и не предполагали идти в разрушении феодализма так далеко, как французские якобинцы. Об этом свидетельствовало отсутствие у «Объединенных ирландцев» четко выраженных требований по аграрному вопросу.

Решительное выступление против национальной дискриминации обеспечило протестантам-радикалам поддержку коренных ирландцев-католиков и представителей других религиозных направлений. Маркс отмечает, что к «Объединенным ирландцам» присоединилась значительная часть пресвитериан (потомков шотландских колонистов) графств Даун, Антрим и Тирон, большинство католиков и протестантов юго-востока (провинция Ленстер) [1]. По существу это была серьезная попытка объединить в одном освободительном движении разнородные элементы, целиком еще не сплотившиеся в единую нацию. Однако на пути к национальной консолидации стояли еще укоренившиеся национальные и религиозные предубеждения, всячески подогреваемые английскими властями.

Крупнейшей исторической заслугой «Объединенных ирландцев» явилось избрание ими революционного пути борьбы против английского господства. При этом они

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

не побоялись обратиться к революционным действиям народных масс, хотя, будучи буржуазными революционерами, неодобрительно относились к таким формам народного сопротивления, как «аграрный террор». Главную массу участников подготовленного «Объединенными ирландцами» восстания 1798 г. составляли крестьяне и городская беднота. Таким образом, радикально-демократические элементы обнаружили готовность на практике бороться вместе с крестьянством, вместе с народными массами. Маркс особенно подчеркивает, что «Объединенные ирландцы» были единственной политической партией, которая «*объединилась* с крестьянами» [1].

Отчетливо видел Маркс и слабости руководителей общества «Объединенные ирландцы». Еще в 1867 г. Маркс, указывая, что во «всех прежних ирландских движениях народом руководили аристократы или буржуа», включал сюда и революцию 1798 года [2]. Этим он хотел подчеркнуть, что и «ольстерские протестанты-республиканцы», руководившие движением 1798 г., также принадлежали к эксплуататорским слоям. В 1869 г., более обстоятельно изучив историю Ирландии конца XVIII в., Маркс, как это видно из его недавно обнаруженной рукописи, убедился, что «Объединенные ирландцы» были ближе связаны с народом и защищали общие интересы масс и передовых элементов буржуазии. Тем не менее он не нашел оснований для пересмотра своего мнения о буржуазной природе деятелей этого общества. Ирландские радикалы не были свободны от классовой ограниченности, присущей буржуазным революционерам того времени, и кое в чем уступали даже французским якобинцам. Они не думали посягать на права собственности, в том числе, в отличие от якобинцев, и на помещичье землевладение. Отсутствие у «Объединенных ирландцев» конкретной аграрной программы отнюдь не было случайностью. При всем своем сочувствии бедствиям крестьян они не могли стать в полной мере выразителями их интересов.

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 465).

В этом смысле Маркс и отличал их в 1867 г. от фениев [1]. Хотя движение «Объединенных ирландцев» пользовалось поддержкой народных масс, глубоких корней в самом народе в силу буржуазной ограниченности его лидеров оно пустить не могло. Социальная и классовая отчужденность между руководителями и рядовыми участниками движения, между радикалами, выходцами из городской буржуазии, и всей массой народа не могла быть преодолена. Это в первую очередь предопределил неудачный исход движения 1798 года.

К тому же и в своих практических действиях лидеры «Объединенных ирландцев» не всегда были последовательны. Маркс отмечал ряд ошибок, которые они допустили при подготовке восстания. Исполнительный орган общества «Объединенные ирландцы» (директория) медлил с принятием решения о начале восстания вплоть до февраля 1798 года. «*Время для действий* потеряно»,— констатирует Маркс [2]. Слабо была поставлена конспирация, что дало возможность шпионам Питта выследить главарей. Почти все руководители были арестованы еще до начала восстания (в феврале — марте 1798 г.— Артур О'Коннор, Оливер Бонд, Томас Эммет, Макневин и другие; за несколько дней до восстания 23 мая — братья Джон и Генри Чирс, Эдуард Фицджералд). «Таким образом, когда восстание началось, те, кто его задумал, не смогли им руководить» [3]. Не оправдали себя и надежды на французскую помощь, которые питали лидеры общества. Как доказывал Митчел, слабые французские экспедиции, к тому же не совпавшие по времени с развертыванием повстанческих действий, скорее помогли английскому правительству, дав ему повод для усиления репрессий, чем повстанцам [4]. Маркс также отмечал, что запоздалая экспедиция Эмбера, прибывшая более чем через месяц после подавления восстания, была «счастли-

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 465).

[2] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[3] Там же.

[4] *J. Mitchel.* «The History of Ireland», vol. II, p. 65 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6341).

вым случаем» для наместника Корнуоллиса и других колонизаторов, стремившихся путем террора и устрашения лоялистских элементов опасностью вторжения французов добиться принятия унии[1].

Указанные слабости движения не могли не отразиться на характере и исходе восстания, продолжавшегося с 23 мая по 17 июля 1798 года[2].

Восстание охватило юго-восточные графства: Уэксфорд, где оно достигло особой силы, Уиклоу, Килдэр и Мит, на севере — графства Антрим и Даун (восточная часть Ольстера). Попытка к восстанию и революционные выступления имели место и в других местах (графства Уотерфорд, Корк, Типперери, Кингс-каунти, Куинс-каунти, Клэр). В августе — сентябре 1798 г. во время высадки экспедиции Эмбера наблюдались отдельные вспышки восстания в западной провинции Коннот и прилегающих графствах Уэстмит и Лонгфорд. Однако, несмотря на наличие большого числа очагов восстания, оно в целом носило характер локальных и изолированных выступлений даже в пределах каждой отдельной местности. Распространить свои действия на территории почти всего графства и сделать попытку соединиться с повстанческими отрядами других графств удалось только повстанцам Уэксфорда. В остальных графствах действия повстанческих отрядов оставались разрозненными. Восстание, как уже говорилось, было обезглавлено еще до того, как началось. У него не оказалось единого руководящего центра. Опираясь на регулярные войска (включая немецких наемников), значительно превосходящие повстанцев по вооружению и военной выучке (их было, как отмечал Маркс, в это время в Ирландии уже 40 000[3]), навербованные из контрреволюционной черни отряды

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Самый ход восстания излагать здесь представляется невозможным даже в общих чертах. Обстоятельная картина его дана в недавно опубликованном исследовании советского историка *Е. Б. Черняка* «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX века». М., 1962, стр. 456—652.

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

сельских йоменов и городской милиции, переброшенные из Англии милицейские части, английские власти не без труда подавили это распыленное и децентрализованное восстание.

Поражение восстания было обусловлено его стихийным в целом характером. Оно носило многие типичные черты слабо организованных крестьянских восстаний. Ирландские крестьяне действовали в соответствии с традициями «Белых ребят», «дефендеров» и других местных повстанческо-крестьянских организаций. Они оказались не в состоянии выдвинуть собственных политических руководителей, полностью осознать задачи движения, выработать соответствующую тактику. «Ирландские крестьяне не созрели»,— в этом Маркс видел главную причину неудачи [1]. Известную слабость в качестве военных и политических руководителей движения обнаружили и буржуазно-республиканские лидеры. К тому же накануне восстания их общество было дезорганизовано разгромом его центральных и местных органов. Правительство сумело этим нанести всему движению непоправимый удар.

Трагедия «Объединенных ирландцев» заключалась и в отсутствии действенной поддержки со стороны демократических и республиканских кругов Англии, хотя дружественные связи между ирландскими революционерами и английскими демократическими Корреспондентскими обществами существовали [2]. После поражения восстания в английском флоте в 1797 г. революционно-демократические круги Англии не смогли поддержать сколько-нибудь энергичными выступлениями действия ирландских повстанцев. С другой стороны, правительство широко использовало национальные и религиозные предубеждения по отношению к Ирландии английской буржуазной публики, ее монархистско-контрреволюционные настроения. Имея в виду это, Маркс писал Энгельсу 10 декабря 1869 года: «...Ирландия потерпела неудачу потому, что фактически, с революционной точки зрения, *ирландцы были слишком передовыми для стоявшей за короля*

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 470).

[2] Об этих связях см. *Е. Б. Черняк.* Цит. соч., стр. 639—652.

и церковь английской черни...»[1]. Франция, к которой обратились лидеры «Объединенных ирландцев», была уже не той революционной Францией 1792—1794 гг., которая боролась против всей феодально-аристократической Европы под лозунгом: «мир хижинам, война дворцам». Прожженные буржуазные политиканы, возглавлявшие Францию в период Директории — к моменту, когда там появился Уолф Тон — смотрели на «Объединенных ирландцев» лишь как на пешку в шахматной игре против соперничающей коалиции, как на один из второстепенных объектов дипломатических интриг и стратегических расчетов.

На примере ирландских событий конца XVIII века Маркс и Энгельс еще раз раскрыли отвратительные черты английского колониализма, в частности его кровавые методы расправы с освободительным движением в угнетенных странах. В этом отношении основоположники марксизма особо показательной считали ирландскую политику правящих классов Англии в период ирландского восстания 1798 г. и проведения унии 1801 года. Главными вдохновителями и проводниками этой политики были английский премьер — лидер тори Уильям Питт-младший и его непосредственные помощники: наместники Кэмден, позднее (с 1798 г.) Корнуоллис, главный секретарь по делам Ирландии (с 1797 г.), известный реакционный деятель Каслри, Бересфорд и другие представители английской буржуазно-аристократической олигархии.

Питт и его коллеги добивались полного уничтожения всех элементов сопротивления английскому господству и искоренения всякого якобинского влияния на «Зеленом острове». Они жаждали приковать Ирландию более прочными цепями к Англии, ликвидировав всякие следы автономии. С этой целью была пущена в ход заранее придуманная система репрессий и провокаций, широко использовались подрывные методы, шпионаж, предательство и т. д. «*Система доносов* была в полном расцвете»,— отмечал Маркс[2]. Питт сознательно стремился вызвать

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 231.

[2] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

революционную вспышку в Ирландии в удобный для него момент, чтобы потопить в крови революционное крыло национального движения и осуществить свои замыслы в отношении англо-ирландской унии. «Г-н Питт хорошо знал,— с гневом писал ирландский демократ Митчел,— что если не будет восстания, не будет и унии» [1]. Маркс прямо указывал, что план Питта состоял в том, чтобы *«насильно вызвать и спровоцировать восстание»* [2], а потом свирепо подавить его. Он сравнивал политику Питта с действиями тюдоровских колонизаторов Ирландии времен Елизаветы I Маунтджоя и Кэрью (конец XVI века), отличавшихся особой жестокостью и коварством [3]. Он проводил также аналогию между ирландской политикой Питта и вероломным поведением Пруссии по отношению к Польше накануне второго раздела Речи Посполитой в 1793 г., когда прусское правительство и агенты прусского короля всячески толкали поляков на конфликт с царской Россией, чтобы создать предлог для совместной с царизмом интервенции в Польшу и захвата польских территорий [4].

В соответствии с замыслами Питта в Ирландии была приведена в действие система репрессивных и карательных мер, имеющих целью накалить обстановку и довести возбуждение до крайности. Наступление контрреволю-

---

[1] *J. Mitchel.* «History of Ireland», vol. I, p. 387 (подчеркнуто Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340).

[2] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[3] Подробно об этом см. *Ю. М. Сапрыкин.* «Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв». М., 1957 и *М. С. Осипова.* «Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII вв.)». М., 1962.

[4] См. *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века». Касаясь политики Пруссии в польском вопросе, Маркс пишет: «Из Берлина в Польшу были посланы эмиссары с тем, чтобы основать там якобинский клуб и создать предлог для введения новых войск» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597). В недавно опубликованной на языке оригинала рукописи «Польша, Пруссия, Россия» Маркс, характеризуя политику прусского короля Фридриха-Вильгельма II в польском вопросе, подчеркивает «предательство Пруссии», «низость Пруссии по отношению к Польше» (см. *Karl Marx.* «Manuskripte über die Polnische Frage (1863—1864)». Leiden, 1961, S. 120—125).

ции началось еще с запрещения в 1793 г. волонтерской организации, а вслед за тем и общества «Объединенные ирландцы» (в 1794 г.). Грубым провокационным актом правительства Питта было назначение в январе и внезапное отозвание в апреле 1895 г. из Ирландии либерального наместника Фицуильяма, посланного туда якобы для «умиротворения» страны. Как отмечает Маркс, Питт избрал его «в качестве орудия для того, чтобы возбудить ирландцев, разжечь их страсти и толкнуть их на восстание»[1]. На место Фицуильяма, успевшего только провозгласить намерение провести некоторые реформы, был назначен ярый реакционер Кэмден, который своими репрессиями довел обстановку в стране до крайнего накала. Арестами ирландских деятелей, запрещением их газет, проведением полицейского «акта о мятежах» и других чрезвычайных законов, вводивших фактически осадное положение, этот прислужник Питта открыл в Ирландии полосу неслыханного полицейского террора. Страна была наводнена военщиной, вводились военно-полевые суды, широко применялся как полицейская мера военный постой. Судебные процессы и казни ирландских патриотов начались еще задолго до восстания. В Англии Питт в 1797 г. воспрепятствовал обсуждению в парламенте вопроса об «умиротворении» Ирландии под фарисейским предлогом, что это означало бы «посягательство на ирландскую независимость»[2].

Действуя по принципу древнеримских завоевателей «разделяй и властвуй», Питт всячески разжигал национальные и даже классовые противоречия. Он пытался отколоть от национального движения не только протестантскую аристократию и буржуазию, но и католическую верхушку. Этой цели служили демагогические обещания «эмансипации католиков» (предоставления им пассивного избирательного права), так и оставшиеся невыполненными, заигрывание с высшим католическим духовенством. В то же время католические массы снова подверглись, как и во времена расцвета карательного

---

[1] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[2] Там же.

законодательства, погромной травле. Еще с середины 80-х годов в Ольстере начались бесчинства вооруженных банд так называемых «предрассветных парней» (так их называли за ночные нападения на свои жертвы), навербованных с помощью агентов правительства протестантскими лендлордами из числа их челяди. В 90-е годы они оформились в «Орден оранжистов» (назван так в честь кумира протестантов Вильгельма Оранского). Еще в 1858 г. Маркс отмечал, что объектом бандитских налетов этой контрреволюционно-расистской организации, предшественницы американского «Ку-Клукс-Клана», было прежде всего ирландское крестьянство, создавшее в свою очередь для борьбы с ними отряды «защитников» («дефендеров») [1]. Во время подавления восстания 1798 г. оранжистские банды и местная милиция — йомены, науськиваемые английскими властями, свирепствовали, как указывал Энгельс, еще больше, чем регулярные английские войска [2].

Расправа с повстанцами отличалась варварской жестокостью. Смертные приговоры были вынесены почти всем главарям общества «Объединенные ирландцы», в том числе схваченному на борту плененного французского фрегата Уолфу Тону. Широко применялись изощренные пытки при допросах. Многих повстанцев пытали и убивали на месте без всякого следствия и суда. «С инсургентами во время вооруженной борьбы обращались не как с солдатами,— отмечал Маркс,— их вешали». «Каждый коттедж,— указывал он на действия военщины против мирного населения,— сжигался лоялистами, каждый коттер подвергался пыткам» [3]. Энгельс в выписках из книги Уэйкфилда отмечал, что усмирители воскресили тот истребительный девиз, с которым совершали свои «подвиги Маунтджой, Кромвель и другие». «Итак, снова истребление!» — писал он [4]. Имея в виду белый террор,

---

[1] См. *К. Маркс.* «Возбуждение в Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 689—690).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Баррингтона «Очерки о моем времени» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2524).

[3] *К. Маркс.* «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597).

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2589, 2598.

организованный Питтом, и применение им других варварских методов удушения национально-освободительного движения, Маркс назвал его политику в Ирландии «гнусной» [1].

Марксом были ярко показаны те способы, с помощью которых Питт и его подручные Корнуоллис и Каслри провели унию (вступила в действие с 1 января 1801 г.). Для этой цели в ход было пущено все: запугивание, грубый нажим (в 1800 г., через два года после восстания, в Ирландии продолжали еще действовать военные суды и сохранялся режим осадного положения), подкуп, шантаж, фабрикация новых парламентских мест для увеличения голосов за унию и т. д. В заглавие соответствующего раздела своих «Выписок по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» Маркс ввел характерные слова: «Мошенничество с унией» [2]. Целиком был вскрыт Марксом колонизаторский характер унии, означавший дальнейшее укрепление колониального господства Англии. Маркс подчеркивает, что аналогичные планы подчинения Ирландии входили в свое время еще в замыслы таких ее покорителей, как Кромвель и Монк. «Английское правительство,— отмечается у Маркса,— проведением унии, которая означала уничтожение ирландского законодательства, преследовало лишь одну цель: лишить Ирландию ее политических прав и влияния и подчинить ее достояние и народ власти Англии» [3]. Посредством унии у Ирландии было отнято то слабое средство защиты от колонизаторских поползновений английской буржуазии и аристократии, которое давало ей наличие собственного, хотя и антидемократического, парламента. С ликвидацией этого парламента Ирландия оказывалась подчиненной не только английским властям, но и большинству в английском парламенте (для отвода глаз ирландцам было предоставлено в нем известное число мест). Недаром после принятия унии немедленно были отменены установленные дублинским парламентом пошлины, ограждавшие появившиеся слабые ростки

[1] Маркс — Энгельсу, 10 декабря 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 231).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597.

[3] Там же.

ирландской промышленности от английской конкуренции. «Как только акт об унии вступил в силу, естественным последствием было то, что ирландская промышленность постепенно исчезла»[1].

Подавление национального движения в Ирландии и проведение унии 1801 г. имели неблагоприятные последствия не только для одной Ирландии. Угнетение «Зеленого острова», как подчеркивали Маркс и Энгельс, и на этом историческом этапе не прошло бесследно для самой Англии. Оно укрепило позиции наиболее реакционных кругов правящей олигархии и в значительной мере обрекло Англию на десятилетия контрреволюционного хозяйничания торийской клики, расчистив путь к руководящим постам в правительстве реакционерам типа Каслри. Одна из причин антидемократического направления в развитии страны вплоть до 1832 г. (когда была проведена первая парламентская реформа) коренилась в колониальном подчинении Ирландии. Здесь снова с полной силой проявилось действие раскрытых Марксом и Энгельсом исторических закономерностей, существо которых было выражено в их знаменитом тезисе: угнетение колоний питает реакцию в самой метрополии, не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

* * *

В работах Маркса и Энгельса дано научное освещение основных проблем истории Ирландии XVIII века. В них раскрыты характер, методы и последствия английского господства в этой стране, выявлены экономические и политические основы колониальной эксплуатации Ирландии английской аристократией и буржуазией, прослежены социальные процессы, происходившие на «Зеленом острове» на протяжении всего XVIII столетия, дана характеристика и всех основных политических событий. Своими исследованиями Маркс и Энгельс не только заложили фундамент подлинно научного, материалистического освещения истории Ирландии, но и внесли значительный вклад в раскрытие многих сторон истории самой

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 470).

метрополии, истории английского капитализма и его колониальной системы. На примере Ирландии XVIII века, особенно его последних десятилетий, они показали, что уже на этой ранней своей стадии колониализм порождает мощные силы сопротивления в виде массового освободительного движения угнетенного народа.

Большое значение имеют работы Маркса и Энгельса для разоблачения фальсификации истории Ирландии в реакционной буржуазной исторической литературе. Исследования основоположников марксизма прежде всего разоблачают типичные для буржуазной историографии, особенно современной, попытки затушевать колониальную природу того режима, который был создан английскими господствующими классами в Ирландии. Буржуазные историки, как правило, рассматривают англо-ирландские отношения отнюдь не как отношения между метрополией и колонией, в лучшем случае (например, Данлоп[1]) признавая наличие в действиях английского правительства лишь элементов колониальной политики. Так, например, ирландский историк-экономист Дж. О'Брайен разрушение ирландской промышленности английскими колонизаторами стремится объявить всего лишь плодом меркантилистских заблуждений тогдашних государственных деятелей Англии[2]. Один из новейших специалистов по маскировке колониализма в прошлом и настоящем Э. Уокер в своей работе «Британская империя, ее структура и дух» утверждает, что колонией Ирландию можно считать только до 1801 г., а с принятием англо-ирландской унии она вообще перестала быть «частью заморской империи» и была «растворена» в Соединенном королевстве Великобритании и Ирландии[3]. Апологетическая английская историография вообще отрицает колонизаторскую сущность унии. Упомянутый колониальный чиновник Р. Мартин цинично изображал ее как благодеяние для ирландского народа[4].

---

[1] *R. Dunlop.* Op. cit, p. 133—135.

[2] *G. O'Brien.* Op. cit, p. 382—383.

[3] *E. A. Walker.* «The British Empire, its Structure and Spirit». London—New York, 1943, p. 35.

[4] *R. Martin.* «Ireland before and after the Union with Great-Britain». London, 1843, p. 35.

Современный английский историк Н. Мансерг также пытается представить унию как чрезвычайно полезный акт для Ирландии, хотя и проведенный не совсем благовидными методами [1].

В трудах Маркса и Энгельса содержится богатейший материал для опровержения подобной злостной и фальшивой апологетики колониализма. Своими исследованиями основоположники марксизма не оставили камня на камне от всякого рода попыток приукрасить действия английских колонизаторов в Ирландии, завуалировать хищническо-эксплуататорскую сущность их политики. Разоблачили они и легенду о добровольном якобы характере тех уступок, которые Англия была вынуждена сделать ирландской колонии в 80—90-х годах XVIII века. Это тем более важно отметить, что вымыслы о «великодушии» колонизаторов, о «добровольном отказе» их от колоний сделались в наши дни лейтмотивом современной идеологической защиты колониализма [2]. На примере введения и ликвидации англичанами парламентской автономии в Ирландии в конце XVIII века Маркс и Энгельс показали подлинную цену обновления методов колониального господства. Даже вынужденные уступки колонизаторов, подчеркивали они, часто становятся «дарами данайцев», несущими в себе еще большие бедствия, если не довести борьбу с колониализмом до полного освобождения страны.

Истинное лицо английских колонизаторов, кровавую роль колониализма как душителя свободы народов Маркс и Энгельс ярко показали на примере свирепой расправы Англии с ирландским национально-освободительным движением.

Своими исследованиями основоположники марксизма раскрыли особенности процесса формирования ирландской нации и развития ирландского национально-освободительного движения, внеся тем самым вклад в теоретическую разработку национально-колониального вопроса.

Маркс и Энгельс считали глубоко прогрессивным фактором борьбу ирландского народа за национальное

---

[1] *N. Mansergh.* «Britain and Ireland». London, 1947, p. 27.

[2] См. об этом: *Б. А. Шабад.* «Идеологические основы современного колониализма». М., 1961.

освобождение, сочетавшуюся с борьбой ирландского крестьянства против пережитков феодализма. По своему социальному содержанию, как и по своим масштабам, движущим силам, лозунгам эта борьба приобрела к концу XVIII века характер назревавшей буржуазно-демократической революции («революции 1798 г.», как называл ее Маркс[1]), призванной освободить ирландское крестьянство от помещичьего гнета и покончить с национальным порабощением страны. Подавление восстания 1798 г. прервало этот процесс развертывания буржуазно-демократической революции. Однако с тех пор Ирландия прочно встала на путь борьбы за буржуазно-демократические преобразования и освобождение от национального гнета. Именно эту борьбу имел в виду В. И. Ленин, когда он писал: «Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»[2].

Силу и успех национального движения Маркс и Энгельс обусловливали степенью активного участия в нем народных масс, революционный метод разрешения национального вопроса они противопоставляли либерально-компромиссному. Уроки ирландских событий конца XVIII века, подчеркивали они, говорят о том, что путь к свободе лежит через национально-освободительную революцию. Само поражение ирландцев в 1798 г. свидетельствовало, по их мнению, о необходимости еще более решительной борьбы, ибо оно объяснялось отнюдь не бесперспективностью движения, а его тогдашними слабостями, преодолимыми в других исторических условиях, а главное — отсутствием в то время у него надежного союзника. Таким союзником не стала и не могла стать пришедшая к власти в результате буржуазной революции французская буржуазия.

Действительной опорой национально-освободительного движения мог быть только рабочий класс — после-

---

[1] *К. Маркс.* «Набросок доклада по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 года» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 465).

[2] *В. И. Ленин.* «Критические заметки по национальному вопросу» (Соч., 4 изд., т. 20, стр. 18).

довательный защитник интересов угнетенных наций. К этому выводу подводили и работы Маркса и Энгельса по истории Ирландии XVIII века.

Таким образом, эти работы вскрывают исторические предпосылки национально-освободительной революции против колониализма. В них были подмечены тогда еще далекие, но уже представавшие перед проницательным взором основоположников марксизма перспективы победы этой революции в будущем — победы, которая была завоевана в эпоху гегемонии рабочего класса в мировом освободительном движении, утверждения социалистической системы, кризиса капитализма и краха его колониальной системы.

В. В. ГАЛКИН

БОРЬБА ЧАРТИСТОВ ЗА СОЗДАНИЕ МАССОВОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В АНГЛИИ В 1853—1854 ГОДАХ

Чартистское движение в Англии давно привлекало и продолжает привлекать внимание многих советских и зарубежных историков. Написано большое количество монографий, брошюр, статей, очерков, посвященных истории чартизма, даны ответы на многие вопросы, связанные с историей движения.

Однако до недавнего времени внимание большинства исследователей было обращено в основном на изучение первых этапов истории чартизма, до 1848 года. В историографии чартизма период 50-х годов, как правило, рассматривался очень бегло, в общих чертах и в целом оставался не изученным. Некоторые историки пришли к совершенно неверному выводу, рассматривая этот период как малоинтересный эпилог чартистского движения, не содержавший якобы в себе ничего примечательного. Но если анализировать историю движения не только с точки зрения основных событий массовой борьбы за Хартию, а изучать развитие идеологии чартизма, то период 50-х годов представляется особенно важным и интересным, так как он обнаруживает совершенно новые черты движения, выразившиеся в том, что под влиянием Маркса и Энгельса чартизм в теоретическом отношении поднялся на более высокую ступень, вобрав многое из революционного учения основоположников научного коммунизма. То же самое надо отметить и в отношении тактики борьбы чартистов за создание массовой рабочей партии.

За последние годы произошли заметные сдвиги в области изучения истории чартистского движения на его последнем этапе. Заслуга в этом в значительной мере принадлежит советским историкам. Существует ряд работ советских авторов, в которых освещены различные стороны истории чартизма 50-х годов XIX века[1]. Но ряд вопросов еще требует своего дополнительного исследования. В частности, к ним относится и вопрос о деятельности чартистов в 1853—1854 гг., которая безусловно заслуживает самого пристального внимания.

В эти годы наряду с широким забастовочным движением, прокатившимся по всей Англии, наблюдается — впервые после выступления в 1848 г. — значительное оживление чартистского движения. Агитация чартистов,

---

[1] Прежде всего следует указать на книгу Б. А. Рожкова «Чартистское движение». М., 1960, большая часть которой посвящена периоду 1848—1854 годов. Ему же принадлежит ряд статей: «О программе чартистского конвента 1851 г.» («Вопросы истории» № 2, 1957); «К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов» («Новая и новейшая история» № 3, 1959); «Важный этап борьбы чартистов за единство рабочего класса (1851—1853)» («Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС». М., 1958, вып. 33).

В 1960 г. вышла в свет монография М. И. Михайлова «Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата». М., 1960. Автор посвятил специальную главу важному вопросу о связях Маркса и Энгельса с чартистами в 1849—1852 годах. В 1961 г. в сборнике «Чартизм» была опубликована статья Л. И. Гольмана о влиянии К. Маркса на формирование взглядов Э. Джонса по колониальному вопросу в 50-е годы.

Исследованию вопроса о связях Маркса и Энгельса с чартистами и их борьбе за возрождение чартизма в 50-х годах посвящен также ряд статей автора настоящего очерка: «Маркс и Энгельс в борьбе за возрождение революционного чартизма в начале 50-х годов XIX в.» («Новая и новейшая история» № 3, 1958); «Сотрудничество Маркса в «People's Paper» в 1852—1853 гг.» (сб. «Чартизм», изд. АН СССР. М., 1961). «Эрнест Джонс» (сб. «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961); «К вопросу об оживлении чартистского движения в 1855 году» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 3, 1959).

Следует отметить, что ряд вопросов, связанных с историей чартизма 50-х годов XIX в., был исследован в связи с подготовкой 2 издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и нашел свое отражение в научно-справочном аппарате 7—12, 27—29 томов Сочинений.

благодаря близости чартистского лидера Э. Джонса к Марксу и Энгельсу и идейному влиянию основоположников научного коммунизма, а также в силу изменившейся исторической обстановки, получает новое направление, приобретает новый революционный смысл. В отличие от предыдущих лет чартисты пытаются теперь сочетать политическую борьбу с экономической, с борьбой за удовлетворение повседневных материальных нужд трудящихся, стремятся создать самостоятельную массовую рабочую организацию, во главе которой находился бы регулярно собирающийся Рабочий парламент. Исследование, в частности, вопроса о Рабочем парламенте, созванном по инициативе чартистов в марте 1854 г., позволяет раскрыть одну из интереснейших страниц в летописях истории английского рабочего движения середины 50-х годов прошлого столетия[1]. Однако в целом этот вопрос еще не получил достаточно широкого освещения в исторической литературе. Еще слабо изучена сама история движения за Рабочий парламент, нет необходимого анализа и оценки исторических условий, в которых протекала борьба за его созыв, а также той программы, которая была принята на его заседаниях в марте 1854 года. Недостаточно обстоятельно изложена позиция Маркса в вопросе о Рабочем парламенте, что также является существенным пробелом.

Попытка осветить главным образом эти стороны вопроса составляет основную задачу настоящего очерка.

* * *

Основой для борьбы чартистов за создание массовой рабочей организации послужило широкое стачечное движение, начавшееся в Англии летом 1853 года.

---

[1] Вопрос о причинах созыва Рабочего парламента уже частично рассматривался в некоторых работах советских и зарубежных историков. См. брошюру В. Э. Куниной «Чартистское движение в Англии». М., 1959; ее же заметку «Об изучении вопроса о Рабочем парламенте» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» № 1, 1958) и статью «К оценке деятельности Роберта Оуэна Марксом» (там же, № 3, 1959); *R. Groves*. «But we shall rise again? A Narrative History of Chartism». London, 1938; его же статью «Marx and the Labour Parliament of 1854» («Labour Monthly» № 3, 1930); *F. E. Gillespie*. «The Labour and Politics in England 1856—1867». Durham, 1928, p. 54—55.

К середине 1853 г. английское промышленное производство шагнуло далеко вперед. Обладая передовой, технически оснащенной промышленностью, самым мощным торговым и военно-морским флотом, Англия в экономическом развитии значительно опередила к этому времени другие страны и установила свое безраздельное господство на мировом рынке.

Промышленная буржуазия, используя монопольное положение Англии и беспощадно эксплуатируя ее громадные колониальные владения, извлекала баснословные прибыли, за счет которых наживала колоссальные богатства и все более активизировала свою торговую и промышленную деятельность [1]. Но вместе с тем, несмотря на рост торговли и промышленности, заработная плата подавляющей массы английских рабочих в общем оставалась неизменной, а в ряде промышленных центров не превышала уровень, до которого она понизилась во время экономического кризиса 1847 года [2].

Понижение заработной платы в 1847 г. послужило одной из причин массовой эмиграции рабочего населения из Англии в другие страны, особенно усилившейся

---

[1] Согласно отчетам фабричных инспекторов, только в одном Ланкаширском промышленном округе в течение 1851 и 1852 гг. насчитывалось 129 пущенных в ход новых фабрик, что позволило дополнительно занять в хлопчатобумажной промышленности не менее 24 000 человек. Всего же за три года с 1851 по 1853 г. в Ланкашире было введено в строй 270 новых хлопчатобумажных фабрик, благодаря чему в производстве было занято дополнительно около 40 тысяч человек (см. «Reports of the Inspectors of Factories». Half Year ending 31-st October 1852, p. 23 and Half Year ending 31-st October 1853, p. 14).

Расширение производства наблюдается и в других отраслях промышленности. В 1840 г. в Англии насчитывалось 402 доменные печи, выплавлявшие 1 396 400 тонн чугуна, а в 1852 г. уже действовало 655 печей, причем выплавка достигла 2 701 000 тонн. Большое число рабочих привлекалось также в широко развернувшееся в эти годы железнодорожное строительство. Протяженность железных дорог с 838 миль (1840 г.) увеличилась в 1854 г. до 8 054 миль (см. «Haydn's Dictionary of Dates». Ld., 1873, p. 367, 557; *Mulhall*. «The Dictionary of Statistics». Ld., 1889, p. 495).

[2] В 1847 г. фабриканты во многих отраслях промышленности провели снижение заработной платы рабочим на 10%, а в ряде случаев даже на 25%.

в связи с открытием золота в Австралии и Калифорнии [1]. Последствия эмиграции в свою очередь не замедлили оказать заметное влияние на рынок труда. Эмиграция рабочих и расширение промышленного производства способствовали сокращению числа безработных.

Эти факторы породили в рабочих уверенность в том, что они могут добиться улучшения своего экономического положения.

Однако требования повышения заработной платы объяснялись не только торгово-промышленным процветанием и эмиграцией. Другой весьма существенной причиной этого явилось резкое повышение в 1853 г. цен на товары широкого потребления и особенно на продукты питания, вследствие чего реальная заработная плата рабочих значительно сократилась [2].

Естественно поэтому, что в оправдание своих требований о повышении заработной платы, рабочие, как правило, ссылались на дороговизну необходимых продуктов питания, стоимость которых в 1853 г. нередко превышала их недельный заработок.

Летом 1853 г. стачечное движение рабочих за повышение заработной платы приняло в Англии повсеместный и массовый характер. В одном только Ливерпуле в июне бастовало 5000 рабочих различных профессий. В Стокпорте сразу забастовало 35 000 человек, потребовавших повышения заработной платы на 10%. В июле и августе бастовали кузнецы, прядильщики и ткачи в Манчестере; ковровщики в Киддерминстере; углекопы в Рингвудских копях близ Бристоля; ткачи в Блэкберне и Даруэне; столяры-краснодеревщики в Бостоне; белильщики, аппретурщики, красильщики и ткачи в Болтоне и его окрестностях; ткачи в Бернали; рабочие шелкоткацкого

[1] Согласно различным официальным и неофициальным данным число ежегодно эмигрировавших из Соединенного королевства, начиная с 1847 г., выражается следующими цифрами: в 1847 г.— 258 270 человек; в 1848 г. — 248 089 человек; в 1849 г. — 209 498 человек; в 1850 г. — 280 849 человек; в 1851 г. — 335 966 человек; в 1852 г.— 368 000 человек (см. «The Economist», 12.II.1853, p. 168; «The Cambridge Modern History», vol. XI, 1909, p. 20).

[2] Сравнительную таблицу цен на товары первой необходимости за 1848—1853 гг. см. *Mulhall.* «The Dictionary of Statistics». Ld., 1899, p. 473—474.

производства в Спиталфилдсе; кожевенники в Ноттингеме; рабочие всех профессий в Бирмингемском округе и многих других местах [1].

В начале августа объявили забастовку лондонские докеры, потребовавшие у своих хозяев повышения заработной платы с 2 шилл. 6 пенсов до 3 шилл. в день, а также надбавку в 6 пенсов за каждый сверхурочно отработанный час. Общим требованием всех бастующих было повышение заработной платы, которая, как указывалось в отчетах стачечных комитетов, «не соответствует их труду» [2].

Ввиду того, что значительная часть рабочих не могла успешно сопротивляться своим хозяевам, не обратившись за поддержкой к своим товарищам-рабочим в других городах страны, эти последние, в свою очередь, выдвигали требование повышения заработной платы, чтобы прийти на помощь своим собратьям. Поэтому каждая крупная стачка неизбежно влекла за собой целую серию более мелких забастовок. Этот дух солидарности и взаимопомощи являлся отличительной чертой забастовочного движения 1853 года.

Первую победу одержали рабочие Стокпорта. Фабриканты были вынуждены уступить и опубликовали специальное заявление о повышении заработной платы рабочим на 10% [3].

Влияние этого успеха не замедлило сказаться на борьбе рабочих в других местах. Когда стало известно о результатах забастовки в Стокпорте, рабочие Падихема устроили грандиозную демонстрацию; несколько тысяч человек прошли с музыкой, флагами и плакатами по главным улицам города [4].

Все чаще стачки вызывали бурные митинги и многолюдные демонстрации и находили горячий отклик и поддержку во всех частях страны. Десятки тысяч рабочих самых различных профессий пришли в движение.

Создавалась явно благоприятная обстановка для активизации практической деятельности чартистской ор-

---

[1] «People's Paper», 2, 9.VII.1853.
[2] Там же.
[3] «People's Paper», 6. VIII. 1853.
[4] «People's Paper», 13. VIII. 1853.

ганизации. И чартисты решили использовать конфликт рабочих с предпринимателями для того, чтобы попытаться возродить революционную борьбу пролетариата. Однако условия, в которых чартистам предстояло действовать, к этому времени серьезно изменились. Настроения и помыслы значительной части английского рабочего класса были уже иными по сравнению с периодом 30—40-х годов. После поражения в 1848 г. чартизм утрачивает свой массовый характер. Репрессии обезглавили в значительной степени революционное рабочее движение, а массовая эмиграция, происходившая в связи с открытием золотоносных земель в Австралии и Калифорнии, нанесла английскому пролетариату невозместимые потери, поскольку эмигрировала наиболее активная в политическом отношении часть английских рабочих. От чартистского движения отошли наиболее отсталые слои рабочих, разочарованные неудачей петиции 1848 г., а часть мелкобуржуазных деятелей, примыкавших к чартизму, открыто перешла к сотрудничеству с буржуазными радикалами. Крах (осенью 1848 г.) Земельной компании О'Коннора разорил тысячи рабочих, вложивших в нее свои сбережения, что обусловило их отход от чартистского движения.

Все эти причины, а также экономический подъем в Англии, способствовавший сокращению безработицы, вели к усилению аполитичности широких слоев рабочего класса. Упадок политической активности, разброд в рядах английского пролетариата отразились и на самой чартистской организации. Общенациональное движение оказалось расколотым и раздробленным. Возникли изолированные друг от друга организации.

У. Ловетт при поддержке Лоури, Винсента и других основал Народную лигу, защищавшую союз между чартистами и буржуазными радикалами. Томас Купер создал Союз народной хартии, который поддерживался Гетерингтоном, Уотсоном, Холиоком и Коллетом. В своей агитации они встретили горячую поддержку со стороны буржуазных радикалов в парламенте, в том числе со стороны Кобдена и Брайта. Другая организация под названием Национальная чартистская лига была основана Кларком в противовес старой Чартистской

ассоциации. Бронтерр О'Брайен в конце 1849 г. основал ассоциацию под названием Национальная лига реформы.

Большинство этих организаций проявляли определенную тенденцию к сближению с буржуазно-радикальными элементами. Не было единства и в рядах собственно Национальной чартистской ассоциации. Численность ее состава резко сократилась. Если в 1842 г. количество членов Ассоциации достигало 50 тысяч человек, то в 1851 г. оно было немногим более 2 тысяч, а в 1852 г.— 1,5 тысячи человек [1].

Революционное крыло чартистов отказалось, однако, сложить оружие. Оно снова стремится поднять рабочий класс на политическую борьбу. Принятие чартистским конвентом в 1851 г. новой программы придало агитации революционных чартистов новое содержание и свидетельствовало о значительном теоретическом росте авангарда рабочего класса. В то время как для мелкобуржуазных участников чартистского движения вся борьба ограничивалась требованием всеобщего избирательного права, Джонс и его соратники, выражавшие интересы промышленного пролетариата, понимали, что в основу борьбы должно быть положено требование завоевания политической власти рабочим классом для дальнейшего социалистического преобразования общества.

Джонс понимал, что низкий уровень классового сознания основной массы рабочих требует широкой революционно-просветительной пропаганды, неутомимого разъяснения рабочим задач и средств борьбы против класса капиталистов. Анализ опыта классовых боев 1848 г., а также непосредственное влияние Маркса и Энгельса позволили Джонсу подойти к пониманию того, что важнейшей задачей является соединение рабочего движения с социализмом и образование на этой основе самостоятельной революционной рабочей партии.

Именно с этих позиций Джонс подходил к вопросу о возобновлении практической деятельности чартистов летом 1853 года. Весьма показательным в этом отношении является его письмо Марксу от 17 июня 1853 г., в котором содержится развернутая программа действий

[1] См. *R. G. Gammage*. «History of the Chartist Movement». 1898, p. 358, а также «People's Paper», 21.VIII.1852.

чартистской организации[1]. Это письмо свидетельствует не только о правильном понимании Джонсом конкретных задач, стоявших перед чартистами, и той объективной исторической обстановки, которой были обусловлены задачи, стоявшие перед рабочим движением, но и о глубоком идейном влиянии Маркса на вождя революционных чартистов.

Джонс объясняет упадок политической энергии английского рабочего класса после 1848 г. не случайными явлениями, а серьезными социально-экономическими факторами. К числу этих факторов Джонс относит прежде всего оживление промышленного производства в Англии, поредение чартистских рядов вследствие эмиграции, распад чартистской организации в результате заключения в тюрьмы 500 ее ведущих деятелей, а также «предательства и расколы 1848 года».

«Все это,— отмечает Джонс,— привело к тому, что национальное чартистское движение выродилось в изолированные действия, а чартистская организация захирела как раз в такое время, когда социальные знания получили широкое распространение».

После 1848 г. рабочее движение в Англии приобрело в основном экономический характер. Оно вылилось в форму разрозненных кооперативных начинаний, в борьбу за восстановление акта о десятичасовом рабочем дне, за ограничение времени работы машин, за повышение заработной платы, против систематической задержки ее хозяевами, а также за новое толкование закона о рабочих союзах, т. е. тред-юнионах.

«На эти меры, полезные сами по себе, направлена была вся энергия и внимание рабочего класса,— указывает Джонс,— однако печально видеть, как сила, которую можно было бы направить на коренные улучшения, тратится на временные паллиативы».

По мнению Джонса, выявившийся за последние годы провал попыток добиться законодательных гарантий для осуществления всех перечисленных мер «породил в умах английских рабочих более революционные настроения».

[1] Маркс приводит текст письма целиком в своей статье «Английское процветание.— Забастовки.— Турецкий вопрос.— Индия» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 9, стр. 138—140).

Это, в свою очередь, создало благоприятные условия для возобновления чартистской агитации и для объединения масс «под знаменем подлинной социальной реформы».

Этим благоприятным моментам, как отмечает далее Джонс, в значительной мере способствует также конкретно сложившаяся обстановка, когда «недовольство рабочих сочетается с известным ростом их силы благодаря относительному — в сравнении с происходящим оживлением в промышленности и торговле — недостатку рабочих рук...».

«Вот я и пытаюсь вместе с многочисленными друзьями добиться перестройки, используя этот весьма благоприятный момент для объединения рассеянных рядов чартизма на незыблемых принципах социальной революции».— Так была сформулирована Джонсом главная цель, которую ставили перед собой чартисты.

Агитация, писал далее Джонс, ведется уже во всех уголках страны: реорганизован ряд ранее бездействовавших местных чартистских групп; чартисты начали агитацию и в земледельческих округах среди сельскохозяйственных рабочих, стремясь объединить их с промышленным пролетариатом. Этой задачей, как указывает Джонс, «до сих пор наше движение пренебрегало».

Толчок движению должен был дать митинг на холме Блэкстон-Эдж (близ Манчестера), за которым последовали бы массовые митинги во всех промышленных графствах. В качестве основного требования чартисты намеревались выдвинуть требование принятия Народной хартии английским парламентом. При этом вопрос о Хартии должен был ставиться как вопрос об единственном средстве для осуществления подлинного социального преобразования общества. «С такой точки зрения,— отмечал Джонс,— вопрос о Хартии еще не ставился в палате». Требование Народной хартии выдвигалось не столько потому, что твердо верили в неизбежность принятия ее английским парламентом, сколько из тактических соображений.

«В случае отказа со стороны парламента,— писал Джонс Марксу,— пустые фразы лжелибералов и тори-филантропов будут разоблачены, и их последняя ставка на легковерие народа будет бита».

Безусловно, это был правильный расчет, так как многие рабочие в то время в известной мере были дезориентированы трескучей буржуазно-либеральной демагогией и не совсем ясно представляли себе, как и против кого им следует бороться.

Как и Джонс, Маркс вовсе не надеялся на то, что буржуазный парламент будет рассматривать чартистские петиции с требованием принятия Народной хартии. Но в то же время он считал, что чартисты придерживаются правильной тактики, и целиком их поддерживал.

Характеристика, данная в письме Джонса конкретной обстановке, а также тем средствам, с помощью которых чартисты намерены были добиваться своей цели, совпадала с мнением Маркса на этот счет. Поэтому Маркс не случайно привел в своей статье письмо Джонса целиком без каких-либо критических замечаний в качестве иллюстрации своих собственных взглядов, на что он вскоре указывал в статье «Русская политика по отношению к Турции.— Рабочее движение в Англии», опубликованной в «Tribune» [1].

Маркс внимательно следил за ходом чартистской агитации и развитием забастовочного движения в Англии, придавая им большое значение. Популяризируя на страницах «New-York Daily Tribune» деятельность чартистов, он в то же время указывал, что чартистская организация ни в коем случае не должна вести свою агитацию оторванно от происходящей борьбы английских рабочих со своими хозяевами, что нельзя игнорировать экономические требования рабочих и надо оказывать всяческую поддержку стачечникам, в то же время неуклонно проводя линию на соединение экономической борьбы рабочего класса с борьбой за политические цели.

Учитывая политическую апатию, охватившую к этому времени широкие слои английского рабочего класса, Маркс усматривал в забастовках, пока еще носивших исключительно экономический характер, важное средство для воспитания классового сознания пролетариата, пробуждения его к активной политической жизни, возможность завоевания рабочих масс на сторону революционного чартизма.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 175.

«Чтобы правильно оценить значение забастовок и рабочих союзов,— писал Маркс,— мы не можем позволить ввести себя в заблуждение тем обстоятельством, что их экономические результаты внешне незначительны,— мы должны иметь в виду прежде всего их моральные и политические последствия. Если бы не было сменяющих друг друга продолжительных фаз застоя, процветания, лихорадочного возбуждения, кризиса и крайнего упадка, через которые проходит современная промышленность в своих периодически повторяющихся циклах, если бы не было обусловленного этой сменой фаз повышения и понижения заработной платы, постояннной, тесно связанной с этими колебаниями заработной платы и прибыли, войны между хозяевами и рабочими, рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как и для рабов Древней Греции и Рима»[1].

Эрнест Джонс в своих статьях, печатавшихся в это время в «People's Paper», неоднократно подчеркивал, что чартисты смогут поднять рабочий класс на борьбу за Хартию только в том случае, если они будут разъяснять ему свою социальную программу и покажут, что ждет рабочих после завоевания политической власти[2].

При этом Джонс доказывал рабочим, что̀ борьба, которую они ведут за повышение заработной платы, за право на создание тред-юнионов, за 10-часовой рабочий день, за отмену так называемой truck-system (системы оплаты труда товарами),— полезная и необходимая борьба, но вместе с тем это борьба лишь за частичные текущие нужды рабочих, а не за коренные вопросы их социального освобождения.

«Мы приветствуем движение за 10-часовой рабочий день и за повышение заработной платы,— писал Джонс.— Но пусть нас не заподозрят в том, что мы усматриваем в этом радикальное средство для улучшения положения рабочих. Мы приветствуем это потому,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9. стр. 174—175.
[2] «People's Paper», 19. III. 1853; 25. VI. 1853.

что видим в этих требованиях подготовку, накопление оружия для предстоящей борьбы, той борьбы, которая должна привести к действительно радикальному средству — к установлению такой социальной системы, при которой рабочие будут работать на себя»[1].

Мы видим, что Джонс правильно понимал задачи, стоящие перед чартистской организацией и английским рабочим классом в целом. Он определенно отдает себе отчет в том, что нельзя ограничиваться лишь чисто политической агитацией среди рабочих, что политическую борьбу необходимо сочетать с борьбой экономической, с борьбой за удовлетворение повседневных материальных нужд; в то же время он подчеркивает, в противовес лидерам тред-юнионов, что полное социальное освобождение пролетариата возможно лишь после того, как он завоюет политическую власть.

Эту точку зрения лидеры чартистов Э. Джонс и Р. Гаммедж последовательно проводили в своих выступлениях на митинге, созванном на холме Блэкстон-Эдж (близ Манчестера) 19 июня 1853 года.

Маркс с большим удовлетворением отмечал, что, несмотря на неблагоприятную погоду, на этом митинге присутствовало около 3000 человек, и петиция Э. Джонса с требованием Хартии была единогласно одобрена, равно как и петиции, которые были представлены от имени собраний, состоявшихся в других местах Манчестерского округа. Участники митинга, несмотря на сильный дождь, до конца оставались на месте[2].

В статье, опубликованной в «New-York Daily Tribune» 14 июля 1853 г., Маркс цитирует почти целиком речь Джонса на митинге как образец революционной чартистской агитации.

Агитация чартистов находила живейший отклик не только в Англии, но и на континенте Европы и в Америке. В письме Марксу от 1 августа 1853 г. один из видных членов Союза коммунистов А. Клусс сообщал о том, что он внимательно ознакомился с выступлениями Джонса и Гаммеджа, содержание которых Маркс привел

---

[1] «People's Paper», 23.IV. 1853.

[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 175—176.

в своей статье в «New-York Daily Tribune». «Американская публика,— писал Клусс,— проявляет самый живой интерес к чартизму»[1]. На митинге в Блэкстон-Эдж Джонс сообщил о смерти Бенджамина Растона — рабочего, который всю свою жизнь посвятил делу рабочего класса и семь лет тому назад здесь же являлся председателем большого чартистского митинга. Джонс предложил превратить похороны Растона в большую политическую демонстрацию, связав эти похороны с чартистским митингом в Уэст-Райдинге, назначенном на тот же день 19 июля. Как сообщала затем «People's Paper», в демонстрации, устроенной в связи с похоронами Растона в Уэст-Райдинге, участвовало около 200—250 тысяч человек. «Демонстрация в Уэст-Райдинге в такое время, как теперь,— это событие общеевропейское по своей важности»,— отмечала газета[2].

Волна чартистских митингов прокатилась по всей Англии. В конце июня состоялись митинги в Тодмордене, Рочдейле и других местах. Митинг в Олдеме, один из наиболее многолюдных чартистских митингов, происходивших когда-либо в этой местности, одобрил резолюцию, в которой выдвигалось требование принятия билля о 10-часовом рабочем дне и Народной хартии, поскольку «невозможно осуществить социальное освобождение народа, пока он не будет иметь своих представителей в палате общин»[3]. Митинги состоялись также в Брадфорде, Диргаме, Дарлингтоне, Мидленде, Манчестере, Падеи и Бейкепе и других городах. На митинге округа Мидленда, состоявшемся на горе Маунт-Соррел 10 июля 1853 г., присутствовало около 6—7 тысяч человек[4]. По поводу чартистского митинга в Бирмингеме, состоявшемся 19 июля, «People's Paper» писала:

«Находившийся долгое время в состоянии апатии город Бирмингем пробудился, наконец, с новой энергией. Митинг с политическими целями, какого давно уже не видел этот город, состоялся во вторник вечером в Corn

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, ед. хр. 676.
[2] «People's Paper», 2. VII. 1853.
[3] Там же.
[4] «People's Paper», 16. VII. 1853.

Exchange. Митинг был настолько многолюдным, а энтузиазм присутствующих был настолько велик, что Бирмингем обещает снова стать одним из главных опорных пунктов чартизма» [1].

В августе чартистские митинги состоялись в Лондоне и Челтенгейме. В Челтенгейме чартисты устроили демонстрацию, в которой приняло участие 1000 человек. 22 августа был созван многолюдный чартистский митинг в Эдинбурге, главном городе Шотландии. Была принята резолюция в пользу Народной хартии, единодушно одобренная присутствующими. «People's Paper» отметила, что «число присутствующих достигало 8000—10 000 человек. Этот факт, разумеется, поразил тех, кто так часто объявлял о смерти чартизма» [2].

Одной из отличительных черт чартистской агитации было также и то, что она теперь распространялась и на сельскохозяйственный пролетариат. Чартисты видели в нем естественного союзника рабочего класса, что несомненно свидетельствовало о более глубоком понимании ими классовых интересов пролетариата и соотношения классовых сил в стране. Аргументы, которые приводили чартисты в подтверждение того, что они действуют в интересах сельскохозяйственных рабочих, что последние могут обрести свободу и изменить свое социальное положение к лучшему, только действуя совместно с чартистской партией, отличались простотой и убедительностью.

Обращаясь к сельскохозяйственным рабочим Британских островов со страниц «People's Paper», Джонс писал:

«Сельские рабочие Великобритании! Имеете ли вы представление об истинном положении вещей? Знаете ли вы, что ваше положение ничуть не лучше, чем положение спартанских илотов и индийских париев? Если вы этого не знаете, я вам объясню.

38 000 лендлордов ежегодно присваивают посредством земельной ренты 102 000 000 фунтов стерлингов... Число сельскохозяйственных рабочих в стране достигает

---

[1] «People's Paper», 23. VII. 1853.

[2] «People's Paper», 27. VIII. 1853.

700 000 человек. 102 000 000 ф. ст., разделенные между этими 700 000 рабочих, дали бы 142 ф. ст. дохода в год для каждой семьи. А что вы получаете? 7—8 или от силы 10 шиллингов в неделю, или, другими словами, 26 ф. ст. в год. Кто отнимает у вас остальные 116 ф. ст.? — Лендлордизм!

Рабочие,— все это вы получите, если будете иметь чартистское правительство» [1].

Чартисты стремятся распространить свое влияние и на Ирландию; они призывали ирландских рабочих подняться на борьбу за свои права и объединить свои усилия с чартистской партией. «Люди Ирландии! — писал Джонс в июле 1853 года.— Наступило время, когда вы должны взять дело своего освобождения в собственные руки; наступило время, когда доктрина политической свободы и социального права должна усиленно пропагандироваться и в вашей стране; наступило время, когда вы должны начать борьбу за землю, когда должна быть создана Национальная ирландская чартистская ассоциация и объединена с нашей организацией» [2].

Таким образом, отличительной чертой чартистской пропаганды и агитации в 1853 г. являлась идея объединения сил всего рабочего класса Англии и Ирландии.

И все-таки, несмотря на отдельные успехи, чартистская агитация летом 1853 года не нашла широкого отклика среди рабочих.

Главная причина неудачи коренилась в том, что рабочее движение этих лет в целом не выходило за рамки экономической борьбы. Основной формой рабочего движения становились тред-юнионы; тред-юнионизм как идеология завоевывал все более прочные позиции в английском рабочем движении.

Укреплению этих позиций способствовал успех многих стачек, организованных тред-юнионами. Борьба за достижение конкретных целей в рамках существующего строя отвечала недостаточному теоретическому уровню рабочих, которые не могли осознать необходимости вести борьбу за политические цели, казавшиеся им чем-то

---

[1] «People's Paper», 10. IX. 1853.
[2] «People's Paper», 23. VII. 1853.

отвлеченным. Все это вело к усилению реформистских иллюзий, стимулировавшихся деятельностью лидеров тред-юнионов и сторонников кооперативного движения.

В силу всех этих обстоятельств к осени 1853 г. чартистам стало очевидно, что им не удастся возродить на основе требования Народной хартии широкое политическое движение в стране. Тогда революционные чартисты попытались применить новую тактику.

Джонс и его товарищи осенью 1853 г. выдвинули план создания широкой массовой рабочей организации, которая сочетала бы экономическую и политическую борьбу пролетариата. Во главе этой организации должен был находиться регулярно созываемый Рабочий парламент.

Новая тактика была подсказана изменившимися конкретными условиями, в которых английские рабочие продолжали вести борьбу с предпринимателями за улучшение своего экономического положения осенью 1853 г. и в первой половине 1854 года. Требования рабочих натолкнулись на яростное сопротивление со стороны предпринимателей, не желавших теперь идти на уступки.

Если летом 1853 г. в ходе забастовок фабриканты в ряде случаев шли на уступки и рабочие получали известное удовлетворение своих требований, то с осени предприниматели стали в ответ на требования рабочих широко применять локауты.

В июле 1853 г. фабриканты Ланкашира с целью взаимной поддержки и совместной борьбы с рабочими образовали Ассоциацию содействия промышленности в деле прекращения волнений среди рабочих в Манчестерском промышленном округе, которая должна была:

1. Следить за установлением уровня заработной платы для различных отраслей прядильного и ткацкого дела в соответствии с уровнем, существующим в других районах хлопчатобумажной промышленности.

2. Оказывать взаимную поддержку членам Ассоциации при введении этого уровня в случае, если рабочие, занятые на том или ином предприятии, будут оказывать этому сопротивление.

3. Обеспечивать «в интересах самих рабочих» единообразие уровня заработной платы для всего Манчестерского промышленного округа.

При этом предусматривалось создание целой системы местных ассоциаций фабрикантов, которые были бы связаны между собой и возглавлялись бы центральным комитетом.

В резолюции, принятой на собрании фабрикантов 14 июля 1853 г., на котором присутствовали представители 350 фирм, прямо указывалось на то, что «члены этих ассоциаций будут сопротивляться всем требованиям со стороны объединенных групп фабричных рабочих, ибо всякая уступка им была бы вредна для интересов предпринимателей, рабочих и промышленности вообще»[1].

В октябре 1853 г. Ассоциация капиталистов уже включала почти всех предпринимателей Ланкашира. Члены Ассоциации установили высокие штрафы, которые должны были налагаться на хозяев фабрик или заводов, нарушивших устав или уступивших требованиям рабочих. В Манчестере, например, эти штрафы доходили до 5000 ф. ст., в Престоне — до 3000, в Болтоне — до 2000 фунтов стерлингов[2]. Уже самый факт создания широкого объединения капиталистов с целью борьбы против рабочих свидетельствовал о том, что борьба между рабочими и капиталистами достигла к осени 1853 г. значительной остроты.

Маркс и Энгельс с неослабным вниманием продолжали следить за всеми перипетиями все более обостряющейся классовой борьбы в Англии. В своих статьях, печатавшихся в «New-York Daily Tribune», Маркс обращал особое внимание на тот факт, что капиталисты теперь выступают против рабочих единым фронтом, что они «систематически готовят свой класс к войне против рабочего класса»[3].

Начало локаутам было положено престонскими фабрикантами. Ткачи и прядильщики Престона еще весной 1853 г. потребовали у своих хозяев возвращения им тех 10% к заработной плате, которые у них были отняты в 1847 году. При этом они отстаивали свое право на «объединение», т. е. на организацию тред-юнионов для за-

---

[1] «People's Paper», 16. VII. 1853.

[2] «The Times», 19. IX. 1853; *H. Ashwort.* «The Preston Strike». Manchester, 1854, p. 11.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 431.

щиты своих интересов. Фабриканты же дали согласие повысить заработную плату на 10% только при условии, что рабочие не будут вступать в тред-юнионы. Таким образом, встал вопрос о праве существования тред-юнионов вообще. В ответ лидеры тред-юнионов повели среди рабочих энергичную агитацию за безоговорочное принятие капиталистами выдвинутых требований.

В ходе борьбы тред-юнионам удалось добиться того, что в августе 1853 г. на всех фабриках в Престоне и его окрестностях прядильщикам повысили заработную плату. Из 35 промышленных фирм только 5 отказались удовлетворить требование рабочих, все остальные согласились повысить заработную плату на 10% [1]. Вскоре, однако, выяснилось, что повышение заработной платы не соответствовало уровню рыночных цен и в ряде случаев было проведено не на 10%, а на 8% или 9%. Рабочие потребовали справедливого решения вопроса и продолжали борьбу. Тогда 15 сентября 1853 г. фабриканты Престона выпустили обращение, подписанное тридцатью семью объединившимися фирмами, включая те, с которыми спор еще не был улажен, и те, которые уже заявили о своем согласии повысить заработную плату. В этом обращении было объявлено о закрытии фабрик и всеобщем локауте рабочих, ввиду якобы непомерных требований со стороны последних. 25 000 фабричных рабочих Престона оказались выброшенными на улицу [2].

Осенью 1853 г. Престон стал главным центром борьбы в Англии. Упорная борьба престонских рабочих с предпринимателями привлекла внимание всей страны.

К 15 октября большая часть денежных средств, которыми поддерживались локаутированные рабочие Престона, была израсходована, и поэтому борьба могла продолжаться лишь при условии поддержки рабочих Престона рабочими других городов. По всей стране началась кампания по сбору средств в поддержку локаутированных престонских ткачей и прядильщиков.

---

[1] См. *R. Howell.* «Labour Legislation, Labour Movement, and Labour Leaders», vol. I. Ld. 1905, p. 100, а также *H. Ashwort.* «The Preston Strike». Manchester, 1854, p. 10.

[2] «The Economist», 8. X. 1853, p. 1128.

Локауту подверглись не только рабочие Престона. Были закрыты также многие предприятия в Блэкберне, где 17 000 рабочих остались без работы [1]. То же самое происходило в Акрингтоне, Бернли, Бейкепе, Падигеме, Ньючерче, Роутенстейле и Манчестере. Общее количество локаутированных рабочих к концу октября 1853 г. насчитывало более 70 000 человек [2].

Основная причина локаутов и объединения фабрикантов для сопротивления требованиям рабочих коренилась в изменении промышленного и торгового положения Англии к осени 1853 года.

Вследствие огромных капитальных вложений в промышленность и торговлю и невиданного увеличения мощностей существующих и вновь строящихся предприятий, производство промышленных товаров в 1853 г. резко увеличилось по сравнению с предшествующими годами. Только в 1853 г. по сравнению с 1852 г. наблюдалось увеличение экспортной торговли на 20 000 000 фунтов стерлингов [3]. Это привело к известному затовариванию внутреннего и внешних рынков, которые оказались не в силах поглотить всю производимую продукцию.

Цены на сырье и отдельные товары начали катастрофически падать. Предложение росло, спрос уменьшался.

Избыток товаров сопровождался также известным нарушением валютного курса в стране [4].

В силу этих обстоятельств фабриканты идут на временное свертывание производства, приостанавливают работу своих предприятий, используя в качестве предлога обострение конфликта с рабочими. Маркс и Энгельс сразу же обратили внимание на это обстоятельство и придавали ему первостепенное значение при объяснении новой тактики предпринимателей в классовой борьбе [5]. Маркс указывал, что наступление определенной депрессии в промышленном производстве неизбежно отразится на положении рабочих. В случае если депрессия затянется, то пострадают больше всего от этого рабочие, и им при-

[1] «The Economist», 8. X. 1853, p. 1128.

[2] См. *G. Howell.* Op. cit., p. 103, а также «The Economist», 3. XII. 1853, p. 1352.

[3] См. «The Economist», 10. IX. 1853, p. 1014.

[4] См. «The Economist», 10. IX. 1853, p. 1014; 1.X. 1853, p. 1097.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 520—521.

дется вести борьбу уже не за повышение заработной платы, а за сохранение существующего уровня ее.

«Но тогда,— писал Маркс,— их деятельность быстро перейдет *в область политики,* и *новая организация — тред-юнионы,— завоеванная в ходе забастовок, приобретет для них огромное значение»* [1].

Исходя из этого своего твердого убеждения, Маркс соответственно определял и задачи чартистов в тот момент, считая, что явные признаки надвигающегося кризиса перепроизводства, наряду с происходящим острым конфликтом рабочих с предпринимателями, создадут новые благоприятные условия для их деятельности.

С наступлением очередного экономического кризиса Маркс и Энгельс связывали надежды на новый подъем революционного движения как на континенте, так и в самой Англии.

Руководители чартистской партии и особенно Эрнест Джонс внимательно прислушивались к мнению Маркса и в своей деятельности также в значительной мере исходили из вероятности наступления в ближайшем будущем промышленного кризиса в Англии [2].

На опыте забастовочной борьбы, проходившей летом 1853 г., чартисты убедились в том, какую огромную силу в рабочем движении приобрели тред-юнионы, которые являлись орудием борьбы рабочих за свои экономические интересы (поэтому-то рабочий класс защищал свое право на объединение всеми имеющимися средствами). Под давлением рабочего класса английский парламент был вынужден поставить в 1853 г. на обсуждение билль о рабочих союзах, который представлял собой новое толкование закона о союзах 1825 г. и ставил целью путем устранения трудной для понимания и двусмысленной терминологии этого закона добиться официального признания законности тред-юнионов [3].

Поэтому осенью 1853 г. чартисты ставят своей целью создание такой массовой организации, которая объеди-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 348.

[2] «People's Paper», 24. IX. 1853.

[3] Билль был принят палатой общин, но отвергнут палатой лордов.

нила бы в национальном масштабе и борьбу тред-юнионов, и борьбу за политические цели чартистов.

Вместе с тем чартистские лидеры хорошо понимали уже свойственные существующим тред-юнионам недостатки: их профессиональную замкнутость, кастовый дух и косность, высокомерное отношение к неорганизованным, преимущественно неквалифицированным рабочим, предубеждение против политической деятельности.

Критикуя аполитизм и реформистские тенденции тред-юнионов, Эрнест Джонс еще за два года до этого писал:

«Тред-юнионы неумышленно сыграли роль самого большого устоя нынешней системы. Они заставили рабочих поддерживать и защищать ее, внушая им веру, что их заработная плата может поддерживаться на должной высоте без всякой политической программы. Они являются одним из самых антидемократических учреждений нашего времени» [1].

Стремясь к сближению с тред-юнионами, чартисты рассчитывали в ходе совместных боевых действий вовлечь в активную политическую борьбу объединенных в тред-юнионы рабочих. Надеясь, что при условии наступления экономического кризиса практический опыт рабочих должен показать им недостаточность уступок, полученных летом 1853 г., чартисты стремились вывести борьбу тред-юнионов из узких рамок чисто экономической программы, старались распространить свои идеи в массах и тем самым придать рабочему движению политический характер.

Уже в начале октября Э. Джонс в одной из своих статей писал:

«Я вижу только три значительных движения, непрерывно увеличивающих свое влияние, силу и сплоченность. Это — движение за Хартию, тред-юнионистское движение и движение за 10-часовой рабочий день... В то время как эти три движения идут рука об руку друг с другом и не дают нашим классовым врагам окончательно уничтожить нас в социальном отношении, мы должны прокладывать для народа путь к политической власти. В то время как они оберегают нас от удара ножом в

[1] «Notes to the People», 1851, p. 422.

спину, мы должны неустанно бороться с врагом на своем главном фронте. Тред-юнионы и движение за 10-часовой рабочий день — это знамение эпохи и тех условий, в которых мы вынуждены вести борьбу, и хотя эти движения не отвечают полностью коренным интересам рабочего класса, они будут необходимы до тех пор, пока Хартия не станет законом...

Теперь наступило время сконцентрировать всю энергию на политических вопросах. Необходимо объединить все разрозненные рабочие союзы под одним флагом, организуя, концентрируя и дисциплинируя их в едином движении и в единых согласованных действиях» [1].

Вслед за этим были предприняты практические шаги для реализации этой тактики.

30 октября 1853 г. в большом зале Народного института в Манчестере состоялось собрание чартистов совместно с делегатами тред-юнионов от различных городов Англии. На собрании единогласно была принята резолюция: «Ввиду того, что объединенные усилия капиталистов направлены к тому, чтобы сопротивляться требованию справедливой оплаты за равный труд, выдвигаемому тред-юнионами, собрание считает, что настоящая борьба труда против капитала может привести к успешному исходу не иначе как через посредство объединенных и одновременных действий всех тред-юнионов и рабочих страны с целью оказания помощи доблестным рабочим Престона и близлежащих районов. Постоянные понижения заработной платы могут быть предотвращены только путем ниспровержения классовой монополии капиталистов, путем представительства рабочего класса в парламенте, т. е. путем проведения в жизнь Народной хартии — этого единственного средства, благодаря которому рабочий класс сможет издавать законы в своих интересах, сможет убрать с дороги все вредные элементы, получить в свое распоряжение средства производства, высокую заработную плату, дешевый хлеб, устойчивую торговлю и право трудиться на себя» [2].

---

[1] «People's Paper», 8. X. 1853.
[2] «People's Paper», 5. XI. 1853.

Маркс целиком поддерживал усилия чартистов, направленные на объединение сил рабочего класса в масштабе всей страны, что стало настоятельно необходимым перед лицом объединенного фронта предпринимателей.

«Обращаясь к рабочим,— писал Маркс в начале ноября 1853 г.,— мы можем только присоединиться к словам «People's Paper»»: «Если они [капиталисты.— *В. Г.*] закроют все фабрики в Ланкашире, посылайте делегатов в Йоркшир, ищите поддержки у доблестных рабочих Уэст-Райдинга. Если закроются фабрики в Уэст-Райдинге, обращайтесь к Ноттингему и Дерби, Бирмингему и Лестеру, Бристолю и Нориджу, Глазго и Киддерминстеру, Эдинбургу и Ипсвичу! Все громче и громче, все шире и шире пусть раздается ваш призыв! Объединяйте ваш класс в каждом городе, в каждой отрасли труда! Если предприниматели намерены выставить против вас все силы своего сословия, призовите в боевые ряды против них весь ваш класс. Если они хотят великой классовой борьбы, *пусть получат ее,* посмотрим, каков будет исход этой грандиозной схватки» [1].

Так постепенно, шаг за шагом, рожденная в конкретных условиях классовой борьбы, все более отчетливо выявлялась идея создания общенациональной пролетарской организации в Англии.

В ноябре 1853 г. чартисты выдвинули проект создания широкой рабочей организации — «Массовое движение», которая должна была объединить в масштабах всей Англии и тред-юнионы и неорганизованных рабочих, прежде всего с конкретной целью координации забастовок в различных районах страны. Эту организацию должен был возглавить периодически созываемый Рабочий парламент из делегатов, избранных на митингах неорганизованных рабочих и на собраниях тред-юнионов, примкнувших к «Массовому движению» [2].

Активная борьба чартистов за создание организации

---

[1] Маркс цитирует статью Э. Джонса «Что дешево и что дорого», опубликованную в «People's Paper» 29 октября 1853 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 457).

[2] *В. Э. Кунина.* «Об изучении вопроса о Рабочем парламенте» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» № 1, 1958).

«Массовое движение» началась с момента посещения Джонсом бастующих рабочих Престона[1].

Здесь, в центре забастовочной борьбы, Джонс 4 ноября 1853 г. выступил на огромном рабочем митинге, в присутствии почти 15 000 человек, с речью, в которой призывал их к объединению с рабочими других профессий, призывал не ограничиваться лишь достижением более высокой заработной платы, а бороться за свое полное социальное освобождение.

«Почему велась эта борьба? — указывал в своем выступлении Джонс.— Почему она ведется сейчас? Почему она возобновится в будущем? Потому, что источники вашей жизни закрыты рукой капитала, который осушает свой золотой кубок до дна, оставляя вам лишь осадок. Почему локаут, объявленный вам на фабрике, равносилен угрозе для вашей жизни? Потому, что у вас нет других фабрик, куда вы могли бы идти работать, нет других способов заработать себе на хлеб. Что дает капиталисту эту огромную силу? То, что он владеет всеми средствами найма труда... Средства труда являются, следовательно, тем краеугольным камнем, на котором основывается будущее народа... Только массовое движение рабочих всех профессий, общенациональное движение всего рабочего класса может привести к победоносному исходу... Если вы будете бороться, распылив свои силы по профессиям и по отдельным местностям, вы можете потерпеть поражение, если же вы поведете борьбу в общенациональном масштабе, вы безусловно победите»[2].

Митинг в Престоне принял резолюцию, которая одобряла идею создания «Массового движения» и призывала всех рабочих присоединиться к этой организации[3].

---

[1] Фабриканты всеми силами пытались воспрепятствовать поездке Джонса в Престон. Помещения для митинга с его участием найти было невозможно, и поэтому в Манчестере были отпечатаны специальные афиши, уведомляющие о том, что митинг соберется под открытым небом. Некоторые лица усиленно распространяли ложные слухи о том, что Джонс якобы намерен высказаться против стачек и посеять рознь среди рабочих. Были разосланы анонимные письма, в которых указывалось, что поездка Джонса в Престон может оказаться небезопасной для его жизни.

[2] «People's Paper», 12.XI.1853.

[3] Там же.

12 ноября 1853 г. в «People's Paper» было напечатано воззвание Джонса, в котором он предлагал, чтобы делегаты от рабочих всех профессий собрались в центре движения, в Манчестере, и заседали бы там до тех пор, пока не будет одержана победа. «Это было бы столь авторитетное и общедоступное выражение воли рабочего класса, что его услышал бы весь мир, а английскому парламенту пришлось бы делить с ним газетные столбцы. В период кризиса, подобного нынешнему, весь мир станет больше прислушиваться к словам скромнейших из этих делегатов, нежели к словам сановных старцев самой надменной палаты» [1].

Так началась агитация за Рабочий парламент, в ходе которой чартисты прилагали огромные усилия для того, чтобы преодолеть аполитичность большей части английских рабочих, объединенных в тред-юнионы, и уже явно определившуюся тенденцию к цеховой замкнутости этих тред-юнионов. В ряде случаев призывы чартистов находили живой отклик, особенно среди неквалифицированных рабочих. Свидетельством этому может служить большой рабочий митинг в Стокпорте, организованный чартистами 10 ноября 1853 года. На этом митинге один из рабочих предложил резолюцию, в которой, между прочим, говорилось:

«...Мы серьезно настаиваем на том, чтобы тред-юнионы, после того как окончатся происходящие ныне забастовки рабочих (безотносительно к тому, успешно или неуспешно для них), реорганизовались и перестроили свою программу в том смысле, чтобы они были способны *включить в сферу своей деятельности вопросы политики,* а именно требование проведения в жизнь документа, известного под названием Народной хартии, как основного закона страны» [2].

Большинство лидеров тред-юнионов весьма отрицательно отнеслось к проектам чартистов. Тред-юнионистские деятели стремились увлечь рабочих различного рода проектами создания кооперативных обществ, в которых,

---

[1] «People's Paper», 12. XI. 1853.

[2] «People's Paper», 19. XI. 1853. Такого же рода резолюция была принята на рабочем митинге в Олдеме 11 ноября 1853 года (см. там же).

мол, рабочие могут получить «полную долю» за свой труд. В этом отношении весьма характерна резолюция одного из собраний делегатов тред-юнионов в Престоне, опубликованная в «People's Paper» 15 октября 1853 г. и озаглавленная: «Проекты кооперативного производства». Этот документ гласил: «Мы верим, что фабричные рабочие не хотят находиться в состоянии непрекращающейся войны со своими хозяевами; они страстно желают жить в мире со всеми классами. Но тяжелое положение привело их к убеждению в том, что существующая несправедливая система отношений труда и капитала отнимает у них возможность пользоваться справедливой долей от прибылей в происходящем промышленном процветании... Поэтому установление более справедливой системы производства путем создания кооперативов стоит в центре внимания тех людей, которые желают содействовать счастью и благосостоянию миллионов трудящихся... После долгих размышлений мы решили создать кооперативные фабрики как единственное средство для улучшения социального положения рабочих...

Изложенный проект принят на собрании делегатов от всех округов промышленного района»[1].

Создание кооперативных рабочих обществ в Англии в начале 50-х годов шло очень быстрыми темпами. Если в 1850 г. их было не более 50, то два года спустя число их увеличилось до 250 с количеством членов около 150 тысяч человек[2].

В начале 50-х годов идея создания производственной и потребительской кооперации в условиях существующего капиталистического общества получила широкое распространение в английском рабочем классе и немало способствовала росту в нем реформистских иллюзий и отвлечению масс от революционной классовой борьбы. К сожалению, эта проблема еще недостаточно глубоко исследована в существующей исторической литературе.

Без учета этого фактора нельзя понять ни особенностей чартистской агитации за Рабочий парламент, ни характера самой программы Рабочего парламента.

---

[1] «People's Paper», 15. X. 1853.

[2] *F. E. Gillespie*. «Labour and Politics in England 1850—1867». Durham, 1927, p. 35.

Лидеры тред-юнионов хотели и в «Массовом движении» видеть такого рода организацию, которая главным образом занималась бы вопросом создания кооперативных обществ рабочих. Поэтому чартисты, поставив своей задачей создание общенациональной широкой рабочей организации, решили использовать эту тягу рабочих к кооперации и попытаться направить эти стремления по революционному пути. Конкретный исторический материал, почерпнутый нами из чартистской газеты «People's Paper», убедительно свидетельствует о том, что Э. Джонс и другие чартистские лидеры в период агитации за создание «Массового движения» и созыв Рабочего парламента занимали в принципе правильную позицию в вопросе о кооперации. Их согласие на включение в программу «Массового движения» мероприятий по организации кооперативных обществ выглядело как тактический ход, как своего рода плата за доступ к рабочим массам, объединенным в тред-юнионы. Сами же они открыто заявляли, что отнюдь не намерены отступать от своей политической программы, т. е. от Народной хартии и программы 1851 г., и, выступая на рабочих митингах, указывали на ограниченность и непрочность кооперативных объединений, если они создаются в условиях господства капиталистов и аристократии. Осенью 1853 г. чартисты методически и терпеливо старались внушить рабочим мысль о том, что они должны стремиться не к частным мелким уступкам со стороны капиталистов, не к временным паллиативным мерам, а бороться за свое полное политическое и социальное освобождение. Допуская, что в программе «Массового движения» должны быть предусмотрены мероприятия по организации кооперативных обществ, лидеры чартистов делали это сознательно, для того чтобы не оттолкнуть от себя рабочих, принимающих участие в кооперативном движении. Чартисты рассчитывали, что рабочие в ближайшее же время, как только разразится экономический кризис, на собственном опыте убедятся в бесплодности попыток обеспечить для себя через кооперацию достаточный уровень материальной жизни, придут к сознанию необходимости завоевания политической власти и будут добиваться осуществления Хартии.

Свою позицию чартисты полностью изложили на рабочем митинге в Манчестере, созванном по их инициативе с участием представителей тред-юнионов 20 ноября 1853 года.

В резолюции, принятой на этом митинге, указывалось, что рабочие, убедившись в бесполезности разобщенной борьбы за сохранение справедливого уровня заработной платы и освобождение труда, пришли к выводу, что наступило время, когда лишь объединенное и массовое движение рабочего класса, опирающееся на национальную организацию и возглавляемое единым руководящим органом, способно обеспечить не только необходимую помощь бастующим и локаутированным в настоящее время рабочим, но также дать им возможность в будущем «освободить труд от ига капитала»[1].

В этом решении, таким образом, была сформулирована идея создания единой в стране рабочей организации. Оно свидетельствовало о том, что отдельные представители тред-юнионов начали сознавать необходимость такой организации.

Далее в резолюции указывалось на то, что «массовое движение народа и создание национальной организации не предполагает и не должно предполагать вмешательства в дела существующих тред-юнионов и объединений рабочих». Такого рода уступка была сделана явно по настоянию тред-юнионистских делегатов, весьма ревностно отстаивавших прерогативы своих союзов. В резолюции было записано, что деятельность национальной рабочей организации, именуемой «Массовым движением», должна быть направлена «на централизацию, концентрацию и объединение всех сил рабочего класса, всей его массы в целом».

В специальном пункте резолюции указывалось, что для достижения намеченной цели необходимо созвать как можно скорее Рабочий парламент, который должен состоять из делегатов, избранных рабочими каждого города на специально созванных открытых собраниях. Рабочий парламент должен будет заняться организацией помощи бастующим или подвергшимся локауту рабочим.

---

[1] «People's Paper», 26. XI. 1853.

Для этой цели предусматривалось провести по всей стране сбор денежных средств. Рабочий парламент должен также выработать специальный план действий по осуществлению руководства борьбой рабочих с предпринимателями.

В резолюции предусматривалось также создание кооперативных рабочих объединений.

Таким образом, резолюция, принятая на митинге в Манчестере 20 ноября 1853 г., представляла собой как бы своеобразный компромисс между чартистами и тред-юнионами этого важнейшего экономического района.

Однако, идя на компромисс в вопросе о кооперации, чартисты на самом митинге продолжали отстаивать свои принципы, указывая на бесполезность попыток «освободить труд от ига капитала» в рамках существующего строя.

Руководитель стокпортской чартистской организации Джемс Уильямс, выступая на митинге, заявил:

«Труд должен иметь свою долю в прибылях. Но мы не сможем добиться этого стачками, и совершенно бесполезно думать, что мы сможем одержать победу над капиталистами, торговцами и держателями ценных бумаг в своих конторах. Мы должны победить их так же, как Лига против хлебных законов победила старую феодальную аристократию, т. е. путем законодательного акта [имеется в виду принятие Народной хартии.— *В. Г.*], проведенного через британский парламент. Причиной, почему труд не получает своей доли в прибылях, является то, что он не имеет политической власти. Дайте ему политическую власть, и он будет издавать законы в своих интересах» [1].

С блестящей речью на митинге выступил Джонс. Речь его по свидетельству Маркса была «самой замечательной» [2]. В своем выступлении Джонс, не называя прямо лидеров тред-юнионов, резко критиковал их теоретические взгляды, в частности, выдвинутый буржуазными экономистами пресловутый «закон спроса и предложения», которым широко руководствовались в своей практической деятельности тред-юнионисты.

---

[1] «People's Paper», 26. XI. 1853.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 533.

В простой и доходчивой форме Джонс показал истинное положение, которое занимают рабочие и предприниматели по отношению друг к другу при капиталистическом строе. «Ваш труд,— говорил Джонс, обращаясь к рабочим,— регулируется не законом предложения и спроса, а законом высоких цен на хлопок и низких прибылей. Закон предложения может быть верен, но закон жизни вернее. Закон спроса силен, но закон голода окажется еще более сильным.

Мы говорим, если один вид капитала — деньги — имеет право на прибыль, то и другой вид капитала — труд — также имеет на нее право; и труд имеет большее право, ибо труд создает деньги, а не наоборот. Что такое прибыль? Это — капитал, остающийся после вычета всех издержек производства. Заработная плата, которую вы получали до настоящего времени, составляет лишь часть издержек производства. Эта заработная плата, которая позволяет едва поддерживать душу в теле,— вовсе не вознаграждение за труд. Она представляет собой всего лишь необходимые издержки по содержанию человеческой машины в пригодном для работы состоянии» [1].

Подвергнув анализу действительное положение рабочих и объяснив, почему капиталисты всеми силами сопротивляются их требованиям, Джонс в своем выступлении блестяще аргументировал необходимость создания общенациональной рабочей организации. Объединение капиталистов против рабочих, говорил он, с каждым днем принимает все более широкие масштабы. В движении же самих рабочих царит хаос и сумятица, поскольку они действуют порознь и неорганизованно. Это происходит потому, указывал Джонс, что рабочие ограничивают свое движение тесными рамками одной профессии и одного округа. Это также была критика, направленная непосредственно в адрес руководителей тред-юнионов. Джонс достаточно ясно сознавал, что невозможно создать широкую и сплоченную рабочую организацию, не преодолев узкую цеховую замкнутость тред-юнионов и не вовлекая в движение широкие массы неорганизованных рабочих.

---

[1] «People's Paper», 26. XI. 1853.

Понимание и толкование Джонсом в его речи вопросов политической экономии, касающихся закона спроса и предложения, прибыли, заработной платы и т. д., в значительной мере приближались к взглядам Маркса.

Джонс и его сторонники, разъясняя рабочим существо вопросов, связанных с отношениями труда и капитала, стремились тем самым придать их борьбе теоретически осмысленный характер.

На манчестерском митинге был сделан первый практический шаг по созданию новой рабочей организации. Был избран Исполнительный комитет «Массового движения». В него вошли: Эдуард Кларк Кроппер (председатель), Эдуард Хусон (секретарь) и Робертс (казначей)[1]. В обязанность Комитета вменялось установление связей с различными городами и округами, принятие всех необходимых мер для созыва Рабочего парламента, подготовка и опубликование необходимых материалов, составление перечня вопросов, которые должны быть представлены на рассмотрение Рабочего парламента.

Через несколько дней после митинга в Манчестере Национальная ассоциация объединенных тред-юнионов опубликовала обращение к своим членам, призывая их оказать материальную поддержку бастующим рабочим Престона. Ассоциация также опубликовала проект программы Рабочего парламента, основной целью которого, как указывалось, было «выработать мероприятия, с помощью которых рабочие могут быть освобождены от непомерной власти капитала, стать независимыми, свободно распоряжаться своим трудом и получать за него должное вознаграждение без необходимости прибегать к забастовкам»[2].

К середине декабря 1853 г. Комитет «Массового движения» выработал план действий, в котором предусматривались сбор денежных средств посредством национальной подписки в фонд «Массового движения», необходимые меры для их справедливого и равномерного распре-

---

[1] Члены Комитета не были чартистами, но являлись известными для своего времени деятелями кооперативного рабочего движения. Кларк Кроппер был избран позднее делегатом Рабочего парламента от тред-юнионов Манчестера.

[2] «The Leader», 26. XI. 1853, p. 1136.

деления среди локаутированных и бастующих рабочих, а также координация борьбы рабочих в национальном масштабе[1].

Английская официальная и полуофициальная буржуазная пресса всячески стремилась сорвать агитацию за Рабочий парламент и не скупилась на всякого рода выпады по адресу чартистов.

Газета «Times» писала:

«Невозможно слушать о каком-либо проекте установления заработной платы, которая не подчинялась бы закону спроса и предложения, а также разговоры напыщенных социалистов об участии рабочих в прибылях... Вопрос о правах труда — это главная тема демагогов и тех лиц, которые отличаются крайним неуважением к капиталистам. Благосостояние рабочих должно зависеть от превышения уровня фактической заработной платы над прожиточным минимумом, а это превышение может быть увеличено только через увеличение капитала, благодаря предприимчивости капиталистов, общей заботе и стремлению со стороны народа улучшить свое положение»[2].

«Morning Chronicle» выдвинула в качестве аргумента в оправдание своей враждебной позиции «оригинальное» соображение, которое является ярким образчиком неприкрытой демагогии и фарисейства буржуазии.

«Поистине нет никакой необходимости,— писала газета,— созывать Рабочий парламент в такой стране, как Англия. Наши законы служат убедительным доказательством тому, что почти каждый парламент, который созывался с ранних времен английской истории, был в подлинном смысле слова рабочим парламентом и рьяно — хотя может быть и не всегда единодушно,— защищал интересы фабричных рабочих наряду с интересами предпринимателей»[3].

Буржуазная газета «Dispatch», касаясь выступления Джонса на рабочем митинге в Манчестере 20 ноября 1853 г., писала:

«Одним из главных ораторов на митинге в Манчестере был Эрнест Джонс, который является и главным

---

[1] «People's Paper», 10. XII. 1853.

[2] «The Times», 5. XII. 1853.

[3] Цитируется по «People's Paper», 10. XII. 1853, p. 5, col. 4.

агитатором за создание «Массового движения». Мы лично не питаем никаких враждебных чувств к этому джентльмену. Когда он был безжалостно приговорен к тюремному заключению, мы выступали даже в его защиту, но когда он говорит, что «капиталисты, эти казаки Запада», «всякий раз выжидают, подобно тиграм, благоприятного момента, чтобы неожиданным прыжком броситься на свою жертву», то мы вынуждены заявить, что он говорит явную бессмыслицу» [1].

Орган фритредеров журнал «Economist» также посвятил Рабочему парламенту ряд статей, нападая на его организаторов и пытаясь представить идею созыва его как вредную и ненужную затею. В одном из своих номеров «Economist» писал:

«У нас не вызывают опасений политические убеждения самого рабочего класса; но у нас действительно вызывают опасения и чувство протеста убеждения тех людей, которым рабочий класс позволил поймать себя в ловушку и выступать от своего имени» [2].

Однако все эти выпады против Рабочего парламента лишь подчеркивали, как указывал Маркс, «важность этого нового движения» [3].

В начале 1854 г., когда капиталисты провели ряд мер для расширения взаимной поддержки в происходившей борьбе и стали еще более непреклонными в отношении требований рабочих, в выступлениях чартистов все более определенно и чаще стала подчеркиваться мысль о том, что главной задачей Рабочего парламента является объединение всех английских рабочих, как класса, против класса капиталистов.

В новогоднем номере «People's Paper» Джонс писал:

«Эта газета была основана чартистами для Хартии и от этой главной цели она никогда не откажется. Флаг чартизма никогда не будет выпущен из наших рук. В то время как Рабочий парламент явится маяком, который предупредит нас от преждевременных актов насилия, чартизм должен стать звездой, которая светила бы нам постоянно...

---

[1] Цитируется по «People's Paper», 10. XII. 1853, p. 5, col. 4.
[2] «The Economist», 12. XI. 1853, p. 1267.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 9, стр. 532.

Каждый день приносит новые доказательства того, что необходимо расширять «Массовое движение» и как можно быстрее созвать Рабочий парламент. Если решение этого вопроса будет задерживаться, то повсюду, в том числе и в Престоне, дело кончится тем, что рабочие будут сломлены или, в лучшем случае, заключат жалкий компромисс с предпринимателями... Хлопковые лорды на своем «массовом митинге» единодушно решили оказывать поддержку своим собратьям, хлопковым лордам Престона и Уигана, всеми имеющимися у них средствами. Но при существующих обстоятельствах это означает войну класса против класса. Это лишний раз подтверждает, что если рабочие не вступят в эту борьбу как класс, то есть объединенными «Массовым движением» в единый союз, то они неизбежно потерпят поражение»[1].

Но призывы чартистов не нашли должного отклика со стороны тред-юнионов. Кампания по сбору средств в фонд «Массового движения» проходила вяло и не охватывала большинства английского рабочего класса. Средства, собранные Исполнительным комитетом в пользу «Массового движения» с 28 декабря по 4 января, составляли всего 25 ф. ст. 9 шилл. 1 пенс; с 4 по 10 января 1854 г.— 28 ф. ст. 9 шилл. 4 пенса[2]. Из этих денег каждую неделю тратилось 13 ф. ст. для поддержки престонских локаутированных рабочих. В оправдание своей пассивной позиции в вопросе создания «Массового движения» и созыва Рабочего парламента тред-юнионистские лидеры, как правило, ссылались на то, что агитация чартистов за созыв Рабочего парламента преследует политические цели. Председатель Исполнительного комитета «Массового движения» Эдуард Кроппер, отчитываясь о своей поездке в Престон в середине января 1854 г., указывал на оппозицию со стороны тред-юнионистских руководителей Объединенного комитета бастующих рабочих Престона. На заданный им вопрос, почему они не поддерживают активно идею «Массового движения» и Рабочего парламента, престонские лидеры заявили, что «они были информированы о том, что эта рабочая орга-

[1] «People's Paper», 7. I. 1854.
[2] «People's Paper», 14. I. 1854.

низация преследует исключительно политические цели»[1]. На это Кроппер ответил, что единственной целью «Массового движения» является создание всеобщего братского союза рабочих для оказания взаимной денежной поддержки и установление централизованного руководства забастовочной борьбой в стране. Кроппер заявил, что «Массовое движение» и Рабочий парламент сами по себе не преследуют каких-либо политических целей[2].

Секретарь Исполнительного комитета Эдуард Хусон 21 января 1854 г. обратился к английским рабочим с призывом принять более активное участие в сборе денежных средств, отметив, что за последнюю неделю поступления в фонд «Массового движения», вопреки ожиданиям, не увеличились, а уменьшились, составив всего 28 ф. ст. 2 шилл. 11 пенсов[3]. Хусон указывал на то, что в ряде городов отдельные лица ведут усиленную демагогическую агитацию среди тред-юнионов против Рабочего парламента, пугая рабочих тем, что это движение якобы преследует только политические цели. Хусон предложил перенести срок созыва Рабочего парламента на первую неделю марта 1854 г. ввиду явной невозможности созвать его в феврале.

Английские правящие классы в свою очередь также стремились всеми силами сорвать созыв Рабочего парламента. Это нашло особенно яркое отражение в деятельности так называемого Общества искусств и ремесел[4], пытавшегося выступить в январе 1854 г. в качестве посредника между бастующими рабочими и фабрикантами.

В начале января Общество искусств предложило созвать конференцию, на которую были бы приглашены как представители фабрикантов манчестерского округа, так и представители рабочих с целью обсудить меры для взаимного урегулирования конфликта. По предложению Общества на конференции должны были быть обсуждены следующие вопросы:

---

[1] «People's Paper», 21. I. 1854.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Деятельность этого общества, основанного в 1754 г., носила буржуазно-просветительный и филантропический характер. В 50-х годах XIX в. общество возглавлял принц-консорт Альберт.

1. Рабочие объединения; целесообразны ли они.

2. Стачки и локауты; правомерны ли они; нельзя ли использовать иные средства.

3. Заработная плата — может ли уровень цен соответствовать уровню заработной платы; могут ли наниматели дать обязательство установить твердые цены; могут ли рабочие быть участниками в прибылях капиталистов [1].

Конференция состоялась 30 января 1854 г. в Манчестере. На ней присутствовало около 200 человек, принадлежавших к самым различным политическим направлениям и течениям. Здесь были представители английской аристократии в лице лорда Роберта Гровнора, лорда Стэнли, виконта Годрича, виконта Элмсли и других, представители манчестерской школы фритредеров в лице Медвина, секретаря Ассоциации фабрикантов Ланкашира, и члены парламента Сидни Смит, Хиндли, Слейни, Клей; присутствовали и небезызвестные проповедники христианского социализма и деятели кооперативного движения (Морис, Нил, Ллойд Джонс и др.), представители тред-юнионов высокооплачиваемых профессий, такие как руководитель союза объединенных механиков Уильям Ньютон, Джордж Коуэлл (один из лидеров бастующих рабочих Престона), Бармен и многие другие [2].

На конференции присутствовали также Баркер, Купер, Холиок, Рейнольдс, Самюэль Кидд и др. лица, ранее участвовавшие в чартистском движении, но к этому времени ставшие на путь сотрудничества с буржуазными радикалами. Здесь же были Бронтерр О'Брайен, Эрнест Джонс и Роберт Оуэн.

---

[1] См. «The Leader», 7.I.1854, p. 9.

[2] В числе присутствующих находились представители тред-юнионов самых различных профессий городов: Бирмингема, Ковентри, Дувра, Хенли, Лестера, Ливерпуля, Лондона, Манчестера, Нориджа, Ноттингема и Престона.

Здесь были представлены стекольщики, литейщики, ленточные ткачи, рабочие, обслуживающие телеграф, чулочники, корзинщики, фарфорщики, котельщики, переплетчики, медеплавильщики, щеточники, столяры, сигарочники, маляры, портные, шляпники и многие другие (см. «The Leader», 4.II.1854, p. 104—105, а также *H. Ashwort.* «The Preston Strike», 1854, p. 64).

Ввиду такого пестрого состава делегатов, присутствовавших на конференции, какое-либо соглашение между ними с самого начала было явно невозможным, и потому все это мероприятие заранее было обречено на неудачу.

Председательствовал на конференции лорд Роберт Гровнор, тот самый благочестивый лорд, который год спустя выступил в качестве автора антирабочего билля о запрещении мелкой торговли в воскресные дни[1]. Выступив по предложенной для обсуждения повестке дня, Эрнест Джонс заявил, что нечего попусту тратить время на мелочи, а следует обсудить главный вопрос — о правах рабочих, и что в связи с этим он желает предложить по данному вопросу резолюцию. В ответ председательствующий заявил, что на данной конференции не должны выдвигаться никакие резолюции. Дальше произошел следующий спор:

«*Джонс:* — Каким же образом тогда данная конференция сможет выразить свое мнение?

Ньютон: — Мы не нуждаемся ни в каких резолюциях. Джонс продолжает настаивать на резолюции.

Гровнор: — Я не могу позволить Вам выступить, и Вы не будете выступать.

Джонс: (под громкие крики председателя: «Тише») — Параграф четвертый напечатанных вами правил для настоящей конференции гласит о том, что резолюции могут вноситься. Я поступаю согласно этим правилам и я требую, чтобы Вы как председатель и Ваши благородные коллеги выслушали меня, если Вы имеете какое-нибудь уважение к представителям рабочего класса. Поэтому я выдвигаю следующую резолюцию и требую, чтобы Вы не прерывали меня».

Резолюция, которую начал читать Джонс, гласила: «Принимая во внимание, что труд является творцом всех богатств и основным капиталом какого бы то ни было производства, принимая во внимание, что право капиталистов на получение прибылей распространяется на доходы рабочих в гораздо большей степени, нежели на денежный капитал самого предпринимателя, который почти во всех отраслях производства создается трудом

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 340.

тех же рабочих, принимая во внимание, что существующий уровень заработной платы не удовлетворяет самых насущных потребностей и не соответствует требуемому уровню оплаты труда рабочего,— настоящая конференция считает, что все объединения рабочих с целью получения ими одинаковой с капиталистами доли прибыли от производства в высшей степени желательны и что в законодательном порядке рабочим должна быть предоставлена возможность стать производителями для самих себя, что может быть достигнуто путем уничтожения земельной монополии и открытием кредитного фонда для рабочих с той целью, чтобы они могли организовать промышленное производство на свой собственный счет» [1].

Председатель «конференции» не дал Джонсу дочитать документ до конца, утверждая, будто резолюция содержит «агрессивные замыслы». Возмущенный этим Джонс во всеуслышание заявил, что «настоящая конференция — жульничество, затея, недостойная доверия народа, и поэтому он, как представитель народа, не желает дискредитировать тех, кто его послал, и не останется здесь больше ни одной минуты» [2].

После этого Джонс и другие революционные чартисты демонстративно покинули зал заседания.

Но они все же сумели использовать трибуну конференции для разоблачения ее классового характера и истинных намерений ее организаторов.

Как и следовало ожидать, вся эта затея Общества искусств провалилась с треском, став, по выражению Маркса, «всеобщим посмешищем» [3]. Чартисты правильно расценили эту конференцию, как завуалированную попытку сорвать созыв Рабочего парламента и отвлечь массы от идеи создания общенациональной рабочей организации [4]. Они использовали эту попытку правящих кругов, чтобы еще раз обратиться к рабочим с разъяснением им, каким может быть, с их точки зрения, путь для освобождения пролетариата от капиталистического гнета.

---

1 «People's Paper», 4. II. 1854.
2 Там же.
3 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 61.
4 См. «People's Paper», 4. II. 1854, p. 7.

Один из видных деятелей чартизма Абрахам Робинсон писал: «Может быть, наши читатели спросят нас: «Если существующее правительство не может реформировать общество, то кто же это может сделать?» — Ответ на этот вопрос нетрудно дать: — «Вы сами, и только вы». Напрасно ожидать помощи извне. Это должно быть сделано вами или это вообще не будет сделано. Ваша личная апатия в социальных и политических вопросах породила немалое зло; теперь вы должны проявить свой гений с тем, чтобы умело использовать тот план, который предоставит средства для вашего освобождения. Ваше внимание обращают на Рабочий парламент.— «Будет ли он успешным?» — спросите вы. Но не в этом вопрос. Вы должны сделать его успешным. Успех этого движения коренится в самом народе. Если оно потерпит поражение, то тем самым потерпит поражение народ. От этого движения многое зависит. Многое зависит и от характера тех людей, которые войдут в состав Рабочего парламента. Они должны быть людьми, которые серьезно думали бы над разрешением социальных вопросов, которые были бы испытанными борцами за дело труда»[1].

* * *

Неутомимая агитация чартистов принесла свои плоды. Рабочий парламент находил все большее число сторонников среди английского рабочего класса и, несмотря на все чинимые препятствия, торжественно открыл свои заседания 6 марта 1854 г. в помещении Народного института в Манчестере.

Присутствовало 37 делегатов, избранных на митингах неорганизованных рабочих и на собраниях тред-юнионов, примкнувших к «Массовому движению». Среди делегатов были 10 чартистов, остальные представляли тред-юнионы, в основном манчестерского промышленного округа.

Однако многие города все же не прислали своих делегатов, о чем с сожалением сообщала «People's Paper»[2].

---

[1] «People's Paper», 25. II. 1854.

[2] См. «People's Paper», 11. III. 1854. Не было делегатов от Галифакса, Брадфорда, Лидса, Нортгемптона, Лестера, Нориджа, Рочдейла, Олдема и Бейкепа.

Отсутствие представителей ряда крупных городов с самого начала затруднило решение задачи о создании национальной рабочей организации. Первое заседание в основном было посвящено организационным вопросам. По предложению чартистов Джемса Блая и Джемса Уильямса, поддержанному Э. Джонсом, Маркс был избран почетным делегатом Рабочего парламента. Такие же решения были приняты по отношению к французским мелкобуржуазным социалистам Луи Блану и Надò. Маркс, Луи Блан и Надò были приглашены на заседания Парламента.

Факт избрания французских мелкобуржуазных социалистов почетными членами Рабочего парламента свидетельствовал о том, что реформистские идеалы Луи Блана были близки тред-юнионистам.

На первом заседании был заслушан отчет Комитета «Массового движения», избранного на митинге 20 ноября 1853 года. В отчете указывалось, что Комитет руководствовался в своей деятельности резолюциями, принятыми на упомянутом митинге. Деятельность Комитета заключалась в выпуске обращений к рабочим с призывами усилить сбор средств в поддержку бастующих и локаутированных рабочих, а также более оперативно созывать митинги для выдвижения кандидатов в Рабочий парламент, срок созыва которого неоднократно откладывался. Комитет организовал финансовую помощь стачечникам.

Весьма примечательной была та часть отчета, в которой указывалось, что Комитету было очень трудно убедить большинство лидеров тред-юнионов в отсутствии каких-либо непосредственных политических целей организации «Массовое движение». Наличием такого рода предубеждения, по мнению Комитета, в значительной мере объясняется отказ многих тред-юнионов послать делегатов в Рабочий парламент и их пассивная позиция по отношению к «Массовому движению» [1]. Это явилось еще одним доказательством отрицательного отношения лидеров тред-юнионов к политической борьбе и свидетельствовало о трудностях, с которыми сталкивались чартисты, пытавшиеся завоевать широкие массы рабочих.

---

[1] «People's Paper», 11. III. 1854.

На втором заседании, 7 марта, был избран комитет для выработки программы деятельности Рабочего парламента. В комитет были избраны руководители чартистского движения: Э. Джонс, Джемс Финлен, Джемс Уильямс, Абрахам Робинсон и Джемс Блай.

Выработанный этим комитетом проект программы был представлен на обсуждение делегатам Рабочего парламента уже на следующий день, 8 марта[1]. Программа состояла из вводной части и 3-х разделов. Вводная часть гласила:

«Комитет считает, что задачей Рабочего парламента является: — содействие успешному окончанию, в пользу рабочих стачек и локаутов, происходящих в данное время, и проведение мер, в результате которых их можно было бы избежать в будущем;

— обеспечение для рабочих справедливого обращения с ними во время работы;

— спасение женщин и детей от фабричной системы;

— изыскание средств для просвещения рабочих и прекращение удержаний из заработной платы и скрытого ее снижения».

«Считая, далее, что задачей Парламента является борьба за обеспечение тем, кто работает, справедливого участия в прибылях, созданных их трудом, и, в первую очередь, создание условий, при которых они могли бы стать хозяевами своего собственного труда для своего полного освобождения от наемного рабства, комитет, убежденный в том, что решающим шагом в этом направлении является изыскание денежных средств, необходимых для действия, предлагает на ваше рассмотрение такие пункты:

1. Организация сбора средств для создания национального рабочего фонда.

2. Меры для обеспечения сохранности собранного таким образом фонда.

3. Использование фонда и обеспечение прав рабочих.

4. Организация «Массового движения»».

---

[1] «People's Paper», 11. III. 1854. Проект программы целиком приведен в статье Маркса «Рабочий парламент» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 125—128).

Во втором разделе программы была разработана довольно громоздкая и сложная система сбора средств и обеспечения их сохранности[1]. Все собранные в различных районах специальными уполномоченными денежные средства должны были направляться в правление «Массового движения».

Основным был третий раздел программы, который предусматривал те социальные мероприятия, для проведения которых должен был расходоваться денежный фонд. Здесь указывалось на необходимость оказывать помощь всем городам и районам, где происходят стачки, а также предлагалось ликвидировать все долги, накопившиеся у рабочих за время предыдущих и нынешних стачек и локаутов. При этом отмечалось, что в будущем помощь будет оказываться только тем организациям, которые признают и поддерживают «Массовое движение».

«Должен быть создан отдел для урегулирования цен на труд,— говорилось в пункте «б» третьего раздела программы.— Для этого должны выпускаться ежемесячные отчеты о ценах на сырье, употребляемое во всех отраслях производства, где рабочие примкнули к «Массовому движению», о цене на труд, о продажной цене на готовую продукцию и о других издержках производства. На основании этих данных правление публикует сведения о прибылях предпринимателей и должно принимать в расчет все могущие поступить от последних сведения о каких-либо их особых или дополнительных издержках в связи с производством. На этой основе должны регулироваться цены на труд и соответственно устанавливаться тариф заработной платы».

Этот пункт программы, таким образом, предусматривал создание широкой хорошо информированной рабочей организации, которая могла бы на основании

[1] В фонд «Массового движения» предполагались следующие еженедельные отчисления от заработной платы:

Рабочие, получающие до	4	шиллингов в неделю, —	1/2 пенса
»	8	»	3/4 »
»	12	»	1 пенс
»	15	»	1 1/2 пенса
»	20	»	2 »
»	30	»	3 »
»	40	»	4 »

конкретных данных контролировать уровень заработной платы, выплачиваемой капиталистами, и в соответствии с этим руководить стачечной борьбой рабочих.

В пункте «в» этого раздела программы предусматривались меры для превращения рабочих в «хозяев своего собственного труда».

«Для этого, а также для более эффективного урегулирования заработной платы путем изъятия у предпринимателей той власти, которую дает им наличие избыточных рабочих рук, средства «Массового движения» должны быть направлены на приобретение земли».

Приобретенные земли закрепляются за «Массовым движением», как его собственность, и не подлежат отчуждению. Эти земли разбиваются на фермы различной величины в зависимости от качества почвы и того, предназначаются ли они для личной аренды или для крупного кооперативного предприятия.

Нетрудно заметить, что в этой части программа Рабочего парламента имела много общего с земельным планом О'Коннора, который в свое время также стремился путем перемещения рабочих на землю рассосать рынок труда и тем самым повысить заработную плату рабочих.

Пункт «г» третьего раздела программы гласил:

«Для лучшего обеспечения прав рабочих стать хозяевами собственного труда и для освобождения рынка труда от избытка рабочих рук комитет рекомендует вам вкладывать средства в организацию кооперативных фабрик, мастерских и складов, которые стали бы собственностью «Массового движения». Помимо заработной платы по ставкам, установленным тарифом,— о чем была речь выше,— работающие в этих предприятиях получают половину чистой прибыли от продажи продукции предприятий; вторая половина прибыли должна зачисляться в доход «Массового движения». Избираемые рабочими управляющие каждого кооперативного предприятия подлежат утверждению правления. Управляющий каждого отдельного предприятия регулирует закупки и сбыт, представляет правлению ежемесячные отчеты о закупках, продажах, платежах, убытках или прибылях. В случае обоснованных жалоб на разногласия между рабо-

чими и управляющим рабочие имеют право сместить управляющего и избрать нового, для чего требуется большинство не менее, чем в три четверти общего числа голосов. Половину чистой прибыли каждого кооперативного предприятия управляющий обязан направлять в правление «Массового движения»».

Таким образом, программа, выработанная чартистами и представленная на рассмотрение Рабочего парламента в 1854 г., в основном была выдержана в духе тех кооперативных планов и идей, которые так широко пропагандировались среди рабочих.

В этом отношении программа была утопической по своему характеру и несостоятельной с теоретической и практической точек зрения. Она являлась большим шагом назад по сравнению с чартистской программой 1851 г., в которой организация кооперативов в Англии предусматривалась лишь после завоевания политической власти пролетариатом. В программе Рабочего парламента не нашло отражения ни одно из политических требований Народной хартии. Освобождение рабочих от капиталистической эксплуатации предполагалось осуществить путем создания производственных промышленных и земельных кооперативов в рамках капиталистического общества.

«...Как бы кооперативный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике,— писал Маркс в Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих,— он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополий, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих... Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства. Но магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти

стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»[1].

Наряду с практически осуществимым и полезным пунктом программы о необходимости сбора средств для взаимной поддержки бастующих рабочих, в ней имелся пункт, предусматривавший мероприятия, с помощью которых рабочие должны были заставить капиталистов поделиться с ними частью своих прибылей. Надежда на то, что капиталисты, оставаясь хозяевами производства, могут пойти навстречу желаниям рабочих и позволить им извлекать определенную долю из своих прибылей,— свидетельствовала о теоретической незрелости тех, кто на это рассчитывал.

Совершенно несостоятельным был также пункт о покупке земли с целью организации кооперативных предприятий и для предоставления участков в личную аренду. Едва ли подобная мера могла привлечь внимание основной массы рабочих, которые на примере земельного плана О'Коннора уже убедились, к каким результатам она приводит, когда осуществляется в рамках капиталистических производственных отношений.

Можем ли мы, однако, считать на основании вышеизложенного, что программа «Массового движения», принятая Рабочим парламентом в марте 1854 г., означала ревизию чартистами своих социальных взглядов и отказ от политической программы, заключавшейся в шести пунктах Народной хартии.

Подобную точку зрения мы можем найти в историографии чартистского движения[2].

Однако анализ конкретного исторического материала, почерпнутого главным образом из газеты «People's Paper», последовательное рассмотрение и сопоставление фактов позволяет нам сделать несколько иные выводы.

Своеобразие тактики чартистов в период агитации за созыв Рабочего парламента и их позиции на его заседаниях заключалось в том, что, не ведя активной политической пропаганды среди объединенных в тред-юнионы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 10.

[2] В частности, такова была точка зрения одного из активных деятелей чартистского движения Гаммеджа (см. *Р. Дж. Гаммедж*. «История чартизма». Спб., 1907, стр. 449—450).

рабочих масс, поскольку для этого еще не существовало благоприятных условий, и стремясь объединить силы английского рабочего класса на основе приемлемой для тред-юнионистов программы, чартисты тем не менее преследовали при этом прежде всего цели политического характера. Не веря в полезность и сколько-нибудь значительные положительные результаты кооперативных начинаний при капиталистическом строе, Джонс и его единомышленники в то же время сами развернули широкую агитационную кампанию за сбор денежных средств с целью создания земельных и промышленных кооперативов. Это кажущееся противоречие в своих действиях чартисты объясняли тем, что созданием широкого централизованного кооперативного движения в стране они лишь подготавливают почву для того, чтобы заставить правительство дать рабочим Народную хартию.

Программа Рабочего парламента, выработанная чартистами, в действительности не была их программой, так как она не отражала подлинных взглядов революционной части рабочего класса.

Еще в период агитации за созыв Рабочего парламента в декабре 1853 г. Джонс в одной из своих статей, опубликованных в «People's Paper», указывал, что если удастся объединить силы английского рабочего класса на основе программы «Массового движения», то двадцать миллионов рабочего люда в Англии «сразу же станут и нацией и правительством».

«В этом,— писал Джонс,— заключается верное средство для того, чтобы получить политическую власть... Скажите мне, что они тогда не смогут получить Хартию, когда ее потребуют. Больше того, я уверен, что она будет положена к их ногам раньше, чем они ее потребуют» [1].

Таким образом, ясно, что, несмотря на явное увлечение Джонса перспективами развития массового движения и недооценку им тех противодействующих сил, которыми располагала буржуазия и ее агентура в рабочем классе, Джонс и его товарищи рассматривали новую тактику как средство для пробуждения политической активности масс.

---

[1] «People's Paper», 10. XII. 1853.

Незадолго до созыва Рабочего парламента Джонс, выступая на страницах «People's Paper», писал:

«Некоторые уверяют, что это политическое движение. Однако до сих пор ни один пункт программы не давал оснований предполагать, что Рабочий парламент будет носить политический характер.

Рабочий парламент — это общенациональная организация, которая ставит своей целью борьбу за установление справедливой заработной платы, за участие рабочих в прибылях от производства, за освобождение труда от гнета капитала». И тут же Джонс добавляет:

«Я лично считаю, что народ не сможет долго пользоваться этими благами, после того как он их добьется, и не обеспечит своего социального освобождения, если не овладеет политической властью. В этом я уверен» [1].

Некоторые из чартистов пытались отстаивать свои позиции и на заседаниях самого Рабочего парламента. Так, например, 10 марта, когда обсуждался вопрос о покупке земли и сдаче ее в аренду рабочим, Джемс Финлен в своем выступлении заявил:

«Частная собственность на землю должна быть упразднена во что бы то ни стало. Земли страны должны быть собственностью государства, а не собственностью отдельных лиц в государстве. Я принадлежу к числу тех, кто выступает за национализацию земли посредством закона» [2].

Это по существу было повторением одного из требований чартистской программы 1851 г., которое никак не вязалось с проектами организации земельных кооперативов в рамках капитализма на купленной у лендлордов и государства земле. Программа 1851 г., как известно, предусматривала организацию кооперативного производства в сельском хозяйстве на *национализированной* земле и *после* завоевания пролетариатом политической власти.

Спустя две недели после принятия Рабочим парламентом рассмотренной программы Джонс писал:

«Некоторые люди цепляются за слова. Они подбирают более ранние высказывания и пытаются усмотреть

[1] «People's Paper», 4. II. 1854.
[2] «People's Paper», 11. III. 1854.

в них противоречие с теми взглядами, которые мы высказываем сегодня. Они напоминают о том, что мы когда-то говорили: «кооперация должна потерпеть неудачу; даже если она создана на правильной основе, она не сможет освободить народ и погибнет перед лицом враждебных действий имущих классов, она поставит рабочих в еще более худшее положение, если созданию кооперации не будет предшествовать завоевание политической власти».

В этом они усматривают противоречие с нашим сегодняшним поведением. Они обвиняют нас в том, что мы, мол, теперь считаем чартистскую ассоциацию ненужной для завоевания политической власти и что мы-де принесли ее в жертву ради того, чтобы рабочие могли работать на себя.

Но мы и сейчас говорим: «завоевание политической власти должно предшествовать каким бы то ни было социальным преобразованиям... И поэтому мы как раз доказываем, что необходимо продолжать политическое движение, всемерно умножать чартистскую организацию, защищать интересы труда от политических нападок, которым он подвергается. Мы по-прежнему убеждены в том, что кооперация не устранит избыточных рабочих рук на рынке труда, что расширение промышленного производства, обусловленное кооперацией, подорвет ее же самое, так как кооперация затовариванием рынка и снижением заработной платы лишь еще больше увеличит безработицу» [1].

Таким образом, при рассмотрении вопроса о тактике чартистов в 1853—1854 гг., мы должны прежде всего исходить из того, что агитация за Народную хартию не имела успеха в широких рабочих массах, все более пропитывавшихся идеями тред-юнионизма. К 1854 г. рабочий класс Англии в основном уже шел в фарватере профсоюзного и кооперативного движений. Это поняли лидеры революционного чартизма, и в первую очередь Джонс. Чартисты, и в этом их заслуга, пытались найти другой подход к массам для завоевания их на свою сторону путем создания широкой рабочей организации. Они правильно поняли необходимость выработки такой

---

[1] «People's Paper», 1. IV. 1854.

платформы, на основе которой могли бы сотрудничать рабочие, идущие и за тред-юнионами и за кооперативистами. Однако при этом они чересчур далеко зашли в уступках последним,— в уступках, которые помимо их желания приобрели характер недопустимого идейного компромисса.

Мы видим, что Джонс и его товарищи, предлагая заведомо неосуществимую программу «Массового движения», рассчитывали, что рабочие на собственном опыте убедятся в том, что, пока пролетариат не имеет доступа к политической власти, до тех пор невозможно коренное улучшение его экономического положения; убедившись в этом, пролетариат, с их точки зрения, должен будет вернуться к своему прежнему требованию Хартии. Чартисты полагали, что в созданной ими массовой рабочей организации они смогут успешнее вести борьбу против реформистской идеологии лидеров тред-юнионов и аполитичности масс.

Но на деле принятие подобной программы Рабочим парламентом усилило позиции тред-юнионизма. Уступка чартистов оказалась гораздо более глубокой, чем они рассчитывали. Джонс и его соратники не могли полностью учесть объективных условий, которые вели к все более усиливавшемуся расколу рабочего класса, к укреплению влияния на массы рабочих растущей рабочей аристократии.

А с другой стороны, многие из тех, кто шел за чартистами, не поняли их тактики и обвинили лидеров чартизма в отказе от принципов Народной хартии и программы 1851 года.

Предложив Рабочему парламенту подобную программу, лидеры чартистов невольно становились ее защитниками. Это говорило об их известной теоретической незрелости.

Рабочий парламент работал в течение 12 дней. 18 марта состоялось его последнее заседание. После всестороннего обсуждения программа, составленная комитетом, без каких-либо существенных изменений ее первоначального текста была принята делегатами парламента.

* * *

Сразу же после получения официального приглашения присутствовать на заседаниях Рабочего парламента в качестве почетного делегата, Маркс, не имея возможности приехать в Манчестер, обратился с письмом в адрес Рабочего парламента[1]. Это письмо он переслал в Манчестер на имя Джонса. Получив письмо, Джонс немедленно сообщил об этом Энгельсу и попросил зайти к нему, чтобы ознакомиться с содержанием[2]. Вечером этого же дня письмо Маркса было зачитано Джонсом делегатам Рабочего парламента.

Позиция Маркса по отношению к Рабочему парламенту и стоявшим перед ним задачам была отчетливо выражена в письме.

Маркс и Энгельс всегда выступали в поддержку чартистов. После поражения революции 1848—1849 гг., когда во всей Европе наступило господство жестокой политической реакции, они придавали особенно важное значение всякой попытке оживить революционное движение и направить рабочий класс на борьбу против существующего строя. Вследствие этого созыв Рабочего парламента как попытка создания широкой национальной рабочей организации, предпринятая чартистами, не мог не встретить со стороны Маркса самого горячего сочувствия и поддержки. Маркс усматривал в этом важный шаг со стороны чартистов, своего рода вызов капиталистическому миру.

«Весть об этом замечательном событии,— писал Маркс в своем письме,— пробудит надежды рабочих повсюду в Европе и Америке».

Вместе с тем Маркс предвидел, что в связи с преобладанием среди делегатов Парламента тред-юнионистов, он может пойти не по пути борьбы за объединение всех сил рабочего класса на основе революционной политической и социальной программы, а по пути изыскания средств для так называемой «организации труда», как некогда это пыталась осуществить небезызвестная Люксембургская комиссия во главе с Луи Бланом во Франции.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 122—123.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 716.

«От Рабочего парламента,— писал Маркс Энгельсу,— я получил приглашение принять участие в заседаниях в Манчестере в качестве почетного делегата (Надо̀ и Луи Блан также его получили). Я поблагодарил их сегодня письмом и вставил туда несколько фраз, которые можно понять и в крайне революционном, и в крайне умеренном духе,— смотря по тому, как их читать» [1].

Это замечание свидетельствует о том, что Маркс предвидел реальную опасность превращения Рабочего парламента в своего рода Люксембургскую комиссию и ясно выразил это опасение в письме делегатам Парламента.

Маркс считал крайне важным, чтобы делегаты Рабочего парламента не «теоретизировали», подобно членам Люксембургской комиссии, не занимались вопросами «организации труда» в рамках существующего строя, а договорились бы о совместных практических действиях для создания рабочей партии. Маркс ставил перед делегатами Парламента совершенно конкретную и ясную задачу: *организация рабочей партии в национальном масштабе.*

«Рабочий класс завоевал природу,— писал Маркс в своем письме,— теперь он должен завоевать человека. Для успешного завершения этого дела у него достаточно сил, но требуется организация всех этих сил, организация рабочего класса в национальном масштабе — такова, я полагаю, великая и славная цель, поставленная перед собой Рабочим парламентом» [2].

Свою точку зрения на задачи Рабочего парламента Маркс сформулировал в одной из статей в «New-York Daily Tribune»:

«Успех Рабочего парламента,— писал Маркс,— будет зависеть главным образом, если не исключительно, от того, будет ли он исходить из принципа, что в настоящее время речь идет не о так называемой организации труда, а о подлинной организации рабочего класса. Привилегии современных правящих классов и рабство рабочего класса в равной мере основаны на *существующей*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 276.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 123.

организации труда, которую первые будут, конечно, защищать и поддерживать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, одним из которых является современная государственная машина. Следовательно, чтобы изменить существующую организацию труда и заменить ее новой организацией, нужна сила — социальная и политическая сила,— сила не только для сопротивления, но и для нападения; а чтобы приобрести такую силу, нужно организоваться в армию, обладающую достаточной моральной и физической энергией, чтобы вступить в борьбу с вражескими полчищами. Если Рабочий парламент позволит растратить свое время на обсуждение чисто теоретических вопросов, вместо того чтобы подготовить путь для подлинной организации партии в национальном масштабе, его, подобно Люксембургской комиссии, постигнет неудача» [1].

Маркс в письме обращал внимание делегатов Парламента на то, что Англия является единственной страной, где вследствие бурного развития промышленности общество отчетливо разделилось на два основных противостоящих друг другу класса — буржуазию и пролетариат. Все другие промежуточные слои здесь сметены с лица земли. «Поэтому ни в одной другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний» [2].

Именно потому, что рабочий класс Англии создал все необходимые материальные предпосылки для своего освобождения и оказался раньше других способным осознать свои классовые интересы, Маркс считал возможным и своевременным ставить вопрос о создании в этой стране массовой политической рабочей партии.

Маркс в это время еще продолжал считать Народную хартию чартистов действенным средством мобилизации рабочего класса на борьбу за овладение политической властью [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 114—115.

[2] Там же, стр. 120.

[3] См., например, статью Маркса «Ассоциация административной реформы.— Народная хартия» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 278—282).

Позднее, в 1857 г., Маркс снова высказывает мысль о необходимости создания в Англии политической рабочей партии на этой основе[1].

Лишь в 1858 г., после того как экономический кризис 1857 г. не вызвал ожидаемого заметного подъема рабочего движения в Англии, Маркс и Энгельс пришли к выводу о том, что «английское пролетарское движение в его старой традиционно-чартистской форме должно окончательно погибнуть, прежде чем сможет развиться в новую, более жизнеспособную форму»[2].

В заключение письма Рабочему парламенту Маркс указывал:

«Если Рабочий парламент останется верным той идее, которая вызвала его к жизни, будущий историк запишет, что в 1854 г. в Англии было два парламента — парламент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных,— но что настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев»[3].

Эта фраза еще раз свидетельствует о том, что Маркс поддерживал идею чартистов о создании общенациональной массовой рабочей организации, которая как раз и вызвала к жизни Рабочий парламент и которая в известной мере отвечала главной задаче, сформулированной Марксом,— задаче «организации партии в национальном масштабе».

Но и опасения Маркса имели реальные основания. Подлинным чувствам и помыслам большинства делегатов в гораздо большей мере, нежели письмо Маркса, импонировало письмо Луи Блана, присланное Рабочему парламенту[4].

Отвечая на поставленный им самим вопрос: что должен делать Рабочий парламент? — Луи Блан писал:

«Я считаю самым главным, чтобы парламент попытался организовать на средства, собранные по подписке,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 29, стр. 179.

[2] Там же, стр. 293.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 10, стр. 123.

[4] Письмо Луи Блана было опубликовано в «People's Paper» 18 марта 1854 года. Оно было зачитано Надо на заседании 11 марта и восторженно встречено большинством делегатов, что свидетельствовало о преобладании в его составе сторонников реформизма.

труд, который ведет к свободе посредством выявления способностей рабочих, а не через участие их в стачках, которые рано или поздно снова приводят к рабству из-за голода».

По мнению Луи Блана, Рабочий парламент должен посвятить свои заседания рассмотрению вопроса об организации в каждом тред-юнионе, который будет его поддерживать, товарищества, состоящего из «лучших рабочих данного тред-юниона, которые доверяли бы друг другу и любили бы друг друга».

Все содержание письма Луи Блана было направлено к одной цели — внушить делегатам Парламента и всем английским рабочим мысль об отказе от какой бы то ни было классовой борьбы и прежде всего от борьбы политической, ограничить свою деятельность созданием кооперативных обществ в рамках существующего строя. Письмо Луи Блана способствовало лишь еще большей дезориентации английских рабочих, вводило их в еще большее заблуждение относительно перспективы их социального освобождения.

В письмах Маркса и Луи Блана в адрес Рабочего парламента, таким образом, были ясно выражены две тенденции: революционная и реформистская.

Если Маркс, выражая подлинные интересы пролетарского движения, разъяснял рабочим, что единственный путь освобождения от капиталистического рабства потребует организации самостоятельной политической рабочей партии, то Луи Блан проповедовал паллиативные меры, обрекавшие рабочий класс на неизбежное подчинение этому рабству.

* * *

На одном из последних заседаний Рабочего парламента было принято решение о периодическом его созыве не реже двух раз в год. Но чартистам не удалось создать массовую рабочую организацию. Рабочему парламенту не суждено было больше собраться.

Намечавшийся в Англии экономический кризис не наступил; к весне 1854 г. в английской промышленности уже наблюдалась известная стабилизация, а вместе с ней и заметный спад забастовочного движения. Потерпела поражение большая Престонская стачка.

В марте 1854 г. престонские фабриканты приложили огромные усилия для того, чтобы заполучить на свои фабрики рабочую силу из других районов страны. Были посланы специальные агенты в Ирландию и сельскохозяйственные районы Англии «добывать» рабочих. Ввиду нескрываемой враждебности, с которой локаутированные рабочие Престона относились к прибытию «чужеземцев», срывавших их борьбу, последние препровождались с железнодорожных станций в крытых повозках и под охраной полицейских эскортов. Сначала фабриканты наталкивались на хорошо согласованный план действий со стороны рабочих. Специально выделенные рабочие представители посылались в Ливерпуль, Флитвуд, Манчестер и другие города, чтобы разъяснять, к чему ведет принятие предложений предпринимателей [1]. В ответ на это власти запретили какие бы то ни было митинги; эта мера сопровождалась арестами некоторых делегатов, обвинявшихся в «заговорщических действиях».

Приток рабочей силы извне не удалось приостановить. В апреле 1854 г. на престонских фабриках уже работало около 7000 рабочих [2]. Было ясно, что стачка должна со дня на день прекратиться. Конец был приближен самым неожиданным образом. Фабриканты Стокпорта спровоцировали забастовку, заявив, что они снимают десятипроцентную надбавку к заработной плате, которую они сначала сделали своим рабочим, и намерены вернуться к уровню 1847—1853 годов. В ответ 10 000 рабочих прекратили работу; остальные намеревались последовать их примеру.

Вследствие этого резко сократились денежные сборы для бастующих престонских рабочих. Еженедельная сумма средств по подписке понизилась с 3 337 ф. ст. до 946 фунтов стерлингов.

---

[1] Так, например, когда навербованные ирландцы прибыли во Флитвуд, к ним была послана делегация от престонских рабочих, которой удалось нарисовать им такую картину условий труда, что они на ближайшем же пароходе отплыли обратно в Ирландию. В то же время представители рабочих встречали приехавших на железнодорожной станции Престона и, обращаясь к их товарищеским чувствам, заставляли возвращаться, оплачивая им обратный путь.

[2] *H. Ashwort*. «The Preston Strike». Manchester, 1854, p. 60.

В воскресенье 30 апреля 1854 г. в «Temperance Hall» на митинге делегатов, избранных престонскими рабочими, было принято решение прекратить забастовку. В заявлении делегатов указывались причины неудачи забастовки: объединение предпринимателей в борьбе против бастующих рабочих, привлечение рабочей силы из других мест, Восточная война, дороговизна продуктов питания и т. д.

Так окончилась Престонская стачка — одна из крупнейших стачек в истории английского рабочего движения XIX столетия. Таков же был результат и стокпортской стачки.

Спад забастовочного движения в Англии весной и летом 1854 г. незамедлительно отразился и на сумме взносов, поступавших в фонд «Массового движения». Если в марте было собрано 38 ф. ст. за неделю, то за первую половину апреля было собрано только 19 ф. ст. [1], а вскоре поступления прекратились вообще.

Попытка чартистов объединить действия рабочего класса в национальном масштабе и привлечь его на борьбу за осуществление провозглашенной Рабочим парламентом программы потерпела неудачу.

Однако, несмотря на свою неудачу, Рабочий парламент 1854 г. явился важной вехой в истории английского рабочего движения. Его значение заключается не в той утопически-реформистской программе, которая была им принята и которая представляла собой эклектическое сочетание практически осуществимых мероприятий, касающихся организации стачечной борьбы и объединения сил рабочего класса, с реформистскими требованиями тред-юнионизма, идеями христианского социализма, оуэнизма и мелкобуржуазными воззрениями Луи Блана относительно путей «освобождения» рабочего класса. Его значение заключается в том, хотя и недостаточно ясно выраженном, стремлении рабочего класса к своему социальному и политическому освобождению, духом которого была проникнута неутомимая агитация чартистов за созыв Рабочего парламента.

---

[1] «People's Paper», 22. IV. 1854.

Рабочий парламент явился своего рода переходным этапом от чартистского движения к социалистическому движению более поздних лет. В своем политическом аспекте Рабочий парламент был одним из последних проявлений активности революционно-пролетарского движения чартистов, в целом враждебного по своему духу реформизму и соглашательству; он был одной из последних попыток чартистов мобилизовать рабочий класс под знаменем классовой борьбы.

Самый факт созыва Рабочего парламента мог стать серьезным шагом на пути к созданию самостоятельной массовой рабочей партии, которая в процессе развития классовой борьбы в стране и по мере ее обострения неизбежно должна была бы включить в свою программу не только экономические, но и политические требования. На это и рассчитывал Маркс, полагавший, что с наступлением экономического кризиса обострение классовой борьбы в Англии будет способствовать росту политической активности рабочих масс и агитация чартистов найдет свой отклик.

«Массам надо предоставить время и возможность развиться,— писал много лет спустя Энгельс,— а эта возможность будет у них лишь тогда, когда у них будет собственное движение — безразлично в какой форме, лишь бы это было *их собственное* движение, в котором они будут идти вперед, учась на собственных ошибках» [1].

С этой точки зрения попытка чартистов, несмотря на все их заблуждения и непоследовательность, сочетать экономическую борьбу рабочего класса с борьбой за политические требования, их агитация за объединение сил пролетариата в национальном масштабе путем создания широкой рабочей организации — «Массового движения»,— хотя бы и руководствующейся на первых порах программой чисто экономического порядка, несомненно имела большое положительное значение. Деятельность чартистов по существу являлась показателем их стремления к созданию массовой рабочей партии в Англии. Сама идея такой партии в тогдашних конкретных условиях ожесточенной классовой борьбы в стране осознавалась

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 606.

ими уже вполне определенно как практическая необходимость.

Неудача чартистов в достижении поставленных ими целей зависела от ряда объективных обстоятельств, к которым в первую очередь следует отнести изменения, происходившие в самом рабочем классе в связи с развитием новых, предвосхищавших некоторые признаки будущего империализма черт в экономике Англии. «Английский пролетариат,— писал в 1858 г. Энгельс,— фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией» [1].

Несмотря на неудачу, славная попытка чартистов создать в Англии массовую рабочую организацию в тяжелый период повсеместной политической реакции в Европе и резкого упадка политической активности европейского пролетариата, навсегда войдет в историю как яркий пример мужественной, героической борьбы первых английских пролетарских революционеров за освобождение рабочего класса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 293.

В. А. СМИРНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

На разных этапах своего развития международное рабочее движение имело немало боевых программ. Их значение в истории освободительной борьбы рабочего класса зависело от того, насколько четко и научно определяли они цели освободительной борьбы пролетариата, а также пути к достижению этих целей, от того, в какой мере они учитывали уровень развития рабочего движения и особенности его в разных странах, обобщали его опыт и соответствовали конкретным задачам, стоящим перед ним на данном историческом этапе. Каждая из этих программ сыграла свою роль в развитии программных положений пролетарской партии, каждая из них отражала ту или другую ступень проникновения идей марксизма в рабочее движение, утверждала в нем принципы пролетарского интернационализма. Важное место в истории развития программных основ международного рабочего движения занимают Учредительный Манифест и Временный Устав Международного Товарищества Рабочих — программные документы Первого Интернационала.

Первый Интернационал — Международное Товарищество Рабочих — был основан 28 сентября 1864 г. на собрании в Сент-Мартинс-холле, в Лондоне, при активном участии английских тред-юнионистов, французских рабочих, представителей пролетарской эмиграции всех национальностей, нашедших в Лондоне убежище после поражения революции 1848—1849 гг. на континенте.

В основании Интернационала приняли участие также французские и итальянские мелкобуржуазные эмигранты. С первых дней существования Товарищества лидеры буржуазной и мелкобуржуазной демократии стремились захватить в свои руки руководство новой организацией и таким путем подчинить своему влиянию международное рабочее движение. Это нашло наиболее яркое выражение в борьбе, разгоревшейся вокруг программных документов Интернационала.

Принятие написанных Марксом Учредительного Манифеста и Временного Устава Международного Товарищества Рабочих означало первую победу революционно-пролетарского ядра Интернационала в борьбе за принципы пролетарской партийности. Эти документы предопределили подлинно пролетарский характер вновь созданной организации, заложили ее идеологические и организационные основы, придали правильное направление деятельности Международного Товарищества Рабочих. Конечно, это еще отнюдь не означало полной победы принципов марксизма в международном рабочем движении. Борьба за развитие программных положений марксизма и в области экономической и в области политической продолжалась и дальше. Она стала стержнем всей истории Первого Интернационала.

Однако принятием Учредительного Манифеста и Временного Устава был сделан очень важный шаг на пути создания подлинно классовой организации международного пролетариата, на пути соединения марксизма с рабочим движением. Именно поэтому эти документы стали предметом ожесточенных нападок со стороны врагов марксизма: прудонистов, английских тред-юнионистов, бакунистов и т. д. Широко известны попытки ревизии основных принципиальных программных и организационных положений, сформулированных в этих документах (искаженный прудонистами французский перевод Устава[1]; проект нового устава Товарищества, выдвинутый

---

[1] Речь идет об издании «Congrès ouvrier. Association Internationale des Travailleurs. Règlement provisoire» (см. также ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 68/2), выпущенном в свет в первых числах января 1865 г. парижской секцией Интернационала. Перевод содержал ряд неточностей и искажений, в частности в третьем абзаце введения к

в 1865 г. в противовес Временному Уставу мелкобуржуазными демократами, членами Французской секции в Лондоне; последующие атаки бакунистов на Генеральный Совет и организационные принципы Товарищества под флагом борьбы против «авторитарности» и т. п.).

Одна из самых ранних атак на программные документы Международного Товарищества Рабочих была предпринята уже через год после основания Интернационала, осенью 1865 года. Мелкобуржуазные элементы, за которыми стоял видный деятель итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Мадзини, попытались исказить историю их создания, фальсифицировать содержание, умалить роль Маркса и даже оспорить его авторство[1].

Уставу («экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство») были опущены слова «как средство». Об истории французского перевода Устава Первого Интернационала см. статью И. А. Бах в «Научно-информационном бюллетене сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 9, 1962.

[1] Подобные попытки не прекращались и впоследствии. Нашли они отражение и в буржуазной и мелкобуржуазной историографии Первого Интернационала, в частности в книге правого прудониста А. Фрибура «L'Association Internationale des Travailleurs» и в работе реформистского лидера английских тред-юнионов Дж. Хауэлла (см. «Nineteenth Century», vol. IV, July — December, 1878); история основания Интернационала и первых программных документов в искаженном виде изображена у анархиста, биографа М. Бакунина — Неттлау и в целом ряде других работ. В последние годы история Первого Интернационала привлекает внимание лидеров Социалистического интернационала, пытающихся вопреки исторической истине истолковать исторические традиции Международного Товарищества Рабочих в реформистском духе и использовать их в интересах пропаганды антикоммунизма. Бывший секретарь Социалистического интернационала Ю. Браунталь в 1958 г. в предисловии к сборнику статей «Sozialistische Weltstimmen». Berlin und Hannover, 1958, сформулировал так называемую теорию преемственности между Первым Интернационалом, с одной стороны, и Социалистическим интернационалом — с другой, игнорируя и отрицая тот несомненный факт, что подлинным преемником Первого Интернационала явился Коммунистический Интернационал и современное коммунистическое движение. Социал-реформистские документы Социалистического интернационала вроде пресловутой «Франкфуртской декларации», свидетельствующей о полном разрыве с марксизмом, Браунталь без всяких околичностей ставит в один ряд с «Манифестом Коммуни-

Данная статья должна воссоздать историю программных документов Первого Интернационала [1], показать, каким образом Марксу удалось парализовать попытку мелкобуржуазных демократов навязать Международному Товариществу Рабочих их программные и организационные принципы, отстоять пролетарский характер вновь созданной организации и добиться победы в ней принципов пролетарского интернационализма. Статья должна также определить место Учредительного Мани-

---

стической партии» и Учредительным Манифестом Международного Товарищества Рабочих. Теория эта встретила самый сочувственный отклик среди реформистских лидеров Социалистического интернационала. Действуя в этом духе, Бюро Социалистического интернационала приняло в декабре 1960 г. решение о подготовке к празднованию столетнего юбилея Международного Товарищества Рабочих, как якобы предшественника современных правосоциалистических партий. Объявляя себя наследниками Первого Интернационала, правосоциалистические лидеры, естественно, пытаются фальсифицировать его историю. Этой цели служит, в частности, выпущенная в Ганновере в 1961 г. работа упомянутого Браунталя «Geschichte der Internationale» (Bd. I) (критический разбор этой книги см. в статье И. А. Бах, В. Э. Куниной и Б. Г. Тартаковского «О некоторых вопросах истории Первого и Второго Интернационалов» в журнале «Вопросы истории» № 6, 1962).

[1] Вопрос о создании программных документов Первого Интернационала еще ни разу не был предметом специального исследования. Ему, как правило, уделялось несколько строк в общих работах по истории Международного Товарищества Рабочих. Однако даже эти немногие строки или страдают предвзятым подходом (см. примечание к стр. 282) или содержат ошибки в освещении фактического материала. Правильная постановка вопроса о создании программных документов Первого Интернационала в марксистской исторической литературе впервые дана в небольшой работе немецкого социал-демократа Эйххофа (*W. Eichhoff*. «Die Internationale Arbeiterassociation. Ihre Gründung, Organisation, politisch-sociale Thätigkeit und Ausbreitung». Berlin, 1868). Материалы для этой брошюры предоставил Эйххофу Маркс, он же ее и отредактировал. В этой работе говорилось о существовании двух противоположных тенденций при выработке программных документов — пролетарской и мелкобуржуазной — и подчеркивалось значение победы пролетарской тенденции. В этом плане вопрос о создании Временного Устава и Учредительного Манифеста освещен в книге Ю. М. Стеклова «Первый Интернационал (Международное Товарищество Рабочих)», М.—П., 1923, у И. А. Бах «Деятельность Маркса и Энгельса в 50—60-х годах XIX в. Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал)», глава 6 «Новой истории», ч. II. М., 1958, стр. 744—745, а также в трудах других авторов.

феста и Временного Устава Первого Интернационала в истории международного рабочего движения, в разработке программных и организационных принципов революционной пролетарской партии — принципов, которые получили свое дальнейшее развитие в трудах великого продолжателя дела Маркса и Энгельса В. И. Ленина, в программных документах Коммунистической партии Советского Союза и других коммунистических и рабочих партий,— принципов, которые составляют в развитом и творчески дополненном виде основы современного коммунистического движения.

* * *

На Учредительном собрании Первого Интернационала 28 сентября был избран Комитет, в который вошли деятели английского тред-юнионистского движения Дж. Оджер, У. Р. Кример, Б. Лекрафт, Дж. Хауэлл, Р. Шо, Блакмор, У. Стейнсби, Пиджин, Дж. Лонгмейд; старый чартист, принимавший участие в движении за реформу избирательного права, Дж. Б. Лино; один из редакторов органа тред-юнионов еженедельника «Bee-Hive», в прошлом также чартист, Р. Хартуэлл; связанные с английским рабочим и демократическим движением английские мелкобуржуазные и буржуазные радикальные элементы: публицист П. Фокс, У. Делл, Дж. У. Уилер, Дж. Осборн, У. Уорли, Т. Фейси, Дж. Найасс, Уитлок и другие; последователь Р. Оуэна Дж. Уэстон. От французской мелкобуржуазной эмиграции в Комитет вошли Ле Любе, Ж. Б. Бокке, Ж. Денуаль; от лондонской организации итальянских рабочих, находившейся под влиянием итальянского буржуазного демократа Мадзини,— Д. Лама и Л. Вольф, разоблаченный впоследствии как агент бонапартистского правительства; от польских эмигрантов — Э. Холторп, связанный с кругами мадзинистов. В качестве представителей немецких рабочих были избраны К. Маркс и И. Г. Эккариус. Комитет, получивший право дополнительно вводить в свой состав новых членов, уже с 18 октября стал называться Центральным Советом, а впоследствии — с образованием центральных советов в отдельных странах — Генераль-

ным Советом. Первоочередной задачей Генерального Совета, состоявшего в основном из представителей английского тред-юнионистского движения и мелкобуржуазных демократов и радикалов, было создание программных документов новой рабочей организации.

На первом же заседании Совета 5 октября с этой целью была назначена специальная комиссия (Подкомитет) [1] в составе девяти человек. В Подкомитет вошли Оджер, Кример (первый в качестве председателя, а второй — секретаря Совета), Пиджин, Уитлок, Уэстон, мадзинист Вольф, тесно связанный с ним французский мелкобуржуазный эмигрант Ле Любе, поляк Э. Холторп, также находившийся под влиянием Мадзини. В состав Подкомитета был избран и Карл Маркс, узнавший о своем избрании не ранее 13—14 октября.

Первое заседание Подкомитета было назначено на 8 октября 1864 года. Сохранился протокол этого заседания [2]. На обсуждение Подкомитета было предложено

---

[1] Подкомитет, продолжавший работу и после выработки программных документов Товарищества, с лета 1865 г. стал называться также Постоянным комитетом, а с 1871 г.— Исполнительным комитетом. Он собирался еженедельно и выполнял фактически функции исполнительного органа Генерального Совета, подготавливал все важнейшие решения Совета, дискуссии, проводил большую организационную работу. В состав Постоянного комитета входили: председатель Генерального Совета (эта должность существовала до 1867 г.), генеральный секретарь и секретари-корреспонденты для отдельных стран. Фактически руководство Постоянным комитетом осуществлял Маркс. Готовя инструкцию делегатам Генерального Совета на Женевский конгресс Интернационала 1866 г., Маркс включил в нее вопрос о Постоянном комитете. Этот пункт не вошел в английский вариант инструкции, но сохранился в немецком и французском текстах: «*Постоянный комитет*, фактически *являющийся исполнительным органом Центрального Совета* [курсив наш.— *В. С.*], должен быть избран конгрессом; функции отдельных его членов определяются Центральным Советом» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 194). Однако в Устав и Организационный регламент, принятые на Женевском конгрессе и изданные Генеральным Советом в 1871 г., этот пункт не вошел. (О деятельности Исполнительного комитета см. также в статье В. Э. Куниной «Из истории деятельности Маркса в Генеральном Совете I Интернационала» — настоящий сборник, стр. 398 и др.)

[2] Записан в протокольной книге Генерального Совета за 1864—1866 гг. (см. «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961,

два документа: декларация принципов, принадлежавшая Уэстону (по выражению Маркса, документ «чрезвычайно путаный» и «невероятно многословный»[1]), и устав итальянских рабочих обществ. Последний документ хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он переведен на английский язык Луиджи Вольфом и переписан его же рукой на 6 листах большого формата[2]. На первом листе помещен заголовок: «Fraternal Bond between the Italian Workmen's Associations» («Братский союз итальянских рабочих обществ»[3]). На отдельном листке с пометкой «Note» («Примечание») рукой Вольфа написана объяснительная записка следующего содержания: «На десятом ежегодном съезде делегатов всех итальянских рабочих обществ, состоявшемся в Парме 9, 10 и 11 октября

стр. 5—6). Кроме того, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) хранится черновая запись протокола заседания, сделанная рукой Кримера (ф. 21, ед. хр. 249).

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.* «О пролетарском интернационализме». М., 1957, стр. 48. Вот что писал в эти дни об Уэстоне Марксу Эккариус: «Уэстон — старый оуэнист, который, хотя и распространяет сентиментальное учение старой школы на рабочих и инстинктивно ненавидит угнетателей, но не знает, по-видимому, никакой другой основы рабочего движения, кроме избитой фразы об истине и справедливости» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1. См. также «Основание Первого Интернационала». М., 1934, стр. 66).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 249. Тождество почерка установлено сравнением данного документа с письмами Вольфа из Алессандрии от 20 декабря 1864 г. и 2 января 1865 г. в адрес секретаря Генерального Совета Кримера (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 252/1 и 252/2).

[3] В исторической литературе устав итальянских рабочих обществ обычно приводится под несколько другим заглавием: «Акт братства итальянских рабочих обществ» (см. *R. Hostetter.* «The Italian Socialist Movement». New York, 1958, p. 65; *Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение (1853—1892)». М., 1955, стр. 82 и др.). Трудно сказать, является ли это различие в заглавии результатом особенностей перевода, сделанного Вольфом, или документ в его первоначальном виде назывался несколько иначе, чем тогда, когда он был окончательно принят. Итальянским оригиналом первоначального проекта устава, который и был переведен Вольфом, мы не располагаем. В данной статье рассматривается английский вариант, поскольку именно он был предложен Вольфом Генеральному Совету в качестве проекта устава Интернационала.

1863 г., было принято решение, согласно которому *постоянная комиссия итальянских рабочих обществ* должна разработать устав всеобщего братского союза между всеми итальянскими рабочими обществами; данный устав должен быть зачитан, обсужден и проголосован на следующем ежегодном съезде, который состоится в Неаполе в ноябре 1864 года. Четыре члена вышеупомянутой *постоянной комиссии* — Ф. Б. Сави, Гаспаре Стампа, Джироламо Астенго[1] и почетный секретарь Ф. Валентино — выработали проект устава, буквальный перевод которого приводится ниже»[2]. Хотя в записке прямо не назван автор итальянского устава, мы располагаем сведениями, что устав принадлежал перу Мадзини и был передан последним члену упомянутой постоянной комиссии Сави[3].

Обсудив на заседании 8 октября проекты Уэстона и Вольфа, Подкомитет принял следующее решение: «Просить г-на Уэстона сократить и переработать свой проект с тем, чтобы затем предложить его от имени Под-

---

[1] *Филиппо Бартоломео Сави* — мадзинист, руководитель Объединения рабочих обществ Генуи; *Гаспаре Стампа* — деятель итальянского национально-освободительного движения, мадзинист, член Центрального совета итальянских рабочих обществ; *Джироламо Астенго* — мадзинист, руководитель Объединения рабочих обществ Генуи.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 249. Этот проект опубликован также в газете «Il Giornale delle Associazioni Operaie Italiane» 31 июля 1864 года. В библиотеках Советского Союза эта газета отсутствует.

[3] При разработке проекта устава назначенная Пармским съездом постоянная комиссия имела дело со следующими документами: устав Братства ремесленников Флоренции, который Мадзини еще раньше предлагал взять за основу устава Объединения рабочих обществ, проект Карло Каттанео и проект самого Мадзини, написанный им после съезда в Парме. Последний проект по существу без изменений был предложен комиссией съезду в Неаполе в октябре 1864 г. и утвержден съездом под названием «Акта братства итальянских рабочих обществ» (*Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение», стр. 82—85). Авторство Мадзини подтверждается также К. Марксом, Л. Вольфом и Ле Любе (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 209, а также «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 116, 117, 118). В упомянутой книге Хоштетера также указывается, что автором документа был Мадзини (см. *R. Hostetter.* Op. cit., p. 59).

комитета Генеральному Комитету в качестве программы Товарищества»[1].

Что касается проекта устава, то, судя по протокольной записи, он встретил «полное одобрение Подкомитета». Было принято предложенное Кримером и Ле Любе решение: «рекомендовать Генеральному Комитету принять этот устав»[2].

Создалась реальная угроза подчинения только что возникшей международной пролетарской организации буржуазному влиянию. Казалось, что Мадзини через своего ставленника Вольфа уже удалось навязать Международному Товариществу Рабочих свои принципы. В Италии составленный Мадзини устав еще только обсуждался, а в Лондоне Вольф уже сумел добиться от Подкомитета принятия двух резолюций в духе этого документа. Обе они были записаны рукой Кримера на одной из чистых страниц текста перевода итальянского устава. Первую из них Вольф затем переписал в протокольную книгу Генерального Совета: «Комитет предлагает взять за основу своей деятельности содействие нравственному, умственному и экономическому прогрессу рабочего класса Европы путем соглашения с различными организациями рабочих по всей Европе для установления единства цели и единства действий — этих двух великих средств для достижения вышеуказанных результатов»[3]. Резолюция, как мы увидим далее, излагала отправные положения программы Мадзини, составленной им для рабочих обществ Италии. Вторая резолюция, по неизвестным нам причинам не переписанная в протокольную книгу, гласила: «Одним из первых актов деятельности этого общества [Интернационала.— *В. С.*] должно стать содействие концентрации рабочих обществ каждой страны под управлением центрального органа»[4].

Сама по себе идея создания централизованной рабочей организации, разумеется, не могла вызвать возра-

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 5.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 249.

жения. Объединение сил рабочего класса, сплочение рабочего движения для борьбы за освобождение пролетариата, которого он мог добиться только сам, только своими силами,—так понимали идею централизации Маркс, Энгельс и их сторонники. Для Мадзини же централизованная рабочая организация нужна была как орудие для достижения цели значительно более узкой — завершения национального освобождения и объединения Италии. Более того, Мадзини стремился создать не просто централизованную, а заговорщическую организацию, построенную отнюдь не на демократических началах и подчиненную руководству центрального органа, который один, без ведома рядовых членов, решал бы ее судьбу. Предложенная Вольфом резолюция свидетельствовала о намерениях Мадзини превратить вновь созданную международную рабочую организацию в один из своих рычагов.

11 октября на заседании Генерального Совета проект Уэстона («декларация принципов») вновь вызвал продолжительные прения. Вот что писал Марксу об этом на следующий день немецкий рабочий, в прошлом активный деятель Союза коммунистов И. Г. Эккариус, который наряду с Марксом представлял тогда в Генеральном Совете немецкий пролетариат: «Ты, вероятно, помнишь, что уже в прошлую среду г-н Уэстон внес предложение обсудить предварительно декларацию принципов и заявил, что кое-что придумал и готов представить Комитету материал для дискуссии. Как выяснилось вчера вечером, он составил обширный документ, в котором среди целой кучи плевел имеется горсточка пшеницы, да и та лишена определенного характера. Подкомитет ему поручил сделать доклад более сжатым, но и в сокращенном виде его произведение не лучше первоначального варианта. Это — сентиментально-декламационная передовица по поводу вопроса, а не по существу. Кример откровенно высказался в том смысле, что доклад должен быть сокращен на три четверти»[1].

В результате обсуждения Генеральный Совет принял решение и проект Уэстона, и устав, представленный

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1.

Л. Вольфом, вновь передать в Подкомитет, поручив последнему создать единый документ, который содержал бы и декларацию принципов и устав, а также придать этому документу нужную форму [1].

Маркс не присутствовал на этом заседании Генерального Совета из-за болезни. Членам Совета причина его отсутствия не была ясна, так как только на следующий день после заседания Эккариус получил письмо от дочери Маркса, извещавшей о болезни последнего. На следующий день в упомянутом выше письме Эккариус рассказал Марксу о положении дел в Совете и сообщил о его избрании в Подкомитет. О последнем обстоятельстве Маркс раньше, как уже говорилось, не знал, так как 5 октября 1864 г. он покинул заседание Генерального Совета еще до того, как был образован Подкомитет [2].

Как видно из письма Эккариуса, последний, по-видимому, убедился, что без Маркса дело с составлением программных документов не пойдет на лад.

«Я с огорчением узнал,— писал он Марксу,— что тебе нездоровится, но от всей души надеюсь, что твое недомогание несерьезно и не будет затяжным. Ты безусловно должен наложить на первенца европейской рабочей организации печать своего содержательного лаконизма» [3].

В это время уже и ряду других членов Генерального Совета стало ясно, что Уэстон и остальные лица, входившие в Подкомитет и принявшие участие в работе по составлению программных документов, не справились с ней. В том же письме Эккариус писал Марксу: «После заседания Кример в частной беседе сказал, что Уэстона не следует больше допускать к этому делу и что редактирование проекта должно быть передано комиссии в составе не больше трех человек, которые по своему ус-

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 7. «Оба эти документа,— писал Эккариус Марксу 12 октября,— были снова возвращены Подкомитету, чтобы использовать то, что в них есть пригодного, оживить изложение и т. д. и составить единый документ, который содержал бы одновременно декларацию принципов и устав» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/2.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1.

мотрению смогут использовать имеющийся материал. Оджер и другие с ним согласились. Наиболее подходящим для этого человеком несомненно будет д-р Маркс [The right man in the right place will undoubtedly be Dr. Marx]»[1].

Однако и на заседание Подкомитета 15 октября Маркс не попал, так как письмо Кримера с извещением о времени и месте заседания было послано им Марксу в тот же день и прибыло слишком поздно. Кример писал: «Милостивый государь! Подкомитет собирается в эту субботу вечером в доме Уэстона, 80, Уайт-Кросс-стрит, и мне поручено передать Вам, что все будут счастливы видеть Вас. Вы. может быть, не осведомлены о том. что Генеральный Комитет в Ваше отсутствие избрал Вас в Подкомитет. Я не знал или позабыл, что Вы уже ушли с заседания, когда выбирали Подкомитет, иначе я бы сообщил Вам о Вашем избрании раньше. Глубоко уважающий Вас, почетный секретарь У. Р. Кример. Уайт-Кросс — недалеко от Финсбери-сквер»[2].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1. Ряд документов свидетельствует о том, что среди лидеров лондонского пролетариата Маркс пользовался большим авторитетом. В дни, предшествовавшие проведению Учредительного собрания Интернационала, подготовительный комитет, в котором преобладали лидеры английского рабочего движения, прислал для переговоров к Марксу Ле Любе. Маркса попросили принять участие в собрании и подготовить выступление от имени немецких рабочих (очевидно, устроители собрания считали, что будет тактичнее, если на собрании выступит именно рабочий, а не сам Маркс). Переговоры подготовительного комитета с Марксом имели место, по-видимому, до 26 сентября 1864 г., ибо 26 сентября Маркс уже получил от Эккариуса письмо, в котором шла речь о выступлении Эккариуса на Учредительном собрании (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 1). 28 сентября, в день собрания, Кример послал Марксу следующее специальное приглашение: «Доктору Марксу. Сэр! Комитет, который, как это указано в прилагаемом приглашении, организует собрание, почтительно просит оказать ему честь Вашим присутствием. Предъявление этого приглашения послужит Вам пропуском в комнату, в которой в $7^1/_2$ часов собирается Комитет. Преданный Вам У. Р. Кример» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 4).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/2. Насколько члены Генерального Совета были заинтересованы в том, чтобы Маркс принял участие в разработке программных документов Первого Интернационала, видно из следующих обстоятельств. В ответ на приведенное письмо Кримера Маркс написал ему записку, которая не дошла до нас. В ней он, по-видимому, извещал Кримера, что сумеет прийти на

После заседания Генерального Совета 11 октября программными документами из 9 членов Подкомитета занимался один Ле Любе. Оджер, Кример, Пиджин, Уитлок, Холторп с самого начала принимали участие только в обсуждении, Уэстон был фактически отстранен от участия в работе над документами, Вольф уехал в Неаполь на съезд итальянских рабочих обществ [1], а Маркс в силу отмеченных выше обстоятельств еще не мог приступить к работе. Таким образом, проекты Уэстона и Вольфа попали к мелкобуржуазному демократу Ле Любе и создание программных документов оказалось в его руках.

Помимо проектов Уэстона и Вольфа Ле Любе имел в своем распоряжении два документа, составленные в связи с Учредительным собранием I Интернационала: обращение «Рабочим Франции от рабочих Англии» и ответное обращение «Рабочие Франции своим английским братьям» [2]. Безусловно, он воспользовался и тем организационным планом, который был предложен на Учредительном собрании делегацией французских рабочих, считавших необходимым создать в Лондоне центральный руководящий орган международного объединения трудящихся из представителей разных наций и созвать в 1865 г. международный рабочий конгресс.

заседание Генерального Совета в среду. Кример, решив, что Маркс перепутал день заседания Совета, был весьма этим обеспокоен и сейчас же написал ему второе письмо: «Сэр! Судя по Вашей записке, я опасаюсь, что Вы находитесь в заблуждении относительно дня заседания Комитета; оно состоится *завтра, во вторник,* а не в среду, как указано в Вашей записке. С совершенным почтением Ваш У. Р. Кример» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/3).

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/1, а также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 209 и «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 7. Однако на съезде в Неаполе Вольф не присутствовал: после приезда в Италию он был арестован и заключен на некоторое время в тюрьму в Алессандрии.

[2] «To the Workmen of France from the Working Men of England» впервые опубликовано в «Bee-Hive» № 112, 5 декабря 1863 года. Это обращение было зачитано на Учредительном собрании 28 сентября 1864 г. (см. отчет о нем в «Bee-Hive» № 155, 1 октября 1864 г.). Ответное обращение французских рабочих впервые опубликовано в том же отчете о собрании 28 сентября 1864 года. Оба документа напечатаны на русском языке в сборнике «Основание Первого Интернационала». М., 1934.

15 октября Ле Любе представил Подкомитету единый документ. Он совершенно выбросил декларацию принципов, составленную Уэстоном, а в основу вводной части устава положил вводную часть итальянского устава, отредактировав ее на свой манер. Что касается самого устава, то Ле Любе, не внося изменений в итальянский проект по существу, увеличил число параграфов с 9 до 40. Подкомитет принял документ Ле Любе и предложил его Генеральному Совету 18 октября.

На этом заседании Маркс впервые познакомился с вариантом Ле Любе и сразу понял, что этот документ ни в малейшей степени не мог соответствовать целям и задачам Международного Товарищества Рабочих. Он писал Энгельсу: «Пленум [Генеральный Совет.— *В. С.*] заседал 18 октября. Так как Эккариус написал мне, что промедление грозит опасностью, я явился. Я прямо ужаснулся, услыхав прочитанное милейшим Ле Любе чрезвычайно фразистое, плохо написанное, совершенно незрелое введение, имеющее претензию быть декларацией принципов, где на каждом шагу проглядывал Мадзини из-под коры самых расплывчатых обрывков французского социализма. Кроме того, в общем и целом был принят итальянский устав, который, не говоря уже о других ошибках, ставил себе целью нечто действительно невозможное: нечто вроде центрального правительства рабочих классов *Европы* (конечно, с Мадзини на заднем плане)» [1].

Заседание проходило бурно. В дискуссии приняли участие почти все присутствовавшие члены Совета: Маркс, Фокс, Уорли, Фонтана, Холторп, Бордаж, Картер, Уэстон, Уилер, Пиджин, Морган и другие. Большинство склонялось к одобрению представленного Ле Любе документа [2].

---

[1] Маркс — Энгельсу, 4 ноября 1864 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные письма. М., 1953, стр. 148).

[2] В протокольной книге Генерального Совета за 1864—1866 гг. в записи заседания 18 октября имеется следующая резолюция о принятии программы (речь идет о вводной части проекта Ле Любе): «Г-н Фонтана, при поддержке Лама, предлагает принять в основном данную программу. Принимается единогласно». Протокол Генерального Совета от 18 октября был опубликован также в «Bee-Hive Newspaper» № 158, 22 октября 1864 г., где ход обсуждения

Несмотря на принятие Советом вводной части, Марксу, при поддержке Эккариуса, удалось добиться передачи всего документа на новую доработку в Подкомитет. Резолюция, принятая Советом, гласила: «Подкомитету поручается привести в окончательный вид вводную часть Устава и Устав и представить их Центральному Совету на следующем заседании»[1].

Через два дня, 20 октября, на квартире у Маркса состоялось заседание Подкомитета. Присутствовали Кример, Ле Любе и Фонтана, последний — в качестве представителя итальянских рабочих. Редактирование документа было начато со второй части, а именно с Устава: «Был уже час ночи,— писал Маркс Энгельсу в том же письме,— когда первый из 40 пунктов устава был принят. Кример сказал *(я этого как раз и добивался)*: «Нам нечего предложить Комитету, который должен заседать 25 октября. Надо его отложить до 1 ноября. А комиссия может собраться 27 октября и сделать попытку достичь окончательного результата»»[2].

Предложение Кримера было поддержано присутствующими членами Подкомитета, и проект Ле Любе остался для «редактирования» у Маркса. Что сделал Маркс с этим материалом, видно из того же письма Энгельсу: «Я увидел, что нет никакой возможности сделать что-нибудь из этой чепухи. Чтобы несколько оправдать тот в высшей степени своеобразный способ, каким я собирался проредактировать уже «вотированные чув-

---

и решение Совета переданы следующим образом: «Г-н Ле Любе делает сообщение правлению Товарищества о введении, декларации принципов и уставе, вызывающее значительную дискуссию. В конце концов введение, излагающее цели Товарищества, и декларация принципов одобряются, а устав откладывается для дальнейшего рассмотрения».

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 9.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные письма. М., 1953, стр. 149. 24 октября Кример сообщил Марксу об окончательном решении перенести заседание Генерального Совета: «Сэр! Заседание Генерального комитета отложено до вторника, 1 ноября. Подкомитет соберется в четверг [т. е. 27 октября.— *В. С.*], в 5 часов вечера, у г-на Боллетера, 2, Нассау-стрит, Сохо. С братским приветом, почетный генеральный секретарь У. Р. Кример» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 74/4, см. также «Основание Первого Интернационала», стр. 14).

ства», я написал *Манифест к рабочему классу* (*чего в первоначальном плане не было*. Нечто вроде обзора судеб рабочего класса с 1845 г.). Под предлогом того, что в этот Манифест вошел уже весь фактический материал и что не стоит повторять трижды одно и то же, *я изменил все введение, выкинув «декларацию принципов»* [курсив наш.— *В. С.*], и, наконец, вместо 40 пунктов устава оставил 10»[1].

27 октября Подкомитет принял все предложения Маркса, его обязали только, как писал Маркс Энгельсу 4 ноября 1864 г., «во введении к уставу вставить две фразы о «долге» и «праве», а также об «истине, нравственности и справедливости»[2].

1 ноября на заседании Генерального Совета состоялось рассмотрение и голосование представленных

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 148.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 13. Маркс имеет в виду следующее место во Временном Уставе: «Они заявляют, что это Международное Товарищество и все вступившие в него общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований и национальности. Они считают долгом человека требовать прав человека и гражданина не только для себя самого, но и для всякого человека, выполняющего свои обязанности. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав». Сообщая Энгельсу о решении Подкомитета, Маркс писал, что эти фразы «вставлены таким образом, что никакого вреда принести не могут». Маркс справедливо опасался засорения языка программных документов Первого Интернационала пустой демократической фразеологией, которая, по словам Ленина, служила прикрытием для буржуазного и мелкобуржуазного влияния на рабочий класс. Великие идеи французской буржуазной революции конца XVIII в. с переходом буржуазии на реакционные позиции потеряли свое революционное содержание, превратившись в пустые фразы, которые затуманивали сознание рабочих, мешали им понять свои особые классовые интересы, отличные от интересов буржуазии. Маркс сумел включить эти понятия в пролетарский документ таким образом, чтобы не только не затемнить четко сформулированные требования пролетариата, но придать им новое содержание, отвечающее духу классовой гуманистической морали пролетариата. Поэтому на современном этапе развития коммунистического движения, когда коммунизм как никогда раньше демонстрирует свой гуманистический характер, а буржуазия все больше отрекается от демократических идеалов своего прошлого, эти положения Временного Устава приобрели весьма актуальное звучание.

Марксом документов. Ниже приводится целиком часть протокола, посвященная данному вопросу. Из нее явствует, что составленные Марксом документы были приняты по существу без изменений.

«Доктор *Маркс* оглашает Манифест, вводную часть Устава и Устав, окончательно согласованные в Подкомитете и предлагаемые на утверждение Центральному Совету.

Г-н *Уитлок* считает, что следует дать какое-либо пояснение (в виде примечания) относительно терминов «азот» и «углерод»[1].

Гг. *Картер, Гроссмит* и другие высказываются за принятие Манифеста.

Г-н *Уитлок,* при поддержке г-на *Картера,* предлагает *принять Манифест в том виде, в каком он был оглашен.*

Г-н *Уорли,* при поддержке г-на *Уилера,* вносит следующую поправку: *вычеркнуть выражение «охотники за прибылью».*

За поправку голосует 11 человек, за резолюцию — 10. Поправка принимается, выражение «охотники за прибылью» вычеркивается.

Манифест принимается единогласно.

Затем доктор *Маркс* оглашает вводную часть Устава.

По предложению г-на *Уилера,* поддержанному *Блакмором,* вводная часть утверждается единогласно.

После этого обсуждается Устав.

По предложению г-на *Делла,* поддержанному *Уитлоком,* Манифест, вводная часть Устава и Устав утверждаются единогласно»[2].

---

[1] В первом издании Манифеста, как и во всех последующих, было дано соответствующее примечание: «Вряд ли нужно напоминать читателю, что углерод и азот, наряду с водой и некоторыми неорганическими веществами, составляют сырье для человеческой пищи. Однако для питания человеческого организма эти простые химические составные части должны быть доставляемы в виде растительных или животных веществ; картофель, например, содержит главным образом углерод, между тем как пшеничный хлеб содержит углерод и азот в надлежащей пропорции» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 4).

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 10. После принятия документов Совет одобрил следующую резолюцию: «Г-н Уилер, при поддержке г-на Делла, предлагает выразить от

Принятие Генеральным Советом Учредительного Манифеста и Временного Устава Маркс рассматривал как победу над Мадзини, над буржуазными и мелкобуржуазными демократами, как первый шаг в борьбе за подлинно пролетарский характер только что созданного Международного Товарищества Рабочих.

14 ноября 1864 г. он писал Энгельсу: «Через несколько дней ты получишь «Address» и Provisional Rules [«Адрес» и Временный Устав.— *В. С.*]. Дело было не столь трудно, как ты думаешь, так как все же ведь имеешь дело с «рабочими»... *Мадзини rather disgusted* [*несколько недоволен.— В. С.*], *что его люди тоже подписались под адресом, но он вынужден faire bonne mine au mauvais jeu* [*делать вид, что он доволен.— В. С.*]»[1] (курсив наш.— *В. С.*).

Точно так же расценивал этот факт и Энгельс. В письме Марксу от 7 ноября того же года он отмечал: «Особенно важно влияние на итальянцев, тут все же имеются шансы на то, что лозунгу «Dio e popolo» [«бог и народ».— *В. С.*] будет положен конец среди рабочих; для бравого Джузеппе это явится неожиданностью»[2].

В конце ноября Учредительный Манифест и Временный Устав вышли отдельной брошюрой в издательстве «Bee-Hive»[3]. Помимо отдельного издания, 5 ноября Учредительный Манифест был опубликован в самой газете «Bee-Hive». 21 и 30 декабря под названием «Manifest an die arbeitende Klasse Europa's» Учредительный Манифест в переводе самого Маркса был опубликован в Германии в органе Всеобщего германского рабочего союза газете «Der Social-Demokrat». В начале 1865 г. на французском языке появился перевод Временного Устава,

---

имени Центрального Совета признательность доктору Марксу, г-ну Уэстону и г-ну Ле Любе за их труды по составлению столь замечательного Манифеста» (там же, стр. 10—11). Как видно из предыдущего изложения, имена Уэстона и Ле Любе были указаны в резолюции скорее из соображений вежливости и такта, нежели за реальный вклад в создание программных документов.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 214.

[2] Там же, стр. 212.

[3] Address and Provisional Rules of the Working Man's International Association, Established September 28, 1864 at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London».

содержавший, правда, как уже отмечено выше, ряд серьезных принципиальных искажений.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится ряд писем в адрес Маркса, свидетельствующих о том, что помимо посылки программных документов Товарищества рабочим организациям в Англии и на континенте Маркс сам отправлял брошюру видным деятелям рабочего движения, отдельным лицам, интересующимся рабочим вопросом. В этих письмах содержатся любопытные отзывы о программных документах Интернационала.

Видный деятель чартистского движения Эрнест Джонс 1 декабря 1864 г. писал: «Дорогой Маркс. Глубоко благодарен тебе за Манифест. Меня очень обрадовало то, что тебе удалось создать это общество» [1]. В другом письме он же говорил: «Мне очень радостно слышать об успехах движения, которое находится на верном пути. Пиши чаще и подробнее» [2].

Дочь немецкого врача-демократа в Манчестере Л. Борхардта — Матильда Борхардт, об интересе которой к социальным вопросам Маркс знал от Энгельса и своего старого товарища Вильгельма Вольфа, писала Марксу 30 ноября 1864 года:

«Многоуважаемый господин! Я только что с большим интересом прочитала присланную мне сегодня утром брошюру «Манифест и Временный Устав Международного Товарищества Рабочих»... Разрешите мне выразить сердечную благодарность за Ваше послание. Совершенно естественно, что нужда рабочих трогает меня до глубины души и меня крайне возмущает та несправедливость, с которой всегда обращаются с ними. Кажется совершенно непостижимым, что такое большое количество людей, которые не могут не видеть совершенно ясно печальных последствий теперешней системы и которые как раз благодаря ей скопили свои громадные богатства, спокойно воспринимает существующий порядок вещей, что эти люди могут наслаждаться, считая это даже своим правом, и им вовсе не приходит в голову

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 135/1.

[2] Джонс — Марксу, 5 сентября 1864 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1494).

мысль о страданиях тех, руками которых и создано это богатство»[1].

Принятие Учредительного Манифеста и Временного Устава не положило конца попыткам буржуазных и мелкобуржуазных демократов установить свое влияние в Интернационале. При этом подобные попытки теперь сопровождались выпадами против Маркса с целью подорвать его авторитет и воспрепятствовать распространению идей марксизма в международном рабочем движении. Уже через год, осенью 1865 г., после первой Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих, эти антипролетарские элементы предприняли атаку на программные документы Товарищества, пытаясь исказить историю их создания, умалить заслуги Маркса и даже оспорить его авторство. П. Везинье (близкий к группе французского мелкобуржуазного демократа Ф. Пиа, который впоследствии в течение ряда лет вел активную клеветническую кампанию против Маркса и Интернационала) выступил анонимно на страницах газеты «Écho de Verviers» и прямо заявил, что Учредительный Манифест «принадлежит перу видного публициста латинской расы»[2], то есть Мадзини. Вопрос этот подвергся всестороннему обсуждению на заседаниях Генерального Совета 26 декабря 1865 и 9 января 1866 года. По предложению Маркса и Юнга 9 января было решено «потребовать от Везинье, чтобы он

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1492. Очень любопытно письмо Леона Филипса, дяди Маркса, купца в Голландии, которому Маркс также послал этот документ, зная его демократические симпатии. Однако, несмотря на свое «свободомыслие», Филипс подошел к этому документу с позиции своего класса. Он пытался «увещевать» Маркса, удержать его в рамках законности: «Благодарю тебя за твой Манифест и остальное. Я считаю рабочий вопрос, безусловно, самым интересным вопросом нашего времени, и, однако, я полагаю, что только долгим, обычным путем развития — без сильных потрясений — можно будет достигнуть длительного улучшения. Если Товарищество останется верным *тому, что оно провозгласило* в начале своего *Устава,* то только тогда, конечно *медленно*, но, как я полагаю, более надежно, оно достигнет доброй цели» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1496).

[2] Цитируется по статье Г. Юнга «Письмо в газету «Écho де Verviers»» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 537).

обосновал выдвинутые им обвинения; если же он этого не сделает, исключить его»[1].

Член Совета, секретарь-корреспондент для Швейцарии Герман Юнг в ответ на нападки Везинье написал статью, которая была передана в Подкомитет и отредактирована Марксом. 6 февраля по предложению Уэстона Генеральный Совет принял решение немедленно отослать ответ в редакцию «Écho de Verviers»[2].

Опровергая клевету Везинье, Юнг писал: «Манифест принадлежит перу не видного публициста латинской расы, а писателя германской расы; Манифест был принят единогласно всеми членами Центрального Совета, в том числе французами и итальянцами, еще до того, как публицист латинской расы с ним ознакомился; последний не только не является автором Манифеста, но если бы он был знаком с этим документом, то поднял бы против него итальянских членов из-за его *антибуржуазной тенденции* [курсив наш.— *В. С.*]; но он опоздал и смог только помешать итальянским членам перевести Манифест на итальянский язык. Вы, очевидно, никогда не читали этого Манифеста, а публицист латинской расы не поблагодарит Вас за то, что Вы приписали ему авторство этого произведения»[3].

Разоблачение не остановило противников Маркса. Через месяц, 6 марта, они возобновили свои нападки. В этот день на заседании Генерального Совета ставленник Мадзини, бывший член Совета, итальянец Луиджи Вольф, разоблаченный впоследствии, как уже говорилось, агент бонапартистского правительства, заявил, что Устав Международного Товарищества Рабочих был составлен Мадзини[4]. Выступление Вольфа именно на этом

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 104.

[2] Статья была напечатана в «Écho de Verviers» № 43, 20 февраля 1866 года.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 537—538. История попыток Мадзини подчинить своему влиянию Международное Товарищество Рабочих была впоследствии освещена Энгельсом. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 394—396, 638—639).

[4] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 116.

заседании было не случайным. Он воспользовался отсутствием Маркса и секретарей-корреспондентов для отдельных стран, не без основания рассчитывая на поддержку таких английских членов Совета, как Кример, Оджер, Хауэлл, Уэстон, которые всегда с большим пиететом относились к знаменитостям типа Мадзини. Уважение к Мадзини как к борцу за национальную независимость Италии порой принимало у тред-юнионистских лидеров характер некритического преклонения перед авторитетами буржуазно-демократических кругов. Поддержал Вольфа и французский демократ Ле Любе, который с первых дней существования Международного Товарищества Рабочих стоял на мелкобуржуазных позициях. Из секретарей-корреспондентов на этом заседании присутствовал только Юнг; он выступил против Вольфа, его поддержали, как это видно из письма Маркса Энгельсу от 24 марта 1866 г., Эккариус и только что принятый в члены Генерального Совета Поль Лафарг. Но сторонники Маркса оказались в меньшинстве, и прошла резолюция, содержавшая, по выражению Маркса, более или менее почетную сатисфакцию для Мадзини[1]. Текст резолюции гласил: «Ввиду того, что резкие выражения по адресу выдающегося писателя латинской расы, употребленные от имени Центрального Совета в ответе на нападки Везинье против Товарищества и опубликованные

«Далее Вольф заявляет, что в статье [речь идет о статье Юнга.— *В. С.*] содержится четыре ложных утверждения относительно Мадзини, а именно: *что Устав был составлен не им,* что он не был знаком с Манифестом, написанным Марксом, и что, если бы он знал о нем, то возражал бы против его принятия. Наконец, Мадзини вовсе не противился переводу Манифеста, а лишь возражал против некоторых мест Манифеста; это касалось каких-нибудь 9 или 10 слов».

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 333. В протоколе заседания Совета 6 марта сказано, что против резолюции голосовали только двое (см. «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 116). Очевидно, в протоколе имеет место или неточная запись или в момент голосования кто-то из трех бесспорных сторонников Маркса (Эккариус, Юнг, Лафарг) отсутствовал. Неясна также позиция присутствовавшего на данном заседании члена Совета, английского журналиста П. Фокса, который в основном в то время шел в Генеральном Совете вместе с Марксом и на следующем заседании, 13 марта, поддержал его и в этом вопросе.

в «Écho de Verviers», основаны на недоразумении, Центральный Совет охотно берет назад эти выражения, а также все выражения такого же характера, употребленные по адресу гражданина Вольфа и его друзей»[1].

Дело приняло серьезный оборот. Маркс опасался, что сторонникам Мадзини удастся получить в Генеральном Совете перевес[2]. Нужно было принимать срочные меры. 10 марта на квартире у Маркса собрались секретари-корреспонденты для континентальных стран — Дюпон, Юнг, Бобчинский и члены Совета неангличане — Лафарг и Лонге. Было решено прежде всего опротестовать резолюцию, принятую 6 марта, как незаконную, так как Вольф не был членом Генерального Совета и при нем, согласно процедурным правилам, нельзя было обсуждать вопрос, который затрагивал его интересы.

Вольф вышел из Генерального Совета при следующих обстоятельствах. Весной 1865 г. в Совете рассматривался конфликт между парижской секцией и французским журналистом А. Лефором. В самом Генеральном Совете группа лиц, связанная с Лефором, после решения конфликта в пользу парижской секции вышла из Интернационала. Заявил о своем выходе и Л. Вольф. 14 марта 1865 г. он прислал председателю Генерального Совета Оджеру письмо, в котором мотивировал свою отставку тем обстоятельством, что якобы в Совете при голосовании по делу Лефора имело место нарушение одного из принципов Товарищества — принципа братства[3]. Однако уже 13 июня того же года Оджер заявил на заседании Совета, что при встрече с ним Вольф сожалел о своем поступке и выразил желание получить назад членский билет. Тем не менее Совет в тот же день принял решение, что в случае, «если член Товарищества возвращает Совету свой членский билет, то он уже не мо-

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 116.

[2] Маркс писал Энгельсу: «Это был бы недурной ход со стороны Мадзини — дать мне так много поработать над Обшеством, а потом присвоить его себе» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 333—334) См. также Marx to N. Philipps, 18. III. 1866 («International Review of Social History», vol. 1. Amsterdam, 1956).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 252/3.

жет получить его обратно; если он захочет вновь вступить в члены Товарищества, он должен приобрести новый билет»[1].

Через день, 14 июня, Кример получил от секретаря Ассоциации итальянских рабочих в Лондоне д-ра Баньягатти письмо такого содержания: «Дорогой сэр, по поручению административного совета Ассоциации совместного прогресса итальянских рабочих я хочу сообщить Вам, что г-н Л. Вольф назначен представителем названной Ассоциации в Международном Товариществе Рабочих»[2].

20 июня 1865 г. Совет принял решение включить в свой состав гражданина Л. Вольфа в качестве представителя Ассоциации совместного прогресса. Однако вплоть до 6 марта 1866 г. Вольф ни разу не присутствовал на заседаниях Генерального Совета. Причина его отсутствия совершенно ясна из двух писем Вольфа Кримеру от 24 июня и 25 июня 1865 года. В первом из них Вольф сообщает о том, что он возвращает Кримеру не подписанные им членские карточки, так как, пишет он, «я не имею никаких полномочий подписывать их, я являюсь только представителем Ассоциации итальянских рабочих в Лондоне»[3].

Во втором письме он с еще большей скрупулезностью доказывает Кримеру, что он, Вольф, не является членом Генерального Совета: «Очевидно, Вы не поняли письма,— пишет он Кримеру,— в котором д-р Баньягатти указывал Вам на то, что я был назначен представителем Ассоциации итальянских рабочих в Лондоне; в его письме не говорилось ни слова ни о каких других моих полномочиях... Я с сожалением должен сказать, что *я не могу* ни в коем случае *принять обязанности вашего секретаря-корреспондента... Я не являюсь членом вашего Совета* [курсив наш.— *В. С.*], но я являюсь членом вашего общества по той простой причине, что я активный член организации, которая составляет часть вашего Товарищества»[4].

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 64.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 251.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 252/4.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 252/5.

Таким образом, Вольф совершенно недвусмысленно заявил о том, что он не принял полномочий члена Генерального Совета. Письма Вольфа были известны членам Совета, в частности Марксу[1].

Из сказанного выше очевидно, что появление Вольфа в Генеральном Совете 6 марта было незаконным, оно было продиктовано новой попыткой сторонников Мадзини атаковать Маркса и его единомышленников. Это доказывается и тем обстоятельством, что после своей неудачи Вольф больше никогда не делает попыток проникнуть в Генеральный Совет и ни разу не появляется на его заседаниях.

Доказать незаконность выступления Вольфа было нетрудно. Но главная задача заключалась не в этом; необходимо было прежде всего показать, какую отрицательную роль в рабочем движении Италии играет Мадзини и каковы его подлинные замыслы в отношении Международного Товарищества Рабочих, разоблачить его стремление использовать международную рабочую организацию как орудие в своих политических целях. Ради этого на заседание Генерального Совета был приглашен Чезаре Орсини, брат Феличе Орсини, известного итальянского революционера, казненного в 1858 году за покушение на Наполеона III.

Выступлению Чезаре Орсини Маркс придавал большое значение, ибо, как непосредственный участник итальянского национально-освободительного движения, Орсини хорошо знал обстановку внутри страны, а непредвзятость его свидетельства не подлежала никакому сомнению, поскольку он был личным другом Мадзини и относился к нему с большим уважением. Орсини в своем выступлении на Генеральном Совете 13 марта 1866 г., как это видно из краткой записи его речи, заявил, что Мадзини не принадлежит к числу социалистических деятелей Италии[2].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 273, 283, 288.

[2] Вот запись речи Орсини: «Гражданин *Орсини* признает, что в Италии имеются социалисты и что Мадзини придерживается реакционных взглядов на науку. Карло Каттанео и Феррари — социалисты» («Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 118).

Протокольная запись заседания 13 марта чрезвычайно лаконична и дает лишь самое общее представление о том, каким образом Марксу и его сторонникам удалось окончательно положить конец посягательствам мадзинистов на самостоятельный пролетарский характер Интернационала. Доказав незаконность принятия самой резолюции, Маркс заявил членам Совета, что Мадзини по своему мировоззрению буржуа и всегда выступал против самостоятельного рабочего движения, в частности, в период создания Интернационала против социалистических идей. Маркс подчеркнул, «что заявление майора Вольфа о том, будто наш Устав написан Мадзини, не соответствует действительности. Маркс сам написал Устав после обсуждения в комиссии нескольких проектов и среди прочих проекта Вольфа. Проекты коренным образом отличались один от другого по двум пунктам. Маркс говорил об угнетении труда капиталом. Вольф высказался за централизацию, но, говоря о рабочих ассоциациях, имел в виду только общества взаимопомощи. Составленный Мадзини устав был напечатан ко времени съезда в Неаполе[1]. Едва ли Мадзини мог видеть написанный Марксом Манифест до того, как он был напечатан; ведь текст находился у Маркса в кармане; разве только Мадзини видел его после того, как он попал в руки Ле Любе перед отправкой в «Bee-Hive»»[2].

Маркса поддержали Дюпон и Фокс. Ле Любе, припертый к стене аргументами Маркса, попытался вывернуться и прежде всего доказать «законность» появления Вольфа на заседании Генерального Совета. Вольф, уверял Ле Любе, является делегатом итальянского общества в Совете и уже в силу этого должен быть признан членом Генерального Совета. Однако Ле Любе вынужден был признать Маркса автором Учредительного Манифеста и Временного Устава, намекнув, правда, что

---

[1] Речь идет о Неаполитанском съезде итальянских рабочих обществ, состоявшемся 25—27 октября 1864 года.

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 117.

кое-что якобы было заимствовано Марксом из документа Мадзини[1].

В результате всестороннего обсуждения вопроса Генеральный Совет аннулировал принятую им резолюцию от 6 марта 1866 года[2].

Таким образом, весной 1866 г. был успешно завершен начавшийся с момента основания Первого Интернационала важный этап борьбы против попыток буржуазных и мелкобуржуазных элементов лишить Интернационал его пролетарского, революционного характера. Отголоски этой борьбы пролетарского ядра Интернационала с мадзинистами мы находим несколько лет спустя в протоколах Генерального Совета. В связи с ложными слухами о смерти Мадзини, распространившимися в Лондоне осенью 1868 г., Уэстон на заседании Совета 24 ноября предложил написать адрес с выражением соболезнования по этому случаю. Юнг выступил против и заявил: «Сколько бы он ни восхищался Мадзини как патриотом и буржуазным республиканцем, он знает, что Мадзини противник происходящей в настоящее время классовой борьбы. В то время как мы являемся вождями определенного класса, он является одним из лидеров другого, и только как о таковом мы могли бы говорить о нем в адресе»[3].

Но, пожалуй, самое неожиданное свидетельство победы сторонников Маркса над представителями буржуазно-республиканского направления при создании программных документов Первого Интернационала содержится в материалах российского департамента полиции. В записке, составленной русским реакционным публицистом и историком, чиновником на дипломатической службе, постоянным осведомителем полицейской охранки С. С. Татищевым для департамента полиции под загла-

---

[1] Запись выступления Ле Любе: «Ле Любе говорит, что имеется два документа; один из них принадлежит не только перу Маркса, кое-что там взято из рукописи Мадзини. Он объясняет, как возникла ошибка Везинье, и настаивает на том, что майор Вольф является делегатом итальянского общества в Совете» («Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр 117—118).

[2] Там же, стр. 120.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65.

вием «Революционное движение в России в 1861—1871 гг.», есть раздел о деятельности Интернационала. По интересующему нас вопросу говорится буквально следующее:

«Председательствовал на нем [Учредительном собрании.— *В. С.*] англичанин профессор Бизли, в числе французских делегатов находился Толен, но душою собрания был Карл Маркс...

В числе присутствовавших на митинге находился секретарь Мадзини майор Вольф. Отсюда весьма распространенное, но не основательное мнение, будто Интернационал возник по мысли Мадзини, тогда как в действительности итальянский агитатор вступил в него с недоверием и вскоре вышел из общества...

В среде Генерального Совета тотчас же обнаружились два противоположных направления. Вдохновляемый Мадзини Вольф предлагал сильную, центральную организацию Международного общества. Маркс же, напротив, настаивал на автономии местных групп. Последнее мнение восторжествовало» [1].

Конечно, Татищев излагает факты весьма схематично и далек от правильного понимания смысла конфликта и позиции Маркса, но он довольно метко подметил наличие двух противоположных тенденций при образовании Интернационала — марксистской и мадзинистской, то есть пролетарской и мелкобуржуазной, и безусловную победу пролетарского крыла в Международном Товариществе Рабочих.

Влияние Мадзини после 1866 г. неуклонно падало и в рабочем движении самой Италии, чему в немалой степени способствовали успехи Международного Товарищества Рабочих.

С завершением объединения Италии в 1870 г. Мадзини стал выступать против участия рабочих в политической борьбе и этим усилил разочарование в мадзинизме передовых рабочих. «У великого агитатора и заговорщика Мадзини,— писал Энгельс,— для них

[1] *С. С. Татищев.* «Революционное движение в России в 1861—1871 гг.», глава II, отдел III. Записка отпечатана множительным аппаратом. Эти документы департамента полиции были обнаружены и обработаны главным библиотекарем ИМЛ М. Д. Дворкиной.

[рабочих.— *В. С.*] только один совет: *Просвещайтесь, обучайтесь как можно лучше* (как будто это возможно сделать, не имея средств!)... *старайтесь как можно больше создавать кооперативные потребительские общества* (даже не производственные!) — *и уповайте на будущее!!!»*[1]. Состоявшийся в Риме в ноябре 1871 г., после семилетнего перерыва, съезд рабочих обществ вопреки сопротивлению мадзинистов принял ряд поправок к «Акту братства итальянских рабочих обществ», которые придали ему более радикальный характер. При этом устранены были некоторые чисто мадзинистские положения. Попытка сторонников Мадзини включить в вводную часть «Акта братства» прямую ссылку на «принципы Джузеппе Мадзини» вызвала раскол на съезде.

Особенно оттолкнула рабочих от Мадзини та резко отрицательная позиция, которую он занял по отношению к Парижской Коммуне. Клеветнические нападки на Коммуну окончательно разоблачили в глазах итальянского и международного рабочего движения буржуазную сущность мировоззрения Мадзини. Незадолго до своей смерти Мадзини вынужден был признать, что ему не удалось создать единого фронта рабочих организаций против распространения Интернационала в Италии.

* * *

Чтобы выявить принципиальное различие и полную противоположность программных и организационных принципов Учредительного Манифеста и Временного Устава Международного Товарищества Рабочих с уставом итальянских рабочих обществ, составленным Мадзини, необходимо сопоставить оба текста. Коренное различие обнаруживается прежде всего в основных положениях обоих документов, в которых формулируются общие задачи и цели рабочего движения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 396.

ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ (ВВЕДЕНИЕ)

«Принимая во внимание: что *освобождение рабочего класса* [здесь и далее курсив наш.— *В. С.*] должно быть завоевано *самим рабочим классом;* что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и *за уничтожение всякого классового господства;* что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что *экономическое освобождение рабочего класса есть,* следовательно, *великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство...* нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного собрания, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, предприняли необходимые

УСТАВ ИТАЛЬЯНСКИХ РАБОЧИХ ОБЩЕСТВ (ВВЕДЕНИЕ)

«Итальянские рабочие общества... убеждены:

...что *моральный* прогресс рабочего класса требует, чтобы узы взаимной любви и братства могли связать вместе ради одной цели всех рабочих Италии;

что *интеллектуальный* прогресс рабочего класса должен быть единообразным, насколько это возможно, для всех его членов и поэтому нуждается в общей идее и единстве руководства;

что *экономический* прогресс рабочего класса ведет к улучшению его материальных условий и освобождению труда от всякой монополии, от всякой безработицы, от всякой несправедливой власти и поэтому требует сосредоточения всех сил рабочего класса...

что для рабочего класса важна прежде всего возможность *законными средствами ставить в известность* свое правительство об условиях своего существования, своих пожеланиях и нуждах и что подобные данные могут быть получены только в результате

шаги для основания Международного Товарищества Рабочих»[1].

общего обследования, произведенного в каждой отдельной местности по единому образцу, и что подобное обследование *может быть проведено только центральной властью»*[2].

Итак, в тексте Маркса речь идет об освобождении рабочего класса. В сжатой и точной формулировке Маркс определяет конечную цель пролетарского движения: «борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и *за уничтожение всякого классового господства»*.

На вопрос, кто даст освобождение пролетариату, Маркс отвечает: сам рабочий класс. Намечая, пока еще в самых общих чертах, пути достижения этой цели, Маркс пишет: освобождение пролетариата от социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости возможно только при его экономическом освобождении, а политическая борьба, политическое движение являются средством в этой борьбе и именно в этом смысле «всякое политическое движение должно быть подчинено» экономическому освобождению «как средство». Это же положение Маркс развивает и в Учредительном Манифесте. «Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути...

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 12.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 249.

Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»[1].

В итальянском уставе речь идет не об освобождении, а о прогрессе рабочего класса, причем в трех разных направлениях: «моральном, интеллектуальном и экономическом». Для достижения этой цели от рабочего класса требуется: «сосредоточение всех сил», совместные действия и соединение всех способностей и сил, существующих в рабочем классе, и «общая идея и единство руководства». Устав обходит вопрос о том, в чьих руках должно быть сосредоточено это руководство. Не делается никаких попыток проанализировать подлинные причины «моральной, интеллектуальной и экономической» отсталости пролетариата. Ни слова о классовом делении общества, об угнетении пролетариата буржуазией, а требование его экономического прогресса, как показывает документ, сводится к улучшению его материальных условий и «освобождению труда» от какой-то мистической «несправедливой власти»[2]. В противовес Временному Уставу, который провозглашал необходимость борьбы за революционное преобразование общества, мадзинистский устав на вопрос, каким путем будет достигнута поставленная цель, отвечает: «для рабочего класса важна прежде всего возможность *законными средствами* ставить в известность свое правительство об условиях своего существования, своих пожеланиях и нуждах»[3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 10. Учредительный Манифест также содержит, как известно, ряд программных положений Международного Товарищества Рабочих. Энгельс называл Манифест «официальным и обязательным комментарием к Уставу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 473).

[2] Как видно из письма Мадзини рабочему обществу Реджии от 19 ноября 1861 г., он вообще отодвигал борьбу за улучшение положения рабочего впредь до полного освобождения Италии: «Когда Италия консолидируется в нацию, вы должны будете решить жизненно важные вопросы, касающиеся улучшения вашего положения в области моральной, интеллектуальной и экономической» (цитируется по книге: *R. Hostetter*. «The Italian Socialist Movement», p. 59).

[3] Как уже было сказано, съезд рабочих обществ в Риме в ноябре 1871 г., вопреки противодействию мадзинистов, принял ряд поправок к «Акту братства итальянских рабочих обществ», в частности, вместо «интеллектуального, морального и экономического прогресса рабочего класса» в новой редакции говорилось об «освобож-

Приведенное выше положение программы Мадзини особенно ярко демонстрирует ее антипролетарский характер, показывает, насколько она была чужда и по существу враждебна принципам научного коммунизма. В 1899 г., выступая в защиту революционной теории Маркса против реформистов в германской социал-демократической партии, В. И. Ленин в статье «Наша программа» с классической четкостью определил отличие революционного марксизма от буржуазного реформизма. Марксизм выяснил, указывал В. И. Ленин, «настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, *не проповедь капиталистам* и их *прихвостням об улучшении положения рабочих* [курсив наш.— *В. С.*], не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»*[1]. Это ленинское положение вполне применимо и к сравнительной характеристике двух разбираемых документов: оно проливает свет на самую основную, самую существенную сторону той коренной противоположности, которая существует между ними.

Итак, совершенно очевидна полная противоположность обоих документов в основных принципиальных вопросах: цель борьбы рабочего класса, роль рабочего класса в движении, средства достижения цели. Сам Маркс именно в этом видел главное отличие программных принципов, изложенных им во Временном Уставе, от итальянского устава. В цитированном выше изложении речи Маркса на заседании Генерального Со-

---

дении» рабочего класса, в фразе «для рабочего класса важна прежде всего возможность законными средствами ставить в известность свое правительство об условиях своего существования и своих пожеланиях» были опущены слова «законными средствами». Эти поправки свидетельствовали о неудовлетворенности итальянских рабочих мадзинистскими принципами, о пробуждавшемся среди них понимании несостоятельности этих принципов; однако, несмотря на поправки, в целом устав продолжал оставаться по существу непролетарским документом (цитируется по книге: *Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение», стр. 90).

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 190—191.

вета 13 марта 1866 г. указывалось на то, что оба документа «коренным образом отличались один от другого», что если в первом из них ставился вопрос о ликвидации угнетения «труда *капиталом»* путем революционной борьбы, то второй имел в виду только общества взаимопомощи в качестве средства разрешения социального вопроса [1].

Не следует забывать, разумеется, и о том обстоятельстве, что при написании программных документов Интернационала Маркс был связан рамками уже «принятого» документа и, изменив совершенно его сущность, он постарался сохранить пункты, в какой-то мере отражавшие подлинные интересы рабочего класса. Это относится преимущественно к особенностям формы и некоторым деталям и второстепенным требованиям. Так, по внешней структуре Временный Устав Товарищества и устав итальянских рабочих обществ совпадают. Оба устава состоят из двух частей: первой — введения, содержащего основные программные положения, и собственно устава, определяющего организационные принципы. Название главного органа Товарищества — Центральный Совет совпадает в обоих документах (это название только в конце 1866 г. вытесняется названием Генеральный Совет). Из итальянского устава перешло в Устав Товарищества положение о помощи членам Интернационала при переезде из одной страны в другую (пункт 9). Этот пункт был традиционным для рабочих организаций и союзов еще в 40-х годах XIX века. Он обсуждался рабочими и в период подготовки к Учредительному собранию 28 сентября [2].

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 117.

[2] Это явствует из письма Эккариуса Марксу от 26 сентября, в котором он спрашивал у Маркса совета, как вести себя на Учредительном собрании, куда Эккариус был приглашен в качестве представителя немецких рабочих: «Я в затруднении — я должен говорить на публичном собрании о какой-то программе, содержания которой я не знаю и языка которой не понимаю. Оджер смог мне вчера вечером (после 11 часов) сообщить только, что дело идет о печати, о каком-то конгрессе, о кредитном банке, о *взаимной поддержке при переездах и т. д.»* (курсив наш.— *В. С.*) (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 1; см. также «Основание Первого Интернационала», стр. 58).

Пункт о статистическом обследовании положения рабочего класса имелся в итальянском уставе и был включен Марксом во Временный Устав Интернационала. Однако Маркс придал этому пункту иной характер. Если в итальянском уставе в свете его общей реформистской направленности требование статистического обследования положения рабочих выглядит почти как самоцель или в лучшем случае как орудие их «интеллектуального и экономического прогресса», то во Временном Уставе оно рассматривается как одно из вспомогательных средств, используемых в интересах развертывания революционной борьбы пролетариата против капиталистического строя.

Ряд положений, отраженных в том или ином виде как в проекте Вольфа, так и во Временном Уставе, представляют собой фиксирование уже принятых решений, касающихся международной рабочей организации. Так пункт 2 Временного Устава о названии этой организации — Международное Товарищество Рабочих — воспроизводит резолюцию Генерального Совета, принятую им на заседании 11 октября 1864 года [1]; о созыве в Бельгии общего рабочего конгресса (пункт 3) речь шла еще на Учредительном собрании Товарищества [2]. Таким образом, некоторые общие моменты в двух сопоставляемых документах касаются второстепенных вещей и не заслоняют полного расхождения в области принципиальных программных, тактических и организационных вопросов.

Принятие Учредительного Манифеста и Временного Устава предопределило победу не только программных положений, но и организационных принципов марксизма. В соответствии с этими принципами Интернационал стал создаваться как массовая пролетарская организация, построенная на демократических началах, а не как узкий заговорщический союз, являющийся игрушкой в руках мелкобуржуазных лидеров. Именно такая организация была идеалом для Мадзини и его сторонников. Принципиальное различие организационных принципов, поло-

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 7.

[2] «Основание Первого Интернационала». М., 1934, стр. 15.

женных в основу Международного Товарищества Рабочих и мадзинистской рабочей организации, становится ясным из их сравнения.

Согласно Временному Уставу, верховным органом Интернационала являлся конгресс (пункты 5. 6), созываемый ежегодно. В обязанности конгресса входило утверждение официальных документов Товарищества (в первую очередь Устава, который был одобрен и принят под названием Общего Устава первым же конгрессом Интернационала в Женеве в сентябре 1866 г.), определение общей политической линии Товарищества («провозглашение перед лицом Европы общих стремлений рабочего класса»), назначение Генерального Совета и заслушивание его ежегодных отчетов.

Между конгрессами всю работу по руководству Интернационалом осуществлял Генеральный Совет. Его структуру, функции и порядок избрания определяли 4, 5, 6 и 8 пункты Временного Устава. Генеральный Совет назначался ежегодным конгрессом Интернационала и состоял из рабочих «различных стран, представленных в Международном Товариществе»; Совет имел право расширять свой состав кооптацией новых членов. Из своей среды он избирал председателя[1], генерального секретаря, казначея и секретарей-корреспондентов для отдельных стран. В обязанности Совета, определенные пунктом 6 Устава, входило:

1) обеспечивать связь между рабочими обществами разных стран, входящими в Интернационал;

2) осуществлять руководство проведением обследования социальных условий в отдельных странах;

3) проводить обсуждение насущных вопросов рабочего движения в Интернационале;

4) организовывать одновременные и согласованные выступления всех рабочих обществ, входящих в Интернационал (в случае международных конфликтов, рабочих стачек и т. п.);

5) брать на себя инициативу внесения предложений в различные национальные и местные общества.

[1] Должность председателя Генерального Совета, занимавшаяся реформистом Оджером, по предложению Маркса была упразднена в сентябре 1867 года.

Кроме того, на Генеральный Совет (пункт 8) по существу возлагались обязанности федерального совета для Англии [1].

Организационная структура Интернационала отражала специфический характер этой первой широкой массовой организации пролетариата стран Европы и Америки. Международное Товарищество Рабочих было создано в эпоху, когда еще ни в одной стране не существовало самостоятельной массовой пролетарской партии и впереди предстояла долгая и трудная борьба за приобщение широких масс рабочего класса к идеям марксизма. Устав Интернационала должен был способствовать вовлечению возможно более широких масс пролетариата в ряды Товарищества, воспитанию их в духе научного коммунизма и пролетарского интернационализма. Поэтому наряду с вновь создаваемыми секциями Временный Устав предусматривал присоединение к Товариществу уже существующих рабочих организаций (статьи 3, 6, 10). Кроме того, существовала форма индивидуального членства. Все общества, вступающие в Интернационал, сохраняли в неприкосновенности свои организации, а следовательно, и свои конкретные программы и уставы. Условием присоединения к Интернационалу было признание его Устава, и прежде всего того пункта, в котором провозглашалась основная цель Товарищества — «защита, развитие и полное освобождение рабочего класса» [2]. Местные уставы и программы не должны были противоречить общим принципам Интернационала.

---

[1] В процессе работы Генерального Совета сложился своеобразный исполнительный орган — Подкомитет (о нем см. настоящий сборник, стр. 285, примечание 1).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 13. § 1 Временного Устава гласил: «Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса». В. И. Ленин писал об этом параграфе Временного Устава: «Превосходно и популярно *о программе и тактике Интернационала* (contra Бакунин)» (см. *В. И. Ленин.* «Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 90—91).

Во Временном Уставе (пункт 7) была поставлена задача «объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами»[1]. Этим была намечена линия будущего развития рабочего движения, поставлена задача подготовки условий для образования пролетарских партий в каждой стране, для чего необходимо было преодолеть существующую идейную и организационную разобщенность рабочего класса.

Однако практически поставить вопрос о самостоятельной пролетарской партии в отдельных странах оказалось возможным лишь позднее, когда созрели объективные условия. Только 13 февраля 1871 г. Энгельс впервые писал Испанскому федеральному совету о необходимости создания в каждой стране самостоятельной пролетарской партии[2], а после поражения Парижской Коммуны Лондонская конференция Интернационала в сентябре 1871 г. приняла специальную резолюцию «О политическом действии рабочего класса», в которой открыто выдвигались эти задачи[3].

Подобно тому как в вводной части к Временному Уставу и в Учредительном Манифесте еще в довольно общей, неразвернутой форме были изложены основные положения политической программы пролетарской партии, так и в организационных положениях Временного Устава содержались первые элементы демократического централизма как основного принципа построения организации. Временный Устав предусматривал в структуре Интернационала широкое развитие демократических начал. Как уже было сказано, высшей руководящей инстанцией был представительный орган — конгресс. Устав давал широкие права как местным организациям, так и отдельным членам Товарищества. Широко проводился принцип выборности и отчетности руководящих органов. В пункте 5 Устава, например, было записано требование об обязательности гласных годовых отчетов Генерального Совета общим конгрессом Товарищества.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 14.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 291.
[3] Там же, стр. 548.

Развивая это положение, Женевский конгресс в 1866 г. принял специальное решение о безвозмездном предоставлении каждому члену Товарищества по его требованию опубликованных отчетов Генерального Совета[1].

В развитие принципов Временного Устава в статье III Общего Устава, утвержденного на Женевском конгрессе, предусматривалось избрание членов Генерального Совета на ежегодных конгрессах. Статья 11 принятого Женевским конгрессом Регламента давала каждому члену Международного Товарищества Рабочих «право избирать и быть избранным»[2].

В структуре Интернационала имелись и элементы централизма, нашедшие свое выражение прежде всего в правах и обязанностях руководящего органа — Генерального Совета. Генеральному Совету было предоставлено право кооптации, приема секций и организаций в Интернационал, подготовки конгрессов и определение программы их работы, выполнение широких функций по организации интернациональных связей и т. д.

Статья 5 Регламента возлагала на центральные советы в отдельных странах обязанность регулярно представлять отчеты о своей деятельности Генеральному Совету. В дальнейшем права Генерального Совета были еще больше расширены (представление ему права исключения из рядов Интернационала враждебных элементов и т. д.).

Генеральный Совет контролировал деятельность местных организаций лишь в рамках, предусмотренных Уставом Товарищества, то есть требовал подчинения их деятельности общей цели — «защите, развитию и полному освобождению рабочего класса». Однако уже во Временном Уставе (статья 6) было предусмотрено, что при определенных обстоятельствах, когда требуются немедленные практические меры, например, в случае международных конфликтов, все общества, входящие в Товарищество, должны «действовать одновременно и согласованно». В этих случаях на Генеральный Совет возлагалась обязанность определять общую политическую и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 548.
[2] Там же.

тактическую линию Международного Товарищества Рабочих и руководить этой борьбой. Здесь, в известной степени, уже можно видеть в зародышевой форме одно из основных положений демократического централизма о безусловной обязательности решений высших органов партии для низших, которое легло впоследствии в основу организационного строения коммунистических и рабочих партий нового типа [1].

Таким образом, Временный Устав намечал лишь самые общие организационные принципы, которые в дальнейшем развивались, дополнялись и уточнялись на последующих конгрессах и конференциях Международного Товарищества Рабочих, особенно на Лондонской конференции 1871 и Гаагском конгрессе 1872 года. Развитие этих принципов в годы Первого Интернационала сыграло важную роль в истории разработки организационной структуры боевой пролетарской партии, в формировании идей демократического централизма. Этот исторический опыт наряду с опытом позднейших этапов развития рабочего движения был всесторонне использован В. И. Лениным и большевиками при строительстве самой революционной, пролетарской партии — партии нового типа.

Совершенно иные принципы лежали в основе организационной структуры итальянского устава. Согласно уставу, Центральный совет итальянских рабочих обществ в составе девяти человек избирался на 2 года съездом (конгрессом) делегатов рабочих обществ. Устав подробно регламентировал деятельность Совета. Центральный совет организовывал три секции в соответствии с тремя целями итальянских рабочих обществ — содействия моральному, интеллектуальному и экономическому прогрессу рабочего класса. Работа секции морального прогресса заключалась в расширении и распространении организации, в частности в сельскохозяйственных районах; в пропаганде среди рабочих книг, которые могли способствовать «моральному» воспитанию рабо-

---

[1] См. об этом также *К. Л. Селезнев*. «К. Маркс и Ф. Энгельс о революционной партии пролетариата». М., 1955.

чего класса; в налаживании связей между рабочими обществами Италии, а также с рабочими обществами других стран. Задачи второй секции (интеллектуального прогресса) сводились к устройству школ для рабочих, выбору учебников, публикации социальной литературы, руководству периодическим органом рабочих обществ. Третья секция (экономического прогресса) ставила своей задачей изучение условий существования, нужд и пожеланий рабочего класса; ведение учета всех обществ, основывающихся на одинаковых принципах; содействие увеличению числа производственных (кооперативных) объединений рабочих; изыскание средств для закупки сырья, инструментов, продовольствия; организацию кредита для производственных объединений рабочих; содействие промышленным выставкам и базарам; ремонт рабочих жилищ; внесение в парламент петиций, касающихся интересов и прав рабочего класса.

По существу весь устав итальянских рабочих обществ (6 статей из 9) был посвящен детальной регламентации деятельности Центрального совета. При этом регламентация была направлена в сторону сужения задач рабочих организаций, сведения их деятельности к просветительству, культурничеству, мелкой экономической взаимопомощи и примитивным кооперативным начинаниям, отвлечения их от широких задач теоретической, экономической и политической борьбы рабочего класса. Именно в этом и заключается одно из принципиальных различий Временного Устава, стремившегося придать широкий размах деятельности пролетарской организации, и устава итальянских рабочих обществ.

Говоря об особенностях Устава Интернационала, Маркс и Энгельс писали в работе «Мнимые расколы в Интернационале»: «В противоположность уставам всех буржуазных обществ, Общий Устав Интернационала лишь слегка затрагивает вопросы его организационной структуры. Развитие организационной структуры он предоставляет практике, а ее оформление — будущим конгрессам»[1]. Маркс и Энгельс далее указывали, что ради единства и общности действий организаций Интер-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 33.

национала в различных странах Генеральному Совету было уделено в Уставе больше внимания, чем другим звеньям Товарищества. Однако, как показывает сравнение документов, в то время как функции Генерального Совета были определены в самых общих чертах, деятельность Центрального совета итальянских рабочих обществ расписана самым подробным образом, вплоть до таких мелочей, как ремонт жилищ рабочих. Подобная концентрация всей власти в руках Центрального совета соответствовала замыслам Мадзини, который, сохраняя в этом Совете решающее влияние, стремился к использованию итальянских рабочих обществ в своих политических целях.

Задача Мадзини облегчалась тем обстоятельством, что фактически все руководство работой итальянских обществ взаимопомощи, представительство на съездах и т. п. фактически сосредоточивалось в руках буржуазных элементов — адвокатов, докторов, священников. В весьма незначительной степени к руководству привлекались рабочие, притом, как правило, ремесленники. Этому засилью буржуазных элементов в итальянских обществах взаимопомощи в значительной мере способствовало и то, что в последних существовали так называемые почетные члены, которые входили в общества и платили членские взносы, но, не нуждаясь в денежных пособиях, находились по сравнению с другими членами обществ в привилегированном положении. Мадзини сам был почетным председателем и почетным членом целого ряда рабочих обществ взаимопомощи. Таким образом, все руководство рабочими обществами фактически сосредоточивалось в руках Мадзини и его единомышленников.

Маркс, видя в почетном членстве путь к проникновению буржуазных элементов в рабочее движение, в первые же дни работы Генерального Совета добился того, чтобы не допускать ни для кого привилегированного положения по сравнению с простыми рабочими, членами Генерального Совета. В начале декабря 1864 г. известный французский мелкобуржуазный социалист Луи Блан написал Кримеру письмо, в котором сообщил о своем одобрительном отношении к Учредительному Манифесту и выражал сожаление, что не принял участия

в собрании 28 сентября. Маркс сразу же разгадал истинные намерения Луи Блана и, сообщая о них Энгельсу, указывал на меры, предпринятые им еще ранее в Генеральном Совете для того, чтобы оградить Интернационал от проникновения в его ряды лидеров антипролетарских течений. В письме к Энгельсу от 10 декабря 1864 г. он указывал: «Altogether [в конце концов.— *В. С.*] его [Луи Блана.— *В. С.*] письмо имеет своей единственной целью добиться того, чтобы его привлекли в общество в качестве honorary member [почетного члена.— *В. С.*]. Предвидя, что могут быть сделаны подобного рода попытки, я, к счастью, уже до этого успел провести by-law [дополнительный статут.— *В. С.*], что никто не может быть *приглашаем* (за исключением рабочих *обществ)* и что ни один человек не может быть *почетным членом*»[1].

Мадзини пытался придать итальянским рабочим обществам заговорщический, сектантский характер, чуждый классовым задачам пролетарского движения. Такую же цель он преследовал и в отношении международной организации пролетариата, стремясь навязать ей составленный им устав этих обществ. 28 июля 1871 г. Энгельс писал Карло Кафьеро об уставе Мадзини следующее: «Устав был составлен в духе централизованного за-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 227.

В протокольной книге Генерального Совета резолюции в подобной формулировке нет. Очевидно, не все резолюции были занесены в протокольную книгу. Из резолюций по вопросу о членстве, предложенных Марксом на заседаниях Генерального Совета до 10 декабря 1864 г., записаны две: 8 ноября — о том, что «тот, кто лишен возможности посещать заседания, не может быть членом настоящего Совета», и 22 ноября — о присоединении к Международному Товариществу Рабочих организаций в коллективном порядке («Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 11, 15). Эти резолюции, кооптация в состав Совета ряда новых членов из немецких и французских рабочих (Лесснера, Пфендера, Юнга, Дюпона, Лохнера, Кауба и др.), предложение Маркса от 24 января 1865 г. о введении предварительного обсуждения кандидатур, выдвигаемых в состав Генерального Совета,— все это способствовало укреплению авторитета Совета, превращению его в работоспособный, боевой, пролетарский по своему характеру, руководящий орган Интернационала.

говора, дающего *тираническую* власть центральному органу»[1].

Напротив, для Международного Товарищества Рабочих, особенно на первом этапе его существования, было важно, как об этом неоднократно писали Маркс и Энгельс, широко открыть двери перед существующими рабочими организациями с целью объединить все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки. Поэтому Маркс включил в Устав пункт о сохранении в неприкосновенности существующих рабочих обществ, рассматривая их как опору международной пролетарской организации и не противопоставляя их вновь создававшимся секциям. Это положение Маркс и Энгельс неоднократно развивали и впоследствии. В 1871 г., после поражения Парижской Коммуны, в обстановке клеветы и травли Интернационала, который вся буржуазная пресса объявила подстрекателем гражданской войны во Франции, Маркс в интервью корреспонденту нью-йоркской газеты «The World» говорил:

«В действительности же форма его организации [Интернационала.— *В. С.*] предоставляет как раз наибольшую свободу местной самодеятельности и независимости. В самом деле, Интернационал вовсе не является собственно правительством рабочего класса; он представляет собой скорее объединение, чем командующую силу». Это объединение существует «с целью экономического освобождения рабочего класса посредством завоевания политической власти; с целью использования этой политической власти для осуществления социальных задач... Товарищество не предписывает определенную форму политических движений; оно только требует, чтобы эти движения были направлены к одной цели. Оно представляет собой сеть объединенных обществ, раскинутую по всему миру труда»[2].

Выдвигая главным условием приема в Товарищество признание основной цели борьбы Интернационала, Временный Устав предоставлял возможность участия в разработке основных теоретических положений всем отря-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 394.
[2] Там же, стр. 634—635.

дам рабочего движения. Создание единой теоретической программы, преодоление сектантства, теорий утопического социализма, соединение массового рабочего движения с марксизмом, подготовка почвы для создания самостоятельных пролетарских партий на местах — все это стало основным содержанием деятельности Первого Интернационала.

Успешному решению этих задач содействовал Временный Устав Товарищества, который обеспечивал массовый характер международного объединения пролетариата, необходимую степень централизации и единства при развертывании широкой инициативы местных организаций, достаточную авторитетность и пролетарский характер руководящего органа Товарищества — Генерального Совета. Временный Устав Товарищества не допускал превращения Интернационала в заговорщическую, сектантскую организацию. И в этом также состояло важнейшее принципиальное различие между Временным Уставом и уставом, составленным Мадзини, что отмечал и сам Маркс в уже упомянутой выше речи в Генеральном Совете 13 марта 1866 г., подчеркнувший сугубо централизаторские тенденции мадзинистского устава.

Летом 1870 г., когда французское правительство организовало провокационный процесс против членов парижской федерации Первого Интернационала, обвиняя их в подготовке заговора с целью убийства Наполеона III, Маркс в специальном воззвании Генерального Совета указывал на неприемлемость для Международного Товарищества Рабочих заговорщической тактики и соответствующих форм организации[1]. В 1871 г., в условиях ожесточенной травли Первого Интернационала, Лондонская конференция приняла специальную резолюцию, категорически запрещающую «как сейчас, так и впредь, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова»[2]. Поддерживая эту резолюцию, Маркс выступал против заговорщических принципов, свойственных незрелым, сектантским формам рабочего

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 445.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 427.

движения и ведущих к отрыву от масс. Он проводил при этом принципиальную грань между нелегальной, подпольной деятельностью — необходимость которой в определенных условиях он отнюдь не отрицал, а наоборот подчеркивал,— и заговорщической тактикой. Об этом свидетельствует выступление Маркса на заседании Лондонской конференции 22 сентября 1871 года. Маркс предложил реорганизовать местные группы Международного Товарищества Рабочих в тех странах, где деятельность Интернационала была запрещена, законспирировать их, дав им другие названия: «Категорически воспрещаются, однако,— говорил он,— какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова. Одно дело — *тайная организация* [курсив наш.— *В. С.*], а другое — тайные общества в собственном смысле слова, против которых, *наоборот,* следует вести борьбу» [1].

Итак, коренное различие обоих сопоставляемых документов очевидно. Если Устав Международного Товарищества Рабочих ставил своей целью борьбу за «полное освобождение рабочего класса», то устав итальянских рабочих обществ сводил ее к «содействию моральному, интеллектуальному и экономическому прогрессу всего рабочего класса Италии», по существу ограничивая пролетарское движение созданием обществ взаимопомощи. Устав Интернационала отстаивал революционный характер рабочего движения, устав мадзинистов, в противовес этому, направлял его на реформистский путь.

Устав Интернационала отразил стремление его вождя К. Маркса создать классовую, подлинно интернационалистскую, массовую организацию международного пролетариата. Принятие этого устава и развитие его принципов в годы Интернационала составило важный этап борьбы Маркса и Энгельса за самостоятельную пролетарскую партию. Устав итальянских рабочих обществ явился плодом попыток буржуазного демократа Мадзини придать объединению рабочих обществ непролетарский характер, подчинить рабочее движение буржуаз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 652.

ному влиянию и использовать его в заговорщических целях, весьма далеких от подлинных интересов рабочего класса.

* * *

Чтобы показать место Временного Устава и Учредительного Манифеста Первого Интернационала в истории международного рабочего движения, в разработке программных и организационных принципов марксизма, необходимо познакомиться с уровнем рабочего движения в странах европейского континента к моменту создания Международного Товарищества Рабочих.

60-е годы XIX века характеризовались усилением революционной активности пролетариата и значительным ростом рабочего движения, которое во многих странах стало приобретать массовый характер. Однако в идейном и теоретическом отношении во всех странах оно находилось еще на очень низкой ступени, в нем преобладало влияние различных форм домарксовского утопического социализма. Ни один из национальных отрядов пролетариата не сумел преодолеть сектантства, свойственного ранним ступеням классовой борьбы пролетариата и ставшего в пору Первого Интернационала серьезным препятствием для развития массового рабочего движения. Особенности исторического развития и специфическая социально-экономическая обстановка в каждой стране обусловливали живучесть в рабочем классе мелкобуржуазных пережитков, элементов национальной ограниченности и профессиональной замкнутости, незрелость социальных и политических взглядов и т. п. Только отдельные передовые представители пролетариата уже подошли к пониманию подлинных целей и задач пролетарского движения.

В *Англии* революционные традиции чартизма были в основном забыты. Кооперативное движение, которое окончательно приобрело буржуазный характер, охватывало главным образом обеспеченную верхушку рабочего класса, поскольку кредит был максимально ограничен. Среди рядовых членов тред-юнионов господствовал страх перед тем, что они называли «политикой», а лидеры тред-юнионизма были проникнуты буржуазно-либеральной идеологией, чувством почтительности по отношению к

устоям буржуазного общества. Не случайно в первые же дни работы Генерального Совета член Совета англичанин Уорли, по профессии рабочий-печатник, заявил при обсуждении программных документов, что, по его мнению, капиталист не является противником рабочего[1]. Значительное число рабочих Англии, преимущественно неквалифицированных, оставалось вне тред-юнионов.

Требования рабочего класса Англии и в области политической и в области социальной были изложены видным деятелем тред-юнионистского движения, сапожником Дж. Оджером в упомянутом выше обращении к французским рабочим в ноябре 1863 года. Призывая рабочих к активной деятельности и объединению, Оджер видел в этом средство «с подобающим достоинством противопоставить свои доводы и нравственное право — лести и грубой силе так называемых правителей». «Мы уверены,— писал он,— что могущество деспотов будет подорвано и коварные обманщики вместо того, чтобы позорить доверенные им высшие посты, пользуясь своим положением для того, чтобы тормозить благороднейшие стремления человеческого духа, закончат свои дни в неизвестности. Тогда расчистится путь для честных, разумных людей, они выдвинутся на первое место и будут диктовать законы, охраняющие права большинства, а не привилегии меньшинства»[2]. Таким образом, эта «политическая программа» не содержала ни одного специфически пролетарского требования.

Что касается экономических требований пролетариата, то о них Оджер писал следующее: «Братство народов крайне необходимо для дела труда, потому что мы знаем, что когда мы пытаемся улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, то предприниматели угрожают нам ввозом французов, немцев, бельгийцев или других, которые будут выполнять нашу работу за пониженную плату; мы должны, к сожалению, сказать, что эти факты уже имели место, хотя и были вызваны не

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 9.

[2] Цитируется по сборнику «Основание Первого Интернационала», стр. 10 (перевод сверен с оригиналом; «Bee-Hive», 5. XII. 1863).

желанием наших континентальных братьев причинить нам зло, а недостаточностью регулярной и систематической связи между рабочим классом всех стран; мы надеемся, что таковая связь вскоре будет установлена, так как наш принцип — поднять номинальную заработную плату плохо оплачиваемых групп по возможности ближе к уровню лучше оплачиваемых, не позволять предпринимателям натравливать нас друг на друга и сводить условия нашей жизни до максимально возможного низкого уровня, соответствующего их корыстолюбивому торгашеству» [1].

Обращение английских рабочих по существу не шло далее требования улучшения материального положения рабочих путем сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Эти требования ни в малейшей степени не посягали на основы капиталистического строя.

Ясно сознавая все пороки тред-юнионистского движения, Маркс тем не менее считал необходимым условием успешного развития организации Интернационала в Англии тесное сотрудничество с тред-юнионами, ибо они охватывали основную массу организованного пролетариата Великобритании. Сильной стороной тред-юнионов была их борьба за экономические интересы рабочего класса, большой опыт организации стачек. Присоединение тред-юнионов к Интернационалу Маркс считал большой победой. 15 января 1866 г. он писал Кугельману: «Нам удалось вовлечь в движение единственную действительно крупную рабочую организацию — английские тред-юнионы, которые раньше занимались *исключительно* вопросами заработной платы» [2].

Вместе с тем Марксу и его сторонникам с первых же дней и на протяжении всего существования Международного Товарищества пришлось вести упорную борьбу с буржуазно-либеральной идеологией лидеров тред-юнионов, за приобщение английского рабочего класса к активной политической деятельности, к социализму. Они стремились революционизировать тред-юнионы, превратить их в боевые центры подготовки пролетарской рево-

[1] Цитируется по сборнику «Основание Первого Интернационала», стр. 10 (перевод сверен с оригиналом; «Bee-Hive», 5.XII.1863).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 463.

люции в Англии, использовать их лучшие элементы для создания английской пролетарской партии.

В этой борьбе Маркс, Энгельс и их сторонники опирались на низовые организации тред-юнионов, на рядовых членов. Из английского тред-юнионизма к революционному марксизму пришел, например, видный деятель английского рабочего движения маляр Роберт Шо.

В деятельности Интернационала большое значение придавал Маркс преодолению известной кастовой замкнутости тред-юнионов, вовлечению в их ряды неквалифицированных рабочих. Важной задачей Маркс считал развертывание революционной работы среди неорганизованной части английского пролетариата.

В *Германии* основанный в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз стоял на позициях лассальянства. Руководившие союзом последователи Лассаля целиком придерживались его реформистских взглядов и тактики приспособления рабочего движения к бисмарковскому режиму. Хотя само создание Всеобщего германского рабочего союза и означало шаг вперед в деле политического размежевания рабочего класса с либеральной буржуазией, тем не менее руководители Союза уводили немецкий пролетариат в сторону от революционной классовой борьбы. Они полагали, что сумеют добиться улучшения положения рабочего класса в борьбе с немецкой буржуазией, используя противоречия между нею и прусским бюрократическим государством. Вслед за Лассалем они выдвигали план создания рабочих производительных товариществ с государственной помощью, что практически означало апелляцию к правительству Бисмарка. Пытаясь подчинить рабочее движение своему влиянию и использовать его в борьбе с либеральной буржуазией, Бисмарк, в свою очередь, склонен был обещать вождям лассальянства введение всеобщего избирательного права при условии, что они поддержат его политику объединения Германии сверху, контрреволюционным путем. Ведя беспощадную борьбу с заигрыванием лассальянцев с реакционным прусским правительством, Маркс и Энгельс разоблачали их национализм, реформизм, отрицание ими экономической борьбы рабочего класса, враждебность к профессиональным организациям. Сектантская

позиция лидеров лассальянства явилась серьезным препятствием на пути распространения идей пролетарского интернационализма среди немецких рабочих и тормозила вовлечение их в ряды Интернационала.

Но в самой Германии существовала значительная группа передовых представителей немецкого пролетариата, прошедших школу классовой борьбы в Союзе коммунистов, в огне революции 1848—1849 годов. Это были Вильгельм Либкнехт, Пауль Штумпф, золингенские рабочие Карл Клейн и Фриц Молль и другие. С ними вместе шел тогда еще совсем молодой Август Бебель. Довольно многочисленный и теоретически наиболее подготовленный отряд немецкого пролетариата находился в Лондоне; он состоял из эмигрантов, членов Просветительного общества немецких рабочих, основанного в Лондоне в 1840 году. В его работе в разное время принимали участие Маркс и Энгельс. Среди наиболее видных деятелей общества следует назвать Георга Эккариуса, Фридриха Лесснера, Георга Пфендера и других. Они сохраняли тесную связь с рабочими Германии. Внутри самого Всеобщего германского рабочего союза шел процесс разочарования в лассальянских догмах среди наиболее сознательных элементов, которые тяготели к Интернационалу. Борьба Маркса, Энгельса и их сторонников в Германии против лассальянства увенчалась значительным успехом в 1868 г., когда на Нюрнбергском съезде было провозглашено присоединение немецкого рабочего класса к программе Интернационала[1]. В 1869 г. ученики

---

[1] В упомянутой выше книге австрийского правого социалиста Браунталя («Geschichte der Internationale», Bd. I. Hannover, 1961, S. 114) утверждается, что до 1868 г. рабочее движение Германии не было вообще представлено в Генеральном Совете. Это утверждение абсолютно не соответствует действительности: с самого момента основания Международного Товарищества Рабочих секретарем-корреспондентом для Германии в Генеральном Совете был Карл Маркс, который вел настойчивую борьбу за создание немецких секций Интернационала. Уже 21 января 1865 г. Либкнехт в письме к Марксу сообщил о том, что идеи Интернационала встретили живейшее сочувствие среди членов берлинского союза печатников и наборщиков (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1813). По закону о союзах 1850 г. в Пруссии и по аналогичным законам в других государствах Германского союза рабочие организации не имели права официально присоединяться к каким-либо обществам за границей.

Маркса и Энгельса А. Бебель и В. Либкнехт основали в Эйзенахе Социал-демократическую рабочую партию, стоящую, в основном, на позициях научного коммунизма.

Французское рабочее движение в момент основания Международного Товарищества Рабочих было представлено в нем прудонистами в лице А. Толена, А. Фрибура и А. Лимузена, которые и создали в конце 1864 г. первую секцию Товарищества в Париже. Прудонисты выступали с проповедью мютюэлизма (организации взаимопомощи посредством взаимного кредита), отрицали стачки, профессиональные союзы, производственную кооперацию, необходимость самостоятельной политики рабочего класса.

Для характеристики взглядов этой группы рабочих необходимо познакомиться с двумя документами, один из которых прямо связан с основанием Интернационала и представляет собой ответное обращение французских рабочих на послание английских, а второй непосредственного отношения к Интернационалу не имеет, но более полно и систематически излагает взгляды той же самой группы. Это так называемый «Манифест шестидесяти», составленный, в основном, Толеном и обсужденный на собраниях рабочих в феврале 1864 года; он был принят как избирательная программа рабочих Парижа, которые на дополнительных выборах в Законодательный корпус в марте 1864 г. пытались провести собственного рабочего

Учитывая это обстоятельство, Маркс еще в начале 1865 г. предложил форму индивидуального членства, которая позволяла обойти этот закон. Члены Интернационала в Германии поддерживали связь с Генеральным Советом или непосредственно через Маркса или через Центральный комитет немецких секций в Швейцарии, во главе которого стоял И. Ф. Беккер. Издававшийся Беккером ежемесячник «Vorbote» содействовал распространению идей Интернационала в Германии и образованию секций Международного Товарищества Рабочих. Уже на Лондонской конференции 1865 г. Беккер располагал мандатом золингенской секции (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 9/3). Об этом же см. письма Либкнехта, а также Метцнера, Зигфрида Мейера, А. Фогта Марксу (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1619, 1620, 1621). О деятельности секций Международного Товарищества Рабочих в Германии см. *H. Gemkow.* «Zur Tätigkeit der Berliner Sektion der I. Internationale» (in: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». 1959, Heft 3); *Rolf Dlubek* und *Ursula Herrmann.* «Die Magdeburger Sektion der I. Internationale» (in: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Sonderheft, 1962).

кандидата (сама жизнь заставляла даже прудонистски настроенных рабочих отходить от прудонистской доктрины воздержания от политической борьбы)[1].

«Манифест шестидесяти», получивший такое название по числу подписавших его рабочих, исходит из факта деления общества на классы и неравноправного, бедственного положения рабочего класса: «Без конца, до отвращения повторяли, что нет больше классов: с 1789 г. все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие иной собственности, кроме своих рук, мы, обязанные ежедневно подчиняться правомерным или произвольным требованиям капитала, мы, живущие под гнетом исключительных законов, вроде закона о коалициях и параграфа 1781, посягающих и на наши интересы и на наше достоинство,— мы с трудом можем поверить этому утверждению... Мы утверждаем, что возвещенное законом равенство еще не существует в нравах и только еще должно быть осуществлено на деле. Кто не обладает капиталом и образованием, не может с помощью свободы и солидарности сопротивляться эгоистическим и угнетающим притязаниям,— тот должен, вопреки своей воле, подчиниться господству капитала и покориться чужим интересам»[2].

В «Манифесте шестидесяти» говорилось, что рабочие стремятся не к ниспровержению буржуазии, а к завоеванию для себя тех же прав, какие имеет буржуазия. Они против организации стачек, против аграрного законодательства, раздела имений. «Наш идеал — свобода труда, кредит, солидарность. В тот день, когда они, к славе и благосостоянию нашей страны, будут осуществлены, не будет более буржуа и пролетариев, хозяев и рабочих. Все граждане будут иметь равные права». В «Манифесте» прямо провозглашалось, что к политической программе буржуазии — всеобщее избирательное право, свобода печати, свобода союзов и собраний, отделение церкви от государства, муниципальные свободы — рабочие добавляют только одно требование: «свободное и

---

[1] Манифест опубликован в «Opinion Nationale» 17. II. 1864.

[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга первая. М., 1924, стр. 143—144.

обязательное обучение и свобода труда». Задачи рабочих депутатов в Законодательном корпусе «Манифест» определял следующим образом: «Депутаты-рабочие потребуют минимума экономических реформ»[1].

В обращении «Рабочие Франции своим английским братьям», написанном также Толеном (май 1864 г.), излагались те же взгляды: «Итак, вследствие недостатка профессионального образования наука является привилегией капитала; вследствие разделения труда рабочий — только механически действующая сила; свободный обмен, без солидарности между рабочими, породил промышленное рабство, более беспощадное и более роковое для человечества, чем рабство, уничтоженное нашими отцами в великие дни французской революции.

Наше послание — не крик ненависти; нет, это — призывной набат. Рабочие всех стран! Мы должны объединиться, чтобы поставить непреодолимые преграды роковой системе, которая угрожает разделить человечество на два противоположных класса — многочисленный класс голодных и невежественных и кучку разжиревшей знати.

Наше спасение в солидарности!»[2].

Наряду с этой группой на роль одного из основателей Интернационала претендовал французский журналист, буржуазный республиканец А. Лефор, тесно связанный с редакцией органа кооперативного движения во Франции журнала «L'Association». В конфликте, неизбежном между этими двумя группами, Генеральный Совет поддержал Толена и его сторонников в их борьбе против влияния на рабочее движение буржуазных республиканцев. Но поддержка прудонистов в этом вопросе вовсе не означала прекращения борьбы с их утопическими мелкобуржуазными теориями, которая велась и на конгрессах и в повседневной практике Генерального Совета.

Как и в остальных странах, Маркс пытался установить во Франции связи с представителями революционного пролетариата. Он всячески способствовал выделе-

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга первая. М., 1924, стр. 143—144.

[2] Цитируется по сборнику «Основание Первого Интернационала», стр. 14—15 (перевод исправлен, см. «Bee-Hive», 1. X. 1864).

нию среди прудонистски настроенных рабочих левого течения, постепенно преодолевавшего прудонистские догмы. Искал он опоры также и среди непрудонистских элементов. Так, Маркс стремился вовлечь в активную работу в Интернационале рабочего-публициста, участника революции 1848 г. во Франции Пьера Венсара, а затем рабочего, мастера музыкальных инструментов, Эжена Дюпона, который совсем юным принял участие в революции 1848 года. Э. Дюпон с 1865 г. стал на долгое время секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Франции и сыграл крупную роль в деле укрепления секций Товарищества и распространения идей пролетарского интернационализма в этой стране. Большую помощь в первые годы существования Товарищества оказал Генеральному Совету бывший член Союза коммунистов Виктор Шили, немец по национальности, живший в Париже и игравший роль доверенного лица Генерального Совета. После 1866 г. история Интернационала во Франции неразрывно связана с именем одного из самых верных учеников Маркса и Энгельса — Поля Лафарга.

В *Швейцарии* в рабочем классе преобладали ремесленные мелкобуржуазные элементы. Особенностью швейцарского рабочего движения было также наличие двух основных национальных элементов — немецкого и французского. Среди рабочих Романской Швейцарии значительным влиянием пользовались идеи Прудона. С другой стороны, борьба за создание и укрепление Первого Интернационала в этой стране была неразрывно связана с деятельностью участника революции 1848—1849 гг., друга и соратника Маркса и Энгельса — Иоганна Филиппа Беккера. Роль Беккера в создании немецких секций Интернационала не ограничивается пределами одной Швейцарии: он был связующим звеном между Генеральным Советом и немецкими секциями в самой Германии, а также в Италии.

В *Бельгии* в рабочем движении, как и во Франции, в значительной мере господствовало влияние прудонизма. Известным авторитетом среди рабочих пользовались и буржуазные республиканцы, которые попытались взять дело организации секций Интернационала в стране в свои руки. Однако здесь уже к лету 1865 г. выделилась

группа рабочих под руководством рабочего-публициста Сезара Де Папа. Она стала играть доминирующую роль в пролетарском движении Бельгии. Ранее других эта группа смогла освободиться от влияния прудонистских идей и пришла к коллективизму, к пониманию необходимости введения общественной собственности на орудия и средства производства, в противовес прудоновской догме о сохранении частной собственности на землю, орудия труда и т. п. [1]

В *Италии* в 60-х годах XIX века промышленный пролетариат составлял лишь ничтожную долю, основной массой рабочих были ремесленники. Только после 1860 г. впервые в истории Италии создались условия для формирования пролетариата как класса в масштабах всей страны в целом. Получила широкое распространение такая форма рабочих организаций, как общества взаимопомощи. В этих организациях в начале 60-х годов росло влияние буржуазных республиканцев — мадзинистов, выступавших за национальное объединение страны, введение всеобщего избирательного права и ряд других демократических преобразований. Мадзини стремился объединить рабочие организации в национальном масштабе, с тем чтобы иметь в своих руках сильную централизованную организацию, которую можно было бы использовать в борьбе с монархией и правительством.

---

[1] В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранится письмо Де Папа Марксу от 13 ноября 1869 г., свидетельствующее о преодолении левыми прудонистами прудоновских догм и приближении их к теории научного коммунизма. «Что касается меня,— писал Де Пап,— то я все более и более *депрудонизируюсь,* собственно говоря, я вообще больше не прудонист, да, в конце концов, всегда был им с весьма значительными оговорками, в особенности в отношении земельной собственности, забастовок, *тред-юнионов* и т. п. Голосование на Базельском конгрессе по вопросу о земельной собственности взбесило буржуа, не исключая и школы *мелкобуржуазных* бельгийских и французских прудонистов. Брюссельская «Liberté» (получаете ли Вы ее в Лондоне?) поддержала в этот момент направленную против нас полемику по данному вопросу, которая, кажется, еще не кончилась. Здесь все рабочие стали коммунистами, правда, многие из них не любят этого термина (без сомнения из-за бабувистского или икарийского прошлого, которое этот термин напоминает) и приняли новый термин — *коллективисты.* Что касается меня, то мне это безразлично, название не меняет существа дела» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 162/4).

Однако влияние мадзинистов тормозило развитие самостоятельного рабочего движения, ибо они проповедовали классовый мир, выступали против стачек[1], а после завершения объединения Италии в 1871 г. стали выступать и против участия рабочих обществ в политической жизни страны.

Таков был уровень рабочего движения в наиболее развитых в экономическом отношении странах тогдашней Европы к моменту основания Международного Товарищества Рабочих и выработки программных документов Первого Интернационала. Создавая единую программу для всего борющегося пролетариата, Маркс был вынужден сформулировать ее таким образом, чтобы она позволила объединить в рамках Товарищества английских тред-юнионистов, французских, бельгийских и швейцарских прудонистов, немецких лассальянцев[2]. Только так можно было обеспечить массовый характер организации.

Вместе с тем программа не должна была делать каких-либо уступок сектантским взглядам, господствовавшим в отдельных странах. С другой стороны, необходимо было отстоять чистоту классового движения пролетариата в противовес буржуазным и мелкобуржуазным демократам, стремившимся подчинить революционно-пролетарскую организацию своему влиянию. Программа должна была быть марксистской по своему духу и содержанию, отражать подлинные задачи пролетариата на данном этапе его исторического развития и создать основу для объединения всех отрядов рабочего движения.

На эту задачу Маркс указывал и в 1869 г. в связи с вопросом о приеме Международного альянса социалистической демократии в Первый Интернационал. Он пи-

---

[1] На восьмом съезде рабочих обществ Италии, состоявшемся в Милане в октябре 1860 г., стачка была названа «аморальным актом»; съезд считал, что это «бедствие» прекратится «благодаря распространению образования среди рабочих» (*Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение», стр. 62).

[2] Ср. у В. И. Ленина: Теория Маркса «дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (*В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 4, стр. 192).

сал Энгельсу 5 марта: «Так как степень развития различных слоев рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран, конечно, очень различна, то и действительное движение с необходимостью получает свое выражение в теоретических формах, чрезвычайно различных.

Общность действий, которую Международное Товарищество Рабочих вызывает к жизни, обмен мыслей при помощи различных органов секций во всех странах, наконец, непосредственное обсуждение на общих конгрессах постепенно создадут для всеобщего рабочего движения также и общую теоретическую программу» [1].

В основу программы Первого Интернационала Маркс положил принципы, уже сформулированные им и Энгельсом в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии». При сравнении «Манифеста» и программных документов Первого Интернационала видна их прямая преемственность. Учредительный Манифест продолжает обзор пути исторического развития пролетариата, начатый в «Манифесте Коммунистической партии». Он начинает с 1848 г., то есть со времени выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии». Истекший период подтвердил выводы «Коммунистического манифеста» о несоответствии производительных сил современного общества капиталистическим отношениям и показал, «что на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы» [2].

Как и в «Манифесте Коммунистической партии», в вводной части Временного Устава говорится о необходимости экономического освобождения рабочего класса как великой цели, о том, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом, а путь к освобождению — это завоевание политической власти. Так же как «Коммунистический манифест», Учредительный Манифест и Временный Устав проникнуты духом пролетарского интернационализма, мыслью о необходимости объединения и солидарности рабочих различных стран, ибо, как говорит Временный Устав: «осво-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 219.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 7.

бождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество»[1].

Вместе с тем во Временном Уставе поддерживается та мысль «Коммунистического манифеста», что борьба пролетариата против буржуазии по форме сначала является борьбой национальной. В Учредительном Манифесте изложено также и положение «Манифеста Коммунистической партии» о равноправии наций и об установлении их братского союза после победы пролетариата.

Таким образом, идейное родство первых программных документов Интернационала и «Манифеста Коммунистической партии» очевидно.

Но между этими документами есть и различия, продиктованные конкретными историческими условиями, характером рабочего движения и задачами, которые стояли перед ним. «Манифест Коммунистической партии», созданный в эпоху, когда, за исключением Англии, еще не существовало самостоятельного массового движения пролетариата, явился программой коммунистического авангарда рабочего класса. Временный Устав и Учредительный Манифест, созданные в период роста массового рабочего движения, к моменту образования Интернационала еще не поднявшегося в теоретическом отношении до уровня научного коммунизма, явились программой массовой пролетарской организации.

Создавая эти документы, Маркс с величайшим искусством изложил отдельные положения «Манифеста Коммунистической партии», не меняя их сути, языком более умеренным, более сдержанным и понятным для широких масс рабочих на данном этапе их исторического развития. Сам Маркс писал: «Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее по форме»[2]. По мере проникновения революци-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 12.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 149. Прежняя смелость речи в международном рабочем движении стала снова возможной со времени провозглашения Парижской Коммуны, когда выросшее рабочее движение и проникновение в него идей Интернационала, идей марксизма создали реальную почву для

онных идей в умы рабочего класса Маркс и Энгельс постепенно расшифровывали в последующих документах Международного Товарищества Рабочих коммунистические принципы, содержавшиеся в эмбриональном состоянии в Учредительном Манифесте и Временном Уставе.

В отличие от «Манифеста Коммунистической партии», в программных документах Первого Интернационала нет упоминания о коммунистической партии и коммунизме вообще. Выдвигать открытую коммунистическую программу в 60-х годах XIX века, когда основная масса рабочего класса еще не подошла к научному коммунизму, означало бы сектантство, отрыв от широких масс пролетариата, противопоставление коммунистических принципов тогдашнему рабочему движению. А против такого противопоставления Маркс и Энгельс предупреждали еще в «Манифесте Коммунистической партии», где говорится, что коммунисты, выразители общих интересов пролетарского движения и его конечных целей, «не выставляют никаких особых [в английском переводе Энгельса «сектантских».— *В. С.*] принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение» [1]. Задача состояла не в том, чтобы подгонять тогдашнее движение, которое — не считая авангарда — не доросло еще до научного коммунизма, под коммунистическую теорию, а в том, чтобы постепенно подготовить движение к восприятию этой теории.

Доказательством того, что Маркс преднамеренно не ввел в программные документы Первого Интернационала терминов «коммунизм», «коммунистическое общество» и т. д., являются и решения Лондонской конференции 1871 года. По этому вопросу резолюция, составленная Марксом, гласила:

«Все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты *Международного Товарищества Рабочих* с прибавлением названий соответствующих местностей.

возникновения пролетарских партий в каждой стране. Об этом ярко свидетельствуют решения Лондонской конференции 1871 и Гаагского конгресса 1872 г. Первого Интернационала.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 437.

...Ввиду этого всем отделениям, секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п., или создавать сепаратистские организации под названием *«секций пропаганды»* и т. п., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества» [1].

Таким образом, даже в 1871 г., после Парижской Коммуны, Маркс считал преждевременным вводить термин «коммунизм» в программу Международного Товарищества Рабочих. Правда, к этому времени международный пролетариат прошел в Интернационале хорошую школу научного коммунизма, и тем не менее в своей массе он только еще подходил к пониманию необходимости создания самостоятельной партии с непосредственно коммунистической программой.

В Учредительном Манифесте и Временном Уставе отсутствует четкая формулировка о диктатуре пролетариата как необходимом условии победы пролетарской революции и освобождения трудящихся от эксплуатации, отсутствует само выражение «пролетарская революция», о завоевании рабочим классом политической власти и создании общества без классов говорится в общей форме. Потребовался пример Парижской Коммуны, освоение ее опыта, чтобы для пролетарской массы стало доступным понимание терминов «пролетарское государство» и «диктатура рабочего класса». Только тогда появилась возможность широко ввести их в документы Первого Интернационала, что и было сделано Марксом и Энгельсом. В Учредительном Манифесте и Временном Уставе не была еще определена тактика пролетариата по отношению к крестьянству и другим непролетарским классам общества.

В Учредительном Манифесте и Временном Уставе Международного Товарищества Рабочих прямо не говорится о важнейшем положении научного коммунизма — уничтожении частной собственности на орудия и средства производства. Открыто включить это требование в программу при образовании Международного Товарищества Рабочих оказалось невозможным, так как в Интер-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 423.

национале имелась большая группа сторонников частной собственности — прудонистов. Включение в программу Интернационала требования ликвидации частной собственности на орудия и средства производства стало в дальнейшем одним из предметов наиболее острой идейной борьбы в Международном Товариществе Рабочих[1].

Требование ликвидации частной собственности на важнейшие средства производства — землю, рудники, шахты, леса и железные дороги — было открыто выдвинуто сначала на Брюссельском конгрессе в 1868 г., а затем через год снова обсуждалось на Базельском. Это предложение вызвало ожесточенное сопротивление со стороны правых прудонистов. Раскол в среде самих прудонистов и выступление левых прудонистов-коллективистов в защиту положения о необходимости ликвидации частной собственности на средства производства означали победу в Международном Товариществе Рабочих одного из основных принципов программы научного коммунизма[2].

[1] В Учредительном Манифесте это положение содержится в «зашифрованном» виде. Говоря о значении кооперативных начинаний рабочего класса, Маркс пишет: «они доказали, что *для* успешного производства *орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим* и для его ограбления и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением». И далее: «Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, *на общенациональные средства»*. Во Временном Уставе это требование также изложено в нераскрытом виде и притом в негативной форме. Мотивируя необходимость борьбы за ликвидацию существующего эксплуататорского строя, Устав указывает на то, что *«экономическое подчинение трудящегося монополисту средств* труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» (курсив наш.— *В. С.*) (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 9, 10, 12).

[2] Именно как победу коммунистических принципов расценила принятие этих решений и буржуазная печать. После завершения работы Брюссельского конгресса крупнейшая французская буржуазная газета «Journal des Débats» писала: ««Journal des Débats» сожалеет, что англичане, немцы и бельгийцы, как показывает их резолюция по земельному вопросу, принадлежат к «секте коммунистов»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 95).

Таким образом, являясь документами чрезвычайно гибкими, способными создать общую платформу для объединения рабочих разных национальностей и разного идейного уровня, программные документы Первого Интернационала в то же время отнюдь не были основой для примирения различных течений в рабочем движении. Наоборот, они предусматривали неустанную борьбу с сектантскими течениями в Интернационале, борьбу за преодоление влияния идей мелкобуржуазного социализма и реформизма, за проникновение идей марксизма в широкие массы пролетариата. Они были рассчитаны на дальнейший идейный рост рабочего класса и создавали для этого предпосылки. Маркс и Энгельс писали в 1872 г. в «Мнимых расколах в Интернационале», что программа Интернационала намечала «основные линии пролетарского движения, тогда как теоретическая разработка их осуществляется под воздействием потребностей практической борьбы и в результате обмена мнениями в секциях, в их органах и на их съездах, где допускаются все без различия оттенки социалистических убеждений» [1]. Программные и организационные принципы Международного Товарищества Рабочих совершенствовались вместе с ростом самого рабочего движения и достигли вершины своего развития в решениях Лондонской конференции 1871 г. и Гаагского конгресса 1872 г., закрепивших опыт всей деятельности I Интернационала и Парижской Коммуны и передавших его последующим поколениям борцов за дело рабочего класса.

Написанные в условиях подъема рабочего движения в начале 60-х годов XIX века, программные документы Первого Интернационала отразили конкретные задачи тогдашнего рабочего движения и сыграли огромную роль в борьбе против влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на пролетариат, в распространении идей марксизма. На опыт борьбы Международного Товарищества Рабочих, на его программные документы опирались в дальнейшем революционные пролетарские партии в своей борьбе за освобождение пролетариата, за торжество идей научного коммунизма.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 31.

В. Э. КУНИНА

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКСА В ГЕНЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Октябрь 1871 — август 1872)

Генеральный Совет I Интернационала был той школой идейной и политической борьбы, которую проходили под руководством Маркса и Энгельса представители рабочего класса различных стран. Эту школу прошли такие выдающиеся деятели рабочего и социалистического движения как Ф. Лесснер, Э. Дюпон, О. Серрайе, П. Лафарг, Л. Франкель, В. Врублевский, русский революционер Г. Лопатин и многие другие.

Непосредственное участие Маркса и Энгельса в работе Совета и их руководящее влияние способствовало преодолению теоретической незрелости и мелкобуржуазных иллюзий, еще существовавших у значительной части членов Совета, воспитанию пролетарских революционеров, которые несли идеи научного коммунизма в массы. В процессе повседневной, «будничной» работы шло формирование научного социалистического мировоззрения членов Генерального Совета. Идейная борьба, которую вели в Совете Маркс и Энгельс против утопических и мелкобуржуазных взглядов, имела огромное значение и для руководящих пролетарских деятелей на местах.

Маркс и Энгельс добивались обобщения в решениях Совета практики и опыта борьбы рабочих масс. Именно в силу того, что во главе Генерального Совета стояли вожди международного пролетариата, сумевшие сплотить вокруг себя все его лучшие революционные силы, Совет в целом смог завоевать уважение и авторитет среди рабочих многих стран.

Деятельность Маркса и Энгельса в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих еще не изучена в должной степени ни советскими, ни зарубежными историками. Специальных опубликованных исследований по данной теме нет. Представители социал-демократической и лейбористской историографии вообще уделяют крайне мало внимания освещению последнего периода истории Интернационала. Они исходят из абсолютно неверного положения, будто вслед за поражением Парижской Коммуны произошел *крах* Интернационала. В частности, такие историки как Браунталь и Коул[1] пытаются «доказать» этот тезис на односторонне подобранном материале, характеризующем только оппортунистическое направление (анархистское и реформистское). Деятельность же представителей революционного направления в период 1871—1873 гг. вообще полностью игнорируется; в лучшем случае дело ограничивается признанием, что Марксу удалось достичь случайной (!) победы на Гаагском конгрессе.

Советская историография тоже еще не создала обстоятельных исследований, посвященных деятельности Маркса и Энгельса в последние годы Интернационала. В ряде опубликованных статей советские авторы исследуют отдельные проблемы, имеющие непосредственное отношение к данной теме[2], но в целом ее до сих пор еще нельзя считать разработанной.

Охватить в одной статье весь период деятельности Маркса и Энгельса в Генеральном Совете невозможно.

---

[1] *J. Brauntal.* «Geschichte der Internationale». 1961; *G. D. H. Cole.* «Marxism and Anarchism. 1850—1890». Ld., 1954.

[2] См. предисловие М. С. Зоркого к сборнику «Лондонская конференция Первого Интернационала 1871 г.». М., 1931; *А. Е. Коротеева.* «Гаагский конгресс» (сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1956); *ее же:* «Идейно-теоретическая борьба Маркса и Энгельса против бакунистов накануне Гаагского конгресса» (сборник «История социалистических идей». М., 1962); *Н. Ю. Колпинский.* «Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 гг.» (сборник «Из истории марксизма». М., 1961); *его же:* «Роль газеты «La Emancipacion» в пропаганде марксизма в Испании» (сборник «История социалистических идей». М., 1962); *В. Э. Кунина.* «Роль К. Маркса и Ф. Энгельса в создании и упрочении Британского федерального совета» («Новая и новейшая история» № 1, 1961).

Автор ставит своей задачей показать хотя бы часть той гигантской и многосторонней борьбы за принципы пролетарской партийности, которую вел Маркс, при поддержке Энгельса, в Генеральном Совете в период между Лондонской конференцией I Интернационала и Гаагским конгрессом.

В данной статье делается попытка осветить эту борьбу Маркса и Энгельса в Генеральном Совете (за период с октября 1871 по август 1872 г.) в ее различных аспектах; в частности, рассмотреть деятельность Маркса как руководителя постоянной комиссии по проверке уставов местных секций, его борьбу против либеральных тред-юнионистских взглядов ряда членов Совета, выявившихся в связи с обсуждением вопросов о самостоятельной политике пролетариата, о целях пролетарских партий и т. д. Предметом изучения в статье является деятельность Исполнительного (Постоянного) комитета Генерального Совета накануне Гаагского конгресса, исследуется дискуссия, которая проходила в Генеральном Совете в связи с пересмотром Устава, завершившаяся созданием нового проекта Устава и Регламента, составленных Марксом и Энгельсом. Большинство из перечисленных вопросов не затрагивалось еще в существующей исторической литературе.

* * *

Парижская Коммуна, открывшая новый период всемирной истории, положила начало и новому этапу в развитии международного рабочего движения. В то же время она была и важнейшей вехой в развитии самого Интернационала. Парижская Коммуна поставила перед рабочим классом каждой страны задачу создания своей самостоятельной партии, основывающейся на принципах научного коммунизма. В этом заключалось существеннейшее отличие этого периода рабочего движения от предыдущего, когда основной организационной формой рабочего движения была его международная организация — I Интернационал. Напряженная деятельность Маркса и Энгельса и их соратников в Международном Товариществе Рабочих подготовила почву для решения этой задачи. В результате их упорной борьбы было

в значительной степени преодолено влияние различных течений непролетарского социализма.

В процессе обсуждений в секциях, на страницах рабочей печати, в Генеральном Совете и на конгрессах Интернационала была в целом разработана и принята экономическая программа Товарищества, базирующаяся на принципах научного коммунизма. Но выработка общей программы Интернационала не была еще завершена — необходимо было развить и конкретизировать ее политическую часть, которая лишь в общих чертах была сформулирована в вводной части Устава [1]. Необходимо было прежде всего уточнить, какими политическими средствами и путями сможет быть осуществлена провозглашенная в Уставе цель: освобождение рабочего класса и уничтожение всякого классового господства. Это уточнение и конкретизация программы стали абсолютно настоятельным делом в связи с изучением опыта и уроков Парижской Коммуны. Но в то же время создание такой политической программы требовало упорной борьбы против бакунистского сектантства и либерального тред-юнионизма, идеологи которых выступили против необходимых условий победоносной пролетарской революции: диктатуры пролетариата и создания политических самостоятельных рабочих партий.

Только Маркс и Энгельс, гениально раскрывшие историческое значение Парижской Коммуны как первой попытки установить диктатуру пролетариата, сразу сумели уловить смысл того исторического поворота в развитии общества и рабочего движения, начало которому положила Коммуна. Опираясь на ее опыт, Маркс и Энгельс развили дальше свое учение о диктатуре пролетариата, обогатили его выводом о типе и форме пролетарского государства. Из уроков Коммуны Маркс и Энгельс вынесли ясное понимание неотложности решения задачи, которая встала перед рабочим движением,— задачи создания рабочей партии в каждой стране. Для того, чтобы практически подготовить решение этой задачи, они считали необходимой перестройку самого Интернационала,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 445—446. «Программа Интернационала,— писал Энгельс,— сформулирована в его Уставе» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 112).

усиление в нем политических и организационных принципов пролетарской партийности. Предстояла гигантская работа, которая должна была охватить все звенья Международного Товарищества Рабочих, в том числе и Генеральный Совет.

Вести борьбу за осуществление этой задачи приходилось в сложной обстановке. Наступившее после поражения Парижской Коммуны господство реакции в большинстве европейских стран делало невозможным существование Интернационала как широкой массовой легальной организации пролетариата. Выступавшие все более отчетливо на этом этапе развития пролетарского движения специфические задачи рабочего класса различных стран делали невозможным сохранение в дальнейшем рабочей организации в прежней форме — в форме Международного Товарищества Рабочих, объединявшего под руководством Генерального Совета секции и федерации различных стран. В то время как немецкий рабочий класс уже создал свою собственную рабочую партию (партию эйзенахцев), базирующуюся на принципах научного коммунизма, рабочее движение многих других стран оставалось еще распыленным в организационном отношении, неокрепшим идейно. Еще очень сильно сказывалось влияние непролетарского социализма, против которого вели борьбу марксисты: прудонистов в Бельгии, прудонистов и анархистов в Испании и т. д. Поражение Парижской Коммуны обескровило рабочий класс Франции. Его руководители либо погибли, либо находились в тюрьмах и ссылке, части удалось эмигрировать. Попытки воссоздать во Франции секции Интернационала не удались. В Англии, в силу специфики ее социально-экономического развития в рабочем движении временно взял верх либеральный тред-юнионизм.

Объективные условия развития рабочего движения и его субъективные факторы вели неизбежно к изменению прежней формы рабочей организации. I Интернационал должен был уступить место новым формам пролетарской организации, отвечавшим потребностям рабочего движения на этом этапе его развития.

Но в то же время диалектика самого процесса смены организационных форм рабочего движения требовала,

чтобы эта смена осуществлялась не путем ослабления деятельности Первого Интернационала или немедленного ее прекращения, а, наоборот, путем усиления активности международной пролетарской организации. Уход Интернационала с исторической сцены не был ни его агонией, ни его крахом. Интернационал после Коммуны завершал, но еще не исчерпал свою историческую миссию. Международное Товарищество Рабочих должно было закрепить достигнутое идейное сплочение революционных сил пролетариата, нужно было оставить преемникам I Интернационала незапятнанное идейное знамя, нанести решающий удар по сектантству и оппортунизму, добиться торжества и официального признания в рабочем движении основных программных положений марксизма и утвердить в нем пролетарские программные и организационные принципы, развитые на основании обобщения опыта Парижской Коммуны. Интернационал должен был завершить подготовку фундамента для создания революционных пролетарских партий в отдельных странах. Этим задачам и была подчинена вся деятельность Маркса и Энгельса в Интернационале после Коммуны.

««Идеолог»,— писал Ленин,— только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются»[1]. Эта характеристика целиком относится к деятельности Маркса и Энгельса в Интернационале вообще и в рассматриваемый период в частности.

Несмотря на свирепую реакцию после поражения пролетарской революции в Париже, Коммуна дала непосредственный толчок развитию рабочего движения в самых разных странах, в том числе и в странах, где раньше не существовало организаций Интернационала. Новые секции Международного Товарищества Рабочих создаются в Испании, Италии, Дании, Южной Америке, Индии, Австралии. В интересах будущего развития рабочего движения всех стран было очень важно, на какой

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 289—290.

программной основе будут создаваться эти новые секции. От этого в значительной мере зависело направление развития пролетарского движения в каждой из стран независимо от организационной формы этого движения. Поэтому особое значение приобрела на последнем этапе существования Интернационала борьба пролетарских революционеров за усиление революционного направления в рядах Международного Товарищества, за вооружение рабочего класса теоретическими основами научного коммунизма, за внедрение в рабочее движение теоретических, организационных и политических принципов подлинно революционной пролетарской партии, за окончательный идейный разгром враждебных марксизму антипролетарских течений.

Такова была объективно встававшая перед Интернационалом после Парижской Коммуны задача.

Крупнейшую роль в выполнении этой задачи сыграла Лондонская конференция Международного Товарищества Рабочих (17—23 сентября 1871 года).

Лондонская конференция должна была, по замыслу Маркса и Энгельса, организационно оформить выводы, вытекавшие из опыта Парижской Коммуны, воплотить их в ясные и четкие решения, нацеливавшие рабочее движение на создание в каждой стране самостоятельной пролетарской партии как необходимого условия завоевания диктатуры пролетариата. Иными словами, конференция должна была конкретизировать политическую программу Интернационала, сформулировать ее основные пункты. Ее задача заключалась также и в том, чтобы дать отпор попыткам бакунистов навязать Товариществу свои взгляды. Маркс при открытии конференции 17 сентября 1871 г. следующим образом определил ее цели: «Генеральный Совет созвал конференцию, чтобы договориться с делегатами различных стран о мерах, необходимых для того, чтобы отразить опасность, которой подвергается Товарищество во многих странах, и приступить к новой организации, отвечающей потребностям обстановки» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 643.

Лондонская конференция, по словам Маркса, «сделала больше, чем все конгрессы вместе взятые»[1]. Конференция предложила пролетариату разных стран создавать свои самостоятельные политические партии и своими резолюциями о политике рабочего класса и о сектантских секциях подчеркнула незыблемость программных принципов, на которых с самого начала строился Интернационал[2].

На Лондонской конференции 1871 г. впервые в истории I Интернационала Маркс и Энгельс, опираясь на опыт, накопленный в процессе развития Международного Товарищества Рабочих пролетарскими массами, учитывая уровень зрелости, достигнутый массовым рабочим движением, ясно и четко раскрыли одно из главных положений научного коммунизма — идею диктатуры пролетариата как единственного пути к достижению бесклассового общества. «Мы хотим уничтожения классов,— говорил Энгельс на конференции 21 сентября 1871 года.— Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата»[3].

Выступая 25 сентября 1871 года во время празднования семилетия Интернационала, непосредственно после окончания работы Лондонской конференции, Маркс следующим образом разъяснял важнейшие положения марксистского учения о диктатуре пролетариата и роли рабочей партии в ее завоевании, ставшие программными принципами I Интернационала: «Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата... Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабо-

---

[1] Маркс — Женни Маркс, 23 сентября 1871 г. («Правда», 6. V. 1958 г.).
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 138.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 421.

чего класса для предстоящей борьбы»[1]. Это выступление Маркса явилось обоснованием политической программы Интернационала.

Огромную роль в утверждении принципов научного коммунизма в рабочем движении, в идейном разгроме противников марксизма сыграла постановка на конференции вопроса о самостоятельной пролетарской партии. Энгельс, развивавший свои и Маркса взгляды, говорил: «рабочая партия... должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»[2].

Резолюция IX Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса»[3] превратила положение марксизма о пролетарской партии в руководящий принцип международного пролетарского движения. Эта резолюция создавала основу для превращения организаций Интернационала на местах из слабо связанных между собой секций и федераций в дисциплинированную, сплоченную самостоятельную политическую партию рабочего класса.

* * *

Деятельность Маркса и Энгельса в Генеральном Совете после Лондонской конференции охватывала огромный круг вопросов, связанных с претворением в жизнь ее решений.

Выступления Маркса и Энгельса на страницах печати, на заседаниях Генерального Совета, письма к членам Товарищества и беседы с ними способствовали сплочению революционных сил. Ежедневная практическая работа Маркса и Энгельса закладывала кирпичи фундамента будущих пролетарских партий. Эта работа поглощала почти все их время.

Только исключительная трудоспособность Маркса, его огромное знание дела, целеустремленность, умение глубоко обобщать разрозненные факты позволяли ему следить за прессой многих стран, делать выписки из различных органов печати, отвечать на многочисленные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 438.
[2] Там же, стр. 421—422.
[3] См. там же, стр. 426—427.

письма, готовить вопросы на заседания Совета и составлять почти все его важнейшие документы [1].

Какое значение Маркс сам придавал своей деятельности в Генеральном Совете свидетельствуют его письма к членам Интернационала. Он писал Лафаргу 21 марта 1872 года: «Интернационал отнимает у меня слишком много времени, и не будь я убежден в том, что мое присутствие в Совете в этот период борьбы еще необходимо, я бы из него уже давно вышел» [2].

«Генеральный Совет,— сообщал он 24 февраля 1872 г. одному немецкому социал-демократу,— настолько загрузил меня работой, что мне пришлось прервать даже свои теоретические работы» [3].

При этом слова Маркса о том, что он вынужден был забросить теоретическую работу, нельзя понимать буквально. Маркс продолжал ее вести и в этих условиях. Он не прекращает работы над «Капиталом» — готовит 2-е немецкое и 1-е французское издания I тома своего труда; создавая документы Генерального Совета, Маркс разрабатывал при этом отдельные теоретические вопросы. В качестве примера можно привести один из важнейших документов марксизма по аграрному вопросу — работу «Национализация земли» [4], написанную в апреле 1872 г. в качестве материала для доклада Дюпона в Манчестерской секции I Интернационала и напечатанную в органе британских секций газете «International Herald» [5].

Огромную идеологическую работу приходилось вести Марксу внутри самого Генерального Совета. Неоднородный состав Совета отражал положение в самом Международном Товариществе Рабочих. «В Генеральном Со-

---

[1] Деятельность Энгельса в качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета для Испании, Италии и Португалии должна служить темой специального исследования и здесь не затрагивается. Не может быть рассмотрена в рамках данной статьи, посвященной кругу вопросов, которые касались общих дел в Интернационале, также и деятельность Маркса как секретаря-корреспондента для Германии и России.

[2] «Вопросы истории КПСС» № 3, 1962, стр. 14.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 217.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 54—57.

[5] «International Herald», 15.V.1872.

вете,— писал Энгельс Кафьеро летом 1871 г.,— имеются *коммунисты, прудонисты, оуэнисты, чартисты, бакунисты и т. д...»* [1]. Характеризуя сложность работы в Совете, Энгельс указывал своему корреспонденту: «Самая большая трудность заключается в том, чтобы объединить их всех и сделать так, чтобы расхождения мнений не нарушили единства и устойчивости Товарищества». После Лондонской конференции в составе Совета уже не было бакунистов, но зато усилилось реформистское крыло.

Огромная заслуга Маркса заключалась в том, что он, совместно с Энгельсом, опираясь на ядро пролетарских революционеров — своих сторонников, сумел сплотить эти разнородные элементы и добиться того, чтобы Совет, несмотря на расхождение взглядов его членов по ряду вопросов, действовал, как единый руководящий орган Товарищества. Посредством острой борьбы внутри Генерального Совета Маркс и Энгельс добивались единства, проявлявшегося в важнейших решениях Совета.

Согласно Организационному регламенту Интернационала конференция «не могла решать вопросов, касающихся принципов, или вносить изменения в Устав и вообще принимать меры законодательного характера» [2]. Отсюда вытекала задача: придать решениям конференции надлежащую силу путем официального одобрения их секциями и федерациями Товарищества. Этим определялась тактическая линия, намеченная Марксом после конференции: утвердить ее решения в Генеральном Совете и получить одобрение от федераций и секций, чтобы парализовать тем самым попытки анархистов и их союзников добиться созыва внеочередного конгресса для обсуждения решений конференции и их ревизии.

2 октября 1871 г. Маркс предлагает Генеральному Совету обсудить отчет о конференции с точки зрения практического осуществления ее решений [3]. Он настойчиво и неоднократно возвращается к этому вопросу.

---

[1] Энгельс — Кафьеро, 28 июля 1871 г. («Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 133).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 481.

[3] Протокольная книга Генерального Совета (Центральный Партийный Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 21, ед. хр. 65).

В протоколе заседания Генерального Совета от 10 октября 1871 г. записано: «Гражданин Маркс заявил, что он хочет сказать несколько слов к порядку заседания. Уже 3 недели прошло с окончания конференции, а между тем почти еще ничего не сделано. Все федеральные советы будут с основанием жаловаться на то, что выполнение указанных конференцией работ оттягивается. Поэтому он предлагает, чтобы в субботу 14-го числа было созвано чрезвычайное заседание Совета для заслушивания отчета о конференции. Гражданин Энгельс поддержал эту резолюцию, и она была принята единогласно» [1].

Прежде всего необходимо было утвердить важнейшее решение конференции о политическом действии рабочего класса. Совет поручил Энгельсу, Мартену и Ле Муссю отредактировать первоначальный проект этой резолюции, предложенный Вайяном [2], и учесть при этом другие предложения. Однако Маркс и Энгельс составили совершенно новый текст резолюции, который и был утвержден Генеральным Советом 16 октября 1871 года [3]. На двух заседаниях (14 и 16 октября) Совет утвердил текст всех решений конференции.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] Первоначальный текст этой резолюции гласил: «Перед лицом необузданной реакции, одержавшей временную победу, реакции, насильственно подавляющей всякое требование социалистической демократии и пытающейся насильственно сохранить классовые различия, конференция напоминает членам Международного Товарищества Рабочих, что политический вопрос и вопрос социальный неразрывно связаны между собой, что они являются двумя сторонами одного и того же вопроса, который Интернационал ставит себе целью разрешить,— вопроса об уничтожении классов. В той же мере, в какой рабочие признают экономическую солидарность, они должны признавать также и солидарность политическую, их объединяющую, и во имя окончательного торжества своего дела сплотить свои силы на политической почве не в меньшей мере, чем на почве экономической» («Лондонская конференция I Интернационала, 17—23 сентября 1871 г.». М., 1936, стр. 60).

[3] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65). Сравнивая текст Маркса и Энгельса (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 426—427) с приведенным текстом, предложенным Вайяном, мы видим, с какой четкостью Маркс и Энгельс сумели изложить коммунистические цели рабочего движения и сформулировать его непосредственные задачи.

Большая работа была проделана Марксом и Энгельсом по подготовке к изданию резолюций Лондонской конференции. Особенно много усилий потребовало доведение решений конференции до рядовых членов Интернационала различных стран. Маркс сосредоточивает в своих руках издание резолюций и порученную конференцией Генеральному Совету подготовку нового издания Устава Интернационала на трех языках. 14 октября Генеральный Совет поручил Марксу составить отчет о конференции в виде циркулярного письма ко всем федеральным советам: в нем должны были содержаться важнейшие решения конференции (за исключением некоторых из них, которые дополнительно сообщались на места секретарями-корреспондентами).

В течение октября и части ноября 1871 г. Маркс и Энгельс вместе с Юнгом и Серрайе — официальными членами комиссии, образованной с этой целью Генеральным Советом [1],— занимается подготовкой к печати нового издания Устава, а затем и его публикацией. 24 октября 1871 г. Маркс докладывает Генеральному Совету о ходе этой работы, после чего было принято решение напечатать первый тираж Устава в 5000 экземпляров на трех языках. «Все это стоило нам огромного труда,— сообщал Либкнехту Энгельс 4 ноября 1871 г.,— так как Марксу и мне пришлось почти все организовать и редактировать» [2]. «Относительно *резолюций* конференции следует заметить, что все издание было в моих руках...»,— писал позднее Маркс Больте [3].

Огромное внимание Маркс уделяет рассылке резолюций конференции. «Дорогой друг! — пишет он 6 ноября Зорге.— Сегодня в Нью-Йорк посылается 100 экземпляров резолюций конференции (50 на французском языке и 50 на английском)... Новое *пересмотренное* издание Устава и Регламента выйдет завтра на английском языке. Из него Вы получите 1000 штук для распространения в Америке...» [4]

---

[1] Комиссия была избрана 6.X.1871 г. (см. протокольную книгу Генерального Совета — ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 161.

[3] Там же, стр. 177.

[4] Там же, стр. 162.

В этот же день он пишет секретарю берлинской секции Йозевицу: «Посылаю Вам один экземпляр французского перевода резолюций конференции... немецкий перевод будет завтра отправлен в «Volksstaat»[1].

22 ноября Маркс в очередном письме французскому эмигранту Юберу, одному из членов секции Интернационала в Лондоне, сообщает: «...посылаю Вам... 30 экземпляров Устава. Каждый член Товарищества должен получить один экземпляр...»[2].

В списке, составленном Марксом, отмечено, что резолюции Лондонской конференции и циркулярное письмо были посланы в Соединенные Штаты, в Германию (Берлин, Лейпциг, Гамбург), в Бельгию, Голландию, Данию, в английские города: Ноттингем, Глазго, Бирмингем и другие. Среди адресатов упоминаются: Зорге, Кугельман, Дицген, Штумпф, Вильмар, Дюпон, Имандт, Олсоп, Дронке, Утин, Валлес, Сикар, Лонге, Франкель, Ла Сесилиа (генерал Парижской Коммуны), Тейс, Гарни, Блэр, Смит и Вайян[3].

Маркс и Энгельс добиваются признания решений конференции федерациями и секциями. «Так как резолюции конференции,— пишет Энгельс Луи Пио в марте 1872 г.,— по принципиальным вопросам не имеют обязательной силы, пока не будут признаны федерациями, то важно иметь решение Датского федерального совета, который признал эту резолюцию»[4] (о политическом действии рабочего класса.— *В. К.*). С этим же предложением Маркс и Энгельс обращаются в Германию к Либкнехту, к Испанскому федеральному совету, Временному совету в США и т. д.

Весной 1872 г. решения Лондонской конференции были уже одобрены Романской федерацией Швейцарии, секциями Интернационала в Германии, рядом английских секций, Голландским и Датским федеральными советами, многими секциями в США, секциями, продолжавшими еще действовать во Франции.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 162.

[2] Там же, стр. 172.

[3] *К. Маркс.* Тетрадь XI (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2940, стр. 132).

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 220.

Таким образом, у Маркса и его соратников в Генеральном Совете создавалась в отдельных странах прочная база для дальнейшего наступления на анархистские и прочие мелкобуржуазные элементы. Этой борьбой за признание решений Лондонской конференции Маркс подводил своих сторонников, передовую часть пролетариата наиболее развитых стран, к задаче создания своей самостоятельной партии.

Одновременно с подготовкой нового издания Устава комиссия, возглавляемая Марксом, рассматривает и местные уставы всех вступающих в Интернационал новых секций.

Осенью 1871 г. в Генеральный Совет поступает большое количество заявлений от новых секций, а также и от отдельных лиц из самых различных уголков мира с просьбой о приеме. Идеи Интернационала проникают в Испанию и Португалию, Данию и Голландию, Чехию и Венгрию, Ирландию, страны Южной Америки, Индию, Австралию и другие.

При таком быстрорастущем составе Товарищества в условиях обостренной борьбы с антипролетарскими течениями особое значение приобретают принципы, на основе которых складывались новые секции. До Лондонской конференции местные уставы секций, федераций и федеральных советов рассматривались непосредственно на заседаниях Генерального Совета. С осени 1871 г. местные уставы стали рассматриваться предварительно специальной комиссией, а затем уже Генеральным Советом. Это нововведение отражало развитие и усложнение деятельности Интернационала и было продиктовано общей борьбой против тех буржуазных и мелкобуржуазных элементов, которые стремились протащить в местных уставах свои взгляды на характер и задачи Интернационала. Поэтому Маркс уделяет очень много внимания обсуждению местных уставов, рассматривая эту работу как элемент общей борьбы за осуществление решений конференции и соблюдение принципов Интернационала.

В то же время Маркс не допускает и малейшего проявления сектантства, выступая против тех требований, которые могли бы оттолкнуть идущих в Интернационал рабочих. Основное требование, подчеркивает он, должно

сводиться только к признанию принципов Товарищества, ясно сформулированных в Уставе.

Устав каждой секции или вновь образованного федерального совета направлялся соответствующим секретарем-корреспондентом на заключение комиссии по просмотру уставов. Итоги проверки обычно докладывал Генеральному Совету Маркс. Сообщения об уставах, поступавших из Испании, Италии и Португалии, делал Совету непосредственно Энгельс, являвшийся секретарем-корреспондентом для этих стран.

Осенью 1871 и зимой 1872 г. через комиссию по уставам прошли уставы лондонской Французской секции 1871 г., польской секции, Британского и Голландского федеральных советов, цюрихской секции, новой Французской секции в Лондоне и другие. Насколько важна была эта деятельность, свидетельствовало то, что Генеральный Совет в начале 1872 г. превратил эту временную комиссию в *постоянно действующую*[1].

Ярким примером борьбы Маркса в комиссии и в Генеральном Совете за предохранение Интернационала от проникновения мелкобуржуазных и буржуазных элементов является обсуждение устава так называемой Французской секции 1871 г., образовавшейся в Лондоне преимущественно из мелкобуржуазных и частично пролетарских эмигрантов Парижской Коммуны. Большинство ее членов было связано с авантюристом Феликсом Пиа, но в нее первоначально входили и такие революционеры, как Тейс, Авриаль, Камелина, которым надо было помочь разобраться во взглядах мелкобуржуазных руководителей секции.

Маркс опротестовал в Генеральном Совете от имени комиссии по уставам статьи 2 и 11 устава Французской секции 1871 года. Статья 2 требовала от каждого вступающего в Международное Товарищество Рабочих предоставления сведений о своих средствах существования, что якобы было необходимо для определения морального облика, принимаемого в члены Интернационала. Статья 11 фиксировала исключительное право секции по-

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 2 января 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

сылать в Генеральный Совет одного или нескольких своих делегатов.

Докладывая об этом в Генеральном Совете, Маркс предложил исключить эти статьи «как явно противоречащие Общему Уставу Международного Товарищества Рабочих»[1]. Он доказывал членам Генерального Совета, что требование, содержащееся в статье 2, закрывает двери в Интернационал безработным рабочим, перебивавшимся за счет эпизодической работы и пособий, пролетарским эмигрантам, жившим случайными заработками, бастующим пролетариям и т. д., что оно не что иное, как буржуазное нововведение, противоречащее букве и духу Общего Устава[2]. Это — старая выдумка господствующих классов, ибо «в ряде... случаев» именно «отсутствие средств существования... может служить гарантией нравственности»[3].

В этом вопросе столкнулись две точки зрения — пролетарская, которую отстаивал Маркс, и мелкобуржуазная — деятелей секции 1871 года. «Законные средства существования», обеспеченный заработок, рента, счет в банке — таков был критерий подхода к членству в Интернационале мелкобуржуазных элементов. Маркс доказал в Генеральном Совете, что пролетарская партия не может иметь ничего общего с этими взглядами.

Статья 11 проекта устава Французской секции 1871 г. имела непосредственное отношение к организационной структуре Интернационала. Она пыталась свести на нет существующий принцип формирования Генерального Совета[4].

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 17 октября 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 442.

[3] Там же, стр. 441.

[4] Статья 4 Общего устава указывала, что членов Генерального Совета избирает конгресс и что избранный таким образом Совет имеет право пополнять свой состав новыми членами (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 446). Таким образом, Генеральный Совет отнюдь не создавался за счет представителей секций, что не мешало ему принимать в свой состав представителя той или иной секции, но не в качестве делегата, подчинявшегося императивному мандату этой секции, а решением самого Совета, в силу того права кооптации, каким он был наделен.

В условиях, когда Международное Товарищество Рабочих широко открывало двери различным социалистическим течениям, огромную роль для обеспечения подлинно пролетарского характера Интернационала играл состав его руководящего органа. Особенностью организационной структуры Товарищества, отражавшей его специфику в тех исторических условиях, был отказ от «делегатского принципа» формирования Генерального Совета и введение принципа кооптации, что внешне противоречило принципам демократического централизма[1].

Но только таким путем можно было в тех условиях предохранить Совет от проникновения в него под видом «делегатов» секций враждебных рабочему классу элементов; таким путем можно было избежать «чрезмерной концентрации» представителей того или иного течения. «Делегатский принцип» мог привести к разбуханию Совета в количественном отношении за счет искусственно создаваемых малочисленных секций, что могло бы поставить Генеральный Совет в зависимость от местных организаций и сделать его неработоспособным и несамостоятельным органом. Только гласные выборы на конгрессах и кооптация в соответствии с решением самого Совета могли быть гарантией сохранения выдержанного с точки зрения интересов пролетариата и делового состава Генерального Совета.

Не случайно после Лондонской конференции анархисты вкупе с прочими антипролетарскими элементами подвергли атаке именно этот принцип формирования Совета, видя в нем помеху для осуществления своих целей. Развернувшаяся затем борьба показала, какое значение

[1] В письме Маркса к Зорге от 9 ноября 1871 г., излагающем схему построения Интернационала в США, ясно прослеживаются отдельные положения в духе принципов демократического централизма, но тут же подчеркнуто и своеобразие структуры I Интернационала.

Известное отступление от принципа демократического централизма было неразрывно связано с широтой программы Интернационала, с наличием в его рядах представителей непролетарского социализма. Отсюда и необходимость иметь местные уставы, и право секций вступать в Интернационал, минуя свой федеральный совет, и вхождение в Интернационал профсоюзных организаций на правах коллективных членов и т. д.

для всего Интернационала в целом имело группировавшееся вокруг Маркса ядро пролетарских революционеров в Совете, обеспечивавшее в нем большинство голосов при решении принципиальных вопросов. Чем острее становилась эта борьба, тем большее значение приобретал вопрос о принципе формирования Совета, а также о его полномочиях и функциях. Вопросы программы и организационные вопросы для каждой пролетарской партии взаимосвязаны; оппортунизм в организационных вопросах вытекает из оппортунизма в вопросах программных, в вопросах теоретических. В I Интернационале мы прослеживаем ту же взаимосвязь.

Первым таким крупным столкновением по организационному вопросу после Лондонской конференции и была борьба вокруг статьи 11 устава Французской секции 1871 г., в которой было записано: «Каждый член секции обязуется входить в состав Генерального Совета не иначе как в качестве делегата своей секции» [1].

Маркс резко выступил против этих притязаний. В написанной им резолюции Генерального Совета, принятой единогласно 17 октября 1871 г., раскрывались последствия, к каким бы привели изменения существующих организационных принципов. Признать этот принцип означало бы создать угрозу подмены в Генеральном Совете влияния всего *Международного Товарищества Рабочих*... «влиянием местных групп».

В резолюции Генерального Совета секции 1871 г. рекомендовалось привести свой устав «в соответствие с духом Общего Устава и Организационного регламента» и предотвратить таким образом «всякое разногласие, которое в современных условиях может только воспрепятствовать развитию Международного Товарищества Рабочих» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 443. Действие этой статьи Устава привело к тому, что члены Генерального Совета Авриаль и Тейс вынуждены были как члены секции заявить о выходе из Совета, так как Генеральный Совет отказался признать устав Французской секции 1871 года. Позднее они порвали с мелкобуржуазными деятелями этой секции.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 444.

Развернувшаяся затем вокруг этой резолюции Генерального Совета борьба свидетельствовала о том, что Совет своим решением попал прямо в ту цель, в которую метил. В замечаниях на резолюцию Совета Французская секция, не скрывая уже теперь своих намерений, потребовала радикальных изменений *всех статей* Общего Устава, касающихся Генерального Совета[1]. Ее поддержали самые различные антимарксистские элементы.

Деятельность Маркса в Генеральном Совете, его борьба против мелкобуржуазного социализма способствовала отделению пролетарской революционной части коммунаров-эмигрантов от мелкобуржуазных демократов и сплочению их вокруг Совета. Из Французской секции 1871 г., после отказа Генерального Совета принять ее, вышли Авриаль, Камелина, Тейс и др.; была образована новая Французская секция в Лондоне численностью около 50 человек, которая оказала большую поддержку Совету в его борьбе против анархистов и их союзников.

* * *

Главным идейным противником, с которым в тот момент предстояло прежде всего вести борьбу, был анархизм. В сложившихся после поражения Парижской Коммуны условиях анархизм являлся основным препятствием на пути развития международного рабочего движения, на пути утверждения в нем принципов пролетарской партийности. Крикливые, внешне звучащие крайне революционно фразы анархистов, особенно их призывы «к прямому действию», увлекали отсталые, находившиеся еще под влиянием мелкобуржуазных настроений массы рабочих в Испании, Италии, Швейцарии. Анархистские доктрины — отрицание необходимости политической деятельности пролетариата и создания самостоятельной политической партии рабочего класса — обрекали пролетариат на разобщенность и пассивность, вели его к идейному подчинению буржуазии. Ничего не понимая в эко-

---

[1] «Section française de 1871», 17. X. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5914). Второе решение Генерального Совета, отклоняющее все претензии секции, было также написано Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 466—470).

номических условиях развития общества, порождавших предпосылки социальной революции, игнорируя эти условия, анархисты волюнтаристски требовали осуществления «немедленных революционных переворотов» и «немедленного уничтожения всякого государства».

Против ошибочных сектантских воззрений и догм анархистов Маркс и Энгельс вели борьбу на конгрессах Интернационала, на страницах печати, на заседаниях Генерального Совета. Энгельс подчеркивал, что возглавляемый Марксом Генеральный Совет «всегда выступал против неоднократных попыток подменить широкую программу Интернационала... узкой и сектантской программой Бакунина»[1]. В борьбе как против анархизма, так и против реформизма Маркс и Энгельс выковывали основы политики, тактики и организационных принципов пролетарской партии.

Вскрывая несостоятельность чуждых пролетарскому мировоззрению псевдосоциалистических взглядов, Маркс и Энгельс использовали критику этих взглядов как средство для пропаганды теории научного коммунизма; одновременно с этой критикой они развивали многие положения своей теории.

С того момента, когда анархисты создали внутри Международного Товарищества Рабочих тайную организацию — Альянс социалистической демократии — и попытались навязать Интернационалу свою абстенционистскую и антиавторитарную программу и тактику, борьба неизбежно должна была вестись не только в идейной области, но и в практической.

Анархисты открыто выступили против решений Лондонской конференции, встав на путь раскола Интернационала. 12 ноября 1871 г. в Сонвилье на съезде Юрской федерации (Швейцария), в которой преобладали бакунисты, было принято решение, отвергавшее резолюции Лондонской конференции и требовавшее немедленного созыва конгресса. На циркулярное письмо Генерального Совета, призывавшее одобрить решения конференции, анархисты ответили сонвильерским циркуляром, в котором объявили войну Генеральному Совету и «комму-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 478.

низму Маркса». Сонвильерский циркуляр прямо призывал к объединению всех антимарксистских элементов [1].

С этого момента борьба Маркса и Энгельса и всего Генерального Совета в целом за претворение в жизнь решений Лондонской конференции вступила в новую фазу. «Нам пора действовать»,— писал в связи с этим Либкнехту Энгельс [2].

Начался заключительный этап борьбы сторонников Маркса и Энгельса с анархизмом внутри Интернационала, который завершился исключением лидеров бакунизма из его рядов и победой марксистских принципов.

Говоря об этом этапе в развитии противоречий между революционно-пролетарским и анархистским направлением в рабочем движении, В. И. Ленин указывал, что борьба против анархизма была перенесена Марксом «из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала» [3]. Огромную роль в этой победе сыграл Маркс, который, по замечанию Ленина, «умел беспощадно рвать с анархизмом» [4].

Острые схватки с анархистами происходили на страницах печати, на съездах ряда федераций Интернационала и на собраниях местных секций. Нити этой борьбы сходились к Марксу в Генеральный Совет.

Деятельность Маркса, Энгельса и их соратников в Генеральном Совете в период между Лондонской конференцией и Гаагским конгрессом в значительной мере обеспечила победу марксизма над бакунизмом.

Направленный против организационных принципов Интернационала сонвильерский циркуляр бакунистов ясно показал главное отличие анархизма от марксизма. Анархисты открыто объявили, что они выступают против

---

[1] 15 декабря 1871 г. Юрская федерация обратилась ко всем комитетам местных и национальных организаций Интернационала с письмом о созыве внеочередного конгресса. Лидер швейцарских бакунистов Гильом разослал сонвильерский циркуляр во все «сочувствующие» газеты; одновременно посылалось и письмо о созыве внеочередного конгресса для «свержения» Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 393/1).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 193.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 15, стр. 18.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 25, стр. 394.

«школы», «идеалом» которой является «завоевание политической власти рабочим классом», и провозгласили своей целью создание общества, основанного на принципах «свободы и федерации» [1].

Если до Лондонской конференции анархисты выдвигали в противовес марксизму главным образом свою доктрину воздержания от политической деятельности, то теперь они выступили также и под флагом отрицания «авторитарности» — иными словами — отрицания необходимости пролетарских партий. Одним из проявлений борьбы анархистов против пролетарской партийности явилась их попытка лишить Генеральный Совет тех многообразных функций, благодаря которым он мог выполнять роль руководящего органа Товарищества. Поскольку Совет взял на себя осуществление решений Лондонской конференции, он стал объектом самых ожесточенных нападок со стороны антипролетарских элементов.

Выступление Маркса и Энгельса и их соратников в 1872 г. в защиту прав Генерального Совета против посягательств анархистов и их союзников на функции исполнительного органа Интернационала имело большое значение для последующего развития рабочих организаций. По сути дела это была борьба за развитие принципов демократического централизма в организационной структуре Интернационала, а также за организационные основы будущих пролетарских партий. В Уставе и Регламенте организационная структура Интернационала не была детально разработана. Сравнительно большее внимание в этих документах уделялось функциям и правам Генерального Совета — как направляющего центра всего Международного Товарищества Рабочих. Историческое развитие Интернационала, разработка его общетеоретической программы, провозглашение его главной политической целью борьбу за диктатуру пролетариата — все это неизбежно вызывало изменение и усовершенствование его организационной структуры в направлении демократического централизма.

Усиливавшиеся атаки со стороны мелкобуржуазных элементов требовали укрепления централизации и дис-

[1] См. «Circulaire à toutes les fédérations de l'Association Internationale des Travailleurs». Sonvillier, 12.XI.1871.

циплины в организациях Интернационала, повышения авторитета его руководящего органа, расширения его функций. Отстаивая права Генерального Совета, Маркс и Энгельс исходили из того, что Совет является той высшей инстанцией, которая должна применять «в конкретных обстоятельствах Общий Устав и резолюции конгрессов» [1]. В статье о сонвильерском съезде анархистов Энгельс специально отметил, что необходимым условием существования пролетарской партии является централизация и партийная дисциплина [2].

Маркс в письмах к деятелям I Интернационала, на заседаниях Генерального Совета и в его документах, написанных им совместно с Энгельсом, разъяснял, что требования анархистов означают попытку сломать исторически сложившуюся и развивавшуюся организацию Интернационала, уничтожить дисциплину, превратить Товарищество в «дискуссионное общество». Это означало бы разоружить пролетариат. «Буржуа вкупе с правительствами не желали бы ничего лучшего» [3].

Опираясь на поддержку своих соратников, Маркс и Энгельс добились превращения Генерального Совета в *центр борьбы* против анархизма. Секретари-корреспонденты Совета: Курне — для Дании; Ле Муссю — для французских секций в Америке, Юнг — для Швейцарии; Серрайе — для Франции; Врублевский — для Польши и другие провели вместе с ними и под их руководством большую пропагандистскую работу, разъясняя антипролетарский характер анархизма и опасность его для рабочего движения [4]. Борьбу против анархистов вели сторонники Маркса и Энгельса и на местах.

Один из решающих ударов по анархистскому сектантству был нанесен закрытым циркуляром Генерального Совета, написанным Марксом и Энгельсом. Его название

---

[1] Маркс — Лафаргу, 21 марта 1872 г. («Вопросы истории КПСС» № 3, 1962, стр. 13—14).

[2] См. *Ф. Энгельс.* «Съезд в Сонвилье и Интернационал» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 483).

[3] Маркс — Лафаргу, 21 марта 1872 г. («Вопросы истории КПСС» № 3, 1962, стр. 14).

[4] О борьбе с бакунизмом Энгельса как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Испании и Италии см. упомянутые статьи Н. Ю. Колпинского.

«Мнимые расколы в Интернационале» отражало то положение дела в Международном Товариществе Рабочих, которое сложилось *к этому времени.* Хотя «споры в Швейцарии грозили самому существованию Интернационала» [1], бакунисты в своих выступлениях все же выдавали желаемый ими раскол в Интернационале за действительный. К марту 1872 г. раскола в Интернационале не было; большинство федераций одобрило решения Лондонской конференции. Однако поскольку анархистское меньшинство, не признавая никакой дисциплины, противопоставляло себя большинству, угроза раскола продолжала существовать. Поэтому авторы циркуляра предупреждали, что «Интернационал переживает кризис, какого он не испытывал с самого своего основания» [2], и подчеркивали необходимость упорной борьбы против анархистского сектантства.

В циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале», как и в других документах Генерального Совета, Маркс и Энгельс считали необходимым противопоставить подлинные принципы и политику Интернационала попыткам анархистов подменить их своими сектантскими доктринами. В циркуляре, как докладывал Маркс Генеральному Совету 5 марта 1872 г., дается «картина исторического развития принципов и политики Товарищества, которые прослеживаются совершенно отчетливо» [3]. В противовес анархистскому толкованию характера и роли Международного Товарищества Рабочих, изображаемому бакунистами как прообраз их идеала будущего «антиавторитарного» анархистского общества, Маркс и Энгельс подчеркивали, что «Интернационал является подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство» [4].

---

[1] Из речи Маркса на заседании Генерального Совета (протокольная книга Генерального Совета, заседание 11 мая 1872 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 5.

[3] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 5 марта 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 30—31.

Вскрыв исторические и социальные корни сектантства и глубокую враждебность его рабочему классу, Маркс и Энгельс показали, что «система» взглядов анархизма порождалась проникновением мелкобуржуазной идеологии в рабочее движение. Сектантская программа,— отмечали основоположники марксизма,— находилась в вопиющем противоречии с принципами Международного Товарищества Рабочих и обрекала пролетариат на разобщенность и распыленность. Циркуляр раскрывал перед членами Интернационала раскольнические и дезорганизаторские действия, к которым прибегали бакунисты. Выпуск и распространение этого циркуляра подготовили почву для окончательного идейного разгрома анархизма в I Интернационале и последующего исключения его идеологов [1].

* * *

Весной и летом 1872 г. в процессе борьбы за реализацию решений Лондонской конференции Марксу и Энгельсу пришлось выступить против отчетливо проявившихся у некоторых английских членов Генерального Совета — Хейлза, Роча, Кина, отчасти и Эккариуса — либеральных тред-юнионистских взглядов. Наличие подобных взглядов отражало общее усиление в английском рабочем движении оппортунистической тенденции, носителем которой была рабочая аристократия. Английская буржуазия не только расколола экономически рабочий класс, создав его верхушке привилегированное положение, она вела и усиленное идеологическое наступление, важнейшей частью которого было превращение рабочих деятелей в проводников либерально-буржуазной политики реформ. Именно это использование буржуазией представителей рабочего движения в Англии в качестве, по существу, своих политических агентов имел в виду

[1] Следует сказать, что в это время (в начале марта 1872 г.) Маркс и Энгельс не знали еще о подлинных размерах раскольнической деятельности тайной организации анархистов внутри Интернационала. Весной 1872 г. Энгельс дал себя увлечь до некоторой степени, хотя и ненадолго, оптимизму Лафарга, писавшего ему из Мадрида, что съезд испанской организации Интернационала в Сарагосе полностью покончил с бакунистами. В скором времени Маркс и Энгельс убедились, что предстоит еще тяжелая и упорная борьба с бакунистами.

Маркс, когда на Гаагском конгрессе Интернационала заявлял, что «признанные лидеры» английского рабочего класса подкуплены буржуазией [1].

Идеологическое подчинение буржуазией многих деятелей английского рабочего движения проявлялось не только в прямом отступлении от принципов Интернационала и ренегатстве, как это имело место с Оджером и Лекрафтом после Парижской Коммуны. Гораздо опаснее были те рабочие деятели, которые стремились истолковать принципы Интернационала в духе либеральной рабочей политики. Такого рода деятели, вроде секретаря Генерального Совета Дж. Хейлза и некоторых руководителей Британского федерального совета, пользовались еще значительным влиянием в рабочих массах. Агитируя за создание самостоятельной рабочей партии, они понимали под таковой партию, созданную для борьбы за парламентское представительство, за парламентские места для рабочих лидеров. Политика рабочего класса, с их точки зрения, должна включать соглашение с буржуазными радикалами и выступление под их руководством (сам Хейлз неоднократно пытался выставить свою кандидатуру, действуя совместно с буржуазными радикалами типа Морли).

Хейлз, Роч, Кин и др. голосовали в Генеральном Совете за все решения Лондонской конференции 1871 г., в том числе и за резолюцию о политическом действии рабочего класса. Они поддерживали эти решения до тех пор пока само развитие рабочего движения не раскрыло на практике революционный, глубоко чуждый либеральному тред-юнионизму характер этих решений, пока не обнаружилось в полной мере значение этих решений как важнейшего идейного оружия в руках революционных пролетарских деятелей в той борьбе с мелкобуржуазным и буржуазным влиянием, которую они вели как внутри Генерального Совета, так и в местных федерациях. Как только стало ясно, что применение этих решений требует полной независимости пролетариата от его буржуазных «вдохновителей» и «руководителей», сразу выявилось и глубоко принципиальное отличие в понимании резолю-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 639.

ций Лондонской конференции революционерами и тред-юнионистскими элементами в Генеральном Совете и других органах Интернационала.

Либеральная тред-юнионистская тенденция особенно ясно обнаружилась в Генеральном Совете в связи с обсуждением вопроса о расколе в Североамериканской федерации Интернационала. Причиной раскола явилось стремление мелкобуржуазных элементов и буржуазных реформаторов трактовать со своих идеологических позиций решения конгрессов Интернационала, его Устав и постановления Генерального Совета[1]. Практически это означало подмену программы Интернационала программой различного рода реформ в рамках буржуазного строя. Этому воспрепятствовали пролетарские элементы, в частности нью-йоркская секция № 1, в которой руководящую роль играли Ф. А. Зорге и Ф. Больте.

Борьба в США затруднялась тем, что процесс становления классово-самостоятельного рабочего движения, выделения его из буржуазно-демократического, тормозился там в силу целого ряда специфических особенностей развития капитализма в этой стране, прежде всего из-за многонационального состава американского пролетариата. Специфической чертой являлось и то, что идеи научного коммунизма впервые начали пропагандироваться в США на немецком языке, а это неизбежно сужало возможность их распространения. В то же время часть немецких эмигрантов принесла в США и лассальянские воззрения. В секциях Интернационала в США имели хождение также и прудонистские взгляды французских эмигрантов, мелкобуржуазные фенианские убеждения ирландских эмигрантов-революционеров.

Особое значение в связи с этим имела задача формирования в организациях Интернационала пролетарского ядра. Через Зорге и других деятелей пролетарского движения в США Маркс стремился донести до рабочих масс идеи научного коммунизма.

---

[1] В частности секция № 12, объединявшая буржуазные и мелкобуржуазные элементы, заявляла, что существует «независимое право каждой секции по-своему толковать решения конгрессов, Устав и постановления Генерального Совета» (*K. Marx.* «American Affairs» — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3217).

После Лондонской конференции пролетарское крыло североамериканских организаций Интернационала, группировавшееся вокруг секции № 1, основываясь на решениях конференции, повело борьбу против попыток мелкобуржуазных и буржуазных реформаторов использовать Интернационал в своих целях. Секция № 1 потребовала исключения состоявшей из реформаторов секции № 12 и недопущения в Товарищество тех секций, которые не имели бы в своем составе по крайней мере $^2/_3$ наемных рабочих [1]. В ответ на это секция № 12, объединившая вокруг себя все непролетарские элементы в федерации, заявила «категорический протест» против «утверждения, что Международное Товарищество Рабочих является организацией рабочего класса» (!) [2]. Еще до этого секция № 12 выпустила манифест, в котором от имени Интернационала выдвинула ряд типичных для буржуазных реформаторов требований, в частности требование женской эмансипации (что должно было с их точки зрения *предшествовать* освобождению труда), «свободы любви», уничтожение всех языковых различий и т. д.[3]

Выдавая этот манифест за программу Интернационала, руководители секции № 12 предложили *всем лицам,* говорящим на английском языке, объединяться на его основе в секции Интернационала. Таким образом двери в Международное Товарищество Рабочих открывались для любых буржуазных политиканов, спекулирующих на различного рода проектах реформ.

Маркс, который временно выполнял функции секретаря-корреспондента Генерального Совета для секций немецкого языка в США, через Зорге, Больте, Мейера и других получал полную информацию о происходившей борьбе в Североамериканской федерации. По предложению Маркса в ноябре 1871 г. Генеральный Совет принял решение, отвергавшее претензии секции № 12 на руководящую роль в федерации на том лишь основании, что она

---

[1] *K. Marx.* «American Affairs» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3217).

[2] «Woodhull and Claflin's Weekly», 18.XI.1871.

[3] Критический разбор этого манифеста см. в статье Ф. Энгельса «Интернационал в Америке» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 92—93).

состоит из лиц, говорящих по-английски[1]. Борьба привела в декабре 1871 г. к открытому расколу в Североамериканской федерации. Образовались два комитета — Временный федеральный совет во главе с Зорге (комитет № 1) и комитет (№ 2), возглавляемый Вудхалл и пр. лидерами секции № 12. Временный федеральный совет в своем обращении к секциям предложил создать совет, «состоящий из действительных рабочих».

Оба комитета апеллировали к Генеральному Совету; каждый требовал признания его в качестве руководящего органа Товарищества в США. В ожидании решения Совета многие секции отозвали своих представителей из обоих комитетов[2].

Позиция Генерального Совета в этом вопросе приобретала решающее значение для будущего развития Интернационала в США, для пропаганды его идей в этой стране. Многие члены самого Генерального Совета не сразу поняли смысл происходившей там борьбы, а некоторые открыто стали на стороне буржуазных элементов, утверждая, что комитет № 2 действует «в духе» резолюций Лондонской конференции.

Благодаря неустанному и настойчивому разъяснению Маркса Совет в целом занял правильную позицию. В то же время борьба в Генеральном Совете по этому вопросу способствовала размежеванию в нем революционных и реформистских элементов.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 664. См. также *Э. Вильховченко.* «Страница из истории борьбы Маркса, Энгельса и Генерального Совета Интернационала против буржуазного влияния на американское рабочее движение» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 5, 1960).

[2] Так, например французская секция № 10 в Нью-Йорке решила не посылать делегатов ни в один из федеральных советов, «пока Генеральный Совет в Лондоне не решит вопрос и не сообщит нам, где находятся подлинные члены Интернационала...». Сообщая об этом Генеральному Совету, секция № 10 просила Совет ускорить решение, но в то же время обращала внимание членов Совета на то, что в комитете № 2 занимаются «только политикой» и «стремятся превратить Интернационал в машину для голосования в интересах нескольких деспотических лидеров...» «Мы ждем от Генерального Совета,— писали представители секции № 10,— указаний, так как для движения крайне необходимо единство» («Au Conseil Géneral de Londres», 1.II.1872; ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 236).

В феврале 1872 г. Генеральный Совет поручил Марксу подготовить доклад о расколе в Североамериканской федерации [1]. Сохранившиеся многочисленные выписки из американских газет, писем, отчетов и т. д. свидетельствуют о том, как тщательно изучал этот вопрос Маркс.

Переписка Маркса с немецкими секциями в США сначала в качестве их официального представителя (секретаря-корреспондента) в Генеральном Совете, а после передачи этих функций Эккариусу осенью 1871 г.[2] просто как члена Совета, сыграла большую роль в сплочении пролетарского ядра Североамериканской федерации, в повышении его идейного уровня. Помогая ему отражать атаки буржуазных реформаторов, Маркс в то же время неоднократно предупреждал членов Интернационала в США об угрозе сектантского отрыва от массы американских рабочих, о недопустимости пренебрежительного отношения к этой массе из-за ее теоретической незрелости. В пространном письме к Больте 23 ноября 1871 г. Маркс раскрывает значение борьбы Интернационала с различного рода сектантскими течениями, разъясняет значение в этом смысле резолюций Лондонской конференции, которые, по его словам, давали «законное оружие, чтобы покончить со всяким сектантством и дилетантскими группами и в случае надобности исключить их» [3]. Маркс подчеркивает, что борьба за массы остается первоочередной задачей Интернационала. «Тред-юнионы вы должны во что бы то ни стало завоевать»,— писал он члену секции № 1 Карлу Шпейеру [4].

Маркс устанавливает непосредственную связь с членами разных секций в США, с бывшими ирландскими фениями, ставшими деятелями I Интернационала в Нью-

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 20 февраля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] «Переписку с немецкими секциями и Нью-йоркским комитетом я уступил *Эккариусу* (его назначили, по моему предложению, на эту должность), так как время, которым я располагаю, не позволяет мне как следует выполнять эту обязанность»,— писал Маркс Зорге 6 ноября 1871 г. (См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 162).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 176.

[4] Там же, стр. 169.

Йорке (в частности с Дж. Девоем, одним из членов Временного федерального совета и одним из будущих руководителей Земельной лиги в Ирландии).

5 и 12 марта 1872 г. Генеральный Совет обсуждал доклад Маркса о расколе в США. Доклад был изложен в форме конкретных предложений по этому вопросу. «Судьба Интернационала в США,— отметил Маркс в подготовительных к докладу материалах,— зависела от этих решений» [1].

Сущность предложений Маркса сводилась к очищению Североамериканской федерации от проникших в нее буржуазных элементов, обеспечению пролетарского состава секций, усилению централизации в организационной структуре федерации [2]. Эти положения имели большое значение и для других федераций.

Маркс предложил, опираясь на резолюцию VI Базельского конгресса по организационным вопросам, временно, до очередного конгресса исключить из Интернационала секцию № 12. Обосновывая это предложение, Маркс указывал, что выдвинутая секцией претензия истолковывать как угодно решения конгрессов Интернационала и его Устав, если ее возвести в общераспространенный принцип, привела бы к тому, что «от Международного Товарищества Рабочих не осталось бы ничего, кроме его названия» [3].

Основная борьба в Совете развернулась вокруг предложения Маркса, гласившего: «Принимая во внимание... что социальные условия Соединенных Штатов, хотя они во многих других отношениях и являются весьма благоприятными для успехов рабочего движения, особенно облегчают проникновение в *Интернационал* лжереформаторов, буржуазных шарлатанов и продажных политиканов... Генеральный Совет рекомендует впредь не принимать в Товарищество новые американские секции, если они не насчитывают в своем составе по крайней мере двух третей наемных рабочих» [4].

---

[1] *K. Marx.* «American Affairs» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3217).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 47—49.

[3] Там же, стр. 48.

[4] Там же, стр. 49.

Это предложение встретило сопротивление ряда реформистски настроенных членов Совета (в частности против выступили Эккариус и Барри). Однако подавляющим большинством голосов, оно, как и остальные предложения Маркса, было принято. При обсуждении этого вопроса выявилась и другая ошибочная тенденция — отрицание вообще всякой возможности участия выходцев из других классов в руководстве рабочим движением. Наиболее ясно эту идею высказал бывший чартист, английский рабочий Милнер. Поддерживая предложение Маркса относительно обязательного наличия в составе секций $^2/_3$ рабочих, Милнер заявил, что «рабочий класс всегда искал вождей вне своих рядов и это всегда заводило его на ложный путь». «Надо искать руководителей,— говорил он,— только в своем классе» [1].

Эту же мысль, но еще более резко, он высказал в Генеральном Совете, когда через некоторое время обсуждался вопрос о включении в состав Совета доктора медицинских наук Дж. Секстона. Милнер снова утверждал, будто введение в Генеральный Совет людей свободной профессии «может принести только вред рабочему классу».

Возражавший ему член Генерального Совета Ч. Меррей, тоже бывший чартист, доказывал, что принадлежность к свободной профессии не может служить препятствием для участия в пролетарской организации. Ибо он, Меррей, знает людей умственного труда, которые работают не меньше рабочих.

В спор вступил и Маркс. Он высказал точку зрения, с которой согласилось большинство Совета: участие в Совете людей умственного труда, желающих бороться вместе с пролетариатом, возможно и целесообразно, но обязательным условием является то, чтобы большинство в Генеральном Совете принадлежало рабочим [2].

Борьба вокруг «американского вопроса» не закончилась принятием резолюций, предложенных Марксом.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 12 марта 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 23 апреля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

Она осложнилась позицией, занятой некоторыми членами Совета, в первую очередь Эккариусом и Хейлзом, которые фактически встали на путь саботажа принятых Генеральным Советом решений. Эккариус отказался, хотя это и входило в его обязанности как секретаря-корреспондента для США, послать туда резолюции Генерального Совета, заявив о своем несогласии с ним. Он утверждал, что требование наличия в секциях $^2/_3$ наемных рабочих неправильно, так как буржуазные деятели тоже занимаются политикой, полезной рабочему классу. Попытки дезавуировать решения Генерального Совета предпринял Хейлз. В письме, опубликованном в нью-йоркской газете «Socialiste», органе французских секций, он высказал сожаление по поводу этих решений и призывал к установлению «единства» и «гармонии» рабочих с буржуазными реформаторами, желающими помочь рабочему классу [1]. Это было фактически одобрение реформистской позиции буржуазных и мелкобуржуазных элементов в Североамериканской федерации. Ту же мысль Хейлз высказал и в письмах к отдельным деятелям федерации. Это все осложнило и затянуло борьбу, которая в самом Генеральном Совете продолжалась до конца мая 1872 года.

Необходимо было решить вопрос: какой из двух комитетов следует признать до съезда федерации в США руководящим органом Интернационала в этой стране. В ходе споров развернулась настоящая дискуссия на тему, чтó понимать под самостоятельной политической деятельностью рабочего класса.

Выступая в Генеральном Совете против тех, кто защищал право секции проводить от имени Интернационала *любую* политику и предлагать от имени Интернационала любой проект *буржуазных реформ,* под предлогом, что они способствуют освобождению пролетариата от капиталистического гнета, Маркс доказывал в своей речи 21 мая 1872 г., что подобное понимание принципов Товарищества «может завести рабочих на неправильный путь». «Временное исключение секции № 12,— говорил

---

[1] См. текст письма Хейлза, переписанный рукой Энгельса (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3204).

Маркс на этом заседании Генерального Совета,— стало необходимым вследствие опубликованного ею манифеста, который создал путаницу и недоразумения, и на основании этой программы стали возникать новые секции... С другой стороны, их [представителей секции № 12.— *В. К.*] протест показал, что они не понимают принципов Товарищества. Они возражали против выражения «наемные рабы», заявляя, что следовательно это означает и рабов в политическом смысле. Они указывали, что руководство делами [Товарищества.— *В. К.*] следует передать мелким независимым предпринимателям... другие их своеобразные теории привели к неправильному истолкованию действительных целей [Интернационала.— *В. К.*]. Необходимо поставить преграду, чтобы Товарищество не использовалось в целях политического торгашества» [1].

Борьба в Совете окончилась победой марксистских принципов и способствовала ослаблению позиций реформистских элементов в Интернационале.

28 мая 1872 г. по предложению Маркса Генеральный Совет принял резолюцию о признании Временного федерального совета единственным руководящим органом Интернационала в США. В своих выписках Маркс отметил это следующим образом: «Резолюция Генерального Совета от 28 мая 1872 г., согласно которой в ответ на вопросы, поставленные немецкой секцией Сент-Луи и французской секцией Нового Орлеана признан только старый совет (Временный федеральный совет для Соединенных Штатов)» [2]. Об этом решении Маркс также немедленно сообщил Зорге. Вслед за этим решение Генерального Совета было опубликовано в специальном письме Ле Муссю (назначенного в мае 1872 г. секретарем-корреспондентом для всех секций Северной и Южной Америки) в газетах «Union» и «Socialiste» [3].

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 21 мая 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] *К. Marx.* «American Affairs» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3217). См. также Маркс — Зорге, 29 мая 1872 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 261).

[3] «Union», 17.VI.1872.

Маркс и Энгельс приняли меры к тому, чтобы через секретарей-корреспондентов была организована публикация резолюций Совета о расколе в США в различных органах Интернационала, а также широко разъяснена членам Товарищества разных стран позиция Генерального Совета в «американском вопросе».

В ряде газет были напечатаны статьи по этому вопросу. В «Volksstaat» 17 июля 1872 г. была напечатана статья Энгельса «Интернационал в Америке», написанная на основе выписок Маркса[1]. В испанской газете «Emancipacion» появилась статья «Буржуазия и Интернационал», авторами которой являлись либо Лафарг, либо Меса[2]. Статья была написана на основании материалов, полученных от Маркса и Энгельса.

Решения Генерального Совета, деятельность Маркса и Энгельса, а также их соратников в США ускорили размежевание между пролетарскими и буржуазными элементами и в самой американской федерации, помогли уточнить позицию ряда секций. Многие секции, занимавшие ранее выжидательную позицию, уже в ходе борьбы заявили о согласии с резолюциями Генерального Совета[3].

Решения Совета явились также серьезным предупреждением в этом смысле и для федераций других стран и всех организаций Международного Товарищества Рабочих.

* * *

Решение Лондонской конференции о создании в Англии собственного федерального совета, подтвержденное затем специальным постановлением Генерального Совета, должно было привести к перестройке всей организации Интернационала в Англии и заложить там основы самостоятельной пролетарской рабочей партии.

В связи с этим еще более неотложной являлась за-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 91—97.

[2] «La Emancipacion», 22.VI.1872.

[3] Так секция № 2 постановила: «Принимая во внимание, что Интернационал является *Товариществом Рабочих,* имеющих своей целью *освобождение рабочих при помощи самих рабочих,* секция № 2 протестует против *принятия секций, состоящих в большинстве своем из нерабочих»* («Le Socialiste», 18.V.1872).

дача изоляции лидеров тред-юнионов («спевшихся с буржуазией», по выражению Энгельса [1]) и завоевания на сторону Интернационала широких пролетарских масс, не охваченных тред-юнионами.

«Движение тред-юнионов,— писал Энгельс в июле 1871 г.,— и прежде всего влиятельные и имеющие средства тред-юнионы стали скорее препятствием для общего движения, чем орудием его прогресса, а за пределами тред-юнионов существует огромная масса лондонских рабочих, которые в течение ряда лет держатся весьма далеко от политического движения и поэтому являются очень невежественными. Но зато, с другой стороны, они свободны от многих традиционных предрассудков тред-юнионов и других старых сект и поэтому представляют прекрасный материал, с которым можно работать. Они вполне могут быть приведены в движение нашим Товариществом...» [2].

Важнейшим условием завоевания масс на сторону социализма было создание независимой политической массовой партии английского рабочего класса. Основание в конце октября 1871 г. Британского федерального совета [3], а затем и Британской федерации Интернационала, объединяющей местные секции, должно было явиться первым практическим шагом на пути реализации решения Лондонской конференции о создании самостоятельной партии в Англии.

Резолюция Лондонской конференции, разъяснял Энгельс в письме к английским секциям Интернационала, «призывает рабочий класс здесь, в Англии, перестать служить хвостом «великой либеральной партии» и образовать свою собственную независимую партию...» [4]. Британская федерация должна была стать организующим центром для широких пролетарских масс Англии.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 395.

[2] Энгельс — Кафьеро, 16 июля 1871 г. («Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 131—132).

[3] См. «The Eastern Post», 27.X.1871. Британский совет был создан сначала как временный Лондонский совет, который после того, как к нему присоединялись многие секции Товарищества из различных городов Англии, конституировался как Британский федеральный совет.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 194.

Однако в роли непосредственных организаторов Британского федерального совета выступили люди, которые самостоятельную политическую деятельность рабочего класса понимали как политику, проводимую совместно с буржуазными радикалами и под их руководством, а задачу рабочей партии сводили главным образом к выдвижению (совместно с теми же буржуазными радикалами) своих кандидатов в парламент.

Маркс и Энгельс, отнюдь не отрицая необходимости выдвижения рабочих кандидатов в парламент, подходили к этому вопросу с совершенно иных позиций. Они считали, что предпосылкой для этого должно быть создание «новой сильной рабочей партии с ясно выраженной программой» [1], а отнюдь не сотрудничество с буржуазией.

Формально не являясь деятелями тред-юнионов, руководители Британского совета Хейлз, Роч, Кин, Кларк и др. на практике проводили тред-юнионистскую политику. С самого момента возникновения Британского совета его руководители взяли курс на создание обособленной от Генерального Совета политической организации. Британский совет стал в значительной степени формироваться за счет делегатов различного рода мелкобуржуазных организаций, республиканских клубов и т. п., которые объявляли себя секциями Интернационала, но программа которых была приемлема для любого буржуазного радикала. Это означало на практике подчинение организаций Интернационала в Англии буржуазному радикализму.

К тому же уже в первые месяцы существования Британского федерального совета обнаружилась склонность его руководства к сектантству, так как свою неприязнь к официальным лидерам тред-юнионов, стремившимся монополизировать руководство рабочим движением в Англии (организованное профсоюзное движение было в это время фактически единственной формой организованного *массового* рабочего движения), Хейлз и другие переносили на тред-юнионы в целом. Позднее это игнорирование рядовых членов тред-юнионов сделалось одной из ха-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 478.

рактерных отрицательных черт социалистического движения в Англии в конце XIX века.

Борьба Маркса и Энгельса в Генеральном Совете в 1871—1872 гг. против реформизма в английских организациях Интернационала, за превращение Британского федерального совета в боевой революционный орган Международного Товарищества Рабочих была частью их борьбы за массовую пролетарскую партию в Англии [1].

В борьбе против реформистских, либеральных тред-юнионистских взглядов Маркс и Энгельс получали активную поддержку от английских членов Генерального Совета, бывших чартистов, рабочих Милнера, Меррея, будущего деятеля Социал-демократической федерации (основанной в 1883 г.) Таунсенда, своих соратников — Дюпона, Лесснера и других. Маркс привлекал к борьбе и тех членов Совета (Буна, Харриса и др.), которые, придерживаясь в ряде теоретических вопросов весьма незрелых взглядов, выступали, однако, за самостоятельную рабочую политику. «Эти последователи О'Брайена,— писал о них Маркс,— несмотря на их глупости, часто представляют в Совете необходимый противовес тред-юнионистам. Они более революционны, придерживаются радикальных взглядов в земельном вопросе, менее националистичны и недоступны буржуазному подкупу в той или иной его форме» [2].

---

[1] Подробно об этом см. нашу статью: «Роль Маркса и Энгельса в создании и упрочении Британского федерального совета» («Новая и новейшая история» № 1, 1961). Хронологические рамки данной работы не позволяют остановиться на ходе борьбы за Британский федеральный совет между марксистами и реформистами после Гаагского конгресса и, в частности, на истории раскола Британской федерации, вызванного последними. Материал об этом читатель найдет в упомянутой статье.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 174. Примером незрелости теоретических взглядов Буна и других может служить внесенное ими в Генеральный Совет предложение об учреждении при Генеральном Совете международного бюро и склада, «куда члены Интернационала могли бы сдавать выработанные ими продукты, за которые получали бы международные боны или обменные знаки; эти знаки имели бы хождение и обменивались между всеми членами Интернационала, а также и между посторонней публикой, если она захочет их принимать. Такая система международного обмена должна основываться на реальном и легко обмениваемом богатстве, как, например, обувь, одежда, часы и т. д...» (протокольная книга

Маркс вел в Генеральном Совете борьбу за то, чтобы направить всю деятельность Британского федерального совета по революционному пути и добиться очищения его состава от мелкобуржуазных, реформистских элементов. «Важнее всего определить положение и состав Федерального совета»,— пишет он члену Британского совета М. Барри, пытавшемуся объяснить борьбу в Совете причинами личного порядка [1].

Устав Британского совета был тщательно изучен комиссией по просмотру местных уставов, а затем Маркс доложил итоги этой проверки Генеральному Совету [2].

16 января 1872 г. Генеральный Совет рассмотрел представленный Марксом от имени комиссии полный текст устава Британской федерации и принял предложение комиссии об исключении из состава совета всех членов мелкобуржуазных организаций (в частности, членов мелкобуржуазной Всеобщей республиканской лиги) и всех лиц, не имеющих делегатских полномочий от ранее принятых в Интернационал секций [3]. Маркс и здесь, на заседании Совета, еще раз обратил внимание на необходимость очищения Британского федерального совета от случайных элементов, стремящихся проникнуть в руководящие органы Товарищества. Эти решения Генерального Совета, принятые по настоянию Маркса, послужили исходным пунктом для дальнейшей борьбы за Британский федеральный совет.

В марте 1872 г. был опубликован текст устава Британской федерации, который после работы над ним комиссии соответствовал теперь, как отмечал Маркс, Общему Уставу Интернационала [4].

Но это не исчерпало борьбу за революционный Британский совет, которая велась в Генеральном Совете. Весной 1872 г. Марксу и Энгельсу пришлось дать в Со-

---

Генерального Совета, заседание 17.X.1871 г.). Здесь мы видим не что иное, как вариант утопических идей одного из лидеров чартизма О'Брайена относительно реформы денежной системы.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 194.

[2] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 9 января 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[3] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 16 января 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[4] «Rules of the British Section of the International». Ld., 1872.

вете настоящий бой руководителям Британского федерального совета, обнаружившим шовинистические настроения в связи с образованием в Англии самостоятельных ирландских секций Интернационала [1]. В ирландском вопросе столкнулись последовательная интернационалистская политика, осуществляемая пролетарскими революционерами под руководством Маркса и Энгельса, и шовинистическая позиция английских реформистов. Маркс и Энгельс стремились вовлечь ирландских рабочих в общее движение международного пролетариата, отмечая в то же время специфику задач Интернационала в Ирландии, заключавшуюся в сочетании борьбы за интересы рабочего класса с борьбой за освобождение страны [2].

Эта двойная задача находила отражение в уставах возникавших самостоятельных ирландских секций. Хейлз и другие шовинистически настроенные руководители Британского совета выступали как раз против сочетания пролетарского ирландского движения с национально-освободительным, против формирования самостоятельной ирландской рабочей партии [3]. Игнорирование национально-освободительного движения, отрицание его органической связи с борьбой пролетариата являлось типичным проявлением оппортунизма в национальном вопросе. Предложение Хейлза запретить создание ирландских самостоятельных секций, так как это будто бы способствует развитию национализма и «противоречит задачам Ин-

---

[1] По решению Генерального Совета летом 1871 г. был назначен специальный секретарь-корреспондент для Ирландии (Мак-Доннел), задачей которого являлась организация секций не только в Ирландии, но и среди ирландских рабочих в английских городах, наиболее отсталой и угнетаемой части рабочего класса Англии.

[2] См. статью Л. И. Гольмана «Ирландский вопрос в I Интернационале» (сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1956).

[3] В принятых ирландскими секциями уставах, заявлял Хейлз, говорится, что они — республиканцы и что первая их задача — освободить Ирландию от иностранного господства; «Интернационал,— утверждал он,— не имеет ничего общего с освобождением Ирландии и с установлением какой бы то ни было определенной формы правления в Англии или Ирландии» (!) (протокольная книга Генерального Совета, заседание 14 мая 1872 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

тернационала», ставило ирландских членов Интернационала в неравноправное положение.

При обсуждении этого вопроса в Генеральном Совете 14 мая 1872 г. против этих шовинистических взглядов выступило большинство Совета, поддержавшее интернационалистскую позицию Маркса и Энгельса в ирландском вопросе. Из выступлений Буна и Меррея видно, что они приближались в этом вопросе к марксистской точке зрения. «Некоторые из английских рабочих,— говорил Бун,— все еще проникнуты духом владычества. Он, Бун, одобряет национальный характер организации ирландцев. И надеется, что ирландцы будут продолжать борьбу». «Я не жалею о дискуссии,— говорил бывший чартист Меррей,— Хейлз, по-видимому, думал, что единства можно достигнуть путем подчинения ирландских секций. Но это ошибка. Ирландцы не могут забыть 700-летнего английского ига. До сих пор в газетах помещают объявления о найме рабочих с припиской: «ирландцев просят не обращаться». Принятие резолюции Хейлза тоже означало бы — «ирландцев просят не обращаться»» [1].

В большой речи Энгельс разбил все аргументы Хейлза [2]. Он рассматривал вопрос о взаимоотношении Британского совета с ирландскими секциями как составную часть общей проблемы взаимоотношения Англии и Ирландии, британского и ирландского пролетариата, их совместной борьбы против капитализма и колониального подчинения им зависимых стран.

В результате обсуждения вопроса о правах ирландских секций за предложение Хейлза был подан только один голос. Это была победа принципов пролетарского интернационализма над шовинизмом, результат огромной неустанной работы Маркса и Энгельса, сплотивших вокруг интернационалистской платформы лучшую часть активных деятелей английского рабочего движения.

Борьба против тред-юнионистских взглядов ряда английских деятелей Интернационала шла также по всем вопросам, уже поднимавшимся в связи с расколом в ор-

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 14 мая 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 74—76.

ганизации Интернационала в США. Тот отпор, который Маркс и Энгельс и их сторонники дали в связи с этим всем попыткам использовать организацию Международного Товарищества Рабочих в реформистских целях, и те меры, которые по их инициативе были приняты для укрепления позиции Интернационала в американском рабочем движении, нанесли также удар реформизму и в Британской федерации.

* * *

Особенно остро борьба против реформистских и сектантских взглядов по вопросу политики рабочего класса и организации рабочих партий развернулась летом 1872 года, накануне Гаагского конгресса.

Генеральный Совет начал непосредственную подготовку к конгрессу еще в мае 1872 года. К этому времени положение в Международном Товариществе Рабочих в связи с активизацией всех антимарксистских элементов крайне обострилось: 21 мая 1872 г. Маркс отметил, что Интернационал переживает сейчас «чрезвычайно критический период» [1].

Против марксизма выступили представители самых различных течений: анархистские сектанты, реформисты, буржуазные реформаторы, лассальянцы, бельгийские прудонисты и т. д. Их поддержали стоящие вне Интернационала различные элементы мелкобуржуазной немецкой и французской эмиграции в Лондоне, а также и буржуазные английские республиканцы.

Антипролетарские элементы в Интернационале объединяло стремление не допустить осуществления решений Лондонской конференции о создании самостоятельных рабочих партий. На практике это нашло свое выражение прежде всего во все более усиливавшихся объединенных атаках на Генеральный Совет и его руководителя Маркса. В качестве «боевого лозунга» выставлялось требование пересмотра Устава Интернационала, в первую очередь разделов, касающихся полномочий Генерального Совета.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 21 мая 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

Такое решение было принято в апреле 1872 г. по настоянию анархистов Сарагосским съездом испанской организации Интернационала [1] и Бельгийским федеральным советом, который отклонил резолюцию IX Лондонской конференции и предлагал вообще ликвидировать Генеральный Совет. С предложением свести функции Совета к деятельности «статистического бюро» или «почтового ящика» выступали бакунисты в Швейцарии и Италии. Лассальянцы в Германии открыто солидаризировались с бельгийскими прудонистами [2]. Реформисты в Англии и США утверждали, что Генеральный Совет должен строиться исключительно на «делегатском принципе». Как было показано выше, это неизбежно привело бы к проникновению в Совет оппортунистических элементов и свело бы на нет его роль как руководящего органа Интернационала.

Мелкобуржуазная эмиграция в Лондоне и буржуазные английские республиканцы, объединившись в так называемый Всемирный федералистский совет [3], открыто претендовали на руководство Интернационалом.

Французская секция 1871 года сомкнулась с лассальянскими элементами, исключенными в начале 1872 г. из функционирующего в качестве секции Интернационала лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, и с мелкобуржуазной Всеобщей республиканской лигой.

В унисон с бакунистами все эти элементы подняли крик «о незаконности» созыва Лондонской конференции и «неправомочности» Генерального Совета. Всемирный

---

[1] Попавший в руки бакунистов Испанский федеральный совет сообщил 19 июня 1872 г. об этом бельгийцам и предложил совместно действовать против Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 44/2).

[2] Социал-демократ Шлебах в письме в редакцию «Volksstaat» в апреле 1872 г. писал о полном совпадении позиции лассальянского органа «Neuer Social-Democrat» с позиций руководства Бельгийской федерации.

[3] Во Всемирном федералистском совете подвизались лица, не имевшие никакого отношения к Интернационалу, либо исключенные из него (Ле Любе, Везинье, лассальянцы Вебер, Шнейдер и др.). Совет являлся конгломератом самых разных течений. На Гаагском конгрессе Зорге, в частности, сообщил о связи пресловутой секции № 12 в США с Всемирным федералистским советом.

федералистский совет даже разработал программу, специально выдавая ее за «подлинную программу» Интернационала[1].

Генеральный Совет решительно выступил против всех этих попыток непролетарских элементов вмешаться в дела Интернационала и использовать его авторитет в своих целях. По инициативе Маркса Совет выступил с заявлением, разоблачающим происки буржуазных и мелкобуржуазных руководителей этого сложившегося антипролетарского блока. «С тех пор как Интернационал достиг своего нынешнего развития и могущества,— говорилось в этом заявлении Совета, написанном Марксом,— единственный путь борьбы с ним, дающий враждебным и соперничающим организациям некоторые шансы на успех, заключается в узурпации его имени для подрыва его мощи»[2].

Публикуя это заявление Генерального Совета, газета «Emancipacion» писала: «Этот важный документ, который раскрывает перед нами интриги буржуазных партий, обнаруживает их стремление внести раскол в недра Товарищества и парализовать его деятельность... Пусть это послужит для нас уроком»[3]. Заявление Генерального Совета было перепечатано также многими другими органами Интернационала.

Обострение борьбы внутри Товарищества двух тенденций — оппортунистической и революционной — накануне созыва Гаагского конгресса было явлением закономерным. Конгресс должен был сформулировать основные положения политической программы Интернационала, которая определила бы направление развития рабочего движения. От решений конгресса во многом зависело, пойдет ли оно по пути создания самостоятельных независимых пролетарских партий, по пути классовой борьбы с буржуазией или по пути приспособления к буржуазии, подчинения ее идеологам, сектантской разобщенности сил пролетариата. Конгресс должен был либо утвердить решения Лондонской конференции, ввести их как состав-

---

[1] «La Fédération», 21.IX.1872.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 78.
[3] «La Emancipacion», 8.VI.1872.

ную часть в программные документы Интернационала, либо, в случае победы анархистов, отвергнуть их.

«На этом конгрессе вопрос будет идти о жизни или смерти Интернационала»,— писал Маркс[1]. Сознавая всю важность предстоящего конгресса, Маркс и Энгельс отдавали все силы его подготовке. В ходе подготовки к нему они завершают разоблачение тайной деятельности анархистов в Испании, дают отпор попыткам реформистов провести свои решения через Совет, подготавливают в Совете важнейшие документы и решения для Гаагского конгресса. Благодаря Марксу Генеральный Совет и его Исполнительный комитет летом 1872 г. становятся тем боевым центром, вокруг которого сплачиваются все революционные силы международного рабочего движения.

11 июня 1872 г. в речи на заседании Генерального Совета, посвященной подготовке конгресса, Маркс обращает внимание присутствующих на то, что «организационный вопрос несомненно будет главным предметом обсуждения на конгрессе»[2]. Хотя речь в основном была посвящена, как мы можем судить по записи, полномочиям Генерального Совета, но под «организационным вопросом» Маркс подразумевал здесь гораздо более широкую проблему. Речь шла об изменениях в программном документе (Уставе) и Регламенте Интернационала, изменениях, которые должны быть противопоставлены проектам, выдвигаемым бакунистами и реформистами. «Организационный вопрос», включая сюда вопрос о функциях Генерального Совета, охватывал все вопросы перестройки Интернационала в целом, начало которого было положено Лондонской конференцией. Речь шла и о включении в Устав принципиальных добавлений к программе Интернационала, сделанных на конференции.

Бакунистам и их союзникам, требовавшим пересмотра Устава в сектантском духе, Маркс и Энгельс противопоставили подготовку в Генеральном Совете нового проекта Устава и Регламента, который должен был отразить качественные изменения в международном рабочем движении и в самом Интернационале, происшедшие со

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 269.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 637.

времени последнего конгресса, состоявшегося в Базеле в 1869 году.

С конца июня 1872 г. в Генеральном Совете происходило постатейное обсуждение Устава и Регламента. Маркс и Энгельс приняли в нем самое активное участие. Обсуждение ряда вопросов вылилось в оживленные теоретические дискуссии, в острые споры, в которых Маркс и Энгельс и их соратники отстаивали принципы пролетарской партийности, разъясняли и пропагандировали идеи научного коммунизма.

Естественно, что одним из центральных вопросов обсуждения стал вопрос о функциях Генерального Совета и принципе его формирования. Существовали две противоположные точки зрения. Предложения Маркса и его соратников были направлены на усиление роли Совета как подлинно руководящего органа Товарищества, наделение его достаточными полномочиями, чтобы он мог отразить любые попытки превратить массовую рабочую организацию в секту или поставить Товарищество на службу буржуазной политике.

В результате обсуждения решено было добавить в раздел II Регламента (этот раздел посвящен Генеральному Совету), к статье 2, гласившей, что «Генеральный Совет обязан приводить в исполнение резолюции конгрессов», предложенный 25 июня 1871 г. Франкелем и поддержанный Марксом пункт: «Генеральный Совет должен следить за соблюдением принципов Товарищества и охранять их»[1]. Таким образом, Совет наделялся полномочиями, приближавшими его функции к функциям исполнительного органа пролетарской партии.

Маркс, выступая на этом же заседании и развивая мысль Франкеля, предложил привести в соответствие с решением Базельского конгресса по организационному вопросу статью 6 Регламента (этого же раздела II), отметив в ней право Генерального Совета временно (до

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 25 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65). Возражая тем, кто утверждал, что это положение вызовет нападки на Совет, Франкель заявил: «Нападали и на партию революции, и он также мало боится этих нападок, как и люди первой революции боялись нападок аристократии».

очередного конгресса) исключать не только любую секцию (как об этом говорилось раньше), но и любую федерацию или федеральный совет. В качестве аргумента Маркс сослался на попытки узурпации руководства в местных организациях Интернационала мелкобуржуазными элементами.

Энгельс, отвечая оппонентам Маркса, в частности Эккариусу, говорил, что Генеральный Совет представляет Товарищество в целом, и все стремления к усилению его функций — «результат потребности времени» [1]. Энгельс предложил письменную редакцию этой статьи, расширяющую права Генерального Совета [2].

Несмотря на протесты Хейлза, Эккариуса и Роча, утверждавших, что эта статья Регламента якобы создает «возможность для широкого произвола», предложение Маркса и Энгельса было принято абсолютным большинством против четырех голосов.

Энгельс также предложил следующее дополнение к статье 4 Общего Устава (она была сформулирована, по-видимому, Марксом [3]): «Генеральный Совет в случае необходимости может изменить время и место созыва конгресса и с санкции большинства федераций созвать вместо него закрытую конференцию, обладающую такими же полномочиями, как и конгресс. Во всех случаях конгресс, или заменяющая его конференция, должен собраться не позднее чем в течение 3 месяцев после даты, установленной очередным конгрессом» [4]. Это предложение было принято и включено в проект Устава; таким образом созыв Лондонской конференции получал своего рода санкцию Генерального Совета, что явилось как бы ответом на демагогические утверждения анархистов и пр. о «незаконности» конференции.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 2 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] Сохранилась рукопись Энгельса (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3251). Текст ее вошел целиком в резолюции о Регламенте, принятые затем на Гаагском конгрессе (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 144, статья 6).

[3] Сохранился текст предложения, написанный рукой Маркса (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3243).

[4] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 16 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

Обсуждение предложения Эккариуса и Хейлза ограничить количество членов Совета переросло в дебаты о принципе формирования Генерального Совета вообще.

Вайян и Маркс предложили назначать на конгрессе в Совет по нескольку представителей от каждой национальности (число должно было определяться конгрессом), при этом Генеральный Совет должен был сохранить за собой право кооптации на вакантные места. Это предложение также прошло.

Таким образом, Генеральный Совет решил предложить конгрессу значительное расширение и уточнение функций исполнительного органа Товарищества; осуществление этих предложений в Международном Товариществе и в создававшихся национальных партиях должно было способствовать развитию и внедрению в рабочее движение принципов демократического централизма.

Особое значение имело решение Генерального Совета о включении в Устав в качестве статьи 8 резолюции IX Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса. Вайян, выступавший с этим предложением, заявил, что эта резолюция должна быть включена в Устав как основной принцип Международного Товарищества Рабочих [1]. Маркс поддержал Вайяна. Он произнес большую речь о значении этой резолюции, в которой обосновал необходимость борьбы на два фронта — против анархистов и против буржуазных политиков.

«У нас два рода врагов,— говорил он,— 1) сторонники воздержания от политики нападают на эту резолюцию [резолюцию Лондонской конференции о самостоятельном политическом действии пролетариата.— *В. К.*]; 2) а рабочие США и Англии позволяют буржуазии использовать себя в ее политических целях. Мы должны положить этому конец» [2].

Бурные споры возникли вокруг предложения Маркса дополнить статью 9 Устава выдвинутым в свое время рядом секций Интернационала в США положением о том,

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 23 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] Там же.

что каждая секция должна состоять по крайней мере на $^2/_3$ из наемных рабочих. Это требование, говорил Маркс, необходимо для того, чтобы пресекать стремление буржуазных политиканов изменить классовый характер Товарищества, как это попытались сделать буржуазные реформаторы в США.

В спорах по этому вопросу опять ясно выявились две противоположные точки зрения. «Первый тур» дискуссии на эту тему происходил еще 12 марта 1872 года в связи с обсуждением положения в Североамериканской федерации Интернационала. Теперь вопрос был поднят в более широком плане в применении ко всему Международному Товариществу Рабочих. И на этот раз с возражениями против предлагаемого правила о наличии $^2/_3$ рабочих в организациях Интернационала выступили Барри и Эккариус. Барри утверждал, что «буржуазия обладает большей политической мудростью, чем рабочие, и лучше воспитана, чем рабочий класс». «Среди буржуа,— говорил он,— есть и добросердечные люди». Отсюда Барри делал вывод, что нельзя ставить препятствий для вступления буржуазии в Интернационал.

Возражали ему Милнер, Юнг, Серрайе и Франкель.

«Если рабочим не хватает образования,— говорил Милнер,— то они возместят его, допустив $^1/_3$ более образованных».

Большую речь на эту тему произнес Юнг: «буржуазия действительно обладает большей политической мудростью, чем рабочий класс, но пролетариат составляет большинство и не желает, чтобы буржуазия им управляла. Он согласен с тем, что буржуазия более образована, но это результат того, что она распоряжается народным образованием и до сих пор держит его в своих руках. Он, Юнг, ненавидит добреньких людей, которые одной рукой подают [милостыню.— *В. К.*], а другой грабят рабочих» [1].

Против предложения Маркса было подано только два голоса.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 23 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

Другие предложенные Марксом новые формулировки ряда статей Устава более четко определяли задачи, стоящие перед Товариществом. На заседании Совета было принято предложение Маркса заменить в § 1 Общего Устава фразу: «настоящее Товарищество основано для того, чтобы *служить центром сношений*»[1] (курсив наш.— *В. К.*) фразой: «настоящее Товарищество основано для того, чтобы *организовать общую деятельность рабочего класса различных стран*» (курсив наш.— *В. К.*)[2]. Это незначительное, на первый взгляд, изменение имело немаловажное значение. Оно отражало качественный рост Интернационала в идейном и организационном отношении со времени его основания в 1864 году и достигнутую к 1872 г. более высокую степень интернационального сплочения рабочих разных стран. Новое положение Устава отражало ту перестройку Интернационала, которая должна была происходить в соответствии с решениями Лондонской конференции. Эта формулировка была направлена как против анархистов, утверждавших, что Интернационал — это федерация «автономных секций» и не больше, так и против реформистской точки зрения, изображавшей Интернационал не только рабочей организацией. Формулировка подчеркивала пролетарский характер Международного Товарищества Рабочих, его руководящую и организующую роль в рабочем движении, его значение в деле установления единства рядов международного пролетариата.

Предложенное изменение, отмечал Маркс, необходимо, поскольку «развитие Товарищества изменило его направление», и такое определение поможет «предотвратить неправильное толкование задач Интернационала».

Возникавшие вокруг отдельных предложений споры перерастали в теоретические дискуссии. В этом отношении показательной явилась дискуссия, возникшая в связи с предложением Барри опустить в вводной части Устава в фразе «освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 446.

[2] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 16 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

страны, в которых существует современное общество...» слова «современное общество»[1].

С точки зрения Барри наличие этих слов якобы ограничивало сферу деятельности Интернационала только теми странами, в которых существует «современное общество», то есть капитализм. Интернационал же, по его мнению, должен действовать во всех странах без исключения. Поддерживавший его член Генерального Совета Розвадовский повторил ту же мысль: «Нельзя ограничивать деятельность Интернационала, ибо свободным может стать и раб, минуя положение пролетария».

Позиция Барри отражала непонимание рядом членов Совета социалистических задач, стоящих перед рабочим классом, объединенным в Международное Товарищество, отличия движения рабочего класса от непролетарских освободительных движений. Барри не понимал исторических условий происхождения рабочего движения, того факта, что только капиталистический строй порождает пролетариат и делает исторически неизбежными социальные преобразования, осуществление которых является целью Интернационала.

Против Барри выступили Милнер, Франкель и Энгельс (Маркс на этом заседании не присутствовал). «Современное общество,— сказал Милнер,— и есть то общество, против которого борется Интернационал. Эта система, сосредоточившая капитал и машины в руках одного класса и превратившая массу народа в наемных рабов, и сделала необходимым появление Интернационала. Если хотите,— закончил свою речь Милнер,— современное общество породило Интернационал». Ту же мысль высказал и Франкель, утверждавший, что слова о современном обществе — это «самые важные слова».

С большой речью выступил Энгельс. «Устранение слов «современное общество»,— говорил он,— превратило бы Интернационал в филантропическое общество наподобие тех, какие создает буржуазия. Современное общество это то общество, в котором правит капитал, а рабочие используются в качестве орудий. Нельзя пола-

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 9 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

гать, что рабов Бразилии или Кубы, или население Китая и Индии можно сразу превратить в рабочих, организованных в Интернационал. Прежде чем они будут освобождены, они должны стать свободными рабочими. Выбросить слова «современное общество» — значило бы изъять самую суть». В результате дискуссии предложение Барри было отвергнуто [1].

Таким образом, накануне Гаагского конгресса в результате 2-месячной энергичной деятельности Генерального Совета при самом активном участии Маркса и Энгельса был разработан значительно дополненный и измененный проект Устава и Регламента Интернационала. Он отличался от ранее принятых документов более четкими, более соответствующими марксистскому учению формулировками, определяющими политические цели и задачи Международного Товарищества Рабочих. Изменению подверглись более трети статей. Анализ этих изменений показывает, что все они шли по линии усиления в Интернационале принципов пролетарской партийности и являлись логическим следствием развития самого Товарищества, результатом той огромной борьбы, которую вели Маркс и Энгельс против сектантства и реформизма, за соединение пролетарского движения с теорией научного коммунизма. Принятие Генеральным Советом летом 1872 г. этого проекта Устава было еще одним шагом на пути развития программных положений Интернационала и важнейшим условием для обеспечения победы марксизма в Гааге. Каждое из дополнений или изменений было направлено против врагов рабочего класса как «слева», так и «справа».

Все основные вопросы, по которым Маркс и Энгельс и их соратники вели в течение этого времени борьбу против анархистов и реформистов, нашли отражение в этом

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 9 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

Такого рода дискуссии возникали при обсуждении почти каждого пункта Устава. Так возник вопрос, как понимать «справедливость» по отношению к буржуазии? «Уничтожение этого класса»,— давал на это ответ Вайян (протокольная книга Генерального Совета, заседание 16 августа 1872 г.). К сожалению, весьма несовершенные записи в протокольной книге за август 1872 г. не раскрывают содержания этого очень интересного обсуждения.

проекте: в первую очередь вопросы о самостоятельной политической деятельности рабочего класса, о необходимости создания независимых пролетарских партий, о классовом составе этих партий, об укреплении дисциплины и централизации и др. В проекте Устава и Регламента была конкретизирована и развита политическая программа Интернационала и его организационные принципы. В программную часть Устава вводилась в качестве статьи 8 резолюция IX Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса. Таким образом, содержащиеся в этой резолюции положения о диктатуре пролетариата и создании пролетарской партии становились программными положениями Интернационала.

В статью 9 был включен пункт, обеспечивающий сохранение пролетарского состава Международного Товарищества Рабочих, содержащий требование обязательного наличия в каждой секции двух третей наемных рабочих.

Значительные изменения вносились в Организационный регламент, в разделы о Генеральном Совете. Функции Совета были расширены в соответствии с резолюциями Базельского конгресса. Предполагалось ввести новый принцип формирования Совета, согласно принятому предложению Маркса и Вайяна. Таким образом, к созывавшемуся в Гааге конгрессу был подготовлен новый, по сути дела, проект Устава и Регламента.

Мы не знаем, почему на конгрессе обсуждался не весь проект нового Устава и Регламента, а только отдельные, правда, наиболее важные дополнения, которые были зафиксированы в резолюциях конгресса[1]. Возможно, что в тех условиях Маркс счел необходимым сосредоточить внимание на основных поправках к Уставу и Регламенту; может быть, обсуждение этого проекта предполагалось провести после размежевания с анархистами и пр. Однако имеется очевидное свидетельство того, что после Гаагского конгресса этот проект Устава и Регламента (с учетом всех изменений, принятых Генеральным Советом и конгрессом) готовился для окончательного утверждения очередным конгрессом.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 143—152.

11 апреля 1873 г. секретарь находившегося в Нью-Йорке Генерального Совета Ф. А. Зорге обратился к Энгельсу с просьбой: «прислать как можно скорее копию изменений и дополнений к Уставу и Регламенту, подготовленных прежним Генеральным Советом для Гаагского конгресса» [1].

Отвечая Генеральному Совету, Энгельс писал: «Мой экземпляр изменений в Уставе, предназначенный для бывшего Генерального Совета, затерялся, но мне обещали прислать другой, который я и перешлю вам немедленно по его получении» [2].

Новый проект понадобился Зорге в связи с намерением вынести вопрос о пересмотре Устава Интернационала на очередном конгрессе, который должен был собраться в Женеве в сентябре 1873 года.

Весьма вероятно, что этим «другим» экземпляром, о котором писал Энгельс, является сохранившийся и дошедший до нас экземпляр Устава с дополнениями, вписанными рукой Лафарга. Сохранился и черновой вариант Устава с поправками, принадлежащими перу Маркса. Возможно, что экземпляр Лафарга является переписанной им начисто копией черновика, подготовленного Марксом, поскольку редакционная правка Маркса имеется и на экземпляре Лафарга. Это относится по времени к периоду *после* Гаагского конгресса, так как Лафарг приехал в Лондон после окончания работ конгресса.

Хотя этот проект Устава и Регламента и не увидел света, но он является одним из важнейших документов Интернационала, принадлежащих перу Маркса и Энгельса. Этот документ показывает, в каком направлении, по мысли Маркса и Энгельса, должен был развиваться дальше Интернационал.

* * *

Проводя большую работу в Генеральном Совете, связанную с подготовкой нового проекта Устава и Регла-

---

[1] Генеральный Совет — Энгельсу, 11 апреля 1873 г. («Annali». Milano, 1961, p. 460).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 322.

мента, Маркс одновременно был организатором и руководителем всей деятельности Исполнительного комитета.

Многочисленность состава Генерального Совета (более 50 человек) лишала его гибкости и оперативности и затрудняла его организационную работу по подготовке к конгрессу. Деятельность Совета тормозилась и той борьбой, которая велась внутри него, так как почти все решения Совета принимались в упорной борьбе сторонников Маркса против реформистов; все это затрудняло руководство местными федерациями.

В связи с этим Маркс предпринимает в тех условиях необходимый и очень важный шаг: он предлагает Генеральному Совету передать ведение всех организационных дел Исполнительному комитету (ранее именовался Постоянным комитетом или Подкомитетом), который объединял всех секретарей-корреспондентов.

До этого времени Постоянный комитет собирался эпизодически и лишь по поручению Совета. Но потребность самой жизни вызвала необходимость в его регулярной работе, сыгравшей большую роль и в подготовке Гаагского конгресса и в обеспечении правильных решений ряда вопросов Генеральным Советом.

В состав Исполнительного комитета в рассматриваемый период входили секретари-корреспонденты Генерального Совета: Маркс, Энгельс, Курне, Врублевский, Юнг, Серрайе, Мак-Доннел и Ле Муссю. О том, какое большое значение придавал Маркс деятельности этого Комитета, свидетельствуют постоянные напоминания с его стороны членам Комитета о необходимости посещать заседания. К примеру 8 августа 1872 г. Мак-Доннел писал Энгельсу: «Я получил сегодня утром письмо от Маркса с требованием присутствовать сегодня вечером на заседании Подкомитета» [1].

О напряженнейшем характере той работы, которую приходилось летом 1872 г. проводить Марксу, говорит письмо дочери Маркса Женни Людвигу Кугельману в конце июня 1872 года. «Мавру придется страшно много работать,— писала она,— чтобы подготовиться к великой битве, которая будет доведена до конца на конгрессе, созываемом в Голландии... Вы получите некоторое пред-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 82/22.

ставление об этой работе, если я скажу Вам, что кроме составления воззваний, чтения целых гор писем и написания ответа на них, Мавр обязан присутствовать не только на обычных еженедельных заседаниях на Ратбонплейс [Генерального Совета.— *В. К.*], но и на дополнительных заседаниях у нас дома и у Энгельса [т. е. на заседаниях Исполнительного комитета.— *В. К.*]. Последнее такое заседание продолжалось с четырех дня до часу ночи. Это все — дела Интернационала»[1].

Деятельность Маркса в Исполнительном комитете, как и всего Комитета в целом, определялась той острой обстановкой, которая сложилась в Интернационале летом 1872 года. Во главу угла встала борьба против тайного анархистского Альянса социалистической демократии в Испании — главном плацдарме деятельности анархистов в целом. И Маркс, и Энгельс сосредоточили в Исполнительном комитете всю основную работу по разоблачению раскольнических действий анархистов. От Лафарга и Меса из Испании информация шла к Энгельсу и Марксу. Энгельс докладывал ее Исполнительному комитету, который вносил конкретные предложения, обычно подготовленные заранее докладчиком.

5 июля 1872 г. после доклада Энгельса с информацией о разоблачении Альянса, сделанном членами Интернационала в Испании, Исполнительный комитет поручил ему направить Испанскому федеральному совету, в котором преобладали бакунисты, письмо с требованием дать объяснения о своих отношениях с Альянсом[2].

На этом же заседании Исполнительный комитет принял важнейшее решение, которое должно было подвести итог пятилетней борьбы с бакунистами: он решил предложить Генеральному Совету внести на очередной конгресс вопрос об исключении Бакунина и других руководителей Альянса из Интернационала. Марксу и Энгельсу поручалось отредактировать это предложение и внести его в Генеральный Совет. Таким образом, к Гаагскому конгрессу Маркс и Энгельс вместе с другими членами Исполни-

---

[1] Женни Маркс — Кугельману, 17 июня 1872 г. («Исторический архив» № 9, 1959, стр. 48).

[2] Протокол Исполнительного комитета Генерального Совета от 5 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 66/1).

тельного комитета подготовили конкретные предложения об исключении Альянса и его лидеров из Интернационала.

24 июля 1872 г. Исполнительный комитет снова возвращается к вопросу об Альянсе и принимает представленный Энгельсом проект письма в Испанию. 4 августа Комитет, познакомившись с письмом Меса к Энгельсу, в котором сообщалось об обращении, выпущенном Новой мадридской федерацией против бакунистов, поручил Энгельсу перевести обращение на три языка и опубликовать его в прессе Интернационала [1].

Деятельность Исполнительного комитета приобрела особое значение в связи с активизацией накануне Гаагского конгресса реформистской части Генерального Совета, стремившейся помешать разоблачению бакунистского тайного Альянса и принятию конкретных решений против бакунистов.

На заседании Генерального Совета 6 августа, когда обсуждался проект обращения ко всем членам Товарищества, написанный по поручению Исполнительного комитета Энгельсом и содержащий разоблачение интриг бакунистов в испанских организациях Интернационала [2], ряд членов Совета попытался помешать принятию этого документа.

Обсуждение вылилось в острую дискуссию, в которой Хейлз, Роч, Эккариус и др. требовали отклонения проекта, обвиняя Маркса и Энгельса и их соратников в «подрывной работе». В результате голосования обращение было только «принято к сведению» [3]. Фактически это было равносильно отклонению обращения, которому Маркс и Энгельс придавали весьма большое значение [4].

Тогда Исполнительный комитет предпринял другой шаг. На его заседании 8 августа было принято решение опубликовать более сжатое обращение, адресованное только к испанским секциям. Текст его был написан

---

[1] Протокол Исполнительного комитета Генерального Совета от 4 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3275).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 110—115.

[3] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 6 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 116—118.

Марксом и Энгельсом и впервые направлен не от имени Генерального Совета, а от имени Исполнительного комитета Совета.

Исполнительный комитет выполнял и большие организационные функции. На своем заседании 15 августа 1872 г. Комитет на основании того, что Генеральный Совет временно возложил на него ведение всех организационных дел Товарищества, принял в Интернационал Новую мадридскую федерацию. Об этом ей сообщил «от имени Исполнительного комитета» секретарь-корреспондент для Испании Фридрих Энгельс [1].

Исполнительный комитет занимается приемом в Интернационал новых секций, утверждает доклады комиссии по просмотру уставов, представляемые чаще всего руководителем этой комиссии Марксом [2]. Через секретарей-корреспондентов Исполнительный комитет ведет переписку со всеми местными федерациями.

Наряду с борьбой против анархистов Исполнительный комитет, по предложению Маркса, принял необходимые меры и против реформистской части Генерального Совета.

Открытая поддержка Хейлзом и некоторыми другими членами Совета буржуазных реформаторов в США, их шовинистическая позиция по отношению к ирландским секциям, ставка на обособление Британского совета от Генерального Совета — все это требовало усиления борьбы против реформистской части Совета.

19 июля 1872 г. Маркс обратил внимание Исполнительного комитета на все эти факты. По его предложению Исполнительный комитет единодушно принял решение просить Совет временно отстранить Хейлза от секретарской должности вплоть до рассмотрения всех вопросов, вызывавших разногласия с ним. Генеральный Совет принял это предложение и передал рассмотрение этого вопроса в Третейскую комиссию [3]. Для того чтобы ограни-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 119.

[2] См. протоколы Исполнительного комитета Генерального Совета от 19 и 27 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 66/2, 44/7). На этих заседаниях утверждались уставы парижской секции имени коммунара Ферре и немецко-швейцарской секции.

[3] Необходимость укрепления Совета, освобождения его от разбора личных заявлений вызвала потребность в создании Третейской

чить влияние реформистского крыла, была введена должность секретаря-корреспондента Генерального Совета для Англии; им был избран английский рабочий Миллнер — сторонник пролетарского революционного направления. В результате упорной борьбы Маркса и его товарищей позиции реформистов в Генеральном Совете накануне Гаагского конгресса были значительно ослаблены.

В самый критический период в истории Интернационала вокруг Маркса и Энгельса объединились революционное большинство Генерального Совета и все революционные силы на местах. В Исполнительный комитет, лично к Марксу и Энгельсу стекаются сообщения о признании на местах решений Лондонской конференции.

В июне 1872 г. такое постановление выносит съезд Романской федерации в Швейцарии [1]. В начале июля съезд Североамериканской федерации принимает резолюцию о поддержке Генерального Совета и о необходимости усиления централизации в Интернационале [2].

Это же решение в качестве инструкции Марксу — своему делегату на Гаагский конгресс — принимает 28 июля немецкая секция № 1, старейшая в США секция Интернационала [3].

В конце июля 1872 г. I съезд Британской федерации в Ноттингеме после упорной борьбы, которая велась под

комиссии, которая получила не только право разбора конфликтных дел, возникавших внутри Совета, но и право выносить по ним решения. Апелляция к Совету разрешалась только в случае исключения из Товарищества.

«Мы вынуждены были создать своего рода комитет общественного спасения»,— писал по этому поводу Энгельс Либкнехту (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 257). Генеральный Совет создал Третейскую комиссию в феврале 1872 г. в составе 7 человек; председателем ее был избран эмигрант Коммуны, польский революционер Валерий Врублевский. Третейская комиссия разбирала вопрос о позиции Хейлза в течение августа 1872 года (см. «Minute Book of the Indiciary Committee of the General Council» — ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 66/4). Работа ее прервалась в связи с созывом Гаагского конгресса и больше не возобновлялась.

[1] Перре — Юнгу, 9 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 328/6).

[2] Зорге — Марксу, 15 июля 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 226/17).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 44/8.

руководством представителя Исполнительного комитета Дюпона[1], члена Совета Лесснера и ряда английских делегатов против реформистских лидеров (Хейлза, Роча, Кина и др.), принял резолюцию о политическом действии и одобрил все резолюции Лондонской конференции и линию Генерального Совета[2]. Съезд принял также постановление о необходимости создания в Англии самостоятельной массовой рабочей партии.

В августе 1872 г. Лиссабонский федеральный совет прислал свое решение о необходимости создания «авторитетного Генерального Совета»[3]. Такого же рода заявления публиковались и на страницах ряда печатных органов Интернационала.

Эта консолидация революционных сил накануне Гаагского конгресса была прямым результатом огромной деятельности Маркса и Энгельса в Генеральном Совете и в Исполнительном комитете.

Особое значение имела поддержка Маркса и Энгельса немецкой Социал-демократической рабочей партией (эйзенахцев) и ее органом газетой «Volksstaat». Хотя формально эйзенахцы могли участвовать в деятельности Интернационала в силу реакционных законов, существующих в Германии, только в индивидуальном порядке, как частные лица, а не члены своей партии, однако, по существу, партия в целом активно поддерживала борьбу Маркса и Энгельса против сектантов и реформистов.

Боевой опыт партии эйзенахцев, в частности уроки ее острой борьбы с лассальянцами, в свою очередь использовались Марксом и Энгельсом для обобщения практики революционной борьбы. На страницах «Volksstaat» публиковались документы Международного Товарищества Рабочих, статьи Маркса и Энгельса, сообщения из разных стран о деятельности секций и федераций Интернационала.

---

[1] Дюпон, по предложению Энгельса, был назначен 19 июля 1872 г. представителем Исполнительного комитета на Ноттингемский съезд федерации (протокол Исполнительного комитета Генерального Совета от 19 июля 1872 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 66/2).

[2] «International Herald», 27.VII.1872. Протоколы I съезда Британской федерации (см. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 106/1, 106/2).

[3] Лиссабонский федеральный совет — Генеральному Совету, 15 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 45/2).

Большую роль в Генеральном Совете и в Исполнительном комитете в период 1871—1872 гг. играют члены Интернационала — эмигранты Парижской Коммуны, поддерживавшие Маркса в его борьбе за осуществление решений Лондонской конференции.

После поражения Парижской Коммуны Лондон стал одним из главных центров французской эмиграции. Вся ее подлинно революционная, пролетарская часть сгруппировалась вокруг Генерального Совета и Маркса[1]. В Генеральный Совет были кооптированы активные деятели Парижской Коммуны: Лонге, Врублевский, Франкель, Арно, Жоаннар, Ранвье, Вайян, Курне.

Но в то же время Генеральному Совету пришлось, как мы отмечали, вести борьбу против мелкобуржуазной части французской эмиграции, не имевшей отношения

---

[1] Мы не касаемся в этой статье огромной деятельности Маркса в Генеральном Совете по оказанию материальной помощи эмигрантам-коммунарам. Маркс спас от смерти десятки коммунаров, помогая достать паспорта тем из них, кто не смог уехать вовремя из Франции и скрывался там от версальских властей. Он помогал эмигрантам устраиваться на работу, ссужая их деньгами из личных средств и из средств, собранных по подписке в демократических и рабочих кругах Лондона. Об этой благородной роли Маркса самым красноречивым образом свидетельствуют многочисленные письма к нему. Маркс вовлекает в эту деятельность не только членов Интернационала и его организации, но и буржуазных демократов-позитивистов, в частности профессора Бизли, радикального публициста Олсопа, мелкобуржуазного немецкого демократа Освальда, помогавшего Марксу доставать паспорта для коммунаров, и многих других лиц. Перу Маркса принадлежат многие документы о помощи коммунарам, в частности, к сожалению, до сих пор не разысканное обращение Генерального Совета по этому поводу к американским рабочим (см. письмо Маркса к Зорге от 5 сентября 1871 г.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 145).

Маркс неоднократно выступал на заседаниях Генерального Совета, обращая его внимание на положение эмигрантов Коммуны в Англии и добиваясь принятия необходимых решений. Так, 6 ноября 1871 г. Маркс, по-видимому, произнес в Совете большую речь о бедственном положении 460 французских эмигрантов, прибывших в Англию (сохранилась не опубликованная еще краткая запись этой речи, сделанная самим Марксом,— см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3036). Благодаря этой деятельности Маркса и Генерального Совета не только были спасены от смерти и тяжелых бедствий в эмиграции сотни коммунаров, но была также проведена огромной важности работа по воспитанию рабочих, в первую очередь английских, в духе подлинного пролетарского интернационализма.

к Интернационалу, но претендовавшей на то, чтобы играть в нем руководящую роль. Энгельс позднее следующим образом характеризовал обстановку, которая господствовала среди этой части эмиграции в Англии: «Создаются партийные группировки различных оттенков, каждая из которых упрекает остальных в том, что они завели коня в трясину, и обвиняет их в предательстве и во всевозможных прочих смертных грехах. При этом... ведут конспиративную работу, печатают листовки и газеты, клянутся, что через двадцать четыре часа опять «начнется», что победа обеспечена, а в предвидении этого уже заранее распределяют правительственные посты» [1].

Центром деятельности революционной части французских эмигрантов в Лондоне стал маленький клуб коммунаров на Френсис-стрит, куда не раз захаживали Маркс и Энгельс. Там действовал кружок по изучению социальных наук, в состав которого, по приглашению его членов, вошел Маркс [2].

Вместе с членами этого кружка Генеральный Совет организовал в Лондоне торжественное заседание в честь первой годовщины Парижской Коммуны, что явилось еще одним проявлением полной солидарности Интернационала с делом Коммуны. Резолюции, написанные Марксом и принятые 18 марта 1872 г. на митинге в клубе коммунаров, служили дальнейшему делу пропаганды Коммуны.

Митинг, говорилось в 1-й из этих резолюций, «рассматривает героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества» [3].

Придавая большое значение пропаганде идей Коммуны, Маркс сам рассылает резолюции этого митинга в разные страны: они публикуются в английских рабочих

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 510.

[2] Мы еще мало знаем о деятельности этого кружка. Известно, что 28 января 1872 г. Маркс получил от бывшего коммунара, участника кружка Лиссагарэ, письмо с предложением вступить в кружок. 3 февраля на заседании кружка Маркс единогласно был принят в его члены, а 4 февраля ему сообщает об этом Юбер, 5 февраля — Моро (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2751 и 2752). В дальнейшем Маркс регулярно получал извещения о заседаниях кружка.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 51,

газетах, в бельгийской «Liberté», в испанской «Emancipacion» и других органах Интернационала [1].

Крупную роль в идейном воспитании французских коммунаров сыграло осуществленное по предложению Маркса (через бельгийского члена Интернационала Глазера де Вильброра) издание воззвания «Гражданская война во Франции» на французском языке. «Французский перевод «Гражданской войны»,— писала Женни Маркс Кугельману,— оказал очень хорошее воздействие на эмигрантов, удовлетворив в одинаковой мере все партии — бланкистов, прудонистов и коммунистов. Очень жаль, что он не появился раньше, так как, несомненно, во многом способствовал бы смягчению враждебности к Генеральному Совету» [2].

Революционная часть эмигрантов Парижской Коммуны вместе с Марксом и под его руководством вела борьбу против анархистов и реформистов. Состав ее также не был однородным: здесь были левые прудонисты (Лонге и др.), бланкисты (Арно, Эд, Вайян, Курне, Ранвье) и значительное ядро социалистов (Врублевский, Вильмар, Франкель, Серрайе, Роша и др.), ближе других подошедших к восприятию марксизма.

Однако представители всех этих направлений прошли школу политической борьбы в дни Парижской Коммуны и независимо от принадлежности к тому или иному социалистическому течению признавали необходимость самостоятельной политической деятельности пролетариата. С Марксом их сближало резко отрицательное отношение к бакунинской доктрине воздержания от политики. Это относилось и к группе бланкистов. Именно бланкист Вайян на Лондонской конференции и в Генеральном Совете выступал с предложением принятия резолюции о политическом действии рабочего класса.

Поражение Коммуны привело передовую часть коммунаров к признанию необходимости самостоятельной

---

[1] См. «International Herald», 30.III.1872; «Eastern Post», 26.III.1872; «La Liberté», 24.III.1872. Во Францию Маркс прислал эти резолюции вместе с письмом Лафаргу от 21 марта 1872 г. («Вопросы истории КПСС» № 3, 1962, стр. 14).

[2] «Исторический архив» № 2, 1959, стр. 48.

организации пролетариата, подвело их к идее о необходимости создания пролетарской партии. Это опять-таки шло вразрез с «автономистскими» воззрениями анархистов.

Ненависть к буржуазии, расстрелявшей Парижскую Коммуну, служила большинству бывших коммунаров разных социальных оттенков хорошим противоядием против реформизма.

Поэтому революционная, пролетарская часть коммунаров-эмигрантов, самим ходом классовой борьбы логически подведенная к полному или частичному восприятию идей научного коммунизма, поддержала Маркса и Энгельса в 1871—1872 гг. в их борьбе против сектантства и реформизма. Эмигранты Коммуны несли революционные идеи в рабочие массы Франции и других стран.

Летом 1872 г. помимо участия в заседаниях Исполнительного комитета Маркс и Энгельс довольно регулярно встречались с группой французских членов Генерального Совета. По тем материалам, которые мы имеем, можно сделать заключение, что при этом обсуждались вопросы, связанные с попыткой возродить деятельность Интернационала во Франции, а также вопросы, касающиеся борьбы с анархизмом. Подтверждение этому мы находим, в частности, в протоколах Исполнительного комитета и в некоторых письмах.

На заседании Исполнительного комитета 28 июня 1872 г. Серрайе прочитал корреспонденцию, полученную из Парижа, в которой Генеральный Совет просили прислать статью для одной из французских газет. «Решено,— указывается в протоколе,— что это дело французов и что статья должна быть представлена на рассмотрение французам, собирающимся завтра вечером у Маркса» [1].

О том, что эти встречи не были случайными, свидетельствуют и другие факты. В одном из сохранившихся писем Курне Марксу он просит перенести их встречу на какой-либо другой день; Курне пишет, что Ранвье, Арно, Вайян (все трое не были членами Исполнительного комитета) и др. готовы прийти к Марксу в любое время,

---

[1] Протокол Исполнительного комитета Генерального Совета от 28 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3247).

какое он назначит [1]. Сохранилось письмо Вайяна к Лонге с пометками Маркса, в котором Лонге также приглашался на очередную встречу [2]. Арно (тоже не член Исполнительного комитета, но член Генерального Совета) в своем письме Марксу вспоминает о встрече, которая «состоялась вчера вечером» [3].

Сложнее, чем с представителями других групп французской революционной эмиграции, сложились у Маркса и Энгельса отношения с бланкистами — эмигрантами Коммуны. Бланкисты Вайян, Курне, Арно, Ранвье активно участвовали в борьбе против анархистов. Их сблизил с марксизмом опыт участия в Парижской Коммуне, заставивший вопреки многим унаследованным догмам и сектантским традициям инстинктивно нащупывать подлинную политику рабочего класса. Однако сделав шаг к восприятию теории научного коммунизма, бланкисты все же не преодолели всех противоречий, отделявших их от этой теории.

Под партией рабочего класса бланкисты понимали не массовую рабочую партию, ведущую пропагандистскую и организаторскую работу в массах, а, как говорил Энгельс, «сравнительно незначительное меньшинство» [4], которое, по мнению бланкистов, и должно осуществить революционный переворот. Под диктатурой рабочего класса они понимали не господство пролетариата, объединенного с трудовым крестьянством и руководимого своим авангардом, своей партией, а господство этого же «небольшого меньшинства».

Поэтому и задачи Интернационала бланкисты видели в создании политической организации из небольшого меньшинства, подготавливающего очередной заговор во Франции.

Эти глубокие разногласия с марксизмом в понимании решающих условий подготовки социальной революции,

---

[1] Курне — Марксу, 15 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2919).

[2] Вайян — Лонге, 21 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3243).

[3] Арно — Марксу, 9 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2978).

[4] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 512.

характера самого революционного переворота и существа диктатуры пролетариата неизбежно должны были привести к углублению противоречий между марксистами и бланкистами. Но летом 1872 г., в период подготовки Гаагского конгресса, да и на самом конгрессе, часть бланкистов — членов Генерального Совета — выступала как союзник Маркса и Энгельса, поддерживала борьбу с анархистами и реформистами в Интернационале[1].

* * *

Гаагский конгресс Интернационала, собравшийся в сентябре 1872 г., открыто провозгласил основные прин-

---

[1] При всем этом для Маркса и Энгельса было ясно, что если в Генеральном Совете руководящая роль попадет в руки бланкистов, то они неминуемо превратят его в орудие своей заговорщической тактики и вместо кропотливой пропагандистской работы в массах, которая должна предшествовать созданию рабочей партии, они сведут деятельность Интернационала к сектантским действиям «хорошо организованного меньшинства», что привело бы к торжеству сектантства в международном рабочем движении. Обстановка, сложившаяся после исключения из Интернационала анархистов на Гаагском конгрессе, создавала реальную угрозу преобладания в Генеральном Совете (если бы он продолжал оставаться в Лондоне) двух группировок — бланкистов и реформистов; при этих условиях борьба между ними вылилась бы в беспринципную грызню, которая неминуемо должна была бы привести к гибели Интернационала.

Энгельс писал после Гаагского конгресса Биньями: «Причиной перевода Генерального Совета в Нью-Йорк явилось: 1) Твердое решение Маркса, Серрайе, Дюпона и Энгельса не принимать новых полномочий... 2) Уверенность в том, что в случае их отставки в состав Генерального Совета в Лондоне вошли бы от французов — бланкисты, которые своей игрой в заговоры подвели бы под арест большинство наших сторонников во Франции... от англичан — подкупленные люди, которые постоянно предают нас либеральной буржуазии и радикальным агентам г-на Гладстона; что же касается других национальностей, то они и вовсе не были бы представлены в Совете, потому что Врублевский, Мак-Доннел, Франкель не хотели в нем оставаться без Маркса и других (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 172).

Таким образом, идейная борьба с бланкистами в Интернационале была неизбежна. Однако, выступая с критикой бланкистов в последующие годы, Маркс и Энгельс и тогда стремились отнюдь не оттолкнуть их от рабочего движения, а помочь им преодолеть их сектантские взгляды, приблизить их к научному коммунизму.

ципы политической программы международного рабочего движения, базирующейся на теории научного коммунизма. Конгресс своими решениями подчеркнул, что установление диктатуры пролетариата является единственным путем для построения бесклассового общества, а создание пролетарской партии — непременным условием для успешного осуществления социалистической революции.

Решения конгресса завершали создание общей, социально-экономической и политической программы I Интернационала. Это явилось крупнейшей победой революционных пролетарских сил над анархистским сектантством и либеральным тред-юнионизмом.

Гаагский конгресс был по существу последним конгрессом I Интернационала, поскольку объективные условия развития рабочего движения привели к необходимости создания иных, более высоких форм организации пролетариата, чем Международное Товарищество Рабочих,— к созданию самостоятельных политических рабочих партий в каждой стране. Однако решения этого конгресса имели огромное значение для будущей освободительной борьбы пролетариата. В борьбе против анархизма и реформизма были завоеваны исходные позиции для дальнейшего развития революционного рабочего движения.

Победа марксистов на конгрессе в значительной мере была подготовлена деятельностью Маркса и Энгельса в Генеральном Совете и его Исполнительном комитете. Эта кропотливая повседневная работа способствовала также теоретическому и политическому воспитанию пролетарских революционеров, росту их идейной зрелости. На конкретных примерах живой революционной работы Маркс учил пролетарских деятелей обобщать опыт борьбы рабочего класса, решать сложные теоретические, политические, организационные и тактические вопросы. В процессе борьбы с антипролетарскими течениями выяснялись и уточнялись задачи пролетарской партии, намечалось направление ее деятельности и организационная структура.

Все это способствовало созданию фундамента, на котором возникали затем революционные пролетарские

партии. Деятельность Маркса и Энгельса и их соратников в этот период в значительной мере венчала собой историю Первого Интернационала, заложившего основы международной пролетарской борьбы за социализм и явившегося исторической предтечей современного коммунистического движения.

М. М. МИХАЙЛОВА

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА»

В сентябре 1867 г. в Гамбурге вышел в свет первый том «Капитала» К. Маркса. Выход «Капитала» оказал огромное влияние на развитие революционного сознания мирового пролетариата. Появление «Капитала» явилось важнейшим фактором, определившим торжество научного коммунизма над всеми формами домарксовского утопического социализма.

Впервые вопросы развития человеческого общества были поставлены Марксом на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению» [1]. «Капитал» Маркса вооружил рабочий класс знанием законов экономического развития, помог рабочему классу осознать свою роль в историческом развитии общества, стал для массового рабочего движения научной базой, теоретическим обоснованием практической революционной деятельности. «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие,— писал Энгельс,— не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих» [2].

На основе анализа и обобщения огромного исторического материала Маркс вскрыл в «Капитале» непримиримые противоречия капиталистического способа производ-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 56.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 240.

ства и научно доказал его неизбежную гибель. «Монополия капитала,— говорит Маркс,— становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [1].

Маркс работал над первым томом «Капитала» более двадцати лет. Он не только изучил «Монблан фактов», но и подверг глубочайшему критическому анализу всю предшествующую и современную ему буржуазную политическую экономию.

Подзаголовком «Критика политической экономии» Маркс подчеркнул, что созданная им политическая экономия пролетариата в корне отличается от буржуазной политической экономии. Он вскрыл ошибки и противоречия крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии, реакционность и утопичность идеалов мелкобуржуазной политической экономии, показал несостоятельность и апологетическую сущность вульгарной политической экономии. Экономическое учение Маркса произвело подлинную революцию в политической экономии.

Известно, сколь велико было воздействие этого гениального произведения Маркса на международное рабочее движение, получившее в свои руки несокрушимое оружие в борьбе против капиталистической эксплуатации. Но тем не менее исследованы далеко еще не все вопросы, относящиеся к истории выхода первого тома «Капитала», в частности вопрос о том, какой отклик нашел первый том «Капитала» среди членов I Интернационала и на страницах рабочей и демократической печати, как удалось преодолеть тот «заговор молчания», который создала буржуазная пресса вокруг первого тома «Капитала». Ответ на поставленные вопросы представляет немалый интерес, тем более что благодаря усилиям реформистских и правосоциалистических авторов в исторической и политической литературе еще бытует ложное

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 772—773.

мнение, будто первый том «Капитала» вообще остался «незамеченным» и его идеи непосредственно не оказали никакого влияния на развитие рабочего движения. Так, например, французский реформистский историк Зеваес писал, что «издание «Капитала», перевод которого появился отдельными выпусками с 1872 по 1875 г., не привлекло в это время почти ничье внимание»[1]. Социал-демократический историк Иекк, давая высокую оценку первому тому «Капитала», в то же время утверждал, что «на развитие Интернационала этот колоссальный труд не имел почти никакого влияния... этот колоссальный труд исследования капиталистического способа производства и капиталистических производственных отношений остался почти бесплодным для организационного творения его автора...» (!)[2]. К сожалению, мало внимания уделено откликам на выход «Капитала» и его распространению и в известной биографии Маркса, принадлежащей перу видного историка-марксиста Ф. Меринга[3].

Гораздо более обстоятельно изучен вопрос о выходе и распространении первого тома «Капитала» в России[4].

Между тем изучение европейской и американской прессы середины 60-х — начала 70-х годов, опубликованных работ и писем основоположников марксизма и их соратников, изучение документов I Интернационала и архивных документов дает большой материал, доказывающий, что первый том «Капитала», особенно его 2-е немецкое и французское издания, не только нашел широкий отклик и вызвал живой интерес в рабочих и демократических кругах, но и явился идейной опорой в практической революционной борьбе пролетарских масс.

---

[1] *A. Zévaès*. «De l'introduction du marxisme en France». Paris, 1947, p. 185.

[2] *Г. Иекк*. «Интернационал», 1918, стр. 83, 84.

[3] См. *Ф. Меринг*. «Карл Маркс. История его жизни». М., 1957, стр. 404—410.

[4] Существует ряд работ, посвященных истории перевода первого тома «Капитала» на русский язык. См., например: *А. Л. Реуэль*. ««Капитал» Карла Маркса в России 1870-х г.». М., 1939; *его же:* «Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм». М., 1956.

В данной статье делается попытка на основе изучения рабочей и демократической печати 60-х — начала 70-х годов XIX века, а также документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, осветить:

1) деятельность Маркса, Энгельса и их ближайших соратников по пропаганде первого тома «Капитала»;

2) практическое применение положений, содержащихся в первом томе «Капитала», в качестве теоретической основы для пролетарской борьбы, которая велась внутри I Интернационала против мелкобуржуазного утопического социализма и либерального тред-юнионизма;

3) отклики на опубликование первого тома «Капитала» в рабочей и демократической печати [1].

* * *

Разработка Марксом экономического учения, особенно выход в свет первого тома «Капитала» и широкое распространение его идей сыграли большую роль в пропаганде научного коммунизма, которую вели Маркс и Энгельс в I Интернационале. «Капитал» явился теоретической основой борьбы Маркса и Энгельса и их соратников против мелкобуржуазной идеологии прудонизма и лассальянства, против реформизма и анархизма.

Еще в процессе работы над «Капиталом» Маркс стремился сделать его важнейшие положения достоянием членов Международного Товарищества Рабочих. Большое значение имел прочитанный Марксом на заседании Генерального Совета Интернационала 20 и 27 июня 1865 г. доклад «Заработная плата, цена и прибыль». В очень доступной форме Маркс изложил основы своего экономического учения, показал, какие выводы должен сделать пролетариат из этого учения для своей революционной борьбы. Доклад был непосредственно направлен против ошибочных взглядов члена Генерального Совета Интернационала оуэниста Уэстона, которые

---

[1] Автор ограничивает свою статью вопросами, связанными в основном с выходом в свет первого немецкого издания первого тома «Капитала».

Маркс считал «теоретически ложными и практически опасными»[1]. Маркс в своем докладе выступил против тех, кто подобно вульгарным экономистам типа Юра и Сениора «теоретически» пытался обосновать бесплодность сопротивления пролетариата гнету капиталистов. Только в процессе классовой борьбы, доказывал Маркс, рабочий класс добьется уничтожения наемного рабства. Исходя из основных положений своего экономического учения, Маркс подводил рабочих к пониманию необходимости вести упорную борьбу против капитализма. Доклад Маркса был направлен также и против лассальянцев, отрицательно относившихся к созданию профессиональных союзов, и прудонистов, отвергавших стачки.

Выход первого тома «Капитала» имел огромное значение для борьбы, которую вели в I Интернационале основоположники научного коммунизма за социалистическую программу. Выработка социалистической программы проходила в острых дискуссиях на конгрессах Интернационала и в Генеральном Совете.

Ряд решений Генерального Совета и конгрессов прямо основывался на положениях экономического учения Маркса. Примером может служить обсуждение вопросов о необходимости борьбы за сокращение рабочего дня и о применении машин при капитализме. Так, еще на Женевском конгрессе (1866) была принята резолюция, гласившая, что «законодательное ограничение рабочего дня является предварительным условием, без которого какие-либо дальнейшие социальные улучшения невозможны»[2].

Лозаннский конгресс I Интернационала (1867) обсуждал вопрос о влиянии на положение рабочего класса капиталистического применения машин.

28 января 1868 г. Генеральный Совет Интернационала предложил снова внести в повестку предстоящего Брюссельского конгресса вопрос о применении машин при капитализме. Хотя Маркс не присутствовал на конгрессе, состоявшемся 6—13 сентября 1868 г., но он при-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 103. Уэстон утверждал, что борьба за повышение заработной платы бесцельна, поскольку масса национального продукта и заработная плата являются постоянными величинами.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 330.

нимал непосредственное участие в его подготовке. Предварительно этот вопрос обсуждался на двух заседаниях Генерального Совета 28 июля и 4 августа 1868 года. В большой речи о последствиях применения машин при капитализме Маркс изложил основные положения соответствующих мест I тома «Капитала»[1]. Запись речи Маркса была опубликована в газете «Bee-Hive» 1 августа 1868 года.

При обсуждении на заседании Генерального Совета 11 августа 1868 г. проекта резолюции о сокращении рабочего дня Маркс выступил с речью, в которой возражал против неправильного положения, высказанного членом Совета Дж. Милнером, будто бы сокращение рабочего дня поведет к сокращению производства. В проекте резолюции, предложенном Генеральным Советом конгрессу, утверждалось, что без сокращения рабочего дня невозможны социальные улучшения положения рабочего класса и что все секции Интернационала должны приступить к практическому осуществлению этого решения. На конгрессе в Брюсселе было принято марксистское положение, на основании которого и строились резолюции о последствиях применения машин при капитализме и о сокращении рабочего дня. Эти резолюции были внесены соратником Маркса Эккариусом на заседании конгресса 9 и 12 сентября 1868 года. На заседании 9 сентября выступил Ф. Лесснер, который прочитал некоторые отрывки из первого тома «Капитала» для обоснования резолюции о капиталистическом применении машин. Лесснер внес на конгрессе от имени немецкой делегации предложение, в котором говорилось: «Конгресс рекомендует всем рабочим любой национальности труд Карла Маркса, озаглавленный «Капитал. Критика политической экономии», призывает их сделать все возможное, чтобы это важное произведение было также переведено на два языка, на которых оно еще не появлялось, и отмечает, что Карл Маркс ... является первым экономистом, который подверг научному анализу капитал...»[2].

Конгресс также принял резолюцию, предложенную соратником Маркса И. Ф. Беккером, в которой первый

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 582—584.
[2] «Der Vorbote» № 2, II. 1869, S. 24.

том «Капитала» характеризовался как «библия рабочего класса»[1].

На Брюссельском конгрессе Маркс и его соратники добились признания ряда коренных принципов научного коммунизма в качестве программных положений I Интернационала. Был открыто провозглашен социалистический принцип обобществления средств производства как одна из главных задач борющегося пролетариата и принята резолюция об экономической целесообразности передачи земли, недр, железных дорог и т. д. в коллективную собственность. Принятие этих решений знаменовало собой важную победу марксизма в рабочем движении.

* * *

Официальная буржуазная политическая экономия попыталась «не заметить» выхода первого тома «Капитала» и применить к нему ту же тактику, что и к более ранним работам Маркса,— убить великое произведение «заговором молчания».

Чтобы положить конец умышленному замалчиванию «Капитала» буржуазной наукой и прессой, а также с целью популяризации его в массах Энгельс предпринял ряд мер, которые В. И. Ленин охарактеризовал, как «план Энгельса... напасть на *«Капитал»* с ***буржуазной*** точки зрения»[2]. Об этом плане Энгельс пишет Марксу: «Я убежден в том, что книга немедленно после своего появления произведет большой эффект, но крайне необходимо будет прийти немного на помощь энтузиазму ученого бюргера и чиновника и не отказаться от некоторых маленьких уловок»[3]. О том же Энгельс писал после выхода «Капитала» Л. Кугельману в ноябре 1867 года: «Доблестные вульгарные экономисты достаточно умны, чтобы остерегаться этой книги и не говорить о ней, если их к этому не вынуждают. А мы должны *заставить* их заговорить»[4]. Энгельс пишет в 1867—1868 гг. ряд рецензий

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 77.

[2] *В. И. Ленин.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 393.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 406.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 502.

на первый том «Капитала» для различных немецких газет.

В октябре 1867 г. в приложении к немецкой буржуазно-демократической газете, органе Народной партии, «Zukunft» появилась первая рецензия Энгельса на «Капитал». Здесь же было опубликовано и предисловие Маркса к первому немецкому изданию «Капитала»[1]. Вслед за тем рецензии Энгельса были опубликованы в органе немецкой либеральной буржуазии «Elberfelder Zeitung»[2], в либеральной немецкой газете «Düsseldorfer Zeitung»[3], в штутгартской газете «Beobachter»[4], в немецком еженедельнике, органе торгово-промышленных кругов Германии «Gewerbeblatt aus Württemberg»[5], в немецкой буржуазно-демократической газете «Neue Badische Landeszeitung»[6], в немецкой рабочей газете «Demokratisches Wochenblatt»[7].

Пропаганда первого тома «Капитала» носила в этот период самый разнообразный характер, начиная от объявлений в различных органах печати и рассылки экземпляров книги знакомым до коротких заметок о «Капитале» и

---

[1] «Die Zukunft» № 254, 30.X.1867: *«Karl Marx.* Das Kapital. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867, 784 Seiten. 8°» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 211—213).

[2] «Elberfelder Zeitung» № 302, 2.XI.1867 (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 219—220).

[3] «Düsseldorfer Zeitung» № 316, 16.XI.1867: *«Karl Marx.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 221—223).

[4] «Der Beobachter» № 303, 27.XII.1867: *«Karl Marx.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 231—233).

[5] «Gewerbeblatt aus Württemberg» № 306, 27.XII.1867: *«Karl Marx.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 234—236).

[6] «Neue Badische Landeszeitung» № 20, 21.I.1868: *«Karl Marx.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 237—239).

[7] «Demokratisches Wochenblatt» №№ 12 и 13, 21.III и 28.III. 1868: «Das Kapital von Marx» (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 240—248).

популяризации его содержания в устных и печатных выступлениях. Большую роль в этом сыграли наряду с Энгельсом ближайшие друзья и соратники основоположников марксизма: П. Лафарг, Л. Кугельман, В. Либкнехт, И. Ф. Беккер, Ф. А. Зорге, а также К. Зибель, О. Мейснер и другие лица, немало сделавшие для того, чтобы сорвать этот «заговор молчания».

Еще до выхода книги в свет в ряде рабочих, демократических, либеральных органов появились объявления о предстоящем опубликовании «Капитала»; в некоторых газетах было напечатано предисловие Маркса к «Капиталу». Издатель «Капитала» О. Мейснер сообщал Марксу, что он только за один месяц поместил 50 объявлений о выходе «Капитала» [1]. Он также напечатал отдельными оттисками часть предисловия к «Капиталу», для того чтобы разослать его в различные газеты [2]. Частично предисловие еще до выхода книги было напечатано в газетах «Zukunft» и «Beobachter» [3].

Официальный орган немецких секций Интернационала в Швейцарии журнал «Vorbote», издававшийся И. Ф. Беккером, регулярно помещал на своих страницах объявления о предстоящем выходе в свет первого тома «Капитала» [4]. В одном из номеров журнала была опубликована статья (по-видимому, принадлежащая И. Ф. Беккеру), в которой говорилось:

«Маркс... сделал изучение вопросов политической экономии основной задачей своей жизни... Результат его исследования составил эпоху в экономической литературе. Маркс показал далее, что социальные вопросы нельзя решить отдельными экспериментами, что требуется средство, которое объединенный пролетариат использует для того, чтобы положить конец господству капитала, и что долг лучше оплачиваемых рабочих... защищать об-

---

[1] Мейснер — Марксу, 19 ноября 1867 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1768).

[2] Мейснер — Марксу, 13 августа 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1725).

[3] «Die Zukunft», Berlin, 4.IX.1867; «Der Beobachter», Stuttgart, 7.IX.1867.

[4] «Der Vorbote» № 4, IV.1867; № 6, VI. 1867; № 7, VII. 1867.

щие интересы пролетариата. Говоря о наемном труде и капитале, Маркс с большой ясностью доказывает, каким образом труд рабочих создает капитал, как они... попадают в рабство к капиталу и как капитал непрестанно принуждает рабочего к тому, чтобы делать цепи капитала еще более прочными. Маркс показал, что так называемый свободный рабочий попадает во все большую зависимость от капитала потому, что он вынужден продавать за нищенскую заработную плату свой труд, чтобы получить самые необходимые жизненные средства... Рабочий класс не нуждается в отмене личной собственности, поскольку она давно уничтожена и ежедневно уничтожается. То, что, однако, должно быть уничтожено,— это буржуазная собственность...» [1]

Журнал обращался ко всем секциям Интернационала и примыкавшим к Интернационалу обществам с призывом доставлять списки подписчиков на книгу [2]. После выхода в свет первого тома И. Ф. Беккер напечатал в трех номерах «Vorbote» предисловие Маркса к «Капиталу» [3]. Беккер придавал большое практическое значение выходу «Капитала». Он писал Ф. Лесснеру: ««Капитал» — это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты» [4].

Опубликование «Капитала» имело большое значение для развития рабочего движения в Германии. В 1863 г. в Германии был основан Ф. Лассалем Всеобщий германский рабочий союз. Однако руководство союза стояло на реформистских позициях, придерживаясь порочных догм и тактики Лассаля. Лассальянство стало главным тормозом развития революционного рабочего движения и марксизма в Германии. С ростом влияния I Интернационала вокруг учеников Маркса и Энгельса А. Бебеля и В. Либкнехта стала группироваться наиболее передовая часть рабочего класса Германии. В результате их деятельности

---

[1] «Der Vorbote» № 3, III. 1867.
[2] «Der Vorbote» № 4, IV. 1867.
[3] «Der Vorbote» №№ 9, 10 и 11, IX, X и XI. 1867.
[4] Беккер — Лесснеру, 11 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 19/5). Цитируется по диссертации И. М. Синельниковой «Ф. Лесснер как деятель международного рабочего движения 40—70-х годов 19 века». М., 1955, стр. 197.

в 1869 г. на съезде в Эйзенахе была создана Социал-демократическая рабочая партия, основывающаяся на принципах марксизма. Печатным органом партии стала газета «Demokratisches Wochenblatt», впоследствии переименованная в «Volksstaat».

Выход в свет «Капитала», пропаганда его на страницах «Demokratisches Wochenblatt» и «Volksstaat» и изучение в рабочих кружках способствовали укреплению теоретических основ Социал-демократической рабочей партии. «Капитал» помогал также революционным элементам из Всеобщего германского рабочего союза найти пути к научному коммунизму.

Одним из самых активных пропагандистов экономического учения Маркса стал видный деятель германского и международного рабочего движения Вильгельм Либкнехт. Он горячо интересовался судьбой «Капитала» и ходом работы над ним. Либкнехт придавал огромное значение доведению до рабочих масс основных положений «Капитала» и предлагал Марксу издать популярное изложение «Капитала», обещая всячески помогать пропаганде книги. Либкнехт писал Энгельсу, что он считал своей обязанностью защищать экономическое учение Маркса с трибуны рейхстага [1]. Своей устной пропагандой «Капитала» среди рабочих Либкнехт очень многое сделал для его популяризации. Уже в конце 1867 г., подготовив целый цикл лекций о «Капитале», он на собраниях и кружках знакомит рабочих с гениальным трудом Маркса [2]. В редактируемой Либкнехтом «Demokratisches Wochenblatt» было напечатано предисловие к «Капиталу»; в введении от редакции «Капитал» оценивался как труд, который составил эпоху в политической экономии, «впервые поставив социальные стремления рабочего класса на прочную научную основу» [3]. В последующих номерах газеты был напечатан отрывок об Ирландии из

---

[1] Либкнехт — Энгельсу, 29 марта 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед хр. 1841).

[2] Либкнехт — Марксу, 11 декабря 1867 и 20 января 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1788, 2161).

[3] «Demokratisches Wochenblatt» №№ 1—2, 4.I и 11.I.1868, S. 2—3, 13—14.

соответствующей главы под названием «Освещение ирландского вопроса»[1].

В «Demokratisches Wochenblatt», а впоследствии и в «Volksstaat» начал публиковать серию статей о «Капитале» рабочий-кожевник, философ-самоучка Иосиф Дицген. Дицген с юных лет внимательно изучал труды Маркса и, по собственному выражению, «был пленен ими»[2]. Он тщательно изучал вышедшую в 1859 г. работу Маркса «К критике политической экономии» и восторженно приветствовал выход в свет первого тома «Капитала».

Дицген считал своей обязанностью пропаганду и популяризацию великого произведения Маркса. Он выступил с рядом статей, в которых показал прекрасное понимание «Капитала». Не раз ему приходилось выступать с защитой «Капитала» от неверных, вульгарных толкований. В четырех номерах «Demokratisches Wochenblatt»[3] Дицген опубликовал обзор, «в котором», по его словам, была «сделана попытка передать великолепное содержание «Капитала»»[4]. Своими статьями Дицген пытался помочь немецким рабочим изучать «Капитал», понять его значение. Дицген стремился оказывать Марксу всяческую моральную поддержку. В сентябре 1868 г. он писал Марксу из Санкт-Петербурга: «Позвольте мне пожелать Вам упорства в выполнении Вашей задачи: ведь нет никого, кто мог бы сделать это до или после Вас. Труд же этот принесет свои плоды. Сила науки неодолима. Уже за тот короткий период, который протек на моих глазах, Ваши идеи оказали огромное влияние. Круговые волны, которые они порождают, становятся изо дня в день все

---

[1] «Demokratisches Wochenblatt» № 15, 11.IV.1868, S. 116—117; № 16, 18.IV.1868, S. 127—128; № 17, 25.IV.1868, S. 134—135: «Ein Schlaglicht auf die Irische Frage. (Aus dem «Kapital» von Karl Marx)» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 709—724).

[2] Дицген — Марксу, 24 октября (5 ноября) 1867 г. («Вопросы философии» № 3, 1958, стр. 137).

[3] «Demokratisches Wochenblatt» №№ 31, 34—36, VIII—IX. 1868: *Joseph Dietzgen. «Das Kapital.* Kritik der politischen Oekonomie von *Karl Marx.* Hamburg, 1867».

[4] Дицген — Марксу, [начало июля 1868 г.] («Вопросы философии» № 3, 1958, стр. 141).

заметнее, все больше, их мощь становится все более грозной. И время ведь тоже помогает. Уже собираются тучи и вдали грохочет гром, а иногда сверкает и молния. Приближается гроза. Естественные грозы — величественны, но что может сравниться с величием всемирно-исторической грозы!»[1].

Слова Дицгена оказались пророческими. «Капитал» Маркса получал все большее признание. Уже в октябре 1868 г. «Demokratisches Wochenblatt» писала:

«Хотя господа буржуазные экономисты по отношению к «*Капиталу*» Маркса, который они не в состоянии опровергнуть, придерживаются своей тактики «мертвого молчания», однако это произведение получает все более широкое распространение и всеобщее признание. В скором времени в Петербурге появится *русский* перевод, и, как нам сообщают, готовится также английский»[2].

Большую помощь в борьбе с «заговором молчания» вокруг «Капитала» оказали молодой поэт, дальний родственник Энгельса К. Зибель и ганноверский врач, близкий друг Маркса и Энгельса Л. Кугельман. Они содействовали помещению во многих немецких газетах объявлений о выходе «Капитала»[3] и опубликованию некоторых рецензий Энгельса. Кугельман сам был в курсе всех дел, связанных с изданием «Капитала»; изучая первый том, он постоянно консультировался с Марксом по непонятным для него вопросам. Маркс, в свою очередь, прислушивался к замечаниям Кугельмана. По его совету Маркс к первому параграфу первой главы сделал дополнение о форме стоимости[4]. Правда, Кугельман не все правильно понимал в «Капитале», иногда ошибался, но в целом он сумел оценить всемирно-историческое значение «Капитала» и искренне стремился сделать все от него зависящее для пропаганды книги. В ганноверской «Deutsche Volkszeitung» была опубликована заметка Ку-

---

[1] Дицген — Марксу, 12(24) сентября 1868 г. («Вопросы философии» № 3, 1958, стр. 143).

[2] «Demokratisches Wochenblatt» № 44, 31. X. 1868, S. 346.

[3] См., например, «Allgemeine Zeitung» № 273, 30.IX.1867; «Börsenblatt für deutschen Buchhandel», VIII и IX. 1867.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 492.

гельмана о I томе «Капитала»[1]. Интерес к «Капиталу» у немецких рабочих был так велик, что и руководители лассальянского Всеобщего германского рабочего союза были вынуждены заговорить об этой книге. В девяти номерах «Social-Demokrat» — органа лассальянцев — редактор газеты и президент Союза Швейцер напечатал серию статей о «Капитале» под названием «Труд Карла Маркса»[2]. Маркс и Энгельс резко осуждали общее направление этого органа и еще в 1865 г. отказались от сотрудничества в нем[3]. Однако популяризацию содержания «Капитала» на его страницах в 1868 г. Маркс все же в целом оценил как положительный факт.

Левые лассальянцы открыто признали «Капитал». 25 августа 1868 г. В. Бракке, ставший впоследствии одним из основателей и руководителей немецкой Социал-демократической рабочей партии, прочел доклад на собрании Всеобщего германского рабочего союза о «Капитале» Маркса[4].

Вульгарный экономист Де-Роберти вынужден был признать, что рабочие Германии «покупают и изучают «Капитал» и слушают специальные доклады о «Капитале»»[5].

Передовые рабочие Германии и других стран в своей борьбе за насущные требования, в частности, за ограни-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 472. Деятельности Л. Кугельмана как пропагандиста I тома «Капитала» Маркса посвящена статья А. В. Уроевой «Людвиг Кугельман — пропагандист произведений Карла Маркса» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 8, 1962, стр. 98—105).

[2] «Der Social-Demokrat» №№ 10—12, 22. I; 24. I; 26. I; № 14, 31. I; № 15, 2. II; № 24, 23. II; № 25, 26. II; № 30, 8. III; № 39, 29. III. 1868.

[3] Когда в 1867 г. «Social-Demokrat» поместил подробный отчет о собрании Всеобщего германского рабочего союза, на котором выступил с речью владелец «Social-Demokrat» лассальянец Хофштеттен, Маркс был вынужден напечатать в «Zukunft» статью «Плагиаторы», в которой показал, что Хофштеттен не только цитирует отдельные места из «Капитала», не называя ни самой работы, ни автора, но к тому же еще и искажает смысл этих мест («Der Social-Demokrat» № 139. Erste Beilage, 29.XI.1867. См. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 226—230).

[4] «Der Social-Demokrat» № 101, 30.VIII. 1868, Beilage, S.445.

[5] «La philosophie positive» № 3, XI—XII. 1868, p. 507—509.

чение рабочего дня, ссылались на положения, высказанные Марксом в «Капитале», что являлось лучшим доказательством отражения подлинных интересов пролетариата в этой «библии рабочего класса».

Так, например, член немецкой Социал-демократической рабочей партии Август Гейб в мае 1871 г. прямо ссылается в «Volksstaat» на «Капитал» Маркса как на работу, в которой вопрос о необходимости сокращения рабочего дня исследован настолько глубоко, что все «дальнейшие изыскания в этой области будут излишними»[1]. Он обращает особое внимание на четвертый пункт третьей главы «Капитала» — «Рабочий день» (в первом немецком издании это не глава, а пункт.— *М. М.*) и указывает, что одной из целей борьбы рабочего класса Германии является законодательное установление 8-часового рабочего дня. Говоря о необходимости законодательного ограничения рабочего дня, Гейб цитирует соответствующие слова Маркса[2].

* * *

Несколько иначе, чем в Германии, обстояло дело с пропагандой первого тома «Капитала» в Англии. Это объяснялось спецификой развития рабочего движения этой страны. Англия к 50-м годам XIX века значительно опередила другие страны в экономическом развитии. Промышленный подъем в начале 50-х годов, резкое увеличение богатства английской буржуазии оказали большое влияние на экономическое положение определенной части английского пролетариата. Господство английской буржуазии на мировом рынке, беспощадная эксплуатация народов многочисленных колоний и получение в результате этого огромных сверхприбылей давали возможность английской буржуазии подкупать верхушку английского пролетариата, которая стала проводником ее идеологии в рабочем классе. Идеология либерального тред-юнионизма оказывала все большее влияние на широкие массы английского пролетариата.

---

[1] «Der Volksstaat» № 42, 24.V.1871: *A. Geib*. «Der Normalarbeitstag».

[2] «Der Volksstaat» № 42, 24.V.1871 (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 250—251).

Пропаганда идей научного коммунизма в такой капиталистически развитой стране, как Англия, где рабочий класс представлял огромную силу, но фактически находился во власти реформистских иллюзий, приобретала особо важное значение, наталкиваясь в то же время и на огромные трудности. К этому надо добавить, что количество работ Маркса и Энгельса на английском языке было невелико, а полный перевод первого тома «Капитала» появился только во второй половине 80-х годов.

Одним из неутомимых пропагандистов научного коммунизма среди английских рабочих был Фридрих Лесснер — ближайший друг и соратник Маркса и Энгельса, член Генерального Совета I Интернационала. Лесснер служил как бы связующим звеном между многочисленными немецкими рабочими-эмигрантами в Англии и английскими рабочими [1].

Сразу же после выхода первого тома «Капитала» Лесснер взялся за его изучение [2] и с тех пор был одним из активных пропагандистов «Капитала» в секциях I Интернационала. Выступая в феврале 1868 г. на празднике в связи с 28-й годовщиной основания лондонского Просветительного общества немецких рабочих, Лесснер говорил о влиянии применения машин на положение пролетариата, ссылаясь при этом на «Капитал» как на книгу, в которой впервые исследованы вопросы, интересующие рабочих [3]. В газете «Hermann» в связи с предстоящим

---

[1] См. статьи *И. М. Синельниковой* «Фридрих Лесснер» (сб. «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961, стр. 112—150) и «Фридрих Лесснер — деятель германского и международного рабочего движения» (сб. «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962, стр. 52—83).

[2] Лесснер — Марксу, 8 октября 1867 г. («Историк-марксист» №№ 5—6, 1935, стр. 154).

[3] Отчет о праздновании 28-й годовщины лондонского Просветительного общества немецких рабочих был помещен в органе немецких мелкобуржуазных демократов в Лондоне «Hermann» (№ 477, 22.II.1868, S. 3818—3819).

В «Hermann» № 454, 14.IX.1867, S. 3634, было напечатано объявление о выходе «Капитала»; в нем обращалось внимание на то место предисловия, где Маркс говорит о влиянии американской войны за независимость на европейскую буржуазию и о влиянии Гражданской войны в Америке на рабочий класс Европы. Здесь же был напечатан большой отрывок из предисловия к «Капиталу».

Брюссельским конгрессом I Интернационала Лесснер напечатал «Воззвание к немецким рабочим Лондона», написанное им и просмотренное Марксом. В воззвании обосновывалось требование установления 8-часового рабочего дня. «Не следует забывать,— писал Лесснер,— что в Соединенных Штатах Северной Америки *восьмичасовой* рабочий день уже объявлен *законом* для всех государственных предприятий. Вспомним также те исторические, полные глубокого смысла слова, которые Карл Маркс написал в предисловии к своему труду «Капитал. Критика политической экономии» в 1867 году: «Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия»» [1].

Большое значение имела пропаганда идей «Капитала» другим видным деятелем международного и немецкого рабочего движения, членом Генерального Совета Интернационала, портным Иоганном Георгом Эккариусом, выступавшим в английской печати. Маркс помог Эккариусу написать серию экономических статей, направленных против английского буржуазного экономиста и философа-позитивиста Дж. Ст. Милля, который оказывал значительное влияние на верхушку английского рабочего класса. Статьи эти печатались в английской газете, органе Генерального Совета Интернационала «Commonwealth», под названием «Опровержение рабочим некоторых положений политической экономии Джона Стюарта Милля» [2]. В 1869 г. эти статьи были изданы отдельной брошюрой на немецком языке [3]. После выхода «Капитала» Эккариус перевел на английский язык предисловие Маркса к «Капиталу» и опубликовал его в органе английских тред-юнионов «Bee-Hive» [4]. В 1872 г. Экка-

[1] «Hermann» № 502, 15.VIII.1868 (см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 586—587; т. 23, стр. 9).

[2] «The Commonwealth» №№ 192—195, 198, 10, 17 и 24. XI, 1 и 25. XII.1866; №№ 200, 203, 204, 206—211, 5 и 26. I, 2, 16 и 23. II, 2, 9, 16 и 23. III. 1867.

[3] *J. George Eccarius.* «Eines Arbeiters Widerlegung der nationalökonomischen Lehren John Stuart Mill's». Berlin, 1869.

[4] «The Bee-Hive», 7.IX.1867: «A new work on political economy».

риус написал брошюру «Рабочий день», которая излагала отдельные положения первого тома «Капитала»[1]. Эта деятельность Эккариуса сыграла большую роль в приобщении революционных рабочих и социалистических элементов Англии к идеям научного коммунизма.

Через немецких эмигрантов, бывших членов Союза коммунистов и членов I Интернационала, через передовых американских рабочих шла пропаганда идей «Капитала» в рабочем движении США.

В 1857 г. в Нью-Йорке был образован Коммунистический клуб, активное участие в деятельности которого приняли такие деятели рабочего движения, как Ф. А. Зорге, З. Мейер, А. Фогт. Они были знакомы со многими трудами Маркса и знали о его работе над «Капиталом». Маркс писал З. Мейеру в Нью-Йорк о том, что скоро появится первый том «Капитала»[2]. В августе 1867 г. Маркс послал Мейеру часть предисловия к «Капиталу»[3]. Энгельс также писал ему о том огромном значении, которое может оказать «Капитал» на развитие рабочего движения, особенно в то время, когда в Америке развернулась борьба за 8-часовой рабочий день: «Так как у Вас там сейчас как раз ведется агитация за 8-часовой рабочий день, то эта книга, с ее главой *о рабочем дне,* окажется очень кстати, да и вообще она будет во многом способствовать прояснению умов. Всякий шаг, который Вы сделаете в этом направлении, будет крупной заслугой в борьбе за будущее нашей партии в Америке»[4].

Видный деятель американского рабочего движения Ф. А. Зорге вспоминал позднее: «Среди сотен членов, принадлежавших к Союзу с 1869 до 1874 года, не было почти ни одного, кто бы не читал своего Маркса («Капитал»), и было, конечно, больше дюжины таких, которые усвоили и переработали самые трудные места и термины и были таким образом вооружены против всяких напа-

---

[1] *J. George Eccarius.* «The hours of labour». London, [1872].
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 485.
[3] Там же, стр. 495.
[4] Там же, стр. 501.

дений со стороны крупных или мелких буржуа, радикалов или реформаторов»[1].

Большое впечатление произвел первый том «Капитала» на одного из организаторов движения за 8-часовой рабочий день в США Айру Стюарта. Он с восхищением писал Зорге о «Капитале» Маркса: «Я хочу, чтобы был сделан доступный перевод из этой работы Карла Маркса. И поскольку я постоянно об этом думаю, меня очень смущали места, которые непонятны для говорящих по-английски. Средний читатель не станет трудиться долго, чтобы их понять. А талант д-ра Маркса привел меня к мысли, что на его родном языке понять его легко. Имей я возможность выделить время из моих собственных занятий, я сделал бы, согласно моим замыслам, сокращенное изложение или извлечение из глав, которые предшествуют «Рабочему дню», особенно же потому, что наибольшую трудность представляют страницы в первой части рукописи. Я процитирую из работы доктора [Маркса] несколько страниц, чтобы представить его нашим читателям и сделать его имя более близким нам. Я никогда не представлял, как много им сказано о рабочем времени»[2].

В конце 60-х и особенно в начале 70-х годов в США прокатилась широкая волна демонстраций и забастовок под лозунгом сокращения рабочего дня. В 60-х годах движение за 8-часовой рабочий день приняло характер массового движения и распространилось почти по всей стране. Маркс отмечал в «Капитале»: «Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии»[3].

Рабочий класс Америки сумел добиться установления 8-часового рабочего дня на государственных предприя-

[1] *Ф. Зорге.* «Рабочее движение в Соединенных Штатах». Спб., 1907, стр. 163. Речь идет о «Рабочем союзе» в Нью-Йорке, который присоединился к Интернационалу, преобразовавшись в секцию № 1.

[2] Цитируется по книге: *Ф. Фонер.* «История рабочего движения в США». М., 1949, стр. 415. Сокращенный перевод первого тома «Капитала» на английском языке вышел впервые в США в 1877 г. в переводе сына Иосифа Вейдемейера Отто Вейдемейера.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 309—310.

тиях и вел постоянную борьбу за сохранение этого добытого в борьбе права. Во время 20-тысячной демонстрации в пользу проведения закона о 8-часовом рабочем дне, состоявшейся 13 сентября 1871 г. в Нью-Йорке, среди демонстрантов было распространено около 1000 экземпляров листовки, английский текст которой представлял отрывок из VIII главы I тома «Капитала». Листовка начиналась словами: «Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом бо̀льшую стоимость, чем стоит он сам» и т. д. Заканчивалась листовка словами: «Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара» [1].

В корреспонденции из Нью-Йорка от 25 сентября 1871 г., опубликованной в «Volksstaat», сообщалось, что секция Интернационала в Нью-Йорке выпустила в виде листовки 200-ю страницу первого тома «Капитала» Маркса в английском переводе [2].

Демонстранты прошли с красными флагами по главным улицам города; шествие продолжалось три с половиной часа; лозунгами демонстрантов были: «8 часов труда, 8 часов на отдых и образование, 8 часов сна!», «8 часов или берегитесь!», «8 часов мирным путем, если можно; насильственным — если будет нужно!» и др.

Поль Лафарг в своих воспоминаниях о Марксе писал по поводу этой демонстрации: «...В Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из «Капитала» распространялись в форме прокламаций для того, чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований» [3].

Эта же листовка была позднее напечатана в Англии в органе британских секций Интернационала «International Herald» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 245, 246.

[2] См. «Der Volksstaat» № 83, 14.X.1871. В этом же номере приводится весь текст этой листовки под заголовком: *K. Marx.* «Die Stimme des Arbeiters über den Normalarbeitstag».

[3] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 77.

[4] См. «The International Herald» № 35, 30.XI.1872, p. 5: «The Workingmen's voice on the normal working day. To the employer.

Отклики на выход в свет I тома «Капитала» появились и во французской, бельгийской и итальянской демократической и рабочей печати. Лаура Маркс и Поль Лафарг перевели предисловие к «Капиталу» для органа Интернационала во Франции «Courrier Français»[1]. Бельгийская газета, орган бельгийских секций Интернационала «La Liberté» напечатала переведенное на французский язык предисловие. В редакционном вступлении говорилось: «...Карл Маркс, великий немецкий мыслитель, которого бельгийское правительство однажды выслало из Брюсселя, только что опубликовал в Гамбурге... блестящее произведение, результат своей двадцатилетней работы и терпеливых размышлений»[2].

В 1871 г. «La Liberté» напечатала заимствованную из «Volksstaat» и переведенную на французский язык статью ««Капитал» Карла Маркса». Газета писала: «Мы переводим взятую из «Volksstaat» статью о последнем произведении известного социалистического экономиста *Карла Маркса.* Это произведение произвело сенсацию в Германии, и надеемся, что скоро оно будет переведено на французский язык»[3].

Одной из первых публикаций отрывков из «Капитала» на иностранном языке была публикация части предисловия в органе неаполитанской рабочей организации (на основе которой вскоре была создана секция Интернационала) «Libertà e Giustizia». Отрывок был опубликован за подписью Карла Маркса под заглавием «Социализм в Европе». Редакция газеты предпослала переводу следующее вступление: «В Германии издается величайшее произведение в области социальных учений, труд *могучего и строгого* гения Карла Маркса, одного из неутомимых пропагандистов социальных идей в Европе. Мы счастливы ознакомить наших читателей с отрывком, взятым нами из

From «Kapital» by Karl Marx». Этот же отрывок из «Капитала» был переиздан также в Англии в виде листовки: «The Workingmen's voice on the normal working day. To the employer». Lnd., 1872.

[1] «Le Courrier Français», 1.X.1867, p. 3: «Le socialisme en Europe».

[2] «La Liberté» № 15, 13.X.1867, p. 4: «Du capital. Critique d'économie politique».

[3] «La Liberté» № 47, 6.VI.1871; № 50, 9.VI.1871: «Le Capital par Karl Marx».

любезно присланного автором произведения. Мы уверены, что после книг Прудона работа Маркса ознаменует блестящую эпоху в анналах социальной литературы. Книга озаглавлена «Капитал»» [1].

* * *

Именно потому, что первый том «Капитала» нашел такой живой отклик в рабочей и демократической печати и вызвал большой интерес и понимание среди рабочих, буржуазные ученые постепенно были вынуждены заговорить о «Капитале» Маркса.

Одним из первых откликов буржуазных ученых была рецензия приват-доцента Берлинского университета Е. Дюринга [2], впоследствии открытого противника марксизма. Маркс в общем отнесся положительно к этой рецензии, но отмечал, что Дюринг не понял, что̀ нового было внесено в политическую экономию «Капиталом» по сравнению с предшествующей, буржуазной политической экономией [3]. Маркс в одном письме к Л. Кугельману обратил его внимание на отзыв о «Капитале» немецкого профессора политической экономии в Бонне Гельда, который писал, что Маркс является «...автором самого научного, самого ученого сочинения, какое только имеется в области социализма, именно *«Капитала»»* [4].

Бо́льшая часть буржуазных рецензентов, вынужденная заговорить о «Капитале», пыталась обрушиться на него с клеветой. В 1868 г. в журнале «Vierteljahrschrift

---

[1] «Libertá e Giustizia» № 11, 27.X.1867, p. 84: «Il socialismo in Europa». См. статью Н. Ю. Колпинского «О первой публикации предисловия к первому немецкому изданию I тома «Капитала» на итальянском языке» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» № 4, 1960, стр. 24—26); см. также: L. Basso. «La prima traduzione italiana di un brano del «Capitale» (1867)» («Rivista storica del socialismo» № 17, 1962, p. 585—590).

[2] См. «Ergänzungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart», vol. III, Hildburghausen, 1868, S. 182—186.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 197—198.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 4.

für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte»[1], а затем в «Literarisches Centralblatt für Deutschland»[2] появились анонимные статьи, в которых авторы обвиняли Маркса в том, что он якобы заимствовал у французского вульгарного экономиста Ф. Бастиа определение величины стоимости товара общественно необходимым рабочим временем. Они заявляли, что Маркс не только «обокрал» Бастиа, но еще и «исказил» его. Отклики буржуазных кругов на «Капитал» отразили, с одной стороны, неспособность противников Маркса возразить ему что-либо по существу, а с другой стороны, их понимание того, что «Капитал» — это снаряд, пущенный против буржуазии. Автор статьи в «Literarisches Centralblatt» писал: «Опровержение теории стоимости — единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все, сделанные Марксом с железной логикой, выводы»[3].

Появились рецензии и в английской печати. Еженедельный консервативный журнал «Saturday Review» писал: «Как бы ни были зловредны, по нашему мнению, взгляды автора, нельзя все же не признать убедительность его логики, силу его красноречия и своеобразную прелесть, которую он сообщает самым сухим проблемам политической экономии»[4].

Американская буржуазная газета, орган республиканской партии «New York Herald», была вынуждена писать о «Капитале» Маркса как о книге, которую «многие считают наиболее ценной книгой, сделавшей вклад в политэкономическую науку со времен Рикардо»[5].

Во многих газетах, например в парижской «L'Illustration», итальянской «Le Capitale», немецкой «Illustrirte Zeitung» и др., были помещены статьи о Карле Марксе

---

[1] См. «Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte». Bd. 20. Jahrg. 5, 1868.

[2] «Literarisches Centralblatt für Deutschland» № 28, 4. VII. 1868.

[3] Цитируется по подстрочному примечанию к статье Маркса «Мой плагиат у Ф. Бастиа» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 325). Статья при жизни Маркса не была опубликована.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 513. См. также «The Saturday Review of Politics, Literature, Science, and Art», 18.I.1868.

[5] «New York Herald», 5. IX. 1871, p. 4.

биографического характера с отзывом о первом томе «Капитала»[1].

Весьма положительно о «Капитале» Маркса отозвался Л. Фейербах[2].

Объективную характеристику вынужден был дать «Капиталу» противник Маркса, бывший младогегельянец, ставший после 1866 г. национал-либералом, А. Руге. В письме к Штейнталю от 25 января 1869 г. он отмечал: «Это сочинение *делает эпоху* и проливает яркий, нередко резкий свет на развитие, гибель, родовые муки и страшные дни страданий общественных периодов.

Объяснение *прибавочной стоимости* неоплаченным трудом, экспроприацией рабочих, которые прежде работали *на себя,* и доказательство предстоящей *экспроприации экспроприаторов* представляет собой нечто классическое»[3].

* * *

Все возрастающий интерес рабочих разных стран к «Капиталу», необходимость более широкой пропаганды идей научного коммунизма ставили перед Марксом задачу переиздания «Капитала» и перевода его на другие языки. Маркс давно думал о втором немецком издании «Капитала» и особенно о французском переводе. Но наступили годы, особенно 1871, когда внимание Маркса было поглощено непосредственной революционной борьбой рабочего класса. Парижская Коммуна и дела Интернационала потребовали от Маркса огромного напряжения сил. «Генеральный Совет,—писал Маркс,—настолько загрузил меня работой, что мне пришлось прервать даже свои теоретические работы»[4]. И все же Маркс продолжает работать над французским переводом «Капитала»[5],

---

[1] «L'Illustration» № 1498, 11.XI.1871; «Le Capitale» 30.XI.1871; «Illustrirte Zeitung», 2.XII.1871; см. также «Journal de Genève» № 228, 27.IX.1871.

[2] *Ludwig Feuerbach.* «Sämmtliche Werke...», Zehnter Band, Stuttgart, 1911 (Zur Ethik: Der Endämonismus. 1867—1869, S. 266—267).

[3] Письмо Руге опубликовано в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, стр. 5.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 217.

[5] Большой фактический материал по истории французского перевода первого тома «Капитала» содержится в статье А. В. Уроевой

готовит второе немецкое и русское издания первого тома «Капитала».

Маркс придавал большое значение французскому переводу «Капитала», считая появление его чрезвычайно важным для развития классового сознания французского пролетариата. «...Время мое,— пишет Маркс,— поглощено вторым немецким изданием моей книги о «Капитале», французским изданием, для которого я подготовляю черновик по второму немецкому изданию, и, наконец, русским изданием, в которое мне пришлось внести различные изменения в текст» [1].

Экономическое развитие Франции в XIX веке шло гораздо медленнее, чем Англии. Промышленная революция происходила в условиях сохранения мелкотоварного производства. Вследствие этого медленнее шел процесс формирования французского пролетариата, его отделения от мелкобуржуазной демократии. Этими условиями экономического развития объясняется большое влияние на рабочий класс различных мелкобуржуазных течений утопического социализма. Маркс постоянно вел борьбу с влиянием прудонистов на французских рабочих, в частности на парижскую секцию Интернационала, указывал на необходимость освобождения французских рабочих от влияния мелкобуржуазной идеологии [2].

Сразу же после появления первых выпусков французского издания первого тома «Капитала» в органах Интернационала, выходящих на французском языке, появились статьи, посвященные этому изданию. Эти статьи свидетельствовали, насколько было важно французское издание «Капитала» для пролетариата Франции и Бельгии, находившегося еще под большим влиянием прудонизма.

«Из истории первого французского издания I тома «Капитала» Маркса» (сб. «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 369—390).

Об особенностях французского издания «Капитала», его отличии от немецких изданий см. статью А. И. Малыша «Авторизованное французское издание первого тома «Капитала» Маркса» (сб. «Из истории формирования и развития марксизма», стр. 351—368).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 211.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 486.

Так, в статье «Карл Маркс и его анализ стоимости», напечатанной в двух номерах бельгийской «Liberté» в декабре 1872 г. в связи с выходом первого выпуска французского издания «Капитала», автор статьи, отмечая большое значение для рабочих появления «Капитала» на французском языке, в то же время обнаруживает полное непонимание принципиального отличия в определении стоимости товара у Маркса от определения стоимости у Прудона [1].

Именно по поводу этой статьи в «Liberté» Женни Маркс писала Л. Кугельману 23 декабря 1872 года: «Этим бельгийским мудрецам удалось открыть, что Маркс и Прудон совместно разрешили вопрос о «constitution de la valeur» [«конституировании стоимости».— *М. М.*]. Вот что такое бельгийский дух — чистейшее неразбавленное брюссельское пиво» [2].

В связи с ростом борьбы за сокращение рабочего дня авторы ряда статей обращаются к «Капиталу» не только для теоретического обоснования необходимости сокращения рабочего дня, но и как к источнику, богатому большим фактическим материалом по этому вопросу. В связи с появлением третьего выпуска французского издания орган Романской федерации Интернационала, швейцарская газета «Égalité» в статье «Борьба за девятичасовой рабочий день» писала: «Мы с большой радостью извещаем, что это монументальное произведение по политической экономии, произведение о труде и капитале, переведено на французский язык. Наши французские читатели смогут скоро приступить к изучению этого уникального произведения нашей эпохи, где они могут почерпнуть факты и ценные комментарии для докладов о труде и капитале» [3].

Бельгийский журнал «La science populaire» напечатал первую часть X главы (по французскому изданию, или VIII — по 2-му немецкому), т. е. весь параграф «Пределы рабочего дня». В редакционном примечании говорилось,

---

[1] «La Liberté» № 49, 8.XII.1872; № 51, 22.XII.1872: «Karl Marx et son analyse de la valeur (Le Capital)».

[2] «Исторический архив» № 2, 1959, стр. 49.

[3] «L'Égalité» № 22—23, 18.XII.1872: «La lutte pour les neuf heures — Ses raisons et sa victoire».

что это отрывок из X главы прекрасной книги Карла Маркса о капитале[1].

Вскоре появился и первый перевод на испанский язык отрывков из «Капитала». В пропаганде первого тома «Капитала» среди испанских рабочих большую роль сыграла рабочая газета «Emancipacion», выходившая в Мадриде в 1871—1873 годах[2]. Маркс и Энгельс регулярно посылали в Испанию члену Интернационала редактору газеты Хосе Меса выпуски французского издания первого тома. Меса был первым переводчиком предисловия и части «Капитала» на испанский язык. Получив первые выпуски французского перевода, Меса писал Энгельсу, что для широкого ознакомления читателей газеты с работой Маркса и ввиду того, что «Капитал» имеет особенно важное значение для борьбы с распространением среди испанских рабочих прудонистских и анархистских идей, он хочет перевести предисловие к «Капиталу». Меса просил Энгельса присылать побольше экземпляров «Капитала» для распространения через экспедицию «Emancipacion»[3]. Для испанских пропагандистов марксизма «Капитал» послужил важнейшим оружием в борьбе с бакунистами.

В октябре 1872 г. «Emancipacion» напечатала объявление о выходе французского издания «Капитала». В объявлении говорилось также, что сторонники анархистского Альянса найдут в этом труде глубокую научную критику своих взглядов[4].

В октябре же 1872 г. в «Emancipacion» был напечатан испанский перевод письма Маркса Лашатру от 18 марта 1872 г., являющегося предисловием к французскому изданию «Капитала», а также предисловие к первому немецкому изданию[5]. В этом же номере появилось объяв-

---

[1] «La science populaire» № 19, 9.III. 1873, p. 147—150: «Limite de la journée de travail».

[2] См. статью Н. Ю. Колпинского «Роль газеты «La Emancipacion» в пропаганде идей марксизма в Испании (1871—1873)» («История социалистических учений». М., 1962, стр. 352—375).

[3] Меса — Энгельсу, 5 октября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3371).

[4] «La Emancipacion» № 69, 13.X.1872.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 5—11, 25; «La Emancipacion» № 71, 26.X.1872, p. 2: «El Capital por Karl Marx».

ление о продаже выпусков «Капитала» через экспедицию газеты[1]. В марте и апреле 1873 г. газета напечатала перевод IV главы «Превращение денег в капитал»[2].

В конце сентября 1872 г. Маркс послал первые выпуски «Капитала» в Италию Энрико Биньями. В октябре 1872 г. появилось объявление о выходе в свет французского перевода «Капитала» в итальянской газете, органе секций Интернационала «Plebe». Редакция газеты писала: «Мы получили прямо из Лондона от знаменитого автора первые выпуски ценнейшего труда — «Капитала» Карла Маркса... Рекомендуем нашим друзьям эту книгу знаменитого экономиста». Газета объявляла также, что экспедиция будет продавать французское издание[3].

Биньями вел переговоры с Марксом о переводе «Капитала» на итальянский язык[4], но ему не удалось осуществить свое намерение. За перевод «Капитала» взялся Ла Сесилиа, итальянский эмигрант в Лондоне, член Интернационала, генерал Парижской Коммуны. К октябрю 1872 г. часть перевода была им сделана, но из-за отсутствия издателя дальнейшая работа была приостановлена[5].

Объявление о выходе французского издания первого тома «Капитала» было дано также в неаполитанской газете «Le Capitale»[6].

* * *

Если после выхода первого немецкого издания «Капитала» приходилось бороться с «заговором молчания» вокруг «Капитала» со стороны представителей буржуазной политической экономии, особенно немецкой, то в 1871—1872 гг. не говорить о «Капитале» было уже нельзя. При-

---

[1] Объявление о выходе было повторено в №№ 77, 78 за 1872 и в №№ 83 и 85 газеты за 1873 год.

[2] «La Emancipacion» № 87, 1.III.1873; № 90, 22.III.1873; № 91, 12.IV.1873: «De la trasformacion del dinero en capital» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 157—187).

[3] «La Plebe», 12.X.1872.

[4] Биньями — Марксу, 10 октября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3046).

[5] Первый перевод «Капитала» на итальянский язык был осуществлен в 1879 г. К. Кафьеро, но с большими сокращениями.

[6] Лучиани — Марксу, 27 ноября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3023).

знание этого величайшего произведения заставило таких немецких профессоров, как Вагнер, Гельд, Ланге, Шеффле, Г. Зибель, заговорить о «Капитале» Маркса. Их вульгарные, часто нелепые толкования «Капитала», попытки «опровергнуть» его основные положения получали достойную отповедь на страницах рабочей печати в Германии.

В связи с опубликованием в «Kölnische Zeitung» в 1872 г. лекций известного буржуазного историка, позднее представителя либеральной партии в прусской палате депутатов Генриха фон Зибеля «Учения современного социализма и коммунизма»[1] Иосиф Дицген вновь выступил на страницах «Volksstaat» в защиту экономического учения Маркса. В своем «Открытом письме Генриху Зибелю»[2] Дицген критикует Зибеля, как типичного выразителя взглядов вульгарной политической экономии, избравшего предметом своей критики «Капитал» Маркса. Дицген доказывает, что Зибель не понял ни метода исследования Маркса, ни его теории стоимости. В своих лекциях он определяет меновую стоимость товара «способностью приносить удовлетворение прелестью и надобностью, соответствующее количеству жизненных сил» и сводит теорию стоимости Маркса к теории полезности. Возражая Зибелю, Дицген на многочисленных примерах показывает, что Маркс определяет стоимость товара не полезностью вещи, а количеством общественно необходимого труда, требуемого для производства. «Положению социализма,— пишет Дицген,— что самой природе человеческого труда свойственно производить стоимость и увеличивать стоимость, Вы, как адвокат господствующих классов, не придаете никакого значения. Как теологи выступают против естествознания, так и Вы выступаете против положений политической экономии. То, что в ходе

---

[1] См. «Kölnische Zeitung» № 89, 29.III.1872. Drittes Blatt; № 90, 30.III.1872. Erstes Blatt; № 92, 2.IV.1872. Drittes Blatt; № 93, 3.IV.1872. Drittes Blatt; № 94, 4.IV.1872. Drittes Blatt; № 95, 5.IV.1872. Drittes Blatt: «Die Lehren des heutigen Socialismus und Kommunismus». Zwei Vorträge, gehalten in Barmen, von Heinrich **v. Sybel.**

[2] См. «Der Volksstaat» № 31, 17.IV.1872: *J. Dietzgen.* «Offener Brief an Heinrich Sybel», 9. April 1872.

исторического развития этой науки уже бесчисленное множество раз было опровергнуто, Вы выдаете за нечто новое»[1].

Против этих же лекций Зибеля выступил немецкий социал-демократ К. А. Шрамм со статьей в «Volksstaat» «Меновая стоимость»[2], в которой он критиковал вульгарное определение Зибелем и Шеффле стоимости товара полезностью. В этой статье, а также в докладе, прочитанном в Берлинском демократическом рабочем союзе и напечатанном в «Volksstaat»[3], К. А. Шрамм подробно изложил некоторые положения первого тома «Капитала», относящиеся к таким категориям, как товар, труд, стоимость и меновая стоимость, стоимость рабочей силы, прибавочная стоимость, ее производство, рабочий день и фабричное законодательство, эксплуатация женского и детского труда капиталом. Энгельс писал по поводу этой статьи К. А. Шрамма, что он «...прямо опровергает Зибеля, причем способ этого опровержения предполагает, что вопрос самостоятельно и вполне правильно продуман. Маркс и я были очень обрадованы этой статьей, несмотря на то, что местами встречаются мелкие неточности. Что представляет собою Шрамм в других отношениях, я, конечно, знать не мог, но во всяком случае он достаточно хорошо разбирается в экономических вопросах»[4].

В ряде номеров «Volksstaat» за 1872 г. были напечатаны статьи А. Гейба о втором немецком издании первого тома «Капитала». Он отмечал, что «Капитал» все больше и больше становится оружием в руках социал-демократического движения в его борьбе с мелкобуржуазным социализмом и в борьбе рабочего класса за свои экономические права. Ярким доказательством того, что «Капитал» становится все более доступным понима-

---

[1] «Der Volksstaat» № 31, 17.IV.1872: *J. Dietzgen*. «Offener Brief an Heinrich Sybel». 9. April 1872.

[2] См. «Der Volksstaat» № 82, 12.X.1872: «Der Tauschwerth». Von C. A. S.

[3] См. «Der Volksstaat» №№ 1—4, 3. I, 6. I, 10. I и 13. I. 872: «Ein nationalökonomischer Vortrag». C. A. S.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 309. Впоследствии К. А. Шрамм перешел на позиции реформизма.

нию рабочего класса, писал Гейб, является появление его перевода на русском и французском языках[1].

* * *

На основании приведенных фактических данных, которые отнюдь не исчерпывают всего материала, можно сказать, что в истории распространения первого тома «Капитала» существовало как бы два этапа. Первый охватывает промежуток времени с 1867 до 1871—1872 года. Это был период, когда, с одной стороны, шла борьба с «заговором молчания» вокруг «Капитала» со стороны представителей буржуазной политической экономии, а с другой — активная пропаганда идей «Капитала» в рабочих кругах Марксом, Энгельсом и их ближайшими соратниками. Отклики рабочей и демократической прессы показывают, что самые сложные проблемы политической экономии, содержащиеся в первом томе «Капитала», нашли полное понимание среди передовых представителей рабочего класса. Эти материалы показывают также, что рабочий класс благодаря «Капиталу» Маркса получил в свои руки мощное оружие в борьбе за интересы трудящихся. «Капитал» стал теоретической основой борьбы против всяких мелкобуржуазных, реформистских и сектантских течений в рабочем движении. Широкое проникновение идей научного коммунизма в рабочие массы, особенно после Парижской Коммуны, а также настоятельная необходимость дальнейшей борьбы с влиянием мелкобуржуазной идеологии потребовали от Маркса осуществления второго немецкого издания «Капитала» и его перевода на русский и на французский языки. Начинается второй период в истории распространения первого тома «Капитала», который только частично рассматривается в данной статье, поскольку его хронологические рамки гораздо шире.

Гениальный труд Маркса был признан как боевая программа деятельности международного рабочего класса от России до Америки. Ход исторического разви-

[1] См. «Der Volksstaat» № 53, 3.VII.1872; № 70, 31.VIII.1872; 72, 7.IX.1872.

тия показал, что «Капитал» Маркса стал мощным и несокрушимым оружием в борьбе против различного рода оппортунистических течений, за победу теории научного коммунизма в рабочем движении, идейным оружием пролетариата всех стран в борьбе за победоносную социалистическую революцию и построение социалистического общества.

З. В. ЧЕРНУХА

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ПРОГРАММА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ФРАНЦИИ 1880 ГОДА

Создание революционной Рабочей партии Франции, разработка марксистской программы и борьба за нее — важный этап в истории французского социалистического движения. Однако не все вопросы, связанные с этим периодом борьбы рабочего класса за свою политическую партию, достаточно освещены в исторической литературе. Вопрос о роли Маркса и Энгельса, об их участии в борьбе за французскую революционную партию рабочего класса в должной мере не разработан.

Французские буржуазные историки конца XIX — начала XX века, Ж. Вейль и другие, сознательно принижая значение распространения марксизма во Франции, старались в своих работах доказать, что марксистское учение — это привнесенная теория, не нашедшая себе во Франции почвы [1]. Буржуазные авторы не скрывали своей неприязни к Марксу и враждебного отношения к марксизму.

С другой стороны, социалистические историки (А. Зеваес, П. Луи и другие), умаляя роль Маркса и Энгельса в развитии французского рабочего движения, пытались в своих трудах изобразить французский марксизм некиим самобытным течением, возникшим якобы самостоятельно и независимо от Маркса [2].

[1] См. *Ж. Вейль.* «История социального движения во Франции (1852—1902)». Спб., 1906.

[2] *A. Zévaès.* «De L'introduction du marxisme en France». Paris, 1947; *его же*: «Histoire du sozialisme et du communisme en France, de 1871 à 1947». Paris, 1947; P. Louis. «Cent cinquante ans de pensée socialiste». Paris, 1947.

Попытки фальсификации роли революционного марксизма в развитии французского рабочего движения, в частности в истории создания французской Рабочей партии, предпринимаются и в наши дни реформистскими и буржуазными авторами. При этом многие современные апологеты буржуазии понимают, что было бы глупо не учитывать всеобщее признание, которое получило марксистское учение у рабочего класса и трудящихся, и не постараться обратить этот факт против современного коммунизма. Они зачастую не только не выступают прямо против учения Маркса, а, наоборот, фальсифицируя марксизм и выхолащивая его революционную сущность, пытаются прикрыться его именем. Отсюда и тенденция — оклеветать действительно революционных, марксистских деятелей французского рабочего движения и противопоставить им в качестве «настоящих марксистов» представителей оппортунистических течений.

Так, например, в статье «Первые шаги марксистской теории во Франции и в Италии (1880—1897)», опубликованной в «Cahiers de l'Institut de science économique appliquée» за июнь 1960 г., Н. Мак Иннес требует пересмотра истории распространения марксизма во Франции. Он критикует Зеваеса и других историков за то, что те связывали пропаганду марксизма во Франции с именами Геда, Лафарга, Девиля. Мак Иннес утверждает, что эти первые марксисты сами якобы ничего не понимали в марксистском учении и «ввели в обращение (по мере того, как им оказывали какое-то внимание) вид марксизма [une maniere de marxisme], запутанный, неполный и извращенный» [1]. Настоящий же марксизм во Франции ведет-де свое начало только с 1893 г., когда за это дело взялась группа французских писателей с реформистом Ж. Соррелем во главе [2]. Мак Иннес пытается дискредитировать первых пропагандистов марксизма во Франции ссылками на их прошлое. Поскольку, говорит он, они начинали свою деятельность «как бланкисты, бакунисты или анархисты», то они не смогли понять

---

[1] *N. Mc Innes.* «Les débuts du marxisme theorique en France et en Italie (1880—1897)» («Cahiers de l'Institut de science économique appliquée». Etudes de Marxologie (3) № 102, 1960, p. 6).

[2] Там же, стр. 6—7.

«положения, которое представляет главное завоевание марксизма по сравнению со всеми предшествующими социалистическими теориями» [1]. За это главное положение марксизма Мак Иннес выдает оппортунистический тезис о том, что социалистическая революция возможна лишь в стране с наиболее развитыми производительными силами, достигшими высокой «зрелости». Ученики Маркса Гед, Лафарг и др., по мнению Мак Иннеса, не могли уразуметь этого и посему «первые толкования марксизма во Франции были ошибочны и примитивны [grossieres]» [2].

Извращая факты и смакуя ошибки Геда, Мак Иннес в своей статье пытается внушить читателю, что Гед ничего общего с марксизмом не имел [3] и что его роль в распространении марксистского учения преувеличена в исторической литературе [4]. Не утруждая себя объективным изучением материала, Мак Иннес голословно заявляет, что Гед «способствовал лишь распространению имени этой доктрины [марксизма.— *З. Ч.*], а также ее непониманию. Активный пионер, он подготовил путь марксистской теории во Франции; он это сделал не в качестве марксиста, а в качестве продолжателя старых традиций революционного социализма» [5].

Еще более злобные нападки вызывает у Мак Иннеса Лафарг. Да это и понятно. Лафарг был беспощаден к

---

[1] «Cahiers de l'Institut de science économique appliquée» № 102, 1960, p. 8.

[2] Там же, стр. 7.

[3] Само собой разумеется, что серьезных оснований для подобных радикальных выводов Мак Иннес не приводит. Для него вполне достаточно свидетельства Малона, чтобы обвинить Геда в том, что его политическую доктрину «нельзя было отличить от анархизма» (см. «Cahiers de l'Institut de science économique appliquée» № 102, 1960, p. 15). О «добросовестности» же Малона Энгельс писал в свое время в письме к Бернштейну от 2—3 ноября 1881 года: «неоднократные уверения, что «марксизм» сильно дискредитирован во Франции, опираются ведь тоже на этот единственный источник, т. е. на *перепевы Малона*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 255—256).

[4] «Cahiers de l'Institut de science économique appliquée» № 102, 1960, p. 12.

[5] Там же, стр. 17—18.

врагам марксистского учения. Он отстаивал его со всей страстью, метко поражая своим острым словом идейных противников рабочего класса. Мак Иннес ставит в вину Лафаргу его непримиримость к оппортунистам: «Он отталкивал людей грубостью своих атак... его искренне ненавидели те, кто примкнул к марксистской философии во Франции и в Италии в 90-е годы»[1].

Прибегая к грубой передержке при цитировании писем Маркса и Энгельса, Мак Иннес не стесняется приписывать им свои домыслы. Так, Энгельс будто бы слабо критиковал работы Лафарга только потому, что большая их часть «не имеет ничего общего с марксизмом» и не может «серьезно повредить репутации Маркса». Наконец, Энгельс якобы считал, что все, что было сказано по-французски о марксизме, не имело большого значения, «поскольку настоящая доктрина распространена в Германии»[2].

Основной тезис Мак Иннеса сводится к тому, что Лафарг, как и Гед, якобы ничего не понимал ни в марксистской философии, ни в историческом материализме, ни в политической экономии, и роль его в развитии и пропаганде теории марксизма ничтожна. «Во Франции он ничего не внес от Маркса, кроме его имени. Это самое меньшее, что мог сделать зять»[3]. При этом Мак Иннес не делает ни малейших попыток разобраться в теоретическом и пропагандистском наследии Лафарга, содержащем яркие образцы применения марксистской философии, метода исторического материализма к различным областям общественных наук. Писания Мак Иннеса весьма далеки от научных целей. Ему нужно любым способом опорочить первых марксистов во Франции, их революционную деятельность по созданию первой французской марксистской рабочей партии, славные традиции которой продолжает и сегодня Французская коммунистическая партия, для того чтобы «настоящими марксистами» объявить оппортунистов 90-х годов.

---

[1] «Cahiers de l'Institut de science économique appliquée» № 102, 1960, p. 20.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 25.

Следует сказать также несколько слов о книге французского социалиста Даниеля Лигу «История социализма во Франции (1871—1961)», вышедшей в 1962 году[1]. Его работа охватывает большой исторический период. Автор не ставит перед собой задачу дать глубокое исследование проблем французского социализма. В частности, интересующие нас вопросы создания французской Рабочей партии 1879 г., причины ее раскола рассмотрены бегло. Точка зрения Лигу на историю распространения марксизма во Франции сводится к следующему. В 1870 г., пишет он, влияние Маркса во Франции было почти равно нулю, и только Гед, вернувшись во Францию из эмиграции в 1876 г. убежденным марксистом, горячо взялся за это дело[2]. «В действительности во Франции марксизм — это по сути дела гедизм», — таков вывод Лигу[3].

Отдавая должное заслугам Геда и довольно подробно освещая его деятельность, Лигу оставляет в тени Лафарга, очевидно, на том основании, что последний «никогда не претендовал на то, чтобы быть главой школы»[4]. Лигу не отмечает даже причастность Лафарга к выработке программы-минимум. На стр. 41 своей работы он пишет: «Набросок программы был составлен «главными представителями революционного социализма», а его окончательная редакция — дело Маркса, Энгельса и Геда (к которым Бракке добавляет Малона)»[5]. Таким образом, имя Лафарга не фигурирует вообще, хотя об-

---

[1] *D. Ligou.* «Histoire du socialisme en France (1871—1961)». Paris, 1962.

[2] Там же, стр, 24, 26.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Там же, стр. 53.

[5] Речь идет о предисловии правого социалиста Бракке к книге: *K. Marx* et *Fr. Engels.* «Programmes socialistes. Gotha — Erfurt — Le Havre». Paris, 1947, p. 85—86. Изложение материала не на основании первоисточников нередко приводит Лигу к фактическим неточностям. Так, ссылаясь на свидетельство Энгельса о заседании, на котором происходило обсуждение и выработка программы, Лигу вслед за Бракке ошибочно указывает на письмо Энгельса Кугельману, тогда как об этом речь идет в письме Энгельса Бернштейну от 25 октября 1881 года. В другом случае известное письмо Геда Марксу он датирует не 1879, а 1878 годом и т. д.

щеизвестно, что Лафарг присутствовал на заседании в Лондоне, где вырабатывалась программа.

Позиция автора «Истории социализма во Франции (1871—1961)» сказалась в оценке раскола французской Рабочей партии и противостоящего сторонникам Геда и Лафарга поссибилистского течения во главе с Бруссом и Малоном. В противоположность Марксу и Энгельсу Лигу утверждает: «Бесспорно, что, несмотря на все протесты гедистов, в 1882—1883 гг. лучшие социалистические элементы остались с Бруссом»[1]. Неправильное понимание ряда важных вопросов французского социалистического движения побуждает Лигу объявить Французскую коммунистическую партию наследницей традиций бланкизма[2].

В советской исторической литературе наиболее основательно интересующие нас проблемы освещены в книге И. Д. Белкина «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», опубликованной в 1952 году. Работа построена на большом документальном материале. Она содержит также подробный историографический обзор литературы, посвященной разработке вопросов истории социалистического движения во Франции[3].

Из других работ марксистских авторов нужно отметить интересную статью Э. Бернштейн (Э. А. Желубовской) «Зарождение французского поссибилизма»[4]. Особо следует остановиться на работе французского историка-марксиста Боттиджели, который подготовил и издал в 1956—1959 гг. переписку Энгельса с Полем и Лаурой Лафарг, чрезвычайно важную для изучения французского рабочего движения[5]. Вводная статья Боттиджели

---

[1] *D. Ligou*. Op. cit., p. 50.

[2] Там же, стр. 93.

[3] Это дало автору настоящей статьи основание ограничиться самой краткой историографической справкой, остановившись преимущественно лишь на последних, недавно вышедших работах, которые касаются затронутой темы.

[4] См. сборник «Социалистическое движение во Франции». М., 1934, стр. 77—146.

[5] *F. Engels, P.* et *L. Lafargue*. «Correspondance», t. I—III, Paris, 1956—1959 (далее «Correspondance»).

носит исследовательский характер. В ней много нового, ценного материала.

Опубликованные в настоящее время новые документы — переписка Энгельса с Лафаргами, недавно полученные Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС еще не опубликованные письма видных деятелей французского социалистического движения Лафарга и Геда, письма дочери Маркса Женни Лонге к ее мужу Шарлю Лонге, а также ряд писем лидера поссибилистов Малона позволяют еще раз вернуться к этим вопросам и полнее показать участие Маркса и Энгельса в создании французской Рабочей партии. Особенно интересный материал дают новые письма для освещения роли Лафарга, его участия во французском рабочем движении в период образования партии. Надо сказать, что деятельность Лафарга в эти годы — в противоположность деятельности Геда — пока еще недостаточно изучена.

В статье «Поль Лафарг и традиции французского революционного социализма», написанной в 1949 г., французский коммунист Жан Брюа ставит вопрос о том, чтобы воздать должное деятельности Лафарга. «Он заслуживает того, чтобы быть извлеченным из тени»[1].

В советской литературе за последние годы также проявляется значительный интерес к Лафаргу, но главным образом со стороны философов. Исследования Момджяна, Ерышева, Протасенко посвящены анализу философско-теоретических взглядов Лафарга[2]. Работ, в которых исследовалась бы практически-революционная деятельность Лафарга в период образования французской Рабочей партии в 1879—1880 гг., до сих пор, к сожалению, не появлялось. Общебиографические очерки о Лафарге, которые предпосылаются в указанных философских исследованиях, не раскрывают, само собой разумеется, в полной мере роль Лафарга в борьбе за Рабочую пар-

---

[1] «Cahiers internationaux» № 7—8, 1949, p. 66.

[2] *Х. Н. Момджян.* «Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории». Ереван, 1954; диссертация *А. Ерышева* «Философские и общественно-политические взгляды П. Лафарга», защищенная в 1958 г. в Киеве; *З. Протасенко.* «Вопросы исторического материализма в трудах Поля Лафарга». Л., 1962.

тию. Так, например, в историческом введении к только что вышедшей книге З. Протасенко «Вопросы исторического материализма в трудах П. Лафарга», впрочем, так же как и в работах других авторов, активное участие Лафарга во французском социалистическом движении относится лишь к периоду его возвращения в Париж.

Неопубликованные документы дают возможность восполнить в какой-то степени этот пробел. Вопрос о деятельности Лафарга в 1879—1880 гг. интересен как сам по себе, так и с точки зрения того опосредствованного влияния, которое оказывали Маркс и Энгельс на развитие рабочего движения во Франции через Лафарга, находившегося до марта 1882 г. в Лондоне и самым тесным образом связанного с вождями мирового пролетариата.

Данная статья не претендует на всестороннее освещение развития французского рабочего движения в конце 70-х — начале 80-х годов. В ней ставится задача показать роль Маркса и Энгельса в борьбе за создание Рабочей партии Франции и в выработке ее программы, полнее осветить деятельность Лафарга в эти годы, а также показать отношение к программе 1880 года со стороны тех деятелей, которые представляли наиболее характерные направления в многообразном французском социалистическом движении того времени.

Основным источником для написания этой статьи послужили уже указанные выше новые неопубликованные документы, переписка Маркса и Энгельса, а также их печатные работы за соответствующий период, помещенные главным образом в томе 19 Сочинений Маркса и Энгельса 2 издания. В статье использованы также новые материалы из недавно опубликованной переписки Энгельса с Лафаргами и французская социалистическая пресса за рассматриваемый период.

* * *

Парижская Коммуна явилась исходным рубежом нового этапа всемирной истории. Этот этап характеризуется, по словам Ленина, ««мирным» характером, отсутствием революции». «Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать

свою ежедневную прессу... Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь»* [1].

Но образование рабочих партий происходит не просто, а в процессе внутренней борьбы, путем изживания рабочим движением его «детских болезней» [2]. Этот процесс происходил и во Франции, но здесь он происходил особенно трудно в силу ряда экономических и социально-политических причин.

Особенности развития рабочего и социалистического движения во Франции обусловливались не только относительной численной слабостью промышленного пролетариата и наличием многочисленных мелкобуржуазных слоев города и деревни. Серьезное значение имела недостаточная концентрация рабочих масс в крупных городах и неоднородность пролетариата. Все это, вместе взятое, составляло питательную почву для существования различных мелкобуржуазных теорий и направлений, довольно прочно обосновавшихся во французском социалистическом движении.

По мере роста крупного машинного производства и обострения классовых противоречий пролетариат освобождается от влияния мелкобуржуазных доктрин. И в этом отношении Коммуна сыграла чрезвычайно важную роль. Суровые уроки Коммуны значительно подорвали престиж прудонистов, бакунистов, бланкистов. «...Коммуна была могилой *старого*, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма» [3].

Однако проникновение и утверждение марксистского учения во Франции и после Коммуны наталкивалось на сопротивление со стороны различных течений в рабочем движении. Эти мелкобуржуазные течения, полную несостоятельность которых доказала Парижская Коммуна, обнаружили удивительную живучесть. Они часто возрождались в новых формах. Так прудонизм выступал в форме кооператорства, а известной разновидностью ба-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 23, стр. 2—3.

[2] Энгельс — Бернштейну, 20 октября 1882 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 247, 248).

[3] Энгельс — Бебелю, 29 октября 1884 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 422).

кунизма явился анархо-синдикализм. Марксизму, прокладывающему себе дорогу во Франции, приходилось вести постоянную борьбу с анархистами, реформистами, мелкобуржуазными кооператорами, со всеми пережитками прошлого в социалистическом движении [1].

Следует отметить и другую специфическую черту развития французского социалистического движения после Коммуны. Разгром Парижской Коммуны заставил эмигрировать наиболее видных ее деятелей. В их числе были прудонисты, бланкисты, мелкобуржуазные демократы. Большая часть из них обосновалась в Лондоне (Арну, Жоаннар, Лафарг, Лиссагарэ, Лонге, Тейс, Уде и т. д.), некоторая часть — в Швейцарии (Лефрансе, Малон, Остин и т. д.) и Бельгии. Такое положение не могло не сказаться на развитии социалистического движения во Франции. Фактически оно было расколото, вернее от него было отколото руководящее ядро. Пребывание французских коммунаров в эмиграции длилось почти 10 лет, вплоть до амнистии 1880 года. Разбросанные по разным странам, оторванные от родной почвы, эмигранты тем не менее, как правило, продолжали считать себя руководителями французского социалистического движения.

С другой стороны, французский рабочий класс, понесший большие потери во время разгрома Парижской Коммуны, лишенный своего руководства, к середине 70-х годов начинает оправляться от поражения. В начале июля 1878 г. Маркс писал: «После падения Парижской Коммуны вся организация рабочего класса во Франции была, разумеется, временно подорвана, но теперь она снова начинает восстанавливаться» [2].

Эмигранты-коммунары, окруженные ореолом славы участников героических боев, имели, конечно, значительный моральный авторитет. Но они продолжали жить своими старыми заслугами, отставали от уходившего вперед рабочего движения. Гед писал, что за небольшим исключением «французские изгнанники вообще ничему

---

[1] Подробнее о расстановке сил в рабочем движении см. вступительную статью Боттиджели к переписке Энгельса с Лафаргами («Correspondance», t. I, Paris, 1956, p. XXXIV—XXXV).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 156.

не научились и ничего не забыли. Их часы остановились на 1871 годе, и не допуская, чтобы люди могли идти вперед без них, не будучи в состоянии или не желая понять то движение, которое совершалось в их отсутствии, они выступили не только критиками, но и противниками этого движения»[1]. Разумеется, все это осложняло развитие французского социализма.

Однако несмотря на то, что ход развития не был ни гладким, ни прямолинейным, французский пролетариат, в силу объективных законов, неизбежно шел к научному коммунизму.

Экономическая и политическая обстановка, сложившаяся во Франции в конце 70-х годов, способствовала процессу, который происходил и в других странах,— процессу «образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава»[2]. В письме к Каутскому Энгельс писал: «Впрочем, правильный мирный ход развития во Франции для нас в конце концов лишь благоприятен»[3].

Установление буржуазной республики имело, безусловно, положительное значение для развития французского рабочего класса, обескровленного разгромом Парижской Коммуны, лишенного элементарных политических свобод. Энгельс в своей статье «Европейские рабочие в 1877 г.» писал: «Как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции, все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут организоваться как самостоятельная политическая партия и вести будущие сражения не на пользу других, а на свою собственную пользу»[4]. В письме к Беккеру от 11 января 1878 г. Энгельс также подчеркивал мысль, что в недалеком будущем рабочие отвоюют свободу печати, право собраний и союзов и другие средства организации

---

[1] *Ж. Гед.* «Рабочее движение во Франции со времени Коммуны» («Социаль-демократ», кн. 3, декабрь 1890, стр. 14—15).

[2] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 23, стр. 364.

[3] Энгельс — Каутскому, 27 августа 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 154).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 142.

и борьбы[1]. Он отмечал и другую важную сторону деятельности французских социалистов: «У них есть возможность разобраться в теоретических вопросах, что очень важно, и когда, наконец, придет пора, они вступят в революцию в виде крепко организованной партии и с определенной программой»[2].

Промышленный кризис, обострившийся в 1878 г., привел к росту стачечного движения по всей Франции[3]. Волна стачек и рост недовольства народных масс способствовали революционизированию пролетариата. Французский рабочий класс испытывал необходимость в образовании самостоятельной рабочей партии. Пропаганда идей научного коммунизма, которая особенно развернулась в это время, попадала на благоприятную почву. Совершенно не случайно, что наибольший успех марксистское учение имело среди пролетариата крупных промышленных центров страны — департаменты Па-де-Кале (каменноугольный район) и Нор (хлопчатобумажная промышленность). Марксистские идеи проникали все глубже в сознание французского пролетариата, завоевывали себе все новые и новые умы.

Пламенным пропагандистом учения Маркса и Энгельса (или коллективистского учения, как его называли во Франции) стал Ж. Гед, бывший анархист[4]. Энгельс писал Бебелю в начале мая 1880 г., имея в виду Геда: «И во Франции дела идут отлично. Наши коммунистические воззрения там повсюду прокладывают себе дорогу, и среди тех, кто их проповедует, лучшими являются недав-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 4.

[2] Там же.

[3] См. *И. Д. Белкин.* «Ж. Гед и борьба за Рабочую партию во Франции». 1952, стр. 207—209; *Э. Бернштейн.* «Зарождение французского поссибилизма» («Социалистическое движение во Франции». М., 1934, стр. 84).

[4] Путь Геда к научному коммунизму лежал через заблуждения и искания и в этом отношении был характерен для французского социализма, с трудом изживавшего свои «детские болезни». Лишь на долю немногих французских социалистов, в том числе Лафарга, выпал сравнительно прямой путь. Решающую роль, безусловно, имело непосредственное влияние Маркса и Энгельса. Однако некоторые французские социалисты — Малон, Брусс и др.— так и не смогли прийти к великому учению пролетариата.

ние анархисты, пришедшие к нам, хотя мы для этого и пальцем не пошевелили» [1].

Гед был одним из первых, кто начал вести активную пропаганду идей научного коммунизма непосредственно среди рабочих. Однако он начал ее не на голом месте. Важную роль в распространении марксистских идей сыграло издание на французском языке основного произведения К. Маркса — «Капитала» [2]. Издание было осуществлено в 1872—1875 годах в виде отдельных выпусков. «В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение»,— писал Маркс в предисловии к французскому изданию [3]. Еще до приезда Геда в Париж в конце 1876 г. в организовывавшихся там социалистических кружках велось изучение марксистской теории. Здесь следует отметить роль немецкого социалиста-эмигранта К. Гирша, жившего тогда во Франции и поддерживавшего непосредственную связь с Марксом. Гирш ознакомил с работами Маркса «Капитал», «Нищета философии», «Коммунистический манифест» и др. посещавшую кружок в кафе Суффле группу молодежи, среди которых были Г. Девиль, Массар — впоследствии видные деятели французского рабочего движения. По свидетельству Лафарга, Гирш познакомил с марксистской теорией также и Геда [4].

Таким образом во Франции складывалась группа людей, способных пропагандировать учение Маркса. Заслуга Геда состоит в том, что основанием газеты «Egalité», начавшей выходить в 1877 г., он неизмеримо расширил рамки этой пропаганды, донося идеи научного социализма до рабочих масс. На первых порах Гед и сотрудники «Egalité» недостаточно еще разбирались в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 86.

[2] См. *А. И. Малыш.* «Авторизованное французское издание первого тома «Капитала» Маркса»; *А. В. Уроева.* «Из истории первого французского издания I тома «Капитала» Маркса» («Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 351—368, 369—390).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 25.

[4] См. *P. Lafargue.* «Die Sozialistische Bewegung in Frankreich von 1876—1890» («Die Neue Zeit», 1890, S. 339). Лафарг, не называя имени Гирша, говорит о «немецком социалисте, изгнанном преследованиями Бисмарка в Париж».

марксистской теории. Однако они хорошо усвоили ту мысль, что произведения Маркса и Энгельса показывают настоящий путь освобождения пролетариата. На страницах «Egalité» печатались отдельные главы «Капитала», «Нищеты философии» Маркса, а также и другие работы Маркса и Энгельса. Редакция газеты стремилась привлечь Маркса и Энгельса в число своих сотрудников. Энгельс поместил в «Egalité» специально написанные для нее две статьи «Социализм г-на Бисмарка» [1].

Маркс и Энгельс очень высоко ценили «Egalité»: ««Egalité» (прежде всего благодаря переходу к нам *Геда* и работе моего зятя Лафарга) представляет собой первую «французскую» *рабочую газету* (в подлинном смысле этого слова)»,— писал Маркс Зорге 5 ноября 1880 года [2]. Они считали, что вокруг «Egalité» объединились все лучшие элементы социалистического движения [3].

Маркс и Энгельс, несмотря на свою чрезвычайную занятость, всегда пристально следили за развитием социалистического движения во Франции. Они систематически читали «Egalité» и находились в курсе всех событий. В письме к Гиршу от 3 апреля 1878 г. Энгельс выражает беспокойство, что в течение некоторого времени не получает «Egalité»: «Надеюсь, что с ней ничего не случилось» [4]. Умелое руководство Маркса и Энгельса и их постоянное внимание к французскому рабочему движению способствовали пониманию рабочими сложных проблем марксизма. Французским социалистам необходимо было «разобраться в теоретических вопросах» [5]. Написанная Энгельсом в начале 1878 г. серия статей под названием «Европейские рабочие в 1877 г.» оказала в этом плане большую помощь. В этих статьях Энгельс блестяще проанализировал развитие рабочего движения в ряде европейских стран. Одна статья целиком была посвящена французскому рабочему движению. Энгельс дал высокую

---

[1] «Egalité» №№ 7 и 10, 3 и 24.III.1880 (русский перевод см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 176—184).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 98.

[3] Энгельс — Бебелю, 21 июня 1882 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 226).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 5.

[5] Энгельс — Беккеру, 11 января 1878 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 4).

оценку французским рабочим, которые «всегда были силой в государстве». Касаясь главных ближайших задач, Энгельс на первое место перед французскими рабочими выдвинул организацию самостоятельной рабочей партии и достижение союза с крестьянством [1]. Энгельс показал, что условия для осуществления этих задач имеются. «Сохранение существующего республиканского правительства оставляло бы ему [рабочему классу.— *З. Ч.*] по крайней мере возможность достичь такой степени личной и общественной свободы, которая позволила бы основать рабочую печать, проводить агитацию на собраниях и организовать самостоятельную политическую партию» [2].

В этой же связи Энгельс отметил глубокую перемену, происшедшую в настроениях французского крестьянства, которая имела решающее значение для установления союза с рабочим классом. «С 1870 г. сельское население сделало большой шаг вперед. До сих пор каждая победа, одержанная рабочим классом в Париже, очень быстро сводилась на нет из-за реакционного духа мелкого крестьянства, составляющего большую массу французского населения. С начала нынешнего столетия французское крестьянство было бонапартистским... Но прусское нашествие 1870 г. поколебало веру крестьянства в империю, а последние ноябрьские выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Эта перемена имеет величайшее значение. Она означает также приближение союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях» [3].

Среди различных направлений и группировок во французском социализме Маркс безошибочно выделил Геда и его группу, поскольку Гед и его товарищи были на пути перехода на позиции научного социализма. Маркс стал оказывать им свою поддержку.

В начале 1879 г. Маркс посылает Геду письмо, устанавливая с ним непосредственную связь. В это время на страницах радикальной газеты «Révolution française»

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 142.
[2] Там же, стр. 140.
[3] Там же, стр. 141.

Гед отстаивал правильную точку зрения в полемике с Ш. Лонге, выступавшим с прудонистских позиций.

К сожалению, письмо Маркса, в котором он одобрял позицию Геда, не сохранилось. В нашем распоряжении имеется лишь ответ Геда, написанный им весной 1879 года [1]. По ответу Геда можно до некоторой степени судить о содержании письма к нему Маркса.

Отдельные места из письма Маркса Гед цитирует, беря их в кавычки. В связи с этим совершенно отчетливо видна постановка Марксом вопроса о создании во Франции «независимой и боевой [militant] рабочей партии». Маркс считал это «делом величайшей важности». Далее, как можно установить, Маркс подчеркивал значение действенной пропаганды для организации партии, говорил о необходимости революционного разрешения социального вопроса. Все эти мысли Маркса легко обнаружить благодаря той форме, в которой написан ответ Геда: «Если я революционер,— писал Гед Марксу,— если я, как и Вы, верю в необходимость насилия для разрешения вопроса в коллективистском, или коммунистическом духе, то я, так же как и Вы, ярый противник движения à la Кафьеро... Как и Вы, я убежден, что прежде, чем помышлять о действиях, нужно создать партию, *сознательную* армию, посредством неустанной и активной пропаганды. Наконец, как и Вы, я отрицаю, что простого уничтожения существующего окажется достаточно для построения того, чего мы хотим» [2].

Письмо Маркса, посланное Геду, когда он еще не совсем твердо стоял на марксистской почве, значительно ускорило и облегчило Геду понимание важных вопросов научного социализма.

---

[1] Письмо Геда Марксу впервые опубликовано на русском языке (не полностью) в работе Белкина «Ж. Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», стр. 203—204. Мы даем здесь выдержки из письма в своем переводе. Гед — Марксу, март — апрель 1879 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4026). Следует подчеркнуть также, что инициатива в установлении связи принадлежала Марксу. В книге Белкина на стр. 202 этот вопрос трактуется иначе.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4026.

Маркс и в дальнейшем продолжал интересоваться деятельностью Геда. В библиотеке Маркса сохранилась брошюра Геда «Коллективизм и революция», выпущенная в мае 1880 г. и как бы подводящая итог идейного развития Геда [1]. Маркс, судя по его подчеркиваниям на экземпляре брошюры, в общем положительно отнесся к этой работе. Каких-либо определенных высказываний Маркса специально о данной работе не сохранилось [2]. Маркс, как и Энгельс, считал брошюры и статьи Геда лучшими из оригинальных социалистических произведений на французском языке [3].

О том, что у Маркса и Энгельса устанавливается более прочный и непосредственный контакт с Гедом и его группой, имеется свидетельство и Энгельса. В июне 1879 г. он писал: «Что касается французского движения, то у нас установлена связь не только со здешними партийными товарищами, но и непосредственно с Парижем, да и вообще завязанные во времена Интернационала нити никоим образом не порваны» [4]. И позднее, в письме к тому же адресату, Энгельс говорил: «Мы все время поддерживаем с ними [французами.— *З. Ч.*] контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность» [5].

Энгельс принимал самое живое участие в пропаганде идей научного коммунизма во Франции. В январе — мар-

---

[1] *J. Guesde.* «Collectivisme et révolution». Paris, 1879 (экземпляр с пометками Маркса см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3996).

[2] Об этой брошюре Геда имеется пространный отзыв Лафарга, который познакомился с ней в то же самое время, что и Маркс: «Я с удовольствием прочел Вашу последнюю брошюру... Я боялся, что Вы принадлежите к той группе коллективистов, которые хотят разбить общество на мелкие конкурирующие друг с другом промышленные группы, но я увидел, что ошибался. Вы превосходно показали, какова истинная цель социального движения... Но Вы напрасно не придаете большого значения всем рабочим манифестациям, даже если они сбиваются с пути». Лафарг — Геду, июнь 1879 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/1).

[3] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 159).

[4] Энгельс—Бернштейну, 26 июня 1879 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 38).

[5] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 161).

те 1880 г. он переделал три главы из «Анти-Дюринга» в самостоятельную работу — «Развитие социализма от утопии к науке» — для публикации ее во французском социалистическом журнале «Revue socialiste» (в журнале опубликована под заглавием «Социализм утопический и социализм научный»). Эта работа Энгельса сыграла чрезвычайно важную роль в формировании марксистского мировоззрения французских социалистов. Значение вклада Энгельса в дело распространения научного социализма среди французских рабочих будет тем яснее, если учесть, что французская социалистическая литература, которая никогда не испытывала недостатка в своих собственных теоретиках разного масштаба, от Сен-Симона и Фурье до Прудона и Малона, давала чрезвычайно противоречивые и сомнительные рецепты разрешения социального вопроса, тормозившие развитие классового сознания рабочих и отвлекавшие их от борьбы. После опубликования на французском языке I тома «Капитала», издание которого было завершено в 1875 г., «Развитие социализма от утопии к науке» было следующим выдающимся произведением марксистской мысли, переведенным на французский язык. В своей работе Энгельс изложил главные положения научного социализма, проводя решительную грань между ним и предшествующими ему социалистическими утопическими учениями. Тем самым он содействовал идейному отмежеванию зарождающихся марксистских групп от анархизма, мелкобуржуазного социализма и прочих выродившихся утопических школок.

Французские марксисты, или коллективисты, прекрасно поняли все значение работы Энгельса. Они тотчас же переиздали ее отдельной брошюрой. К этому французскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Маркс написал специальное введение[1]. Несколько ранее, в конце марта, Маркс сделал вступительные замечания к своей работе «Нищета философии», которые были напечатаны в «Egalité» как введение редакции к этой работе, публикацию которой начала

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 241—245.

газета[1]. О статье Энгельса «Социализм г-на Бисмарка», написанной непосредственно для «Egalité» в феврале 1880 г., говорилось выше. Если и дальше месяц за месяцем прослеживать деятельность Маркса и Энгельса, то становится совершенно ясно, что французское рабочее движение постоянно находилось в их поле зрения. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в первой половине апреля 1880 г. Маркс по просьбе Лафарга составляет «Анкету для рабочих»[2], насчитывающую около 100 вопросов, которая была распространена по всей Франции (сначала была напечатана в «Revue socialiste», а затем отдельным оттиском в 25 000 экземпляров). Эти вопросы, поставленные в острой пропагандистской форме, заставляли каждого рабочего задуматься над своим положением, побуждали его искать причины своих бедствий и толкали французский пролетариат на борьбу.

Рассмотрение вопроса о роли Маркса и Энгельса в создании революционной партии французского пролетариата было бы неполно без изучения деятельности Лафарга в этот период. Находясь в повседневном контакте с Марксом и Энгельсом, Лафарг был хорошо знаком с их воззрениями и являлся активным пропагандистом их учения. Вся деятельность Лафарга проходила под их непосредственным наблюдением и при постоянной поддержке и помощи с их стороны. Маркс и Энгельс были первыми читателями, критиками, а иногда и редакторами многих работ Лафарга. Так, в 20-х числах мая 1880 г. Маркс редактирует рукопись статьи Лафарга «Манифест французской Рабочей партии»[3].

О тесном творческом контакте Лафарга с Марксом и Энгельсом говорит также история с написанием введения к французскому изданию брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». (Сама переработка трех глав «Анти-Дюринга» в «Развитии социализма

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 231—232.

[2] См. там же, стр. 233—240.

[3] В ЦПА ИМЛ хранятся два рукописных варианта статьи Лафарга с пометками Маркса (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5658). Была ли опубликована эта статья, установить по имеющимся источникам не удалось.

от утопии к науке» была выполнена Энгельсом по просьбе Лафарга и переведена последним на французский язык.) При переиздании этой работы в виде отдельной брошюры Малон, редактор «Revue socialiste», предложил через Лафарга написать к ней введение и выразил намерение сделать это сам. Однако Энгельс счел гораздо более подходящим автором для этого Лафарга. В письме Лафаргу от 4 мая 1880 г. Энгельс писал: «Это можете быть лишь Вы, Вы, взявший на себя труд перевести мои статьи, и *единственный,* кто в состоянии снабдить необходимыми сведениями, которые я просил Маркса дать Вам» [1].

Маркс, придавая большое значение публикации работы Энгельса, не ограничился сообщением отрывочных сведений, а сам целиком составил введение, обсудив его предварительно с Энгельсом. Посылая готовое введение Лафаргу, он просил его «отделать стиль, оставив существо без изменения» [2]. Введение было напечатано за подписью Лафарга (P. L.) и по сравнению с первоначальным вариантом содержало лишь небольшие добавления и исправления стилистического характера [3]. До последнего времени автором его считался Лафарг. И лишь недавно обнаруженная рукопись с припиской Маркса позволила установить настоящего автора.

Энгельс в письме к Бернштейну от 25 октября 1881 г. писал, что они с Марксом в основном были связаны с французским рабочим движением через Лафарга, находившегося в постоянной переписке с Гедом, а сами писали Геду «только по вполне определенным деловым поводам» [4]. Содержание переписки Геда с Лафаргом было известно Марксу и Энгельсу. Иногда в наиболее сложных теоретических спорах им приходилось выступать в роли арбитра. «Маркс так же, как и я, время от времени давал тот или иной совет Геду через Лафарга»,— писал Энгельс в том же письме.

---

[1] «Correspondance», t. I, Paris, 1956, p. 53.
[2] «Annali dell'Istituto Giangiacomo Feltrinelli». Milano, 1958, p. 207.
[3] Там же, стр. 205—207.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 160.

Новые документы — письма Лафарга Геду и Малону за 1879 — 1880 гг., недавно поступившие в Институт марксизма-ленинизма,— позволяют подробнее осветить деятельность Лафарга в этот период.

Начало переписки между Гедом и Лафаргом относится к середине 1879 года. С этого же времени начинается их тесное сотрудничество, которое продолжалось до конца дней Лафарга.

Инициатива в переписке принадлежала Геду. Гед обратился к Лафаргу относительно издания ежедневной французской газеты и предложил сотрудничать в ней. В своем ответном письме, датированном июнем 1879 г., Лафарг выражает полную готовность принять участие в создающейся газете. Он горячо обсуждает принципы и задачи социалистической газеты, трудности, которые стоят на пути ее издания, входит во все организационные вопросы. Лафарг считал, что на данном этапе иметь ежедневную газету, требующую чрезвычайно много сил и средств, гораздо труднее и менее целесообразно, чем солидный еженедельный орган, где бы публиковались серьезные статьи на высоком научном уровне и вокруг которого бы сгруппировались революционные массы[1]. Лафарг понимал, что такой еженедельный орган пропаганды в тех условиях гораздо более соответствовал стоявшим перед ним задачам. Ежедневная газета тогда вряд ли бы справилась с научным изложением марксистского учения, дело в этом случае не обошлось бы без вульгаризации. По всей вероятности, Гед согласился с его доводами. Газета «Egalité», возобновившая свое издание в январе 1880 г., выходила раз в неделю, и она действительно отвечала высоким требованиям.

Чрезвычайно деятельный по натуре Лафарг, «который всегда за то, чтобы «хоть что-нибудь да делалось»»[2], очень обрадовался представившейся возможности теснее связаться с французским рабочим движением. Он с головой окунулся в пропаганду марксистских идей на страницах французской социалистической печати. В письме Геду от 29 ноября 1879 г. Лафарг пи-

---

[1] Лафарг — Геду, июнь 1879 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/1).

[2] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 156).

сал: «Наша задача в «Egalité» — и над этим я буду работать со всем пылом, на который я способен — будет состоять в том, чтобы доказать всеми способами, что индивидуальная собственность стала невозможной не потому, что этого требуют наши более или менее точные понятия о справедливости, равенстве и других идеалах того же порядка, а потому, что эволюция экономических явлений, достигнув того уровня, на котором она находится сегодня, оставляет лишь один-единственный выход — общественную собственность» [1].

Лафарг стал, согласно его собственному свидетельству, «усердным сотрудником газеты и писал, за малым исключением, все теоретические статьи» [2]. Особенно следует отметить его памфлет «Право на лень», который обошел всю французскую социалистическую прессу и был переведен почти на все европейские языки [3]. Поль Лафарг придал газете, по выражению Малона, «более научное и более экономическое направление и в то же время более агрессивное, если это только еще было возможно» [4]. Однако не только «Egalité» стала ареной выступлений Лафарга. «Revue socialiste», первый большой французский социалистический журнал, который начал выходить с января 1880 г. под редакцией Малона, был на первых порах в значительной степени трибуной французских марксистов. Благодаря сотрудничеству Лафарга, Геда, Девиля «Revue socialiste» не выходил «из правильного русла» [5]. Особенно бурную деятельность как сотрудник журнала развил Лафарг. Ни одного номера в течение первого полугодия 1880 г. не выходило без его участия, а в № 2 им были опубликованы даже две статьи. В № 3 отсутствовали собственные работы Лафарга, но в этом и двух последующих номерах был опубликован сделанный им перевод произведения Энгельса «Социализм утопический и социализм научный», которое было

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/2.

[2] *П. Лафарг.* Соч., т. I. М.—Л., 1925, стр. 73.

[3] См. *П. Лафарг.* «Против бога и капитала». М., 1925, стр. 31; *Х. Н. Момджян.* «Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории», стр. 32.

[4] «Revue socialiste» № 25, 1887, р. 44.

[5] Энгельс — Бебелю, 16 декабря 1879 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 77).

переработано Энгельсом из глав «Анти-Дюринга» для этого журнала, как указывалось выше, по просьбе именно Лафарга.

Лафарг не только сам вел пропаганду, но и следил за направлением органа, в котором он сотрудничал. Так он выразил решительный протест Малону за помещение в апрельском номере 1880 г. вредной и искажающей факты статьи бельгийского социалиста Дюверже «Бельгийская социалистическая партия, ее история и ее программа». Дюверже пытался ответственность за «дезорганизацию Интернационала» взвалить на Маркса, на его «особенно достойное сожаления соперничество» с Бакуниным [1]. В письме к Малону (после 20 апреля 1880 г.) Лафарг дал страстную отповедь фальсификатору Дюверже. Он разоблачил также оппортунистическую позицию Дюверже, проповедовавшего классовый мир. «Гражданин Дюверже заявляет нам со всей важностью доктора социальных наук: «Современный социализм не классовая борьба, а поиски» Эльдорадо для самих капиталистов. Сегодня, как и в 1871 г., я считаю, что мы должны протестовать против подобной трактовки социальной эволюции; я не считаю, что можно разрешить социальные проблемы поцелуями Ламуретта, расточаемыми направо и налево; современный социализм это борьба классов, борьба, которая обостряется по мере того, как приближается час решения. И проповедовать нужно именно ликвидацию владельцев прядилен, шахт и банков. Если бельгийские социалисты думают, что они своим «овечьим» [moutonnier] социализмом смогут привлечь на свою сторону капиталистов,— на здоровье! — нам еще далеко до этого золотого века» [2].

Основные положения письма Лафарга Малону относительно статьи Дюверже были затем в краткой форме изложены и опубликованы в № 6 «Revue socialiste» за 1880 г. в разделе «Полемика и разное» (р. 318). Лафарг также подвергал критическому разбору и статьи Геда, когда тот допускал ошибки. В письме от 29 ноября 1879 г. Лафарг советовал Геду самому исправить свою

---

[1] «Revue socialiste» № 4, 1880, р. 203.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 78/1.

ошибку, будто высокая заработная плата заставляет повышать цены на товары.

В своих письмах Гед и Лафарг не только обмениваются мнениями по самым разнообразным и злободневным вопросам французского рабочего движения, но и ведут страстные теоретические споры о кооперативном движении, об отношении к интеллигенции, о принципах программы Рабочей партии и т. д. и т. д. Однако принципиальные споры не мешали установлению самых дружеских отношений. Ознакомление с их перепиской показывает, как росло и крепло их тесное сотрудничество, взаимное понимание и обоюдная симпатия. В январе 1880 г. Лафарг просил Геда прислать статистические данные о цене на хлеб в Париже, советовался с ним по ряду вопросов и предлагал Геду написать совместно статью о спекуляции хлебом во Франции, причем Гед должен был взять на себя вводную часть [1]. Такое сотрудничество было возможно лишь между действительно близкими людьми, разделявшими общие взгляды. Поэтому, когда в мае 1880 г. Гед и Лафарг впервые встретились в Лондоне, их уже соединяла прочная дружба [2].

Надо отметить, однако, что, обсуждая важные вопросы рабочей политики, Гед и Лафарг не всегда приходили к соглашению. В таких случаях на помощь приходили Маркс и Энгельс, выступавшие в роли «арбитров».

В письме Геду от 29 ноября 1879 г. Лафарг развивал мысль об использовании муниципалитетов в политике пролетарской партии, т. е. идею, близкую «теории» муниципального социализма. Энгельс, которого Лафарг ввел в суть спора, показав ему письмо Геда, решительно встал на сторону Геда. Лафарг передал эту точку зрения Энгельса в своем ответном письме Геду в январе 1880 года. Энгельс считал, как излагает его мнение Лафарг, что «головы французских революционеров и без того достаточно набиты ложными понятиями и пустой фразеологией, чтобы вбивать им еще мысль, будто можно

---

[1] Лафарг — Геду, январь 1880 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/3).

[2] И. Д. Белкин, которому не были известны эти новые документы, относил зарождение дружбы Лафарга с Гедом к маю 1880 г., к моменту их встречи в Лондоне (см. цит. соч., стр. 254).

добиться серьезных и полезных реформ, когда правительство находится в руках буржуазии»[1]. На первый план в практической деятельности Энгельс советовал выдвинуть вопрос о продолжительности рабочего дня как вопрос первостепенной важности и «сосредоточить все свои усилия на агитации»[2]. Однако это был один из немногих случаев, когда Лафарг был не прав. В большинстве же случаев влияние Лафарга на Геда и французских коллективистов было чрезвычайно плодотворным.

Лафарг понимал, что революционное социалистическое движение не должно концентрироваться только в Париже, и стремился к распространению его по всей Франции[3]. Он настойчиво рекомендовал организовать корреспондентскую сеть в провинции[4]. Лафарг правильно придавал большое значение вовлечению крестьянских масс в революционную борьбу. В письме Каутскому Энгельс подробно останавливается на значении провинции в революционной жизни Франции: «Только в том случае, если провинция будет втянута в движение, как это происходит с 1871 г., и будет выступать, как это все чаще теперь бывает, в качестве внушительной силы в государстве, т. е. в нормальной законной форме,— только тогда может быть положен конец, в наших общих интересах, тому совершающемуся толчками развитию Франции, которое начинается с переворотов в Париже и затем на многие годы оттесняется назад провинциальной реакцией. *И если тогда* настанет для Парижа время действовать, то провинция будет не против него, а за него»[5].

Стремление Лафарга придать газете подлинно боевой пролетарский тон сказалось и в том, что он предлагал заменить абстрактно-демократический девиз «Egalité» — «Свобода, Солидарность, Справедливость» — ло-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/3.
[2] Там же.
[3] Лафарг — Геду, 29 ноября 1879 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/2).
[4] Лафарг — Геду, февраль 1880 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/4).
[5] Энгельс — Каутскому, 27 августа 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 154).

зунгом Интернационала: «Освобождение рабочего класса есть дело самого рабочего класса»[1].

Лафарг с большим вниманием следил и за развитием революционного движения в других странах. В его письмах встречаются интересные заметки о революционных событиях в России, о национально-освободительной борьбе в Ирландии, об американском рабочем движении и т. д.

Особый интерес, можно сказать унаследованный от Маркса и Энгельса, для Лафарга представляла Россия. Он в течение многих лет занимался изучением этой страны, ее экономики, общественного строя и был связан, сначала через Маркса, с передовыми русскими деятелями, в частности с Даниельсоном[2]. В дальнейшем он писал специальные работы для прогрессивных русских журналов.

В письме Геду в январе 1880 г. Лафарг высказывает замечательную мысль о значении русской революции для мировых судеб. «Русская революция будет банкротством, она поколеблет всю финансовую систему Европы, переломит спинной хребет европейской реакции, развяжет революционные бури; русские, с одной стороны, американцы — с другой, подготовят нам почву, через 5 или 6 лет Европа будет в огне»[3].

Одностороннее представление о Лафарге только как о теоретике, стоявшем вдали от повседневного рабочего движения и участвовавшем в нем лишь общими работами теоретического характера, полностью рассеивается, когда ближе ознакомишься с письмами этого периода.

Лафарг был всегда в курсе всех практических забот, связанных с изданием «Egalité». Вопросы, касавшиеся типографии, цензуры, иллюстраций, себестоимости номера и других мелких разнообразных дел, без которых немыслимо ни одно издание, всегда были в поле его зрения. Он принимал самое деятельное участие в разрешении всех этих вопросов. Лафарг дает практические

---

[1] Лафарг — Геду, февраль 1880 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/4).

[2] См. *П. Лафарг.* «Письма к Николаю — ону» («Летописи марксизма», кн. 2, 1926, стр. 103).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/3.

советы о том, как наладить то или иное дело, какие шаги предпринять, чтобы обойти цензуру, например, при печатании иллюстраций. С цифровыми выкладками в руках он рассматривает возможности организации типографии в Лондоне [1].

Несмотря на территориальную оторванность Лафарг постоянно следил за всеми событиями внутренней жизни Франции и выдвигал в своих статьях самые актуальные вопросы. Например, во время обсуждения французского бюджета он послал Геду интересный материал, разоблачающий министра финансов Сэя [2].

Таким образом, еще до своего приезда в Париж Лафарг активно включился в организацию пропаганды революционного учения во Франции, подавал своим собственным творчеством пример боевой, тесно связанной с жизнью пропагандистской деятельности. Заслуги Лафарга в деле распространения марксизма и формирования марксистского мировоззрения французских социалистов чрезвычайно велики. Ленин считал его одним «из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма» [3].

* * *

В октябре 1879 г. в Марселе собрался национальный съезд синдикатов, который занимает исключительное место в истории французского рабочего движения [4]. На этом съезде коллективисты одержали блестящую победу над кооператорами [5], и было принято решение об органи-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/3, 77/4.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/2.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 20, стр. 387.

[4] Сам Гед из-за болезни не мог присутствовать на Марсельском съезде. Но он внимательно следил за ходом работы съезда и ежедневно переписывался с Фурньером и Ломбаром, коллективистски настроенными рабочими, которые руководили съездом.

[5] Во французском рабочем движении после подавления Парижской Коммуны и разгрома пролетарских организаций стали сильно проступать синдикалистские тенденции, проявлявшиеся в стремлении уйти от политических вопросов, ограничиться чисто экономическими задачами и мерами по некоторому улучшению положения рабочих в рамках капитализма, а именно, созданием производительных кооперативов, касс взаимопомощи, народных банков, складов натурального обмена и т. д. Все это тормозило развитие революционного рабочего движения.

зации самостоятельной Рабочей партии. Маркс указывал, что создание «действительно рабочей партии во Франции ведет свое начало с Марсельского конгресса»[1].

После съезда в порядок дня встал вопрос о программе партии. Среди различных течений во французском рабочем движении развернулась острая борьба по поводу того, кто должен составить будущую программу, ибо, само собой разумеется, от этого зависел характер программы.

Поскольку закончившийся Марсельский съезд знаменовал собой победу коллективистских идей, руководители этого съезда Фурньер и Ломбар, естественно, обратились к Геду с предложением написать программу.

Однако Малон, находившийся в это время в Швейцарии, но тем не менее считавший себя наиболее достойным для такой роли, также принялся за работу. Результатом ее явилась эклектическая смесь из разных теорий, названная впоследствии самим же Малоном теорией «интегрального социализма».

В статье «Программа 1880 г.» Малон писал, что он хотел взять на себя философскую часть введения к программе, Геду он оставлял «промышленную и торговую», а Лафаргу — «сельскохозяйственную часть»[2]. Малон был очень высокого мнения о своих познаниях в области научного социализма, «которые он воспринял в результате страстного увлечения чтением Лассаля, Маркса, Энгельса, Грюна, Ланге и т. д.»[3]. Ясно, что программа, которая должна была составляться Малоном на основе мелкобуржуазного социализма Лассаля, «истинного социализма» Грюна и неокантианских взглядов немецкого

---

[1] См. Маркс — Энгельсу, 22 ноября 1882 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 591).

[2] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 47.

[3] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 47. Здесь следует отметить, что в книге И. Д. Белкина «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции» на стр. 232 при цитировании этого места вкралась опечатка: вместо «Ланге» напечатано «Лонге». В работе З. Протасенко «Вопросы исторического материализма в трудах П. Лафарга», на стр. 7 эта опечатка превратилась в ошибку: «Малон о социализме черпал сведения из работ Лассаля, немецкого «истинного социалиста» К. Грюна и *прудониста Лонге*» (курсив наш.— *З. Ч.*).

буржуазного профессора Ланге, принесла бы французскому рабочему классу лишь один вред.

Гед и Лафарг понимали значение программы для дальнейшей судьбы партии и для всего рабочего движения. Сразу же после Марсельского съезда они обсуждают между собой принципы будущей программы Рабочей партии. К сожалению, писем Геда к Лафаргу по этому вопросу не сохранилось. Поэтому трудно категорически утверждать, каких взглядов на программу придерживался Гед. Из письма Лафарга Геду от 29 ноября 1879 г. можно судить, что Гед хотел иметь «коллективистскую программу», которая будет более понятна народу благодаря своей «исключительной целенаправленности» [1]. Лафарг стремился к тому, чтобы французский пролетариат имел строго научную программу. Он настаивал на том, чтобы программа содержала выводы из экономических фактов и объяснение их [2]. Лафарг недаром делал упор на экономическом обосновании программы. Неоднократные высказывания Маркса и Энгельса относительно слабых сторон французского социализма, который до сих пор не мог обойтись без пустой, звонкой фразеологии, были ему хорошо известны. Эти слабости наблюдались и за Гедом. «Нашу силу составляет именно то,— писал Лафарг,— что мы и наша программа порождены самой экономической действительностью и что это социальное преобразование средств труда не является фантазией смелого и проницательного ума, подобно «Общественному договору» Руссо,— или грандиозной утопией Оуэна или Фурье,— или болезненным измышлением ограниченного и претенциозного ума, вроде социальной системы Конта, жалкой пародией на католицизм без величественной фигуры Христа, по определению Гексли; нет, наши теории, наши принципы, наши стремления непосредственно основываются на экономических фактах и доказательством служит то, что немецкие, французские, испанские, американские, английские рабочие идут по одному и тому же пути, независимо от расы и интеллектуального развития, и что повсюду, где есть

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/2.

[2] Там же.

крупная промышленность, существуют те же самые стремления, в какие бы более или менее туманные формы они ни облекались»[1].

Гед принял предложение о составлении программы, с которым к нему обратились руководители Марсельского съезда. Однако, по всей вероятности, полной ясности в вопросе, какой должна быть программа, у него не было. Вначале он, очевидно, даже склонялся к тому, чтобы программой Рабочей партии стала «программа и обращение французских революционеров-коллективистов», написанная им в 1878 г. во время заключения в тюрьме Сент-Пелажи. Этим, по-видимому, объясняется то обстоятельство, что в первом же номере «Egalité» за 1880 г., сразу же после редакционной статьи, на 2 странице Гед поместил «программу и обращение»[2]. Эта «программа», исходившая в своих отправных посылках из «справедливости», «естественного права» и прочих мелкобуржуазных трескучих фраз, отражала известную незрелость теоретических взглядов Геда в то время.

В свою очередь отдельные федерации и группы решили сами проявить инициативу в составлении программы. В феврале 1880 г. «Egalité» сообщила, что марсельские рабочие организации в ближайшем будущем собираются созвать специальный съезд для выработки программы Рабочей партии[3]. В апреле в газете была опубликована принятая в Марселе программа, на которой сильно сказалось влияние анархизма. В краткой заметке, помещенной после программы, говорилось, что марсельские рабочие выступили на дополнительных выборах в палату депутатов с этой программой и собрали 2 750 голосов[4]. В начале марта в «Egalité» сообщалось, что также и в Лионе комиссия, назначенная для разработки программы Рабочей партии, закончила свою работу[5], а 31 марта появилась заметка из Бордо об открытии в скором времени рабочего социалистического обла-

---

[1] Лафарг — Геду, 29 ноября 1879 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 77/2).

[2] «Egalité» № 1, 21.I.1880, p. 2.

[3] «Egalité» № 3, 4.II.1880, p. 7, col. 2—3.

[4] «Egalité» № 14, 21.IV.1880, p. 5—6, col. 3, 1.

[5] «Egalité» № 7, 3.III.1880, p. 7, col. 2.

стного съезда Юга, где будут рассматриваться и вопросы «политической, экономической и образовательной [éducatif] программы партии»[1]. Газета «Prolétaire», являвшаяся, по определению Энгельса, «органом самой узколобой клики одержимых зудом писательства парижских рабочих»[2], также опубликовала свой проект программы, с которым от имени Рабочей партии в апреле 1880 г. на дополнительных выборах в палату депутатов выступал Дейно, член редакции «Prolétaire». Даже по мнению Малона, эта программа носила реформистский характер[3].

Неудивительно, что ни один из этих проектов не мог быть принят группой «Egalité».

В такой обстановке Гед понял необходимость обратиться за помощью в выработке программы к Марксу. Надо сказать, что и в этом вопросе большую роль сыграл Лафарг. Ему, по-видимому, принадлежит идея обсуждения программы с Марксом[4]. «Маркс,— писал Энгельс,— благодаря своим теоретическим и практическим заслугам, завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении всех стран относятся к нему с полным доверием. В *решительную минуту* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его советы самые лучшие. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о мелких странах»[5].

В начале мая 1880 г. Гед приехал в Лондон. Маркс, Энгельс и Лафарг впервые лично встретились с Гедом[6]. Здесь на квартире у Энгельса состоялось совещание, на

---

[1] «Egalité» № 11, 31.III. 1880, p. 6, col. 3.

[2] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 157).

[3] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 42.

[4] *P. Lafargue*. «Die sozialistische Bewegung in Frankreich von 1876—1890» («Die Neue Zeit», 1890, S. 345).

[5] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 160—161).

[6] Гед произвел очень хорошее впечатление на Маркса и Энгельса. Об этом, очевидно, написал Малону Лафарг, так как в ответном письме Малона мы читаем: «Благоприятное впечатление, которое произвел на Вас, Маркса и Энгельса Гед, было вызвано столь тонким и столь блестящим умом нашего друга» (Малон — Лафаргу, 18 мая 1880 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 91/1).

котором присутствовали Маркс, Энгельс, Лафарг и Гед. На этом совещании и была выработана программа Рабочей партии.

Теоретическая часть программы, т. е. именно та часть, которая определяет характер программы, была написана Марксом[1].

С железной логикой, без пышных разглагольствований, присущих французским революционерам, Маркс экономически обосновывает неизбежность социального преобразования, формулирует конечную цель пролетариата и путь достижения этой цели.

«Принимая во внимание,

что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы;

что производители могут стать свободными, лишь овладев средствами производства;

что средства производства могут принадлежать им только в двух формах:

1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом;

2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества;

принимая во внимание,

что такое коллективное присвоение может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей,— или пролетариата,— организованного в самостоятельную политическую партию;

что нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения;

---

[1] «Гед приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы французской рабочей партии. И Маркс тут же в моей комнате, в присутствии моем и Лафарга, продиктовал ему мотивировочную часть этой программы» (Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г.— см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 160).

французские рабочие социалисты, выдвигая конечной целью своей борьбы в плане экономическом возвращение к коллективной собственности на все средства производства, решили в качестве *средства для организации и борьбы* принять участие в выборах с нижеследующей программой-*минимум*» [1].

Даже Энгельс, прекрасно знавший всю мощь марксовского мышления, был восхищен: «Это был мастерской образец убедительной аргументации, сжатой и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого» [2].

Здесь следует заметить, что Маркс, который всегда был гибким тактиком, не стал возражать против «избирательной» формы, которую получила программа. Он считал, что предстоящие выборы послужат хорошим поводом для быстрейшего ознакомления рабочих с программой, для ускорения процесса становления пролетарской партии.

Насколько велик был вклад Маркса в создание программных основ французской Рабочей партии, станет особенно ясно, если сравнить написанную им теоретическую часть программы 1880 г. с вводной частью программы, составленной Гедом в 1878 г. (а ведь эта программа отражала не самый низкий уровень тогдашнего социалистического мышления во Франции).

Чтобы судить о стиле и характере программы Геда, достаточно привести лишь начало: «Принимая во внимание: 1) что каждый человек со дня своего рождения имеет право на одинаковое со всеми удовлетворение своих потребностей и развитие своих способностей до того возраста, когда он собственным трудом сумеет удовлетворить свои нужды; 2) что высшим жизненным интересом общества является то, чтобы каждый из его членов достиг *максимального* развития умственных и физических сил, чтобы он мог сделать все, на что он способен» [3] и т. д.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 19, стр. 246.

[2] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 160).

[3] «Egalité» № 1, 21.I.1880, p. 2, col. 1.

Теоретическая незрелость Геда заключалась в том, что переход к коллективизму он основывал на мелкобуржуазной теории «естественного права», «общего интереса», через «революцию справедливости».

Маркс, составляя теоретическое обоснование к программе, видел свою задачу в том, чтобы «стащить французских рабочих с заоблачных высот громких фраз на почву реальной действительности» [1]. И эту задачу он выполнил. Главное коммунистическое содержание программы изложено в теоретической части Марксом просто, четко, с предельной ясностью.

Практическая часть программы, или программа-минимум, состояла из политических и экономических требований рабочего класса и представляла сводку необходимых буржуазно-демократических преобразований.

После принятия в 1875 г. конституции классовая борьба французского пролетариата развертывалась в рамках буржуазной республики. Установление республики явилось одним из завоеваний рабочего класса, косвенным результатом Парижской Коммуны. Однако конституция 1875 г. представляла шаг назад по сравнению с прошлыми республиканскими конституциями 1793 и 1848 годов. Само слово «республика» в конституции 1875 г. стыдливо упоминалось всего один раз, да и эта статья была принята большинством лишь в один голос. Это обстоятельство давало основание называть Третью республику во Франции «республикой без республиканцев». По конституции 1875 г. президент имел большие полномочия, вплоть до права роспуска парламента. Широкие прерогативы предоставлялись также реакционной верхней палате — сенату. Поэтому борьба за дальнейшую демократизацию политического строя остро стояла в повестке дня рабочего класса Франции.

Программа-минимум, писал Гед, «дополняет окончательные и общие требования социализма целым рядом ближайших требований, дающих возможность вести по-

---

[1] Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 98).

вседневную борьбу, без которой ни одна партия не может ни жить, ни развиваться»[1].

Отправляясь в Лондон, Гед, несомненно, привез с собой предварительный вариант программы-минимум. В письме Бернштейну Энгельс писал: «Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили»[2].

Однако, что́ именно было добавлено и что́ выброшено Марксом и Энгельсом, к сожалению, на основании имеющихся источников невозможно установить.

Политическая часть программы сводилась к требованиям отмены законов, ограничивающих свободу печати, собраний, союзов (1), уничтожения бюджета культов (2), замены постоянной армии всеобщим вооружением народа (3), предоставления коммунам права распоряжаться администрацией и полицией (4)[3].

По всей вероятности, политические требования программы целиком были составлены Гедом и его друзьями: 1 параграф фигурировал еще в его программе 1878 г., остальные — близки по своим формулировкам к отдельным пунктам этой программы. В формулировании ближайших политических задач французского пролетариата Гед проявил верное понимание ситуации и реальных потребностей рабочего движения. Поэтому Маркс и Энгельс при редактировании этой части программы могли ограничиться лишь редакционным уточнением некоторых положений.

Экономическая часть программы содержала следующие требования: восьмичасовой рабочий день, еженедельный отдых, запрещение детского труда до 14 лет и 6-часовой рабочий день для подростков от 14 до 18 лет (1), установление минимума заработной платы (2), равная оплата труда независимо от пола (3), бесплатное образование (4), независимость управления рабочими кассами взаимопомощи (5), страхование от несчастных случаев за счет предпринимателей (6), отмена штра-

---

[1] *Ж. Гед.* «Рабочее движение во Франции со времени Коммуны» («Социаль-демократ», кн. 3, декабрь 1890, стр. 14).

[2] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 160).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 574.

фов (7), ликвидация всех косвенных налогов и преобразование прямых налогов в прогрессивный налог на доходы, превышающие 3000 франков (9), пересмотр договоров, касающихся отчуждения общественной собственности (то есть банков, железных дорог, рудников и т. д.), и эксплуатация всех государственных предприятий занятыми на них рабочими (8) [1].

Основные споры при выработке программы возникли из-за пункта 2 экономической части программы, выдвигавшего требование о минимуме заработной платы. Маркс пытался убедить Геда в полной несостоятельности этого пункта [2]. Об этом же писала своему мужу Ш. Лонге дочь Маркса Женни, которая находилась в то время в Лондоне: «Кстати, что касается вопроса о фиксировании минимума заработной платы, то может быть тебе интересно знать, что папа сделал все возможное, чтобы убедить Геда исключить это из их программы, объясняя ему, что такая мера, если она будет принята, приведет, согласно экономическим законам, к превращению фиксированного минимума в максимум. Но Гед упорствовал в этом под предлогом того, что они, если это будет сделано, получат влияние на рабочий класс» [3]. Гед, хотя и вынужден был признать теоретическую несообразность этого пункта, настаивал на его включении, идя на поводу у настроений отсталой части пролетариата. Маркс и Энгельс «в конце концов предоставили ему делать, как он хочет» [4], поскольку главное значение они придавали вводной части программы. Кроме 2 пункта, остальные пункты программы, как политические, так и экономические, вполне соответствовали действительным задачам формирующейся пролетарской партии во Франции.

Французская программа 1880 г. была неизмеримо выше в теоретическом отношении немецкой Готской программы 1875 г., содержащей лассальянские догмы и под-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 19, стр. 574—575.

[2] См. Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 98).

[3] Ж. Лонге — Ш. Лонге, 23 ноября 1880 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 12/40).

[4] Энгельс — Бернштейну, 25 октября 1881 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 160).

вергнутой беспощадной критике со стороны Маркса и Энгельса[1]. Выгодно отличалась программа 1880 г. от последней и в своей практической части. При сопоставлении обеих программ бросается в глаза конкретность и определенность в постановке экономических требований в программе 1880 г. по сравнению с неряшливостью и невразумительностью в формулировании этих же требований в Готской программе. Так, например, в Готской программе лишь вообще абстрактно провозглашается «нормальный рабочий день» или «ограничение женского и запрещение детского труда», в то время как это требование становится действенным только тогда, когда *точно* указывается продолжительность труда или предельный возраст, когда речь идет о детском труде. Так это и сделано во французской программе 1880 года. В области социального страхования она, например, предусматривала страхование от несчастных случаев за счет предпринимателей, а не выдвигала туманного требования, вроде «действенного закона об ответственности», как делала Готская программа.

Даже 10 лет спустя Энгельс, критикуя проект гораздо более зрелой, чем Готская, Эрфуртской программы 1891 г., составленной немецкими социал-демократами, приводил в пример авторам проекта формулирование экономических требований во французской программе 1880 года. Энгельс предлагал «сравнить проект еще раз с французской программой, где как раз по разделу III кое-что выглядит как будто бы лучше»[2].

Несмотря на отдельные недостатки или, как выразился Маркс, «за исключением некоторой ерунды»[3] (он имел в виду в первую очередь пресловутое требование «минимума заработной платы»), программа французской Рабочей партии в том виде, как она была составлена в Лондоне, получила высокую оценку Маркса. «Этот очень сжатый документ дает в кратком введении в нескольких строках определение коммунистической цели, а в экономической части содержит только те требования, которые

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 9—32.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 241.

[3] Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 98).

действительно выросли непосредственно из рабочего движения»[1].

Программа французской Рабочей партии, выработанная при самом непосредственном участии Маркса и Энгельса, была *первой марксистской программой, появившейся после Коммуны в социалистическом движении.* Французский пролетариат, наконец, получил программу, в корне отличную, и по содержанию и по форме, от различных мелкобуржуазных программ и платформ, которые в изобилии циркулировали во Франции. С этого момента можно говорить о решительном отделении французского рабочего движения от движения буржуазных республиканцев, мелкобуржуазных демократов, радикалов и т. д., стремившихся использовать его в своих целях.

Чрезвычайно важен тот факт, что, выступив на арене политической борьбы впервые как самостоятельная партия французского пролетариата, Рабочая партия Франции имела научную марксистскую программу. Маркс придавал этому очень большое значение. Когда составляют, писал он, «принципиальные программы... воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения»[2].

* * *

Для того чтобы выработанная программа стала официальной программой Рабочей партии, потребовалась упорная борьба.

30 июня проект программы был опубликован в «Egalité». В редакционной статье «Первое слово», сопровождавшей публикацию, Гед последовательно отстаивал основные теоретические положения программы. Он писал, что это «программа организации и действия... Определить преследуемую цель, доказать, что вне коллективного владения орудиями производства не может быть достигнуто освобождение рабочих и что это коллективное присвоение есть дело революции,— такова, безусловно, первая, чисто теоретическая часть задачи, которая лежит на нас»[3].

---

[1] Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 98).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 12.

[3] «Egalité» № 24, 30.VI. 1880, p. 2, col. 1.

Революционная направленность программы Рабочей партии вызвала злобу в лагере буржуазии. Одной из первых против программы выступила радикальная партия.

Радикалы до этого времени пользовались значительным влиянием среди некоторой части рабочего класса. Это влияние представляло серьезную опасность для рабочего движения, поскольку радикалы старались свернуть его на тред-юнионистский, или, как его называли во Франции, корпоративистский путь. Они понимали, что с основанием своей самостоятельной партии рабочий класс будет становиться независимым от них в политическом отношении, и поэтому противодействовали созданию такой партии. Боялись они потерять и значительную часть своей избирательной клиентуры в лице освобождавшихся от их влияния рабочих, которые раньше, не имея своей партии, отдавали свои голоса радикалам. Орган буржуазных радикалов, возглавляемый Клемансо, газета «Justice» вела постоянную агитацию против новой партии и ее программы.

Союзником радикалов в их борьбе против революционной пролетарской программы оказался французский социалист Ш. Лонге. На его выступлениях интересно остановиться, чтобы показать, какими трудными и сложными путями шло развитие французского социализма. Ш. Лонге принимал активное участие в рабочем движении. В свое время он был членом Генерального Совета Интернационала и членом Парижской Коммуны. Годы эмиграции Лонге провел в Лондоне. По возвращении в Париж после амнистии он вошел в Социалистический республиканский альянс, который, по выражению Геда, «в действительности означал лишь союз с идеями и людьми буржуазного радикализма» [1]. В то же время он стал постоянным сотрудником «Justice» [2]. Именно его перу принадлежат статьи, направленные против программы, ее научного обоснования. В начале ноября в

---

[1] «Социаль-демократ», кн. 3, декабрь 1890, стр. 15.

[2] Маркс знал об этом, но, как видно из письма Женни Лонге Ш. Лонге от 8 октября 1880 г., он «обольщал себя надеждой», что «личное влияние» Лонге окажет воздействие на Клемансо (ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 12/29). К сожалению, вышло наоборот.

противовес программе Рабочей партии Лонге публикует в «Justice» свою собственную программу. Глубоко взволнованная этим неблаговидным поступком своего мужа, дочь Маркса Женни Лонге пишет ему письмо, полное упреков: «И непосредственно вслед за огромным успехом программы-«минимум», логике, здравому смыслу и научной сущности которой противопоставляются трезвенно-логические взгляды Клемансо, ты выпускаешь другую программу ради введения «корпораций» и тому подобного устарелого хлама и для того, чтобы твердить на все лады неясные, бессмысленные, ненаучные декламации о свободе, справедливости, разуме и т. д.» [1].

Однако Лонге продолжал выступать с позиций буржуазных радикалов, играя роль их рупора и подголоска. Выполняя волю своего патрона (под влияние которого он попал) [2], он поместил в «Justice» статью «Новые слои», где говорилось: «Программа-минимум была бы приемлема, если бы ей не предшествовало введение, которое из нее делает программу исключительную — программу секты» [3]. Это было прямым выпадом против написанной Марксом теоретической части программы.

Политическая эволюция Лонге в сторону явного оппортунизма вызывала беспокойство и у Энгельса. Энгельс считал, что если Лонге не порвет с «Justice» и Клемансо, то «он погубит себя вконец» [4]. Позднее, в письме Лафаргу от 24 мая 1889 г., Энгельс охарактеризовал Лонге как радикал-социалиста муниципального совета [5].

---

[1] Ж. Лонге — Ш. Лонге, 5 ноября 1880 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 12/39).

[2] Женни Лонге резко отрицательно отнеслась к такому сближению своего мужа с буржуазными радикалами. В письмах, которые еще не опубликованы, она постоянно упрекает Шарля Лонге в безудержном восхвалении Клемансо (Ж. Лонге — Ш. Лонге, 1 и 2 ноября 1880 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 12/36, 12/37). В письме Ш. Лонге от 5 ноября 1880 г. Женни пишет по поводу его выступления на страницах органа радикалов: «Вчерашняя «Justice» произвела на меня такое впечатление, будто на меня вылили ушат холодной воды» (ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 12/39).

[3] «Justice» № 340, 20.XII. 1880.

[4] Энгельс — Либкнехту, 12 мая 1886 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 558).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 122.

Республиканская буржуазия не довольствовалась одной агитацией против программы. Она пыталась прибегнуть к прямому подкупу. Были выделены специальные средства для посылки делегатов на предстоящий съезд, где должен был решаться вопрос о принятии программы. Об этом сообщала «Egalité» [1].

Вокруг программы шла острая борьба и в самом рабочем движении. С одной стороны, против программы выступали анархисты и бланкисты, с другой — оппортунисты реформистского толка.

С возвращением из эмиграции коммунаров-бланкистов ряды последних значительно увеличились. Это вносило дополнительные трудности в борьбе за программу. Однако коллективистское направление к этому времени сумело завоевать прочные позиции во французском рабочем движении. Вначале бланкисты примкнули к создающейся Рабочей партии, но затем приступили к организации своих собственных сил, официально не порывая, однако, до июня 1881 г. с Рабочей партией. Впервые открыто бланкисты выступили против Рабочей партии во время Гаврского съезда в ноябре 1880 года. 20 ноября 1880 г. в первом номере своего органа «Ni Dieu — Ni Maître» они обвинили Рабочую партию в нетерпимости. В своих выступлениях они допускали резкие выпады против программы, главным образом против ее теоретических основ, и вели борьбу против ее принятия. В позиции, занятой бланкистами по отношению к программе, сказалась их теоретическая незрелость, влияние сектантских мелкобуржуазных традиций, догматизм, неспособность понять реальные потребности рабочего движения и вытекающую отсюда тактику борьбы пролетариата. Полное идейное и организационное размежевание Рабочей партии с бланкистами произошло в 1881 году [2].

Мелкобуржуазное мировоззрение анархистов, их враждебность подлинно пролетарской идеологии обусловили отрицательное отношение к программе и с их

---

[1] «Egalité» № 31, 18.VIII. 1880, p. 2, col. 1.

[2] Подробнее об этом см. статью Николаева «Бланкисты и Рабочая партия (1879—1881)» (в сб. «Социалистическое движение во Франции». М., 1934, стр. 25—74).

стороны. Анархисты открыто выступали против программы Рабочей партии. На всех съездах, где она обсуждалась, они голосовали против и требовали отказа от нее.

Другой тактики в отношении программы придерживались оппортунистические элементы, положившие вскоре начало поссибилистскому направлению во французском рабочем движении. Не высказываясь прямо против программы (настолько силен был сдвиг в сторону революционного мышления, что даже такой противник марксизма, как Малон, вынужден был объявить себя в то время приверженцем научного социализма), оппортунисты в своих писаниях выхолащивали ее революционную суть. На позиции Малона следует остановиться подробнее, поскольку он тогда играл довольно крупную роль во французском социалистическом движении и поскольку его линия поведения была наиболее характерна для тактики оппортунистов.

В своей статье «Программа 1880 г.», написанной им в 1887 г., Малон приводит свою версию истории возникновения программы. Он представлял дело так, будто ему ничего неизвестно было о поездке Геда в Лондон для разработки программы; будто проект программы уже тогда его не удовлетворял [1], хотя он и принял участие в ее распространении, так как ему якобы обещали, что программа будет дополнена пространным манифестом; и наконец, что его просили взять авторство исключительно на себя [2]. Как же в действительности обстояло дело? Утверждение Малона о его неосведомленности относительно поездки Геда в Лондон является вымыслом, и это со всей очевидностью доказано в работе Белкина [3]. Что же касается его отрицательного отношения к программе с самого начала, то это, по всей вероятности, соответствовало действительности. Тем не менее на словах Малон вначале прикинулся ее восторженным сторонником. Письмо Малона Лафаргу от 18 мая 1880 г., написанное сразу по получении

[1] Он якобы считал его «очень куцым и сделал к нему замечания» (см. «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 47).

[2] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 47, 48.

[3] См. *И. Д. Белкин.* «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», стр. 236.

им проекта программы от Лафарга, позволяет выявить суть маневров лидера оппортунистов и двуличный характер его позиции. В первых же строках своего письма Малон торжественно заявляет о своем присоединении к программе. Особые восторги он расточал по поводу теоретической части, составленной Марксом. «Вводная часть замечательно хороша, и программа именно такова, как она нам представлялась. Я ее принимаю в ее теперешнем виде»,— писал Малон [1]. Вряд ли из такого заявления можно сделать вывод о недовольстве программой, а тем более о стремлении переработать и дополнить ее, как впоследствии изображал дело Малон. Из этого же письма видно, что Малон «сделал две или три незначительные поправки стилистического характера: например, поставил *производящий класс* вместо *производительного класса»* и т. д., но что настаивать на этих поправках он не намеревался.

Малон так действовал неспроста. Он понимал, что открыто сопротивляться принятию марксистской программы в тот момент, когда явно наметился поворот в умах в сторону научного социализма, значило рисковать остаться за бортом движения. Однако при первой возможности он собирался произвести ревизию программы-минимум и свести ее на нет. Об этом свидетельствует письмо Гирша Марксу от 30 сентября 1880 года. «Малон собирается выдвинуть новую программу и целиком отвергнуть «программу-минимум»»,— писал Гирш [2].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 91/1.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4180. В ложном свете представил Малон и историю с распространением программы. Согласно его версии, получается, будто Гед и Лафарг чуть ли не просили его выдать себя за единственного автора программы («Revue socialiste» № 25, 1887, р. 47, 48). Действительно, как видно из приводимого выше письма Малона Лафаргу, к Малону обратились с просьбой принять участие в сборе подписей под проектом программы. Однако нет никаких оснований считать, что в чьи-то планы входило представлять программу, как исходящую лишь от Малона, поскольку посланный Малону проект программы был уже подписан Гедом и Лафаргом. Малон сам проявил инициативу, поставив под проектом свою подпись, а также подписи Ломбара и Прюдан-Дервийе Как это он сделал — об этом можно прочесть в его письме Лафаргу от 18 мая 1880 года: «У меня есть пустой бланк с подписями Ломбара и Дервийе, я их вставил напротив подписей Геда и вашей» (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 91/1). Свой поступок Малон объяснял тем, что

Малон все время вел двойную игру с целью обмана масс. Напечатав 20 июля 1880 г. программу вместе со статьей Геда «Первое слово» в «Revue socialiste», он трактовал ее по-своему, сводя на нет все революционное содержание программы. Позднее он сам признавал, что, в то время как «Egalité» выдвигала «на первый план революционные стороны» программы, ««Revue» делала упор на эффективности главных реформ, провозглашенных в проекте» [1]. Дальнейшие усилия Малона и его приверженцев состояли в том, чтобы на каждом съезде вносить поправки и дополнения реформистского характера и постепенно вообще ликвидировать марксистскую программу как таковую.

Разработанный проект должен был стать официальной программой только после принятия его на съезде французской Рабочей партией. Начиная с июля 1880 г. по всей Франции проходили областные социалистические съезды, где обсуждался проект программы.

18 июля состоялся областной съезд федерации Центра. На съезде были представлены все группировки в рабочем движении. К экономической части программы на этом съезде был сделан ряд добавлений оппортунистического характера. Малону удалось протащить пункт об уничтожении права наследования по боковой линии, еще в 1869 г. подвергнутый критике Марксом (в связи с борьбой против бакунистов в Интернационале, выдвигавших это требование как одно из главных рычагов «социальной ликвидации») [2]. Малон рассматривал принятие этого пункта как свою победу над Гедом, который резко выступал против него. «Рассчитывая только на насильственную революцию, соредактор программы был вполне

«коллективное происхождение [программы.— *З. Ч.*], которое, впрочем, наполовину соответствует истине, придает документу большую силу» (там же). Действия Малона, по-видимому, ввели в заблуждение авторов ряда исторических работ (А. Зеваеса, П. Луи), в которых Ломбар, Прюдан-Дервийе и сам Малон фигурируют в качестве авторов программы. На самом же деле они не имели никакого отношения к ее составлению.

[1] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 48, 49.

[2] См. *К. Маркс.* «Доклад Генерального Совета о праве наследования» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 383—385).

логичен, когда отвергал это радикальное средство преобразования общества легальным путем»,— отмечал позднее Малон [1]. «Эту программу французы поставили потом на обсуждение и приняли ее с некоторыми поправками, среди которых внесенные Малоном отнюдь нельзя считать улучшениями»,— писал Энгельс по этому поводу 25 октября 1881 г. Бернштейну [2].

После принятия поправок программа была утверждена подавляющим большинством. Против голосовало 9 анархистов. Маркс в письме Зорге говорил: «Несмотря на сильную оппозицию анархистов, эта программа была сначала принята в Центральной организации, т. е. в Париже и его окрестностях, а затем уже и во многих других рабочих центрах» [3].

В ноябре 1880 г. состоялся национальный съезд Рабочей партии в Гавре. Он закончился победой коллективистского направления. За программу партии было подано 43 голоса против 10 голосов анархистов. 6 делегатов воздержалось. Выработанный Гедом при самом непосредственном участии Маркса, Энгельса, Лафарга документ стал официальной программой Рабочей партии.

Однако на съезде было принято еще два новых дополнительных пункта: 1) «Об окончательном прекращении коммунами и государством продажи земельной собственности»; 2) «О необходимости выделения муниципалитетами специальных фондов для постройки на принадлежащих коммуне земельных участках различного рода зданий: жилых помещений, складов, амбаров, с тем чтобы сдавать их по себестоимости населению» [4].

В обоих этих пунктах виден почерк Малона, поскольку они исходили из того же круга реформистских идей, что и пункт об уничтожении права наследования, принятый на Парижском съезде федерации Центра. Энгельс, разоблачая истинную цель, которую преследовали оппортунисты, внося свои поправки, указывал, что

---

[1] «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 54. Note (2).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 160.

[3] Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 98).

[4] Цитируется по книге И. Д. Белкина «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», стр. 258.

Малон внес в программу ряд ухудшающих ее пунктов «лишь с тайным намерением ее провалить» [1].

Об остроте развернувшейся на Гаврском съезде борьбы за программу говорят также две принятые резолюции, которые сыграли немаловажную роль в жизни французской Рабочей партии. И хотя обе они исходили из совершенно разных посылок, но цель они преследовали одну — подготовить почву для быстрейшей ликвидации марксистской программы.

Поскольку Малон и другие реформисты не смогли на данном этапе изменить основную теоретическую часть программы, указывающую французскому пролетариату путь революционной борьбы за свое освобождение, они попытались придать этому документу временный характер, сделать программу всего лишь *предвыборной*. На Гаврском съезде они провели следующую резолюцию: «За основу на выборах 1881 г. съезд берет нижеследующую программу-минимум, но в то же время он приглашает все округа принять меры к выработке другой, более точной [plus accentué] программы» [2]. Таким образом, эта резолюция создавала предлог для ликвидации программы-минимум и для составления новой оппортунистической программы. В 1882 г., после того как Малон и Брусс вызвали раскол в Рабочей партии, им удалось осуществить свое намерение, навязав отколовшейся части партии свою программу, составленную в оппортунистическом духе. Энгельс писал по поводу этого поссибилистского документа: «Программа лишена своего пролетарского классового характера. Коммунистическое обоснование 1880 г. заменено мотивировками из устава Интернационала 1866 г., которые потому как раз и пришлось так вольно формулировать, что французские прудонисты были очень отсталы, а исключать их все-таки нельзя было» [3].

Против программы-минимум на Гаврском съезде выступили анархисты. Они также пытались ликвидировать

---

[1] Энгельс — Бернштейну, 20 октября 1882 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 247).

[2] Цитируется по «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 58.

[3] Энгельс — Бернштейну, 20 октября 1882 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 247).

ее, однако, другим путем. Их резолюция, выдвинутая анархистом П. Минком и принятая съездом, была следующего содержания: «Гаврский национальный съезд рабочих-социалистов объявляет, что на муниципальных и законодательных выборах 1881 года он сделает последнюю попытку выступления и, в случае неудачи, оставляет за собой исключительно революционный путь»[1]. Совершенно очевидно, что принятием данной резолюции анархисты хотели развязать себе руки. Обусловив признание программы успехом на выборах, они тем самым фактически заранее предусматривали отказ от нее в самом ближайшем будущем и замену ее принципов псевдореволюционными мелкобуржуазными доктринами, призывами к «прямым действиям» и другими сектантско-авантюристическими догмами. Рассчитывать на немедленный успех на первых же выборах, само собой разумеется, было нельзя. Это прекрасно понимали все. Участие в выборах было не самоцелью, как пытались представить дело анархисты, а средством пропаганды и организации рабочего класса. Так рассматривали вопрос французские марксисты. «Для рабочего класса выборы и выборная борьба должны служить целям политического просвещения, уяснения *действительной* природы партий»,— указывал впоследствии Ленин[2].

Принятие марксистской программы, несмотря на все посягательства на нее со стороны оппортунистических и сектантских элементов, сыграло чрезвычайно важную роль в истории освободительной борьбы французского пролетариата. С этого времени, по словам Маркса, начинается *«первое действительное рабочее движение* во Франции. До сих пор там были только секты»[3]. Рабочая партия, приняв программу, тем самым воздвигла барьер между собой и радикалами, кооператорами, с одной стороны, и вскоре вышедшими из партии анархистами, с другой стороны. Принятие программы ускорило и размежевание марксистского пролетарского направления с поссибилистами. Процесс очищения французского рабо-

---

[1] Цитируется по «Revue socialiste» № 25, 1887, p. 58.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 20, стр. 371.
[3] Маркс — Зорге, 5 ноября 1880 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 99).

чего движения от всякого рода мелкобуржуазных элементов был бы невозможен без такой программы, которая концентрировала вокруг себя лишь подлинно пролетарские силы. И не беда, что поначалу это был немногочисленный отряд. «Быть временно в меньшинстве — организационно — с правильной программой все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников»,— писал Энгельс[1].

В такой ответственный момент формирования Рабочей партии Франции у ее колыбели стояли Маркс и Энгельс, которые указали единственно правильный путь борьбы. Это определило все дальнейшее развитие французского рабочего движения. Весьма важную роль сыграло и то, что на заре французского рабочего движения Гед, Лафарг и их друзья сумели отстоять принципиальные основы программы-минимум, несмотря на яростные атаки оппортунистов всех мастей. Морис Торез, подчеркивая выдающиеся заслуги Геда и Лафарга перед французским рабочим классом, назвал организованную ими партию «партией Геда и Лафарга» и указал, что она была «первой марксистской партией во Франции, которая твердо стояла на позициях классовой борьбы»[2]. Гедисты сумели в этот период сохранить марксистское знамя незапятнанным. И впоследствии, несмотря на отдельные недостатки и ошибки, Рабочая партия была единственной во Франции организацией, отстаивающей революционное учение Маркса в борьбе с многочисленными врагами.

Французская коммунистическая партия, образовавшаяся 40 лет спустя после принятия первой французской марксистской программы, считает себя наследницей лучших традиций гедизма. Она всегда учитывала в своей деятельности опыт борьбы Маркса и Энгельса за революционную партию французского рабочего класса, за ее революционную программу.

---

[1] Энгельс — Бернштейну, 28 ноября 1882 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 267).

[2] *М. Торез*. Избранные произведения, т. II, 1959, стр. 547.

Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЭНГЕЛЬСА ЗА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ СПЛОЧЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ

Борьба за интернациональное сплочение боевых революционных сил пролетариата, за единство рабочего движения всегда была одной из важнейших сторон революционной деятельности основоположников марксизма. Эта борьба велась в различных формах, в зависимости от обстановки и определявшихся ею в каждый данный момент задач рабочего движения. После разгрома Парижской коммуны и роспуска сыгравшего свою историческую роль Первого Интернационала на первый план выдвинулась задача создания национальных пролетарских партий, стоящих на позициях научного социализма; это было тогда важнейшим условием успешного развития освободительной борьбы рабочего класса и необходимой предпосылкой образования нового международного объединения.

Но решение этой задачи зависело прежде всего от того, насколько глубоко овладеют теорией научного социализма передовые пролетарии различных стран; только на этой основе и было возможно образование действительно самостоятельных политических партий рабочего класса. Энгельс еще в 1874 г. в письме к Зорге говорил о том, что «следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и будет безоговорочно выдвигать наши принципы» [1]. Поэтому Маркс и Энгельс уже с первой половины 70-х го-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 374.

дов уделяли столько внимания распространению своей теории среди пролетарских масс.

После смерти Маркса эта задача легла прежде всего на плечи Энгельса. Своими указаниями и советами, личным участием в социалистической прессе Германии, Франции, Англии, постоянной заботой о распространении важнейших произведений марксизма Энгельс содействовал созданию и становлению молодых социалистических партий различных стран, помогал им вырабатывать программные и тактические установки. Поддерживая постоянный контакт со многими социалистическими деятелями европейских стран и США, Энгельс воспитывал их в духе пролетарского интернационализма, непримиримо боролся против малейших проявлений национальной вражды и расовой ненависти. Все эти годы Энгельс находился в центре международного рабочего движения; опираясь на своих старых соратников по Первому Интернационалу и на новые, более молодые кадры пролетарских революционеров, он являлся по существу связующим звеном между социалистами различных стран, всемерно способствовал установлению непосредственных контактов между ними, энергично поддерживал все проявления международной пролетарской солидарности.

К концу 80-х годов в результате стихийного роста массового рабочего движения, с одной стороны, и проникновения идей научного социализма в относительно широкие слои пролетариата, с другой, в ряде стран европейского континента — Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Дании, Швейцарии, Австрии, Венгрии и некоторых других уже существовали социалистические партии, стоящие в основном на позициях марксизма. В России действовали многочисленные марксистские кружки; группа «Освобождение труда» успешно развертывала работу по пропаганде и распространению теории марксизма. В Англии еще в середине 80-х годов была создана Социал-демократическая федерация, которая, хотя и не пользовалась влиянием в рабочих массах, выдвигала близкую к марксистской теоретическую платформу; социалистические организации и даже партии, в той или иной степени приближавшиеся к теории научного социализма, имелись уже и в Италии, Испании и ряде других

стран. В США уже в течение нескольких лет действовала Социалистическая рабочая партия, заявлявшая о своем признании основных положений марксизма, но слабо связанная с рабочими — коренными жителями страны.

Семена, посеянные Международным Товариществом Рабочих, дали обильный урожай: организованное рабочее движение становилось мощным фактором всей общественно-политической жизни, росло классовое сознание пролетарских масс, резко усилилась тяга рабочих различных стран к объединению своих сил. Таким образом, возникли реальные предпосылки для создания нового международного объединения пролетарских партий.

Созванный в такой обстановке в июле 1889 г. в Париже по инициативе французской Рабочей партии (так называемых гедистов или коллективистов), стоявшей — в отличие от других социалистических группировок и прежде всего от оппортунистического течения поссибилистов — на позициях научного социализма, Международный социалистический рабочий конгресс открыл новый этап в развитии интернациональных связей рабочего класса[1]. История рабочего движения не знала такого широкого международного форума — в зале Петрелль собрались делегаты 18 стран, причем большинство из них представляло уже организационно оформленные, тесно

---

[1] В настоящей статье не рассматривается вопрос о той решающей роли, которую сыграл Энгельс в созыве этого конгресса и обеспечении преобладания на нем марксистских элементов. Эта роль освещена в общей форме в работах Е. А. Степановой «Фридрих Энгельс». М., 1954; И. М. Кривогуза и С. М. Стецкевича «Очерки по истории I и II Интернационала». М., 1959, а более детально в книге Х. Лурье «Энгельс и основание II Интернационала». М., 1955, во многом устаревшей, а также в статье Б. Г. Тартаковского «Фридрих Энгельс — великий мастер революционной тактики пролетариата» («Вопросы истории КПСС» № 6, 1960). В работах буржуазных и реформистских авторов, вышедших в последнее время, роль Энгельса в создании II Интернационала и в международном рабочем движении первой половины 90-х годов изображается, как правило, крайне скупо и схематично и обычно всячески преуменьшается (см., например, *J. Joll.* «The Second International». London, 1955; *P. Vander Esch.* «La deuxiéme Internationale». Paris, 1957) либо же вообще игнорируется (см. *G. Cole.* «The Second International», vol. I. London, 1955; *J. Braunthal.* «Geschichte der Internationale». Bd. I. Hannover, 1961).

связанные с рабочими массами социалистические партии и организации, программные требования которых строились на основе теории научного коммунизма. Весь ход конгресса, все его резолюции были проникнуты духом пролетарского интернационализма [1].

В своих резолюциях конгресс по праву выступал от имени всего международного пролетариата; он провозгласил, что освобождение рабочего класса не может быть достигнуто без захвата политической власти и создания самостоятельных политических пролетарских партий. Таким образом, исходным пунктом деятельности нового интернационального объединения стала выдвинутая в знаменитой резолюции Гаагского конгресса Международного Товарищества Рабочих идея необходимости организации «рабочего класса в политическую партию... для того, чтобы обеспечить победу социальной революции...» [2]. Принятие этой резолюции в 1872 году явилось итогом многолетней борьбы Маркса, Энгельса и их соратников в I Интернационале против прудонизма и бакунизма; теперь, спустя 17 лет, этот важнейший тезис марксизма был безоговорочно признан подавляющим большинством социалистических партий и организаций и стал первым программным положением нового международного объединения.

Конгресс выдвинул программу борьбы за международное трудовое законодательство; ясно и твердо выразил позицию пролетариата по отношению к войне и высказал требование замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Важнейшее значение имела историческая резолюция конгресса о проведении в день 1 мая во всех странах международной манифестации с требованием 8-часового рабочего дня; принятие такого решения означало, что международный пролетариат переходит от провозглашения совместных деклараций и требований к совместным действиям [3]. Энгельс так и расценивал эту резолюцию: «Это лучшее из того, что сделал

---

[1] Всего в конгрессе участвовал 391 делегат, в том числе 170 иностранных.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 143.

[3] Резолюции конгресса см. в книге: «Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congress zu Paris». Nürnberg, 1890, S. 119—124.

наш конгресс»,— писал он 25 августа 1889 г. Лауре Лафарг[1].

Парижский конгресс, хотя и не принял никакого формального решения о создании нового международного объединения, фактически положил начало новому Интернационалу. Рабочий класс выступил как организованная сила на международной арене — в этом был главный итог конгресса. «Тот факт, что почти полтысячи представителей рабочих из всех культурных стран мира объединились в международном *рабочем парламенте*,— писал орган германских социал-демократов,—...уже сам по себе является событием мирового значения, событием значительно более важным, чем созыв сто лет тому назад французского Национального собрания и триумф «третьего сословия»»[2].

Однако конгресс, при всем его значении, явился лишь первым шагом к созданию нового Интернационала. Основную массу его участников составляли сторонники научного социализма, но в числе делегатов были также и анархисты, особенно из Италии, и другие антимарксистские элементы[3]. Нельзя было закрывать глаза и на то, что одновременно в Париже заседал и другой, поссибилистский конгресс, который, хотя и не являлся настоящим международным конгрессом, вел за собой определенную часть рабочих Франции, Англии и некоторых других стран[4]. Некоторые делегаты — особенно бельгий-

---

[1] *F. Engels, P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», t. II. Paris, 1959, p. 312 (далее «Correspondance»).

[2] «Der Sozialdemokrat», 10.VIII. 1889.

[3] На одном из заседаний конгресса делегат итальянских анархистов Мерлино пытался отстаивать анархистские теории, что было встречено с возмущением большинством присутствующих, но получило поддержку со стороны некоторых анархистски настроенных французских и английских делегатов (см. «Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congress zu Paris». Nürnberg, 1890, S. 64—65).

[4] Этот конгресс был созван поссибилистами при поддержке Социал-демократической федерации. Однако и по числу участников, и по количеству представленных на нем стран, и по характеру организаций, приславших своих делегатов, он не мог не только конкурировать с конгрессом в зале Петрелль, но, по существу, не мог и претендовать на название ни международного, ни подлинно социалистического, ибо подавляющее большинство его участников составляли представители тех французских, главным образом парижских,

ские, голландские и итальянские — решительно требовали объединения с поссибилистским конгрессом без каких-либо предварительных условий. А орган голландских социалистов «Recht voor Allen» уже после конгресса выступил с резкими выпадами по адресу его организаторов и некоторых его решений [1].

Таким образом, победу марксистских сил надо было закрепить. И большую роль в этом должен был сыграть следующий международный конгресс, решение о созыве которого в принципе было принято в Париже.

Первые же месяцы после Парижского конгресса ознаменовались новыми крупными успехами рабочего движения. В августе — сентябре 1889 г. произошла грандиозная стачка лондонских докеров, которую Энгельс охарактеризовал как «величайшее событие» [2], свидетельствующее о нарастании благоприятных предпосылок для создания в Англии массовой социалистической партии. В феврале 1890 г. германские социал-демократы одержали блестящую победу на выборах в рейхстаг; это предрешило падение закона против социалистов и привело к краху всей внутренней политики Бисмарка. Эта победа нанесла серьезный удар анархистским теориям отказа от политической борьбы и продемонстрировала успех той тактики сочетания нелегальной борьбы с использованием легальных возможностей, которую — согласно советам Энгельса — проводила германская социал-демократия в годы исключительного закона. Социалисты во всем мире приветствовали германских пролетариев, заставивших отступить реакционных правителей Германской империи. А в майские дни 1890 г. пролетариат показал, что он уже

профессиональных союзов, которые находились под влиянием поссибилистов, а также делегаты английских тред-юнионов и профессиональных организаций некоторых других стран — Италии, Испании, Португалии,— примыкавших к анархистам. В числе 564 делегатов было всего 87 иностранцев, причем из социалистических организаций были представлены — помимо поссибилистов и Социал-демократической федерации — лишь Рабочая партия Бельгии, Голландская социалистическая рабочая партия и Итальянская рабочая партия; все эти организации участвовали в обоих конгрессах (см. «International Workmen's Congress, held in Paris, Juli 15—20, 1889»).

[1] См. «Sozialdemokrat», 17.VIII. 1889.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 149.

созрел для крупных акций международного масштаба. На призыв Парижского конгресса откликнулись многие сотни тысяч пролетариев. История рабочего движения не знала до сих пор таких мощных проявлений международной пролетарской солидарности. Крупные демонстрации в многочисленных городах Австрии, Германии, Франции, Италии и других стран, наконец грандиозная демонстрация лондонских рабочих в воскресенье 4 мая,— Энгельс принимал в ней личное участие,— все это показывало не только рост пролетарского классового сознания, но и своевременность создания нового Интернационала. «Майский праздник,— писал тогда Энгельс,—...составил эпоху ...благодаря своему всеобщему характеру, который сделал его первым международным *действием* борющегося рабочего класса» [1].

Стачка докеров и первомайские демонстрации отразились и на настроениях в цитадели реформизма — английских тред-юнионах. Их очередной конгресс, состоявшийся в Ливерпуле в сентябре 1890 г., вопреки прямому активному сопротивлению лидеров, продолжавших идти в русле либерально-буржуазной политики, принял резолюцию с требованием законодательного установления 8-часового рабочего дня [2].

Все эти события способствовали усилению революционного, марксистского крыла в социалистических партиях и рабочих организациях и известному ослаблению анархистских, реформистских и других по существу антипролетарских течений в рабочем движении. Среди французских поссибилистов происходили внутренние раздоры и распри; в Италии и Испании заметно сократилось влияние анархистов, в Германии полуанархистская группа «молодых», демагогически пытавшаяся дискредитировать руководство социал-демократической партии, была идейно разбита и поставила себя вне рядов партии.

Таким образом, обстановка благоприятствовала дальнейшему укреплению международных пролетарских связей. Между тем, на Парижском конгрессе создание но-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 64.

[2] См. «Report of the Twenty Fourth Annual Trades Union Congress». Newcasle, 1891, p. 54.

вого Интернационала формально не было провозглашено: не было создано никаких — не только руководящих, но и информационных — органов нового Интернационала. Поэтому единственным организационным звеном, посредством которого можно было поддерживать всесторонний контакт между многочисленными отрядами социалистического и рабочего движения, единственной формой объединения социалистических партий различных стран оставались пока что регулярные международные конгрессы. Однако Парижский конгресс не наметил ни точной даты, ни даже определенного места следующего конгресса. Специальное решение по этому вопросу не было принято, никакой особый орган, который был бы уполномочен подготовить и созвать следующий конгресс, не был избран. Конгресс ограничился включением в резолюцию «О путях и средствах осуществления требований защиты прав труда» [1] пункта о том, что Исполнительной комиссии поручается «созвать следующий международный рабочий конгресс в одном из городов Швейцарии или Бельгии, который будет точнее определен в дальнейшем» [2]. Создание же комиссии было поручено швейцарским социалистам [3]. Таким образом, вопрос о следующем конгрессе был, по существу, оставлен открытым.

Энгельс считал это серьезной ошибкой. «Оставили нерешенным самый важный вопрос,— вопрос о будущем конгрессе»,— писал он [4]. Интересы международного рабочего движения требовали закрепления того несомненного успеха, который был достигнут революционными социалистами в Париже. А для этого необходимо было обеспечить победу марксистских сил и на следующем конгрессе. Вопрос о его подготовке и организации приобретал, следовательно, весьма важное принципиальное

---

[1] Эта резолюция предусматривала создание Исполнительной комиссии, которая должна была передать решения конгресса о международном трудовом законодательстве конференции правительств европейских стран по этому вопросу, созывавшейся в Берне по инициативе швейцарского правительства.

[2] «Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congress zu Paris». Nürnberg, 1890, S. 121.

[3] См. там же, стр. 123.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 77.

значение, а неопределенность решения, принятого в Париже, давала противникам революционного социализма возможность использовать создавшуюся ситуацию в своих целях. Особенно возмущало Энгельса то, что, поскольку конгресс намечался либо в Швейцарии, либо в Бельгии, для его созыва нельзя было предпринять никаких практических шагов без предварительного соглашения между швейцарскими и бельгийскими социалистами. «Вернейшее средство для того, чтобы ничего не было сделано» [1],— писал он по этому поводу. Дополнительные сложности создавало и еще одно обстоятельство. Поссибилистский конгресс 1889 г., в свою очередь, поручил Рабочей партии Бельгии созыв следующего международного конгресса, наметив одновременно и его дату — 1891 год,— и место — Брюссель. Таким образом, практическое решение вопроса о будущем конгрессе оказывалось, по существу, в руках бельгийских социалистов, которые получили полномочия на его созыв от обоих конгрессов 1889 г. и среди которых были сильны оппортунистические настроения — недаром в 1889 г. именно они являлись наиболее рьяными сторонниками безоговорочного слияния марксистского [2] конгресса с поссибилистским. Они «сами в глубине души поссибилисты»,— писал Энгельс [3]. Социалистические партии Германии и Франции в первое время фактически устранились от подготовки к конгрессу, вплоть до осени 1890 г. они вообще не проявляли к этому особого интереса.

Эта пассивность позволила лидерам бельгийских социалистов взять на себя инициативу созыва нового международного конгресса. В начале сентября 1890 г. Генеральный совет Рабочей партии Бельгии заявил о своем намерении созвать в 1891 г. в Брюсселе международный рабочий конгресс и направил соответствующее приглашение заседавшему в это время в Ливерпуле

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 77.

[2] Мы употребляем здесь это название условно, как это в некоторых случаях делает и Энгельс (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 77); на самом деле этот конгресс, как уже отмечалось, был по своему составу довольно пестрым, хотя сторонники научного социализма и играли на нем ведущую роль.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 333.

конгрессу английских тред-юнионов. Как уже указывалось выше, в английских тред-юнионах в это время происходили определенные сдвиги, особенно в связи с созданием так называемых «новых тред-юнионов», объединявших главным образом неквалифицированных рабочих, до тех пор стоявших в стороне от движения и находившихся в оппозиции к реформистскому руководству. Это способствовало росту интернационалистских настроений среди английского пролетариата, что проявилось уже в знаменитой демонстрации в Лондоне 4 мая 1890 года [1]. Энгельс отмечал тогда, что «массовое движение всегда поднимает интернациональный дух...» [2]. В этой обстановке большинство делегатов конгресса тред-юнионов горячо откликнулось на это приглашение [3]. «Делегаты молодых ливерпульских союзов,— писал Энгельс,— только что воодушевившиеся идеей международного выступления, с энтузиазмом приняли предложение бельгийцев» [4].

Этот факт создавал совершенно новую ситуацию. Инициатива бельгийских социалистов, которые действовали без всякого согласования с швейцарцами, могла привести к повторению того, что происходило в 1889 году, то есть к созыву двух параллельных конгрессов, и тогда тред-юнионы, единственная действительно массовая организация английского рабочего класса, оказались бы на поссибилистском конгрессе, вне влияния революционных социалистов. А с точки зрения интересов международного социалистического движения это было бы крайне нежелательно. И не только потому, что подобная перспектива никак не могла способствовать дальнейшему интернациональному сплочению пролетарских сил, но и потому, что она лишила бы марксистов могучего рычага воздействия на тред-юнионы в тот самый момент, когда для этого возникали благоприятные возможности.

---

[1] Подробную характеристику этой демонстрации дал Энгельс в статье «4 мая 1890 года» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 64—70).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 216.

[3] См. «Justice», 6. IX. 1890.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 242.

Узнав о действиях бельгийцев, французские социалисты забеспокоились. Один из активных членов Рабочей партии Франции, Шарль Бонье, который в то время жил в Англии, но был близок к руководству партии, обратился к Энгельсу с письмом, в котором сообщал о серьезных опасениях в отношении будущего конгресса, а также о решении гедистов согласовать свою тактику с немецкими социал-демократами. «Мы будем держаться очень осторожно и действовать только в согласии с немцами»,— писал он [1].

Энгельс, ознакомившись с создавшимся положением, забил тревогу. «Бельгийцы сыграли с нами шутку, которая ставит под угрозу весь наш конгресс»,— писал он П. Лафаргу 15 сентября 1890 года [2].

Немедленно, со свойственной ему энергией и решительностью, он вмешался в подготовку конгресса и фактически взял ее в свои руки. В сложившейся обстановке исход дела решали правильная тактика и организация; именно на эту сторону и обратил Энгельс свое главное внимание. Получив письмо Бонье, он немедленно ответил ему, изложив подробный план действий [3]. Адресованный Бонье, этот ответ был по существу направлен всему руководству французской Рабочей партии. Энгельс подверг резкой критике пассивную позицию французских социалистов по отношению к будущему конгрессу, что — в сочетании с неопределенным характером решений Парижского конгресса по этому вопросу — могло вообще сорвать все дело. «Почему мы настолько глупы, что предоставили бельгийцам и швейцарцам попечение о будущем конгрессе!» — с возмущением писал он Лафаргу [4]. Предлагая свой план, Энгельс исходил из анализа обстановки, которая сложилась к тому времени в международном рабочем движении и которая во многом отличалась от положения в 1889 году. Тогда нужно

---

[1] Бонье — Энгельсу, 9 сентября 1890 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5064).

[2] «Correspondance», t. II, p. 410.

[3] Письмо Энгельса Бонье сохранилось лишь в черновом виде (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 76—80).

[4] «Correspondance», t. II, p. 410.

было сорвать попытку поссибилистов взять на себя роль объединяющего центра, поэтому Энгельс решительно выступал против примиренческих стремлений к слиянию обоих конгрессов во имя ложно понимаемого «единства». Теперь ситуация изменилась. По сравнению с 1889 годом позиции революционных социалистов заметно укрепились— свидетельством тому были и успехи социал-демократов в Германии, и первомайские дни, и некоторые сдвиги внутри английских тред-юнионов,— а влияние их основных противников, французских поссибилистов, определенно ослабло вследствие внутренних распрей между различными группировками. Таким образом, угроза того, что руководящие позиции в международном рабочем движении окажутся в руках поссибилистов, была теперь совсем невелика, и не было никакой необходимости противопоставлять уже намеченному конгрессу какой-то другой. Соотношение сил складывалось благоприятно для революционных социалистов; на конгрессе им — при условии правильной тактики в ходе подготовки конгресса — было обеспечено прочное большинство. Кроме того, подчеркивал Энгельс, созывать самостоятельный конгресс теперь, после принятия английскими тред-юнионами приглашения бельгийцев, было не только нецелесообразно, но и просто вредно, ибо тогда марксисты выглядели бы как виновники раскола. «Каждый, у кого есть хоть какой-нибудь опыт в международном движении,— писал Энгельс,— знает, что в случае раскола тот, кто этот раскол вызвал или кого считают вызвавшим его, всегда оказывается виновным в глазах рабочих»[1]. Основываясь на всем этом, Энгельс предлагал прежде всего проявить инициативу в созыве единого конгресса и для этого добиться, чтобы между бельгийцами и швейцарцами была достигнута договоренность о совместном созыве конгресса, в силу полномочий, полученных от обоих парижских конгрессов 1889 года. Таким образом, в случае отказа поссибилистов или их уполномоченных от такого совместного приглашения на конгресс было бы ясно, что именно на них ложится вина за раскол.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 77.

Кроме того — и на этом Энгельс настаивал категорически,— будущий конгресс «должен быть полностью суверенным», то есть сам установить и регламент своей работы, и порядок дня, и способы проверки мандатов. «Ни один комитет, назначенный ли одним из предыдущих конгрессов, или созданный во время переговоров о слиянии, не имеет права связывать конгресс чем бы то ни было»[1]. Это требование Энгельса имело двоякое значение. Во-первых, таким путем заранее обрекались на неудачу любые попытки навязать конгрессу порядки, установленные парижским конгрессом поссибилистов. Во-вторых, тем самым исключалась опасность предварительного сговора поссибилистов с главными организаторами конгресса — бельгийскими социалистами, занимавшими колеблющуюся позицию.

Наконец, Энгельс предлагал, чтобы условия и нормы представительства от различных рабочих организаций были бы установлены заранее.

Энгельс был уверен, что реализация этого плана, то есть созыв *одного* конгресса на выдвинутых им условиях, обеспечит революционным социалистам господствующее положение на будущем конгрессе.

Излагая Бонье свой план, Энгельс просил, чтобы лидеры французских коллективистов обсудили эти предложения между собой, а также со своими союзниками — бланкистами, и сообщили ему результаты[2].

До получения согласия французских социалистов Энгельс не считал возможным начинать активные действия; он не информировал о своих намерениях даже немецких социал-демократов — ведь реализация его плана зависела в первую очередь от того, согласятся ли французские марксисты на участие в конгрессе совместно с поссибилистами, своими политическими противниками. Ответ не замедлил себя ждать. И Лафарг, и Гед полностью приняли предложения Энгельса, причем Гед взял

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 22, стр. 79.

[2] О том, какое большое значение придавал Энгельс выработанному им плану, видно из того, что он, не ограничившись письмом к Бонье, сначала повторил его кратко в письме Лафаргу от 15 сентября 1890 г. («Correspondance», t. II, p. 410—412), а затем вновь подробнейшим образом изложил и несколько развил его в письме Лафаргу от 19 сентября (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6168).

на себя задачу предварительно договориться с уже упоминавшейся выше Исполнительной комиссией, выделенной швейцарскими социалистами в соответствии с решением Парижского конгресса[1]. Этому способствовало и то обстоятельство, что в лагере поссибилистов возникли серьезные трения между Аллеманом, руководителем поссибилистской организации в Париже («L'union fédérative»), и одним из основных лидеров поссибилистов — Бруссом; французские марксисты справедливо полагали, что это подрывает авторитет поссибилистов в глазах рабочих. Да и сами поссибилисты в таких условиях уже не претендовали более на руководящую роль в международном рабочем движении; Брусс, как сообщал Лафарг Энгельсу 16 сентября 1890 г., в частных беседах не скрывал этого, говоря, что не помышляет теперь о международном социализме[2].

Сообщение Лафарга о разладе в лагере поссибилистов укрепило мнение Энгельса в правильности намеченной им тактики. Именно теперь, заручившись согласием Геда и Лафарга, он сообщил свой план Бебелю. Но практическое осуществление этого плана требовало предварительной договоренности между социалистами хотя бы основных европейских стран. Поэтому Энгельс в письме Лафаргу 15 сентября предложил воспользоваться предстоявшим съездом Социал-демократической партии Германии, который должен был собраться 12 октября в Галле и на который намеревались прибыть в качестве гостей представители ряда европейских социалистических партий. Совещание этих представителей и должно было — по замыслу Энгельса — принять окончательное решение о конгрессе. Для этого он советовал Бебелю пригласить в Галле представителей возможно большего числа социалистических партий[3].

Руководители французских социалистов энергично взялись за подготовку к этому совещанию. Между 15 и 25 сентября Лафарг, Гед, Бонье почти ежедневно писали Энгельсу, информируя его о положении дел и получая

---

[1] См. Гед — Энгельсу, 19 сентября 1890 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5068).

[2] См. «Correspondance», t. II, p. 412.

[3] Там же, стр. 418.

от него необходимые советы и указания. 23 сентября по инициативе Геда и Лафарга собрался Национальный совет французской Рабочей партии. Оба лидера сделали сообщение о предложениях Энгельса, которые были единодушно приняты. «Национальный совет,— писал Гед Энгельсу,— вынес единогласное решение в духе Ваших указаний» [1]. Было также признано целесообразным проведение конгресса не в Швейцарии [2], а в Бельгии, поскольку один конгресс был уже там назначен и теперь нужно было превратить его в объединенный конгресс. «Выбрав Бельгию,— писал Лафарг Энгельсу, сообщая ему о результатах заседания,— мы демонстрируем наше желание установить международный союз...» [3]

Руководители немецких социал-демократов также поддержали Энгельса. «Бебель пишет мне,— сообщал он Лафаргу 25 сентября,— что согласен с нами в отношении Бельгии» [4].

Однако Энгельс не был полностью удовлетворен этими решениями. Как уже говорилось выше, он твердо настаивал на том, что будущий конгресс не должен быть связан никакими решениями предшествующих конгрессов, прежде всего в отношении своего регламента, порядка представительства и т. д. Именно это он особенно подчеркивал в упомянутом выше письме Лафаргу от 19 сентября. «Конгресс должен быть полным хозяином...— писал он.— Ни один из других предшествовавших конгрессов не должен иметь для него силу закона» [5]. Пока новое международное объединение пролетарских партий организационно не было оформлено и его единственным органом были международные конгрессы, следовало отмежеваться от тех многочисленных псевдомеждународных конгрессов, которые проводились неоднократно в течение 80-х годов и на которых — за исключением марксистского конгресса 1889 г.— руководящая роль принадлежала оппортунистическим элемен-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5074.

[2] До того как Энгельс предложил свой план подготовки и проведения конгресса, руководящие деятели французских социалистов-гедистов считали, что конгресс должен состояться в Швейцарии.

[3] «Correspondance», t. II, p. 416.

[4] Там же, стр. 418.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6168.

там — тред-юнионистам и поссибилистам. Это было особенно важно в сложившейся обстановке, ибо созыв единого конгресса с участием поссибилистов мог быть использован последними для того, чтобы объявить его преемником прошлых конгрессов, в том числе поссибилистского конгресса 1889 г., и таким образом заранее связать его с некоторыми прежними оппортунистическими решениями. Особенно это относилось к решениям по организационным вопросам, в частности об условиях представительства, что могло иметь решающее значение для состава конгресса. В решениях Национального совета французской Рабочей партии речь шла о суверенности конгресса лишь в вопросах установления порядка дня, регламента и проверки мандатов, и ни слова не говорилось о полной самостоятельности его по отношению к другим вопросам, в частности о представительстве на конгрессе. Энгельс же считал, что это должно быть сказано ясно и недвусмысленно, чтобы избежать всяких случайностей, связанных с неизбежно пестрым составом будущего конгресса. Об этом Энгельс и писал Лафаргу 25 сентября, как только получил сообщение о решении Национального совета Рабочей партии: «...Вы вступаете здесь на довольно скользкую почву». «Такое решение,— продолжал он далее,— означает признание резолюций предыдущих поссибилистских конгрессов в отношении всех других вопросов... признание ряда бельгийско-поссибилистских конгрессов, включая карикатурный Лондонский конгресс 1888 года, единственным подлинным международным представительством рабочих...»[1] Кроме того, Энгельс настаивал на установлении заранее норм представительства на конгресс для всех участвующих в нем организаций, чтобы устранить опасность проникновения большого числа оппортунистических элементов в качестве делегатов от всевозможных мелких псевдосоциалистических организаций и групп. «Мне кажется,— писал он,— что вам вскружил голову раскол у поссибилистов... Вспомните, что поссибилисты имеются почти всюду, и в особенности в Бельгии»[2].

[1] «Correspondance», t. II, p. 418.
[2] Там же, стр. 418—419.

Так, упорно, настойчиво, решительно добивался Энгельс реализации своего плана, направленного на дальнейшее сплочение революционных сил рабочего класса в международном масштабе. Он считал, что принятие всех его предложений обеспечит успешный исход кампании за созыв конгресса. Уже 27 сентября 1890 г. он писал Зорге: «...мы можем надеяться, что победим...». Если «слияние удастся на рациональной основе... немецкие и французские марксисты будут задавать тон» [1]. Действительно, его усилия увенчались успехом.

В первой половине октября 1890 г. в Лилле состоялся очередной съезд французской Рабочей партии. Лафаргу и Геду удалось добиться поддержки со стороны делегатов. Элеонора Маркс-Эвелинг, присутствовавшая на съезде, писала Энгельсу 14 октября: «Конечно, озлобление против поссибилистов велико, но Гед и Лафарг подали факты очень хорошо, так что решение направиться в Брюссель (на тех условиях, с которыми ты сам согласился) было принято единодушно» [2]. Принятая съездом резолюция по вопросу о международном конгрессе по существу полностью была построена на плане Энгельса [3]. Столь же единодушную поддержку встретило это предложение на съезде французских синдикатов (профессиональных союзов), проходившем в Кале вслед за лилльским съездом. Это было особенно важно, потому что для английских тред-юнионов позиция, которую занимали профессиональные организации Франции, имела особое значение.

Оправдал ожидания Энгельса и съезд немецких социал-демократов. Съезд поддержал его предложения относительно международного конгресса. Состоялось и предложенное Энгельсом совещание представителей социалистических партий. На совещании, помимо немцев, присутствовали делегаты Франции (Гед), Австрии (Адлер), Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и Швейцарии. В результате совещания была достигнута договоренность о том, что Исполнительная комиссия, создан-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 249.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5082.
[3] «Le Socialiste», 12. X. 1890.

ная в Швейцарии, совместно с руководящими органами Рабочей партии Бельгии созовет международный конгресс в Брюсселе 16 августа 1891 г. на условиях полной его суверенности и с приглашением всех рабочих организаций и социалистических партий. Таким образом, требование Энгельса о том, что конгрессу должна быть дана полная самостоятельность, было по существу принято. В сообщении о решениях совещания говорилось, в частности: «Проверка мандатов будет осуществляться самим конгрессом, который обладает полной суверенностью как в этом вопросе, так и во всех других, входящих в сферу его деятельности» [1]. Была предварительно намечена и повестка дня конгресса: 1. Состояние национального и международного рабочего законодательства; 2. Защита права на коалиции. Профсоюзное движение, стачки и бойкоты с интернациональной точки зрения; 3. Отношение рабочего класса к милитаризму [2]. На основе этой договоренности Генеральный совет Рабочей партии Бельгии совместно с Исполнительной комиссией, созданной в Швейцарии по решению Парижского конгресса, выпустили 15 декабря 1890 г. обращение к рабочим организациям всех стран; впоследствии оно было напечатано в виде листовки на французском, английском и немецком языках, а также в многочисленных органах социалистической прессы. Этот документ содержал сообщение о предстоящем международном конгрессе и призывал все рабочие и социалистические организации принять в нем участие. В обращении были намечены основные организационные принципы будущего конгресса, в частности полная его суверенность в решении вопросов регламента, порядка дня, проверки депутатских мандатов и т. д., а также сообщалась предварительная повестка дня.

Авторы обращения выражали надежду, что «все без исключения мыслящие и борющиеся слои пролетариата всех стран пошлют своих представителей на этот высокий форум труда» и что «конгрессу удастся осуществить... полное единство всех пролетариев, которые проникнуты

---

[1] «Vorwärts», 18. X. 1890.

[2] См. «Vorwärts», 18 и 19. X. 1890; «Le Socialiste», 26. X. 1890.

сознанием своего долга и объединены и воодушевлены одной идеей — твердой волей к осуществлению радикальной эмансипации всего пролетариата»[1].

Таким образом, выработанный Энгельсом план был почти полностью осуществлен. Созыв единого конгресса на тех условиях, которые были им предложены, был теперь обеспечен.

Энгельс был удовлетворен таким ходом дела. «Наши съезды прошли великолепно»[2],— писал он Лауре Лафарг. «Наша кампания за объединенный конгресс в 1891 г. удалась,— сообщал он Зорге.— ...Конгресс состоится в Брюсселе при условии признания полного его суверенитета. Это все, чего мы требовали...»[3]

Борясь за международное единство пролетариата на марксистской основе, Энгельс постоянно имел при этом в виду и интересы рабочего движения в отдельных странах. Его чрезвычайно беспокоило отсутствие в Англии массовой социалистической рабочей партии. То значение, которое он придавал созыву в 1891 г. *единого* международного конгресса, в значительной степени определялось его надеждами на то, что присутствие крупной делегации английских рабочих на социалистическом конгрессе сможет оказать серьезное влияние на английское рабочее движение. В то же время Энгельс считал, что такое решение вопроса о конгрессе поможет и скорейшему объединению социалистических рабочих во Франции. «Мы сделали решающий шаг,— писал он 25 декабря 1890 г. венгерскому социалисту Лео Франкелю, разъясняя ему свою тактику в отношении конгресса,— который во всяком случае ускорит объединение и, может быть, даже немедленно приведет к нему»[4]. Энгельс рассчитывал, что изоляция поссибилистских ли-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. III-6592. Основные требования, выдвинутые Энгельсом, нашли, таким образом, свое отражение в обращении. Однако твердые нормы представительства установлены не были; предлагалось лишь, чтсбы все организации, желающие принять участие в конгрессе, заранее (до 16 июля) сообщили число посылаемых ими делегатов. Энгельс, по-видимому, согласился с таким решением.

[2] «Correspondance», t. II, p. 429.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 264.

[4] *M. Aranyossi.* «Leo Frankel». Berlin, 1957, S. 373.

деров на конгрессе будет способствовать скорейшему отходу от них тех групп рабочих, которые находились еще под их влиянием.

Особое значение придавал Энгельс участию в конгрессе представителей американского пролетариата. Не имея возможности оказывать такое непосредственное воздействие на рабочее движение в США, как во Франции или Германии, Энгельс с исключительным вниманием следил за борьбой американского рабочего класса, которая со второй половины 80-х годов бурно развивалась. Он всемерно поддерживал все попытки установления контакта с массовыми рабочими организациями США, прежде всего с профессиональными союзами, считая, что это может сыграть значительную роль в распространении среди американских рабочих идей социализма. С одобрения, а может быть и по инициативе Энгельса такого рода контакты были установлены в начале 1891 г. профессиональным союзом рабочих газовых предприятий и чернорабочих Великобритании и Ирландии, одним из руководителей которого была Элеонора Маркс-Эвелинг, с Американской федерацией труда. Еще в начале декабря 1890 г., когда в связи с семидесятилетием Энгельса в Лондон приехали руководители германской социал-демократии Бебель, Либкнехт и Зингер, Энгельс организовал у себя на квартире их встречу с руководителями этого союза — одного из основных представителей так называемых «новых тред-юнионов»,— а также с деятелями английского рабочего движения Дж. Бёрнсом, в то время еще стоявшим на революционных позициях, и членом парламента, делегатом Парижского конгресса 1889 г. Каннингемом Грехемом. Во время этой встречи главное внимание было уделено вопросу об установлении регулярной связи между рабочими партиями различных стран. Было, в частности, решено иметь в каждой из стран секретаря по международным вопросам — из числа деятелей либо социалистических партий, либо профессионального движения. На первых порах перед этими секретарями были поставлены ограниченные задачи: вести борьбу против попыток капиталистов подавлять стачечное движение и навязывать рабочим невыгодные условия труда путем

импорта рабочей силы из других стран[1]. Такого рода задачи были близки и рабочим организациям тред-юнионистского толка; установление международных связей сначала на этой основе открывало возможности для вовлечения в международные акции самых широких масс рабочего класса и, следовательно, способствовало бы воспитанию интернациональной солидарности пролетариата и его классового сознания. Это решение и дало повод уже упоминавшемуся союзу рабочих газовых предприятий вступить в переписку с руководителем АФТ Сэмюэлем Гомперсом, рассчитывая таким образом установить связи с американским рабочим движением.

Энгельс и его соратники, конечно, прекрасно понимали оппортунистическую сущность лидеров этой чисто тред-юнионистской организации. Однако они исходили из того, что АФТ являлась в ту пору одной из наиболее массовых рабочих организаций США, тогда как Социалистическая рабочая партия Северной Америки оставалась фактически сектантской группой. И именно в целях приобщения американских трудящихся к международному социалистическому движению и в интересах единства рабочего класса Энгельс считал столь важным обеспечить возможно более широкое представительство рабочих организаций США на предстоящем конгрессе в Брюсселе. «Когда я думаю о международном конгрессе в Брюсселе...— писал он редактору «New-Yorker Volkszeitung» Г. Шлютеру 29 января 1891 г.,— мне кажется, что все же следовало бы сохранить хорошие отношения с Гомперсом, за которым стоит все же больше рабочих, чем за Социалистической рабочей партией, а также обеспечить возможно большее представительство из Америки, в том числе и *его* сторонников. Они увидят в Брюсселе много такого, что собьет их с усвоенной ими ограниченной тред-юнионистской точки зрения»[2].

Первоначально Американская федерация труда склонялась к тому, чтобы принять участие в конгрессе.

---

[1] См. «Le Socialiste», 25.XII. 1890, а также ЦПА ИМЛ, ф. 8, ед. хр. 102, 103.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVIII, стр. 280.

В марте 1891 г. Шлютер сообщал Энгельсу, что «Федерация труда решила послать делегатов на Брюссельский конгресс. Несомненно, приедут также различные представители профсоюзов...» [1]. А две недели спустя Элеонора Маркс-Эвелинг, сообщая Гомперсу о том, что предложение о создании секретарей по международным вопросам принято уже в десяти странах, выражала надежду, что «это может послужить началом великой федерации рабочих всех стран» и что «начавшаяся теперь работа сможет быть продолжена и развита на международном конгрессе в Брюсселе» [2].

Надо иметь в виду, что Гомперс в это время в демагогических и карьеристских целях еще не отказывался от радикальных и даже боевых лозунгов, неоднократно говорил о солидарности рабочего класса, освобождении труда и т. д. Так, сообщая У. Торну и Элеоноре Маркс-Эвелинг о своем согласии установить постоянную связь с организациями европейских рабочих, он писал: «Это движение и другие общие стремления рабочих могут сплотить их в более тесный интернациональный союз, который воплотит в себе и осуществит их самую страстную надежду на улучшение своей участи и конечное освобождение» [3].

За месяц до конгресса Зорге писал Энгельсу, что в качестве делегата АФТ в Брюссель направится Гомперс, представителем Социалистической рабочей партии будет Саниэль, кроме того, должен прибыть еще ряд де-

[1] Шлютер — Энгельсу, 10 марта 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5145).

[2] Национальный союз газовых рабочих и чернорабочих — Гомперсу, 26 марта 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 8, ед. хр. 103). В этом письме сообщалось также, что секретарями по международным вопросам выделены: в США — Гомперс; во Франции — А. Дельклюз (Рабочая партия) и Лондрен (Центральный революционный комитет); в Швейцарии — Бек (Объединение профессиональных союзов) и Шерер (Рабочий союз); в Дании — С. Петерсен (Датская социалистическая партия) и Иенсен (Социал-демократический и трудовой союз); в Испании — А. Гарша (Всеобщий союз рабочих); в Норвегии — Йеппесен (Рабочая партия); в Италии — Турати (Рабочая лига); в Австрию корреспонденцию следует адресовать В. Адлеру, в Венгрию — П. Энгельману, в Германию — Э. Легину.

[3] Цитируется по книге: *Ф. Фонер.* «История рабочего движения в США», т. II. М., 1958, стр. 220.

легатов из числа рабочих[1]. Однако АФТ так и не прислала делегатов в Брюссель. Пять американских делегатов представляли Социалистическую рабочую партию Северной Америки, Американскую социалистическую федерацию, Союз социалистических тред-юнионов еврейского языка и Рабочую федерацию Чикаго[2]. Гомперс прислал конгрессу приветствие, в котором выдвигал задачу «внедрять в умы наших собратьев-рабочих понимание и признание факта международной общности и взаимосвязи интересов трудящихся масс»[3].

К концу 1890 г. вопрос о созыве Международного социалистического рабочего конгресса был решен окончательно. Однако в оставшиеся месяцы Энгельсу пришлось сделать еще многое в интересах дальнейшего сплочения революционных сил рабочего класса. Успешное проведение первомайских демонстраций в 1890 г. наглядно продемонстрировало огромное значение таких единых выступлений рабочего класса в международном масштабе. С тем бòльшим энтузиазмом социалистические и рабочие организации начали подготовку к 1 Мая 1891 года. Однако уже в начале года обнаружились серьезные разногласия между социалистами ряда стран, прежде всего между социалистами Франции и Германии. Существо этих разногласий сводилось к вопросу о том, следует ли во всех странах организовывать демонстрации и выступления обязательно в день 1 мая, либо возможно перенесение празднования на ближайшее воскресенье. Наиболее решительно настаивали на первом

[1] Зорге — Энгельсу, 14 июля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5220).

[2] См. «Congrès international ouvrière socialiste tenu à Bruxelles 16—23 août 1891. Rapport». Bruxelles, 1893, p. 245 (далее «Rapport»).

[3] Цитируется по книге: *Ф. Фонер.* Цит. соч., стр. 221. В своих воспоминаниях Гомперс вообще не упоминает о намерении поехать на конгресс; свое обращение к конгрессу объясняет, с одной стороны, необходимостью дать отпор делегатам от Социалистической рабочей партии Северной Америки, которые, по его мнению, необъективно информировали конгресс о состоянии американского рабочего движения, а, с другой,— стремлением добиться поддержки европейскими социалистами инициативы АФТ созвать в 1893 г. в Чикаго международный рабочий конгресс (см. *S. Gompers.* «Seventy Years of Life and Labour». New York, 1925, p. 388—389).

варианте французские социалисты, сторонниками второго выступили немецкие социал-демократы. На съезде Рабочей партии и национальном съезде синдикатов в октябре 1890 г. были приняты решения о проведении манифестации с требованием 8-часового рабочего дня в день 1 мая[1]. Высказались за это и другие группировки французских социалистов[2]. В то же время съезд германской социал-демократии, состоявшийся почти одновременно в Галле, записал в своем решении, что «если прекращение работы в этот день встретит препятствия, то в первое воскресенье мая должны состояться шествия, празднества на открытом воздухе и т. д.»[3].

В конце января 1891 г. во Франции началась подготовка к этому дню. Лафарг тогда же обратился к Либкнехту с письмом, в котором, сообщая об этом, подчеркивал желательность проведения демонстрации повсюду в один и тот же день. «Рабочие ждут 1 Мая,— писал он,— мы отовсюду получаем письма, полные энтузиазма; пылкое воображение французских рабочих прежде всего поражает всеобщий характер праздника, они говорят, что в Германии, Америке, Англии будет праздноваться этот великий день, который предвещает будущее освобождение. Проведение этого праздника в определенный день поможет проникновению идей интернационализма во все головы»[4].

Обращаясь к Либкнехту с этим письмом, Лафарг уже имел сведения о том, что социал-демократическая фракция германского рейхстага, опираясь формально на резолюцию съезда партии в Галле, 28 января приняла решение о перенесении празднования 1 Мая (в 1891 г. это число приходилось на пятницу) на первое воскресенье — 3 мая[5]. Однако он не высказал тогда Либ-

---

[1] См. *M. Dommanget*. «Histoire du Premiere Mai». Paris, 1953, p. 138—139.

[2] Там же, стр. 140—141.

[3] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages des Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Halle a. S. von 12. bis 18 Oktober 1890». Berlin, 1890, S. 273 (далее «Verhandlungen»).

[4] Лафарг — Либкнехту, 30 января 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 2873).

[5] См. «Vorwärts», 29 и 30. I. 1891. Через несколько дней было опубликовано и воззвание фракции к немецким рабочим, содержавшее

кнехту прямо свое мнение по этому поводу, считая более целесообразным узнать сначала мнение Энгельса. Французские рабочие,— писал Лафарг Энгельсу в тот же день, сообщая о дошедших до него слухах об этом решении,— «будут весьма разочарованы, если узнают, что самая сильная партия, которая показывает нам пример, требует перенесения этого дня». Лафарг просил Энгельса вмешаться и по возможности оказать воздействие на германских социал-демократов [1]. Свидетельством серьезного недовольства французских социалистов было и написанное несколько позднее письмо одного из активных деятелей Рабочей партии, автора резолюции Парижского конгресса о 1 Мая, Лавиня Либкнехту. «Весть о том, что комитет социалистических депутатов,— писал Лавинь,— решил проводить международную манифестацию 3 вместо 1 мая, произвела здесь неприятное впечатление». Лавинь настаивал на том, чтобы первомайские манифестации проводились одновременно во всех странах, и требовал этого и от немецких социал-демократов [2]. Французские социалисты усматривали в решении фракции не только нарушение постановлений Парижского конгресса, но и определенную уступку оппортунистическим элементам [3].

Разногласия, возникшие между двумя сильнейшими в то время отрядами социалистического рабочего движения на европейском континенте, никак не способствовали дальнейшему упрочению интернациональных пролетарских связей. Обострение этих разногласий могло поставить под угрозу и успешное проведение предстоящего

призыв к осуществлению этого решения (см. «Vorwärts», 6.II.1891). Обосновывая свое решение, фракция опиралась на тот пункт резолюции Парижского конгресса, в котором говорилось, что «рабочие различных стран должны сами определять методы и средства проведения празднования в зависимости от местных условий» («Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congress zu Paris». Nürnberg, 1890, S. 123).

[1] «Correspondance», t. III, p. 9. Одновременно к Энгельсу обратился по этому вопросу и французский социалист Ш. Бонье.

[2] Лавинь — Либкнехту, 12 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 2985).

[3] См., например, письмо Бонье Энгельсу 4 марта 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5140).

международного конгресса. Поэтому Энгельс энергично взялся за их улаживание [1].

Уже 31 января, не зная еще подробно о характере решения фракции и еще не будучи знакомым с текстом ее воззвания, Энгельс разъяснял Лафаргу целесообразность и необходимость перенесения первомайского праздника в Германии в 1891 году. Энгельс исходил при этом из особенностей обстановки, в которой находилась в то время германская социал-демократия. 1 октября 1890 г. в результате героической борьбы рабочего класса был отменен исключительный закон против социалистов. Но это отнюдь не означало принципиального отказа властей от насильственного подавления социалистических и рабочих организаций. Напротив, реакционное юнкерско-буржуазное правительство стремилось использовать каждый повод, чтобы спровоцировать рабочих на преждевременное выступление, которое позволило бы ему нанести пролетариату новый удар. «В Германии,— писал Энгельс,— наши люди являются реальной силой: $1^1/_2$—2 млн. избирателей, единственная дисциплинированная и растущая партия. Если правительство хочет, чтобы социалисты устраивали манифестации, то это значит, что оно хочет вовлечь их в мятеж, где их раздавили бы и покончили бы с ними на несколько десятков лет» [2]. Другое не менее, если не более важное обстоятельство состояло в том, что в 1891 г. в Германии намечались признаки промышленного кризиса, то есть создались условия, когда проведение всеобщей забастовки (хотя бы даже и однодневной) было исключительно затруднено и могло бы привести к весьма тяжелым последствиям для рабочих, ибо было весьма вероятно, что капиталисты воспользуются ею как поводом для локаута. Немецкие рабочие имели в этом

---

[1] В исторической литературе довольно прочно укоренилось мнение, будто позиция всей германской социал-демократии в этом вопросе была целиком оппортунистической (см. *И. М. Кривогуз* и *С. М. Стецкевич*. «Очерки истории I и II Интернационалов». М., 1958, стр. 116; БСЭ, 2 изд., т. 32, стр. 363; «Всемирная история», т. VII. М., 1960, стр. 288—289 и др.). Между тем, позиция Энгельса не подвергалась никакому анализу; о ней попросту умалчивали. В связи с этим автор счел необходимым остановиться на этом подробнее.

[2] «Correspondance», t. III, p. 11.

отношении некоторый опыт — первомайская стачка гамбургских рабочих в 1890 г. имела своим последствием локаут, который продолжался в течение нескольких месяцев и полностью истощил кассу профессиональных союзов в Гамбурге. У них, — писал Энгельс, — «нет ни малейшего желания снова начинать весной это дело, так как положение промышленности еще ухудшилось»[1]. Надо отметить также, что с демагогическими обвинениями руководства партии в оппортунизме в связи с намерением перенести празднование 1 Мая выступала полуанархистская группа «молодых». Поддержка Энгельсом линии руководства была, следовательно, направлена и против этой группы, с которой в то время партия вела ожесточенную борьбу.

Эти соображения и заставили Энгельса высказаться в поддержку намерений германских социал-демократов. И он терпеливо в ряде писем разъяснял свою позицию французским социалистам, продолжавшим настаивать на проведении первомайских праздников повсюду в один день. Принять это предложение, писал он Зорге, «было бы вообще безумием»[2]. В течение первой половины февраля Энгельс вел по этому вопросу оживленную переписку и с лидерами германской социал-демократии, и с лидерами французских социалистов. Получив от одного из руководителей Социал-демократической партии Германии, Р. Фишера, подробное письмо с изложением причин, вынуждавших социал-демократов отступить от решения Парижского конгресса, принятого с их участием, Энгельс переслал Лафаргу большие выдержки из этого письма[3], заявив при этом, что «было бы педантством, если бы для спасения единообразия мы погубили

---

[1] «Correspondance», t. III, p. 11.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 285.

[3] См. Фишер — Энгельсу, 4 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5121). Мотивируя свое недовольство решением немцев, Лафарг особенно упрекал их, в частности, в том, что на Парижском конгрессе их представители, в том числе Бебель, горячо поддерживали идею о единовременном праздновании 1 Мая во всех странах (см. «Correspondance», t. III, p. 15). Энгельс возражал на это, что во имя «театрального эффекта» нельзя ставить под угрозу завоевания немецких рабочих (см. там же, стр. 17).

бы наши шансы в Германии...»[1]. А в следующем письме Лафаргу, который продолжал выражать свои сомнения, Энгельс писал: «Для них [немцев.— *Б. Т.*] праздновать в день первого мая будет означать повторение прошлогодних гамбургских локаутов в масштабе всей страны и в еще более неблагоприятных условиях, это будет означать расходование 20—30 тысяч марок, истощение всех средств, принадлежащих прямо или косвенно партии, дезорганизацию всех наших профессиональных союзов и, следовательно, всеобщее отчаяние. Согласитесь, что это было бы слишком дорогой платой...»[2].

В конце концов Энгельсу удалось убедить французских социалистов в том, что позиция, занятая германскими социал-демократами, в создавшихся условиях является единственно правильной[3]. Энгельс поддержал также аналогичное решение, принятое организаторами первомайской демонстрации в Англии, хотя здесь в основе лежали совсем другие мотивы. В силу отсутствия массовой социалистической партии — Социал-демократическая федерация продолжала оставаться небольшой сектантской группой[4], а в Социалистической лиге руководящее положение заняли анархисты — организация первомайского праздника зависела прежде всего от тред-юнионов и особенно от «новых тред-юнионов» — докеров и газовых рабочих. Между тем руководство этих организаций, денежные ресурсы которых были подорваны недавними длительными забастовками, опасалось, что если прекращение работы в день 1 мая вызовет

---

[1] «Correspondance», t. III, p. 14.

[2] Там же, стр. 17.

[3] При характеристике отношения Энгельса к первомайской демонстрации надо иметь в виду еще одно обстоятельство. В 1891 г. первомайский праздник не имел еще, естественно, того всеобщего характера, который он получил в последующие годы. К тому же в 1890 г. он также отмечался в течение нескольких дней, причем наиболее мощная демонстрация состоялась как раз не 1, а в воскресенье 4 мая в Лондоне.

[4] Следует также учесть, что примерно в это же время, во второй половине февраля 1891 г., лидер Социал-демократической федерации Гайндман начал в своей газете «Justice» клеветническую кампанию против Энгельса (см. «Justice», 21 и 28.II.1891, а также *S. Bünger*. «Friedrich Engels und die Britische Sozialistische Bewegung». Berlin, 1962, S. 186).

серьезный конфликт с предпринимателями, они окажутся не в силах противостоять давлению капиталистов. Старые же тред-юнионы, руководство которыми находилось в руках реформистов, и не помышляли о возможности первомайской забастовки. Таким образом, объединить различные группы и организации, намеренные принять участие в демонстрации, можно было только установив датой празднования первое воскресенье мая. Поэтому Элеонора Маркс-Эвелинг (в то время она была одним из руководителей союза газовых рабочих и чернорабочих) с одобрения Энгельса сама выступила с предложением о переносе празднования[1].

Так Энгельс еще раз показал образец правильной революционной тактики, лишенной каких бы то ни было элементов догматизма, основанной на всестороннем анализе особенностей сложившейся в данный момент обстановки, тактики, умело сочетающей конкретные задачи рабочего класса отдельной страны с общими целями всего международного пролетариата. И, конечно, эта гибкая, исходящая из тщательного и точного анализа фактического положения вещей тактическая линия не имела ничего общего с трусливым оппортунистическим приспособленчеством, уже тогда характерным для некоторой части германских социал-демократических лидеров, особенно из числа депутатов рейхстага. Поэтому защита Энгельсом линии германских социал-демократов по отношению к первомайскому празднику 1891 г. отнюдь не означала его безоговорочного согласия с решением фракции. В письме к одному из видных деятелей германской социал-демократии Р. Фишеру[2] Энгельс,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 286. Мы не останавливаемся здесь на той роли, которую играл Энгельс в подготовке первомайской демонстрации в Лондоне, а также на тех тактических советах, которые он давал французским социалистам в ходе организации праздника в Париже; это выходит за пределы поставленной автором задачи.

[2] Обращение Энгельса именно к Фишеру не было случайным. Бебеля в это время в Берлине не было (он выехал в Швейцарию по личным делам), кроме того, именно в это время отношения Энгельса с большинством социал-демократической фракции ухудшились в связи с публикацией им «Критики Готской программы» Маркса. Как известно, неправильную позицию в этом вопросе занял сначала и Бебель, Фишер же был одним из немногих социал-демократиче-

соглашаясь с перенесением празднования в данном году, в то же время выражал недоумение по поводу того, что это решение было принято фракцией, а не высшим руководящим органом партии — ее Правлением. В течение ряда лет Энгельс постоянно подвергал критике оппортунистические ошибки большинства фракции и вел с ними решительную борьбу, а накануне Галльского съезда партии критиковал первоначальный проект устава именно за то, что этот проект предоставлял фракции господствующее положение в партии[1]. Поэтому Энгельс и теперь видел в этом факте прежде всего стремление фракции поставить себя над руководящими органами партии, что вызвало у него известную тревогу. Воззвание, с которым фракция обратилась 6 февраля к немецким рабочим, объясняя свое решение[2], совершенно не удовлетворило Энгельса. Вместо того чтобы подчеркнуть *временный* и *вынужденный* характер перенесения празднования именно в *текущем году,* фракция утверждала, что Первое мая *вообще* можно праздновать *только* в воскресенье. «Любой другой день недели делает для очень большого числа рабочих невозможным принять участие в празднике»,— утверждали авторы воззвания. Это уже представляло собой настоящий оппортунизм. Возмущенный Энгельс назвал этот документ жалкой, бесцветной болтовней[3]. Попытки фракции навсегда перенести празднование 1 Мая на первое майское воскресенье вызвало резкое недовольство и в самой немецкой партии. «Фракция без всякого основания,— писал Фишер Энгельсу,—...узурпировала себе право, принадлежавшее раньше лишь конгрессу,— она ничтоже сумняшеся на все времена узаконила [oktroyierte] первое майское воскресенье»[4].

ских лидеров, которые приветствовали этот шаг Энгельса. Письмо Энгельса Фишеру в ЦПА ИМЛ отсутствует, однако о содержании его можно судить по ответу Фишера от 4 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5121).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 238.

[2] См. «Vorwärts», 6. II. 1891.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 285.

[4] Фишер — Энгельсу, 20 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5128).

В руководстве германской социал-демократии наметились, следовательно, две линии по вопросу о праздновании 1 Мая в 1891 году. Оппортунистическое большинство фракции рейхстага, использовав возникшие объективные трудности, пыталось вообще навсегда отказаться от празднования Первого мая в будние дни, лишив тем самым этот праздник его боевого характера. Другие же видные деятели партии, в том числе Бебель и Фишер, считая, что обстоятельства вынуждают в текущем году перенести празднование на воскресенье, не придавали этому принципиального характера и не намеревались распространить его на все времена. Эту линию в общем поддерживал и Энгельс, который рассматривал отход от решения Парижского конгресса как вынужденный шаг, вызванный исключительно неблагоприятными условиями, сложившимися в Германии именно в этом году. Подчеркивая, что «конечно, было бы очень приятно видеть всех рабочих-социалистов Старого и Нового света неработающими в день 1 мая» [1], Энгельс тем самым высказывался в пользу единого дня празднования. Но в то же время Энгельс при решении этого вопроса руководствовался конкретными обстоятельствами, проводя гибкую тактику, соответствующую особенностям и условиям каждой страны.

В общем, первомайские дни оправдали надежды Энгельса и его соратников. Забастовки и демонстрации состоялись в Австрии, Венгрии, Италии, Бельгии и других странах, а также в ряде французских городов; правда, в Париже вследствие вспыхнувших вновь разногласий между различными социалистическими группами единой демонстрации организовать не удалось [2]. В Германии

---

[1] «Correspondance», t. III, стр. 11.

[2] См. *M. Dommanget*. «Histoire du Premier Mai». Paris, 1953, p. 143—144. В письме Энгельсу П. Лафарг так характеризовал 1 Мая в Париже: «Манифестация, несмотря на интриги поссибилистов, которые сделали все, что могли, чтобы сорвать ее, состоялась. Я проходил с Лаурой по площади Согласия, несмотря на посты полиции и кавалерии, площадь была заполнена прекратившими работу рабочими, которые явились туда, чтобы увидеть делегатов и демонстрировать при их появлении. Поссибилисты, стремясь задержать народ, организовали в рабочих кварталах собрания, но они, по-видимому, не имели успеха, если иметь в виду рабочую публику, со-

празднование проходило главным образом в воскресенье 3 мая; особенно грандиозной была демонстрация в Гамбурге, где число ее участников доходило до 100 тысяч человек[1]. В Лондоне, по подсчетам Энгельса, который сам присутствовал на демонстрации, 3 мая в Гайд-парке собралось до 500 тысяч человек[2].

Первомайские дни свидетельствовали о росте классового сознания и активности пролетарских масс; в то же время они показали необходимость дальнейшей борьбы за единство рабочего класса и упрочение интернациональных связей. И в этом отношении особое значение имела та огромная работа, которую проводил в эти годы Энгельс по распространению марксизма в различных странах, его литературные выступления, пронизанные идеей пролетарского интернационализма и имевшие, как правило, огромный международный резонанс. Очень большой интерес среди социалистов европейских стран вызвало опубликование Энгельсом в начале 1891 г. работы Маркса «Критика Готской программы», которая уже тогда оказала значительное влияние на социалистические партии и нанесла серьезный удар по оппортунистическим элементам не только в Германии. Она помогла немецким социал-демократам в выработке новой, марксистской программы и оказала большую помощь социалистам других стран. Недаром ее опубликование, которое, как известно, встретило сопротивление со стороны ряда руководящих деятелей социал-демократической партии и особенно со стороны большинства ее фракции в рейхстаге, было встречено с одобрением многими европейскими социалистическими деятелями.

Энгельсу пришлось также вести решительную борьбу с реваншистскими настроениями во Франции, проникавшими и в социалистическую среду, и с шовинистскими настроениями некоторых оппортунистов из числа немецких социал-демократов. Такого рода настроения наносили

бравшуюся перед палатой. Делегаты провинций возмущались поведением поссибилистов; если бы не их маневры, перед палатой могло бы собраться 200—300 тысяч человек» («Correspondance», t. III, p. 43).

[1] См. «Vorwärts», 5.V. 1891.

[2] См. «Correspondance», t. III, p. 54.

серьезный ущерб делу интернационального сплочения рабочего класса. Так, когда немецкий оппортунист Фольмар 1 июня 1891 г. произнес на социал-демократическом собрании в Мюнхене патриотическую верноподданническую речь, заявив, что социал-демократия должна отстаивать аннексию Эльзас-Лотарингии, это вызвало решительный протест со стороны французских социалистов. Дело дошло до того, что в их среде дебатировался вопрос о целесообразности участия в Брюссельском конгрессе вместе с немецкими представителями. «Патриотический тон г-на Фольмара,— писал тогда Либкнехту один из лидеров Рабочей партии Франции Лавинь,— если он выражает мнение германской социал-демократической партии вообще, был бы гибельным для всего международного социализма» [1]. Энгельс был возмущен выступлением Фольмара. «Эта речь привела наших противников здесь и во Франции в полный восторг»,— писал он Каутскому 29 июня, требуя, чтобы Фольмару было официально запрещено выступать от имени партии [2]. Столь же решительно осуждал Энгельс и реваншистские настроения некоторых французских социалистов, особенно из числа бланкистов, часть которых оказывала поддержку реакционному шовинистическому движению генерала Буланже. Он настаивал на необходимости вести с этими настроениями непримиримую борьбу [3].

Такого рода националистические тенденции, проникавшие в среду социалистов, представляли собой серьезную опасность для международного единства рабочего класса. Поэтому Энгельс придавал особое значение борьбе с этими тенденциями и старался использовать каждый случай для укрепления интернациональных связей между рабочими различных стран, и прежде всего крупнейших государств Европы. Шовинистической внешней политике так называемых «великих держав» он противопоставлял единство рабочего класса. Отвечая на поздравление, полученное им от Национального совета Рабочей партии Франции в связи со своим семидесятиле-

[1] Лавинь — Либкнехту, 6 июля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 2986).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 326.

[3] См., например, «Correspondance», t. II, p. 389—390.

тием, он писал 2 декабря 1890 года: «...Больше всего меня радует то искреннее братство, которое установилось, надеюсь, навсегда, между французскими и немецкими пролетариями...»[1]. А на другой день в связи с предстоящим съездом венгерской социал-демократической рабочей партии он отмечал как особое ее преимущество то, что она «с самого начала является интернациональной, объединяя в своих рядах мадьяр, немцев, румын, сербов и словаков»[2]. Ту же самую мысль проводил он и в своем ответе на приглашение принять участие в интернациональном митинге в защиту прав труда в Милане в апреле 1891 года. Он выражал тогда надежду, что этот митинг «даст мощный толчок к укреплению уз солидарности, связывающих итальянских рабочих с их братьями по другую сторону Альп,— с французами, немцами, славянами»[3].

Так Энгельс, борясь с проникновением националистических настроений в социалистические партии, с одной стороны, и всемерно содействуя сплочению различных отрядов рабочего класса, с другой, помогал укреплению фундамента нового Интернационала.

Рассматривая интернациональное сплочение пролетариата как общее дело социалистов всех стран, Энгельс всегда выступал против необоснованных притязаний какой-либо из социалистических партий на особое положение в международном рабочем движении. Он считал, что такого рода претензии могут лишь нанести вред международному единству. Когда в английской печати в июне 1891 г. промелькнули сообщения, в которых французская Рабочая партия изображалась единственным инициатором и руководителем предстоящего конгресса, Энгельс резко осудил такие неоправданные заявления. «Французская марксистская партия,— писал он П. Лафаргу 28 июня,— не должна делать вид, будто она созывает конгресс, и не должна присваивать себе роль, на которую она не имеет права»[4]. Отнюдь не отрицая авангард-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 92.
[2] Там же, стр. 93—94.
[3] Там же, стр. 203.
[4] «Correspondance», t. III, p. 70.

ной роли рабочего движения той или иной страны на определенных этапах развития классовой борьбы, Энгельс неоднократно отмечал передовую роль германской социал-демократии в международном рабочем движении последней четверти XIX века. Он считал, что тот или иной отряд рабочего движения может занять такое положение только в результате объективно сложившейся обстановки, которая выдвигает его на передовые позиции освободительной борьбы. И тем более Энгельс осуждал попытки какой-либо одной партии присваивать себе функции, по самому своему существу относящиеся к совместным действиям социалистов различных стран.

В ходе подготовки к конгрессу Энгельсу пришлось столкнуться с еще одним ошибочным взглядом некоторых деятелей социалистического движения, которые — это особенно касалось отдельных французских и бельгийских социалистов — пытались добиться того, чтобы организационные формы нового международного объединения по существу просто копировали бы структуру Первого Интернационала. Энгельс решительно выступил против этого. Как и в период Парижского конгресса 1889 г., он продолжал считать, что в новой исторической обстановке механическое перенесение организационных принципов Международного Товарищества Рабочих на новый Интернационал могло бы нанести значительный вред освободительной борьбе рабочего класса и даже до известной степени затормозить ее. Эти принципы сложились на совершенно ином этапе рабочего движения, когда массовых политических партий пролетариата не существовало, когда центральная задача состояла в том, чтобы помочь пролетариату выработать свое классовое сознание, преодолеть влияние сектантства и идей утопического социализма, отделиться от мелкобуржуазной демократии, создать свои собственные самостоятельные организации, когда, как указывал Энгельс, всеобщие интернациональные интересы пролетариата «были выдвинуты на первый план»[1]. А это можно было выполнить только в решительной борьбе со всякого рода антипролетарскими течениями, чуждыми научному социализму и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 373.

даже враждебными ему. Задачи эти, вытекавшие из своеобразия той исторической обстановки, в которой протекала борьба рабочего класса во второй половине 60-х — начале 70-х годов, определяли и особенности организационной структуры Первого Интернационала: известную централизацию, руководство секциями из единого направляющего центра — Генерального Совета. Восстановление этой структуры теперь, спустя 20 лет, в совершенно иных исторических условиях, неизбежно стало бы серьезной помехой для дальнейшего развития рабочего движения. Создание в большинстве европейских стран социалистических партий, признающих в общем своей теоретической основой принципы научного социализма, идейный разгром домарксовых социалистических учений, анархистских и других непролетарских течений внутри рабочего движения, быстрое развитие массовых организаций пролетариата, наконец, рост и упрочение интернациональных пролетарских связей в различных видах — все это делало ненужным и излишним воссоздание тех организационных форм Интернационала, которые были неизбежны на прежнем, более низком этапе движения. Ведь перед самостоятельными массовыми пролетарскими партиями европейских стран стояли теперь, помимо интернациональных, в первую очередь свои национальные задачи; повседневное руководство этими партиями из одного центра было, разумеется, фактически невозможным. Именно это имел в виду Энгельс, когда в апреле 1891 г. писал, что «старая официальная форма 1864—1875 гг. была бы слишком тесной для миллионов европейских и американских рабочих, объединившихся под красным знаменем борющегося пролетариата» [1].

Кроме того, были и другие обстоятельства, вынуждавшие Энгельса особенно энергично отстаивать эту свою точку зрения. Если бы Генеральный Совет был действительно создан в той же форме, что и раньше,— а стремление к этому накануне Брюссельского конгресса было весьма велико,— то фактическое руководство в нем неизбежно принадлежало бы социалистам той страны, где он находился бы. Но местопребыванием руководящего

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 203.

органа нового Интернационала не могла быть ни Франция, где среди социалистов не было единства, ни Германия с ее реакционным юнкерски-буржуазным правительством, которое только ждало повода, чтобы вновь обрушиться с репрессиями на рабочий класс, ни Англия, в которой вообще не было массовой социалистической партии. Генеральный Совет, следовательно, оказался бы на территории одной из малых европейских стран, вероятнее всего Бельгии, где социалистические лидеры проявляли в этом отношении особую активность. А так как среди них оппортунистические элементы были весьма сильны, то руководящие позиции в этом органе скорее всего были захвачены именно ими. Поэтому Энгельс столь решительно и выступал против всех подобных планов. «Этот неукротимый Бонье,— писал он Лауре Лафарг в середине июня 1891 г., за месяц до конгресса,— без обиняков заявил мне, что Гед и он собираются восстановить старый Интернационал с Центральным Советом. Я прямо ответил ему, что это значит отдать все в руки бельгийцев (единственно возможный Центральный Совет), зная, какого сорта это люди»[1]. Эту же мысль он повторил в письме к Зорге уже накануне конгресса: «Брюссельцы, которые сами в глубине души поссибилисты... хотят стать Генеральным Советом нового Интернационала»[2].

Таким образом, Энгельс выступал против немедленного создания какого-то руководящего центрального органа также и потому, что опасался того, что оппортунисты могут завладеть им. Ведь в международном рабочем движении не было человека, который пользовался бы таким гигантским авторитетом, как возглавлявший Первый Интернационал Маркс. Энгельсу шел уже восьмой десяток, и он не считал возможным теперь взять на себя подобную роль.

Конечно, эта позиция Энгельса отнюдь не означала, что он вообще был против организационного оформления и укрепления нового интернационального объединения. Он считал лишь, что структура его должна быть выработана постепенно, в соответствии с особенностями

---

[1] «Correspondance», t.III, p. 84.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 333.

нового этапа в развитии рабочего движения, и что структура эта ни в коем случае не должна сковывать самостоятельного политического развития национальных отрядов международного пролетариата. «Движение слишком велико, слишком обширно,— писал Энгельс Лауре Лафарг уже во время конгресса, 17 августа 1891 г.,— чтобы заключать его в стеснительные рамки» [1]. К этому времени повседневные международные связи социалистических партий и других рабочих организаций значительно расширились и упрочились, поэтому Энгельс считал тогда наиболее подходящей формой существования Интернационала периодические международные конгрессы. Эту мысль он подчеркивал и позднее, два года спустя, когда, выступая на Цюрихском конгрессе II Интернационала, говорил: «Свободное объединение, добровольные контакты, поддерживаемые конгрессами,— этого достаточно, чтобы обеспечить нам победу...» [2].

Энгельс не прекращал своей деятельности по подготовке конгресса вплоть до его открытия. Он вел по этому поводу обширную переписку со своими соратниками в различных странах — Франции, Германии, Италии, США и других, оказывал постоянную помощь Элеоноре Маркс-Эвелинг, Эдуарду Эвелингу и другим социалистам, занимавшимся подготовкой конгресса в Англии. Энгельс все время подчеркивал, что ни решения, принятые в Галле, ни выпущенное на их основе обращение о созыве конгресса не могут сами по себе привести к положительным результатам, поскольку в числе участников конгресса неизбежно будут и оппортунисты. Необходимо заранее обеспечить успех сторонников революционного социализма на конгрессе. Он опасался, что английские сектанты во главе с Гайндманом, французские поссибилисты в лице Брусса и его сторонников, а также немецкие оппортунисты (Фольмар и др.) могут на конгрессе действовать объединенным фронтом и привлечь на свою сторону представителей некоторых малых европейских стран. Между тем среди французских социалистов, даже у Лафарга, появились настроения самоуспокоенности

---

[1] «Correspondance», t. III, p. 87.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 426.

и известной недооценки конгресса[1]; в то же время организаторы конгресса — бельгийцы — действовали весьма энергично[2]. Узнав об этих настроениях, Энгельс немедленно обратился к Лауре Лафарг с письмом, в котором высказывал свои опасения и предостерегал от самоуспокоенности. «Поль считает, что Тусси волнуется по поводу Брюсселя больше чем нужно. Я так не думаю,— писал он 20 июля 1891 г.— Все *может* пройти хорошо и, вероятно, так и произойдет, если все будут действовать решительно, но у меня слишком большой опыт в отношении таких конгрессов, и я знаю, как легко все может расстроиться... Одна ошибка с нашей стороны, одна упущенная возможность могут потребовать от нас в будущем много ненужной, но неизбежной работы»[3].

Энергичная деятельность Энгельса и его соратников принесла свои плоды. Результаты конгресса в общем оправдали надежды Энгельса.

Международный социалистический рабочий конгресс, вошедший в историю рабочего движения как второй (Брюссельский) конгресс II Интернационала, состоялся в Брюсселе с 16 по 23 августа 1891 года. На нем — согласно докладу мандатной комиссии конгресса — присутствовали 353 делегата от 15 стран[4]. Несколько более по-

---

[1] 17 июля Лафарг писал Энгельсу: «Тусси напрасно беспокоится по поводу Брюссельского конгресса, все там пройдет хорошо, несмотря на Гайндмана, Брусса, Аллемана и К°. К тому же Брюссельский конгресс будет иметь очень мало значения...» («Correspondance», t. III, p. 82).

[2] См., например, письмо одного из лидеров Рабочей партии Бельгии Вольдерса Либкнехту от 18 июля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 5287).

[3] «Correspondance», t. III, p. 83—84.

[4] См. «Rapport», p. 14—17. Точное число делегатов автору установить не удалось, так как имеющиеся данные весьма разноречивы. Так, в приложенном к этому отчету списке делегатов насчитывается 336 человек; в кратком отчете, изданном в 1893 г. на немецком языке («Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiter-Congress zu Brüssel». Berlin, 1893, S. 5—6) называется другая цифра — 362 делегата; в некоторых советских изданиях — «Материалы по истории Первого и Второго Интернационалов», сост. И. Браславский. М., 1926, стр. 178, Большая Советская Энциклопедия, 1 изд. (т. 28, стр. 729), 2 изд. (т. 18, стр. 289) говорится о 380 делегатах и в уже упоминавшейся книге И. М. Кривогуза и С. М. Стецкевича — о 390 делегатах.

ловины участников конгресса составляли представители Бельгии; наиболее крупные делегации прибыли из Франции, Германии, Англии. Из внеевропейских стран были представлены только США. На конгрессе не было делегатов от русских социал-демократов. Группа «Освобождение труда» в своем представленном конгрессу от имени редакции журнала «Социаль-демократ» докладе о состоянии революционного движения в России объясняла свое неучастие в конгрессе тем, что она, будучи эмигрантской организацией, не считает себя вправе представлять рабочее движение России, пока там не создано массовой партии [1].

В числе делегатов конгресса были соратники Маркса и Энгельса по I Интернационалу, активные борцы за освобождение рабочего класса — Бебель, Либкнехт, Лесснер, Иглесиас, Франкель, видные деятели социалистического движения Гед, Вайян, Зингер, Турати, В. Адлер, Элеонора Маркс-Эвелинг, Г. Квелч и другие [2]. Однако — и это было одной из характерных и в известной степени неизбежных черт конгресса — состав его далеко не был однородным. Да иначе в тот период и быть не могло. Среди представленных на конгрессе социалистов были и прямые противники марксизма, в том числе один из руководителей поссибилистов Малон, лидер отколовшейся от поссибилистов группы Аллеман, фабианец Пиз и другие. Правда, такие видные деятели оппортунистического крыла как Гайндман, Брусс, Фольмар на конгресс не прибыли. Наряду с социалистическими партиями и группами, своих делегатов прислали и многие профессиональ-

---

[1] В этом докладе, в частности, говорилось: «Мы поставили себе обязанность покрыть всю Россию сетью рабочих обществ. До тех пор, пока цель эта не будет достигнута, мы будем воздерживаться от участия в ваших заседаниях. До того момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фиктивно» («Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, часть 1. М., 1940, стр. 98). Текст доклада был роздан делегатам конгресса (см. там же, сб. 1, стр. 254). На конгрессе было также зачитано приветствие Лаврова (см. «Rapport», p. 20).

[2] П. Лафарг, хотя и был делегатом конгресса, не смог принять участие в его работе, так как был арестован французским правительством.

ные организации ряда стран; среди членов английской делегации деятели тред-юнионов составляли даже большинство. Но не эти элементы определяли собой лицо конгресса, большинство делегатов стояло в основном на марксистских позициях. И это было важнейшим результатом деятельности Энгельса, это обусловило и весь ход и решения конгресса.

В первый же день своей работы конгресс прямо и недвусмысленно высказался за исключение анархистов. Конгресс единодушно решил аннулировать мандат одного из делегатов, представителя группы бельгийских анархистов, «поскольку анархисты не признают необходимости организации рабочих» [1] и, следовательно, не приглашены на конгресс. «Мы,— заявил секретарь конгресса, бельгийский социалист Ж. Вольдерс,— составляем социалистическую партию, которая не имеет ничего общего с анархией» [2]. Энгельс приветствовал это решение и подчеркивал его принципиальное значение. В письме Лафаргу 2 сентября 1891 г. он писал: «Конгресс хорошо сделал, что голосовал за исключение анархистов: старый Интернационал этим закончил, новый — с этого начинает. Тем самым спустя девятнадцать лет просто-напросто подтверждены решения Гаагского конгресса» [3]. Это не только демонстрировало преемственность нового Интернационала по отношению к Международному Товариществу Рабочих, но и свидетельствовало о том, какой большой шаг вперед сделало революционное рабочее движение; влияние анархизма, этого главного врага марксизма внутри Первого Интернационала, было теперь почти сведено на нет. Правда, в ходе конгресса проявились полуанархистские настроения отдельных делегатов — лидер голландских социалистов Д. Ньювенгейс при обсуждении вопроса об отношении пролетариата к милитаризму внес резолюцию, предлагавшую, чтобы «социалисты всех стран в случае объяв-

---

[1] «Verhandlungen», S. 5.

[2] «Rapport», p. 15.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 244. Отрывки из этого письма были опубликованы в газете «Le Socialiste», 12. IX. 1891.

ления войны призвали бы народ к всеобщей стачке»[1]. Однако конгресс подавляющим большинством голосов отклонил предложение Ньювенгейса (за него голосовали лишь голландцы, а также некоторое число французов и англичан) и принял резолюцию Либкнехта — Вайяна, которая давала в общем правильную оценку милитаризму, хотя и излагала конкретные задачи пролетариата в довольно расплывчатой форме. Отклонение резолюции Ньювенгейса Энгельс рассматривал как признак зрелости передовых рабочих. «Инцидент с Домела Ньювенгейсом показал,— писал он в этом же письме,— что европейские рабочие окончательно оставили позади период господства громкой фразы и что они отдают себе отчет в той ответственности, которая на них возлагается»[2].

Важной победой марксистов было единогласное принятие резолюции о рабочем законодательстве, в которой еще раз провозглашалось, что «конгресс... стоит на почве классовой борьбы и уверен в том, что освобождение рабочего класса невозможно без ликвидации классового господства». Резолюция призывала «рабочих всего мира объединиться против господства капиталистических партий»[3]. Энгельс считал это решение особенно важным потому, что за его принятие голосовали и представители английских тред-юнионов, руководство которых открыто проводило буржуазно-либеральную политику. Участие тред-юнионов — организаций, которые не ставили перед собой никаких социалистических целей,— в социалистическом конгрессе должно было, полагал Энгельс, способствовать переходу их на позиции революционной классовой борьбы. Он постоянно боролся против сектантской линии Социал-демократической федерации, которая упорно не желала вести работу в этих действи-

---

[1] «Verhandlungen», S. 27. В своем выступлении Ньювенгейс пытался опровергнуть основы марксистского учения о войне, утверждая, что между оборонительными и наступательными войнами не существует якобы никакой разницы. Кроме того, он обвинял социалистов крупных стран, особенно немцев, в шовинизме, демагогически используя при этом уже упоминавшееся выступление Фольмара, хотя оно и встретило серьезный отпор со стороны большинства немецких социал-демократов.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 244.

[3] «Verhandlungen», S. 14—15.

тельно массовых организациях английского пролетариата; в то же время он был решительным противником каких-либо принципиальных уступок тред-юнионизму. Именно с такой точки зрения Энгельс одобрял эту резолюцию, с удовлетворением отмечая, что «с нашей стороны никаких уступок сделано не было»[1]. Конгресс, следовательно, подтвердил правильность тактики Энгельса, направленной на установление единства рабочего движения на социалистической основе.

В духе указаний Энгельса был решен и вопрос о следующем конгрессе. Было принято решение провести конгресс в 1893 г. в Швейцарии, причем выбор города и созыв конгресса были поручены социалистам этой страны[2].

На конгрессе, помимо ряда других проблем, обсуждался также вопрос о праздновании 1 Мая. Немецкая делегация не учла, очевидно, точки зрения Энгельса, считавшего, как указывалось выше, что перенесение празднования допустимо лишь в исключительных случаях, и, при поддержке англичан, предложила окончательно установить, чтобы этот день повсюду впредь отмечался в первое воскресенье мая. Против этого решительно выступили французские и австрийские социалисты. Резолюция, принятая конгрессом, носила компромиссный характер, хотя в известном смысле приближалась к мнению Энгельса; в ней указывалось, что «этот праздник должен сопровождаться прекращением работы, поскольку это допускают условия каждой отдельной страны»[3]. В целом это, на первый взгляд, мало отличалось от позиции Энгельса, однако давало оппортунистам некоторые возможности протаскивать в этом вопросе свою линию, не вступая в прямое противоречие с решением конгресса.

Энгельс с большим вниманием следил за работой конгресса, пользуясь как газетной информацией, так и сообщениями близких к нему делегатов. В общем, он остался доволен результатами конгресса. «Марксисты, и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 244.

[2] См. «Verhandlungen», S. 34. Полученное из США предложение провести следующий конгресс в 1893 г. в Чикаго было конгрессом отклонено из практических соображений.

[3] «Verhandlungen», S. 33.

принципиально и тактически, победили по всей линии»,— писал он Зорге 2 сентября 1891 года [1].

Конгресс еще раз подчеркнул враждебность анархизма освободительной борьбе пролетариата, способствовал дальнейшему падению влияния поссибилистов и других оппортунистических групп, создал благоприятные условия для координации действий социалистов различных стран, ликвидировал опасность создания двух параллельных центров международного рабочего движения.

Тактическая линия, намеченная Энгельсом и проводившаяся под его руководством в период подготовки к конгрессу, полностью оправдала себя. Эта линия была направлена на сплочение международного рабочего движения на базе теории научного социализма, умело сочетая при этом борьбу пролетариата за его насущные интересы с общими задачами освобождения от ига капитала. Следуя этой линии, руководители социалистического движения сумели привлечь к участию в конгрессе подавляющее большинство пролетарских организаций, добились принятия конгрессом таких решений, которые в основе своей отражали действительные потребности революционной борьбы. Конгресс, таким образом, сделал решающий шаг к упрочению нового интернационального объединения и способствовал полной победе марксизма к середине 90-х годов.

Несомненно, что этими успехами конгресс был обязан в значительной мере той огромной подготовительной работе, которая была проведена марксистами ряда европейских стран, душой и сердцем которой был Энгельс. Великий соратник Маркса вновь проявил себя здесь как блестящий тактик, свободный от какого-либо догматизма в решении сложных проблем рабочего движения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 37. Высокую оценку конгрессу давал ветеран рабочего движения Ф. Лесснер, писавший: «Здесь воочию видишь, какой силой стала наша партия и какими гигантскими шагами она идет вперед...» (Лесснер — Энгельсу, 18 августа 1891 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5240).

М. Е. ОРЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИЗМА В ИРЛАНДИИ

(Теоретическая и пропагандистская деятельность Джемса Конноли в 90-е годы XIX в. в Ирландии)

С конца 90-х годов начался новый этап многовековой борьбы ирландского народа за свое освобождение, когда активной, решающей силой в этой борьбе выступил ирландский рабочий класс. Исторический смысл нового этапа нашел свое выражение в национальном восстании 1916 г., одним из организаторов и руководителей которого был пролетарский революционер Джемс Конноли.

Новый этап национально-освободительного движения был подготовлен самим процессом социально-экономического развития Ирландии, развитием классовой борьбы, которая привела к выделению ирландского пролетариата из рядов мелкобуржуазной демократии. Однако его активная, передовая роль в национально-освободительном движении стала возможна благодаря идейной и организационной подготовке ирландского рабочего класса, превращению его из темной, забитой массы в организованную армию пролетариата, которую приветствовал В. И. Ленин [1]. Крупнейшая заслуга в этом процессе принадлежит группе ирландских марксистов во главе с Джемсом Конноли, развернувшей с конца XIX века подлинно революционную пропаганду и агитацию в духе научного социализма.

Общий характер экономики Ирландии, которую Маркс в 60-е годы XIX века называл «земледельческим округом Англии, отделенным от нее широким проливом» [2] не изменился и к концу века.

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 19, стр. 298.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 714.

Политика английских колонизаторов, препятствовавших индустриальному развитию Ирландии, привела к тому, что в южной части страны, где преобладала ирландская буржуазия, промышленность (пищевая, текстильная, пивоваренная) была представлена, главным образом, отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья, изготовлением полуфабрикатов для дальнейшей обработки их в Англии, т. е. находилась в полной зависимости от английского капитализма. Добывающая промышленность Ирландии, дающая основное сырье, необходимое для создания собственной тяжелой промышленности, фактически не развивалась. Вотчина английских компаний — Северная Ирландия (Ольстер) — была экономически оторвана от остальной части страны; успешно развивающиеся здесь судостроение и текстильная промышленность (производство полотна) управлялись лондонским Сити и зависели целиком от ввозимого из Англии сырья и английских рынков, производство в этих отраслях было полностью рассчитано на экспорт.

В связи с переходом к империализму усиливается экономическая эксплуатация и зависимость ирландской экономики от метрополии. Теперь главным орудием этой эксплуатации служат английские банки, полностью подчинившие себе ирландские финансы и осуществляющие фактический контроль над ирландской экономикой. Процесс образования монополий в ирландской промышленности в полной мере отражал колониальный характер экономики страны: судостроительные монополии в Ольстере, крупнейшие пищевкусовые объединения в Дублине и др. возникали не в результате развития местной ирландской промышленности, а насаждались «сверху» английским капиталом для усиления эксплуатации Ирландии как сырьевого придатка и поставщика дешевой рабочей силы.

Сельское хозяйство Ирландии также было поставлено на службу английскому капитализму. Продолжавшийся в связи с развитием животноводческого хозяйства сгон английскими лендлордами крестьян с земли, увеличивал массу безземельных. Непрекращающаяся борьба крестьян за землю вынудила английское правительство пойти

на издание ряда земельных актов (1870, 1881 и др.), которые Маркс называл «очень тонким трюком». Эти мероприятия английской администрации дали лендлордам в конечном счете возможность с выгодой избавиться от тех участков, которые в обстановке преимущественного развития скотоводства в Ирландии и продолжающегося с конца 70-х годов сельскохозяйственного кризиса стали для них обузой. Земельная реформа по существу явилась ограблением крестьян, которые были вынуждены выкупать отобранную у них же землю по цене превышающей рыночную. В результате выкупных операций в ирландской деревне создавался класс деревенских капиталистов-кулаков и одновременно шел процесс быстрого разорения «владельцев» карликовых участков, часть которых вместе с семьями покидала Ирландию, а другая часть пополняла в ирландских и английских городах армию безработных.

Экономическое развитие Ирландии определило характер ирландского пролетариата и особенности его состава. Во-первых, экономическое разделение страны на две неравные по своему промышленному развитию части привело к тому, что наиболее квалифицированные и организованные в процессе производства на крупных английских судостроительных верфях и текстильных предприятиях рабочие были сосредоточены на севере, в Ольстере, и фактически были оторваны от остальной Ирландии. Довольно значителен был здесь слой рабочей аристократии [1].

Слабое развитие промышленности на юге обусловило там малочисленность фабричного пролетариата, преобладание низкооплачиваемых категорий неквалифицированных рабочих, наличие большой армии безработных. В таких городах, как Дублин (самый развитый город Южной Ирландии), Корк, Лимерик, Уотерфорд, основными категориями пролетариата были разнорабочие, докеры, грузчики, транспортники, возчики, железнодорожники. В городах Южной Ирландии особенно велико было число разнорабочих, бывших батраков, представлявших

---

[1] См. *E. Strauss*. «Irish Nationalism and British Democracy». London, 1951, p. 224.

собой текучий элемент, переходящий из деревни в город и обратно, в зависимости от конъюнктуры[1]. В этих городах рабочие гораздо чаще переходили из одной отрасли промышленности в другую, чем это имело место в английских городах, где производство, требующее квалифицированного труда, занимало бо̀льшую часть рабочих и долго удерживало их в одной отрасли промышленности. Значительный процент среди трудящихся составляла домашняя прислуга. По данным переписи 1901 г. домашними услугами занималось 5% самодеятельного населения Ирландии[2]. Слабое промышленное развитие Ирландии, аграрное перенаселение обусловили скопление в ирландских городах большой армии безработных; даже Дублин мог предоставить работу только 200 тысячам жителей из 360 тысяч[3]. То одна, то другая часть огромной массы неквалифицированных рабочих находилась без работы или существовала случайными заработками.

Разобщение ирландского пролетариата, обусловленное различным уровнем промышленного развития на севере и юге, усугублялось религиозной рознью. Рабочие-католики Южной Ирландии проявляли крайнюю религиозную нетерпимость к рабочим-протестантам Севера. Религиозная рознь была старым испытанным средством, с помощью которого буржуазия тормозила объединение рабочих и рост их классового сознания; этим средством широко пользовалась и католическая церковь.

Английская и ирландская буржуазия, препятствовавшая всеми способами объединению рабочего класса, поддерживала и разжигала национальную рознь между английскими и ирландскими рабочими. Социалистической пропаганде предстояло преодолеть эту рознь и воспитать английских и ирландских рабочих в духе пролетарского интернационализма.

---

[1] По данным автора книги: *D. Noelle.* «Connolly of Ireland». Liverpoole, 1934, p. 11, число таких рабочих в начале XX в. составляло более 250 тысяч человек.

[2] *А. Выдрина.* «К крестьянскому вопросу в Ирландии». М., 1910, стр. 7.

[3] «The Irish Rebellion of 1916». Ed. by N. Loy. New York, 1916, p. 54.

Что касается уровня жизни ирландских рабочих, то многие современники, многочисленные комиссии в своих отчетах отмечали их отчаянную нищету и бесправие. Ирландские рабочие, не знавшие никаких законов охраны труда (на них не распространялось английское рабочее законодательство) были подвержены ничем не ограниченной эксплуатации. По сообщению комиссии по расследованию причин Дублинской стачки 1913 г., продолжительность рабочей недели в Дублине колебалась от 50 до 90 часов[1]. Заработная плата рабочих в Ирландии была намного меньше заработка их собратьев в Англии. Даже по выборочным официальным данным, заработная плата неквалифицированных строительных рабочих Дублина составляла 66%, а квалифицированных — 79% заработка соответствующих категорий строителей Лондона[2]. Чрезвычайно тяжелым было положение женщин-работниц, составлявших довольно значительный процент рабочего населения; в некоторых отраслях промышленности преобладали женщины. Их заработная плата была намного меньше заработка английских рабочих. Так на бисквитной фабрике Джекобса в Дублине заработная плата составляла в 1910 г. 2 шилл. 6 пенсов в неделю, т. е. была в 15 и более раз меньше заработка квалифицированного английского рабочего[3]. Особую известность из-за большой смертности получили дублинские трущобы.

Основной проблемой ирландской экономической и общественно-экономической жизни была *проблема полного национального освобождения.* Задача полнокровного развития экономики, индустриализация страны и ликвидация кризисного положения в сельском хозяйстве, поднятие уровня жизни трудящихся, демократизация страны — все эти вопросы не могли быть решены до тех пор, пока Ирландия оставалась английской колонией. Решить этот основной вопрос могло лишь подлинно революцион-

---

[1] *P. M. Fox.* «Jim Larkin. The Rise of Underman». London, 1957, p. 68.

[2] «Cost of Living of the Working Classes. Report of inquiry...». London, 1913, p. 291.

[3] *Е. Б. Черняк.* «Дублинская стачка 1913 г.» («Ученые записки по новой и новейшей истории». Выпуск III, 1957, стр. 226).

ное национально-освободительное движение, возглавляемое рабочим классом и его партией.

Подъем национально-освободительной борьбы в 60-е годы показал неспособность мелкобуржуазных революционеров — фениев в силу ограниченности их мировоззрения и ошибочности тактики создать единое мощное национальное движение и привести его к решительной победе. Деятели Земельной лиги, организовавшие в начале 80-х годов массовое аграрное движение, не имели четкой социально-экономической программы, способной вовлечь в борьбу за свободу Ирландии широкие слои трудящихся в городах, и поэтому не могли создать и возглавить подлинно национальное движение. Ирландская парламентская партия, опиравшаяся в конце XIX — начале XX века на зажиточные слои деревни и на мелкие и средние предпринимательские круги города, сумела с помощью националистической фразеологии и спекуляции на традициях борьбы против лендлордизма сохранять весьма значительное влияние на крестьянские массы. Но эта партия была глубоко враждебна массовому движению. Выдвигая ограниченный лозунг гомруля, она стремилась сделать все возможное для предотвращения революции в Ирландии и не помышляла о коренном решении основных ирландских проблем. В конце XIX века образовались буржуазные и мелкобуржуазные организации: Гэльская лига, Кельтское литературное общество и другие, добивавшиеся возрождения древней ирландской культуры. Хотя они и привлекали симпатии патриотических элементов, но, не имея определенной социально-экономической программы, не могли повести за собой народные массы Ирландии. Национальная промышленная буржуазия Ирландии в конце XIX века еще не была политически организована. Она выступит со своей социально-политической программой лишь в 1905 г., выдвинутой лидерами партии Шин-фейн. В значительной мере позиции этой части ирландской буржуазии в национально-освободительной борьбе ослаблялись зависимостью от английских заказов и кредитов; даже лучшая часть шинфейнеров боялась вовлечения широких масс в национальное движение.

Таким образом, в конце XIX века в Ирландии ни одна из буржуазных партий не имела программы, вокруг которой могли бы сплотиться народные массы в мощный национально-освободительный фронт. Только ирландский рабочий класс, руководимый последовательной марксистской партией, вооруженной правильным пониманием своих задач в демократической революции, в деле последовательного проведения национального освобождения Ирландии, мог бы возглавить массовое национально-освободительное движение и повести его за собой до победного конца. Но в конце XIX века ирландский рабочий класс отнюдь не представлял собой еще силы, способной осуществить такое руководство. Непрочность и разрозненность рядов рабочего класса, обусловленные низким уровнем социально-экономического развития Ирландии и спецификой этого развития, мешали ему стать такой силой. Важнейшим препятствием для активного включения в национально-освободительное движение ирландского рабочего класса была его организационная и идейная слабость. Ирландские секции I Интернационала, созданные в конце 60-х — начале 70-х годов, существовали недолго и не сумели охватить большинство рабочего класса. Профсоюзы, существовавшие в Ирландии не одно десятилетие, объединяли лишь незначительную (особенно на юге) прослойку квалифицированных рабочих и были пропитаны цеховым духом, столь свойственным английским тред-юнионам, ответвлениями которых они в большинстве своем были. Созданный в 1894 г. Ирландский конгресс тред-юнионов, подобно Английскому, был не организатором классовой борьбы рабочих, а рассадником оппортунизма, строго придерживался принципа невмешательства в политику и заботился лишь о защите цеховых интересов квалифицированных рабочих. В ряде городов Ирландии (главным образом, на севере, в Ольстере) существовали отделения английской Независимой рабочей партии, куда входили ирландские рабочие. Однако влияние этой партии было довольно незначительным: руководители ее в силу своих шовинистских взглядов не могли понять специфических задач борьбы рабочего класса Ирландии, полностью игнорировали национальные проблемы и ограничивались тред-юнионистской

политикой. Из-за сектантского игнорирования задач национально-освободительной борьбы потерпели неудачу создаваемые в 80-е годы отделения Социал-демократической федерации. Оторванная от конкретных задач борьбы ирландских рабочих, в которых сильны были подлинно патриотические чувства, социалистическая пропаганда этих организаций не получила влияния среди пролетарских масс Ирландии.

Необходима была длительная борьба за организационное сплочение и политическое воспитание ирландского пролетариата. Необходимо было связать борьбу рабочих за свое освобождение с решением национальных задач и подготовить их к решительному выступлению во главе сил национального освобождения. Эту гигантскую работу предприняла во второй половине 90-х годов группа ирландских марксистов, во главе которых стоял выдающийся пропагандист марксизма, в будущем национальный герой Ирландии Джемс Конноли.

* * *

Конноли родился в 1870 г. в семье батрака, вынужденной из-за неурожая и голода покинуть родину. Он с ранних лет проходил «свои университеты» в различных городах Англии и Шотландии, скитаясь в поисках работы. Вместе со своим дядей, старым фением, Конноли посещал митинги, организуемые социалистами. Там он познакомился с одним из видных деятелей Социал-демократической федерации Джоном Лесли, выступавшим с требованием независимости Ирландии. Одновременно с участием в социалистических митингах, встречами и бесконечными беседами с Лесли и другими английскими социалистами, Конноли внимательно изучает труды Маркса и Энгельса и вскоре становится одним из наиболее известных ораторов на митингах социалистов в Шотландии. Молодой Конноли сближается с наиболее последовательными деятелями Социал-демократической федерации — У. Моррисом, Б. Баксом, Элеонорой и Эдуардом Эвелингами, выступавшими против официального руководства федерации, во главе с Гайндманом, которое насквозь «пропитано духом компромисса и не ведет никакой работы, направленной на то, чтобы показать, как

надо свергнуть капитализм и установить социалистическую республику»[1]. Конноли вступает в организованную в 1888 г. Шотландскую социалистическую федерацию и в 1893 г. становится одним из «главных партийных организаторов» секретарем этой федерации.

Социалистическая литература в Англии 90-х годов была еще очень бедна[2]. Выдающимся событием для английских социалистов было появление в 1887 г. первого английского издания I тома «Капитала». В 1888 г. был выпущен новый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии» с предисловием и под редакцией Энгельса[3]. В 1892 г. вышли английские издания «Положения рабочего класса в Англии» и «Развития социализма от утопии к науке» с предисловием Энгельса. В 1898 г. в Лондоне впервые был опубликован доклад Маркса на заседании Генсовета Интернационала «Заработная плата, цена и прибыль» с предисловием Э. Эвелинга.

Конноли начинал свой путь социалиста в атмосфере горячего интереса к произведениям марксизма. Он самостоятельно изучает их, посещает один из организованных шотландскими социалистами семинаров по изучению марксизма[4], горячо обсуждает все вопросы, возникавшие в связи с первым знакомством с основами научного коммунизма.

Большую роль в восприятии Конноли идей марксизма и в его знакомстве, в частности, со взглядами Маркса и Энгельса по ирландскому вопросу, сыграли, по-видимому, личные встречи с Эвелингами. При изучении статей Конноли 1896—1899 гг., о которых мы будем говорить ниже, невольно встает вопрос о путях знакомства их автора с мыслями, высказанными Марксом в его переписке

---

[1] *J. Connolly.* «Socialism made easy». Glasgow, 1921, Introduction, p. 2.

[2] В письме А. Момбергеру от 9 марта 1894 г. Энгельс отмечает, что с английской социалистической литературой «дело обстоит... *не слишком блестяще*» (курсив наш.— *М. О.*; см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 292).

[3] «Манифест Коммунистической партии» впервые был опубликован на английском языке в издававшемся Дж. Дж. Гарни чартистском еженедельнике «The Red Republican» в 1850 году.

[4] *D. Greaves.* «The Life and Times of James Connolly». London, 1961, p. 31.

с Энгельсом зимой 1869—1870 гг. или в «Конфиденциальном сообщении»,— настолько близки к этим документам и по духу, и даже по некоторым формулировкам работы самого Конноли. В Эдинбурге Конноли не раз встречался с Элеонорой Маркс и Эдуардом Эвелингом. Вполне правомерно предположить, как это делает автор лучшей книги о Конноли — Десмонд Гривс, что во время этих встреч Конноли узнал много ценного о взглядах Маркса на ирландский вопрос и на пути его решения [1].

Важную роль в процессе формирования взглядов Конноли сыграл видный деятель Шотландской социалистической федерации Джон Лесли. В 1893—1894 гг. Лесли читал для членов Шотландской федерации специальные лекции об Ирландии, за которыми затем следовали долгие дискуссии; он также был автором ряда статей по ирландскому вопросу. В 1894 г. серия его статей из «Justice» была издана в виде памфлета под названием: «Нынешнее состояние ирландского вопроса» [2]. В этом памфлете ярко выражена мысль о том, что угнетение ирландского народа, как и эксплуатация человека человеком, являются проявлением капиталистической системы, а следовательно, главным врагом ирландского народа, как и народа Англии, является английский капитализм. Тем самым борьба за независимость Ирландии теснейшим образом связана с классовой борьбой. Лесли высказывает мысль о необходимости создания в Ирландии независимой рабочей партии.

Одновременно Конноли занимается изучением истории Ирландии, читает работы борцов за ее независимость: Митчела, Лалора, Девита. Особое внимание уделяет Конноли периоду деятельности секций Первого Интернационала, который он считал началом распространения подлинно научного социалистического учения в Ирландии [3].

Изучая основные произведения научного социализма и историю Ирландии, ее многовековую борьбу за нацио-

---

[1] *D. Greaves.* Op. cit., p. 68.

[2] *J. Leslie.* «The Present Position of the Irish Question». London, 1894.

[3] *J. Connolly.* «Labour in Ireland. I. Labour in Irish History». Dublin, 1934, p. 183.

нальную независимость, Конноли первым из ирландских социалистов понял органическую связь проблемы социально-экономического развития своей страны с проблемой ее национального освобождения. Глубина и творческий характер восприятия им марксизма сказываются в том, что Конноли — пропагандист научного социализма — предстает перед нами не только как популяризатор тех или иных отдельных положений или произведений, а как политик, организатор, зовущий к *марксистскому решению* важнейших социально-экономических и политических задач. Конноли воспринимает марксизм как подлинно научное и революционное руководство к действию, как ключ к решению важнейших вопросов, поставленных перед социалистическим движением своей страны.

Выступления Конноли на социалистических митингах в Шотландии в 1895—1896 гг. были весьма высоко оценены его товарищами: «Он самый способный пропагандист, в полном смысле слова, из всех, кого когда-либо дала Шотландия»,— писал Лесли [1].

В 1896 г. Конноли остался без работы. Существовать на средства федерации он не мог ввиду тяжелого состояния ее финансов. Было решено послать Конноли в Ирландию, чтобы он попытался найти там работу и развернул социалистическую пропаганду среди ирландских рабочих. В мае 1896 г. Конноли уехал в Ирландию, где встретился с социалистами, членами местных отделений Независимой рабочей партии. Из долгих бесед с ними Конноли понял, что неудача социалистической пропаганды в Ирландии объясняется полным игнорированием проблемы национального освобождения страны, оторванностью этой пропаганды от самых насущных потребностей Ирландии. Некоторые ирландские социалисты мотивировали это якобы соображениями «интернационализма»: требование полной независимости Ирландии они считали проявлением буржуазного национализма, пренебрежением интернациональным долгом по отношению к английским рабочим; они противопоставляли социалистическое рабочее движение движению за национальное освобождение. Такие ошибки, по мнению Конноли, про-

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 57.

истекали из неверного понимания этими социалистами существа ирландского вопроса, содержания борьбы за национальное освобождение.

«Борьба за свободу Ирландии,— писал Конноли,— имеет два аспекта: национальный и социальный. Национальный идеал никогда не сможет быть осуществлен, пока Ирландия не предстанет перед всем миром как свободная и независимая нация. Эта борьба социальная и экономическая потому, что вне зависимости от формы правления, до тех пор, пока один класс является частным собственником земли и орудий труда, с помощью которых человечество добывает средства к существованию, этот класс всегда будет иметь власть грабить и порабощать остальную часть себе подобных».

Отсюда следует, что если социалисты «выступают против всякого угнетения, то они всегда должны быть во главе повседневной борьбы против всех его проявлений как социальных, так и политических». А это означает, что «два течения революционной мысли в Ирландии — социалистическое и национальное — не противоречат друг другу, а взаимно одно другое дополняют, и в действительности ирландский социалист оказывается лучшим ирландским патриотом» [1].

Таким образом, Конноли подходил к решению ирландского вопроса так, как подходили к нему Маркс и Энгельс,— с позиции коренных интересов рабочего класса и перспектив его борьбы против капиталистического строя; он рассматривал национально-освободительную борьбу как одну из предпосылок пролетарской революции. Беседы Конноли с представителями социалистических пропагандистских организаций Дублина велись по существу вокруг важнейшего вопроса *о руководящей роли рабочего класса в национально-освободительном движении.* Конноли сумел собрать вокруг себя группу единомышленников по этому важнейшему вопросу. Правда, состав этой группы был весьма пестрым: здесь были и деятели местных отделений Независимой рабочей партии, хорошие ораторы, но люди далекие еще от марксистских взглядов — такие как Дорман, братья

[1] Цитируется по книге: *D. Ryan.* «James Connolly». Dublin, 1924, p. 18.

Линг, и молодые профсоюзные деятели, также не занявшие еще правильных идейных позиций, но стремящиеся к активизации рабочего движения в стране — такие, как Даниел и Томас О'Брайены. Идеи Конноли привлекли и некоторых деятелей, до этого весьма далеких от рабочего движения, как, например, поклонницу фениев журналистку Элис Миллиган, сторонника Парнелла Александра Блейна и других. 29 мая 1896 г. на первом собрании группы было решено образовать Ирландскую социалистическую республиканскую партию, секретарем которой был избран Джемс Конноли. Как самый способный и образованный, наиболее теоретически подготовленный среди членов новой партии, Конноли стал не просто секретарем ИСРП, а мозгом и душой всего движения. Сила его убеждений, талант оратора и журналиста делали его главным теоретиком партии. В первых же статьях, относящихся к этому времени, Конноли заявил, что ирландские социалисты в своей деятельности основываются на учении Карла Маркса [1]. Конноли подготовил Манифест, включающий и программу партии,— документ, свидетельствующий о подлинно марксистском, революционном понимании Конноли задач социалистического движения.

Манифест Ирландской социалистической республиканской партии состоял из трех частей. Первая часть провозглашала *цели* партии: «Установление Ирландской социалистической республики на базе общественной собственности ирландского народа на землю и орудия производства, распределения и обмена» [2].

Всеми видами общественного производства должны руководить органы, избираемые населением и ответственные перед ним и перед нацией в целом.

Вторая часть Манифеста, называемая *программой,* перечисляет *«средства организации демократических сил* в целях подготовки к борьбе, которая может *предшествовать осуществлению* нашего идеала или *расчистить путь для его осуществления»*. В качестве таких средств намечался ряд общедемократических, политических и

---

[1] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism». Dublin, 1948, p. 33.

[2] Манифест ИСРП цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 61—62.

экономических требований: всеобщее избирательное право, национализация средств сообщения, банков, 48-часовая рабочая неделя, введение подоходного налога и т. д.

Провозглашение социализма конечной целью движения и намеченная программа-минимум в борьбе за достижение этой цели позволяют сделать вывод о том, что Конноли понимал социалистическую революцию, говоря словами В. И. Ленина, как «эпоху целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований» [1]. Последовательное проведение этих преобразований означало бы для рабочего класса расчистку пути для борьбы за социалистическую революцию, приближение рабочего класса к его конечным целям. Это положение о необходимости демократических преобразований как ступени к социалистической революции, как мы увидим, стало отправным моментом в разработке Конноли тактики пролетариата в национально-освободительной борьбе, центральным пунктом, вокруг которого группируются другие тактические задачи.

Помимо общедемократических требований, в качестве наиболее эффективного средства организации революционных сил Программа ИСРП называет «превращение социал-демократии в политическую силу в парламенте и во всех общественных учреждениях Ирландии».

В третьей части Манифеста *провозглашались принципы* новой партии: Ирландская социалистическая республиканская партия считает, что «частная собственность одного класса на землю и орудия производства, распределения и обмена противоречит жизненным принципам справедливости и является основой всякого угнетения — национального, политического и социального».

Подчинение одной нации другой — например, Ирландии британской короне — является препятствием для свободного политического и экономического развития угнетенной нации и может служить только интересам эксплуататорских классов обеих наций.

Следовательно, национальная и экономическая свобода ирландского народа должна быть найдена на тех же путях — на путях «установления Ирландской социали-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 372.

стической республики и последующем обращении всех средств производства, распределения и обмена в общественную собственность».

В этой части Манифеста было высказано важнейшее положение об отношении пролетариата к колониальной зависимости, сформулированное Марксом в 1869—1870 гг., в частности, в переписке с Энгельсом и в «Конфиденциальном сообщении» [1]. Колониальное порабощение служит лишь интересам эксплуататорских классов обеих стран и является «тормозом для общего освобождения» народов этих стран. Это положение научного социализма, содержащееся в Манифесте Конноли, приобретало особое значение в связи с наступавшей эпохой империализма, обострившей противоречия между горсткой капиталистических держав и народами колониальных и зависимых стран.

Манифест ИСРП представляет собой краткое изложение тактики революционной борьбы пролетариата. Он носит специфический для пролетариата зависимой страны характер: будучи поглощен в основном вопросом об участии пролетариата в национально-освободительном движении, Конноли уделил все внимание разработке «программы-минимум», определил средства и пути борьбы рабочего класса на первом этапе революции. В программе, однако, не было сказано о формах классовой борьбы пролетариата; ничего не говорилось об организации рабочего класса, о роли пролетарской партии. В этом сказалась и основная теоретическая слабость Конноли — определенное непонимание организующей роли партии рабочего класса, сведение ее до уровня пропагандистской организации. Однако по целому ряду вопросов программа — Манифест Ирландской социалистической республиканской партии — является образцом последовательной революционности. Это особенно наглядно выступает при сравнении ее с программами других социал-демократических партий того времени.

В 1891 г., говоря о проекте программы германской социал-демократии, Энгельс отмечал, что «*в нем* [про-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 436—438.

екте.— *М. О.*] *нет того,* что̀ собственно следовало сказать», что надеяться осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» без установления демократической республики, на основе реакционной германской конституции — «очевидная бессмыслица» [1]. Отказ авторов Эрфуртской программы от требования демократической республики означал уступку оппортунизму. Энгельс писал, что если требование республики, принимая во внимание положение в Германии, создавшееся после отмены исключительного закона против социалистов, в крайнем случае можно было бы обойти, то необходимо было включить требование *«сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства»* [2]. Но и это требование отсутствовало в Эрфуртской программе — программе наиболее сильной социал-демократической партии того времени.

Программа ИСРП была значительным шагом вперед и по сравнению с программой наиболее передовой социалистической организации Англии — Социал-демократической федерации. В отличие от безоговорочного требования республики, содержавшегося в Манифесте Ирландской социалистической республиканской партии, в программе СДФ мы находим лишь требование упразднения палаты лордов. Вместо марксистского требования независимости Ирландии в интересах рабочего класса обеих стран — куцее требование предоставления ей «законодательной независимости», т. е. гомруля.

Манифест Ирландской социалистической республиканской партии был замечательным документом своего времени. В нем намечены верные тактические основы действий рабочего класса в борьбе за освобождение своей страны. Принципы этой программы стали основой последующей кипучей агитационной и пропагандистской работы, проводимой Конноли и его единомышленниками в конце 90-х годов. В ходе этой работы в значительной мере преодолевались недостатки программы, углублялись и расширялись намеченные в ней линии борьбы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 22, стр. 236.
[2] Там же, стр. 238.

* * *

Практическая работа Ирландской социалистической республиканской партии велась по образцу английской Социал-демократической федерации. Главной задачей считалась пропаганда; все члены партии были заняты чтением лекций, организацией митингов, дискуссий и диспутов; обсуждались важнейшие вопросы текущего момента, основные проблемы истории Ирландии и перспективы ее освобождения. С чтением лекций по истории аграрных движений в Ирландии выступал Томас О'Брайен. О героических традициях национально-освободительной борьбы говорили в своих лекциях Даниел О'Брайен, Э. Стюарт и Элис Миллиган. Под руководством Конноли были проведены дискуссии на темы: «Что такое классовая борьба?», «Об утопическом и научном социализме» [1]. Собирались семинары по обсуждению важнейших проблем, где члены ИСРП углубляли свое теоретическое образование. Читались для них и специальные лекции о терминологии научного социализма. Важную роль в пропаганде марксизма играли многочисленные статьи Конноли, с которыми он выступал и в периодических изданиях ирландских деятелей «Shan Van Vocht» и в «L'Irlande libre» (органе ирландских эмигрантов в Париже), и в английских рабочих газетах «Labour Leader», «Justice», и, наконец, в основанном в 1898 г. собственном органе Ирландской социалистической республиканской партии газете «The Workers' Republic». Эти статьи являются ярким свидетельством той большой теоретической и пропагандистской работы, которую проделал в конце 90-х годов первый ирландский марксист Джемс Конноли. Они и служат основным источником для данной работы [2].

Главным в пропаганде марксистского понимания задач ирландского рабочего и национально-освободитель-

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 70.

[2] Ввиду того, что в нашем распоряжении нет газет, в которых публиковались статьи Конноли (кроме нескольких номеров английских газет), они изучались по тематическим сборникам, подготовленным к печати при участии деятелей Коммунистической партии Великобритании: *J. Connolly*. «Socialist and War». London, 1943; *его же:* «Socialism and Nationalism». Dublin, 1948; «Labour and Easter Week». Dublin, 1949; «The Workers' Republic». Dublin, 1951.

ного движения являлось разъяснение *сущности ирландского вопроса.*

Конноли заявляет, что ирландские социалисты исходят из положения марксизма, содержащегося во Временном Уставе Интернационала, согласно которому «экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости»[1].

Во многих статьях Конноли постоянно подчеркивал, что всякая система политического управления есть не что иное, как «отражение экономических форм, лежащих в ее основе»[2]. Поэтому, если ставить вопрос о национальном освобождении Ирландии, то необходимо доводить его до логического конца — до требования социалистического преобразования общества. Это требование нашло свое отражение в лозунге социалистической республики. *«Идеал социалистической республики включает в себя полную политическую и экономическую революцию»* (курсив наш.— *М. О.*)[3].

Вывести английские войска из Ирландии и водрузить зеленый флаг над Дублинским замком — это еще не свобода для Ирландии; у Англии останутся такие мощные рычаги порабощения, как капиталисты, которые будут продолжать нещадно эксплуатировать рабочих; лендлорды, которые будут по-прежнему обирать фермеров и сельскохозяйственных рабочих; банкиры, которые, как и прежде, будут препятствовать нормальному экономическому развитию страны. Колониальное подчинение Ирландии является наиболее эффективным средством для защиты капиталистического строя в Ирландии, а английские войска самым подходящим орудием этой защиты[4]. Свое понимание сущности ирландского вопроса Конноли излагает в книге «Труд в ирландской истории», над которой он работает в это время и отдельные главы

---

[1] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 33.
[2] Там же, стр. 24.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 25.

которой начали печататься в газете «The Workers' Republic». Ирландский вопрос, подчеркивает он,— это «социальный вопрос»; вся многовековая борьба ирландского народа против иноземных угнетателей была *«борьбой за право распоряжаться средствами к жизни, средствами производства* в Ирландии» [1].

На основании такого понимания содержания национально-освободительной борьбы в Ирландии Конноли решает *вопрос о движущей силе этой борьбы*. Такой силой является прежде всего *ирландский рабочий класс*. Наиболее полно и четко Конноли формулирует эту мысль в работе «Труд в ирландской истории» в виде основных выводов из уроков ирландской истории:

«1. С развитием цивилизации прогресс борьбы за национальное освобождение в любой зависимой стране неизбежно должен идти наравне с развитием борьбы за освобождение наиболее угнетенного класса нации... Сдвиги в области экономических и политических сил, которые сопровождают развитие капиталистической общественной системы, неизбежно ведут к росту консерватизма нетрудящихся элементов и к увеличению революционной энергии и мощи рабочего класса.

2. Результаты надолго затянувшейся борьбы в Ирландии пока таковы, что старое, клановое устройство исчезло или через своих выродившихся потомков смирилось с несправедливостью и стало неотъемлемой частью приверженцев установившегося порядка; буржуазия [middle class], вырастающая в обстановке национальной борьбы, вынужденная одно время, как, например, в 1798 г., под давлением экономического соперничества Англии стать революционным вождем в борьбе против деспотизма своих промышленных конкурентов, преклонила теперь уже колени перед идолом и имеет тысячи экономических нитей в виде капиталовложений, привязывающих ее к английскому капитализму.

Только ирландский рабочий класс остается неподкупным *наследником борьбы* за свободу Ирландии» [2].

---

[1] *J. Connolly*. «Labour in Ireland», p. 214.

[2] Там же, стр. XXVII—XXVIII.

Перед нами марксистский анализ социальных сил национально-освободительной борьбы, оценка пролетариата как единственного до конца революционного класса, понимание демократической революции, национального освобождения Ирландии как неизбежного в условиях зависимой страны этапа на пути к социалистической революции.

Эти мысли широко пропагандируются Конноли и в других работах. В статье «Рабочий класс и ирландская революция» (февраль 1899 г.) Конноли пишет, что буржуазия, которая экономически угнетает ирландского рабочего, никогда не сможет привести его к победе национального дела. «Мы должны покончить с руководством этого класса»,— призывает он[1].

В статье «Патриотизм и рабочий класс» (август 1897 г.) Конноли заявляет, что историческая миссия рабочего класса состоит в том, чтобы придать патриотизму его подлинное значение — стремление к полной свободе тех, кто трудится. Здесь же формулируются важнейшие тактические задачи рабочего класса: «Мы настаиваем на национальной независимости как необходимом фундаменте освобождения рабочих; в равной мере мы настаиваем на руководстве того класса, чьи социальные права вытекают из его угнетенного положения»[2].

Ставя перед ирландским рабочим классом задачу возглавить национально-освободительную борьбу ирландского народа, Конноли разрабатывает ряд важнейших тактических вопросов ирландского рабочего движения.

В этой связи Конноли говорит о необходимости единства рядов рабочего класса как важнейшей задаче социалистического движения. В одном из первых номеров органа ИСРП «The Workers' Republic» указывалось, что великая цель этой газеты заключается в том, чтобы *«объединить* рабочих и похоронить в одной могиле религиозную рознь, местные разногласия и взаимное недоверие, на которых так долго зиждется их угнетение»[3]. По-

---

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 90.
[2] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism», p. 29.
[3] Там же, стр. 52.

этому ирландские социалисты должны найти доступ к тем рабочим, которые пошли за Ирландским конгрессом тред-юнионов. Конноли доказывает в своих статьях, что социалисты не против борьбы за частичные улучшения жизни рабочих и защиты их экономических прав; он выражает готовность социалистов сотрудничать с деятелями Конгресса, если последние будут защищать интересы рабочего класса. Однако при этом Конноли подчеркивает принципиальную разницу между тред-юнионизмом и социалистическими принципами: «если тред-юнионисты хотят лишь уменьшить социальное зло, то социалисты выступают за его полное искоренение» [1].

Конноли уделяет большое внимание вопросу о привлечении в ряды революционного рабочего движения и тех пролетариев, которые верят во всемогущее значение кооперации [2]. Он разъясняет рабочим несостоятельность этих мелкобуржуазных аполитичных теорий: отказываясь от всяких политических выступлений, «кооперативное движение неминуемо потерпит поражение, столкнувшись с противодействием имущих классов, находящихся под защитой закона и монополий» [3].

Первостепенной задачей пролетариата Конноли считает *«организацию его как класса,* для того чтобы дать отпор хозяевам и уничтожить их господство, чтобы лишить их руководства общественной жизнью, которое они осуществляют через органы политической власти, чтобы вырвать из их грабительских лап землю и фабрики...» [4]. Важное место в деле организации рабочего класса Конноли отводит партии рабочего класса. В упомянутой статье «Патриотизм и рабочий класс» Конноли пишет, что придать патриотическому движению его подлинный смысл рабочий класс сможет только в том случае, если он «организуется в определенную политическую партию, признающую трудящихся краеугольным камнем всего экономического здания и живой силой всех политических

---

[1] *J. Connolly.* «The Workers' Republic». Dublin, 1951, p. 50.

[2] См., например, статью Конноли «Father Finley and Socialism» (в сборнике «The Workers' Republic». Dublin, 1951, p. 39—43).

[3] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 34.

[4] Там же, стр. 34.

действий»[1]. Задача этой партии, по мнению Конноли, состоит в том, чтобы *«готовить* то восстание, которое приведет к установлению социалистической республики»[2]. Конноли подчеркивал великие преимущества организованных и идейно сплоченных рабочих масс перед стихийным движением. «Армия сознательных рабочих, организованных под знаменем Ирландской социалистической республиканской партии, сильная своим знанием экономических истин и твердо стоящая на своих революционных принципах,— пишет Конноли,— не будет дезорганизована какой-нибудь частичной уступкой вроде гомруля. Зная, что эта уступка не сможет изменить их положения как угнетенного класса, рабочие будут стремиться вперед, монолитные, полные решимости, к своей единственной надежде на освобождение — к социалистической республике»[3]. При этом Конноли постоянно повторяет мысль о необходимости идейного и теоретического воспитания рабочих, необходимости сплачивать пролетариат на базе основных принципов движения, не боясь, что решительность требований социалистов может и оттолкнуть некоторые отсталые элементы. Важно не просто заслужить пассивное и поверхностное одобрение нерассуждающей толпы, а привлечь и удержать в своих рядах наиболее сознательных рабочих; важно не просто овладеть симпатиями «взбунтовавшейся массы», а создать готовую к выступлению армию.

Важнейшей стратегической задачей организованного пролетариата Конноли считал задачу *захвата власти*. В государственной власти Конноли видит главное орудие для социалистического преобразования общества и борьбы со всеми остатками старого. Построение социализма возможно лишь тогда, когда пролетариат, обладающий организованными силами всей нации — политической правительственной властью (political power of government), сможет организовать общество на социалистических началах, в соответствии с естественным ходом экономического развития[4]. В плане общей концепции

---

[1] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 29.
[2] *J. Connolly.* «The Workers' Republic», p. 43.
[3] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 56.
[4] Там же, стр. 34.

Конноли,— власть должна послужить рабочему классу также и орудием в проведении демократических преобразований, о которых говорилось в Программе ИСРП. С другой стороны, он подчеркивал, что власть в руках рабочего класса «будет служить новому социальному строю орудием в его борьбе против тех приверженцев эксплуататорского строя, которые попытаются сопротивляться постепенному уничтожению их господства»[1].

Конноли, по-видимому, не был знаком с главными произведениями марксизма, в которых ставится вопрос о сломе буржуазной государственной машины и установлении пролетарской диктатуры — с «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданской войной во Франции». Он ошибочно считал, что рабочий класс сможет использовать для построения социализма старую государственную машину. Он писал: «Государственная власть, созданная имущими классами для осуществления их собственных целей, будет служить новому социальному строю»[2]. Конноли, таким образом, не ставил вопроса о необходимости *слома* старой государственной машины. Однако в вопросе о задачах государственной власти, когда она перейдет в руки пролетариата, Конноли близко подходит к пониманию диктатуры пролетариата.

Конноли разрабатывает вопрос *о путях завоевания рабочим классом политической власти*. В этом отношении особый интерес представляет написанная им в июле 1899 г. статья «Сторонники насилия»[3]. Полемизируя со сторонниками так называемой «физической силы», представлявшими очень устойчивую в ирландском народе, особенно со времен фениев, террористическую традицию, Конноли пишет, что нельзя возводить насилие в принцип, исключающий всякие другие пути революционного действия. Он считает, что вопрос о применении насилия определяется не партией, борющейся за социальный прогресс, а позицией правящего класса: «Если настанет такое время, когда партия прогресса увидит, что ее путь к свободе преграждает упорное сопротивление имущего

---

[1] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism», p. 30.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 53—57.

класса, выступающего под защитой закона и порядка; если партия прогресса сумеет внушить всему народу революционную концепцию общества и станет, таким образом, представительницей воли большинства нации; *если она уже исчерпала все мирные методы, имеющиеся в ее распоряжении,* в целях продемонстрировать народу и его врагам, что новые революционные идеи завладели большинством,— тогда, и только тогда, партия, представлявшая революционную идею, имеет право предпринять шаги для захвата государственной власти, применять орудие насилия для низложения узурпаторского класса или правительства и поступать с его представителями и сторонниками так, как всегда относились к узурпаторам и мятежникам против существующих властей».

В годы англо-бурской войны, как мы увидим ниже, Конноли на основе анализа ее причин приходит к еще более отчетливой формулировке роли насилия в классовой борьбе: если класс капиталистов не хочет мирно расстаться даже с какой-то долей своих привилегий, так разве удержится он от применения насилия, когда будет брошен вызов *всем* его привилегиям? «Пусть демократия рабочего класса,— пишет Конноли в августе 1899 г.,— учтет этот урок и, действуя мирно, насколько это возможно, постоянно помнит ту истину, что класс капиталистов это хищный зверь, его нельзя исправить, улучшить или умиротворить,— его необходимо уничтожить» [1].

В сумме «мирных методов», имеющихся, по его мнению, в распоряжении революционной партии для пропаганды своих идей и сплочения всех передовых сил, Конноли значительное место уделяет *рабочему представительству* в парламент и местные органы власти.

Конноли видел в деятельности рабочих делегатов в органах государственной власти важное средство мобилизации революционных сил, создающее новые возможности для пропаганды. В 1896 г. он писал, что главная задача рабочих представителей — распространение республиканского идеала для того, чтобы проложить дорогу революции, поскольку революция не будет успешной, если она не заручится моральной поддержкой

---

[1] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p. 28.

всего народа [1]. «Давайте используем эту трибуну для провозглашения наших принципов»,— призывал Конноли в 1899 году [2].

С деятельностью рабочих депутатов в выборных органах власти Конноли связывал осуществление общедемократических требований. Исходя из марксистского понимания задач ирландского пролетариата в деле демократических преобразований, Конноли считал необходимым добиваться хотя бы частичного осуществления этих требований через парламент и местные органы власти, или, как он писал, «проведения в жизнь паллиативной программы социалистов» [3]. При этом Конноли требовал от рабочих депутатов верности классовым позициям. В 1898 г., приветствуя избрание рабочих депутатов в муниципальный совет Дублина, Конноли предупреждал их, чтобы они были «верны своему классу» и не стали «лакеями капиталистического класса» [4]. Меньше, чем через год Конноли с возмущением пишет о слабости и предательстве этих депутатов, отказавшихся от проведения требований рабочих и осуществляющих на деле политику классового сотрудничества с буржуазией [5].

Особо важное значение придавал Конноли агитационной и воспитательной стороне рабочего представительства. Учитывая, что господствующий класс будет препятствовать проведению демократических преобразований, которых потребуют рабочие депутаты, Конноли отмечает, что это поможет ирландскому пролетариату понять противоположность его интересов интересам хозяев, понять тот факт, что «господствующий класс использует любое оружие — от парламента до тюрьмы — для удержания своих позиций» [6]. Понимание этого факта поможет рабочему подняться еще на одну ступень в развитии своей классовой сознательности и задуматься над

---

[1] Цитируется по книге: *W. P. Ryan*. «Irish Labour Movement from the Twenties to our own Days». Dublin, 1949, p. 148.

[2] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism», p. 57.

[3] *J. Connolly*. «The Workers' Republic», p. 49.

[4] Там же, стр. 51.

[5] Там же, стр. 51—52.

[6] Там же, стр. 50.

тем, «следует ли и дальше терпеть такой класс», который требует охраны своих прав и вместе с тем не выполняет ни одной из функций, которую и без него «не могли бы осуществить организованные рабочие».

Для оценки позиций Конноли в вопросе о роли рабочего представительства важно отметить, что он решал его как раз в те годы, когда умы всех социалистов взволновал факт вступления Мильерана в буржуазное правительство Вальдека-Руссо, когда вопрос об участии рабочих представителей в буржуазных органах власти стал одним из самых злободневных. Строго классовый подход к этой проблеме — требование от рабочих депутатов верности своему классу и обличение политики классового сотрудничества — ставит Конноли в ряд лучших представителей социал-демократии того времени, выступавших против «министериалистов». Конноли понял, что участие рабочих депутатов в представительных собраниях является «одним из средств просвещения, воспитания и организации пролетариата в самостоятельную классовую партию», одним «из средств политической борьбы за освобождение рабочих» [1].

При определении тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции наиболее важным вопросом в условиях Ирландии был *вопрос о союзниках* рабочего класса, ибо «борьба за республику немыслима для пролетариата без союза с мелкобуржуазной массой народа» [2]. Характерно, что этот вопрос занимает центральное место в теоретической и пропагандистской работе Конноли в те годы. Разрабатывая вопрос о союзе ирландских рабочих с представителями мелкобуржуазной демократии, Конноли боролся как бы на два фронта: с одной стороны, он доказывал необходимость такого союза некоторым рабочим руководителям, которые сектантски от него отмахивались, а с другой,— ему приходилось разъяснять и будущим союзникам преимущества союза с тем классом, который наиболее заинтересован в коренной демократизации общества, в самом полном освобождении ирландского народа.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 11, стр. 247.
[2] Там же.

Именно в связи с вопросом о союзниках Конноли уделяет большое место вопросу о путях решения аграрной проблемы. Конноли в своих статьях доказывает неизбежность гибели мелкой крестьянской собственности при капитализме. В статье «Крестьянская собственность и социализм» (август 1898 г.) Конноли рисует картину полного банкротства владельцев мелких и мельчайших земельных наделов в Ирландии в условиях конкуренции с передовым американским сельским хозяйством и подчеркивает тенденцию к окончательному обнищанию мелких крестьян-собственников по мере дальнейшего удешевления сельскохозяйственных продуктов. Конноли (в статье «Ирландский земельный вопрос», опубликованной в сентябре 1898 г.) показывает несостоятельность, половинчатость английского земельного законодательства, обеспечивающего прежде всего интересы крупных землевладельцев. Статьи Конноли подводили читателей к выводу, что у крестьянства есть только один выбор: «либо социализм, либо полное банкротство»[1]. Чаяния крестьянства смогут быть осуществлены лишь тогда, когда «сельское хозяйство перестанет быть частным делом, когда свободная нация организует производство своих сельскохозяйственных продуктов как общественное производство, на основе собственности всего народа на землю и поручит руководство им сельскохозяйственному населению во главе с народными органами власти, им же самим избранными». Это даст возможность поставить все средства увеличения производительности труда, все достижения науки и техники на службу всему народу[2]. Конноли выражает уверенность, что со временем крестьяне смогут в полной мере оценить кооперативную организацию сельскохозяйственного производства, подобно тому, как многие оценили преимущества кооперации в сфере сбыта продуктов. В условиях этой новой организации, отмечает он, у крестьян постепенно будут отмирать частнособственнические интересы, так как сами крестьяне будут хозяевами всей земли, они будут осуществлять «полный учет и контроль за производством об-

[1] *J. Connolly.* «The Workers' Republic», p. 38.
[2] Там же, стр. 36.

щественного продукта» и наблюдать за трудом друг друга, что создаст и наилучшую гарантию против расхищения общественного достояния и наилучший стимул для честного труда[1].

Последовательное отстаивание интересов крестьянства, по мнению Конноли, должно привести к признанию им социалистических принципов. В самом деле, пишет Конноли, ведь агитация деятелей Ирландской земельной лиги — призыв к насильственной экспроприации лендлордов, требование государственной помощи сельскому хозяйству — имеет в основе тот взгляд, что собственность не может, не должна противоречить интересам общества, т. е. ту же аргументацию, что и у социалистов. Но, в отличие от социалистов, мелкобуржуазные деятели Земельной лиги «со свойственной им классовой ограниченностью»,— говорит далее Конноли,— останавливаются перед выводом о ликвидации частной собственности. Доведите до конца свои требования в отношении сельского хозяйства и примените тот же принцип к промышленности — и вы воспримете наш идеал — социалистическую республику[2].

Разъяснение позиций социалистов в крестьянском вопросе занимало большое место в пропагандистской деятельности Ирландской социалистической республиканской партии. По этому вопросу читались специальные лекции и организовывались дискуссии. С чтением лекций о традициях борьбы в Ирландии против лендлордизма и перспективах развития мелких крестьянских хозяйств выступал Томас О'Брайен, совершавший поездки по стране.

Конноли обращается и к представителям разночинной ирландской интеллигенции, поставлявшей основные кадры фенианских и других патриотических организаций, пользовавшихся поддержкой народных масс. Это были деятели Ирландского революционного братства — продолжатели традиций фенианства, участники растущего движения за возрождение национальной ирландской культуры — деятели Гэльской лиги и Кельтского литературного общества. Учитывая популярность этих орга-

[1] *J. Connolly*. «The Workers' Republic», p. 36
[2] Там же, стр. 38.

низаций, легко понять важность постановки вопроса о союзе с ними организованного пролетариата.

Поиски путей и форм такого союза занимают весьма значительное место в статьях Конноли и в деятельности Ирландской социалистической республиканской партии в конце 90-х годов. С целью дать общую программу национально-освободительному движению, в котором объединялись бы все подлинно патриотические силы, Конноли выдвигает перед участниками этого движения лозунг ИСРП о неразрывности политического, национального и социального аспектов борьбы за подлинную свободу Ирландии. Разъясняя ирландским деятелям такое понимание национального идеала Ирландии, он пишет, что если говорить об освобождении Ирландии — надо иметь в виду не просто химические элементы, составляющие ирландскую почву, а ее народ. А это значит: освобождение и ирландского рабочего от ничем не ограниченной эксплуатации со стороны капиталиста, и ирландского арендатора, страдающего от непомерной арендной платы и конкуренции более развитых стран, и ирландского батрака, влачащего нищенское существование[1]. Конноли разъясняет марксистское положение о том, что всякая система политического господства является отражением экономических отношений, и показывает, что подлинное освобождение возможно лишь при коренном изменении всего общественного строя.

Рассматривая вопрос о союзниках рабочего класса в борьбе за национальное освобождение Ирландии, Конноли сразу же сбрасывает со счетов ирландскую парламентскую партию гомрулеров. Он пишет, что, ограничивая свою деятельность в Вестминстере только требованием гомруля, лидеры этой партии «ставят себя в положение политических торгашей, старающихся получить возможно большую цену за свои голоса, которые они предлагают в качестве товара». Конноли особо подчеркивает враждебное отношение этой партии к народным массам[2]. «Необходимо революционное изменение всей структуры общества — Ирландская социалистическая

[1] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism», p. 65.
[2] Там же.

республика, а не капиталистический ад, созданный под предлогом развития собственных ресурсов,— пишет Конноли,— а поэтому требование гомруля является простой издевкой над чаяниями ирландского народа»[1].

Однако Конноли учитывает тот факт, что партия гомрулеров, спекулируя на своем историческом прошлом, на фактически давно забытых ею традициях борьбы против лендлордизма, сумела сохранить влияние на широкие слои деревни и города. Поэтому, разъясняя сущность национального идеала социалистов тем ирландцам, которые все еще возлагают на нее надежды, он в то же время разъясняет и ограниченность целей ирландской либеральной буржуазии, идущей на соглашение с английскими либералами.

Обращаясь к деятелям движения за возрождение национальной культуры, Конноли говорит им, что они могут найти своих верных союзников в рядах Ирландской социалистической республиканской партии: ведь и для деятелей ирландской культуры главный враг — капитализм, «который так изнуряет, так подавляет национальный характер, так унижает идеалы нашего народа, что для большинства наших рабочих самый бесценный свиток древних рукописей будет представлять меньший интерес, чем кусок бекона»[2].

В своих статьях Конноли предостерегает деятелей национальных организаций Ирландии — и организаций культурного возрождения и преемников фениев, сторонников Ирландского революционного братства — от догматической абсолютизации *традиций борьбы* ирландского народа за свое освобождение, от ухода от современности, от действительных задач нынешнего движения. «Традиции могут теперь дать почву геройскому мученичеству, но они не могут поднять волну успешной революции». Задача подлинных патриотов не только в возрождении традиций борьбы, но и в том, чтобы подняться до требований настоящего момента, дать четкий и определенный ответ на проблемы современности, дать полити-

---

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 68.
[2] *J. Connolly*. «Socialism and Nationalism», p. 58—59.

ческое и экономическое учение, которое станет руководством и в будущем [1].

Выступая за создание широкого национального фронта, Конноли постоянно подчеркивал, что ирландские социалисты «ищут союза и дружбы только с теми... кто не боится последовать за знаменем свободы, когда оно поднято руками рабочего класса, которому эта свобода нужна больше, чем кому бы то ни было» [2]. Конноли особо выделяет вопрос о руководящей роли пролетариата в широком национально-освободительном движении, в блоке всех патриотических сил. На основании изучения истории борьбы ирландского народа за свободу он сделал вывод о соглашательстве буржуазии, о ее неспособности к руководству массовым движением [3]. По мнению Конноли, руководство этим движением со стороны рабочего класса откроет «новый свежий источник духовных и физических сил, поднимет дело свободы Ирландии на невиданную высоту» [4].

Характерно, что, выступая за союз с прогрессивными ирландскими деятелями, Конноли считает необходимым разъяснять пролетарское понимание подлинного патриотизма [5]. В статье «Социализм и ирландский национализм» он подчеркивал, что призыв социалистов к освобождению страны ни в коем случае не основан на ненависти к англичанам. «Мы отказываемся основывать свои политические действия на традиционной национальной антипатии и желаем, чтобы у нас установились не враждебные отношения, а отношения товарищества с английскими рабочими» [6].

Такую линию проводил Конноли в вопросе о союзе рабочего класса с представителями мелкобуржуазного крыла национального движения. Эта линия красной нитью проходит через всю деятельность Ирландской со-

---

[1] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 22.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 24.
[5] На вопросе о понимании Конноли пролетарского интернационализма и патриотизма мы остановимся ниже при рассмотрении его выступлений по этому вопросу во время англо-бурской войны.
[6] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 35.

циалистической республиканской партии в 1897—1898 гг., когда социалисты выступали бок о бок с демократической частью национального движения во время так называемой «антиюбилейной» кампании — своеобразной кампании протеста в противовес официальному празднованию «бриллиантового юбилея» королевы Виктории, а также во время торжеств, связанных со столетием ирландского восстания 1798 года. На многочисленных митингах, демонстрациях, торжественных памятных процессиях социалисты выступали вместе со своими союзниками, но в выступлениях они во всеуслышание заявляли о своих принципах, подчеркивали *революционное* содержание празднуемой столетней годовщины ирландского восстания 1798 г., разоблачали антинародную сущность монархии, отмечали исключительную жизненность принципов «Объединенных ирландцев», подлинными наследниками которых являются рабочие, борющиеся за независимую республику в Ирландии. В эти годы по инициативе Конноли закладывались основы того союза революционных рабочих с демократическим крылом национального движения, который был заключен в 1916 г. и скреплен кровью героев восстания на пасхальной неделе.

Постановка вопроса о союзе с демократическим крылом национального движения характеризует Конноли как выдающегося революционного рабочего руководителя, сумевшего глубоко и верно разобраться в сложнейшей общественно-политической обстановке Ирландии, наметить верный путь рабочему движению, предостеречь его от изоляции и сектантства.

* * *

Чрезвычайно важные вопросы, связанные с тактикой ирландского пролетариата, ставятся Ирландской социалистической республиканской партией в период англобурской войны 1899—1902 годов.

Вопрос об отношении рабочего класса к милитаризму волновал в эти годы все социал-демократические партии. В принятой на Брюссельском конгрессе Второго Интернационала (1891 г.) резолюции говорилось о необходимости искоренения подлинной причины всех современных войн — капитализма; призыв бороться с военной

угрозой тесно связывался с призывом к борьбе за социализм. Резолюция Лондонского конгресса (1896 г.) углубила решения Брюссельского конгресса и еще раз подчеркнула, что «в период капитализма главными причинами войн являются не религиозные или национальные разногласия, а экономический антагонизм правящих классов различных государств, в который они вовлекаются самим способом производства»[1]. Были осуждены и колониальные захваты. В 1900 г. на Парижском конгрессе по инициативе лучших представителей международного рабочего движения была принята резолюция, призывавшая «каждую партию в каждой стране с удвоенной настойчивостью и энергией выступать против милитаризма и колониальной политики», использовать все средства, находящиеся в распоряжении организованного пролетариата, для борьбы с колониальными войнами[2].

Выступления К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ж. Геда и других против колониализма и войн служили для Конноли источником, из которого он черпал многие важные и интересные мысли, созвучные его собственным оценкам происходящих событий. Еще до начала англо-бурской войны, в августе 1898 г., Конноли писал в статье «Корни современной войны»: «В наше время каждая война представляет собой не что иное, как стремление капитализма к новым рынкам; капитализм должен либо добиться их, либо погибнуть»[3]. Конноли рисует картину перепроизводства товаров в капиталистических странах, конкуренцию капиталистических кругов разных стран на мировом рынке, показывает неизбежность поисков выхода из этого тупика, который буржуазия находит в превращении других стран в рынки для избыточных товаров. Мы находим в статье Конноли описание столкновений «великих индустриальных наций мира» на Дальнем Востоке, где они с оружием в руках грозятся «вовлечь миллионы людей Европы в ужасный кровавый конфликт, чтобы ре-

---

[1] Цитируется по книге: «Материалы к истории Первого и Второго Интернационалов». М., 1926, стр. 213.

[2] Там же, стр. 225—227.

[3] *J. Connolly*. «Labour and Easter Week», p. 25.

шить, кому достанется право заставить китайца покупать товары, произведенные его европейскими собратьями»[1].

С началом англо-бурской войны усиливается пропагандистская деятельность Ирландской социалистической республиканской партии. Значительной политической силой становится в эти дни орган партии — газета «The Workers' Republic» с ее отделениями в Дублине и Корке, Лимерике и Уотерфорде, с обширной памфлетной литературой. Социалисты организуют многочисленные митинги протеста против войны, где с горячими речами выступали члены ИСРП. 27 августа 1899 г. в Феникс-парке и на Форстер-плейс ИСРП организовала первый митинг против англо-бурской войны (до этого нигде в Соединенном королевстве не выступали с организованным протестом против войны). На митинге была принята предложенная Брадшоу резолюция, в которой эта война была объявлена «преступной агрессией» со стороны Англии. Резолюция содержала призыв ко всем ирландцам, проживающим в Трансваале, немедленно браться за оружие и выступать против агрессора. По инициативе членов ИСРП создавались антивоенные демократические организации: организация женщин-ирландок, «Общество защиты буров».

В своих статьях Конноли, вопреки фразеологии английских политиков из правящего класса, показывает их истинные цели в войне: «дать возможность бесстыдным капиталистам завладеть огромными богатствами алмазных копей» — вот с какой целью развязала эту войну Англия[2]. По мнению Конноли, эта война, одна из самых несправедливых войн века, является ярким подтверждением принципа научного социализма, что «современное государство есть не что иное, как комитет богачей, служащий целям имущих классов»[3]. Конноли подчеркивает антинародную сущность войны: народ проливает кровь за денежные мешки; никогда в истории не бывало, чтобы

---

[1] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p. 25.
[2] Там же, стр. 28.
[3] Там же, стр. 25.

«народ получил какую-либо выгоду от завоевания другого народа»[1].

Конноли, по словам деятеля английского рабочего движения Мак-Мануса, был социалистом, который оценивал всякую общественную ситуацию и всякий политический кризис с точки зрения их революционных возможностей[2]. Поэтому такой величайший кризис, как англо-бурская война, Конноли рассматривал как «удобный момент [great opportunity]» для народа Ирландии. Призывая к борьбе против войны, Конноли имел в виду, что «предотвращение колониальной экспансии и потеря рынков для таких капиталистически развитых стран, как Англия», означает «ускорение в них экономического кризиса», «подготавливает *экономические условия* нашей победы»[3]. Вместе с этим Конноли видел в войне острейший политический кризис, который ослабляет английский империализм. В июне 1900 г., сообщая об упорном сопротивлении буров, о затруднениях английских колонизаторов на Дальнем Востоке в связи с национальным восстанием в Китае, он пишет, что скоро наступит черед Ирландии[4]. Именно в этот период Конноли формулирует свой важнейший принцип, сыгравший огромную роль в национальном восстании 1916 года. «Мы приветствовали бы поражение британских армий в любых конфликтах, в которые они втянуты в настоящее время или которые им еще предстоят»[5]. В 1916 г., в разгар первой мировой войны, этот принцип стал отправным моментом при подготовке восстания, он звучал как лозунг революционного пораженчества, как призыв использовать военный кризис, порожденный империализмом, для развертывания вооруженной национально-освободительной борьбы.

Конноли в годы англо-бурской войны формулирует положение о необходимости *революционного, насильственного,* в случае необходимости, пути завоевания власти рабочим классом: «Если мы видим,— пишет он,— что го-

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves*. Op. cit., p. 92.

[2] Цитируется по книге: *G. Schüller*. «Jim Connolly and Irish Freedom». Chicago, 1926, p. 21.

[3] *J. Connolly*. «Labour and Easter Week», p. 50.

[4] Там же, стр. 60.

[5] Там же, стр. 34.

сподствующий класс готов ввергнуть два народа в войну, пролить океаны крови, потратить целые миллионы, чтобы удержать *какую-то незначительную часть* своих привилегий, то как же можно ожидать, чтобы господствующий класс удержался от применения такого же оружия, когда возникнет угроза *всем его привилегиям?»* Таким образом, война, по мнению Конноли, даст «дополнительные разъяснения тем из социалистов, которые слишком уповают на «мирное» осуществление целей социализма» [1].

В годы войны Конноли уделяет много внимания и другому важнейшему вопросу рабочего движения — вопросу о подлинном *патриотизме,* о *пролетарском интернационализме.* Ярким выражением подлинного интернационализма Конноли явилась резолюция, предложенная им на митинге солидарности, организованном Ирландской социалистической республиканской партией на Форстер-плейс, в Дублине, 27 августа 1899 года. В резолюции указывалось, что британское правительство, власть которого в Ирландии, Индии, Египте и других частях Британской империи держится на штыках оккупационных армий, с помощью виселиц и тюрем, не имеет никакого права предъявлять претензии правительству другой страны по поводу обращения с ее населением. Резолюция гласила, что «митинг рассматривает вмешательство британского капиталистического правительства во внутренние дела Трансваальской республики как акт преступной агрессии, шлет Республике свой привет и выражает уверенность, что наши сограждане, если понадобится, подымут оружие в защиту братской страны» [2].

Конноли призывает ирландский рабочий класс выполнить свой пролетарский долг и не позволить английскому правительству использовать размещенные в Ирландии контингенты войск для посылки в Трансвааль. Гомрулеры убеждают английские власти, что на Ирландию «можно положиться», но ирландский пролетариат должен разрушить эту легенду о «надежности» Ирландии, создать в стране такую обстановку, чтобы ни одного из

---

[1] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p. 34.

[2] Там же, стр. 24.

британских солдат нельзя было перебросить из Ирландии в Трансвааль, а это облегчит борьбу восставшему народу [1].

Выдвигая лозунг поражения Англии в войне, Конноли в то же время разъяснял, что ирландские социалисты относятся враждебно только к эксплуататорским классам Англии. Он еще в 1897 г. писал, что капитализм «как бы делит нацию на две враждебные нации — грабителей и ограбленных, бездельников и тружеников, богатых и бедных, собственников и неимущих». «Поэтому,— пишет Конноли,— в каждом враге тирании мы признаем брата, где бы ни была его родина; в каждом враге свободы мы признаем своего врага, каким бы коренным ирландцем он ни был» [2]. Конноли прямо заявлял, что несправедливо возлагать на английский народ ответственность за преступления английского правительства [3]. В требовании ирландских социалистов о предоставлении абсолютной независимости Ирландии нет ни капли шовинизма, подчеркивал Конноли: «Мы хотим сохранять с английским народом такие же отношения, как с народами Франции, Германии или любой другой страны: самая большая дружба и самая полная независимость» [4].

В 1900 г., в разгар англо-бурской войны, Конноли писал: «Я верю в братство всех людей, в интернациональную солидарность трудящихся, в единство интересов угнетенных на всей земле» [5]. С уничтожением капитализма будут уничтожены все причины, вызывающие войны, и тогда «освобожденные рабочие всей земли, уже не слепые орудия алчности богачей, создадут новое общество, новую цивилизацию, краеугольным камнем которой будет труд, вдохновляющим принципом — справедливость...» [6].

В то же время Конноли горячо выступает против шовинистической позиции «лидеров» английского рабочего движения, оправдывавших агрессию английской буржуазии, ее территориальные захваты, ее участие в раз-

[1] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p. 25.
[2] *J. Connolly.* «Socialism and Nationalism», p. 32.
[3] Там же, стр. 35.
[4] Там же, стр. 36.
[5] Там же, стр. 32.
[6] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p 32.

деле сфер влияния[1]. Конноли с возмущением говорит о редакторе газеты «The Clarion», «социалисте» Р. Блатчфорде, который в тот момент, когда социалистическая печать всех стран осудила войну, яро выступал за ее продолжение и поднимал на банкетах тосты за здоровье королевы и успехи английского оружия в Трансваале[2]. В статье Конноли «Социализм и империализм» разоблачается теоретическая и политическая лживость аргументации Гайндмана, оправдывавшего колониальные захваты Англии на Дальнем Востоке тем, что она противостоит России, и тем, что при господстве Англии якобы гарантируется бо̀льшая свобода. «Это резонерство политического радикала, а не объективный анализ современной истории, которого мы вправе ожидать от социалиста и экономиста с репутацией Гайндмана»,— с негодованием пишет Конноли[3]. Впоследствии он даст чрезвычайно меткую характеристику Гайндману, вся карьера которого состояла, по его мнению, из длинной цепи грубейших ошибок. «Его главной характерной особенностью было проповедовать на словах революцию и осуществлять на практике компромисс и ничего не доделывать до конца»[4].

Выступления Конноли в связи с англо-бурской войной 1899—1902 гг. дают нам основание говорить о нем как о выдающемся политическом деятеле, подлинном пролетарском революционере. Пропаганда Конноли во время войны стояла на уровне тех высоких требований, которые предъявлял к революционным деятелям пролетариата В. И. Ленин. Как верный представитель революционного класса, Конноли желал поражения своему правительству в реакционной войне, видел «связь его военных неудач с облегчением низвержения его»[5].

Англо-бурская война была тем политическим кризисом, который давал полную возможность представителям английских социалистических организаций проявить свою политическую зрелость и свой классовый характер.

---

[1] *J. Connolly.* «Labour and Easter Week», p. 34.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 37.
[4] Там же.
[5] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 285.

Если реформисты типа Гайндмана проявили во время этой войны свою социал-шовинистическую сущность, предвосхитив тем самым предательство социал-реформистов из Второго Интернационала в годы первой мировой войны, то Конноли в эти годы выступал как подлинный пролетарский интернационалист.

В период 1901—1902 гг. Ирландская социалистическая республиканская партия переживала тяжелые материальные затруднения. На исходе 1902 г. ввиду недостатка средств встал вопрос о закрытии газеты «The Workers' Republic». Чтобы поправить финансовое положение партии, Конноли решил отправиться с чтением лекций в США, откуда он неоднократно получал приглашения от деятелей американского социалистического движения. В сентябре 1903 г. Конноли отплыл в Северную Америку, где пробыл семь лет. Незадолго до его отъезда в США «The Workers' Republic» снова заявила о том, что принципом ее является классовая борьба, которая должна привести к «захвату рабочим классом политической власти и использованию ее для перехода всех средств к жизни из частных рук во владение всего общества»[1].

* * *

Каковы же были итоги почти восьмилетней работы Конноли в Ирландии? Сам Конноли писал о результатах деятельности ИСРП следующее: «Эта организация полностью революционизировала передовых политиков в Ирландии. Когда она создавалась, слово *«республика»* могли произносить лишь в кругу самых близких друзей. Социалисты решительно призвали изгнать из политической жизни всех, кто открыто не признает ее. Мысль о *революции* принадлежала лишь остаткам тайных обществ прошлого поколения, и о ней никогда не упоминали иначе, как на ухо... Социалисты покончили с этой смешной таинственностью и в сотнях речей, статей, памфлетов, распространяемых по стране, объявили о своей цели — собрать все силы трудящихся для революционного переустройства общества»[2].

---

[1] Цитируется по книге: *D. Greaves.* Op. cit., p. 117.
[2] Цитируется по книге: *D. Ryan.* «James Connolly», p. 21.

Значение деятельности ИСРП и работы Конноли в этот период заключалось в том, что впервые в истории Ирландии пропаганда социалистических идей была связана теснейшим образом с национально-освободительным движением. Рассматривая решения национального вопроса — этого важнейшего в условиях Ирландии вопроса буржуазно-демократической революции — с точки зрения перспектив борьбы рабочего класса за социализм, Конноли пропагандирует в эти годы марксистскую концепцию буржуазно-демократической революции, руководимой пролетариатом, как первоначальной ступени на пути к социалистической революции. В эти годы у Конноли сформировались те основные идеи, которыми он руководствовался в период подготовки восстания 1916 года: идеи руководящей роли рабочего класса в национально-освободительном движении, союза с демократическим крылом национального движения, революционного захвата власти рабочим классом — мирным путем, если возможно, насильственным, если необходимо, мысль об использовании политической ситуации, созданной захватнической войной, в целях национального освобождения.

В 1916 г., как только стало известно о кровавой расправе с участниками восстания в Ирландии, друзья Конноли, социалисты, даже такие близкие ему, как Джон Лесли, оплакивая его, терялись в догадках, как мог Конноли решиться на такой шаг, «примкнуть» к такому «насильственному» движению. Над этим вопросом задумывались и будущие биографы Конноли — Уильям и Десмонд Райены. А между тем ирландское национальное восстание 1916 г. было логическим завершением всей теоретической, пропагандистской и организационно-практической деятельности Конноли; нельзя в полной мере понять его роль в восстании, не анализируя его деятельности в Ирландии в конце 90-х годов.

Значение Ирландской социалистической республиканской партии в этот период заключалось и в том, что, пропагандируя марксистский подход к решению важнейших социально-экономических и политических вопросов, она отстаивала марксизм против оппортунизма, который усиленно насаждался в Ирландии отделениями Незави-

симой рабочей партии, против оппортунизма английских рабочих лидеров. Эта сторона деятельности ирландских социалистов была особенно существенна для идейного воспитания ирландских рабочих.

Деятельность ИСРП сама по себе являлась выражением становления ирландского рабочего класса в качестве самостоятельной силы в общедемократической борьбе. В выступлениях Конноли и других деятелей партии ирландский пролетариат впервые заявляет о себе. Восьмилетняя идейно-воспитательная и организационная работа ИСРП под руководством Конноли, затем деятельность новых тред-юнионов подготовят первые крупнейшие классовые бои ирландских рабочих — стачки 1907, 1911, 1913 гг., а потом и выступления рабочего класса как решающей силы в восстании 1916 г. и в войне с Англией 1919—1921 годов.

На все направление работы ИСРП, на весь ее характер наложила отпечаток основная ошибка ее организаторов, в первую очередь Конноли, заключающаяся в том, что практически вся работа партии была сведена к задачам пропагандистской деятельности. Это обусловило известный отрыв ИСРП от рабочих, ее малочисленность, ее слабость. Борясь за идейное воспитание рабочих, за их *идейный* разрыв с реформизмом и оппортунизмом, ирландские социалисты фактически ничего не сделали для *организационного* отрыва их от реформистов.

Отсутствие твердых организационных принципов повлияло и на состав самой партии: наряду с марксистами в нее входили люди, не имевшие определенных политических убеждений. В партии не было единства. Этим же объясняется и тот факт, что с отъездом Конноли в Америку партия фактически распалась.

Но, несмотря на эти ошибки, деятельность ИСРП и ее руководителя Джемса Конноли имела огромное значение для идейного развития ирландского рабочего класса. Эта деятельность закладывала основы для будущих классовых боев ирландских рабочих, для коммунистического движения в Ирландии.

Т. Л. АРТЕМЬЕВА

АБРААМ ЯКОБИ — ОДИН ИЗ АКТИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СОЮЗА КОММУНИСТОВ

Абраам Якоби — видный немецкий врач, революционный демократ, затем коммунист, участник революции 1848—1849 гг. и революционного движения в Германии и США в последующие годы — был активным деятелем Союза коммунистов, сторонником Маркса, пропагандистом идей марксизма.

Жизнь и деятельность Якоби представляет большой интерес для исторической науки; она дает материал для изучения первой международной организации пролетариата — Союза коммунистов, основанного в 1847 г. Марксом и Энгельсом и руководствовавшегося в своей деятельности первым программным документом научного коммунизма — «Манифестом Коммунистической партии».

Изучение истории Союза коммунистов, этой колыбели коммунистического движения, является важнейшей задачей историков-марксистов всех стран. Это изучение крайне затруднено вследствие немногочисленности сохранившихся источников, в первую очередь документов самого Союза, действовавшего нелегально. Весьма существенным вкладом в освещение деятельности Союза коммунистов, в дополнение к уже имеющимся общим трудам по его истории [1], является разработка биографий деятелей

[1] *Е. П. Кандель.* «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов». М., 1953; *М. И. Михайлов.* «Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата». М., 1960; *K. Obermann.* «Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852». Berlin, 1955; *K. Bittel.* «Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenössischen Presse». Berlin, 1955; *R. Herrnstadt.* «Die erste

Союза коммунистов — Иосифа Молля, Карла Шаппера, Фридриха Лесснера, Вильгельма Вольфа, Джорджа Джулиана Гарни, Эрнста Джонса, Роланда Даниельса, Иосифа Вейдемейера, Георга Веерта, Фердинанда Фрейлиграта, Эрнста Дронке, Конрада Шрамма[1]. Биографии некоторых соратников Маркса и Энгельса по Союзу коммунистов (Г. Эккариуса, В. Тедеско, Г. Лохнера, К. Пфендера, П. Имандта, А. Клусса и других) еще предстоит разработать.

Данная статья является продолжением этой серии биографий деятелей Союза коммунистов. Среди участников Союза Абраам Якоби являлся одним из представителей революционной интеллигенции, примкнувших к пролетариату, воспринявших самое прогрессивное мировоззрение и пропагандировавших его применительно к избранной ими области знания. Он принадлежал к кругу людей науки, близких Марксу и Энгельсу, работавших в непосредственном контакте с ними и под их руководством, как, например, врач Роланд Даниельс, химик Карл Шорлеммер, врач Людвиг Кугельман и другие.

До настоящего времени биография Якоби не написана; в немецких общих и исторических энциклопедиях его имя отсутствует, материалы для его биографии очень неполны, сведения о его жизненном пути находятся в разрозненных источниках и мало доступны для читателей. Важные данные о Якоби содержатся в некоторых работах и письмах Маркса и Энгельса, в частности в памфлете Маркса «Господин Фогт» и в статье Энгельса «К истории Союза коммунистов»[2].

Другие источники можно разделить на три группы.

Verschwörung gegen das internationale Proletariat». Berlin, 1958; *H. Förder*. «Marx und Engels am Vorabend der Revolution. Die Ausarbeitung der politischen Rechtlinien für die deutschen Kommunisten (1846—1848)». Berlin, 1960.

[1] См. сборник «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961 (в библиографии к отдельным очеркам этого сборника приведен обзор вышедшей ранее литературы на данную тему); *В. А. Смирнова*. «Вильгельм Вольф — человек, которому Маркс посвятил «Капитал»». М., 1963.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 677; т. 21, стр. 231.

1) Документы о деятельности Якоби в 1848—1851 гг. и во время кёльнского процесса коммунистов. Часть из них опубликована в обвинительном акте против участников кёльнского процесса коммунистов [1], в газетах того времени («Kölnische Zeitung», «Kölnischer Anzeiger»), в работе К. Биттеля о кёльнском процессе [2]. Другая часть документов хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ);

2) Материалы об эмиграции Якоби в Англию, затем в США и о его деятельности по распространению идей марксизма в США в издававшихся там рабочих и демократических газетах («Die Reform», «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal Zeitung»), в том числе его собственные статьи, опубликованные в печати. Некоторые документы, отображающие этот период деятельности Якоби, также хранятся в ЦПА ИМЛ;

3) Группа источников о деятельности Якоби в США в качестве врача. Это преимущественно статьи в американских энциклопедиях [3] и в немецких специально медицинских справочных изданиях [4], а также серия некрологов и статей к 90-летию со дня рождения Якоби в американских журналах, в основном медицинских [5]; сюда же примыкает статья в медицинском сборнике, посвященном семидесятилетию со дня рождения Абра-

---

[1] Köln, «Rheinischer Appelations-gerichtshof. Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Bürgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becker, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J. Klein und F. Freiligrath». Köln, 1852, S. 63—66 (далее «Anklageschrift»).

[2] *K. Bittel*. «Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenössischen Presse». Berlin, 1955.

[3] «Appleton's Cyclopaedia of American Biography», vol. III. N. Y., 1888, p. 394; «Dictionary of American Biography», vol. IX. Ld., 1932, p. 563—564; «The Encyclopedia Americana», vol. XV. N. Y.—Chicago, 1944, p. 589.

[4] «Biographisches Lexikon der hervorragendsten Ärtze aller Zeiten und Völker», Bd. III. Berlin—Wien, 1931, S. 393.

[5] «Medical Record», vol. 96. N. Y., 19. VII. 1919, p. 115—116; «Medical Record», vol. 98. N. Y., 24. VII. 1920, p. 166—167; «New-York Medical Journal», N. Y., 19. VII. 1919, p. 114—117 и ряд других журналов, хранящихся в Центральной медицинской библиотеке в Москве; перечень статей о Якоби в медицинской литературе приводится в «Index Catalog», III Serie, vol. VII. Wachington, 1927, p. 4.

ама Якоби[1]. В этой третьей группе источников жизнь и облик Якоби изображены весьма односторонне, в ней освещается только его врачебная деятельность и почти совершенно умалчивается о его революционном прошлом; об этой стороне его деятельности, в лучшем случае, кое-где содержатся только глухие упоминания[2]. В силу указанных причин многие обстоятельства жизни и деятельности Якоби до сих пор были почти неизвестны, до настоящего времени даже даты жизни его приводились в исторической литературе неточно — годом рождения считался 1832 вместо 1830, а год смерти (1919) совсем не указывался[3].

Настоящая статья имеет целью дать краткий очерк жизни и деятельности Якоби, и в первую очередь его революционной деятельности и марксистского мировоззрения.

* * *

Абраам Якоби родился 6 мая 1830 г. в Хартуме, близ Миндена в Вестфалии, в бедной семье. Родители дали ему образование, идя на большие жертвы. Он окончил гимназию в 1847 году; в том же году поступил в Грейфсвальдский университет, где сначала изучал лингвистику, но вскоре перевелся на медицинский факультет; в 1848 г. перешел в Гёттингенский университет.

Революция 1848—1849 гг., заставшая Якоби в возрасте 17 лет, оказала на него безусловно значительное влияние. Бедный студент, с независимым характером, он был резко настроен против прусского абсолютизма. Его возмущала эксплуатация человека человеком, он глубоко сочувствовал тяжкой доле наемных рабочих. Якоби стремится к борьбе против социального неравенства. В Гёт-

---

[1] ««Festschrift» in honor of Abraham Jacobi, M. D., L. L. D. to commemorate the seventieth anniversary of his birth may sixth, 1900». N. Y., 1900, Preface, p. V—X (далее «Festschrift»).

[2] В СССР отсутствует биография Якоби, опубликованная в журнале «Medical Life». N Y, X. 1926 и V—VI. 1928 (*Victor Robinson.* «The Life of A. Jacobi»), однако можно предположить, что она также раскрывает в основном деятельность Якоби как врача.

[3] См., например, указатели имен в томах первого и некоторых томах второго (тт. 8 и 14) изданий Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и в книге: *К. Bittel.* Op. cit., S. 314.

тингене, в обстановке продолжавшейся зимой 1848—1849 гг. революции в Германии, он вступает в местный Гимнастический союз, состоявший из студентов и рабочих.

Отсутствие источников не дает возможности раскрыть деятельность Якоби в 1848—1849 годах. Однако имеются некоторые данные, которые позволяют считать, что в революции он играл активную роль. Так, во время кёльнского процесса Союза коммунистов (1852 г.), на котором Якоби предстал в качестве обвиняемого, упоминалось его письмо от марта 1848 г. (адресат этого не дошедшего до нас письма не известен, но из письма Бёрмбаха Марксу от 24 сентября 1852 г. мы узнаем, что оно было написано «одному другу»[1]) в котором содержалось «оскорбление личности короля»[2]. В обвинительном акте отмечается также, что смысл и тенденция этого письма — коммунистические. Из материалов процесса можно заключить, что уже в годы революции за Якоби была установлена слежка[3].

После поражения революции в Германии Абраам Якоби в августе 1849 г. отправляется добровольцем на фронт в качестве врача с целью оказания медицинской помощи борцам за национальное освобождение Шлезвиг-Гольштейна против датского господства[4].

Осенью 1849 г. Якоби переходит в Боннский университет, где продолжает участвовать в студенческом движении. В июне 1850 г. он совместно со студентом медицинского факультета Боннского университета Людвигом Кугельманом (в будущем член I Интернационала, пропагандист «Капитала» Маркса в Германии), студентом

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 20, ед. хр. 60.

[2] *K. Bittel.* Op. cit., S. 165. 246, 270. 271, 297.

[3] Некоторый свет на вопрос о настроении Якоби в эти годы проливают также речи, произнесенные на его похоронах 14 июля 1919 года. Так Патнем, составитель словаря пословиц, по-видимому, родственник жены Якоби, Мери Патнем, в своей речи напомнил, что Якоби в 1847—1848 гг. принадлежал к группе молодежи, стремившейся к возрождению Европы («New-York Medical Journal». N. Y., 19.VII.1919, p. 117).

[4] *C. Schurz.* «Lebenserinnerungen», Bd. I. Berlin und Leipzig, 1920, S. 284.

Гартманом из Кёльна и несколькими рабочими основал в Бонне Гимнастический союз (Якоби стоял во главе этого союза до конца апреля 1851 года) [1]. В обстановке, сложившейся после поражения революции 1848—1849 гг. в Германии, гимнастические союзы продолжали играть большую роль в политической жизни страны; в них сосредоточивались демократические элементы, которые определяли направление их деятельности. Около половины членов Гимнастического союза в Бонне, руководимого Якоби, первоначально составляли студенты, но затем в нем стали преобладать рабочие; постоянный состав его насчитывал 30—40 человек. Устав Союза был, согласно существовавшим в Германии порядкам, зарегистрирован в полиции, и Союз являлся, таким образом, легальной организацией. Однако в уставе имелась секретная статья, согласно которой прием в Союз обусловливался определенными политическими требованиями к поступающему [2].

Гимнастический союз в Бонне был связан с Союзом коммунистов, реорганизованным Марксом и Энгельсом и их соратниками после поражения революции 1848—1849 годов. Центральный комитет Союза коммунистов в своем «Обращении к Союзу коммунистов» от июня 1850 г. дал следующую инструкцию своим органам на местах: «Центральный комитет обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что... влияние Союза на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие и другие организации имеет огромное значение, и его везде следует добиваться. Он предлагает руководящим округам и тем общинам, которые сносятся с ним непосредственно, в ближайших своих письмах сообщить, что сделано ими в этом отношении» [3]. Не случайным является то обстоятельство, что дата организации Гимнастического союза в Бонне — июнь 1850 г.— совпадает с датой этого обращения, которое призывало «образовать из людей, пригодных и надежных в революционном отношении, но не понимающих еще коммунистических последствий нынеш-

[1] «Kölnischer Anzeiger» № 247, 17. X. 1852; «Anklageschrift», S. 64; *K. Bittel*. Op. cit., S. 84.

[2] *K. Bittel*. Op. cit., S. 85.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 326.

него движения, вторую, более широкую категорию членов Союза» [1].

Есть основание считать, что Якоби организовал Гимнастический союз, уже будучи в это время членом Союза коммунистов, и действуя в качестве его представителя. Нам неизвестна дата вступления Якоби в Союз коммунистов, но мы располагаем материалами, говорящими о его активной деятельности в качестве эмиссара Союза во второй половине 1850 и в 1851 году. Это позволяет предполагать, что и несколько раньше, в июне 1850 г., он уже мог выполнять обязанности уполномоченного Союза. В одном месте упомянутого июньского обращения Союза говорится: «Рейнскую Пруссию и Вестфалию недавно посетил эмиссар Кёльнского руководящего округа. Отчет о результатах этой поездки в Кёльне еще не получен» [2]. Фамилия эмиссара из конспиративных соображений не названа. Не исключено, что этим эмиссаром был Якоби, хотя этот вопрос требует еще дополнительного исследования. Во всяком случае, из тех материалов, которыми мы располагаем, явствует, что в октябре 1850 г. Якоби отнюдь не впервые выполнял задания Союза коммунистов, что он не был в то время новичком в подпольной революционной работе. Скорее всего он вступил в Союз еще зимой 1849—1850 года.

Второй организатор Гимнастического союза в Бонне, Л. Кугельман, был близким другом Якоби. Они были ровесниками (оба родились в 1830 г.), оба получили среднее образование в Миндене и учились в Гёттингенском университете на медицинском факультете.

Так же, как и Якоби, Кугельман с первых шагов студенческой жизни вступил на путь революционного движения. Об этом свидетельствует письмо Маркса В. Либкнехту от 24 июня 1865 г., где Маркс говорит: «с д-ром Кугельманом ты попал пальцем в небо. Я уже много лет [selt Jahren], как состою с ним в переписке. Он уже был социалистом в 1848 г. в Дюссельдорфе» [3]. Как и Якоби, Кугельман затем перешел в Боннский университет. Очень возможно, что переезд обоих друзей в Бонн

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 326—327.
[2] Там же, стр. 327.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 432—433.

был вызван потребностями выполнявшейся ими революционной работы. Ряд фактов говорит о том, что Кугельман в студенческие годы был близок к Союзу коммунистов. В эти годы он был близко знаком с руководящими деятелями Союза коммунистов — Г. Бюргерсом, секретарем находившегося в 1850—1851 гг. в Кёльне Центрального комитета Союза коммунистов, и известным поэтом Ф. Фрейлигратом [1]. С последним он познакомился еще в 1848 г. в Дюссельдорфе, где оба они были участниками Народного клуба. Позднее, в 1862 г., Кугельман послал письмо Фрейлиграту в Лондон, в котором писал: «Как я слышал, Вы еще помните обо мне, и потому я обращаюсь к Вам в расчете на наше старое знакомство» [2]. Когда в 1867 г. Кугельман занялся пропагандой в Германии только что вышедшего из печати «Капитала» Маркса и решил через своих друзей организовать публикацию рецензий на него, то он прежде всего вспомнил о своих знакомых из того же круга — об А. Якоби и о Г. Бюргерсе, которому послал написанную Энгельсом рецензию для помещения ее в «Rheinische Zeitung», где Бюргерс был редактором [3].

И Якоби и Кугельман рано стали интересоваться общественно-политической литературой. Кугельман уже в юности начал собирать специальную библиотеку, каталог которой, изданный в 1902 г. [4], после его смерти содержал 1539 названий книг по революционно-политической, со-

---

[1] Есть основания считать, что Фрейлиграт в 1850—1851 гг. был членом Центрального комитета Союза коммунистов. См. об этом: *Б. Крылов.* «Фердинанд Фрейлиграт» (в сборнике «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961, стр. 342—343).

[2] Кугельман — Фрейлиграту, 21 ноября 1862 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 1).

[3] «Летописи марксизма», кн. IV, 1927, стр. 5. Характерно, что Кугельман обращается к Бюргерсу со словами: «дорогой Бюргерс!», а говоря о Марксе, пишет: «наш старый друг» (Кугельман — Бюргерсу, 5 ноября 1867 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. III 1728). Бюргерс в своем письме от 4 ноября 1862 г. также называл Кугельмана «дорогой друг» (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 3/1).

[4] *Mund H. Schaper.* «Enthaltend die Bibliothek des weiland Dr. Louis Kugelmann, Hannover, Freund von Karl Marx und Friedrich Engels, darunter viele Seltenheiten und Unica. Politik. Nationaloekonomie. *Socialismus und Kommunismus.* Revolutionsgeschichte. Geschichte der Neueren und Neuesten Zeit. Antiquariats-Katalog № 53.

циальной, исторической и экономической тематике. На обложке каталога среди перечня тем этих книг его библиотеки выделена жирным крупным шрифтом и подчеркнута красной чертой рубрика: социализм и коммунизм. В его библиотеке значится свыше 50 книг, изданных в 1848—1851 годах. Они несомненно покупались сразу же по выходе в свет, так как революционная политическая литература тогда быстро исчезала из продажи. Имеются и книги, вышедшие в свет до революции 1848—1849 годов. Но приобретены они были, по-видимому, также в 1848—1851 гг. после смерти, осенью 1847 г., отца Кугельмана, консерватора, при жизни которого сын вряд ли мог собирать и хранить революционные издания.

Среди книг библиотеки Кугельмана значатся: работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», издание, вышедшее в Лейпциге в 1845 году; гамбургское издание 1849 г. произведения Г. Веерта «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского»; брошюра Ф. Фрейлиграта «Подробный отчет о процессе против Фердинанда Фрейлиграта». 1848, (о преследовании последнего за стихотворение «Мертвые — живым» [1]); книга революционного демократа, в будущем соратника Маркса и Энгельса Иоганна Филиппа Беккера «История южногерманской майской революции» (выпущена в Женеве в 1849 г.) и другие революционные произведения. В библиотеке имелась также работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», не попавшая в каталог. Мы узнаем об этом из письма Маркса — Энгельсу от 24 апреля 1867 г., в котором Маркс писал: Кугельман «обладает гораздо лучшим собранием наших сочинений, чем мы сами. Здесь нашел я опять «Святое семейство», которое он мне подарил и экземпляр которого он пошлет тебе» [2]. Таким образом, мы видим, что в студенческие годы — во время революции 1848—1849 гг. и в ближайшее за ней время — Кугельман проявлял очень большой интерес к литературе крайнего революционного направления. Он читает труды Маркса и Энгельса, работы их соратников и друзей, революционные брошюры и листовки.

---

[1] *Б. Крылов.* Цит. соч., стр. 334—336.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 404.

В Гимнастическом союзе Кугельман проявил себя как дельный руководитель. Впоследствии в этой связи его имя было упомянуто в обвинительном акте по делу обвиняемых на кёльнском процессе коммунистов [1].

Кугельман был выходцем из состоятельной семьи (родители его владели небольшим имением близ Оснабрюка), получал материальную поддержку от матери и потому мог тратить деньги на книги. Якоби такой возможности не имел. Однако поскольку Якоби был ближайшим товарищем Кугельмана, весьма вероятно, что он пользовался книгами из библиотеки последнего. Собранная Кугельманом литература могла послужить одним из источников для формирования революционных коммунистических убеждений не только владельца библиотеки, но и его товарища по университету и по политической работе в Гимнастическом союзе. Для характеристики мировоззрения Якоби мы располагаем также некоторыми его письмами того времени. Они также отражают процесс складывания революционно-коммунистических взглядов под влиянием знакомства с трудами основоположников научного коммунизма. Важным источником для биографии Якоби этого периода является его переписка с невестой Фанни Мейер и ее сестрой Софи Мейер. Они жили в Миндене. Фанни Мейер была передовой, революционно настроенной женщиной. Вместе со своей старшей сестрой Софи она организовала лотерею в пользу преследуемых политических деятелей и агитировала на политических собраниях за оказание им помощи, что послужило поводом для злопыхательских выпадов в адрес обеих сестер со стороны консервативного юмористического листка «Кладдераддатч» [2]. В письмах к своей невесте Якоби откровенно делился своими мыслями, излагал ей свои революционные взгляды. Фанни впоследствии стала женой Якоби.

Мы располагаем перепиской Якоби с сестрами Мейер за период с 27 октября 1850 по май 1851 года. Это был

---

[1] «Anklageschrift», S. 64.

[2] «Кладдераддатч» обозвал сестер: Софи Мечтающая-Мейер и Фанни Пустословящая-Мейер (Sophie Duselmeyer и Fanny Faselmeyer) (воспоминания Ф. Кугельман о Л. Кугельмане — ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 14).

период напряженной деятельности Якоби в Союзе коммунистов, когда он, продолжая свои медицинские занятия в Боннском университете, совершает частые поездки по Германии в качестве эмиссара Союза, одновременно руководя Гимнастическим союзом и интенсивно изучая марксистскую теорию.

Так, письмо к Ф. Мейер от 27 октября 1850 г. написано под непосредственным впечатлением чтения «Святого семейства» и «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также, по-видимому, книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Любопытно, что в письме встречаются места, близкие не только по содержанию, но и по терминологии ряду важных положений, сформулированных в четвертой главе «Святого семейства». Так, излагая невесте свои взгляды на классовую структуру существующего общества и происходящую в нем классовую борьбу, Якоби пишет:

«Классов, достойных сегодня внимания, только два: собственники и неимущие. Частная собственность существует сейчас только благодаря ограблению других; одни являются имущими, благодаря тому, что огромному большинству грозит перспектива погибнуть от голода. Можно ли назвать это человеческим существованием? Что такое собственность буржуазии? Это собственность, добытая выжиманием пота из миллионов людей, таких людей, которые прежде вели человеческое существование, это собственность и накопление богатства поколения людей, отнятого путем насилия и угнетения огромного бедствующего большинства, собственность, приобретенная при помощи подлости, низкого эгоизма. А что такое собственность пролетариата? Это собственность на вечный цикл труда и мучения — с раннего утра до позднего вечера, из года в год, с колыбели до могилы, собственность на голод и нужду и их следствия — невежество, грубость, «подлость», обладание нечеловеческим положением, которое буржуазия называет человеческим. Но эта обесчеловеченность сознает или все больше будет сознавать свою обесчеловеченность и потому, естественно, стремиться к тому, чтобы самое себя упразднить; потому она является уничтожающей стороной, а буржуазия консервативной, потому пролетариат является разрушающим,

сокрушающим элементом в безобразном существовании бесчеловечной общности людей [Aber diese Entmenschung ist sich ihrer Entmenschung bewusst, oder wird es immer mehr, darum strebt sie natürlich danach, sich selber aufzuheben, darum ist sie destruktiv, wie die Bourgeosie konservativ, darum ist das Proletariat das zerstörende, brechende Element in dem Unwesen der unmenschlichen Menschengemeinschaft]» [1].

Цитированный отрывок соответствует следующему месту из «Святого семейства», которое мы приводим для сопоставления:

«Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность... В пределах антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетариат — *разрушительную* [Innerhalb des Gegensatzes ist der Privateigentumer also die *konservative*, der Proletarier die *destructive* Partei] ...Частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но... только путем порождения пролетариата *как* пролетариата,— этой... обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей [die ihrer Entmenschung bewusste und darum sich selbst aufhebende Entmenschung]» [2].

Из приведенных отрывков мы видим, что уже в студенческие годы у Якоби складывались элементы мировоззрения научного коммунизма и что к осени 1850 г. он уже глубоко усвоил одно из главных положений марксизма — идею о классовой борьбе и всемирно-исторической миссии рабочего класса как могильщика капиталистического строя и создателя нового, бесклассового общества. Эту мысль он и пытался по-своему изложить.

---

[1] *K. Bittel.* Op. cit., S. 84; «Anklageschrift», S. 63. (Цитируемые здесь письма Якоби дошли до нас в виде отрывков, фигурировавших в обвинительном акте на кёльнском процессе коммунистов.)

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 39; Marx-Engels Gesamtausgabe, erste Abt., Bd. 3, S. 206.

Ясно сознавая глубину классового антагонизма и непримиримость классовых противоречий в капиталистическом обществе, Якоби далее пишет: «На одной стороне консервативная буржуазия, которая строит свои расчеты на сохранении своего господства и существующего положения и для этого напрягает все свои силы; на другой стороне огромное большинство лишенных человеческого достоинства людей, которые работают для наполнения денежных мешков других,— голодающий, обнищавший пролетариат» [1].

Развивая свои мысли в направлении научного коммунизма, Якоби подвергает критике идеи утопического социализма. Он резко отрицательно высказывается о «теории» классового мира, выдвигавшейся последователями Фурье, в частности Консидераном. «Как обстоит дело с идеями [классового.— *Т. А.*] мира французских социалистов? Возможен ли мир, если две партии хотят войны, если партия, которая держит в руках средства к примирению, состоящие в том, что она сама себя уничтожает, не хочет никакого примирения?» [2].

Изучение революционной теории не было для Якоби самоцелью. Он был наделен деятельной натурой, стремился к борьбе против несправедливого общественного строя, к уничтожению системы наемного труда, к борьбе за коммунизм. Влияние марксизма отразилось не только на общем мировоззрении Якоби, но и на его оценке современных ему событий, партий, деятелей. Осмысливая уроки революции в Германии и наступившей вслед за тем реакции, Якоби дает отрицательную характеристику деятельности буржуазных радикалов и мелкобуржуазных демократов в Германии. В письме к Ф. Мейер от 16 ноября 1850 г. Якоби пишет: «В Германии наши «великие мужи» конституционны вроде Вальдека или трусливого Грюна, или... экзальтированного, фантазирующего республиканца, добросердечного и непрактичного Геккера. Германия еще не совершила никакой революции, но революция еще придет...» [3].

---

[1] «Anklageschrift», S. 63.
[2] Там же.
[3] Там же.

В Гимнастическом союзе в Бонне, помимо теоретических занятий, устраивались дискуссии по актуальным политическим вопросам. Так, из письма Якоби Фанни Мейер от 14 ноября мы узнаем, что в ноябре 1850 г. там проходило обсуждение текущих вопросов международной политики: 1) конституционного конфликта в Гессене и вмешательства в него Пруссии, Австрии и России; 2) событий во Франции, где Луи Бонапарт, предпринимавший в то время активные шаги к подготовке государственного переворота, организовал 10 октября 1850 г. бонапартистскую демонстрацию во время смотра войскам на плацу Сатори [1].

Есть основание предполагать, что в Гимнастическом союзе Якоби организовал чтение статей Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» — теоретического и политического органа Союза коммунистов, издававшегося в 1850 г. Марксом и Энгельсом. Распространением этого журнала в Рейнской провинции активно занимался Ф. Фрейлиграт [2]. О том, что сам Якоби читал этот журнал, свидетельствуют приведенные выше высказывания его о Вальдеке, Грюне и Геккере [3], которые во многом перекликаются с критическими оценками, данными этим деятелям в статьях Маркса и Энгельса из «Revue», в частности в статье Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» и в статье Маркса и Энгельса «Готфрид Кинкель» [4].

В результате проведенной Якоби в Гимнастическом союзе Бонна работы многие члены этого союза стали решительными сторонниками коммунизма, последователями Маркса [5]. Укрепляется связь Гимнастического союза с Союзом коммунистов. В декабре 1850 г. боннский Гимнастический союз посетил один из руково-

---

[1] «Anklageschrift», S. 63.
[2] *Б. Крылов.* Цит. соч., стр. 340.
[3] См. настоящий сборник, стр. 589.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 111—207 (особенно стр. 113), 315.
[5] *K. Bittel.* Op. cit., S. 86.

дителей Кёльнского руководящего округа Союза коммунистов Г. Беккер [1].

Помимо руководства Гимнастическим союзом Якоби выполняет и другие поручения Союза коммунистов. Он развивает большую организационную деятельность. Это особенно относится к периоду после того, как в Союзе коммунистов произошел раскол. 15 сентября 1850 г. от Союза откололась сектантско-авантюристская фракция Виллиха — Шаппера. Большинство во главе с Марксом и Энгельсом приняло решение о перенесении Центрального комитета из Лондона в Кёльн. В конце сентября в Кёльне конституировался новый Центральный комитет Союза коммунистов в составе П. Г. Рёзера (председатель), Г. Бюргерса (секретарь) и К. В. Отто (кассир) [2].

Начиная с октября 1850 г. Якоби не раз выезжает из Бонна в Дюссельдорф и другие города, как он пишет, «по делам» [3], и особенно часто в Кёльн, где встречается с руководящими деятелями Союза коммунистов Р. Даниельсом, Г. Бюргерсом, Г. Беккером и др. Так, 27 октября 1850 г. он сообщает Ф. Мейер, что отправляется в Кёльн. 10 января 1851 г. он пишет ей: «Мое дюссельдорфское путешествие и все, что с ним связано, мое неоднократное пребывание в Кёльне было для меня делом большой важности и большого интереса. На второй день рождества я познакомился с Беккером из Кёльна здесь, в Бонне, куда он прибыл в связи с одним тайным политическим банкетом [устроенным Гимнастическим союзом.— *Т. А.*]. Вечером во время банкета и все следующее утро я был вместе с ним, затем он уехал, и я обещал ему на следующей неделе приехать в Кёльн. Во вторник днем... я отправился в Кёльн, вечер, до поздней ночи, провел с лидерами демократов — Беккером, Бюргерсом, Бёрмбахом, д-ром Даниельсом и другими... Пребывание в Кёльне было для меня в высшей степени плодотворно, так как я нашел людей, перед которыми смог высказаться о различных вещах, близких моему сердцу, что в Бонне

---

[1] «Anklageschrift», S. 63.

[2] Кёльнский Центральный комитет — большинству бывшего лондонского Центрального комитета, 5 октября 1850 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 133).

[3] «Anklageschrift», S. 63.

совершенно невозможно, и от которых я сам кое-что узнал... По пути из Дюссельдорфа я опять был в воскресенье вечером и в понедельник утром в Кёльне в том же обществе, что и в прошлый раз. Кроме них я встретил там двух французских эмигрантов, которые едут из Швейцарии в Лондон...»[1].

Из конспиративных соображений в письме не упомянут Союз коммунистов, а его руководящие деятели названы демократами.

23 марта 1851 г. Якоби снова пишет своей невесте о поездке в Кёльн, о встречах там с видными революционными деятелями: «Со вчерашнего дня пополудни, в субботу, мы в Кёльне, сегодня утром я хотел возвратиться в Бонн, но задержался потому, что сюда должен приехать Фрейлиграт»[2].

В апреле 1851 г. Якоби получил в Боннском университете степень доктора медицины[3] за диссертацию «Cogitationes de vita rerum naturalium» («Размышления о жизни природных существ»). К сожалению, диссертация эта не сохранилась[4], но мы располагаем отзывом о ней Маркса, который позднее прочел ее и дал ей высокую оценку. По словам Маркса, он был ею «весьма удовлетворен [much pleased with it]»[5].

В конце апреля или в начале мая 1851 г. Якоби выехал из Бонна[6] и вскоре поселился в Берлине якобы для сдачи государственных экзаменов. Однако на самом деле он прибыл туда по делам Союза коммунистов, как это видно из целого ряда фактов. Первый визит в Берлине он нанес эмиссару Союза Нотъюнгу[7] и затем встретился с Г. Бюргерсом (секретарем кёльнского Центрального комитета). Бюргерс с начала мая совершал поездку по Германии по партийным делам, он должен был посетить

[1] *K. Bittel*. Op. cit., S. 85.
[2] «Anklageschrift», S. 64.
[3] «Festschrift». p. VI; «Anklageschrift», S. 64.
[4] Возможно, что она опубликована в I томе Сочинений Якоби (этот том в СССР отсутствует): Jacobi's Works (Collectanea Jacobi). Contributions to pediatrics. Ed. by W. J. Robinson, vol. I—VIII. N. Y., 1909.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 28, стр. 235.
[6] «Anklageschrift», S. 65, 66.
[7] «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.

Вестфалию и Северную Германию; в момент появления Якоби в Берлине он находился в столице Пруссии[1], ему предстояло поехать на подготавливаемый конгресс в Ганновере[2], который обвиняемые на кёльнском процессе называли демократическим, но о котором Маркс писал Энгельсу 21 мая 1851 года: «кёльнцы через несколько недель устраивают коммунистический конгресс»[3].

Якоби вел переписку с различными лицами, участвовавшими в революционной деятельности, организовывал конспиративные встречи, договаривался о партийных делах. В одном из таких писем, от 20 мая 1851 г., портному Лихову, он сообщал: «Я пишу Вам, так как не знаю, что с Вами стало. Если Вы придете ко мне с К., я буду дома завтра и послезавтра до полудня. К Вам я прийти не могу, так как у меня будет два посещения и я буду занят. Так приходите же в интересах нашего дела»[4]. К.— это Канегиссер, печатник. В обвинительном акте против кёльнских обвиняемых говорится, что оба — Лихов и Канегиссер — известны как люди крайнего политического направления.

Относительно деятельности представителей Союза коммунистов в Берлине Маркс писал Энгельсу 21 мая 1851 г. на основании информации, полученной от приехавшего в эти дни из Германии в Лондон Фрейлиграта: «Он [Фрейлиграт.— *Т. А.*] привез с собой очень хорошие новости из Германии. Кёльнцы очень деятельны. Их агенты разъезжают начиная с сентября. В Берлине у них два очень хороших представителя»[5]. Двумя эмиссарами Союза в Берлине, о которых говорится в этом письме, были Нотъюнг, направленный в Берлин в ноябре 1850 г. с заданием кёльнского Центрального комитета Союза организовать там общину Союза коммунистов[6], и

---

[1] Показания Рёзера (ЦПА ИМЛ, ф. 5, ед. хр. 96, стр. 45); «Anklageschrift», S. 65; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 243.

[2] «Anklageschrift», S. 58; показания Рёзера (ЦПА ИМЛ, ф. 5, ед. хр. 96, стр. 45).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 237.

[4] «Anklageschrift», S. 66.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 236.

[6] «Anklageschrift», S. 42, 44; показания Рёзера, стр. 43.

А. Якоби. Последний был послан в Берлин в апреле 1851 г. с рекомендацией от Р. Даниельса, как одного из руководителей кёльнского ЦК Союза коммунистов[1] для оказания помощи Нотъюнгу, так как последнему до того момента не удалось организовать в Берлине общину Союза коммунистов. Возможно, что Якоби удалось помочь Нотъюнгу выполнить его задачу по созданию берлинской общины. Не исключено, что Якоби должен был заменить Нотъюнга в Берлине, поскольку последнему предстояло еще выполнить ряд поручений Союза в других местах.

В начале мая 1851 г. Нотъюнг был арестован в Лейпциге, куда он отправился по партийным делам[2]. В ближайшие дни, около 20 мая, в Берлине был арестован и Якоби[3]. Арест застал его врасплох: при обыске у него были найдены письма, по-видимому, только что полученные им, которые он не успел спрятать или уничтожить, в частности письмо Г. Беккера Бюргерсу — без даты, с сообщением о том, что Нотъюнг арестован 11 мая в Лейпциге[4], письмо члена Союза коммунистов, кёльнского юриста А. Бёрмбаха Якоби,— без даты, подписи и почтового штемпеля и некоторые другие документы.

В упомянутом письме Бёрмбаха говорилось: «Только сейчас я получил Ваш адрес. Беккер и Рёзер арестованы. У обоих, как и у Бюргерса, по поводу которого дано объявление о розыске, были обыски, но найдено немногое. Возможно, что это связано с арестом Нотъюнга в Лейпциге, и все дело сведется к длительному обыску. Так как я не знаю, скомпрометированы ли также и другие, то я сейчас же дал объявление об аресте в газетах, так как все письма теперь тщательно просматриваются»[5].

Мы видим, таким образом, что Якоби был арестован почти одновременно с ведущими членами ЦК Союза коммунистов.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 27, стр. 246.

[2] Бёрмбах — Марксу, 24 июня 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 53).

[3] См. «Anklageschrift», S. 66; «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.

[4] «Anklageschrift», S. 58.

[5] «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.

Арестован был и второй организатор Гимнастического союза в Бонне — Л. Кугельман. Точная дата его ареста неизвестна, но, судя по позднейшим воспоминаниям его дочери Франциски Кугельман, это было весной 1851 г., по-видимому, в апреле или в начале мая. Франциска Кугельман пишет, что арест ее отца произошел в то время, когда ему предстояла сдача государственных экзаменов и он на несколько дней поехал с товарищами в Дюссельдорф. Незадолго до этого он договорился с Якоби о встрече с ним в Миндене. В Дюссельдорфе Кугельман и был схвачен полицией. В ответ на протест ему предъявили черный список, где значилось его имя, и заявили: «видишь, паренек, мы знаем тебя давно и не нуждаемся в твоей визитной карточке» [1]. В списке значились и имена приехавших вместе с ним в Дюссельдорф товарищей. На следующий день Кугельману, как заключенному, обрили голову, но к вечеру внезапно объявили, что начальство навело справки о нем в университете и у его квартирной хозяйки, получило хорошие отзывы и потому он будет освобожден, но при условии, что не будет переписываться с Марксом [2]. По-видимому, при решении вопроса о судьбе Кугельмана сыграло роль и его происхождение из имущей семьи.

Таким образом, Кугельман избежал участи своего друга Якоби и не предстал на кёльнском процессе коммунистов в качестве обвиняемого, несмотря на то, что его имя упоминается в обвинительном акте по этому процессу и он был тесно связан с Союзом коммунистов, знал труды Маркса и Энгельса и уже в то время разделял социалистические убеждения. Разумеется, в то время Кугельман играл менее заметную роль в немецком рабочем движении, чем Якоби и другие активные деятели Союза коммунистов.

Кугельману помогло укрыться от преследований и то обстоятельство, что с детства, будучи под надзором деспота-отца, он привык к крайней осторожности и конспирации; даже квартирная хозяйка ничего не подозревала о его революционной деятельности. И после кёльнского

---

[1] Воспоминания Ф. Кугельман о Л. Кугельмане (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 15).

[2] Там же, стр. 18.

процесса, занявшись исключительно медицинской практикой, он бережно хранит в глубине души свои социалистические убеждения, проявляет повышенный интерес к судьбе представших на процессе коммунистов, старается выяснить правду о процессе, о положении в революционном лагере. Так, в его библиотеке имелся экземпляр работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» в бостонском издании 1853 г., которое почти не удалось в то время распространить в Германии (тираж брошюры, выпущенной в Базеле, был конфискован при транспортировке в Германию, в страну удалось переправить лишь некоторые экземпляры бостонского издания).

В каталоге библиотеки Кугельмана значится также книга Вермута и Штибера «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». Берлин, 1853. Издатель каталога в 1902 г. сделал к этому месту приписку: «В высшей степени редкая! Так называемая «Черная книга», которая была отпечатана и секретно рассылалась только полицейским учреждениям. Содержит, среди прочего, персоналию всех подвергшихся следствию лиц...». При всей грубой тенденциозности этой книги в ней, как известно, были напечатаны многие написанные Марксом и Энгельсом документы Союза коммунистов, с которыми, по-видимому, тщательно познакомился владелец библиотеки.

Спустя 10 лет после описываемых событий Кугельман обратился через Фрейлиграта к Марксу с запросом о перспективах появления экономического труда последнего, указав, что в Германии с нетерпением ждут этого труда. В письме он подчеркивает, что Марксу он, Кугельман, лично неизвестен. Возможно, что осторожность побудила Кугельмана, знавшего о перлюстрации властями писем к немецким революционным эмигрантам, сделать эту оговорку. Тем не менее до настоящего времени считалось, что это письмо и ответное письмо Маркса Кугельману от 28 декабря 1862 года послужили началом их знакомства [1].

[1] *Э. Цобель.* Введение к книге «Письма Маркса к Кугельману». М.—Л., 1928, стр. VIII—IX; *М. Зоркий.* «К. Маркс и Л. Кугельман» (в журнале «Пролетарская революция» № 2, 1940, стр. 225—230); *А. В. Уроева.* «Людвиг Кугельман — пропагандист произведений К. Маркса» (в «Научно-информационном бюллетене сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС № 8, 1962, стр. 98—105).

Однако, как мы видим, корни этого знакомства уходят в глубь революционных лет. Разработать этот вопрос еще предстоит будущему биографу Кугельмана. Здесь нет возможности останавливаться на его дальнейшей биографии. Достаточно сказать, что после выхода в 1867 г. первого тома «Капитала» Кугельман вновь нашел свое место в деле борьбы за коммунизм; он садится за тщательное изучение «Капитала», ведет энергичную работу по пропаганде в Германии бессмертного труда Маркса[1], участвует в деятельности Первого Интернационала, поддерживает постоянную переписку с Марксом и членами его семьи. Благодаря этой переписке до нас дошла оценка Марксом Парижской Коммуны, представляющая бесценный вклад в революционную теорию.

* * *

После арестов деятелей Союза коммунистов в Германии оставшийся на свободе Бёрмбах завязал переписку с Марксом, регулярно информируя последнего о ходе следствия и подробностях содержания в тюрьмах заключенных. Когда начался процесс, он подробно сообщал Марксу о судебных заседаниях, о мерах, предпринятых обвинением и защитой, о реакции общественного мнения[2]. Письма Бёрмбаха были хорошим источником информации для Маркса и других руководителей Союза коммунистов в Лондоне и помогли им принять меры в защиту своих попавших в беду друзей и единомышленников в Германии.

Положение обвиняемых было нелегким. В руки полиции попали многие документы, свидетельствовавшие о тайной революционной деятельности арестованных.

---

[1] См. *А. В. Уроева.* Цит. соч.; «Летописи марксизма», кн. IV, 1927, стр. 5—6.

[2] Бёрмбах — Марксу, 24 июня 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 53); Бёрмбах — Марксу, до 17 июля 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 55); Бёрмбах — Марксу, 18 августа 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 56); Бёрмбах — Марксу, 22 октября 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5561); Бёрмбах — Марксу, 3 мая 1852 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 592); Бёрмбах — Марксу, 9 июля 1852 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 619); Бёрмбах — Марксу, 24 сентября 1852 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 60); Бёрмбах — Марксу, 6 октября 1852 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 61). См. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 253; т. 28, стр. 8, 10, 74—75, 405.

Опытные провокаторы и мастера полицейских интриг Штибер и пр., взявшиеся за организацию процесса и не брезговавшие для осуществления своих коварных замыслов лжесвидетельствами, фальшивками, подлогом, разумеется, пытались использовать каждый документ, каждый факт для осуждения представителей революционного пролетарского движения.

Ряд компрометирующих материалов — выписки из «Манифеста Коммунистической партии», список запрещенной коммунистической литературы — был обнаружен у Якоби [1]. На процессе фигурировали также и некоторые письма, использованные против него обвинением. Так, в письме Якоби Бюргерсу из Берлина от 14 мая 1851 г. говорилось: «Дорогой Бю!.. Я разыскивал друга Н. [Нотъюнга.— *Т. А.*] на Кроненштрассе — он бесследно исчез с прошлого четверга... Я живу до июня на Шуманштрассе № 19, второй этаж; письма в двойном конверте попадут ко мне вернее по адресу...» [2]. В письме к Якоби Софи Мейер (сестры его невесты) от 24—25 мая 1851 г. было сказано следующее: «Красный Беккер [Герман Беккер.— *Т. А.*] и некий господин Рёзер... арестованы. А известный господин Б., который искал тебя как иголку, уцелел, так как на некоторое время выезжал. Это — не для широкого распространения... Я прошу тебя, берегись подобных дел. Если наши лучшие силы пойдут в тюрьму, что тогда будет?» [3]. Далее С. Мейер выражает надежду, что те арестованные, которые имели какие-либо опасные материалы от господина доктора медицины (имеется в виду А. Якоби), были настолько умны, что все это сожгли.

Обыск был произведен также и у сестер Фанни и Софи Мейер в Миндене, во время которого были найдены политически весьма откровенные письма Якоби к Ф. Мейер и другие документы, в частности обращение Союза коммунистов [4].

---

[1] «Anklageschrift», S. 33.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 66.

[4] Вейдемейер — Марксу, 10 июня 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 52). Последнее обстоятельство наводит на мысль, что эти передовые женщины также могли быть членами Союза коммунистов.

20 июня 1851 г. Якоби был переведен из берлинской тюрьмы в кёльнскую[1]. Следствие продолжалось около полутора лет. В течение этого периода обвиняемые отбывали одиночное предварительное заключение с крайне суровым тюремным режимом. Камеры находились в антисанитарном состоянии, заключенные содержались под двойными и тройными запорами, всякому общению с ними ставились многочисленные препятствия, было запрещено передавать книги, о газетах не могло быть и речи[2].

Во время предварительного заключения, как и на самом процессе, Якоби держался твердо. Следователям не удалось добиться от него ничего сверх того, что было обнаружено в документах, найденных при обысках. Никаких показаний, ухудшающих положение обвиняемых, Якоби не дал.

Процесс происходил с 4 октября по 12 ноября 1852 года. Обвинение было предъявлено 12 лицам: П. Г. Рёзеру, Г. Бюргерсу, П. Нотъюнгу, В. Й. Рейфу, Г. Беккеру, Р. Даниельсу, К. Отто, А. Якоби, И. Я. Клейну, Ф. Фрейлиграту, И. Л. Эрхардту, Ф. Лесснеру. Перед судом предстали 11 человек, так как Фрейлиграт успел уехать из Германии и находился в Лондоне. Его судили заочно.

Защитником Якоби, как и ряда других обвиняемых, был демократ К. Шнейдер II.

Целью организаторов процесса было представить Союз коммунистов как опасную для существующего общественного строя, и, в частности, прусского режима, крайне разветвленную заговорщическую организацию. В обвинительном заключении говорилось: «в течение 1848, 1849, 1850 и 1851 годов в Кёльне возник заговор, целью которого было ниспровержение государственного строя и вооружение граждан и жителей против королев-

---

[1] Бёрмбах — Марксу, 24 июня 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 53).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 232; т. 28, стр. 442; Бёрмбах — Марксу, 22 октября 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5561); «Festschrift», p. VI.

ской власти и друг против друга для возбуждения гражданской войны»[1].

Якоби держался мужественно и хладнокровно на процессе, поставив своей задачей опрокинуть версию полицейских, которые стремились изобразить обвиняемых преступными заговорщиками, злоумышленниками, носившимися с планами захвата власти, разрушителями общественных и моральных устоев.

Решительно отрицая полицейский тезис о заговоре, он в то же время отстаивал на суде свои коммунистические взгляды, доказывая право на существование теории научного коммунизма, благородный характер и нравственную чистоту коммунистических идеалов. С трибуны бюрократического суда прусского государства, душившего всякое проявление прогрессивной мысли, он мужественно провозгласил право немецких граждан на свободу их убеждений. В период господства крайней реакции он на суде открыто заявлял о своих коммунистических убеждениях, о том, что он «является революционным социальным демократом»[2]. На вопрос председателя суда, как он объяснит, что у него был найден список социалистической и коммунистической литературы, Якоби ответил: «вследствие своего знакомства с Бюргерсом я часто участвовал в дискуссиях о сущности социализма и хотел поэтому позднее познакомиться с небольшими сочинениями современной литературы, о которых здесь идет речь. При своем незнании источников я обратился к Рёзеру, которого считал, как председателя Рабочего союза[3], знакомым с этой отраслью литературы и от которого скоро получил список. Господин председатель и судьи, может быть, в такой же степени знакомы с мелкими консервативными брошюрами, как он с социалистическими»[4]. Этой последней фразой Якоби подчеркнул отличие своего мировоззрения от взглядов судивших его официальных представителей прусского государства и право каждого класса на формирование своего собственного мировоззрения.

---

1 «Anklageschrift», S. 2, 67; *K. Bittel*. Op. cit., S. 48.
2 «Kölnischer Anzeiger» № 247, 17. X. 1852.
3 Речь идет о легальном кёльнском Рабочем союзе.
4 «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.

В ответах на вопросы прокурора и судей Якоби проявил достойную революционера стойкость, не дав себя спровоцировать, не сделав ни одного показания, которое можно было бы истолковать как подтверждение его участия в заговоре. А ведь для доказательства существования этого страшного «коммунистического заговора» было поставлено на ноги все прусское судопроизводство и вся полицейская агентура.

Избрав правильную тактику защиты, использовав недостаточность улик, в частности неясность обнаруженных при его аресте документов, Якоби отрицал предъявленные ему обвинения, отрицал свою принадлежность к Союзу коммунистов. Он утверждал, что не знал о существовании подобной организации и что с Г. Беккером был знаком будто бы лишь в связи с печатанием в типографии последнего своей диссертации. На требование председателя суда объяснить происхождение упомянутого выше письма Бёрмбаха Якоби заявил, что это письмо он нашел у себя на столе, но не знает, кем оно написано и кем принесено, что Бёрмбах ему вообще не знаком [1]. На вопрос о причине частых поездок в Кёльн Якоби ответил, что его брат служил там в гарнизоне, и кроме того, он ездил туда также с целью повидать товарищей [2]. И, наконец, на вопрос председателя суда, чем объяснить, что он, доктор, интеллигент, разыскивал в Берлине простого ремесленника, портного Нотъюнга, Якоби ответил, что «это не должно удивлять... так как он, как приезжий в Берлине, естественно, прежде всего отправился к своему единомышленнику» [3]. Умелое поведение Якоби на суде улучшило не только его собственное положение как обвиняемого, но оно укрепило позиции и других деятелей Союза коммунистов — участников процесса и помогло делу их защиты.

Для Маркса и Энгельса полтора года, в течение которых тянулось следствие и затем шел сам процесс, были не только временем моральных переживаний за судьбу партийных товарищей, но и временем напряженного труда по оказанию помощи заключенным. Маркс в Лондоне

[1] «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.
[2] «Kölnischer Anzeiger» № 247, 17. X. 1852.
[3] «Kölnischer Anzeiger» № 248, 19. X. 1852.

по существу руководил защитой обвиняемых. Он снабжал адвокатов необходимым материалом, распутывая сложную сеть клеветы, возведенной на коммунистическую партию господствующими классами Германии при посредстве находившегося в их услужении полицейско-шпионского аппарата. Маркс и Энгельс опубликовали в печати ряд заявлений, вскрывавших фальсификаторско-тенденциозный характер кёльнского процесса; они показали подложность множества сфабрикованных прусской полицией документов, и, особенно, «книги протоколов» Центрального комитета Союза коммунистов, подделанной шпионом Гиршем. Маркс доказал непричастность своих соратников к тем псевдореволюционным заговорщическим предприятиям, в которых принимала участие авантюристская фракция Виллиха — Шаппера, и разоблачил попытки полиции сделать кёльнских обвиняемых ответственными за документы этой фракции, попавшие в руки полицейских агентов и фигурировавшие на процессе в качестве обвинительного материала. Шаг за шагом разрушал Маркс выдвинутую полицией версию о мнимом «коммунистическом заговоре» — этом главном козыре прусских властей против привлеченных к суду пролетарских деятелей.

Жена Маркса Женни Маркс в письме к А. Клуссу от 28 октября 1852 г. сообщает: «Вы, наверное, следите по «Kölnische Zeitung» за ходом процесса-монстр против коммунистов. Заседание 23 октября дало всему делу такой великолепный, интересный и благоприятный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает днем и ночью, работает головой, руками и ногами...» [1].

Пойманные с поличным прусские власти были вынуждены изъять из дела «книгу протоколов». Несмотря на все нагромождение лжи, суду не удалось вынести обвинительный приговор всем обвиняемым. Семь человек были приговорены к тюремному заключению от 3 до 6 лет, а четверо были оправданы, среди них и Якоби [2]. Осуждением семи обвиняемых прусский суд спасал престиж про-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 542.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 231; *K. Bittel.* Op. cit., S. 298.

гнившей государственной машины, неблаговидные действия представителей которой столь ярко обнаружились во время процесса. С другой стороны, оправдательный приговор, вынесенный четырем участникам процесса, в том числе Якоби, свидетельствовал о большой моральной победе Маркса и его сторонников над скомпрометированным в ходе процесса прусским государством и судом. Этот приговор говорил о бессилии обвинения, которому не удалось убедить широкие слои в Германии в том, что принадлежность к пропагандистскому обществу, бывшему «тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний»[1], должна рассматриваться и караться как государственное преступление.

Вскоре после процесса, 17 ноября 1852 г., Маркс предложил распустить Союз коммунистов ввиду усилившейся реакции.

Оправданный кёльнским судом Якоби, однако, не был выпущен из тюрьмы. Ему было предъявлено новое обвинение — «в оскорблении величества» — на основании его письма, написанного еще в 1848 году[2]. Дело его было передано прокурору в Миндене, и его продержали в тюрьме до весны 1853 года. В общей сложности с момента ареста он просидел, таким образом, два года. Когда же его, наконец, выпустили на свободу, он узнал, что власти намереваются вновь его арестовать[3]. Спасаясь от преследований, Якоби решил эмигрировать из Германии.

* * *

Летом 1853 г. Якоби из Германии направился в Англию. В Лондоне он был радушно принят Марксом, у которого прожил неделю. За это время Маркс прочитал докторскую диссертацию Якоби, дав ей, как уже говорилось, весьма положительную оценку. Маркс был озабочен дальнейшей судьбой молодого товарища по партии, который произвел на него хорошее впечатление, и старался помочь ему устроиться. Однако в Лондоне, куда после поражения революции на континенте съехалось множество

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 14.

[2] См. настоящий сборник, стр. 581.

[3] «Medical Record», vol. 96. N. Y., 19. VII. 1919, p. 115.

эмигрантов, было почти невозможно найти работу. 8 июля Маркс решил направить Якоби в Манчестер и дал ему рекомендательное письмо к Энгельсу.

Встреча Якоби с Энгельсом произошла при несколько комических обстоятельствах. Якоби, не рассчитав время, приехал в Манчестер ночью и нагрянул в дом Энгельса внезапно, поставив его в затруднительное положение, так как на квартире у Энгельса в это время ночевало много гостей из коммерческих кругов, с которыми Энгельсу по роду службы приходилось поддерживать связь; кроме того, в Манчестере как раз находился его отец, от которого он по возможности скрывал свои партийные связи. Энгельс юмористически описывает эту встречу с Якоби в письме Марксу от 9 июля 1853 года: «В 4 часа ночи меня будит моя старая экономка и объявляет, что приехал джентльмен, который желает меня видеть. Поспешно вылезаю и нахожу у дверей рядом с кэбом маленького человечка с огромным сундуком и саквояжем, который заявляет мне, что его зовут Якоби и что его послали ко мне ты и Пипер. Маркс *и* Пипер! — подумал я. Что это за Якоби, черт бы его драл; побочный сын кёнигсбергского, что ли? Наконец, человечек вытаскивает из кармана твое письмо, по-видимому крайне озадаченный тем, что я его, не знакомого мне, не принял тотчас же с распростертыми объятиями. И тогда меня осенило, как это и подтвердило твое письмо, что это тот подсудимый на процессе коммунистов, Якоби, которого я никак не ожидал увидеть, ибо был уверен, что он давно надежно упрятан в прусской тюремной камере. Что было делать! Я втащил его к себе вместе со всем его скарбом, поболтал с ним полусонный еще с полчаса и уложил его спать на мой диван, ибо дом наш битком набит людьми. К счастью, мой старик до завтра уехал из города, а сегодня утром я взял нашего партийного мученика за шиворот, нанял ему квартиру и запретил являться ко мне до тех пор, пока с отъездом моего старика запрет не будет снят» [1].

Маркс в ответном письме просил Энгельса извинить беспомощность и незнание света со стороны 23-летнего

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 232—233.

юноши из Минденского округа, просидевшего два года за решеткой [1]. Маркс писал, что Якоби — «знающий парень», в чем, впрочем, и Энгельс вскоре сам убедился.

В течение полутора месяцев Маркс и Энгельс прилагали все усилия, чтобы помочь Якоби устроиться. Они снабжают его рекомендательными письмами [2], привлекают к хлопотам об его устройстве своих ближайших друзей — Э. Дронке, В. Пипера. 23 августа Якоби пишет письмо Марксу из Ливерпуля с сообщением о своих делах [3]. Однако устроиться ему не удается ни в Манчестере, ни в других городах (Ливерпуль, Брадфорд), и в конце августа 1853 г. он направляется в США с рекомендациями от Маркса и его друзей к Вейдемейеру и Клуссу [4]. В Америку поехала и его невеста Ф. Мейер [5].

В США Якоби, занявшись медицинской практикой в Нью-Йорке, одновременно включился в пропаганду идей марксизма, которую там развернули сторонники Маркса. Он сотрудничает в основанной в Нью-Йорке в марте 1853 г. газете «Reform», органе объединения немецких рабочих в США — Американского рабочего союза. Ученики и друзья Маркса и Энгельса использовали газету для пропаганды среди рабочих идей научного коммунизма, воспитания их в духе революционной борьбы и пролетарского интернационализма. Ведущую роль в газете играли члены Союза коммунистов И. Вейдемейер и А. Клусс. Вейдемейер был соредактором газеты до марта 1854 года. В ней перепечатывались отдельные статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune». Придавая большое значение использованию американской рабочей печати в интересах распространения пролетарского учения, Маркс и Энгельс привлекли к работе в газете

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 28, стр. 235.

[2] Дронке — Энгельсу, 30 июля 1853 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 675).

[3] Якоби — Марксу, 23 августа 1853 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 683); см. также Пипер — Якоби, 3 сентября 1853 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. III. 1923).

[4] Маркс — Энгельсу, 2 сентября 1853 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 28, стр. 238); Клусс — Марксу, 30 августа — 2—6 сентября 1853 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 687).

[5] Воспоминания Ф. Кугельман о Л. Кугельмане (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 24).

своих друзей-единомышленников — Эккариуса, Пипера, Дронке. Якоби также был среди тех, чье сотрудничество в этом органе они считали весьма желательным. Большую статью в эту газету — «О гибели земли» — Якоби послал еще из Манчестера, до своего отъезда в США. Она печаталась в «Die Reform» 31 августа, 3, 7, 10 и 14 сентября[1].

По своему содержанию статья эта философская, основные направления ее следующие: 1) Защита философского материализма и борьба против идеализма. 2) Подчеркивание мысли о всеобщем развитии в природе. 3) Развитие идеи о необходимости революционной, классовой борьбы в обществе и о конечной победе коммунистического общественного строя.

Развитие и пропаганда среди рабочих вышеуказанных идей в середине XIX века имела большое значение, являясь частью борьбы революционеров-марксистов, действовавших под руководством основоположников научного коммунизма, за распространение самого передового мировоззрения. Особенно следует подчеркнуть проводимую автором статьи идею развития материи. Отстаивание этой идеи в 1853 г., в период господства идеалистических теорий, представляет для того времени весьма прогрессивное явление и позволяет говорить о прямом влиянии материалистической диалектики Маркса и Энгельса на Якоби. Делом первостепенной важности было также разъяснение рабочим материалистической теории и разоблачение идеалистических, поповских догматов о бесплодности классовой борьбы, ориентирование рабочих на революционную борьбу против эксплуатации, за построение коммунистического общества. Таким образом, материалистическое истолкование законов природы сочета-

---

[1] «Die Reform» №№ 44—48, 31. VIII, 3, 7, 10 и 14.IX.1853. (Газета «Die Reform» в настоящее время представляет собой библиографическую редкость, в СССР она имеется в фотокопии, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Мы располагаем только одной большой статьей Якоби из «Die Reform», но можно предположить, что в газете печатались и другие его статьи, так как до нас дошел неполный комплект газеты: отсутствуют номера за 1854 год, из многих номеров за 1853 г. вырезаны некоторые статьи).

лось в статье Якоби с революционными коммунистическими выводами в области общественной жизни.

Статья Якоби написана в полемической форме. В ней автор выступает с критикой антинаучной интерпретации теории о гибели Земли, распространенной тогда среди естествоиспытателей, идеологов реакционных классов. В начале статьи Якоби приводит целиком их главное положение: «Прекратит ли Земля внезапно свое существование; если это произойдет, то для чего тогда борьба человека, в чем цель его жизни?» [1]. Выставляя это положение, авторы его исходили из клерикально-поповской установки о том, что вся Вселенная создана всевышним творцом и в один прекрасный день также исчезнет по воле творца. Целью такой постановки вопроса было стремление убедить трудящихся, пролетариат в бесплодности и бесперспективности революционной борьбы.

Выступая против подобных взглядов, Якоби блестяще развил перед рабочими читателями газеты «Die Reform» ряд основ научно-философского материалистического мировоззрения.

1. В процессе полемики Якоби поднимает целый ряд философских вопросов и проводит ярко выраженную материалистическую точку зрения, продолжая и развивая лучшие традиции материалистов древнего мира, английских и французских материалистов нового времени.

Вся Вселенная, говорит Якоби, существует не беспорядочно, не изменяется по воле случая, а подчиняется определенным законам. Все, что есть во Вселенной, никем не создано и не возникло из ничего; оно *всегда* существовало и будет всегда существовать. Деятельность материи вытекает из ее свойств, и другой деятельности нет нигде; если тело может изменять свою форму — отделять части, принимать части, менять их взаимное положение, то все же эти части не могут быть совсем уничтожены; в любой форме материя продолжает существовать. Все органическое и неорганическое существует только в данной форме и составе, с тех пор как составляющие его части соединились между собой определенным образом, существуют как таковые. Имели ли они свое начало в другом

[1] «Die Reform» № 44, 31.VIII.1853.

смысле? Сотворены ли они? Образовались ли они иначе, чем из соединения уже существовавших вещей, путем становления из уже существовавшего? Они являются не чем иным, как соединением составных частей, которые, прежде чем они образовали данное тело, существовали уже в тысяче других соединений[1].

Далее Якоби в популярной форме излагает для рабочей массы читателей «Die Reform» круговорот материи на земном шаре и заключает: «во Вселенной никогда не имелось материи ни меньше, ни больше, чем сегодня... Речь идет о том бессмертии, которое не является больше догмой, но есть факт, который не нуждается в вере, потому что он может быть доказан»[2]. Затем Якоби излагает историю возникновения Земли.

2. Вопрос о развитии Якоби связывает с материей, говорит о непрерывном развитии и изменении в природе и таким образом ведет борьбу с философским идеализмом, приписывавшим способность развития только идеям, а также и с механическим вульгарным материализмом, признававшим только одну форму движения в природе — механическую. В данной статье Якоби заключены элементы диалектического материализма. В этом, как уже говорилось выше, заключается наиболее ценная сторона его статьи. Якоби отмечает, что *ни Земля, ни какое-либо другое находящееся на ее пути или составляющее часть ее тело не остаются неизменными, что «стабильность не существует нигде, а изменение и развитие везде»*[3] (курсив наш.— *Т. А.*). Якоби указывает, что в то же время развитие происходит только согласно непреложным законам, а не произвольно. Он переходит к определению понятия «закон» и к рассмотрению вопроса о процессе человеческого познания. Что такое *закон* в природе? Каким путем идем мы к познанию закона? Посредством наблюдения, указывает он, деятельности материи при данных условиях. А что такое деятельность? Не более, как проявление силы тела. «Сила» же есть не что иное, как другое выражение понятия «свойство», которое проявилось в определенном результате. «Не существует никакого свой-

[1] «Die Reform» № 44, 31.VIII.1853.
[2] Там же.
[3] «Die Reform» № 45, 3.IX.1853.

ства, никакой силы, которая не была бы связана неразрывно с материей, но нет также и материи, которая не обладала бы свойствами»[1]. В основе познания закона природы лежит не что иное, как познание свойств тел природы. Понятие «свойство» не существует изолированно, внешне проявляться оно может только посредством деятельности тел. Существует ряд свойств, как способность занимать определенное пространство, непроницаемость, делимость, протяжение, масса и т. д., которые везде и всегда составляют понятие телесности; материю и ее свойства следует представлять неразрывно связанными. «Закон есть познанная нами, абстрагированная и выраженная словами норма, согласно которой при данных внешних условиях возникает данное явление»[2].

Возражая против положений о том, что на Земле могут возникать явления, не вызванные никакими законами, Якоби говорит о герое библии, вооруженном старым притупившимся оружием, о том, что значительно легче быть попом, чем человеком[3]. Он выдвигает теорию естественноисторического развития Земли и жизни на ней, говоря, что благодаря микроскопическому исследованию поле для теории о божественном происхождении жизни на Земле становится у́же и что недалеко то время, когда научные исследования не оставят места для теологических измышлений.

3. От вопросов развития Земли и жизни на Земле автор переходит к интерпретации социальных вопросов, показывая связь их с теориями новейших естествоиспытателей. «Если гибель Земли возможна, то к чему стремления и борьба, битвы людей в человеческом обществе? Если мы подумаем, что все, для чего мы живем и страдаем, в один прекрасный момент разлетится в прах, в чем же наша цель?»[4]. Отвечая на эти вопросы, Якоби выступает пропагандистом идей научного коммунизма. Реакционным призывам к отказу от революционной борьбы он противопоставляет теорию о необходимости классовой борьбы в обществе. Выступая поборником морали того

[1] «Die Reform» № 45, 3.IX.1853.
[2] Там же.
[3] «Die Reform» № 46, 7.IX.1853.
[4] «Die Reform» № 47, 10.IX.1853.

класса, который стремится к революционному переустройству общества — класса пролетариев, он говорит о конечной победе коммунистического общества[1]. Из того,— говорит автор,— что Земля достигла нынешнего состояния в течение миллионов лет и что человечество через миллионы лет, согласно закону природы, может погибнуть, вовсе не следует, что человечество не должно бороться, что отдельный человек не должен трудиться; человек сам есть продукт природы и поэтому он не должен пренебрегать ее законами; он сам возник по необходимости и потому он не должен оглядываться на случайности вроде той, что черепица может проломить ему голову или что пожар может сжечь его дом и близких ему людей. То, чем является человек, он есть, как и всякое природное существо,— по необходимости, необходимости, которая не может быть ни создана, ни уничтожена случайностями, которые, так же как и изменения Земли, не стоят с ним в прямой связи. Мыслящий человек должен думать о том, чтобы заниматься плодотворной деятельностью, которая и принесет ему пользу. Несмотря на то, что остывание Земли продолжается, жители Земли будут счастливее и многочисленнее, так как почва будет давать больше плодов; придет время, когда будут властвовать наука и человек в свободном коммунистическом обществе. Вы спрашиваете,— говорит Якоби,— к чему народная борьба за свободу? К чему уничтожение сотен тысяч живущих, которые с горящим взором идут на смерть за свободу? К чему жертвенная покорность в тюрьмах, оскорбление, ссылка? Поставив эти вопросы, автор отвечает на них полными веры в светлое будущее человечества словами: «Мы надеемся и знаем, что раньше, чем Земля погибнет, раньше «конца света», человечество еще увидит своими глазами свое «тысячелетнее царство», не благодаря какому-либо чуду, а только опираясь на свою собственную силу, и не благодаря какому-то Мессии, а только благодаря самому себе. Мы, сыны нашего времени, которые в мучениях сгибаемся все в новых страданиях, хорошо знаем, что наша задача состоит в том,

[1] Далее дано изложение тех частей статьи Якоби, которые опубликованы в «Die Reform» №№ 47 и 48, 10 и 14.IX.1853.

чтобы сражаться и бороться и приносить жертвы, но мы также знаем, за что мы боремся и что эта борьба будет не напрасной»[1].

Таково содержание статьи Якоби, свидетельствующее о том, что он был страстным поборником революционного материалистического мировоззрения, что он усвоил многие стороны учения Маркса и умел оригинально, творчески, по-своему пропагандировать и отстаивать их.

В ноябре 1853 г. Якоби вместе с другими друзьями основоположников марксизма выступил в печати в защиту Маркса против нападок на него бывшего главы сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 г., А. Виллиха.

Еще в дни кёльнского процесса, 25 октября 1852 г., Маркс писал Энгельсу: «Как только процесс закончится, каков бы ни был его результат, мы оба должны напечатать «Разъяснения для публики» размером в 1 или 2 печатных листа. Более благоприятный момент обратиться ко всей нации не повторится»[2].

В первой половине 1853 г. Маркс опубликовал боевой памфлет под заглавием «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»[3]. В этом памфлете он заклеймил низкие методы расправы прусского государства с деятелями коммунистического движения. Говоря о будущем памфлете, Маркс писал Энгельсу 27 октября 1852 года: «Моя брошюра — это не защита принципов, а памфлет, клеймящий прусское правительство на основе изложения фактов и хода дела»[4]. Одновременно Маркс подверг в своем памфлете резкой критике сектантскую деятельность фракции Виллиха — Шаппера, принесшую немало вреда коммунистическому движению.

Прочитав памфлет, Виллих опубликовал в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal Zeitung» 28 октября и 4 ноября 1853 г. статью под заглавием: «Доктор Карл Маркс и его «Разоблачения»», в которой обрушился на Маркса с клеветой, распространив, в частности, лживое утверждение, будто бы Маркс утаил от рабочих в

[1] «Die Reform» № 47, 10.IX.1853.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 136.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 423—491.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 140.

1849 г. 300 талеров, полученных им взаймы от немецкого демократа Хенце для продолжения издания «Neue Rheinische Zeitung».

Через три дня после опубликования статьи Виллиха, 7 ноября 1853 г., Якоби, совместно с Вейдемейером и Клуссом, не дожидаясь ответа самого Маркса, написали заявление, полностью опровергавшее клеветнические измышления Виллиха. Заявление было опубликовано в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal Zeitung» 25 ноября 1853 года [1].

В заявлении отмечается большое значение для рабочего и демократического движения опубликования работы К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Выпуск этого памфлета был рассчитан прежде всего на Германию, где после окончания кёльнского процесса полицейдиректор Штибер опубликовал клеветническую книгу о тайном заговоре, а прусское правительство похвалялось, что оно навсегда уничтожило революционные организации. Целью работы Маркса было очистить партию от тех позорящих ее обвинений, которые на нее возводились, и разоблачить происки ее врагов. Маркс, подчеркивается в заявлении, вовсе не стремился нажить политический капитал на критике фракции Виллиха—Шаппера и свести личные счеты с ее главарями, как изображал дело Виллих. Критика фракции была необходима, поскольку ее деятельность была связана с кёльнским процессом и использовалась организаторами этого процесса против единомышленников Маркса.

Авторы заявления разоблачают мелочный характер нападок Виллиха на Маркса, их абсолютную бездоказательность, полное отсутствие ссылок на конкретные факты и имена, использование в клеветнических целях грязных инсинуаций в адрес пролетарских революционеров, распространяемых прусскими полицейскими агентами. «Маркс, как всякому известно,— писали авторы заявления по поводу возводимых на Маркса гнусных об-

[1] Экземпляр газеты хранится в справочном кабинете сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; часть этого заявления была опубликована в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, 1902—1903, S. 719—721, а также в книге «Воспоминания о Марксе». М., 1956, стр. 200—202.

винений в присвоении денег, собранных на нужды революционной борьбы,— ни одной строкой не напоминал общественности о своих личных жертвах для революции. Наоборот, ничто не могло бы возмутить его больше, чем обывательское сострадание мелкого буржуа»[1]. Однако перед лицом клеветы со стороны Виллиха и подобных ему озлобленных противников Маркса, его друзья сочли своим долгом обнародовать факты, рисующие те жертвы, которые были Марксом лично принесены во имя дела освобождения трудящихся. «Пусть же, по крайней мере, партия знает цену всем нынешним нападкам на его личность»,— писали они в своем заявлении, отметив бесплатную работу Маркса для десятка социалистических газет, его затраты на вооружение рабочих Брюсселя в начале революции 1848 г., внесение им 7000 талеров из личных средств на издание «Neue Rheinische Zeitung» и революционную агитацию в 1848—1849 годах. В результате июньского поражения парижского пролетариата, указывали авторы заявления, «Neue Rheinische Zeitung» потеряла своих буржуазных акционеров, и Маркс, чтобы покрыть долги газеты, занял 300 талеров, которые ушли на оплату наборщиков, печатников и т. д. «Ни одного гроша из этих денег у него не осталось»[2]. В результате арестов коммунистов в Кёльне в 1851 г. было сорвано печатание ряда работ Маркса в Германии, что нанесло ему новый огромный материальный ущерб.

«Если немецкая рабочая партия позволит,— заканчивали свое заявление Клусс, Вейдемейер и Якоби,— чтобы всякие мерзавцы клеветали на таких людей, как Маркс, который принес в жертву партии не только свой труд, положение, но и состояние и спокойствие своей семьи, тогда эта партия заслуживает того, чтобы каждый произнес ей свой приговор»[3].

Участие Якоби в составлении и опубликовании этого документа имело особо важное значение, так как он сам был обвиняемым на кёльнском процессе. Оно показывает, что Якоби поддерживал борьбу Маркса и Энгельса

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 200.
[2] Там же, стр. 200—201.
[3] Там же, стр. 202.

против мелкобуржуазных сектантско-авантюристских течений, участвовал в разоблачении их представителей перед немецкими рабочими-эмигрантами.

Маркс высоко оценил эту своевременно оказанную ему друзьями помощь. В 1860 г., в памфлете «Господин Фогт», Маркс, вспоминая об этом, писал: «По окончании кёльнского процесса коммунистов стали усиленно распространяться — особенно в немецко-американской прессе — клеветнические вымыслы в стиле Фогта об «эксплуатации» мною рабочих. Некоторые из моих проживающих в Америке друзей — гг. И. Вейдемейер, д-р А. Якоби (практикующий врач из Нью-Йорка, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов) и А. Клусс (служащий в адмиралтействе Соединенных Штатов в Вашингтоне) опубликовали с пометкой: Нью-Йорк, 7 ноября 1853 г. подробное опровержение этой нелепости, заметив при этом, что я имею право *молчать* о своих личных делах, поскольку дело идет о снискании *благосклонности* филистера. «Но когда следует *противопоставить* себя crapule [всякому сброду.— *Т. А.*], филистерам и деморализованным бездельникам, по нашему мнению, молчать вредно для дела, и *мы* нарушаем молчание»» [1].

В ноябре 1853 г. Маркс написал памфлет «Рыцарь благородного сознания» [2], в котором лично ответил на клевету Виллиха. Памфлет был опубликован в январе 1854 г. в Нью-Йорке. Он завершил собой определенный этап борьбы пролетарских революционеров против неустойчивых мелкобуржуазных элементов, примкнувших к рабочему движению.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 677. Позднее также Ф. А. Зорге писал: «Только немногим известно, как много жертв Маркс и его верная подруга принесли во имя своих убеждений. Сколько лишений и страданий они претерпели в то время, когда Маркс создавал свои бессмертные произведения, в то время, когда он открывал и указывал новые пути в важнейших областях науки, в то время, когда он помогал всем, кто искренне стремился бороться за дело рабочего класса!

Несмотря на это, по адресу Маркса беспрестанно распространяли клевету. В ответ на нее три старых боевых товарища Маркса 50 лет тому назад, 7 ноября 1853 года, опубликовали документ, из которого здесь приводятся отдельные места» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 199—200).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 9, стр. 497—527.

Весной 1854 г., когда возникли затруднения с изданием газеты «Die Reform», Якоби поддерживал ее материально, продолжая принимать участие в ее издании. В письме Марксу от 27 марта 1854 г. Клусс писал, что И. Вейдемейер, А. Якоби, К. Шрамм и другие напрягают все силы, чтобы спасти газету[1]. Однако средств не хватало, и в конце апреля 1854 г. газета прекратила свое существование.

Имеются сведения о том, что Якоби писал статьи и для других рабочих и демократических газет, издававшихся в США. Так, в письме Э. Дронке Энгельсу от 21 декабря 1853 г. сообщается, что Якоби пишет статью по поводу направленных против революционных эмигрантов действий прусского посла в Лондоне Бунзена (для какой газеты писалась статья, из письма неясно) [2]. После прекращения издания «Die Reform» Якоби, по-видимому, некоторое время сотрудничал в демократической газете «The German-American» [3].

* * *

Однако вскоре партийная деятельность Якоби стала ослабевать. Многочисленные попытки развить коммунистическую пропаганду среди рабочих США в то время не дали еще непосредственно ощутимых результатов, что отразилось и на Якоби. Другая причина ослабления его партийной деятельности коренилась в чертах его характера. Якоби не был способен длительное время с одинаковым увлечением делать два дела. В США он интенсивно стал заниматься медициной и постепенно ушел в науку, частично отойдя от общественной и революционной деятельности.

В 1857 г. он получает возможность читать лекции по педиатрии в колледже врачей и хирургов в Нью-Йорке. В том же году он стал одним из основателей немецкой амбулатории. В 1858 г. выходит его первое сочинение по педиатрии. В 1860 г. Якоби выпускает труд о дифтерии и лечении этой болезни — первую работу, появившуюся

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 718.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 706.
[3] Клусс — Марксу, 25 мая 1854 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 735).

в Америке на эту тему. С тех пор он очень много пишет по вопросам медицины, а в 1862 г. основывает, совместно с Э. Ноэгиратом, «American Journal of Obstetrics». В 1860 г. Якоби переходит из колледжа врачей в Нью-Йоркский медицинский колледж, куда он был назначен первым профессором впервые созданной в Америке кафедры педиатрии.

Свободолюбивый по своей натуре, всю жизнь являвшийся страстным противником всякой эксплуатации, национальной и расовой дискриминации, Якоби глубоко возмущался рабством негров в южных штатах США. Во время Гражданской войны в Америке между южными рабовладельческими и свободными северными штатами (1861—1865) он вновь встал в ряды защитников свободы в качестве штабного врача в армии северян[1].

В 1865 г. Якоби получил должность профессора-педиатра в Нью-Йоркском университете. Одновременно он работает постоянным врачом и консультантом в ряде больниц и в других организациях. В 1868 г. он является одним из основателей немецкой больницы.

В 1870 г. Якоби перешел на должность клинического профессора по детским болезням в колледж врачей и хирургов, где работал до 1902 г., когда он вышел в отставку со званием заслуженного профессора. Будучи основателем педиатрии в США, Якоби непрерывно работает на этом поприще в Нью-Йорке в течение нескольких десятков лет.

Жена Якоби Фанни Мейер умерла вскоре после замужества еще в 50-х годах XIX века. Вторая жена его тоже жила недолго[2]. В 1873 г. Якоби женился на Мери Патнем, от которой имел дочь. Мери Патнем сама была видным врачом в Америке; она умерла в 1906 году[3].

Начиная с середины 60-х годов и до 1912 года Якоби занимает пост президента многих медицинских обществ (Нью-Йоркского общества патологии, Нью-Йоркского

---

[1] *W. Kaufmann.* «Die Deutschen in Amerikanischen Bürgerkriege». München und Berlin, 1911, S. 515.

[2] Воспоминания Ф. Кугельман о Л. Кугельмане (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 42).

[3] «Medical Record», vol. 96. N. Y., 19. VII. 1919, p. 116.

акушерского общества, Нью-Йоркского государственного медицинского общества, Американского общества педиатров, Ассоциации американских врачей, Американского климатологического общества и др.). В нескольких из этих организаций Якоби явился создателем секций педиатрии, в том числе в Академии медицинских наук в Нью-Йорке, президентом которой он был в 1885—1889 годах. В течение около полустолетия Немецкое медицинское общество в Нью-Йорке ежемесячно собиралось в его доме. Якоби был почетным членом многих медицинских обществ в других городах США (в Филадельфии, Бостоне, Луизвиле и др.) и во многих городах Европы (Вюрцбурге, Берлине, Будапеште, Париже и т. д.), участником почти всех международных медицинских конгрессов, созывавшихся в течение пятидесяти лет (в Копенгагене, Берлине, Риме, Париже и других городах). В 1900 г. ученики и друзья Якоби по профессии в Америке и за границей выпустили сборник статей в ознаменование его 70-летнего юбилея [1].

В 1909 г. в Нью-Йорке вышло собрание медицинских работ Якоби в 8 томах, под заглавием: «Jakobi's Works» («Collectanea Jakobi»). Как писал в 1919 г. доктор медицины С. А. Кнопф, руководства по детским болезням Якоби стали классическими и были переведены на многие иностранные языки [2].

В признание широкой эрудиции и научных заслуг Якоби ему была присуждена степень доктора прав Мичиганским университетом в 1893 г., Колумбийским — в 1900 г., Йелским — в 1905 г., Гарвардским — в 1906 г., Университетом Джефферсона — в 1903 году. В медицинских кругах США Якоби называли мудрым Нестором медицины.

Несмотря на то, что Якоби отошел от революционной политической деятельности, он не отрекся от своих убеждений, остался верен своим партийным связям, продолжал их поддерживать в 50—60-х годах, непосредственно или через друзей. В письме от 16 мая 1854 г. Вейдемейер

---

[1] «Festschrift». New York, 1900.

[2] «New-York Medical Journal». N. Y., 19. VII. 1919, p. 114.

сообщает Энгельсу: «Если ты хочешь писать, пиши по адресу — д-р А. Якоби, Нью-Йорк, Форзайт-Стрит, 50; практика Якоби налаживается»[1]. 25 мая 1854 г. в письме Клусса Марксу мы читаем: «Я вновь установил связь с Якоби... он посылает тысячу приветствий *специально* тебе, а также всем другим»[2]. Следя за судьбой своего товарища, Маркс пишет 17 июля 1855 г. Энгельсу: «Дела Якоби идут хорошо; его «серьезный» и «сдержанный» характер нравится янки»[3]. В январе 1857 г., когда Маркс собирался установить связь с газетой «New-York Times», он писал Энгельсу: «Я думаю негласно обратиться туда через д-ра Абраама Якоби... Я напишу ему в ближайший вторник»[4]. В декабре 1857 г. рабочий Камм писал Марксу из Нью-Йорка: «Что делают наши друзья — Дронке, Имандт, Шили, Энгельс?.. Сердечный привет им от меня и Якоби»[5].

Выше уже отмечалось, что Якоби не остался в стороне от борьбы демократических сил США против олигархии рабовладельцев-плантаторов и принял участие в Гражданской войне в Америке на стороне Севера.

В 1864 г. Маркс, отправляя в США двух золлингенских рабочих, дал им записку к Якоби. «Кстати,— писал Маркс Энгельсу,— узнаем, что̀ теперь представляет собою этот маленький скромник»[6].

Сторонники Маркса в Америке неоднократно делали попытки привлечь Якоби к активной партийной деятельности. Зигфрид Мейер, деятель Интернационала в США, сообщает Марксу 3 декабря 1866 г., что нашел для Якоби экземпляр «Коммунистического манифеста», чем доставил ему большую радость»[7]. Мейер просит Маркса помочь достать для него, Мейера, и для Якоби экземпляры «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» и «New-York Daily Tribune» со статьями Маркса.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 732.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 735.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 378.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 79.
[5] Камм — Марксу, 19 декабря 1857 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 945).
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 191.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1682.

В конце апреля 1867 г. Якоби посылает к Марксу с рекомендательным письмом своего и Вейдемейера многолетнего друга Германа Мейера [1].

В 1867 г. между Либкнехтом и Марксом, а также между Кугельманом и Марксом ведется переписка о том, чтобы поручить Якоби написать рецензию на «Капитал» [2].

Однако прежняя тесная связь Якоби с Марксом и его партийными друзьями больше не налаживалась. Г. Мейер писал Марксу 26 января 1868 г., что ему пришлось бросить Якоби упрек в равнодушии к партийной работе. На это, по его словам, Якоби ответил, что он не изменил партии, однако всецело отдался медицине [3].

Маркс и Энгельс также с неодобрением относились к отходу Якоби от практической партийной работы, осуждая его за пассивность, за его невнимательность к материальным нуждам своих партийных товарищей [4]. В то же время, как мы видели выше, они продолжали считать Якоби своим сторонником и единомышленником. И Маркс для Якоби, революционера по духу, продолжал служить прекрасным воплощением великого борца за освобождение человечества [5]. До конца своих дней он преклонялся перед Марксом, перед его памятью, гордился тем, что был когда-то близок к этому великому человеку. Отдав все свои силы и знания исключительно своей специальности, Якоби тем не менее на протяжении своей жизни продолжал сохранять непримиримое отношение к любым проявлениям деспотизма. В конце XIX — начале XX века Якоби предлагали профессуру в кайзеровской Германии, но он отказался от этого предложения [6]. Не принимая

[1] Якоби — Марксу, конец апреля 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1698).

[2] Либкнехт — Марксу, 25 апреля 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1697); Кугельман — Марксу, 3 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1780).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1815; см. также Мейер — Кугельману, 1 июня 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 8).

[4] Маркс — Кугельману, 25 октября 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 481).

[5] Кугельман — Марксу, 23 октября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1677).

[6] «Festschrift», p. VIII; «New-York Medical Journal». N. Y., 1919, p. 114; «Dictionary of American Biography», vol. IX. Ld., 1932, p. 563; *C. Schurz*. «Jounglingsjarhe in Deutschland». Berlin, 1913, S. 171.

практического участия в социалистическом движении, Якоби всегда оставался верен идеалам своей юности и с теплотой вспоминал о своем участии в деятельности Союза коммунистов. Есть основание считать, что в последние годы жизни, он продолжал собирать материалы по истории этой организации, намереваясь опубликовать их.

Летом 1918 г. на летней даче, где жил Якоби, в Лейк-Джордже (Болтон) произошел пожар. Жизни Якоби угрожала опасность, и он спасся, только выпрыгнув из окна. Он работал в то время над своими воспоминаниями, и почти все материалы, накопленные за 70 лет, погибли. Как замечает автор статьи о Якоби в журнале «Medical Record», опубликованной 19 июля 1919 г., это была незаменимая потеря для истории медицины и для истории событий 1848 г. в Европе. Из этого высказывания явствует, что на склоне лет Якоби стремился осветить в своих мемуарах не только свою научную деятельность, но и свое участие в революционной борьбе.

Якоби умер 10 июля 1919 г. на 90 году жизни в Лейк-Джордже. На траурном митинге в Академии медицинских наук в Нью-Йорке, где Якоби активно сотрудничал в течение 60 лет, в речах и адресах отмечалось, что «1848 год дал Америке самое лучшее, что мог дать».

Абраам Якоби принадлежал к поколению соратников Маркса и Энгельса, работавших под их непосредственным руководством в период основания ими первой международной пролетарской коммунистической организации — Союза коммунистов. Он был активным деятелем Союза в Германии и США, одним из первых восприемников учения Маркса, в частности, философии марксизма, и пропагандистом идей научного коммунизма. Жизнь и деятельность Якоби тесно связана не только с историей медицины, в развитие которой он внес солидный вклад, но и с историей пролетарского освободительного движения по обе стороны океана.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. Сборник статей. К 145-летию со дня рождения Карла Маркса. М., Госполитиздат, 1963.
620 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).
3К14 + 3К16

Оформление художника *Г. Л. Дейча*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Н. В. Егорова* и *Е. И. Щукина*

Сдано в набор 4 февраля 1963 г. Подписано к печати 23 апреля 1963 г. Формат 84 X 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 19¹/₂. Условн. печ. л. 31,98. Уч.-изд. л. 32,64. Тираж 15 тыс. экз. А 03059. Заказ № 1086. Цена 85 коп.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.